

Книгоиздательство „ЖИЗНЬ и ЗНАНИЕ“

Петроградъ, Поварской пер., д. 2, кв. 9 и 10. — Тел. 227 — 42.

Академикъ А. Н. ВЕСЕЛОВСКІЙ.

В. А. ЖУКОВСКІЙ.

ПОЭЗІЯ ЧУВСТВА И „СЕРДЕЧНАГО ВООБРАЖЕНІЯ“.

Съ приложеніемъ шести фототипій.

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія „Научное Дѣло“. Загородный пр., № 74.

1918.

Съ такимъ товарищемъ не скученъ скучный путь,
Веселый—веселѣ вдвое.

(Жуковскій).

Александръ Семеновичъ Зсвой

во неизмѣнной дружбѣ

Александръ Веселовскій.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Двѣ біографіи В. А. Жуковскаго написаны были его современниками; Плетневъ зналъ его во вторую половину его жизни, Зейдлицъ болѣе другихъ посвященъ былъ въ сердечныя тревоги его юности; обѣ характеристики сошлись въ томъ идеальномъ, я сказалъ бы, нѣсколько иконописномъ образѣ, въ какомъ мы и представляемъ себѣ поэта. Загаринъ попытался поставить его, и не всегда удачно, въ отношеніи среды, которая его воспитала, въ новыя литературныя теченія, которыя его охватили; но образъ остался тотъ же, только юношескій энтузіазмъ Зейдлица смѣнился тономъ панегирика. Образъ, написанный широкими полосами свѣта; идеализація часто напоминаетъ старую монету, на которой видны одни контуры, и исчезли мелкіе штрихи. Намъ важны именно эти мелкія черты, трепещущія жизнью; онѣ объясняютъ намъ многое въ Жуковскомъ, человѣкѣ и поэтѣ, потому что большая часть Жуковскаго—въ его поэзіи.

Для такой реальной характеристики собралось значительное количество матеріаловъ со времени появленія книги Загарина, встрѣченной превосходной критикой Тихонравова. Въ особенности работы И. А. Бычкова по изслѣдованію бумагъ Жуковскаго, изданію его писемъ и дневниковъ, и „Остафьевскій Архивъ“ съ драгоценными примѣчаніями В. И. Сажтова принесли множество новыхъ свѣдѣній; иныя разсѣяны по журналамъ. Мнѣ самому довелось воспользоваться нѣкоторыми неизданными пока документами, освѣщающими ту или другую часть біографіи поэта. Многое остается еще подъ спудомъ ¹⁾, или еще не найдено, если сбереглось, какъ напр. дневники Андрея Тургенева и А. С. Кайсарова; иное еще готовится къ изданію. Неизвѣстныя доселѣ письма Жуковскаго къ А. Мальтицу, изъ картоновъ Фарнгагена фонъ Энзе, явятся вскорѣ въ работѣ проф. И. А. Шляпкина: „Изъ послѣднихъ лѣтъ жизни Жуковскаго“, этюдъ къ сочиненію: „Фарнгагенъ фонъ Энзе и его русскія отношенія“;

¹⁾ По сообщенію П. Е. Рейнбота, въ Гете-Шиллеровскомъ архивѣ въ Вейхрхенгаузенѣ хранятся письма Жуковскаго къ канцлеру фонъ-Миллеру: одно отъ 12 мая 184 года (изъ Франкфурта на Майнѣ), другое безъ даты (почтовый штемпель: Франкфуртъ на Майнѣ 14 іюня 1846 г.); въ обоихъ рѣчь идетъ объ Арзамасѣ.

письма касаются перевода Одиссеи, взглядов Жуковского на событія 1848 года и его историко-философскихъ воззрѣній.—Лишь при корректурѣ послѣдняго листа я могъ познакомиться, благодаря любезности А. Е. Грузинскаго, съ первыми листами редактируемаго имъ собранія писемъ Жуковского (къ Елагиной, Зонтагъ и И. А. Мойеръ, послѣднихъ до ста) ¹⁾. Новыя письма Жуковского, изъ которыхъ нѣкоторыя напечатаны были лишь въ отрывкахъ, принесутъ, вѣроятно, неизвѣстныя намъ біографическія подробности, дополнятъ и исправятъ хронологію его поэтическихъ произведеній ²⁾, но, судя по его накапливающейся постепенно корреспонденціи, мы не ожидаемъ новыхъ психологическихъ откровеній. Несмотря на свою сказочную лѣнь къ письмамъ, Жуковскій писалъ много, люди его кружка, Александръ Ивановичъ Тургеневъ и Булгаковъ, даже грѣшили эпистолярнымъ изобиліемъ; и всѣ они повторялись. Повторялся и Жуковскій, вращаясь въ той же фразеологіи, въ томъ же кругѣ идей, ставшихъ общими мѣстами: о прелести воспоминанія—и уединенія въ „миломъ кругѣ“, съ „подругой тишиной“, безъ надеждъ, но съ вѣрой въ Провидѣніе, въ очистительную силу страданія и т. д.

¹⁾ Владѣлица этихъ писемъ —М. В. Беэръ, рожд. Елагина, дочь Екатерины Ивановны Мойеръ.

²⁾ Въ одномъ изъ писемъ, предоставленныхъ мнѣ А. Е. Грузинскимъ, Жуковскій сообщаетъ Елагиной въ ноябрѣ 1818 года, что занятъ своими „грамматическими таблицами“, и, когда онѣ кончатся, снова сдѣлается поэтомъ. „До тѣхъ поръ потерпите!.. En attendant вотъ вамъ стихи, *произведеніе минуты мимо пролетѣвшей, слѣдовательно, вамъ не должно выводить изъ этой пѣсни никакихъ заключеній*“. Она написана для Вадковской, которая и лицомъ и голосомъ (когда поетъ) похожа на Анну Ивановну (Плещееву). Натурально, что съ этимъ лицомъ и съ этимъ голосомъ тѣсно связано прошлое. Но не думайте, чтобы настоящее было дурно: я имъ доволенъ. Въ моемъ теперешнемъ положеніи много жизни; и я нахожу его часто прекраснымъ, точно по мнѣ. Однимъ словомъ, вообще не желаю переменъ, и воспоминанія прошедшаго не иное что, какъ сонъ, который слѣда не оставляетъ, который *дѣйствуетъ* только по тѣхъ поръ, пока *длится*—и тотъ сонъ рѣдокъ; настоящее хорошо.—Слѣдуетъ стихотвореніе: „Минувшихъ дней очарованье“, напечатанное въ томъ же году въ изданіи „Для немногихъ“. Зейдлицъ (а за нимъ Ефремовъ, проф. Архангельскій и я) отнесъ его къ 1816 году, къ настроенію котораго оно дѣйствительно подходитъ. Зейдлицъ могъ ошибиться въ хронологіи, но и Жуковскій могъ набросать стихотвореніе ранѣе, чѣмъ обработалъ его для голоса Вадковской—и для печати; либо написать его и въ 1818 году, среди „грамматическихъ таблицъ“, когда на него налетало воспоминаніе, и онъ записывалъ въ дневникѣ, что онъ и доволенъ настоящимъ, и знаетъ на землѣ „одно потерянное счастье“ (сл. далѣе стр. 250).—Сестры Вадковскія, Екатерина Ѳеодоровна (съ 1820 г. замужемъ за Н. И. Кривцовымъ, сл. Остафьевскій Архивъ, I, стр. 496) и Софья Ѳеодоровна (вышедшая за П. М. Безобразова въ 1816—или въ 1818 г., во второмъ бракѣ за Темирязовымъ; сл. Остафьевскій Архивъ, II, стр. 404, III, стр. 180) были дочерями сенатора Ѳ. Ѳ. Вад-

Особенно печально, что я не могъ воспользоваться для своей работы письмами М. А. Протасовой-Мойеръ. Отъ нея извѣстны были лишь обрывки писемъ и дневника ¹⁾; все остальное досказано Жуковскимъ и его друзьями; ея тихій образъ рисуется намъ въ отраженіи ихъ симпатій, нерѣдко заглазныхъ, направленныхъ симпатіями Жуковского. Она была не только предметомъ его юношескаго увлеченія, но и во многихъ отношеніяхъ его духовной дочерью; писала прекрасно ²⁾, и намъ интересно будетъ встрѣтить въ живомъ словѣ заявленіе ея личности, такъ рѣдко сказывающейся въ общихъ формулахъ сентиментализма.

Жуковскимъ онѣ овладѣли настолько, что абстрактный идеалъ семьи, какъ горнила нравственнаго преуспѣянія и счастья, заслонялъ въ немъ моментъ *личнаго* увлеченія ³⁾. Это не безразлично для оцѣнки его поэтическаго „строя“. М. А. Протасова несомнѣнно вдохновила чающую и унылую поэзію его первой поры; онъ мечталъ о *своей семьѣ*, въ которой бы царила его Маша, и разстался съ этой надеждой послѣ тяжелой борьбы. 14 января 1817 года Марья Андреевна вышла замужъ за Мойера; въ ноябрѣ того же года Карамзины ищутъ для Жуковского невѣсту ⁴⁾, но уже въ февралѣ она

ковскаго отъ брака съ графиней Екатериной Ивановной Чернышевой, сестра которой, Анна Ивановна, въ 1799 г. вышла замужъ за Александра Алексѣевича Плещеева, двоюроднаго брата Маріи Андреевны и Александры Андреевны Протасовыхъ, — и большого пріятеля Жуковского. Очень вѣроятно, что стихи его обращены были къ С. Ѳ. Вадковской, извѣстной красавицѣ, которую впоследствии воспѣвалъ и князь Вяземскій („Къ С. Ѳ. Безобразовой“, Полное собр. соч. кн. Вяземскаго, III, стр. 272—4, подъ 1822 г.).

¹⁾ Разумѣю ея нѣмецкій дневникъ, писанный за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти (сл. далѣе стр. 217—8). Въ письмѣ къ Елагиной 1 января 1831 года, сообщенномъ мнѣ А. Е. Грузинскимъ, Жуковскій приводитъ изъ него большія выдержки. Въ немъ она писала Зейдлицу, что посылаетъ ему „die Weihrauchschen Lieder zum Geschenke und meinen Ring zum Andenken“ (сл. далѣе стр. 220).

²⁾ „Знаешь ли ты, у кого ты выучился писать? спрашивалъ Жуковскій И. В. Кирѣвскаго, — у твоей матери. Я не знаю никого, кто бы лучше писалъ ея. Она (А. П. Кирѣвская-Елагина), Марья Андреевна (Протасова-Мойеръ) и Александра Андреевна (Воейкова) — вотъ трое. Александра Андреевна писала прекрасно: il y avait du génie dans son style“. Полное собр. соч. И. В. Кирѣвскаго, т. I, письмо 12 января 1830 г. У Елагиной „чудное чутье поэзіи (да и по-русски пишетъ она, какъ никто), именно той поэзіи, которая заключается въ томъ je ne sais quoi, которое всюду и нигдѣ“ (Жуковскій къ А. П. Зонтагъ, 6/18 апрѣля 1849 г.). Интересны въ отрывкахъ писемъ А. П. Елагиной къ Жуковскому (6 ноября и 1 декабря 1831 г.) ея отрицательный отзывъ о темѣ „Странствующаго Жида“ и осужденіе статьи „О смертной казни“ (сл. далѣе стр. 331 отзывъ Аксакова). Жуковскій защищался, укрываясь и противорѣча себѣ, въ письмѣ изъ Бадена 3/15 января 1831 г. (сообщеніе А. Е. Грузинскаго).

³⁾ Сл. далѣе гл. VIII, стр. 265 слѣд.

⁴⁾ Сл. далѣе стр. 251.

найдена: ее звать Анетой, Жуковскому говорить, что онъ ей приглянулся, хвалить ее характеръ, она необыкновенно умна, сердце прекрасное, но „она принадлежитъ къ одному изъ первыхъ домовъ Лифляндіи“; удовлетворится ли она его кругомъ? Надо съ ней поближе познакомиться, ибо онъ хочетъ „имѣть вѣрную привязанность, основанную на знаніи характера, на согласіи образа мыслей о счастіи“. Онъ видѣлъ ее въ Петербургѣ, въ мартѣ она вернется въ Дерптъ, и у него будетъ „способъ что-нибудь узнать“. Долженъ ли онъ оттолкнуть этотъ случай? Уѣхавъ изъ Дерпта, „я рѣшительно откажусь, какъ слѣпой, добровольно не давъ себѣ даже взглянуть на то, что само шло ко мнѣ навстрѣчу. Со всѣмъ тѣмъ этотъ мартъ меня пугаетъ: сердце молчитъ! Въ немъ совершенно нѣтъ никакого яснаго, рѣшительнаго желанія! Единственная связь между мною и ей есть та привязанность, которую я въ ней къ себѣ предполагаю. И эта связь можетъ быть сильной, теперь однако нѣтъ ничего! И я нахожу въ себѣ одно только безпокойное ожиданіе, чувство болѣе непріятное, чѣмъ пріятное! Я даже думаю, что обрадуюсь, когда увижу что меня обманули: что этой привязанности ея ко мнѣ нѣтъ и не бывало“¹⁾.

Въ мартѣ 1819 года до Елагиной дошли слухи, что Жуковскій женится на С. М. Карамзиной; {въ ноябрѣ она пишетъ о какой-то его *nouvelle espérance* и проситъ вывести ее изъ тревожнаго ожиданія. То была пора увлеченія Жуковского графиней С. А. Самойловой, оставившей слѣдъ въ его „мадригальной“ поэзіи²⁾. Ему хотѣлось бы жениться, писалъ о немъ Карамзинъ, „но при дворѣ не такъ легко найти невѣсту для стихотворца, хотя и любимого“³⁾.

Въ 1831 году матримоніальный вопросъ обновляется. До кн. Вяземскаго дошли слухи, что Жуковскій женится на княжнѣ Хилковой⁴⁾; въ томъ же году Зонтагъ сватаетъ ему графиню Н. Г. Чернышеву, не называя ея. „Можетъ быть, я сказалъ бы вамъ *да*, если бы вашими и своими глазами глядѣлъ на вашу безыменную закорючку, если бы былъ съ вами,—отвѣчаетъ Жуковскій. Расшевелить меня легко! Помните ли Корсаковыхъ? Но ему хотѣлось бы знать что-нибудь объ этой безыменной, ея „*le cher à moi*, каково оно? Не худо знать и то, что присоединяется извнѣ къ *le cher à moi*“. „Я все поджидалъ, что Провидѣніе какъ-нибудь за меня похлопочетъ и пришлетъ мнѣ жену. Самому хлопотать мнѣ было некогда. Но Провидѣніе ничего не сдѣлало; *вѣрно не суждено мнѣ, чтобы у меня*

¹⁾ Къ Юшковой-Зонтагъ 4 февраля 1817 г. (сообщеніе А. Е. Грузинскаго).

²⁾ Сл. далѣе стр. 253 слѣд.

³⁾ Сл. далѣе стр. 262.

⁴⁾ Сл. далѣе стр. 263, прим. 1.

была моя семья. Лѣта между тѣмъ подоспѣли и сдѣлали меня весьма нерѣшительнымъ. Одиночество тяжело и грустно подъ старость, но съ семейной жизнью сколько заботъ и зависимости! Онъ „про себя богатъ“, и тѣмъ, что теперь имѣетъ, „могъ бы дать жить семьѣ“ ¹⁾.

Все это объясняетъ его неясныя мечтанія 1833 г. и венеціанское четверостишіе 1838 г.: „еще могу попрежнему любить“ ²⁾.

Личный моментъ лирики Жуковского понять былъ у насъ слишкомъ односторонне; данныя, собранныя мною и подтвержденныя новыми письмами Жуковского, введутъ этотъ моментъ въ надлежащія границы, въ большемъ соотвѣтствіи не только съ качествомъ чувства, но и съ нравственными и житейскими идеалами поэта.

Таковы матерьялы, накаплиющіеся для біографіи реальнаго Жуковского. Біографія эта не будетъ носить заглавія: Жуковский и его время,—еще при его жизни время его опередило; скорѣе такое: Жуковский и его друзья. Онъ долго былъ и оставался поэтомъ кружка, вышедшаго изъ карамзинской школы; тургеневскаго, поддѣвиченскаго, арзамасскаго, и не его führender Geist, а нравственное средоточіе, сердце. Люди кружка могли расходиться съ нимъ во многомъ, отставали отъ него или его опережали; вліяніе его поэзіи, мечтательной и патріотической, захватило широкіе общественные слои, а друзья попрежнему оглядывались на него, какъ на своего: это было ихъ лучшее, чистое прошлое, которымъ они себя провѣряли. Жуковского журили—и берегли и поднимали на щитъ, гордясь его литературной славой; собирали его стихи, ждали его писемъ, чтобы послушать его тихое, гуманное слово, внести его въ свой альбомъ и зажечь свои „фонари“ отъ его мирнаго огня; и сами шли къ нему съ душевной исповѣдью. Онъ же сохранился, какъ былъ, не только въ силу того, что долгое пребываніе за границей отчудило его отъ движенія русской живой дѣйствительности, но и по своей въ высшей степени консервативной натурѣ, все перерабатывавшей въ свою мѣру и прокъ. Такъ могло случиться, что на разстояніи тридцати слишкомъ лѣтъ онъ очутился на берегахъ Рейна съ идеалами „бѣлевскаго жителя“, въ такой же „сельской кушѣ“, какая ему снилась въ Муратовѣ. Годы проходили мимо него, какъ столѣтія мчались мимо „Странствующаго Жида“, пролетѣла пушкинская пора, байронизмъ, реализмъ и то, что называется русскимъ романтизмомъ; все это скользнуло по немъ, а онъ все тотъ же. Мѣнялись предметы его привязанностей, не мѣнялось чувство въ сознаніи испытанной

¹⁾ Къ Зонтагъ 24 мая 1832 года (сообщено А. Е. Грузинскимъ).

²⁾ Сл. далѣе стр. 387—8.

любви и дружбы, облагородивших его душу. Прошлое овладѣло настоящимъ; царило воспоминаніе.

Все это находило выраженіе въ его поэзіи; въ его балладахъ или идилліяхъ, повидимому не навѣянныхъ пережитымъ, есть невидимый элементъ признанія, confession, отъ Эпимесиды или Теона—до Одиссеи. Онъ ублаканъ своимъ семейнымъ счастьемъ—и любитъ дѣтской простотой Гомера, но когда онъ падаетъ подъ тяжестью семейнаго креста и сѣтуетъ о томъ въ письмахъ къ друзьямъ,—онъ переводитъ „Выборъ креста“ изъ Шамиссо. Его переводы и усвоенія чужихъ поэтическихъ произведеній, составляющіе три четверти его литературнаго наслѣдія, отвѣчаютъ тѣмъ же требованіямъ: выбирались лишь тѣ, или то изъ нихъ, что отвѣчало его внутреннему содержанію, потребности его выразить, прививъ къ чужой идеѣ свою собственную. Содержаніе это было—міръ души, воспитаніе довлѣющей себѣ и Богу личности, „души“ Карамзина. Воспитаніе началось въ мечтательномъ уединеніи Бѣлева, удалось въ изолированности петербургской придворной сферы, завершилось въ отчужденности Дюссельдорфа и Баденъ-Бадена. Жуковский не закрывалъ глаза на происходившую вокругъ него общественную борьбу, но не понималъ ея; ему противны стали и Онѣгины и Герои нашего времени, эти „бѣсы“, расплодившіеся отъ „Вертера“ и „Донъ-Жуана“. Все дѣло въ „душѣ“, въ довѣріи къ Промыслу; герой его неоконченной поэмы, единственной, обѣщавшей быть самостоятельной, приходитъ къ сознанію, что счастье—въ отреченіи отъ собственной воли, въ ея подчиненіи волѣ Божьей.

Уѣзжая въ 1841 году за границу для женитьбы, онъ утѣшалъ А. П. Зонтага, потерявшаго мужа: „Гёте сказалъ про поэзію:

Lied und Freude wird Gesang.

Онъ правъ—поэзія единственное вѣрное земное утѣшеніе. Но Гёте, если бы могъ, долженъ бы былъ выразить это и такъ:

Lied und Freude wird Gebet“ ¹⁾.

„Vous êtes transparent, bon Joukovsky“, писала ему графиня Разумовская. Онъ дѣйствительно прозраченъ, хрустальная душа, какъ говорилъ Пушкинъ, но не всякому удавалось такъ часто уединяться отъ толпы и уличнаго движенія, чтобы столь дѣвственно соблюсти свою прозрачность. Поэзія Жуковского—это поэзія сентименталиста карамзинской эпохи, прожившаго на островахъ блаженныхъ въ ожиданіи будущаго, которое осуществило бы идеалы его прошлаго.

¹⁾ Письмо 29 ноября 1839 г., сообщ. А. Е. Грузинскимъ.

Оттого такъ искренне-мечтательна и тосклива его пѣсня, когда онъ—
весь налицо.

Я коснулся лишь нѣсколькихъ общихъ положеній моей книги, которую я не рѣшился назвать біографіей. Читатели найдутъ въ ней нѣсколько дотолѣ неизвѣстныхъ матеріаловъ, за сообщеніе которыхъ, равно какъ за цѣнныя указанія и помощь, приношу мою искреннюю благодарность проф. А. С. Архангельскому, гр. А. А. Бобринскому, И. А. Бычкову, А. Е. Грузинскому, Н. Ѳ. Дубровину, П. В. Жуковскому, Н. К. Кульману, Е. А. Чѣве, Б. Л. Модзалевскому, А. Ѳ. Онѣгину, П. К. Симони, Е. Е. Рейтерну, гр. А. А. Толстой, А. С. Усовой, А. А. Шилову, В. Ѳ. Шишмареву и А. А. Ѳомину. Благодаря Н. Ѳ. Дубровину я могъ воспользоваться нѣкоторыми дневниками Ал. И. Тургенева, доставленными его племянникомъ, П. Н. Тургеневымъ. Письма братьевъ Тургеневыхъ, Александра, Николая и Сергѣя, готовитъ къ изданію, по порученію Отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ, А. А. Ѳоминъ, въ копіи котораго я познакомился съ письмами Андрея И. Тургенева; письма Александра И. Тургенева, еще не приведенныя въ порядокъ, были мнѣ доступны въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ это было желательно. Нѣсколько данныхъ я могъ почерпнуть изъ писемъ Жуковского къ императору Николаю I и къ императрицѣ Александрѣ Ѳедоровнѣ, печатаемыхъ А. А. Ѳоминимъ въ изданіяхъ того же Отдѣленія, и изъ альбомовъ Жуковского, недавно принесенныхъ въ даръ Имп. Публичной Библіотекѣ его сыномъ, П. В. Жуковскимъ.

Будущій біографъ поэта будетъ, безъ сомнѣнія, богаче меня фактами, либо не открытыми доселѣ, либо недосмотрѣнными мною. Послѣдней возможности я не отрицаю; но для меня всего важнѣе вопросъ: угадалъ ли я общее настроеніе, отвѣтилъ ли требованіямъ объективности безпристрастнымъ выборомъ матеріала, предоставляющимъ читателю выводы и оцѣнку? Къ этой объективности я стремился, сознавая, что она всецѣло недостижима. Я старался направить анализъ не столько на личность, сколько на общественно-психологическій типъ, къ которому можно отнести отвлеченнѣе, внѣ сочувствій или отверженій, которыя такъ легко заподозрить къ лицепріятіи.

ВВЕДЕНИЕ.

Немного осталось между нами людей, которые въ юности зачитывались балладами Жуковского, трепетно заглядывали въ неприступную темноту лѣса, съ кивающими сквозь черныя вѣтки призраками („Ундина“), а нѣсколько позже мечтали о таинственномъ „Цвѣтѣ завѣта“, въ листкахъ котораго „милое цвѣтетъ воспоминанье“. „Овсяный кисель“ не интересовалъ, слишкомъ торжественнымъ казался пафосъ „Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ“, манило чудесное, фантастическое, міръ воспоминаній и чаяній въ лунномъ сіяніи котораго настоящее почти исчезало. Все это поднимало юное чувство, настраивая его страстно, дѣвственно и недѣятельно—и все это входило когда-то въ понятіе *романтизма*.

Понятіе неопредѣленное для сверстниковъ Жуковского и ближайшаго къ нему литературнаго поколѣнія; въ немъ было болѣе инстинкта, чѣмъ сознанія; въ опредѣленіи не условились и теперь еще ¹⁾, тѣмъ болѣе въ ту пору, когда наша критика руководилась готовыми формулами романтизма (Сталь, Шлегель) и мѣрила ими нашу поэзію, самостоятельно и не по теоріи воспринимавшую новыя теченія западной. Оттуда неизбежныя недомолвки и недоумѣнія. „Не знаешь ли ты на нѣмецкомъ языкѣ разсужденій о романтическомъ родѣ? писалъ князь Вяземскій романтику Жуковскому 23 декабря 1824 г.—Спроси у Блудова, нѣтъ ли также на англійскомъ, мнѣ хочется написать объ этомъ и прочесть все сказанное. Романтизмъ, какъ домовой; многіе вѣрятъ ему; убѣжденіе есть, что онъ существуетъ, но гдѣ его примѣты, какъ обозначить его, какъ наткнуться на него палецъ?“

¹⁾ Сл. хотя бы Brunetière, „Études critiques“, III, 300.

Пушкина уже успѣли приписать къ романтикамъ, а въ 1825 году (25 мая) онъ пишетъ кн. Вяземскому: „Я замѣтилъ, что всѣ (даже ты) имѣютъ у насъ самое темное понятіе о романтизмѣ. Объ этомъ надо будетъ на досугѣ поговорить“.

Разумѣется, романтики—новаторы, не уважающіе славнаго преданія, отрицающіе правила искусства, ищущіе угодить толпѣ выборомъ предметовъ новыхъ, неслыханныхъ, невѣроятныхъ, пишущіе „на новый ладъ“ (Мерзляковъ, Катенинъ). Въ этомъ смыслѣ „афинскій романтикъ“ Еврипидъ такой же „литературный раскольникъ“, какъ современные романтики ¹⁾. Съ формальной точки зрѣнія протестъ противъ новаго литературнаго направленія продолжалъ борьбу пишковистовъ съ карамзинистами, но онъ требовалъ и новой теоретической подкладки: что такое романтизмъ?

Всего менѣе разумѣли подъ этимъ словомъ ту нѣмецкую литературную школу, которая, сплотившись на границѣ двухъ столѣтій, успѣшила оправдать себя теоріей и назвала себя романтической. Для Жуковскаго, романтика и германофила, она-то по преимуществу и должна идти въ счетъ; французская романтическая школа его не коснулась. Именно, понятія теоріи, школы надо держаться, чтобы найтись методически и исторически въ значеніяхъ, безразлично соединяемыхъ со словомъ романтизмъ. Англичане напр. говорятъ о своемъ романтизмѣ XVIII вѣка съ Греемъ, Томсономъ, Юнгомъ, балладами Перси и робкимъ обновленіемъ Шекспира. Такимъ образомъ можно дойти и до Руссо, у насъ не только до Карамзина и Озерова (кн. Вяземскій), но и до Державина-романтика (Марлинскій); орудія терминомъ романтизма на столь широкихъ пространствахъ, мы никогда не уловимъ частныхъ эволюцій, изученіе которой требуетъ менѣе растяжимыхъ формулъ.

Такое растяженіе понятія наблюдается въ нашей критикѣ 20—30-хъ годовъ, распространившей обозначеніе романтизма на предшествовавшую ему эпоху, охватывая не только Гёте и Шиллера, но и литературу Sturm-und-Drang'-а и опредѣлившія ее англійскія вліянія. Смѣшеніе понятное именно у насъ: отъ періода „бури и натиска“ до романтиковъ развитіе пошло такъ быстро, что мы не успѣвали разобраться въ его послѣдовательности и принимали оптомъ нагрянувшія литературныя откры-

¹⁾ Сл. Катенинъ, „Размышленія и разборы“, статья 2-я, „Литературная газета“ 1830 г., т. I, № 11, стр. 87. Къ романтикамъ причисленъ и Giralaldi Cintio.

венія, обѣщавшія освободить насъ отъ торжественнаго и галантнаго псевдоклассицизма.

Было и еще опредѣленіе романтизма, выставленное нѣмецкими романтиками: романтическими назывались самобытныя теченія христіанской литературы отъ трубадуровъ и Данте до Шекспира, Сервантеса и далѣе—въ противоположность классицизму и его позднѣйшимъ переживаніямъ. Новѣйшій романтизмъ представлялся возрожденіемъ средневѣковаго, феодальнаго и народно-христіанскаго (Шлегель, Сталь, Гейне).—Либо дѣлили Европу на классическую и романтическую по народностямъ латинскаго и германскаго происхожденія: мнѣніе, противъ котораго возсталъ Пушкинъ ¹⁾.

Въ какомъ изъ этихъ значеній называли и еще называютъ Жуковского романтикомъ? Самъ онъ говорилъ о себѣ, какъ о родителѣ „на Руси нѣмецкаго романтизма“ и поэтическомъ дядькѣ „чертей и вѣдьмъ нѣмецкихъ и англійскихъ“. Но чертовщина, привидѣнія и сказочные страхи вовсе не показаніе исключительно романтизма: ихъ воздѣлывала съ лихвой банальная литература волшебныхъ, разбойничьихъ и т. п. романовъ, въ родѣ произведеній Шписа, у котораго Жуковский взялъ сюжетъ своихъ „Двѣнадцати спящихъ дѣвъ“. Бюргеръ не романтикъ въ смыслѣ школы, и если Жуковского прозвали „балладникомъ“, то князь Вяземскій не былъ въ правѣ назвать его „свободнымъ рыцаремъ романтизма“, когда побуждалъ его вернуться къ балладамъ. Баллады писалъ у насъ до Жуковского сентименталистъ Каменевъ, котораго Пушкинъ поставилъ въ преддверіи нашего романтизма: „Онъ первый въ Россіи осмѣлился отступить отъ классицизма. Мы, русскіе романтики, должны принести должную дань его памяти“ ²⁾.

Особое значеніе давали мечтательности Жуковского, его любви къ таинственности, къ витанію въ области чудеснаго и мистическаго; онъ —

Поэзии чудесный геній,
Пѣвецъ таинственныхъ видѣній,
Любви, мечтаній и чертей,
Могиль и рая вѣрный житель.

(„Русланъ и Людмила“, п. 4).

¹⁾ Замѣтки при чтеніи книгъ 1825 г., по поводу „Московского Телеграфа“.

²⁾ Сл. Прибавленіе къ Казанскимъ губ. Вѣдомостямъ, № 2, 10 генваря 1844 г.: Александра Фуксъ, „А. С. Пушкинъ въ Казани“.

Въ этомъ смыслѣ, говорилъ онъ о себѣ въ старости, самъ онъ былъ когда-то таинственно-заносчивымъ романтикомъ. Нападая на самозванныхъ романтиковъ, „Благонамѣренный“ не находилъ въ нихъ „ни глубокихъ чувствъ, ни прелестей мечтательности, составляющей существенность поэзіи романтической“. И для Полевого мечтательность—основная черта Жуковского-романтика. „Что за чертовски небесная душа? писалъ о Жуковскомъ Пушкинъ: онъ святой, хотя родился романтикомъ, а не грекомъ, и человекомъ, да какимъ еще!“ (Л. С. Пушкину, 1825 г. нач. апрѣля).

Романтики унаслѣдовали изъ періода „бури и натиска“ преклоненіе передъ Шекспиромъ, увлеченіе народной поэзіей и народной стариной. Въ началѣ 20-хъ годовъ Жуковский смотрѣлъ на Гамлета нѣсколько по вольтеровски, а русская народная жизнь осталась въ его поэзіи почти нетронутой. Именно Шекспира, „народные законы“ его драмы имѣлъ въ виду Пушкинъ, когда выражалъ опасеніе за успѣхъ „Бориса Годунова“, „потому что робкій вкусъ нашъ не стерпитъ истиннаго романтизма“¹⁾. Онъ же подчеркнул идею народности, отдавая, вмѣстѣ съ Грибоѣдовымъ, предпочтеніе Катенинской „Ольгѣ“ передъ „невѣрнымъ“, но прелестнымъ подражаніемъ Жуковского Бюргеровой „Ленорѣ“ („Людмила“), ослабившимъ духъ и формы образца. Катенина-классика онъ считалъ однимъ изъ первыхъ приверженцевъ романтизма, введшимъ въ возвышенную поэзію „языкъ и преданія простонародные“²⁾.

Народность, простонародность, народная поэзія, народная литература—и романтизмъ: вотъ задачи, на которыхъ остановилась критика, разбираясь въ нашихъ романтическихъ начинаніяхъ. Необходимо познакомиться съ нѣкоторыми изъ высказанныхъ по этому поводу взглядовъ; изъ нихъ выяснится, хотя и нѣсколько односторонне, пониманіе и значеніе Жуковского-романтика.

Книжка Ореста Сомова „О романтической поэзіи“ (СПб. 1823 г.) представляетъ образецъ критической сумятицы въ вопросѣ о томъ, что разумѣть подъ романтизмомъ. Прежде всего онъ отвѣтилъ требованіямъ нашего собственнаго воображенія, наскучившаго однообразіемъ и захотѣвшаго „новаго, не-

¹⁾ Сл. письмо къ князю Вяземскому 1825 г., осенью, и къ Бестужеву-1825 г., 30 ноября.

²⁾ Сл. „О сочиненіяхъ Катенина“ 1833 г.; отзывъ Грибоѣдова въ „Сынѣ Отечества“ 1816 г., ч. XXXI, № 30, стр. 150—160.

бывалаго“ (стр. 2). Условившись съ читателемъ, что онъ будетъ называть романтической „новѣйшую поэзію, не основанную на миѳологіи древнихъ и не слѣдующую раболѣпно ихъ правиламъ“ (стр. 23), авторъ даетъ намъ ея исторію: отъ арабовъ (трубадуры опущены, ихъ поэзія—„поэзія ума, а не сердца и воображенія“, стр. 9) до итальянцевъ (Данте, Аріосто, Тассо), творенія которыхъ „представляютъ почти непрерывную борьбу вкуса романтическаго съ классическомъ“ (стр. 24). Испанцамъ принадлежитъ внесеніе „романтизма въ драму“ (Лопе де Вега Кальдеронъ, стр. 25—6); представителями Франціи являются Корнелевскій „Сидъ“ (стр. 11), и „Иснель и Аслега“ Парни, Шатобріанъ и Лемерсье (стр. 15); англійскій романтизмъ перекидывается отъ Спенсера, Шекспира (который обличается въ излишнемъ паренѣ и даже надутости), Мильтона, къ Байрону, Муру, Вальтеру Скотту, Саутею и Кольриджу (стр. 26 слѣд.). Германія характеризуется по книгѣ M-me de Staël—отъ Клопштока до Гёте и Шиллера; названы еще Маттисонъ, Бюргеръ, Тикъ, А. В. Шлегель, Вернеръ. „Словесность народа есть говорящая картина его нравовъ и обычаевъ и образа жизни“, отраженіе его народности; сочиненіе нѣмца, англичанина или француза отгадываешь даже въ переводѣ (стр. 80). Часто слышатся сужденія, что въ Россіи не можетъ быть поэзіи народной, потому что мы стали писать слишкомъ поздно, когда всѣ удѣлы Парнасса были уже заняты, что наша природа не въ состояніи оживить поэтовъ, что вѣкъ рыцарства для насъ не существовалъ, и преданій мало, да и тѣ не поэтическія (стр. 83—4). Все это у насъ есть: свои народные обычаи, красоты природы и народной пѣсни, сюжеты народной пѣсни, сюжеты нашей исторіи, раскрытые „славнымъ исторіографомъ“. Былъ и своего рода рыцарскій періодъ: „цѣль богатырей была та же, какъ и рыцарей: защищать невинность и карать злыхъ притѣснителей, хотя неизвѣстно, чтобы богатыри русскіе составляли особый орденъ, были подчинены особымъ законамъ и носили гербы“ (стр. 92—2). На это возразятъ: все это богатство пособій еще не составляетъ поэзіи народной; но дѣло поэта собрать „въ одно разбросанныя черты и создать прекрасное цѣлое“, „вливать огонь и чувство въ предметы неодушевленные, сообщать занимательность тѣмъ изъ нихъ, кои дотошъ не привлекали нашего вниманія“ (стр. 94). Поэзія не сдѣлается народной, если мы будемъ отдаляться „отъ нравовъ, понятій и образа мыслей нашихъ единоплеменцевъ“ (стр. 99). Могутъ ли зарониться въ память русскаго народа „нѣмцеобразныя рапсодіи“ нынѣшнихъ поэтовъ? (id.). Мы

сбросили узы классицизма, чтобы наложить на себя новыя. „Что же может быть ограниченнѣе, однообразнѣе тѣхъ стиховъ, которыми ежедневно наводняется словесность наша? Всѣ роды стихотворства теперь слились почти въ одинъ элегическій: вездѣ унылыя мечты, желаніе неизвѣстнаго, утомленіе жизнью, тоска по чѣмъ-то лучшемъ,—выраженныя непонятно и наполненныя безъ разбору словами, схваченными у того или другого изъ любимыхъ поэтовъ... То, что намъ нравилось, что восхищало въ одномъ поэтѣ (Жуковскомъ), становится приторно и наскучиваетъ намъ, встрѣчаясь слишкомъ часто у многихъ“ (стр. 100—1). „Необходимо имѣть свою народную поэзію, не подражательную и независимую отъ преданій чуждыхъ. Герои русскіе утвердили славу отчизны на поляхъ брани, мужи твердаго духа ознаменовали лѣтописи доблестями гражданскими. Пусть же пѣвцы русскіе станутъ на чередѣ великихъ пѣвцовъ древности и временъ позднѣйшихъ!... Пусть въ ихъ пѣсняхъ высокіе отсвѣчиваются, какъ въ чистомъ потокѣ, *духъ народа* и свойства языка богатаго и великолѣпнаго“ (стр. 102).

Когда въ 1822 году князь Вяземскій говорилъ, по поводу „Кавказскаго плѣнника“, объ успѣхахъ „посреди насъ поэзіи романтической“, онъ не уяснилъ себѣ ея понятія, но призналъ ее, какъ законное новшество: о ней ничего не пишетъ Аристотель съ преемниками, но литература отвѣчаетъ закону историческихъ измѣненій, а теперь настала эпоха „преобразованія“, когда гений, слѣдуя „вдохновеніямъ смѣлой независимости“, начинаетъ сбивать съ мѣста старыя Геркулесовы столпы. Это можетъ обижать народную гордость у французовъ: у нихъ есть за что постоять, и они ополчаются противъ новыхъ теченій „на защиту славы, утвержденной отечественными писателями“. У насъ такой протестъ непонятенъ: „имѣемъ ли мы литературу народную, уже пустившую глубокіе корни и ознаменованную многочисленными, превосходными плодами? До сихъ поръ малое число хорошихъ писателей успѣли только дать нѣкоторый образъ нашему языку, но образъ литературы нашей еще не означился, не прорѣзался. Признаемся со смиреніемъ, но и съ надеждою: есть языкъ русскій, но нѣтъ словесности, достойнаго выраженія народа могучаго и мужественнаго“¹⁾.

Два года спустя кн. Вяземскій вернулся къ тому же вопросу въ извѣстномъ предисловіи къ „Бахчисарайскому фонтану“. Ока-

¹⁾ „Сынъ Отечества“ 1822 г., ч. 82, № 49.

зывается, что романтическая поэзія намъ не менѣе сродна, чѣмъ поэзія Ломоносова или Хераскова, которую считаютъ классической. Та и другая у насъ пришлыя; если романтизмъ обвиняютъ въ германизации нашего языка, то и въ „Петриадѣ“ и „Россиадѣ“ нѣтъ ничего народнаго, кромѣ именъ. Мы еще не имѣемъ русскаго покроя въ литературѣ, можетъ быть, и имѣть не будемъ, потому что его нѣтъ. Этого требованія народности въ литературѣ нѣтъ въ піитикахъ Аристотеля и Горация; она не въ правилахъ, а въ чувствахъ: „оттѣнокъ народности, мѣстности—вотъ что составляетъ, можетъ быть, главное, существеннѣйшее достоинство древнихъ“. Въ этомъ смыслѣ Гомеръ, Гораций, Эсхиль имѣютъ гораздо болѣе сродства и соотношеній съ главами романтической школы, чѣмъ со своими послѣдователями, которые сѣются быть греками и римлянами заднимъ числомъ. Впрочемъ, опредѣленія „романтическаго рода“ никто еще не давалъ; на этотъ счетъ „еще не было времени условиться“; дайте срокъ, и анатомики явятся: Байронъ, Томасъ Муръ попадутся подъ рѣзецъ испытателей, какъ теперь Анакреонъ и Овидій, „и цвѣты ихъ яркой и свѣжей поэзіи потускнѣютъ отъ кабинетной пыли и закопятся отъ лампаднаго чада комментаторовъ, антикваріевъ, схоластиковъ, прибавимъ,—если только въ будущихъ столѣтіяхъ найдутся люди, живущіе чужимъ умомъ и кон, подобно вампирамъ, роются въ гробахъ, гложутъ и жуютъ мертвыхъ, не забывая при этомъ кусать и живыхъ“¹⁾.

Мысль не доразвита, но ее досказали Бейль и Брюнетьеръ: „Tous les classiques ont jadis commencé par être des romantiques. Un romantique serait tout simplement un classique en route pour parvenir, et réciproquement, un classique ne serait de plus qu'un romantique arrivé“; комментаторы, антиквары овладѣваютъ имъ, какъ классикомъ, и онъ становится ихъ критеріемъ для суда надъ будущимъ романтикомъ.

Еще въ письмѣ изъ Парижа кн. Вяземскій говоритъ о „такъ называемомъ“ романтизмѣ, „ибо названіе это не иначе какъ случайное и временное; настоящій крестный отецъ такъ-называемаго романтизма еще не явился“. Во всякомъ случаѣ отличіе между нимъ и классицизмомъ нельзя ограничить внѣшними формами, отступленіемъ отъ существующихъ законовъ и правилъ, оно лежитъ глубоко, его надо искать „въ нравахъ,

¹⁾ Въмѣсто предисловія къ „Бахчисарайскому фонтану“. „Разговоръ между издателемъ и классикомъ съ Выборгской стороны и съ Васильевского Острова“, 1824. Сл. Полн. собр. соч. кн. Вяземскаго, I, стр. 168—71. Сл. письмо Пушкина къ кн. Вяземскому 1824 г. Мартъ—Апрѣль.

въ философическомъ изслѣдованіи исторіи послѣдняго пятидесятилѣтія, въ событіяхъ, столь плодovitыхъ послѣдствіями“. По мнѣнію французскихъ классиковъ, весь романтизмъ вертится на элегіи; а развѣ Аріосто, Шекспиръ, Гёте не умѣютъ смѣяться и смѣшить? „И у насъ была пора слезливости,... когда и романтизма еще въ поминѣ не было“ ¹⁾.

Разсужденіе Кюхельбекера „О направленіи нашей поэзіи, особенно лирической, въ послѣднее десятилѣтіе“ ²⁾ возвращаетъ насъ къ вопросу объ отношеніяхъ романтизма къ идеѣ народности. Вызвалъ ли онъ у насъ ея сознаніе? Автору не по сердцу тонъ нашей лирики, преобладающее въ ней чувство унынія, отсутствіе жизнерадостности и силы: „все мечта и призракъ, все мнится и кажется и чудится, все только будто бы, какъ бы, нѣчто, что-то“; вездѣ однѣ картины: „луна, которая, разумѣется, уныла и блѣдна, скалы и дубравы, гдѣ ихъ никогда не бывало, лѣсъ, за которымъ сто разъ представляютъ заходящее солнце, вечерняя заря, изрѣдка длинныя тѣни и привидѣнія, что то невидимое, что-то невѣдомое, пошлыя иносказанія, блѣдныя, безвкусныя олицетворенія Труда, Нѣги, Покоя, Веселья, Печали, Лѣни писателя и Скуки читателя; въ особенности же туманъ, тумачы надъ водами, туманы надъ боромъ, туманы надъ полями, туманъ въ головѣ сочинителя“. Виновникъ всему этому Жуковский—подражатель новѣйшимъ нѣмцамъ, преимущественно Шиллеру; второй—Батюшковъ, взявшій въ образцы двухъ пигмеевъ французской словесности, Парни и Мильвуа. Оба они—корифеи нашей романтической школы; но что такое романтическая поэзія? Она родилась въ Провансѣ, воспитала Данте, отважно свергла съ себя рабское подражаніе римлянамъ; по существу она была свободная, *народная*. Гдѣ ее искать теперь? Развѣ одинъ Гёте въ нѣкоторыхъ изъ своихъ произведеній удовлетворяетъ ея требованіямъ, нѣмцы же вообще были учениками французовъ, римлянъ, грековъ, англичанъ, итальянцевъ, испанцевъ. О нашихъ поэтахъ говорить нечего, они почти всѣ подражатели, переводчики переводчиковъ. Отъ этого надо отдѣлаться, надо быть самобытнымъ: Жуковский освободилъ насъ отъ ига французской словесности, надо освободиться отъ нѣмецкаго и англійскаго владычества и не подражать безъ разбора „великому Гёте и недозрѣвшему Шиллеру“, „огромному Шекспиру“ и однообразному Байрону“. Надо имѣть поэзію народную, очистить по-

¹⁾ „Московскій Телеграфъ“ 1827 г., № 22.

²⁾ „Мнемозина“, II, 1824 г.

этический языкъ, ставшій un petit jargon de coterie, отъ германизмовъ и галлицизмовъ, открытъ путь реченіямъ и оборотамъ славянскимъ. Печатью народности ознаменованы у насъ какіе-нибудь 80 стиховъ въ „Свѣтланѣ“ и въ „Посланіи къ Воейкову“ Жуковского, нѣкоторыя мелкія стихотворенія Катенина, два или три мѣста въ „Русланъ и Людмилѣ“ Пушкина. „Да создается для славы Россіи поэзія истинно русская; да будетъ Святая Русь не только въ гражданскомъ, но и въ нравственномъ мірѣ первою державою во вселенной. Вѣра праотцевъ, нравы отечественныя, лѣтописи, пѣсни и сказанія народныя—лучшіе, чистѣйшіе, вѣрнѣйшіе источники для нашей словесности“.

Въ статьѣ „Нѣсколько мыслей о поэзіи“¹⁾ Рылѣевъ считаетъ несущественнымъ споръ о классической и романтической поэзіи, разумѣя подъ первой ту поэзію, которая въ новой Европѣ жила подражаніемъ античной, не достигая ея. Когда явились поэты, которые, „не подражая ни духу, ни формамъ древней поэзіи—подарили Европу своими оригинальными произведеніями“, представилась необходимость отличить ихъ отъ предыдущихъ. Кличка „романтическій“ случайная, историческая; слѣдовало говорить о новой поэзіи (трубадуры, Данте, Тассъ, Шекспиръ, Аріостъ, Кальдеронъ, Шиллеръ, Гёте) въ отличіе отъ древней; если подъ романтической поэзіей разумѣть „оригинальную, самобытную“, то въ такомъ случаѣ „Гомеръ, Эсхиль, Пиндаръ, словомъ всѣ лучшіе греческіе поэты—романтики, равно какъ и превосходнѣйшія произведенія новѣйшихъ поэтовъ, написанныя не по правиламъ древнихъ, но предметы коихъ взяты изъ древней исторіи, суть произведенія романтическія, хотя ни тѣхъ, ни другихъ и не признаютъ таковыми“.

Пушкинъ нѣсколько разъ, но отрывочно, касался теоретическаго вопроса, его видимо интересовавшаго. У насъ жалуются [на отсутствіе народности въ литературѣ, писалъ онъ въ 1825 году, но что такое народность въ литературѣ? Одни видятъ ее „въ выборѣ предметовъ изъ отечественной исторіи“, другіе—въ словахъ, оборотахъ, выраженіяхъ. Но народность—въ особенностяхъ духовной фizioноміи народа, результатъ климата, образа жизни, вѣры; фizioномія, которая можетъ быть вполне оцѣнена одними соотечественниками и находитъ свое отраженіе въ поэзіи. Для француза учтивые герои Расина такъ же народны, какъ народенъ Шекспиръ въ „Отелло“ и „Гамлетѣ“

1) „Сынъ Отечества“ 1825 г., ч. 104, № 22.

и т. д. ¹⁾ Возникновеніа романтической поэзіи Пушкинъ искалъ въ Италіи (Данте, *Buovo d'Antona*, „*Orlando Innamorato*“, Ariosto) ²⁾ и въ болѣе поздней замѣткѣ соединилъ съ нею идею народности: начало романтики у трубадуровъ, „народная“ поэзія приготовила появленіе „геніевъ“: Данте, Аріоста, Кальдерона, Спенсера, Шекспира, Мильтона, Виллона, Маро; въ эпоху Буало „старый одинъ Корнель остался представителемъ романтической трагедіи, которую такъ славно вывелъ онъ на французскую сцену“; позже являются во Франціи произведенія, носящія клеймо „чисто романтической поэзіи“: сказки Лафонтена и „Дѣва“ Вольтера (!). Пушкинъ считаетъ неточнымъ опредѣленіе романтизма у французскихъ журналистовъ, относящихъ, къ нему все, „что имъ кажется ознаменованнымъ печатью мечтательности и германскаго идеализма, или основаннымъ на предразсудкахъ и преданіяхъ простонародныхъ“, но его собственное опредѣленіе крайне сбивчиво и поверхностно: отличіе романтическаго отъ классическаго не въ „духѣ“, а въ „формѣ“, Пиндаръ разнится духомъ отъ Анакреона, „Энеида“—отъ „Освобожденнаго Іерусалима“, и всѣ они принадлежатъ классическому роду; къ романтическому—тѣ произведенія, которыя не были извѣстны грекамъ и римлянамъ, либо тѣ, „прежнія формы которыхъ измѣнились или замѣнены другими“. Мы ожидали бы, что Пушкинъ посчитается и съ „духомъ“: говоритъ же онъ, что мавры внушили средневѣковой поэзіи „изступленіе и нѣжность любви, приверженность къ чудесному, роскошное краснорѣчіе Востока“, рыцари же—„набожность и простодушіе, новыя понятія о геройствѣ и вольность нравовъ походныхъ становъ Готфрида и Ричарда“ ³⁾. Гёте для него—„великанъ романтической поэзіи“ ⁴⁾.

Въ споръ романтиковъ и классиковъ вступился, съ родноохранительной точки зрѣнія, и классикъ Катенинъ. Дѣленіе поэзіи на классическую и романтическую представляется ему вздорнымъ, не основаннымъ на какомъ-либо ясномъ различіи. Есть первобытная народная поэзія, одна повсюду, насколько она отразила одинакія условія быта; ихъ мѣстныя отличія найдутъ въ ней соотвѣтствующее выраженіе. Есть искусственная поэзія просвѣщеннаго народа, которая „можетъ вмѣщать въ себѣ различныя свойства разнородныхъ поэзій, не смѣшивая ихъ уродливо. Чѣмъ болѣе поэтъ новый, нашъ, обрабатывая пред-

¹⁾ „О народности въ литературѣ“, 1825 г.

²⁾ Къ кн. Вяземскому, 1825 г. іюнь.

³⁾ „О русской литературѣ съ очеркомъ французской“, 1834 г.

⁴⁾ Мелкія замѣтки 1829—31 г.

метъ древній или чуждый, подойдетъ къ свойству, быту и краскѣ избраннаго имъ мѣста, времени, народа и лица, тѣмъ превосходнѣе будетъ его произведеніе: „прекрасное“ во всѣхъ видахъ и всегда“ ¹⁾. Поэзія современныхъ „литературныхъ раскольниковъ“ поражала уродливостію смѣшенія, и Катенинъ, полемизируетъ съ Шлегелемъ за его „одностороннее пристрастіе къ тому, что онъ исключительно почитаетъ христіанствомъ, т. е. къ католицизму,..... требуя вездѣ и во всемъ романтизма, сирѣчь нравовъ, обычаевъ, повѣрій, преданій и всего быта среднихъ вѣковъ западной Европы; но любопытно узнать, почему наши такъ прилѣпились къ романтизму?... Россія искони не имѣла ничего общаго съ Европой западной; первыя свои познанія художества, науки получила она вмѣстѣ съ вѣрой православной отъ Царьграда, всѣмъ рыцарямъ ненавистнаго, ими коварно завоеваннаго на время, жестоко и безумно разграбленнаго. Въ нашихъ церквахъ со слезами и въ черныхъ ризахъ умоляли на милость гнѣвъ Божій, когда крестовики въ своихъ пѣли торжественныя молебны. Правда, Петръ Великій много ввелъ къ намъ нѣмецкаго, но ужели, перенимая полезное, должны мы во всемъ обезьянить и утратить всѣ родовыя свойства и обычаи? По счастью это невозможно, и одна вѣра своя предостережетъ насъ отъ конечной ничтожности. *Сверхъ того, все близкое къ исторіи нашей едва ли юдно въ поэзію, а старина наша отнюдь не романтическая; прибѣгать же, какъ многіе дѣлаютъ съ отчаянія, къ Лифляндіи, Литвѣ, Польшѣ, Украинѣ, Грузіи; мужествомъ предковъ или современниковъ приобрѣтеннымъ, значить уже въ самомъ дѣлѣ слишкомъ дешево мѣнять святую Русь“* ²⁾.

Изъ противорѣчій классицизма и романтизма, нашего романтизма и нашей народности пытался выйти Надеждинъ въ латинской диссертациі, отрывки которой появились въ „Вѣстникѣ Европы“ и въ „Атеней“ ³⁾. Полевой въ разборѣ книги Галича („Опытъ науки изящнаго“) предоставилъ будущему „философу-дѣписателю“, „философу-критику“ примирить классиковъ и романтиковъ, одинаково признавъ изящное древнихъ, съ его перевѣсомъ вещественности надъ духомъ, и сѣверныхъ наро-

¹⁾ „Размышленія и разборы“, статья I, „Литературная газета“ 1830 г., т. I, стр. 30.

²⁾ Тамъ же стр. 151—2.

³⁾ „De origine, indole et fatis poëseos quae romantica audit“, 1830; „Вѣстникъ Европы“ 1830, № 1: „О настоящемъ злоупотребленіи и искаженіи романтической поэзіи“; „Атеней“ 1830, стр. 1 слѣд.: „Различіе между классическою и романтическою школою, объяснимое изъ ихъ происхожденія“. Слѣдующія извлеченія сдѣланы изъ первой статьи.

довъ, съ его перевѣсомъ духа надъ вещественностью ¹⁾. Надеждинъ чаялъ этого примиренія въ поэзіи будущаго, и Бѣлинскій, уличавшій Надеждина въ неискренности его воззрѣній и умышленномъ подборѣ доказательствъ ²⁾, на этотъ разъ подчеркнул его идею, что поэзія нашего времени не должна быть ни классической, ни романтической, а синтезомъ той и другой. „Мысль справедливая и глубокая, г. Надеждинъ даже хорошо развилъ ее“. Она-то и осталась неразвитой ³⁾.

Ратуя противъ современнаго романтизма, переселившагося къ намъ съ Запада, Надеждинъ исходитъ не изъ классическаго критерія, а изъ общественныхъ и культурныхъ отношеній, органическими выраженіями которыхъ былъ античный классицизмъ и древній романтизмъ. „Человѣкъ классическій былъ покорный рабъ влеченію животной природы“, бытіе его было „веселое пиrowаніе на роскошномъ лонѣ природы“, въ которой онъ видѣлъ „высочайшую представительницу безпрѣдѣльнаго изящества“, и его поэзія отразила это міросозерцаніе. „Человѣкъ романтический былъ своенравный самовластитель движеній своей природы: внутренняя природа человѣческая представлена самой себѣ“. „Оттуда самонравная покорность своимъ прихотямъ, мечтамъ и страстямъ“, „беззаботное удалство, заставлявшее нѣкогда рыцарей мыкаться по бѣлу свѣту и доискиваться приключеній“, „тоскливыя жалобы и грустныя томленія безутѣшной мечтательности; человѣкъ былъ игдалище буйныхъ вихрей необузданнаго произвола, носимое по безмѣрнымъ пустынямъ фантастическаго міра“. „Романтическая поэзія во время своей жизни имѣла предъ собой дѣйствительный міръ, коего живую душу составляла сія необузданная стремительность ширящагося духа. Она была вѣрнымъ эхомъ дѣйствительности когда, растекаясь по безмѣрному склону человѣческой жизни, не поставляла себѣ никакихъ предѣловъ и отвергала всякую мѣру, прорывалась изъ всякаго порядка, посмѣивалась всякому устройству. Для нея все изображенныя ею блужданія и скитанія духа имѣли важность естественности. Отсюда и вытекаетъ, что ея естественное назначеніе было быть свидѣтельницею и исповѣдницею верховной свободы духа человѣческаго“.

Такимъ образомъ, какъ классическая (античная), такъ и романтическая поэзія выразили „одну только половинную сторону

¹⁾ „Московскій Телеграфъ“, 1826 г., № 6 слѣд.

²⁾ Въ разборѣ „Ста русскихъ литераторовъ“, 1841 г. „Отеч. Зап.“, т. XVII, № 7.

³⁾ „Мысль въ оснoзніи нелѣпа“, П. 1833

человѣчества“, въ уровень съ бытовыми условіями и воззрѣніями создавшей ихъ среды. Если говорить, что классическая поэзія не отвѣчаетъ духу нашего времени, то то же надо сказать и о романтизмѣ: вѣкъ паладиновъ и „беззаботнаго удалства“ прошелъ, жалобы и мечтательность нагоняють тоску, страхи и „чернокнижіе“, чары и призраки были когда-то объектомъ религіознаго вѣрованія, теперь развѣ дѣти „вѣрятъ сказкамъ о духахъ и мертвецахъ, и не лучше ли предпочесть міѳологіи романтиковъ, полной оборотней и мертвецовъ, прелестные образы румяной Авроры, „оставляющей стыдливо шафранное ложе Тифона и отрясающей съ золотыхъ кудрей, развѣваемыхъ дыханіемъ утренняго Зефира, молодой свѣтъ на пробуждающуюся землю“?

„Для того, чтобы воскресить снова романтическую поэзію, надлежало бы измѣнить весь настоящій порядокъ вещей и воззвать къ жизни святую старину временъ среднихъ“.

Итакъ, органически обусловленный романтизмъ есть средневѣковой; протестъ вызываетъ все то, что возвращается къ его мотивамъ внѣ обусловившаго ихъ общественно-психическаго строенія. Примѣры взяты широко: отъ Шекспира до лже-романтическаго неистовства Байрона и Ламартина. О „Фаустѣ“ Гёте сказано: было бы естественнѣе, если бы авторъ поступилъ нѣсколько своею излишнею вѣротностью съ чертями и вѣдьмами; Черный рыцарь въ „Орлеанской Дѣвственницѣ“ Шиллера принадлежитъ лже-романтической міѳологіи; необузданность стараго романтизма сказалась въ наши дни: „Кто не знаетъ ужасныхъ слѣдствій, порожденныхъ примѣромъ Гётева Вертера? Кому неизвѣстно бѣшеное сумасшествіе, возбужденное нѣкогда Шиллеровскими разбойниками“?

Мы не можемъ быть ни классиками, ни романтиками: нашъ вѣкъ какъ-будто стремится соединить эти двѣ крайности, черезъ упроченіе, просвѣтленіе и торжественное, на алтарѣ истинной мудрости, освященіе узъ общественныхъ. „Человѣкъ научился укрощать свободу силою той же свободы, хочетъ быть рабомъ самого себя, и это рабство есть безусловное владычество, коего ничто возвышеннѣе, ничто изящнѣе, ничто святѣе измышлено быть не можетъ“; періодъ, въ которомъ мы живемъ, ознаменованъ стремленіемъ къ гражданственности. Поэзія будущаго будетъ такъ же соединеніемъ полярныхъ противорѣчій классицизма и романтизма; предчувствіе этой гармоніи дано въ „Мессинской Невѣстѣ“ Шиллера (?). Но, можетъ быть, Россіи суждено сыграть въ этомъ дѣлѣ будущаго ту же роль, какую пелазги имѣли въ классическомъ мірѣ, тевтоны—въ мірѣ ро-

мантическомъ. Жизнь, закипѣвшая въ жилахъ оmlадѣвшей державы, вызвала „сознаніе внутренней своей гармоніи“ и выразилась „гармоническимъ пѣснопѣніемъ“: Ломоносовъ прошелъ школу „священной классической древности“—и былъ поэтомъ русскимъ. Далѣе эта гармонія видимо исчезаетъ, ибо Ломоносовъ не оставилъ своей любви къ классической древности „въ наслѣдіе косяному потомству“. На сценѣ одинъ „патріотическій энтузіазмъ“, идея отечества, она и составляетъ—гармонію. Показатели—Державинъ, наши Петровы, Дмитріевы, Капнисты; даже Жуковский, котораго такъ несмысленно величаютъ „Пѣвцомъ Свѣтланы“, не инымъ чѣмъ стяжалъ себѣ неотъемлемое право на славное безсмертіе, какъ чудеснымъ своимъ „Пѣвцомъ во станѣ русскихъ воиновъ“. Въ „патріотическомъ энтузіазмѣ“, непреложномъ наслѣдіи русской поэзіи, находитъ себѣ объясненіе и басня Хемницера, Дмитріева, Крылова; она ознаменована у насъ печатью народности. И вдругъ струны лирные онѣмѣли для славнаго имени русскаго,—тогда, какъ святая Русь продолжаетъ исполински восходить отъ славы во славу. Что это значитъ? Неужели въ груди пѣвцовъ не бьется сердце русское? „Увы, они сдѣлались романтиками!“

Требованіе гармоніи, синтеза на почвѣ патріотическаго энтузіазма, осталось фразой. Бѣлинскій, увлекшійся было ею, предпочелъ остановиться въ своихъ „Литературныхъ мечтаніяхъ“ (1834 г.) на противорѣчіяхъ русскаго романтизма, типомъ котораго явился Жуковский, и русской народности. Но Бѣлинскому оставалось лишь подчеркнуть то, что за два года передъ нимъ писалъ Полевой въ статьѣ о сочиненіяхъ Жуковскаго, лучшей исторической оцѣнкѣ изъ всѣхъ, явившихся при жизни поэта. По мнѣнію Полевого, Жуковский не зналъ національности русской, когда издавалъ „Марьину Рошу“ и старался обрусить Ленору, не знаетъ и теперь; народности у него не ищите; въ его душѣ отразился „первый отблескъ германскаго новѣйшаго романтизма: поэтическая мечтательность, продолженная на вѣкъ“; отраженіе одностороннее, потому что Жуковский усвоилъ лишь одну изъ идей новаго романтизма, который „проходилъ и проходитъ мимо его такъ, что онъ едва успѣваетъ схватить и разложить одинъ изъ лучей, какими этотъ романтизмъ осіялъ Европу“¹⁾.

Бѣлинскій пытается разобраться. „Романтизмъ—вотъ первое слово, огласившее Пушкинскій періодъ, народность, вотъ альфа и омега новаго періода“. Самъ Жуковский вдругъ забылъ своихъ

¹⁾ Полевой, „Очерки“, I, стр. 116, 117—118, 119, 138, 148.

паладиновъ, прекрасныхъ и вѣрныхъ принцессъ, колдуновъ и очарованные замки и пустился писать русскія сказки, но онъ „не въ ладу съ русскимъ духомъ, котораго въ нихъ слыхомъ не слышать и видомъ не видать“. Но что такое „русскій духъ“? Что такое наше пониманіе народности? спрашиваетъ критикъ; ее смѣшиваютъ съ простонародностью, ищутъ ея въ старинѣ, поддѣлываясь подъ тонъ лѣтописей и народныхъ пѣсенъ. Оттуда неизбежная односторонность: „дѣлая идея народа“, „идея русской жизни“, „народная фizioномія“ еще не схвачены сознаниемъ; въ нашей литературѣ народность если не мечта, то почти такъ, хотя и не совсѣмъ“. Это старая жалоба кн. Вяземскаго; Полевой говорилъ позже о „вышей народности“, „русскомъ самобытномъ духѣ“, котораго наша словесность едва коснулась ¹⁾.

Жуковскій могъ быть романтизмъ, не заглядывая въ народность: таковъ результатъ, къ которому пришелъ Бѣлинскій въ статьѣ объ „Очеркахъ“ Полевого ²⁾. „Жуковскій не народный поэтъ, и немногія попытки его на народность были неудачны, правда; но это совсѣмъ не недостатокъ, а скорѣе честь и слава его. Онъ призванъ былъ на другое, великое дѣло: осуществить черезъ поэзію въ своемъ отечествѣ необходимый моментъ въ развитіи духа, моментъ, выраженный въ жизни Европы средними вѣками, одухотворить отечественную поэзію романтическими элементами. Жуковскій по преимуществу *романтикъ*“.

Статья Бѣлинскаго о комедіи Грибоѣдова проводитъ знакомыя намъ идеи надеждиныхъ полюсовъ и ихъ желательнаго сліянія ³⁾. Классическая поэзія—это греческая, источникомъ романтизма было христіанство; подъ романтизмомъ разумѣется „искусство среднихъ вѣковъ, включая сюда и нѣкоторыхъ новѣйшихъ поэтовъ, какъ напр. Шиллера“. Что касается другихъ „такъ называемыхъ романтиковъ“, то они „полагали романтизмъ въ безформенности и дикомъ неистовствѣ“. Мы не греки и не римляне: наше искусство, начиная съ Шекспира и Сервантеса до Байрона, Гёте, Пушкина, не романтическое, а новѣйшее ⁴⁾, его характеръ—примиреніе классическаго и романтическаго; „поэзія мужественнаго возраста человѣчества“ должна быть поэзіей дѣйствительности, „которая въ ученіи Гегеля осіяла міръ

¹⁾ „Очерки“, II, стр. 483 слѣд. (въ отчетѣ о сочиненіи Тополи. Москва, 1837 г.).

²⁾ „Очерки“ явились въ 1839 г.; отчетъ въ „Отеч. Запискахъ“ 1840 г. № 1.

³⁾ „Отечественныя Записки“, тамъ же.

⁴⁾ Сл. строки, направленные противъ Надеждина, въ „Отеч. Запискѣ“ 1841 г., т. XVII, № 7, въ отчетѣ о „Ста русскихъ литераторахъ“.

роскошнымъ и „великолѣпнымъ днемъ“ и ранѣе его, хотя „непонятная, явилась непосредственно въ созданіяхъ Гёте“¹⁾.

Много говорится о романтизмѣ въ извѣстномъ этюдѣ Бѣлинскаго о „Русской литературѣ въ 1843 году“, но вопросъ о романтизмѣ, какъ общественно-психологическомъ и литературномъ явленіи конца XVII и начала XIX вѣка, единственный, съ которымъ намъ приходится считаться, не подвинулся къ разъясненію. Какъ Полевой видѣлъ сущность романтизма въ „неопредѣленномъ, неизъяснимомъ состояніи человѣческаго сердца“, такъ и теперь намъ говорятъ, что „гдѣ человѣкъ, тамъ и романтизмъ“, „почти всякій человѣкъ—романтикъ“; романтизмъ—это внутренній міръ души, сокровенная жизнь сердца, „откуда поднимаются всѣ неопредѣленныя стремленія къ лучшему и возвышенному“; въ его основѣ „непремѣнно лежитъ мистицизмъ“. Романтика—это „сторона внутренняя, задушевная, сторона сердца“; другая—„сторона сознающаго себя разума, сторона общаго, разумѣя подъ этимъ словомъ сочетаніе интересовъ, выходящихъ изъ сферы индивидуальности и личности“. Въ ихъ соприкосновеніи счастье современнаго человѣка; но мы знаемъ ихъ въ борьбѣ: въ греческомъ міросозерцаніи торжествуетъ сторона общаго, разума, Зевса и Олимпійскихъ боговъ; они низринули романтиковъ-индивидуалистовъ, титановъ, но романтическія силы возстали, гармоническія, одухотворенныя, и подкопали царство Зевса: элевзинскія таинства—романтизмъ, Платонъ—величайшій изъ романтиковъ; такъ оцѣниваются Еврипидъ и Гезіодъ, греческая элегія, элегическіе эпизоды Илиады.—Воззрѣніе, напоминающее взгляды Шатобріана, недавно развитыя Pater'омъ.—Въ средніе вѣка отношенія борющихся перемѣнились, преобладающая сила—за элементомъ индивидуальнаго начала, страстнаго стремленія къ таинственному „тамъ“; начало „общаго“, если не разума, то дѣйствительности и общественности, принижено; романтизмъ, робко проникавшій въ греческое міросозерцаніе, торжествуетъ, но его идеалы принадлежатъ области чаянія и поэзіи, не спускаясь въ жизнь, руководящуюся грубыми инстинктами. Таковъ романтизмъ среднихъ вѣковъ. Разсудочный XVIII-й вѣкъ нанесъ ему рѣшительный ударъ, но въ концѣ вѣка онъ возсталъ снова, какъ реакція крайнему протесту. Новый романтизмъ „есть органическое единство всѣхъ моментовъ романтизма, развивавшагося въ исторіи человѣчества“, воскресеніе средневѣковаго. Онъ объявился въ Германіи: Шиллеръ—

¹⁾ „Моск. Телеграфъ“ 1825 г., № V, мартъ, стр. 45.

поэтъ гуманности и мечтательной любви и, вмѣстѣ, романтикъ въ смыслѣ среднихъ вѣковъ, обновившій въ своихъ балладахъ ихъ безотчетный піэтизмъ; послѣ него, хватаясь „за слабую сторону Шиллера“, возникли романтики, Шлегель, Тикъ, Новалисъ; ихъ идеалъ: вызвать къ жизни въ новомъ мірѣ формы жизни среднихъ вѣковъ. „Самъ Гёте, человѣкъ высшаго закала, поэтъ мысли и здраваго разсудка, въ легендѣ среднихъ вѣковъ высказалъ страданіе современнаго человѣка („Фаустъ“), а въ своемъ „Вертерѣ“ явился онъ романтикомъ тоже въ духѣ среднихъ вѣковъ“.

Впечатлѣніе отъ этого перечня, въ которомъ соединено многое несоединимое, получается такое, какъ-будто основной чертой романтизма было возвращеніе къ среднимъ вѣкамъ, къ средневѣковому романтизму; недаромъ одинъ зовется сыномъ другого, Жуковскій—„переводчикомъ на русскій языкъ романтизма среднихъ вѣковъ, воскрешеннаго въ началѣ XIX вѣка нѣмецкими и англійскими поэтами, преимущественно же Шиллеромъ“. Жуковскій „не долженъ“ былъ понимать и Гамлета, потому что понимать его, значило бы отказаться отъ среднихъ вѣковъ—и романтизма! Такой взглядъ, въ которомъ повиненъ не одинъ Бѣлинскій, объясняется смѣшеніемъ цѣли съ средствами: романтики излюбили средніе вѣка, какъ излюбили Шекспира. Востокъ и всякій экзотизмъ, потому что искали всюду и родственныхъ стремленій, и средствъ для ихъ выраженія; иные изъ нихъ могли уйти съ головой въ католицизмъ, теоретически или практически—въ поклоненіе феодальнымъ порядкамъ, но совершилось это на пути броженія и поисковъ за новымъ идеаломъ; они искали его и боролись, средневѣковые „романтики“ чаяли его „тамъ“, но онъ для нихъ существовалъ. Идеалы любви, въ которыхъ Бѣлинскій и другіе усматриваютъ одинъ изъ показателей романтизма стараго и новаго, далеко не тождественны, содержаніе ихъ сложилось при разныхъ условіяхъ, и если „Рыцарь Тоггенбургъ“ напоминаетъ издали нѣкоторые мотивы средневѣковой любовной лирики, то отъ „Люцинды и Захаріи“ Вернера трубадуры отвернулись бы съ негодованіемъ. Если существовалъ средневѣковый романтизмъ, а новый явился его воскрешеніемъ, то понятенъ выводъ: „У Россіи не было своихъ среднихъ вѣковъ“, не было и соотвѣтствующаго романтизма, нечего было и воскрешать. Жуковскій „привелъ намъ романтизмъ“ съ Запада, и если его поэзія чуждается русскихъ національных элементовъ, то это и недостатокъ и достоинство; будь для него народность основной стихіей, онъ не былъ бы

романтикомъ, и наша поэзія не была бы оплодотворена романтическимъ содержаніемъ.

Содержанію этому Бѣлинскій даетъ такое „неопредѣленное и туманное опредѣленіе“: „это—желаніе, стремленіе, порывъ, чувство, вздохъ, стонъ, жалоба на несвершенныя надежды, которымъ не было имени, грусть по утраченномъ счастьѣ, которое Богъ знаетъ въ чемъ состояло; это—міръ, чуждый всякой дѣйствительности, населенный тѣнями и призраками...; это унылое, медленно текущее... настоящее, которое оплакиваетъ прошедшее и не видитъ предъ собой будущаго; наконецъ, это любовь, которая питается грустью, и которая, безъ грусти, не имѣла бы чѣмъ поддержать свое существованіе“. Жуковскій—пѣвецъ „скорби“, „сердечныхъ утратъ“, онъ первый на Руси „выговарилъ элегическимъ языкомъ жалобы человѣка на жизнь“.

Въ этомъ опредѣленіи слышатся упреки Кюхельбекера, „унылый романтизмъ“ Пушкина („Евгеній Онѣгинъ“, III, 12); они ведутъ насъ не къ романтизму, а къ психической средѣ, приготовившей развитіе романтической школы. Въ сущности это сознавали и Полевой и Бѣлинскій, говорившій въ 1834-мъ году о „Карамзинскомъ идеалѣ Жуковского“, въ 1840-мъ—о томъ, что и въ старости онъ остался „тѣмъ же юношей, какимъ явился на поприще литературы“. Названіе его романтикомъ—результатъ сокращенія перспективы, въ которой доходили до насъ смѣнявшія другъ друга западныя литературныя теченія, причѣмъ на цѣлое перенесено было обозначеніе, отвѣчавшее конечному эпизоду. Вмѣстѣ съ обозначеніемъ—и требованіе народности; такъ глаasila теорія; но спросъ на народность въ литературѣ явился у насъ ранѣе, и развился онъ въ сторонѣ отъ романтизма: мы видимъ его въ пафосѣ державинской оды, обрусившей нѣмецкихъ бардовъ и мотивы Оссіана; на рубежѣ XIX вѣка, когда народная пѣсня робко заглянула въ художественную лирику, и старина стала проситься въ эпосъ, когда въ Оленинскомъ неоклассическомъ кружкѣ мечтали сдѣлать русскую жизнь, особенно древнюю, предметомъ поэтической идеализаціи, когда Уваровъ открывалъ „русскіе средніе вѣка“, а Кайсарову, этому одностороннему патріотическому энтузіасту, грезилось, какъ позже Надеждину, что, освободившись отъ романскихъ и германскихъ вліяній, мы выразимъ свой народный идеалъ человѣчности¹⁾. Идея эта прошла черезъ фазисы народнаго и оффиціальнаго патріотизма

¹⁾ Бурдахъ у Пѣтухова. „Каѳедра русскаго языка и словесности въ Юрьевскомъ (Дерптскомъ) университетѣ“ (Юрьевъ, 1900 г), стр. 37—8.

декабристскихъ мечтаній и древне-русской вольности и скромныхъ идеекъ Плетнева о предпочтительности народной поэзіи передъ „неопредѣленной или всеобщей“. Искали „народную душу“. Для Жуковского-поэта она не существенна: выросши въ преданіяхъ сентиментализма, онъ не только усвоилъ себѣ форму его мышленія и выраженія, но и глубоко пережилъ содержаніе его идеаловъ, въ которыхъ народность заслонялась искаженіемъ челоуѣчности; когда его коснулись вѣянія романтизма, они остались для него элементами стиля, поглощенные уже созрѣвшимъ въ немъ настроеніемъ, отъ котораго онъ никогда не могъ отвязаться.

Биографія его сердца въ дневникахъ, письмахъ, поэзіи, раскроетъ намъ, какъ сложилось это настроеніе, но любопытно спросить себя теперь же, какими ранними чтеніями оно воспиталось и поддерживалось. Эти чтенія, французскія и англійскія, по существу, Карамзинскія: стихотвореніе „Человѣкъ“ 1801 г. сопровождается эпиграфомъ изъ Young'a: „A worm! a God!“ съ выноской при седьмой строфѣ: Юнгъ; къ 1801 году относится первая попытка перевести элегію Грея; еще до 1803 года Жуковский заинтересовался, судя по письмамъ Андрея Тургенева, Гольдсмитовой „The deserted village“ и, можетъ быть, посланіемъ Элоизы къ Абеляру (Попе)¹⁾. Въ 1808 году переведенъ заключительный гимнъ къ поэмѣ Томсона, „The Seasons“, давно обратившій на себя вниманіе Карамзина (Гимнъ заключительный къ поэмѣ Томсона „Времена Года“, 1787 г.), но Томсонъ принадлежитъ уже къ чтеніямъ 1804 года вмѣстѣ съ Saint-Lambert, Геснеромъ, Hervey, Bloomfield'омъ и Энеидой въ переводѣ

¹⁾ Переводъ „The deserted village“, „Опустѣвшая деревня“, относится къ декабрю 1805 года (Сл. „Бумаги В. А. Жуковского, поступившія въ Имп. Публ. Библіотеку въ 1884 г.“ Разобраны и описаны И. Бычковымъ, 1887, стр. 20, 24); переведено лишь 96 стиховъ (до стиха: „Who quits a world when strong temptations try“). Переводъ „Посланія“ (неконченный), который затѣвалъ и Андрей Тургеневъ, помѣченъ апрѣлемъ 1806 года (Сл. „Бумаги В. А. Жуковского“, стр. 20, 24, 26, 32). Интересна въ черновомъ автографѣ „Посланія“ (папка № 12 Имп. Публ. Библ.) замѣтка Жуковского къ стиху: „О, дикія скалы, изрытыя мольбою“: „Я хотѣлъ перевести *Делливео* usés par la prière, но, кажется, переводъ не очень счастливъ“. Въ автографѣ того же стихотворенія, сохранившемся въ альбомѣ М. А. Протасовой (папка № 14, Имп. Публ. Библ.), стоитъ помѣта: „продолженіе можетъ быть“. Эта мысль не оставляла Жуковского еще въ 1814-мъ году, „Бумаги В. А. Жуковского“ (стр. 8).

Делиля¹⁾. Въ замѣткѣ о методѣ изученія словесности, относящейся къ періоду самообразованія, программа расширилась: предполагалось читать сравнительно баллады Бюргера и Шиллера, Шиллера, какъ стихотворца философическаго, „совмѣстно“ съ Гёте, Расина—съ Вольтеромъ, Корнелемъ и Кребиллономъ, оды Рамлера, Жана-Батиста Руссо и Горация—съ Державинскими²⁾, но въ стихотвореніяхъ 1806 года преобладаютъ имена Парни, Лафонтена и Флоріана, повѣсти котораго Жуковский переводилъ еще въ 1802 г.³⁾ Первые подражанія Шиллеру, Бюргеру, Гёте являются въ 1806—9 годахъ, и въ то же время теоретическая часть статей „О баснѣ и басняхъ Крылова“ и „О сатирѣ и сатирахъ Кантемира“ (1809) внушена Лагарпомъ, Баттѣ⁴⁾ и Зульцеромъ, театральные отчеты слѣдующаго года указываютъ на преклоненіе не только передъ Корнелемъ, Расиномъ, Вольтеромъ, но и передъ Кребиллономъ: Жуковский видитъ въ немъ великаго трагика⁵⁾. „Вѣстникъ Европы“, издававшійся подъ его редакціей въ 1808—10 годахъ, наполнялся переводами съ французскаго: еще въ 1821 году онъ заявляетъ, что комизмъ французовъ ему понятнѣе Шекспировскаго, и въ концѣ 1823 г. переводитъ „Валерію“ Скриба⁶⁾.

Въ теченія современной нѣмецкой литературы ввелъ его энтузіастъ Андрей Тургеневъ, но Жуковский разбирается въ ней оцупью, не увлекаясь, а все примѣняя къ себѣ, къ покрову своего міросозданія. Онъ знаетъ Шиллера и Коцебу, Энгеля, писателей просвѣтительнаго филистерства, отъ которыхъ уже сторонилась жизнеспособная литература; ищетъ въ Виландѣ,

1) Дневники В. А. Жуковскаго съ примѣчаніями И. А. Бычкова, подъ 30 іюля 1804 г.

2) Зейдлицъ, „Жизнь и поэзія Жуковскаго“, 1883 г., стр. 30—1; Шевыревъ, „О значеніи Жуковскаго въ русской жизни и поэзіи“, стр. 20, 73.

3) „Вильгельмъ Тель или освобожденная Швейцарія. Сочиненіе Флоріана. Съ историческою картинкою и присовокупленіемъ новѣйшаго сочиненія сего автора: Розальба, сицилійская повѣсть“, Москва, 1802 года. Переводъ „Донъ-Кихота“ вышелъ въ Москвѣ въ 6-ти частяхъ въ 1804—6 гг., но первая часть имѣетъ еще другой заглавный листъ съ помѣтой 1803 г.

4) Сл. Полевой, „Очерки“, I, стр. 142—3; кн. Вяземскій, Полное собр. сочиненій, I, стр. 64.

5) Сл. отчетъ о переводѣ „Радамиста и Зенобія“ Висковатовымъ въ 1810 г.

6) Цензурный экземпляръ, найденный проф. Архангельскимъ, помѣченъ 29 ноября; пьеса, поставленная на сцену 17 декабря, была переведена для актрисы Колосовой по просьбѣ Милорадовича, которому Жуковский хотѣлъ услужить, потому что и отъ него ожидалъ услуги: избавленія одного бѣдняка отъ ссылки. Жуковский не желалъ, чтобы его имя, какъ переводчика, было азглашено. Сл. письмо къ Гнѣдичу 1823 г.

котораго позже назоветъ язычникомъ и эпикурейцемъ ¹⁾), своихъ идей ²⁾). Въ 1805 году онъ читаетъ съ одной изъ своихъ племянницъ Геллерта ³⁾), затѣваетъ перевести Гарве, „Ueber Gesellschaft und Einsamkeit“, Эшенбурга, „Entwurf einer Theorie und Literatur der schönen Wissenschaften“, заинтересованъ его „Beispielsammlung“; пишетъ Вендриху (19 декабря), что нѣмецкая литература ему мало знакома: признается Ал. Тургеневу въ 1806 г. (8 Генв.), что начинаетъ уважать нѣмецкихъ авторовъ и нѣмецкую философію, потому что она „возвышаетъ душу, дѣлая ее дѣятельнѣе, она больше возбуждаетъ энтузіазмъ“. По собственному признанію, нѣмецкая философія ему не далась, да и нѣмецкимъ языкомъ онъ не вполнѣ еще владѣлъ, когда въ 1808 г. подражалъ пѣснѣ Теклы у Шиллера: „Тоска по миломъ“ ⁴⁾; письма Іоганна Миллера, которыми Жуковский такъ увлекался, переведены въ „Вѣстникѣ Европы“ 1810 г. (№ 16) и 1811 г. (№ 6)—съ французскаго. Шиллеръ и Гёте стануть въ центрѣ его симпатій лишь позже, но такъ же примѣнительно-односторонне, какъ и Байронъ. Его теоретическіе взгляды на творчество, на значеніе прекраснаго и поэзіи пройдутъ по линіи Лагарпа, Баттѣ, Эшенбурга, Энгеля, Зулцера, чтобы остановиться на Бутервекѣ, съ эстетикой котораго онъ познакомился въ 1807 г. ⁵⁾; это не мѣшало ему прислушиваться къ литературнымъ сужденіямъ классика Блудова ⁶⁾), за что, какъ извѣстно, пожурилъ его Пушкинъ. Съ собственно-романтической теоріей изящнаго Жуковский не обнаруживаетъ знакомства, еще менѣе съ философскими системами, пошедшими съ ней объ руку.

Можно было бы ожидать такого знакомства съ поэтами, дѣятелями нѣмецкаго романтизма. Жуковский переводилъ изъ немногихъ, и притомъ вразбродъ, минуя старшихъ. Выборъ извѣстенъ по изданіямъ. Для нѣмецкой части журнала, который онъ затѣвалъ подъ заглавіемъ „Аонидъ“ или „Мнемозины“ намѣчены были, кромѣ Гёте и Шиллера, Гердера, Якоби и др., „Тикъ изъ *Fantasia. Elfen. Der Pokal. Liebeszauber. Der blonde Esbert.* Изъ Штернбальда. — Ла Моттъ-Фуке изъ *Erzählungen*

¹⁾ Къ фонъ-деръ-Бриггену, 6/18 мая 1847 г.

²⁾ См. Тихонравовъ, Сочиненія, т. III, ч. 1-ая, стр. 452 слѣд.

³⁾ Дневникъ подъ 16 ноября 1805 г.; сл. письмо къ Ал. Тургеневу 1805 г. 31 авг.

⁴⁾ Зейдлицъ, I. с., стр. 32—3.

⁵⁾ Сл. письмо къ Ал. Тургеневу начала февр. 1807.

⁶⁾ Сл. письмо къ Ал. Тургеневу, дек. 1806 г.; 22 ноября 1810 г.; 20 окт. 1814 г. и др.; наконецъ, посвященіе „Вадима“: „Твой вкусъ былъ мнѣ учитель“.

(многое множество прекраснаго).—J. Paul, J. Paul's Geist одни отрывки, цѣлаго невозможно.—Novalis. Der Poet, Erzählung (прекрасно).—Шлегель (отрывки изъ драматургiи)¹⁾. Журналъ не состоялся; изъ Ж. П. Рихтера взяты стихи на смерть королевы Луизы, помѣщаемые въ концѣ статьи „Воспоминанiе“ 1842 г., но появившіеся въ „Московскомъ Телеграфѣ“ уже въ 1827 г., (ч. XV, № 11) безъ подписи переводчика.—На старости лѣтъ Жуковский принялся было за переводъ Вернера „24-е февраля“; сохранилось начало²⁾.

Первая поѣздка за границу ввела Жуковского въ личное общеніе съ литературными силами Германiи, между прочимъ и съ романтиками. Онъ видѣлъ Гёте, видѣлъ въ Берлинѣ Беттину фонъ Арнимъ, которую нашелъ „очень аффектированной“, тогда какъ „Рашели фонъ Фернгагенъ придавалъ большое значеніе“³⁾; провелъ день въ Байрейтѣ, чтобы познакомиться съ Жанъ-Полемъ, „и пробылъ съ нимъ нѣсколько прiятныхъ минутъ: забавный оригиналъ, который понравился мнѣ своимъ простодушиемъ“, писалъ онъ вел. кн. Александрѣ Боровнѣ⁴⁾. Онъ встрѣчалъ у Гёте Шлегеля и много разъ видѣлъ Брентано⁵⁾. Зналъ ли онъ Теодора Амадея Гофмана? Съ 1816 года Гофманъ былъ снова въ Берлинѣ, гдѣ въ томъ же году поставлена была его опера „Унди́на“ съ либретто де Ла Моттъ-Фукэ, гдѣ написаны были нѣкоторые изъ его „Phantasiestücke“ (1816), „Элексиры Дьявола“ (1815—16), „Nachtstücke in Callot's Manier“ (1817) и „Серапионовы Братья“ (1819—21). Къ его интимному кружку принадлежали де Ла-Моттъ-Фукэ, Chamisso и извѣстный актеръ Девриенъ. Жуковскому несомнѣнно была уже знакома „Унди́на“ де Ла-Моттъ-Фукэ, которую онъ лишь позднѣе передалъ русскими стихами; вѣроятно, знакомъ и его

¹⁾ Сл. письмо къ Д. В. Дашкову изъ Дерпта 1817 года.

²⁾ Сл. „Бумаги В. А. Жуковского“, I. с., стр. 79—80, и мою замѣтку: „Легенда объ Евстратiи—Юлианѣ“ въ Изв. Отдѣленія русск. яз. и словесности Имп. Академіи Наукъ, т. VI, стр. 13.

³⁾ Сл. Дневникъ 1 мая 1821 г.; Записки А. Θ. Смирновой, I, стр. 54.

⁴⁾ Сл. „Русск. Старина“ 1902 г. Май: „Письма В. А. Жуковского къ вел. кн. Александрѣ Федоровнѣ изъ перваго его заграничнаго путешествiя въ 1821 г.“, стр. 339. Въ одинъ изъ альбомовъ Жуковского (помѣченный вверху перваго листа: 1820, 16|28 декабря. Берлинъ) Жанъ-Поль внесъ нѣсколько строкъ, подписанныхъ: Baireut, d. 12 jul. 1821. Къ автографу приложенъ завернутый въ бумажку локонъ съ надписью: Eine Locke Jean Paul's, statt einer früher verlorenen, 1834, von seiner Tochter Emma empfangen. Тутъ же точка, взятая „съ гроба Ж. Пауля въ 1826 г.“

⁵⁾ Записки А. Θ. Смирновой, I, стр. 54, 56.

„Zauberring“ (1813). Съ авторомъ онъ встрѣчался часто въ разные свои приѣзды въ Берлинъ, но характеристика его, написанная по первому впечатлѣнію, крайне безцвѣтна: въ лицѣ де Ла-Моттъ-Фука „нѣтъ ничего, останавливающаго вниманіе, записываетъ Жуковский. Есть живость въ глазахъ: онъ имѣетъ талантъ, и талантъ необыкновенный, онъ способенъ, разгорячивъ воображеніе, написать прекрасное, но это не есть всегдашнее, зависитъ отъ расположенія, находитъ вдохновеніемъ; авторъ и человѣкъ не одно, и лицо его мало изображаетъ того, что чувствуетъ и мыслитъ авторъ въ нѣкоторыя минуты. Разговоръ нашъ состоялъ изъ комплиментовъ и продолжался недолго“ ¹⁾. Зато Жуковский не устаетъ восторгаться другомъ Гофмана знаменитымъ актеромъ романтической эпохи, Девріеномъ: онъ видѣлъ его въ „Венеціанскомъ купцѣ“, но ушелъ послѣ перваго акта и не жалѣетъ, потому что провелъ вечеръ у „привлекательнаго старика Гуфланда“. „Игра Девріена есть совершенство, замѣчаетъ онъ по этому поводу: онъ учитъ свои роли, какъ человѣкъ, глубоко разбирающій человѣческое сердце; разборъ его игры былъ бы разборъ человѣческой натуры; сравнивая оригиналъ и списокъ, много можно найти истинъ нравственныхъ. Можно объ немъ сказать, что онъ актеръ добросовѣстный; онъ привязанъ съ удивительною вѣрностью, съ удивительнымъ уваженіемъ къ роли своей; разъ ее постигнувъ, онъ уже ни для чего и ни для кого ее не забудетъ: онъ не мыслитъ о партерѣ и его рукоплесканіяхъ и никогда истинною не жертвуетъ успѣху“ ²⁾.

Все это—не характерно для Девріена, высокаго въ воспроизведеніи демоническаго, страшнаго, всего, что перерастаетъ обычныя человѣческія отношенія, и, вмѣстѣ, мастера изображать юмористическую сторону жизненныхъ явленій. Среднее ему менѣе давалось: это крайности Гофмановскаго настроенія; они сходились талантомъ. Каждый вечеръ ихъ можно было

¹⁾ Дневникъ 1820 г. 24 окт./5 ноября; сл. дневники 28 дек. с. ст. 1820 г. 6 (глупая пьеса Ла-Моттъ-Фука) и 7 января (Ла-Моттъ-Фука и Шатобріанъ), 6 (поутру у Ла-Моттъ-Фука) и 8 февраля (ввечеру у Гуфланда съ Ла-Моттъ-Фука). Сл. еще отмѣтки подъ 22 февр. и 5 марта („Zauberring“). Въ перечнѣ лицъ съ которыми Жуковский видѣлся въ Берлинѣ осенью 1827 года, названы: Ла-Моттъ-Фука, Раухъ, Тикъ; въ дневникѣ 1832 г. подъ 19—21 дек.: чтеніе „Galgemännlein“, „Köhlerfamilie“, „Der unbekannte Kranke“.

²⁾ Дневникъ 1820 г. 3 ноября с. ст.; сл. ib, 15, 16 и 18 окт., 2 ноября и письмо къ Е. А. Протасовой 1 ноября 1820 г. „Русск. Арх.“ 1900 г., кн. 3-я, стр. 37.

видѣтъ въ погребкѣ Lutter'a и Wegener'a, и нерѣдко бесѣда длилась до ранняго утра. Объ этихъ бесѣдахъ, сопровождавшихся возліяніями, ходили въ Берлинѣ сказочные слухи. Гофманъ былъ „всегда навеселѣ“, рассказывалъ Жуковскій въ салонѣ Смирновой, „онъ писалъ прекрасную оперу Ундину, ее иногда давали“¹⁾. Въ берлинскомъ дневникѣ 1820 и 1821 годовъ имя Гофмана встрѣчается нерѣдко, но только разъ съ какимъ-то неяснымъ указаніемъ: „ужинъ у Грѣбена. Hoffman. Triumph der Ironie“²⁾.

Въ 1821 году Жуковскій посѣтилъ въ Дрезденѣ Тика, одного изъ столповъ романтической школы, и то, что онъ записалъ о своихъ бесѣдахъ, рисуетъ его, поучающагося и нѣсколько растеряннаго передъ лицомъ ея откровеній. О своихъ впечатлѣніяхъ онъ писалъ 23 іюня/5 іюля 1821 года вел. кн. Александрѣ Ѳеодоровнѣ³⁾. По своемъ переселеніи въ Дрезденъ (1819 г.) Тикъ вступилъ въ новую пору своей дѣятельности: около 20-хъ годовъ романтика пошла на склонъ, Тикъ пишетъ свои историческія, антиромантическія новеллы, а Жуковскому какъ-будто незнакома ни его первая литературная манера, ни такія капитальныя для романтизма произведенія, какъ „Genoveva“ и „Октавянъ“: онъ знаетъ Тика, какъ автора „Sternbald's Wanderungen“, неконченнаго романа, настроеніе котораго было навѣяно ему Ваккенродеромъ; онъ даже говоритъ о „Штернвальдѣ—Тикѣ“, читаетъ въ чертахъ его лица „что-то согласное съ тою мечтательностью, которую находимъ въ „Sternbald's Wanderungen“; виденъ челоѡкъ, который, мыслить, но котораго мысли принадлежатъ болѣе воображенію, чѣмъ существенности“⁴⁾. Разумѣется, мечтательность не исчерпываетъ всего романтизма, Штернвальдъ—всего Тика. Тикъ былъ колористъ, поэтъ на-

¹⁾ Записки Смирновой, I, стр. 155.

²⁾ Дневникъ 1820 г., 13 ноября с. ст.; сл. помѣтки 7 ноября (у графа Грѣбена—Гофманъ), 12 ноября (обѣдъ въ рестораціи, у Гофмана); 1821 г. 16 марта (вечеръ у Грѣбена, ...Hoffmann).

³⁾ „Русск. Старина“ 1901 г. ноябрь, стр. 389 слѣд.; черновой списокъ (съ неправильнымъ адресомъ вел. кн. „Николаю Павловичу“) въ Щукинскомъ сборникѣ вып. I, стр. 82. (со словъ: „Въ послѣднемъ письмѣ“); въ печатномъ изданіи „Отрывка изъ письма о Саксоніи“ текстъ, нѣсколько измѣненный, ближе къ черновому.

⁴⁾ Въ письмѣ къ вел. кн. Александрѣ Ѳеодоровнѣ: „болѣе принадлежить его собственному идеальному міру, нежели существенности“. Сл. въ другомъ письмѣ къ ней же (Прага 10/22 іюля 1821 г.) о впечатлѣніи веселаго пейзажа: „радуешься настоящею минутою, не мысля о далекомъ! Ясная, живая существенность, не смѣшанная ни съ чѣмъ идеальнымъ“.

строения, не объективности, и его фантазія часто питалась не пережитыми впечатлѣніями; не это ли имѣлъ въ виду Жуковский, когда противопоставалъ сущность воображенію? По словамъ Жуковского, Тикъ занимался въ то время переводомъ Шекспировскихъ пьесъ, еще не переведенныхъ Шлегелемъ, готовилъ къ изданію „критическій и философическій“ разборъ Шекспировскихъ комедій и трагедій. Очевидно, „книгу о Шекспирѣ“, на которую Тикъ часто ссылаясь, но которой не написалъ; Шекспировскія пьесы не переведенныя Шлегелемъ, вышли въ 1825 году въ переводѣ графа Баудиссина и дочери поэта, Доротеи, съ его критическими примѣчаніями.

Романтики облюбовали Шекспира, еще молодой Гёте обрушился на Виланда за то, что онъ по большей части не переводилъ пьесъ Шекспира, или искажалъ ихъ, а въ его шуткахъ и игрѣ словъ находилъ площадныя остроты и извощичій вкусъ. Позже Гёте колеблется: въ 1805 году Шекспиръ и Кальдерсъ представляются ему безупречными передъ высшимъ судомъ эстетики, и въ то же время онъ называетъ „Гамлета“ варварскою смѣсью чудовищнаго и пошлаго. „Гамлета“ онъ собирался подвергнуть обработкѣ (сл. „Wilhelm Meister's Lehrjahre“, V Buch, cap. 4), какъ передѣланъ былъ имъ „Ромео и Юлія“, какъ Шиллеръ подвергъ переработкѣ „Макбета“, особенно въ эпизодѣ вѣдьмъ. Классическій шаблонъ восторжествовалъ, и Девриенъ тонко подшутилъ надъ Гёте и Шиллеромъ за ихъ поворотъ къ старинѣ. Въ бесѣдѣ съ Тикомъ Жуковский раздѣляетъ ихъ взгляды: онъ откровенно сознается, что не понимаетъ Гамлета, это „чудовище“, „чудесный уродъ“, не понимаетъ и его нѣмецкихъ толкователей, Шлегеля. Тикъ вразумляетъ его: въ томъ-то и привилегія генія, „что онъ, безъ ясной мысли, не назначая себѣ напередъ дороги, по одному естественному стремленію вдругъ доходитъ до того, что другіе медленнымъ размышленіемъ по слѣдамъ его открываютъ. Чувство, которому онъ повинуется, есть темное, но вѣрное; онъ вдругъ подымается на высоту и, стоя на ней, служитъ для другихъ свѣтлымъ маякомъ, которымъ они руководствуются на невѣрной своей дорогѣ“.—Это „прекрасно и справедливо вообще, замѣчаетъ Жуковский,—но право не знаю, какъ примѣнить это къ Гамлету“.

Тикъ обѣщалъ ему прочесть „Гамлета“ и дать объясненія. Онъ былъ прекрасный чтець, послушать котораго, по свидѣтельству Фризена, пріѣзжали издалика американцы, датчане, русскіе, между ними Уваровъ; въ мимикѣ онъ уступалъ развѣ Brentano. Когда, пропутешествовавъ по саксонской Швейцаріи,

Жуковский посѣтилъ его снова, Тикѣ нездоровилось, „Гамлетъ“ оказался для чтенія слишкомъ длиннымъ; вмѣсто него Тикъ прочелъ „Макбета“ ¹⁾, Жуковскому понравились его „мѣста ужасныя“. Въ комическихъ партіяхъ „Какъ вамъ угодно“ Тикъ былъ еще выше, но Жуковскому кажется забавнѣе Плещеевъ, старый его знакомый, музыкантъ и театраль, хорошій актеръ, въ послѣдствіи состоявшій чтецомъ при императрицѣ Маріи Александровнѣ; когда-то онъ изумлялъ арзамасцевъ искусствомъ подражать голосу и походкѣ знакомыхъ людей, особенно же мастерски умѣлъ кривляться и передразнивать бѣдныхъ помѣщиковъ и ихъ женъ ²⁾. Жуковский объясняетъ свое предпочтеніе тѣмъ, что комическое французовъ ему болѣе знакомо, чѣмъ комизмъ Шекспира: онъ „смѣшитъ рѣзкимъ изображеніемъ характеровъ, но въ шуткахъ его нѣтъ тонкости, по большей части одна игра словъ, и онъ часто оскорбляетъ ими вѣкъ“.

Семья Тика приняла Жуковского, какъ стараго знакомаго, съ сердечной добротой, „а въ Тикѣ нашелъ я то, что единственно желаю найти въ людяхъ, извѣстныхъ мнѣ по своему гению: *любезное, искреннее добродушіе*“. „Мнѣ жаль было разставаться съ Тикомъ, вѣроятно, это навсегда ³⁾, добавляетъ онъ въ письмѣ къ великой княгинѣ; онъ обрадовался, когда я ему сказалъ, что вы любите его Штернбальда и что въ вашемъ альбомѣ выписано нѣсколько мѣстъ изъ этой книги“. Въ томъ альбомѣ Жуковского, который сохранилъ автографъ Ж. П. Рихтера, есть и автографъ Тика, помѣченный: Dresden am 14 Junius 1821:

¹⁾ Чтеніе „Гамлета“ помѣчено въ дневникѣ 3 ноября 1821 г., когда Жуковский снова былъ въ Дрезденѣ на обратномъ пути въ Берлинъ: „у Тика, чтеніе Гамлета“.

²⁾ Записки Ф. Ф. Вигеля, ч. V, стр. 45, 46; сл. Соч. Батюшкова, III, стр. 751—2; „Остафьевскій Архивъ“, I, стр. 439—40, прим. 56. О Плещеевѣ вспоминалъ, по поводу Тика, и Ал. Тургеневъ: „Вчера проводили мы вечеръ у поэта Тика, второго Лессинга по драматическимъ его сочиненіямъ и второго Плещеева по его мимическому искусству читать театральныя пьесы. Онъ прочелъ намъ одну, и прекрасно“. Ал. Тургеневъ къ брату Николаю, Дрезденъ 29 марта 1827 г., въ „Письмахъ Александра Ивановича Тургенева къ Николаю Ивановичу Тургеневу“. Лейпцигъ, 1872 г.

³⁾ Имя Тика встрѣчается въ перечнѣ лицъ, съ которыми Жуковский видѣлся въ Дрезденѣ въ 1826—7 годахъ (сл. Дневники, стр. 192, прим. 2). Жуковский заходилъ къ нему въ 1840 году, но не засталъ (Дневн. 1840 г. 19 марта). Имя Тика, чтеніе Тика, споры о немъ не разъ упоминаются въ дневникѣ.

Die dich im Geist erkennen
Und dich in Liebe finden,
Im Glauben dann verbinden,
Kann keine Ferne trennen.

Gedenken sie hierbei eines Freundes, der sich Ihrer oft erinnern wird.

Еще до Жуковского былъ у Тика Кюхельбекеръ и привезъ съ собой нѣсколько рѣшительныхъ тиковскихъ характеристикъ: „сластолюбиваго и скрытнаго Виланда“ и Клопштока, который „не христiанинъ, не поэтъ нравственный, но скептикъ и потому писатель опасный“. Въ бесѣдѣ съ романтикомъ Кюхельбекеръ выразилъ мнѣніе, „что Новалисъ при большомъ дарованіи, при необыкновенно пышномъ воображеніи, не старается быть яснымъ и совершенно утонулъ въ мистическихъ тонкостяхъ. Тикъ спокойно и тихо объявилъ мнѣ, что Новалисъ ясенъ, и не считъ нужнымъ подтвердить это доказательствомъ“¹⁾.

Жуковский очутился въ сходномъ положеніи: онъ заявилъ, что не понимаетъ нѣмецкихъ толкователей Шекспира, а Тикъ догматически излагаетъ ему, почему ихъ толкованіе возможно, и Жуковский шепчетъ про себя: „прекрасно и справедливо“, — потому что въ объясненіи Тика нашелъ знакомое ему предпочтеніе чувства разуму, потому что въ Тикѣ онъ ищетъ одной мечтательности, въ гении—добродушія и простодушія, на сценѣ—нравственныхъ идей. Онъ шагнулъ въ сторону романтизма и нашелъ—себя.

Онъ весь въ характеристикѣ, которую, объединяя свои юношескія впечатлѣнія²⁾, далъ Пушкинъ:

Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ вѣковъ завистливую даль,
И, внемля имъ, вздохнетъ о славѣ младость,
Утѣшится безмолвная печаль,
И рѣзвая задумается радость.

(„Къ портрету Жуковского“, 1819).

Это цѣлый образъ и, вмѣстѣ, программа: вздохнетъ, задумается, безмолвная печаль, сладость; одна „слава“ какъ-будто не на мѣстѣ. Нѣтъ энергическихъ тоновъ, нѣтъ бури и натиска; есть—сентиментализмъ.

¹⁾ „Мнемозина“ 1824 г., ч. II: Письмо изъ Дрездена 21 окт./1 ноября, стр. 60—2.

²⁾ Къ Жуковскому 1817 г., Жуковскому 1818 г.

I.

Эпоха чувствительности.

Съ первой трети XVIII вѣка въ европейскихъ литературахъ начинаетъ водворяться новый стиль; тамъ, гдѣ онъ зародился, ему предшествовало и соответственное настроеніе общественной психики, какъ отраженіе совершившагося соціального переворота. Такъ было въ Англіи; этимъ объясняется ея передовая роль въ послѣдующихъ теченіяхъ европейской мысли, вліяніе ея правоучительной и слезной комедіи, ея романистовъ, которыми зачитывались Руссо и Дидро. Вліяніе сказывалось неравномѣрно, смотря по тому, насколько тамъ и здѣсь общественная почва была приготовлена къ воспріятію новыхъ сѣмянъ: во Франціи оно поддержало соціальное движеніе, въ Германіи отложилось въ литературныя школы.

Сущность водворившагося настроенія состояла въ переоцѣнкѣ разсудка и чувства и ихъ значенія въ жизни личности и общества. Первый создалъ искусственную культуру, съ ея законами, устоями нравственности и салоннымъ этикетомъ, обуздалъ чувство требованіями обрядоваго приличія, фантазію—стѣснительными литературными формами; онъ вѣрилъ въ свою непререкаемость, въ просвѣтительную силу своей логики, своей науки, ея же положеній не преjdeши. Все это связывало свободу личности, и протестъ растеть; условной, разсудочной культурѣ противопоставляется идеаль челоѣка, какимъ онъ вышелъ изъ рукъ Творца, челоѣка, добраго по природѣ, неспорченного цивилизаціей: идеаль поставленный еще въ XVII вѣкѣ (Arpha Behn 1640—89) и развитый Руссо. Чувство ставится выше разсудка. „Разумъ нашъ наполовину чувство“, заявляетъ Стернь; „не надменный разумъ отверзаетъ врата неба, любовь находитъ

доступъ туда, гдѣ гордой наукѣ нѣтъ хода“, писалъ Юнгъ; для Гамана чувство—непосредственное, первичное откровеніе истины, начало человѣческаго сознанія, изъ котораго должно развиваться всеобъемлющее знаніе; для Якоби непосредственное пониманіе чувствомъ, вѣрой, выше науки, открываемой разумомъ; единственная мудрость—познать свое сердце, слѣдовать ему, не препятствовать развитію всѣхъ наклонностей и вождельній—единственная добродѣтель. Надо вѣрить внутреннему чувству, вѣрить въ свое сердце; въ этомъ человѣкъ обрѣтетъ свободу. Мерсье скажетъ то же: въ сердцѣ каждаго человѣка кроется священный огонь чувствительности, надо слѣдить, чтобы огонь не погасъ, имъ освѣщается наша нравственная жизнь.—Сила ума отрицательна, ограничена невѣріемъ, непониманіемъ, твердить въ началѣ нѣмецкаго „романтизма“ M-me de Staël: нужна философія вѣры, энтузіазма, философія, подтверждающая путемъ разума откровенія чувства; Saint-Simon назоветъ этихъ энтузіастовъ чувства *les passionnés*. Явилась „философія чувства“, явились и литературные представители чувства и чувствительности; они читали Ричардсона и Фильдинга, Юнга и Стерна, Руссо систематизировалъ для нихъ разбросанныя и неясныя черты постепенно выяснявшагося ученія о чувствѣ и сердцѣ, о природѣ и естественности, природѣ—наставницѣ добру, милосердію, нравственности; о свободѣ страстей и идеалѣ демократіи.

Программа принималась и исполнялась различно. Психологически можно различить двѣ группы исполнителей; онѣ смѣшивались; переходы изъ группы „чувствительниковъ“ къ „бурнымъ геніямъ“ были возможны; автобиографическій романъ К. Ф. Морица „Anton Reiser“ это доказываетъ.

Одна группа характеризуется ярче всего дѣятелями нѣмецкаго *Sturm-und Drang* а 60—80 годовъ XVIII вѣка. Они отличаются науку отъ геніальнаго прозрѣнія, энтузіазма, съ которымъ люди рождаются. Геніальность можетъ дремать въ каждомъ изъ насъ, подсказалъ имъ Юнгъ, надо только умѣть ее открыть и воспитать, и геній вспорхнетъ, „вдохновенный энтузіастъ“. Юнговскій трактатъ „On original composition“ былъ показателемъ времени. Ученіе о прирожденной геніальности, поддержанное Стерномъ и культомъ Фильдинга, къ непосредственной здоровой натурѣ, всецѣло отдающейся порывамъ чувства, создало породу нѣмецкихъ *Kraftgenies*, геніевъ мощи, съ ихъ призваніемъ къ дѣятельному подвигу, къ борьбѣ. Они сознаютъ себя свободными отъ всѣхъ разсудочныхъ суевѣрій, которыя до тѣхъ поръ считались нормой жизни; изъ мѣщански-растворенной условной куль-

туры ихъ тянетъ къ природѣ, къ народу и его пѣснѣ, къ идеализованной народной старинѣ, въ просторъ всемірной поэзіи, къ обновленію литературныхъ формъ. Во всемъ этомъ вліяніе Англіи несомнѣнно; англичане въ это время вновь открыли Шекспира-Прометея, отсюда начало его популярности во Франціи (Мерсье) и Германіи. Требованіе свободы чувствъ распространилось и на область нравственныхъ вопросовъ: ставятся новыя рѣшенія, потому что „геніямъ“ противенъ всякій догматизмъ, они жаждутъ простора, полны самосознанія, хотятъ взять жизнь полностью и любить реально. „Мы боги, мы свободны“ говоритъ Ленцъ. Ардингелло Гейнзе такой же „геній“, какъ Карлъ Моръ; у юнаго Шиллера пристрастіе къ доблестнымъ, величественнымъ преступникамъ, которые спускаются со временемъ къ низменному типу Rinaldo Rinaldini и разбойничьихъ романовъ. На очереди фигуры Прометея, Фауста, Магомета; „Kerl“ становится типическимъ словомъ для человѣка бурныхъ стремленій.

Рядомъ съ этой группой людей „страстного чувства“ другая: это мирные энтузіасты чувствительности, ограниченные стѣнками своего сердца, убаюкивающие себя до тихихъ восторговъ и слезъ анализомъ своихъ ощущеній, которыя за жизненной тѣготой давали предчувствовать небо. Они боготворятъ Клопштока, піетисты и мистики, могутъ пристроиться ко всякой церковно-религіозной реакціи, ужиться и съ политической, ибо отошли отъ общественности въ міръ своего крошечнаго „я“, въ абстракцію „человѣчности“, внутренней „свободы“, въ уединеніе, въ природу, вѣщающую о благодати Творца. И на природу они смотрятъ, какъ на объектъ чувствительныхъ и религіозныхъ изліяній—по поводу; избытокъ чувства не изощряетъ глаза, сентименталисты не *visuels*; все дѣло въ настроеніи; оттого они такъ любятъ музыку; самонаблюденіе доходитъ до болѣзненной шепетильности. Такъ воспитываютъ они „добродѣтель“, и зрѣтъ ихъ „человѣчность“, ихъ *schöne Seele, belle âme* Руссо, „душа“ Карамзина.

У *Kraftgenies* и *Schöne Seelen* („le genre furibond et le genre lamentable“ Шлегеля)¹⁾ одинъ общій психологическій субстратъ: гипертрофія чувства, но сентименталисты любятъ своимъ сердцемъ, ухаживаютъ за нимъ, „слабымъ“, „изнѣженнымъ“, „больнымъ“ (Донъ-Карлосъ), „выплакавшимся, полнымъ отчаянія“ (Stella). „Ахъ! то, что я знаю, можетъ каждый знать, но мое сердце у одного меня“, говоритъ Вертеръ. Являются Вертеры и

¹⁾ A. W. Schlegel, „Sur le triomphe de la sentimentalité“.

Сигварты, René и Valérie, демоническіе эгоисты чувства, какъ Allvill, представители безысходнаго Schwermuth, какъ Woldemar, разслабленные, какъ герой романа Мэккензи („Man of Feeling“), умирающій отъ чахотки и отъ — признанія въ любви, на которое рѣшился лишь при смерти.

Въ такой средѣ любовь принимаетъ особый оттѣнокъ: она жалостливая, печалующаяся, сумрачная, не знающая смѣха; St-Preux любитъ трогательную блѣдность, залогъ любви, и ненавидитъ назойливое здоровье. Оттуда пристрастіе къ контрастамъ: утра и вечера, весны и осени; именно весна вызываетъ перѣдко печальныя чувства; питаются картинами унылой, дикой природы, полутонами и полусвѣтомъ: заходящее солнце, сумерки, настраивающія на грустный ладъ, луна, прячущаяся за полныя слезы облака. Поэтический словарь отвѣчаетъ настроенію: вѣять, обвѣять, шептать, божественный, небесный; говорится о мерцающемъ мѣсяцѣ — и о мерцающей (dämmernde) душѣ, мерцающихъ мысляхъ. Такая любовь сосѣдитъ съ идеей смерти, любви за гробомъ, гдѣ встрѣтятся стремившіяся другъ къ другу души, въ чувствѣ которыхъ здоровый реальный порывъ терялся въ новомъ обобщеніи, въ томъ, что называли впоследствии *amitié amoureuse*. Это нѣчто колеблющееся на раздѣлѣ страсти и пріязни, не удовлетворяя ни той, ни другой; но M-me Roland знала повидимому, въ чемъ дѣло, и не колебалась. У „тихой святой дружбы есть стрѣлка, правящая вѣсами“ (*un point d'arpui où tient toujours la balance*), писала она Bosc'у, дружба котораго къ ней грозила перейти въ страсть; прелестныя, но жестокія страсти выводятъ насъ изъ себя, чтобы впоследствии покинуть, но честность души и поступковъ, довѣріе прямого, чувствительнаго сердца, умѣренность характера, разумно установившагося въ добрыхъ правилахъ, — вотъ что упрочиваетъ связь, какимъ бы охлажденіемъ она ни подвергалась. Въ этомъ порука, другъ мой, что вы найдете меня всегда одной и той же“.

Вмѣстѣ съ *amitié amoureuse* развилось особое чувство дружбы, также смѣшанное изъ любви и пріязни и невольно вызывающее на сравненіе съ такимъ же психологическимъ явленіемъ Renaissance'a. „Намъ нуженъ другъ, чтобы мы сами себя правились и сами собой наслаждались“, говорилъ Юнгъ; нѣмецкіе сентименталисты, начиная съ Клопштока, лелѣютъ это чувство, ревнивое, тревожное и взыскательное, какъ-будто дѣло идетъ о любимой женщинѣ. Въ литературѣ являются Позы и Донъ-Карлосы, Ксаверы и Кронгельмы (Ниллеръ и Ф. Штольбергъ въ романѣ Миллера, „Сигвартъ“), въ жизни — дружба Neuffer'a и Hölderlin'a,

въ періодъ романтиковъ—Тика и Ваккенродера, Фридриха Шлегеля и Новалиса и др.; съ примѣрами изъ древности: Давида и Ионаана, Ореста и Пилада, Ниса и Евріала, Ахилла и Патрокла. Сэръ Чарльзъ Грандисонъ затѣваетъ построить храмъ Дружбы на мѣстѣ, гдѣ влюбленная въ него miss Harriett обняла свою соперницу, его жену.

Показатель чувствительнаго, благоустроеннаго сердца—способность проливать слезы. Стернъ говоритъ объ упоеніи слезъ, joy of grief, и самъ плакалъ надъ встрѣченнымъ осломъ и птичкоузнякомъ; Юнгъ открылъ „философію слезъ“, а сентименталистамъ торный путь: полились слезы, явился даръ безпечальныхъ слезъ. „Удольфскія тайнства“ (1794) Mrs. Рэдклифъ наводнены ими; героиня, Эмилія, не можетъ видѣть, мѣсяца, слышать звона гитары, органа, шелеста сосенъ, чтобы не поплакать; Тэккерей не помнитъ ни одного романа, гдѣ бы такъ много плакали, какъ въ „Thaddeus of Warsaw“. Мать Генриха Штиллинга обладала этой драгоценной способностью: весною, когда все расцвѣтало, ей было не по себѣ, точно она изъ другого міра, но стоило ей увидѣть поблекшій цвѣтокъ, сухую былинку, она принималась плакать, и было ей такъ хорошо, такъ хорошо, что и сказать нельзя, а не весело.—Вертеръ и Лотта любятъ удалившейся грозой; ея глаза полны слезъ; „Клопштокъ“! сказала она, положивъ руку на руку Вертера; онъ вспомнилъ чудесную оду Клопштока и поцѣловалъ руку дѣвушки съ блаженными слезами на глазахъ. Эта сцена скопирована Миллеромъ въ его „Сигвартъ“: Тереза наклонилась надъ „Мессіадою“, и Кронгельмъ слышитъ, какъ слезы дѣвушки капаютъ на страницы; онъ беретъ ее за руку, она отводитъ его руку на книгу, и онъ чувствуетъ, что страница омочена, Тогда онъ поклялся въ своемъ сердцѣ вѣчно быть вѣрнымъ Терезѣ; громъ и вѣтеръ стали въ это время сильнѣе. Священная, торжественная ночь! говоритъ Кронгельмъ. Сигвартъ и Маріанна въ томъ же романѣ слушаютъ пѣніе кузнецика и плачутъ. „Въ Вильгельмѣ Мейстерѣ“ пѣвецъ поетъ: Kennst du das Land—и слушатели взволнованы, женщины бросились другъ другу на шею, мужчины обнялись, и луна была свидѣтельницею благороднѣйшихъ, цѣломудренныхъ слезъ. При разставаньи друзья пили поочередно изъ стакана, въ который каждый изъ нихъ пролилъ нѣсколько слезъ; поэтическимъ эффектомъ считалась игра мѣсячнаго луча на наверхушейся слезѣ; съ этимъ эффектомъ знакомъ былъ кн. Шаликовъ.

Эта сфера чувствительности воспитала свою музу: задумчивую Меланхолію, обитательницу развалинъ, старыхъ келій и тѣней,

не оглашенныхъ весельемъ. Ея прелести воспѣлъ 17-ти лѣтній Warton („The pleasures of melancholy“, 1745): онъ любитъ сидѣть въ сумеркахъ подъ мшистыми сводами разрушеннаго аббатства, когда мѣсяцъ бросаетъ въ окно свой долгій, прямой лучъ, и священная тишина нарушается лишь крикомъ совы, гнѣздящейся въ затхломъ склепѣ, или игрой вѣтерка въ зелени плюща, окутавшаго развалившуюся башню; любитъ прислушаться, вдали отъ неистовыхъ кликовъ Веселья, къ соннымъ трелямъ сверчка, вечеромъ, въ полусвѣтѣ гаснущихъ углей. Грей въ послѣднемъ изъ своихъ стихотвореній (1769 г.) помѣщаетъ нѣжнооую (soft-eyed) Меланхолію рядомъ съ Свободой, въ томъ же печальномъ пейзажѣ, но онъ же обогатилъ его въ своей извѣстной Элегіи (1751 г.) образами „Кладбища“, Юнгъ—картиною ночи и идеей загробности. Его „Ночныя думы“, внушенныя дѣйствительною, тяжелой утратой, ею полны. Онъ не можетъ отъ нея отвязаться, упивается ею. Смерть царить въ мірѣ, уйти отъ нея нельзя, но въ ней же и утѣшеніе: она вѣнецъ жизни, даетъ человѣку крылья, чтобы взлетѣть въ горнія области, гдѣ онъ обрѣтетъ болѣе того, что утратилъ въ раю. Апоеозъ смерти среди глухой безмолвной ночи, вѣщающей о безсмертіи и вѣчномъ днѣ, въ освѣщеніи блѣдной Цинтіи—Луны. До тѣхъ поръ она рѣдко показывалась для выраженія печальныхъ или таинственныхъ настроеній; какой-то сечентистъ XVII вѣка даже дерзнулъ назвать ее „небесной яичницей“; Юнгъ изобрѣлъ ее снова, ея грядущую популярность поддержалъ Макферсоновскій Оссіанъ, Клопштокъ пустилъ ее въ оборотъ. Виргиліевскія *amica silentia lunae* стали лозунгомъ новаго поэтическаго настроенія у Zahariä, Гесснера, Кронегка, Виланда и отъ молодого Гёте до Longfellow и далѣе; мѣсяцъ—„божество цѣломудренныхъ душъ“, онъ блѣденъ, какъ боязливая, отринутая любовь; говорилось о меланхолическомъ мѣсяцѣ, о мѣсяцѣ, простирающемъ въ лѣсахъ великую тайну меланхоліи, которую онъ любитъ нашептывать старымъ дубамъ (Шатобріанъ); о „мѣсяцѣ въ сердцѣ“ (*Mondschein im Herzen*). Въ связи съ нимъ входитъ въ моду у поэтовъ „Гёттингенскаго кружка“ эпитетъ „серебряный“ о свѣтѣ и звукѣ; серебристый голосъ и даже *silbernes Klavier*. У поэтовъ псевдоклассическихъ вкусовъ, напр. у Попе и его школы, такому же обобщенію подвергся эпитетъ „золотой“; но они любили солнце, теперь оно зашло. Кардуччи видитъ въ лунѣ символъ романтической поэзіи въ противоположность съ классическимъ солнцемъ; вмѣсто романтизма поставимъ сентиментализмъ. Присоединимъ къ таинственному пейзажу, который мы пытались нарисовать, Оссіановскіе

туманы и міръ экзотическихъ призраковъ — и у насъ подъ руками цѣлая система представленій и образовъ, питавшихъ балладу, въ которой видѣли продуктъ романтической фантазіи. Но это не романтизмъ съ его теоретической обоснованностью, а до-романтизмъ (итальянцы называли его *preromanticismo*) на почвѣ чувствительности.

Такъ создавалось литературное теченіе, вызвавшее къ бытію груды череповъ и скелетовъ, сонмы призраковъ и мыслей на кладбищѣ, все это закутанное ночью или освѣщенное задумчивой луною. Къ могиламъ паломничали неудачно влюбленные барышни, любили рисовать могильный холмъ, на которомъ выписывали свое имя. Слезы и мысли о смерти, безотчетное уныніе стали литературною манерой, въ меланхолію играли („мрачныя удовольствія меланхолическаго сердца“ Шатобріана); у чувствительниковъ явился свой этикетъ, наслажденіе своимъ сердцемъ нормировалось разсудкомъ, и новый флагъ нерѣдко прикрывалъ вожделѣнія старой, чувствительной эклоги. Настроеніе охватило не только молодое поколѣніе Франціи и Италіи, но и стариковъ: галантная Аркадія перестала ворковать и настроилась на слезы; такой эклектикъ, какъ Monti, пишетъ „*Entusiasmo malinconico*“, Пиндемонте чувствителенъ въ своихъ „*Poesie campestri*“; одинъ итальянскій журналистъ изъ іезуитовъ водить насъ въ сопутствіи Юнга по Campo-Santo въ Бергамо; пьеса озаглавлена: „Красоты Кладбища“ (*Il bello sepolcrale*).

Недавно найденные отрывки дневника 16-ти лѣтняго Матисона, сентиментальная поэзія котораго увлекала Жуковского и юныхъ Тургеневыхъ¹⁾, даютъ намъ понятіе о нравственной атмосферѣ, въ которой складывалось міросозерцаніе поэта. Обложка расписана имъ самимъ: внизу и сверху волнообразныя, синія по бѣлому полю полосы, посрединѣ на красномъ фонѣ гирлянды изъ цвѣтовъ. Это дневникъ самонаблюденія, тайной исповѣди самому себѣ (*geheimes Tagebuch*); авторъ, еще школьникъ, счастливъ, что надумался снова приняться за него, ибо дѣло это серьезное, и онъ горько упрекаетъ себя, что какъ-то забылъ про него, увлекшись интересной книгой: „Господь да проститъ мое прегрѣшеніе“. Ни одинъ день не проходитъ безъ помѣты. „Нынѣшній день прошелъ для меня въ перебоѣ радости и горя, а никогда не ощущалъ я такого благодатнаго, тихаго душевнаго спокойствія: сладкая, унылая меланхолія (*wehmüthiger Schwermuth*), настроившая меня къ пріятнымъ и серьез-

¹⁾ „Письма А. Н. Тургенева къ Н. И. Тургеневу“, стр. 86. 147.

нымъ чувствованіямъ, была мнѣ источникомъ размысленій о моей будущей судьбѣ, и всѣ они сходились къ одному, что безъ добродѣтели и страха Божія мнѣ не быть счастливымъ“. Онъ молитъ Господа послать ему силы для борьбы съ чувственностью, пылкимъ темпераментомъ, недѣятельностью, легкомысліемъ; зорко наблюдаетъ за собою, ликуетъ, когда день прошелъ незасорно, и сѣтуетъ, когда однажды въ день рожденія короля выпить нѣсколько стакановъ вина—за день до причастія. Все это перемежается молитвенными обращеніями и укорами совѣсти. Мальчикъ пѣтистъ цитируетъ одну изъ духовныхъ пѣсень Штурма, съ мистическими сочиненіями котораго Жуковскій познакомился въ Московскомъ Благородномъ Университетскомъ пансіонѣ, но онъ прочелъ и Сигварта, желалъ бы быть на его мѣстѣ, встрѣтить такое же небесное созданіе, какъ Маріанна; бесѣдуетъ съ товарищами объ облагораживающемъ вліяніи чистой, цѣломудренной любви, затѣваетъ съ ними нѣчто въ родѣ дружескаго ученаго общества; вырываясь изъ объятій „нѣжнѣйшаго друга“, проливаетъ сладкія слезы и на весь день погружается въ меланхолію. „Тихая, покойная жизнь, далекая отъ всякой сутолоки, въ кругу нѣжныхъ друзей, при этомъ чистая совѣсть—вотъ что готовитъ человѣку тайныя радости“. А затѣмъ природа; авторъ хочетъ пойти къ ней въ науку, она будетъ руководить его. „Какъ часто глядѣлъ я сегодня на луну, и мною овладѣлъ трепетъ, мысли о смерти и вѣчности освящали душу, души усопшихъ друзей, казалось, рѣяли вокругъ меня; все было такъ грустно, такъ торжественно, что я забылъ все на свѣтѣ и въ этотъ священный часъ раздумья съ распростертыми объятіями устремился бы къ смерти. Пусть явится она скорѣе... тогда моя просвѣтленная душа возлетитъ къ Господу, я не буду знать нужды и печали, а мои дорогіе скоро послѣдуютъ за мной“. Онъ любитъ заходомъ солнца, отраженіемъ багроваго неба въ прудѣ; хочетъ взять съ собою Клейста и Виргилія, чтобы лучше прочувствовать то, что описали эти славные; самъ ощущаетъ себя геснеровскимъ пастушкомъ. Недостаетъ любви, которая скрасила бы для него весну, заставила бы его еще болѣе полюбить Творца въ каждомъ цвѣткѣ (при этомъ рисунокъ: покачнувшаяся урна, изъ которой сыплется пепелъ, и цвѣтокъ). Сердце какъ-то усиленно бьется, и авторъ успокаиваетъ его, вступаетъ съ нимъ въ разговоръ. Онъ любитъ ангела, Божья ангела; смотритъ издали на деревню, гдѣ живетъ его милая, вечерняя звѣзда для него—звѣзда любви, онъ даетъ себѣ обѣщаніе смотрѣть на мѣсяцъ: можетъ быть, и она любитъ его съ думою о юношѣ. Въ бурную

погоду онъ вырѣзаетъ ея имя на корѣ бука. Но почему онъ думаетъ только о ней? „Если это грѣхъ, то прости мнѣ, Боже! Но гдѣ же она, святая, гдѣ она“? Онъ увидѣлъ ее; она будетъ его навѣки. „А какъ подумаю о разставаніи, горькія слезы увлажняютъ мои ланиты“¹⁾.

Гёте, Шиллеръ, Жанъ Поль Рихтеръ пережили въ юности sentimentalный періодъ, чтобы выйти каждый на свой путь. У Шиллера настроеніе это звучитъ дольше; „Гимны къ ночи“ Новалиса, пережитые „воображеніемъ сердца“, отзываются чтеніемъ Юнговскихъ думъ: разница между тѣми и другими въ поэзии и новой стилистикѣ; мы на почвѣ романтизма. Манія слезъ и печали не только создала поэтовъ, но и типы безпредметныхъ меланхоликовъ, разновидность „проблематическихъ натуръ“; они, какъ и бурные геніи, влились въ теченія романтизма и байронизма.

И у насъ обнаружили теченія чувствительности, и у насъ они смѣнили вліяніе просвѣтительной, разсудочной литературы XVIII вѣка. Въ силу историческихъ условій—мы не могли не подражать, но подражали, не переживъ того общественно-психического процесса, который дѣлаетъ такого рода вліянія жизнеспособными. Мы не такъ болѣли умомъ, чтобы искать спасенія въ чувствахъ; на Западѣ протестъ во имя его былъ принципиальный, у насъ онъ обратился противъ уродливыхъ явленій нашей просвѣтительности съ ея упрощеннымъ матеріализмомъ, наивной игрой въ невѣріе и увлеченіемъ западной салонной культурой. Явились разсужденія „о злоупотребленіяхъ разума нѣкоторыми новыми писателями“ (Лопухинъ), „умственность родила зло“, писалъ Херасковъ, а Сумароковъ могъ сказать, что съ развитіемъ наукъ „погибла естественная простота, а съ нею и чистота сердца“.

Наступилъ періодъ сердца. Серьезный въ піэтистическомъ Новиковскомъ кружкѣ, онъ сказался въ легкой литературѣ наплывомъ чувствительности. Противорѣчія сентиментализма и классицизма ощущались какъ литературныя, не какъ внутреннія; сентиментальная литература и не подняла чувства, а лишь открыла новые источники чувствительности; она приучила къ извѣстному шаблону и не открывала глаза на русскую природу и русскую дѣйствительность. Юнгъ и Оссіанъ коснулись

¹⁾ Holm, „Ein Tagebuch aus Mattisson's Jugend“, Neue Heidelberger Jahrbücher, Jahrg. X, Heft 1, стр. 81 слѣд.; дневникъ съ 13 января по 10 авг. 1777 года.

уже Державина; Болотовъ читаетъ Зюльцера („Moralische Betrachtungen über die Werke der Natur“, 1745 г.), и у него впервые открываются глаза на природу какъ на источникъ „непорочныхъ увеселеній“ и піэтистическихъ восторговъ. Для Карамзина Юнгъ—„несчастныхъ другъ, несчастныхъ утѣшитель“ („Поэзія“ 1787 г.), а пѣсни Оссіана, „нѣжнѣйшую тоску вливая въ томный духъ, настраиваютъ насъ къ печальнымъ представленіямъ; но скорбь сія мила и сладостна душѣ“ (тамъ же). Въ библіотекѣ Карамзина мы найдемъ Руссо, Бернардена de St.-Pierre, Ричардсона, Томсона, Стерна, его французскихъ подражателей и нѣмецкихъ сентименталистовъ. Карамзинъ—организаторъ нашего литературнаго сентиментализма. Схема міросозерцанія намъ извѣстна: природа, славящая Творца, чувствительное сердце („Богъ—отецъ чувствительныхъ сердецъ“, „Пѣснь Божеству“ 1793 г.; святая поэзія—„Богъ чувствительныхъ сердецъ“, „Дарованія“ 1795 г.), прославленіе добродѣтели и дружбы; общественный идеаль — человѣкъ, который

..... Малымъ можетъ быть доволенъ,
 Не скованъ въ чувствахъ, духомъ воленъ.....
 Душою такъ же прямъ, какъ станомъ,
 Не ищетъ благъ за океаномъ
 И съ моря кораблей не ждетъ,
 Шумящихъ вѣтровъ не робѣетъ,
 Подъ солнцемъ домикъ свой имѣетъ,
 Въ сей день для дня сего живетъ
 И мысли въ даль не простираетъ;
 Кто смотритъ прямо всѣмъ въ глаза,
 Кому несчастнаго слеза
 Отравы въ пищу не вливаетъ;
 Кому работа не трудна,
 Прогулка въ полѣ не скучна,
 И отдыхъ въ знойный часъ любезенъ;
 Кто ближнимъ иногда полезенъ
 Рукой своей или умомъ;
 Кто можетъ быть пріятнымъ другомъ,
 Любимымъ, счастливымъ супругомъ
 И добрымъ милыхъ чадъ отцомъ;
 Кто музъ отъ скуки призываетъ
 И нѣжныхъ Грацій, спутницъ ихъ;
 Стихами, прозой забавляетъ
 Себя, домашнихъ и чужихъ,

Отъ сердца чистаго смѣется
(Смѣяться, право, не грѣшно
Надъ тѣмъ, что кажется смѣшно!),
Тотъ въ мирѣ съ міромъ уживется.

(„Посланіе къ Александру Алексѣевичу Плещееву“, 1794 г.).

Такого человѣка, „въ комъ духъ и совѣсть безъ пятна“ („Посланіе къ Дмитріеву“, 1793 г., сл. „Письмо Филалета къ Мелодору“, 1794 г.), смерть не страшитъ: она—„пристань и покой“, гдѣ снова соединятся разлученные („Берегъ“, 1803 г.), гдѣ для умѣвшихъ любить „любовь будетъ вѣчна“ („Мысли о любви“, 1797 г.); „Кладбище“ (1793 г.)—„обитель вѣчнаго мира“.—Все это создаетъ атмосферу меланхолиі; она „мрачная“, её не разгонитъ даже улыбка весны („Весенняя пѣснь меланхолика“, 1788 г.), но въ ней есть и своеобразное наслажденіе: она—„нѣжнѣйшій переливъ

Отъ скорби и тоски къ утѣхамъ наслажденья!
Веселья нѣтъ еще, и нѣтъ уже мученья;
Отчаянье прошло... но, слезы осушивъ,
Ты радостно взглянуть на свѣтъ еще не смѣешь,
И матери своей, Печали, видъ имѣешь.

(„Меланхолія“, подражаніе Делилю, 1800 г.).

Либо говорится о „флёрѣ“, „прозрачной завѣсѣ чувствительности“, сквозь которую сіяютъ глаза героя („Рыцарь нашего времени“).

У Карамзина явилась школа; самъ онъ шелъ по чужимъ слѣдамъ, но его школа всего лучше выдастъ слабость ремесла. „Пріятное и полезное препровожденіе времени“ и „Иппокрена“ полны юнговскихъ и оссіановскихъ мотивовъ, извлеченій и подражаній. Здѣсь подвизался Ѳ. Г. Покровский (философъ горы Алаунской), случайный учитель мальчика Жуковского; его меланхолія настраиивается порой реально-альтруистически на тему „бѣдствій человѣческихъ и благотворенія“¹⁾; зато князь Сибирскій—сытый сентименталистъ, которому московскіе пейзажи напоминаютъ описанія въ одномъ романѣ Рэдклиффъ²⁾, который любить „заняться“ меланхоліей, сидя у „алаго огня и вспоминая объ

¹⁾ „Пріятное и полезное препровожденіе времени“, ч. XII, 1796 г., стр. 3 слѣд.: „Темный лѣсъ или чувство бѣдствій человѣческихъ и благотворенія“.

²⁾ „Мои желанія при наступающей веснѣ“, „Иппокрена“ 1799 г., ч. 2 стр. 260.

отсутствующихъ друзьяхъ и любезной“ ¹⁾. Въ меланхолію онъ играетъ: вообразилъ себя однимъ изъ чадъ Оссіановской фантазіи, погружается въ унылую задумчивость, но спохватился: къ чему слезы и печаль, когда человѣка съ чистой душой ждутъ послѣ юдоли плача цвѣтущія долины Эдема и пѣсни ангеловъ? Противорѣчіе разрѣшается—сномъ, потому что авторъ „ощутилъ бремя свинцоваго скипетра Морфея“ ²⁾.

Особенно показателенъ для игры въ сентиментализмъ князь Шаликовъ; „въ немъ есть нѣчто тепленькое“, писалъ о немъ Карамзинъ, защищая его отъ нападокъ Дмитріева ³⁾. Весна наводитъ на него меланхолію и слезы; въ хрусталѣ глазъ играетъ солнечный лучъ, но „часто кроткое сіяніе луны перемѣняетъ его (хрусталь? лучъ?) на бирюзовомъ небѣ передъ глазами моими“. Стихотвореніе „Кладбище“ обращается въ гимнъ „кроткой, священной меланхоліи“; въ посланіи къ „Философу горы Алаунской“ поэтъ вспоминаетъ, какъ они философствовали надъ могилами подъ старымъ развѣсистымъ дубомъ, тогда какъ „меланхолическій свѣтъ луны увеличивалъ меланхолію мѣста и предметовъ“; на возвратномъ пути ихъ вниманье остановилъ печальный готическій замокъ; это—острогъ. „Москва—рѣка“ и „Днѣпръ“ вызываютъ грустныя мысли — по поводу, котораго мы не видимъ; объектъ исчезаетъ, только за Днѣпромъ „небольшія рощицы, убѣжища любви и блаженства“, и т. д. „О, природа! О, чувствительность!“ Русский пейзажъ, мѣстныя впечатлѣнія цѣнятся, поскольку они подсказаны западными впечатлѣніями и чтеніями. У путешественника Карамзина западный „стихотворецъ“ всегда „въ мысляхъ и рукахъ“ — или въ карманѣ для справки: онъ любитъ видами и сентиментальничаетъ тамъ, гдѣ до него прошли Галлеръ, Геснеръ, Руссо, и въ ихъ стилѣ. Шаликовъ переноситъ этотъ пріемъ на русскій пейзажъ: „весна не была бы для меня такъ прекрасна, если бы Томсонъ и Клейстъ не описали бы мнѣ всѣхъ красотъ ея“, признается Карамзинъ (Соч., II, 71):

„Ламберта, Томсона читая,
Съ рисункомъ подлиннымъ сличая,
Я міръ сей лучшимъ нахожу;
Тѣнь рощи для меня свѣжѣе,
Журчанье ручейка нѣжнѣе;

¹⁾ Тамъ же, ч. 4, стр. 255—6: „Меланхолія“.

²⁾ Тамъ же, ч. 3, стр. 202 слѣд.: „Подражаніе Оссіану“.

³⁾ Дмитріевъ, „Мелочи изъ запаса моей памяти“, 1869 г., стр. 93.

На все съ веселіемъ гляжу,
Что Клейсть, Делиль живописали;
Стихи ихъ въ памяти храня,
Гуляю, гдѣ они гуляли,
И слѣдъ ихъ радуеть меня!“

(„Деревня“, 1795 г.).

Въ подмосковномъ имѣніи Лопухина, Жуковскій видѣлъ въ саду Юнговъ островъ и на немъ урну, посвященную памяти Фенелона, съ изображеніемъ г-жи Гюйонъ и Руссо. „Это мѣсто невольно склоняетъ насъ къ какому-то унылому, пріятному размышленію“¹⁾.

Кн. Шаликову подсказываетъ нѣчто подобное — воспоминаіе: „Майское утро“ навѣваетъ образы Вертера и Элоизы, „Монастырь“ — память „о таинствахъ священнодѣйствія друидовъ“, „о грозныхъ оракулахъ“ — и автору хотѣлось бы проникнуть въ сокровенность сердца монаха, ибо исторія каждого изъ нихъ есть цѣпь горестей. Въ Малороссіи онъ открылъ гдѣ-то отѣнокъ Швейцаріи; „имѣя нѣкоторую живость воображенія, чувствительность сердца, можно ли не знать Швейцаріи и, не бывъ въ ней, не знать прекраснѣйшей въ мірѣ природы ея? Кто не читалъ Новой Элоизы, Писемъ русскаго путешественника?“ Переходя затѣмъ къ разстилавшемуся передъ нимъ ландшафту, онъ спрашиваетъ себя: „Не маленькая ли это Юра? Не маленькая ли Кларанъ?“ Онъ пытается подражать русской народной пѣснѣ („Долго ли мнѣ, молодой, кручиниться“; „Нынче былъ я на почтовомъ на дворѣ“), но, переводя „Tableau slave“ (Paris, 1824 г.) кн. Зинаиды Александровны Волконской („Славянская картина пятого вѣка“), не замѣтилъ, что помѣщенная тамъ брачная пѣсня — передѣлка русской народной, и снова перевелъ ее съ французскаго, на этотъ разъ не въ народномъ стилѣ („Молодая сосна стояла на дворѣ возлѣ шалаша“¹⁾). Описаніе „сельскаго праздника“ открывается признаньемъ: „Для друга *человѣчества* и природы есть неизъяснимое удовольствіе въ *чистомъ* веселіи

1) О „Фенелонѣ“ 1809 г.; Воейковъ переложилъ эту замѣтку въ стихи сл. его „Описаніе русскихъ садовъ“, „Вѣстникъ Европы“, 1813 г., № 7 и 8, стр. 194).

1) Начало пѣсни въ „Tableau slave“: Un jeune pin s'élevait sur les monts auprès d'une chaumière; въ „Olga“ той же писательницы также встрѣчаются передѣлки народныхъ пѣсенъ: 1) „Assise dans un donjon élevé j'entends la voix du faucon“; 2) „O fleuve, fleuve chéri“; 3) „Bon foyer, chauffe-toi“; 4) „Dans la prairie est un joli tilleul“.

чистосердечныхъ поселянъ“. — А вотъ и праздникъ Купалы: „Вечеру по захожденіи солнца, на зеленомъ лугу и маленькихъ островкахъ свѣтлой рѣчки, подлѣ сосновой рощи и во внутренности ея запылали смоленныя бочки. . . . Нетерпѣливые поселяне потекли со всѣхъ сторонъ на мѣсто веселія; сельскіе *Дицы* ударили въ смычки свои; тамъ раздались *нѣжныя* свирѣли, здѣсь громкія пѣсни; молодыя крестьянки и крестьяне составили *рѣзвыя* пляски; пожилые сѣли за столы, на которыхъ изъ большихъ сосудовъ благоухалъ *нектаръ* и *амброзія* ихъ — горѣлка и свѣжій хлѣбъ; иные бросились на качели, . . . прочіе разсѣялись по рощѣ и лугу; мы ходили и веселились съ счастливыми поселянами. Добрый ихъ помѣщикъ радовался искренно счастію ихъ и раздѣлялъ его съ нами въ *чувствительномъ* своемъ сердцѣ. Все, что *Виргилій*, *Геснеръ*, *Флоріанъ*, *Делиль* воспѣли на безсмертныхъ свирѣляхъ своихъ, *оживилось въ памяти, въ душѣ моей* . . . *Люблю поля, люблю добродѣтель, люблю и тебя, Делиль*“.

Юнговская меланхолія на кладбищѣ—и народная жизнь, видѣнная изъ оконъ помѣщичьяго дома, съ чистосердечными, счастливыми поселянами, нѣжными свирѣлями, рѣзвыми плясками на зеленомъ лугу, у свѣтлой рѣчки, съ водкой—амброзіей. Дѣйствительность могла подсказывать другое, но нельзя было отдѣлаться отъ Юнга и Делиля, не припомнить „обманы и Ричардсона и Руссо“ („Евг. Онѣгинъ“). Это—сентиментализмъ для развлеченія, допускавшій и нѣкоторую долю похотливости. Въ ту пору, когда Жуковский вступилъ въ его атмосферу, русское общество переживало реакцію, самое слово „общество“ изъято было изъ литературнаго обращенія, но сентиментальничать не воспрещалось. Мать Карамзина обнаруживала удивительную склонность къ меланхоліи, просиживала цѣлые дни въ глубокой задумчивости; ея любимое чтеніе—чувствительные романы ¹⁾. Екатерина Аѳанасьевна Протасова, впослѣдствіи строгая ригористка, зачитывалась въ молодости „Новой Элоизой“ и сентиментальной книгой о воспитаніи: „*Adèle et Théodore*“²⁾. Отецъ Гоголя любилъ заниматься разбивкой садовъ и для каждой аллеи подыскивалъ особое названіе; въ сосѣднемъ лѣсу у него была „Долина спокойствія“, запрещено было стучать и даже колотить бѣлье на пруду,—чтобы не разогнать соловьевъ ³⁾. Лѣтомъ 1810 года Гнѣдичъ

¹⁾ Карамзинъ, Соч., III, стр. 242, 253—5.

²⁾ Зейдлицъ, „Жизнь и Поэзія В. А. Жуковского“, стр. 13, прим. 1.

³⁾ Щеголевъ, „Историческій Вѣстникъ“ 1902 г., февраль, стр. 661.

засталъ Батюшкова больнымъ, „кажется, отъ московскаго воздуха, зараженнаго чувствительностью, сырого отъ слезъ, проливаемыхъ авторами, и густого отъ ихъ воздыханій“ ¹⁾. И Батюшковъ шутить надъ „модными писателями, которые проводятъ цѣлыя ночи на гробахъ и бѣдное челоуѣчество пугаютъ привидѣніями, духами, страшнымъ судомъ, а болѣе всего своимъ слогомъ“, предаваясь „мрачнымъ разсужденіямъ о бренности вещей, которыя позволено дѣлать всякому въ нынѣшнемъ вѣкѣ меланхоліи“ („Прогулка по Москвѣ“, 1810 г.)

Засентиментальничалъ и Жуковский, единственный настоящій поэтъ эпохи нашей чувствительности, единственный, испытавшій ея настроеніе не литературно только, но страдой жизни, въ ту пору, когда сердце требуетъ опеки любви, и позже, когда оно ищетъ взаимности. И этотъ опытъ оставилъ глубокіе слѣды на челоуѣкѣ, далъ особый поворотъ его чувству, навсегда связавъ его „воспоминаніями“; мотивы сентиментальной поэзіи поддерживали его настроеніе, но оно наложило на нихъ печать искренности, изящной задумчивости, которая перебиваетъ условность голосомъ сердца. Это поэтическое cliché, отзвукъ испытаннаго и выстраданнаго, связала его: настали иныя времена, проглянуло и позднее счастье, а печальное cliché повторяется среди шалостей Арзамаса и новыхъ увлеченій, „Отчетовъ о лунѣ“ и эпитафій „бѣлки“. Точно Leitmotiv, отъ котораго поэтъ не можетъ отвязаться.

¹⁾ Тихановъ, „Ник. Ив. Гнѣдичъ“, стр. 40.

II.

Юные годы. Первый опытъ sentimentalнаго увлеченія и идеаль- дружбы. М. Н. Свѣчина и Андрей Тургеневъ.

Отрочество протекло нерадостно для чувствительнаго маль- чика. Отца своего, Бунина, онъ видѣлъ, но не зналъ; отношенія къ нему М. Г. Бувиной († 1811 г. 13 мая) были, повидимому, прекрасныя, но прекратились рано¹⁾. Ек. Аѳ. Протасова, которую онъ звалъ „матушкой“, приходилась ему сводной сестрой, на- стоящая мать, крещеная турчанка Сальха († 1811 г. 25 мая), являлась въ семьѣ въ неопредѣленномъ положеніи полубарыни: ея письма къ сыну говорили о „благодѣтеляхъ“²⁾. Это его смущало. Его не отдѣляли отъ другихъ дѣтей, окружали тѣми же попеченіями и лаской, онъ былъ какъ свой, но чувствовалъ, что не свой, онъ жаждалъ родственныхъ симпатій, семьи, любви, дружбы, и не находилъ; ему казалось, что не находилъ. Это на- страивало его печально.

Въ Московскомъ Университетскомъ Благородномъ пансіонѣ и кружкахъ, стоявшихъ съ нимъ въ связи, доживало преданіе державинскаго псевдоклассицизма; оно коснулось и Жуковского. Увлеченные „рѣдкими, неподражаемыми красотоми“ оды „Богъ“, онъ и его товарищъ по пансіону Родзянко перевели ее на фран- цузскій языкъ и обратились къ ея „безсмертному творцу“ съ восторженнымъ письмомъ. Державинскимъ стилемъ отзываются кое-какія пансіонскія произведенія юнаго поэта („Майское утро“, 1797 г., „Могущество, слава и благоденствіе Россіи“, 1799 г.); позже, когда сказалось вліяніе Дмитріева и Карамзина, онъ

¹⁾ Сл. „Русскій Архивъ“ 1883 г., I, стр. 208 слѣд.; *ibid.* 1902 г., май, стр. 128.

²⁾ „Русскій Архивъ“ 1883 г., I, стр. 213 слѣд. (письма матери 1799, 1801, 1806 и 1807 годовъ); сл. тамъ же, 1902 г., май, стр. 129.

могъ говорить, отчасти подѣ влияніемъ раздраженія, о сумбурѣ и безпорядкѣ тамъ, гдѣ прежде встрѣчалъ однѣ красоты¹⁾. Если Дмитріева, „пророка и вкуса и Парнаса“²⁾, онъ называлъ своимъ учителемъ въ поэзіи, то влияние ограничилось „механизмомъ стиха“, „живостью рассказа“³⁾; учителемъ поэзіи и жизни сталъ для него Карамзинъ: до конца дней онъ видѣлъ въ немъ идеалъ прекрасной души, называлъ его своимъ „евангелистомъ“⁴⁾, чья любовь ему „такъ же нужна, какъ счастье“⁵⁾. Онъ счастливъ уже тѣмъ, что знакомъ съ нимъ, способенъ оцѣнить его; „это болѣе, нежели что-нибудь, дружить меня съ самимъ собою. И можно сказать, что у меня въ душѣ есть особенно хорошее свойство, которое называется Карамзиннымъ: тутъ соединено все, что есть во мнѣ добраго и лучшаго“⁶⁾. Въ альбомѣ Е. Н. Карамзиной онъ записываетъ въ 1818 году:

*Все для души, сказалъ отецъ твой несравненный.
Въ сихъ двухъ словахъ открылъ намъ ясно онъ
И тайну бытія и нашихъ дѣлъ законъ.*

„Здѣсь все для души человѣческой, сказалъ незабвенный Карамзинъ“, повторяетъ онъ на разстояніи 40 лѣтъ (къ Нащокину 16/28 февр. 1847 г.). Передъ Карамзинымъ онъ „не способенъ быть скрытнымъ“⁷⁾, онъ былъ ему „другомъ отцомъ“, „большая половина жизни прошла подѣ свѣтлымъ влияніемъ его присутствія.... Воспоминаніе о немъ есть *религія*“⁸⁾.

Къ этой „религіи“ онъ былъ приготовленъ въ стѣнахъ пансіона, куда проникали теченія чувствительности, поддержанныя мистицизмомъ Штурма, книга котораго обязательно читалась въ школѣ, и влияніемъ масоновъ, старика Ив. Петр. Тургенева и Ив. Влад. Лопухина съ его ученіемъ о „внутренней церкви“.

¹⁾ Письмо къ Ал. Тургеневу 27 марта 1811 г.

²⁾ Сл. посланія къ кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину, III Préambule 1814 г. письмо къ Дашкову 1817 г.; къ Измайлову 27 ноября 1827 г.

³⁾ Сл. письмо И. И. Дмитріева къ Жуковскому 1823 г. 18 февраля.

⁴⁾ Ал. Тургеневу изъ Дерпта, лѣтомъ 1815 г.

⁵⁾ Къ нему же изъ Дерпта 31 октября 1816 г.

⁶⁾ Къ Дмитріеву 18 февр. 1816 г.

⁷⁾ Къ Ал. Тургеневу 1817, 25 апрѣля, Дерптъ.

⁸⁾ Ему же изъ Эмса, въ послѣднихъ числахъ іюня 1826 г. Сл. письма къ Е. А. Карамзиной, Эмсъ 1826 г. іюня (лучшее мое чувство, чистое и высокое, какъ религія, была моя къ нему привязанность), къ имп. Маріи Ѳедоровнѣ (14/26 іюня) и Александрѣ Ѳедоровнѣ (15/27 іюня) изъ Эмса 1826 г. Сл. письма къ Измайлову ноября 27, къ Дмитріеву 23 авг. 1836 г., и посланія къ нему же 1813 и 1832 г. („Святое имя Карамзинъ“).

Все это дало форму, указало исходъ неудовлетворенной жаждѣ счастья. „Мысли при гробницѣ“ (1797 г.) написаны 14-лѣтнимъ мальчикомъ подѣ впечатлѣніемъ смерти Варвары Ае. Юшковой, его сестры по отцу и крестной матери, въ семьѣ которой прошла часть его дѣтства: серебристая, блѣдно мерцающая луна свѣтитъ, совершенно по-юнговски, надъ полуразвалившейся гробницей; на ней черепъ, эмблема смерти; результатъ—сладкое уныніе, задумчивость, томность. Вселенная представляется гробомъ, но смерть—торжество, она—путь въ вѣчноблаженную страну. Стояъ „вѣщей совы“ прерываетъ размышленія, и растроганный авторъ возвращается въ „сельскую свою кущу“. То же настроеніе въ статьѣ „Жизнь и источникъ“ (1798 г.): „флѣровая мантия меланхолиі“ покрыла его чувства. Въ „Майскомъ утрѣ“ того же года онъ завидуетъ участи человѣка, который, „достигнувъ мирнаго блага, вѣчнымъ спитъ сномъ“. Въ 1800 году являются его „Мысли на кладбищѣ“; онъ усердно воспѣваетъ добродѣтель, изъ двухъ пьесъ подѣ этимъ заглавіемъ (1798 года) одна открывается картиной кладбища ¹⁾. Настроеніе пьесъ „Къ Тибуллу“ (1800) и „Къ Человѣку“ (1801)—одно и то же: „вся наша жизнь лишь только мигъ“, либо: „что жизнь твоя?—мгновенье!“—но для мудраго и чистаго „могила—къ вѣчной жизни путь“, „мы живы въ самомъ гробѣ будемъ“. Онъ переводитъ элегію Грея, вторичный пересказъ который (1802 г.: „Сельское кладбище“) ввелъ его въ литературу; настроенный меланхолично, не разобравшись въ слащавой слезливости кн. Шаликова, онъ съ удовольствіемъ прочелъ его „Путешествіе“. „Въ немъ нѣтъ ни географическихъ, ни топографическихъ описаній“, пишетъ онъ по его поводу, „нѣтъ свѣдѣній о населеніи, торговлѣ того или другого города, за то авторъ позаботился объ удовольствіи читателя: вмѣстѣ съ путешественникомъ мы взойдемъ на крутой берегъ шумящаго Днѣпра, послѣдуемъ глазами за бурнымъ теченіемъ рѣки, вздохнемъ близъ могилы его друга, освѣщенной лучами заходящаго солнца, вспомнимъ о прошедшемъ, унесемъ, быть

¹⁾ Говоря объ одной изъ пьесъ, озаглавленныхъ „Добродѣтель“ („Подъ звѣзднымъ небомъ тихой ночи“), Галаховъ указалъ на сходство ея третьей строфы съ строфой стихотворенія Кованько „Тлѣнность“, помѣщеннаго въ „Приятномъ и Полезномъ Препровожденіи Времени“ 1795, ч. V. Жуковский: „Кидая всюду страшный взоръ,—Сатурнъ насытый и свирѣпый... Паритъ и груди оставляетъ — Развалинъ слѣдомъ за собой“; Кованько: „Кровавый всюду взоръ вращая... Сатурнъ насытый и суровый... Парятъ предъ нимъ вездѣ туманы,—А по слѣдамъ развалинъ рядъ“. См. „Отеч. Записки“ 1852 г., т. LXXXV, отд. II, стр. 43.

можетъ, наше счастье. Кого не трогаетъ *чувствительность*? Кто не предавался *меланхолии*? Кто не мечталъ въ тишинѣ уединенія о своей участи, не строилъ воздушныхъ замковъ, не бросалъ унылаго взгляда на минувшее время юности? Но она скоротечна, быстро исчезаетъ волшебный міръ, созданный фантазіей, отъ него остаются развалины; въ будущемъ *смерть*, позади — *воспоминанія, прелестныя и, вмѣстѣ, печальныя*“ (1803 г.).

„Очень хочется мнѣ видѣть твою рецензію на Шаликова“, писалъ Жуковскому Андрей Ивановичъ Тургеневъ; „и съ какой точки зрѣнія ты его разсматриваешь? На него нельзя писать критики, какъ-то жаль его,“ (изъ Петербурга 1803, 9 марта). „Ну ужъ, братъ, Путешествіе Шаликова! Я выходилъ изъ терпѣнія. Козловскій неистощимо насъ забавилъ описаніемъ самаго путешественника и всѣхъ писателей чувствительной Москвы, которые Шаликова почитаютъ за своего *doyen* и смотрятъ на него съ уваженіемъ. Твоя рецензія написана прекрасно, но на что же ты ее такъ напечаталъ? На что хвалить то, что такъ вяло, такъ слабо, такъ ненатурально, такъ обыкновенно! Для читателей также не довольно, что ты читалъ его, и съ публикой цѣлой въ рецензіи книги, право, кажется, говорить такъ нельзя... Впрочемъ, все это бездѣлка, но Шаликовъ вретъ непростительно. Право, этого спускать бы ему не должно“ (изъ Петербурга, того же года).

1.

Андрей Ивановичъ Тургеневъ, такой же сентименталистъ какъ и Жуковскій, раньше его поставилъ поэзіи чувства то требованіе искренности, которое такъ отличало впоследствии поэзію его друга. Его вліяніе на молодого Жуковскаго несомѣнно: Андрей Тургеневъ—это Жуковскій юношескаго дневника, только болѣе страстный, менѣе разсудочный. Онъ былъ года на два (род. 10 окт. 1781 г.) его старше и въ 1799 году уже студентъ университета, когда Жуковскій сидѣлъ на школьной скамьѣ пансіона вмѣстѣ съ его братомъ Александромъ, а другой братъ, Николай, былъ въ младшемъ классѣ. Въ семьѣ ихъ отца, Ивана Петровича Тургенева, директора университета, Жуковскій зашелъ то, чего тщетно искалъ въ своей симпатичную среду и встрѣчныя чувства. Новыя литературныя вѣянія коснулись его: у Тургеневыхъ господствовалъ вкусъ къ нѣмецкой литературѣ, братья Тургеневы слыли въ пансіонѣ „записными нѣмцами“¹⁾, а

¹⁾ Жихаревъ, „Записки Современника“, I, стр. 234.

старикъ Тургеневъ открылъ юношѣ перспективу счастья во внутренней свободѣ, въ воспитаніи своей человѣчности. Съ его сыномъ Андреемъ Жуковскій связанъ былъ той идеальной, страстной дружбой, какую на Западѣ воздѣлывали поэты чувства и чувствительности, у насъ Карамзинъ и Петровъ, Батюшковъ и Петинъ. Знакомство завязалось при посредствѣ Александра Тургенева; братъ былъ его идеаломъ, онъ „наслаждался“ имъ, записываетъ двадцатилѣтній юноша въ своемъ дневникѣ 9/21 ноября 1803 года, вспоминая пансіонскіе годы. „Дни и годы летѣли, мы жили вмѣстѣ, любили другъ друга не говоря объ этомъ никогда другъ другу; были горькія и сладкія минуты, мы переносили ихъ. Связь моя съ пансіономъ доставила ему знакомство и дружбу съ Жуковскимъ, я этимъ радовался, былъ любимъ обоими, только никогда этого не стоилъ, и насъ связывало съ братомъ одно какое-то неизъяснимое чувство братства. Потомъ случай познакомилъ и подружилъ меня съ Андреемъ Сергѣевичемъ Кайсаровымъ, а я его съ братомъ, и съ нимъ провели мы много пріятныхъ минутъ. Съ Мерзляковымъ познакомилъ меня братъ, открылъ мнѣ въ немъ друга и благодѣтеля, я любилъ его для него самаго и для того, что братъ его любилъ; онъ меня любилъ для того, что братъ былъ моимъ братомъ, и для того, что онъ постигнулъ, можетъ быть, между нами то братское чувство¹⁾; наконецъ, можетъ быть, онъ любилъ меня и для меня самого. Журавлевъ, къ которому я также вѣчно привязанъ буду, былъ первымъ университетскимъ другомъ брата моего. Сколько онъ сладостныхъ, дружескихъ вечеровъ провелъ вмѣстѣ, сколько горестей онъ раздѣлялъ съ братомъ, и по разлукѣ съ нимъ сколько удовольствія представляла брату переписка съ нимъ, и онъ никогда не могъ простить себѣ, разъ заплакалъ, досадуя на самого себя, чистосердечно укоряя себя въ холодности и дурномъ сердцѣ за то, что пересталъ писать къ Журавлеву. Боже мой! И кто больше брата любилъ его, какое сердце чувствовало больше цѣну любви и добродѣтели!“

Андрей Тургеневъ былъ предназначенъ стать центромъ дружескаго кружка, онъ всѣхъ заражалъ энтузіазмомъ идеалиста, спѣшившаго исчерпать, испытать на себѣ кружковую программу

¹⁾ Сл. письмо Мерзлякова къ Ал. Ив. Тургеневу и А. С. Кайсарову, 17 сентября 1802 г.: „Николай и Сергѣй (младшіе братья Тургеневы) учатся у меня въ классѣ... Напишите къ нимъ писульку, Александръ Ивановичъ, въ которой должно быть сказано: чтобъ они были между собою дружище, чтобъ они любили другъ друга такъ же, какъ любятъ ихъ большіе братцы“. Сл. М. И. Сухомлиновъ, „А. С. Кайсаровъ и его литературные друзья“, стр. 29

чувствительности, ея утопію жизни въ тѣсной семьѣ друзей для воспитанія „человѣчности“, для любви и поэзіи. И онъ спѣшилъ, точно предчувствовалъ, что ему жить недолго, и вездѣ являлись недочеты. Онъ страстно любилъ литературу, поэзію, а досуга не было: по выходѣ изъ пансіона онъ пристроился къ Архиву Государственной Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, гдѣ его товарищемъ былъ Блудовъ; затѣмъ пришлось служить въ Петербургѣ (въ Коммиссіи составленія законовъ) и въ Вѣнѣ при нашей миссіи¹⁾, заниматься дѣломъ, далекимъ отъ его интересовъ, а друзья работали, да и свою литературную дѣятельность онъ всегда прислонялъ къ дружескому кружку. Но пріятели были далеко, дружба поддерживалась письмами, обобщалась, уходила въ анализъ, и любовь, чистая, мечтательная, дѣлалась какъ-то на сторонѣ, чувство поддерживалось воображеніемъ и рефлексіей, удовлетворялось эгоистическимъ сознаніемъ, что любишь — любимъ, истощалось въ наслажденіи отреченія, жертвы.

Все это, быть можетъ, и не было такъ серьезно по существу, какъ казалось, но переживалось серьезно и настраивало меланхолично. Въ началѣ могли сказываться литературныя вліянія, тѣ же, что и у Жуковского: по дорогѣ въ деревню съ отцомъ и матерью, сидя въ повозкѣ, Андрей Тургеневъ „вздумалъ было сочинить эпитафію“²⁾, но „Элегія“, надъ которой онъ долго работалъ, и которая появилась въ печати³⁾, несомнѣнно отразила не навѣянное только настроеніе. Она не уступаетъ порой „Сельскому кладбищу“ Жуковского:

Угрюмой осени мертвящая рука

Уныніе и мракъ повсюду разливаетъ...

Образъ влечетъ за собой другіе: холодный вѣтеръ, ревушая рѣка, поблекшіе лѣса, туманы, сосны, задумчиво шумящія надъ гробами поселянъ. Все покоится сномъ:

¹⁾ Въ (неизданномъ) письмѣ 7 ноября 1802 года Ал. Тургеневъ писалъ изъ Геттингена Жуковскому, что братъ устроился при вѣнской миссіи; о томъ же Андрей Тургеневъ Жуковскому 20 сентября/8 октября изъ Вѣны.

²⁾ Изъ письма къ Жуковскому.

³⁾ „Вѣстникъ Европы“ 1802 г. іюль № 13, стр. 52 слѣд. „Прошлаго года это было самое горячее время для моей Элегіи, писалъ Андр. Тургеневъ Жуковскому 1 апрѣля 1802 г., — но она теперь лежитъ спокойно“. А въ другомъ письмѣ того же года: „Я кончилъ Элегію. Что если бы напечатать ее въ Вѣстникѣ? Но надобно сдѣлать такъ, чтобы Карамзинъ не сдѣлалъ этого для меня и потому, что, будучи знакомъ, совѣстно было бы отказать, а чтобы онъ самъ захотѣлъ, а это, кажется, трудно и почти невозможно. Что ты думаешь?“

Лишь колоколь noctной одинъ вдали звучить,
И медленныхъ часовъ при томномъ удареньи
Въ пустыхъ развалинахъ я слышу стонъ глухой;
На камнѣ гробовомъ печальный тихій геній
Сидитъ въ молчаніи съ поникшей головой.

Александръ Тургеневъ, прочитавъ въ Гёттингенѣ братнину элегію и записавъ въ дневникъ 5/17 марта 1803 года: „она мнѣ снова еще болѣе понравилась, такъ что я надписавъ надъ ней: Die Löwin bringt nur einen Jungen, aber das ist ein Löwe!“

Недовольство жизнью невольно лелѣетъ воспоминанія о быломъ счастіи и мысли о другомъ, несбыточномъ, которое манитъ насъ въ поэтическое „тамъ“ Жуковского. Для юноши бывшее счастье—это годы дѣтства. „Ты, братъ, ѣдешь въ деревню, писалъ Андрей Тургеневъ Жуковскому изъ Петербурга; нѣтъ, еще больше, ты ѣдешь туда, гдѣ ты провелъ свое дѣтство! Счастливая, завидная участь! Я не хочу и жить тогда, когда перестану то чувствовать къ этому мѣсту, что теперь чувствую. И теперь иногда вечеромъ, сидя у окошка передъ березой, или ночью, вспоминаю я свое Савинское подворье, всѣ, всѣ подробности привожу на память и, какъ говорить Измайловъ, дышу малымъ человѣкомъ... Die goldenen Maienjahre der Knabenzeit leben wieder auf in der Seele des Elenden“. То же въ письмѣ 21 марта 1802 г. „Весна приходитъ, поздравляю тебя (Жуковского) съ ней!.. Воспоминай, братъ, чаще обо мнѣ, когда будешь чувствовать ея тихое, сладостное дыханіе“. Жаль, что они не вмѣстѣ: „весна особенно изъ всѣхъ временъ года напоминаетъ мнѣ счастливѣйшее время жизни моей, и это время, какъ ты знаешь, дѣтство! Какія минуты, братъ воспоминанія о немъ и о всѣхъ людяхъ, которые тогда любили доставляли мнѣ дорогой“. Когда Жуковский находился въ уныломъ и печальномъ настроеніи, Тургеневъ писалъ ему, ободряя: будь повеселѣе, „ты долженъ быть доволенъ состояніемъ своимъ, я сужу по твоему образу мыслей: есть укромный уголокъ, да Руссо въ рукахъ,—а у тебя все это есть, — чего тебѣ хочется? Наслажденій истинныхъ—ихъ нѣтъ здѣсь, а какія только могутъ быть на этой планетѣ, то дружба и поэзія тебѣ ихъ доставляютъ, а доброе твое сердце пользуется ими. Перестань, братъ, грустить! Правда, я и самъ, не имѣя никакихъ причинъ, жаловался на судьбу, часто грущу, и рѣдко, рѣдко лучъ истиннаго удовольствія освѣтитъ душу мою. Ахъ, нѣтъ! Я имѣю всѣ причины на нее жаловаться Но что жъ дѣлать?

Забудемъ здѣсь искать блаженства
Въ юдоли горести и слезъ,
Тамъ, тамъ оно, среди небесъ,
Въ жилищѣ блага, совершенства!
Тамъ бѣдный труженикъ земной,
Достигнувъ вѣчнаго покою,
Узнаетъ, что есть Богъ благой,
Но здѣсь, тягчимъ Его рукою,
Въ Немъ видя грознаго судью,
Напрасно слезы проливая,
Какъ тѣнь отъ горя исчеза,
Клянетъ онъ только часть свою“. (13 февр. 1802 г.)

„Ты, кажется, не можешь не быть доволенъ своей участью,—пишетъ Тургеневъ въ другомъ письмѣ изъ Петербурга,—уединеніе, зависимость, легкая должность (служба въ Соляной конторѣ), въ перспективѣ весна и деревня! Окруженъ Греемъ, Томсономъ, Шекспиромъ, Попе и Руссо! И въ сердцѣ — жаръ поэзіи! Ты вѣрно не имѣешь минутъ тягостной пустоты и скуки“. — А друзья его забыли,—пишетъ онъ изъ Вѣны 26 ноября / 7 декабря 1802 г.,—на что имъ, въ самомъ дѣлѣ, терять время, чтобы вспомнить:

Ce peu d'instans, hélas, et si chers et si courts,
Ces fleurs dans un désert, le temps où le ramène
Le regret du bonheur et même de la peine.

Письмо къ Жуковскому, также изъ Вѣны, наканунѣ 1803 г. который ему не суждено было пережить, кончается воспомина-ніями. Въ началѣ стихи, обращенные къ другу:

Смиренной жизни путь цвѣтами устилая,
Живи, мой милый другъ, судьбу благословляя,
И вѣкъ любимцемъ будь ея;
Блаженство вольности, любви, уединенья
И музъ святыхъ вдохновенья
Проникнуть сладостью всё бытіе твое;
А мнѣ судьба велитъ за счастьемъ гонаться,
Искать его, не находить.
Но я не буду съ нимъ считаться,
Коль будешь ты меня любить.

Самъ онъ пристрастился къ исторіи, жалѣетъ, что слишкомъ много перечиталъ нѣмецкихъ драмъ и романовъ. „А

помнишь ли, когда ты, еще будучи въ пансіонѣ, украдкой переводилъ по четыре пьесы вдругъ и когда по воскресеньямъ приходилъ со мною просиживать вечера?.. „Vous seriez bien volage sans les bienfaits du souvenir!“

Томсонъ, Грей, Попе и Шекспиръ—ими не исчерпывается репертуаръ Тургенева; въ 1801—2-хъ годахъ онъ опередилъ Жуковского, его симпатіи шире. Это опредѣлило его вкусы. Мы видѣли, что онъ понялъ напускную чувствительность кн. Шаликова¹⁾; въ одномъ письмѣ онъ шутить надъ кн. Сибирскимъ, орошавшимъ „унылыми слезами“ страницы „такъ называемаго Пріятнаго и Полезнаго Препровожденія времени“: Тургеневъ какъ-то раскланялся съ нимъ, а тотъ отвѣчалъ ему изъ окна комическимъ поклономъ—и показалъ языкъ; „видно онъ утѣшился!“ (22 авг. 1799 г.).—Интересенъ отзывъ о Карамзинѣ: прочтя его „шестую часть“, Тургеневъ пишетъ Жуковскому: „много хорошаго, прекраснаго, но не тотъ Карамзинъ, который писалъ нѣкогда: Съ кроткою улыбкою упалъ бы я во всеобъемлющее лоно природы. Или тотъ же?“ (1802 г. изъ Петербурга). „Стихи Карамзина къ Эмилиіи²⁾ вѣдь прекрасны! Но смотри же, какъ въ немъ угасло пламя поэзіи. Онъ уже не написалъ бы теперь: Къ невѣрной и даже, думаю, Милости и Пѣсни къ Божеству. Что сталъ прозаическій слогъ его?.. Впрочемъ, это только en passant... Это не что иное, какъ психологическое замѣчаніе“ (21 марта 1802 г.).—„Я не прочелъ еще Измайлова,—приписываетъ онъ къ А. С. Кайсарову въ письмѣ къ Жуковскому (1802, весной изъ Петербурга), но вѣдь у меня особый вкусъ: многое мнѣ нравится, однакожь многое и бѣситъ; никому только не совѣтую читать его послѣ Стерна; лучше прежде“. Если онъ признается, что въ литературныхъ

¹⁾ Интересно сличить отзывъ о кн. Шаликовѣ въ дневникѣ 18-лѣтняго Ал. Тургенева (подъ 5 апр./24 марта 1803 года). Изъ Тепельгаузена (подъ Геттингеномъ) онъ пошелъ съ Сулимою ночью при полномъ свѣтѣ луны. „Сѣли мы у быстрого журчащаго ручейка и дали волю чувствамъ своимъ наслаждаться. Луна свѣтила прямо на него и посеребрела его; въ первый разъ еще я почувствовалъ, что такое обворожительное положеніе и въ самомъ дѣлѣ можетъ настроить душу пріятнымъ образомъ, но только человѣка съ живыми чувствами и безстрастнымъ сердцемъ. Когда я увидѣлъ этотъ ручей, то я оправдалъ въ мысляхъ своихъ всѣхъ нашихъ стиходѣвѣвъ, каковы Шаликовы и прочіе, которые даютъ разные эпитеты ручейкамъ своимъ. Но при всемъ томъ я все еще думаю, что они не сами любовались натурою, а только выписывали и списывали съ другихъ тѣ красоты, которыя врожденные поэты сами находили. Иначе любовь ихъ была бы пламеннѣе, и журчаніе ручейковъ ихъ сильнѣе бы дѣйствовало на чувство читателя. Мы должны списывать съ оригинала, а не съ копій“.

²⁾ „Вѣстникъ Европы“ 1802 г., февраль, № 3, стр. 61 слѣд.

спорахъ съ классикомъ Блудовымъ онъ „рѣдко былъ правъ“ (18 мая, 1802 г.), то это, быть можетъ, уступка дружбѣ. Самъ онъ не классикъ, „любитъ страстно Гёте, Коцебу, Шиллера, и Шписа“, пишетъ о немъ въ 1800 году Каменевъ; „онъ много переводилъ изъ нихъ, особенно изъ Коцебу“, между прочимъ „Клеветниковъ“¹⁾ и „Негровъ—Невольниковъ“²⁾. Въ 1801—2 годахъ, вспоминалъ впослѣдствіи Ал. Тургеневъ, „нѣсколько молодыхъ людей болѣею частью университетскихъ воспитанниковъ,... переводили повѣсти и драматическія сочиненія Коцебу, пересаживали, какъ умѣли, на русскую почву цвѣты поэзіи Виланда, Шиллера, Гёте, и почти весь тогдашній нѣмецкій театръ былъ переведенъ ими... Корифеями сего общества были Мерзляковъ и Андрей Тургеневъ. Дружба послѣдняго съ Жуковскимъ не безплодна была для юнаго генія“³⁾. Въ 1801-мъ году вышелъ „Мальчикъ у ручья“ („Die jüngsten Kinder meiner Laune“ Коцебу) въ переводѣ Жуковского съ эниграфомъ изъ посланія Карамзина къ Дмитріеву: „любовь и дружба—вотъ чѣмъ можно себя подѣ солнцемъ утѣшать“, и очень вѣроятно, что именно къ этому времени относится переводъ комедіи „Ложный стыдъ“, съ помѣткой на заглавномъ листѣ: „перевелъ съ нѣмецкаго губернской секретарь Василій Жуковский“⁴⁾. Жуковский не отсталъ еще отъ французскихъ

1) Въ 1798 г. въ цензуру была представлена: „Клеветники, драма въ 5 дѣйствіяхъ съ нѣмецкаго переводилъ юнкеръ Андрей Тургеневъ“. Остается неизвѣстнымъ, его ли переводъ былъ напечатанъ въ Москвѣ 1803 г. (Сопиковъ № 3373, Смирдинъ № 7511). Я обязанъ этимъ указаніемъ г. Рогожину. „Я ѣду въ театръ. Да! Клеветникъ пропущенъ, и такъ что бы я радъ Антонскому въ ноги поклониться“ (недатированное письмо Андр. Тургенева Жуковскому).

2) Бобровъ, „Литература и Просвѣщеніе въ Россіи въ XIX-мъ вѣкѣ. Матеріалы, изспѣдованія и замѣтки“, т. III: письма 26 и 27 сент. 1800 г., стр. 120, 122.

3) „Современникъ“ 1837 г. т. V, стр. 304—5. Узнавъ въ Геттингенѣ о пріѣздѣ Коцебу, Ал. И. Тургеневъ хотѣлъ ему представиться, какъ переводчикъ его „Несчастныхъ“, но тотъ уже уѣхалъ. Сл. (неизданный) Дневникъ Ал. И. Тургенева 11/23 апрѣля 1803 года и его (неизданный) письма къ Мерзлякову и Жуковскому 13/25 апрѣля того же года. — Въ 1802—3 годахъ драмы и романы Коцебу были у насъ въ страшной модѣ, къ переводчикамъ принадлежали Каменевъ и Петръ Кайсаровъ (сл. Галаховъ, „В. А. Жуковский. Матеріалы для опредѣленія его литературной дѣятельности“, „Отеч. Зап“. 1853 г., т. 88, стр. 55 слѣд.); поставщикомъ Коцебу книгопродавцамъ и на сцену былъ въ 1800-хъ годахъ А. Ѳ. Малиновскій, тогда секретарь въ Archivъ Иностранной Коллегіи; переводили по большей части чиновники Архива (Сл. М. А. Дмитріевъ, „Мелочи изъ запаса моей памяти“, изд. 2, стр. 50—1).

4) Рукопись комедіи недавно найдена проф. А. С. Архангельскимъ. Жуковский писалъ Ал. Тургеневу, что въ 1800 году онъ вступилъ въ Соляную контору „городскимъ“ (вѣроятно, губернскимъ) секретаремъ, а вышелъ изъ нея въ 1802 г. титулярнымъ совѣтникомъ.

образцовъ, а Тургеневъ пишетъ ему, что французы „деженерируются, даже теряютъ и остроту свою, вмѣсто того видна только пышность, надутость слога“ ¹⁾. Зато онъ въ восторгѣ отъ нѣмцевъ и англичанъ, хотѣлъ бы пересадить ихъ на русскую почву; дарить Каменеву „пѣснь г. Шиллера къ Радости“ ²⁾, бредитъ „*Sabale und Liebe*“, мечтаетъ перевести эту пьесу; побуждаетъ Жуковского и Мерзлякова къ переводу „Донъ-Карлоса“, Жуковский еще колебался въ симпатіяхъ, а Андрей Тургеневъ писалъ ему изъ Вѣны: „*Die Aussendunge sind die Farbe des Geistes*, говоритъ Шиллеръ, котораго я все еще называю моимъ Шиллеромъ, хотя и не съ такимъ смѣлымъ въ пользу его предубѣжденіемъ. Ты ужъ *слишкомъ нападаешь на нѣмцевъ*“ (7/19 генв. 1803 г.). „Наконецъ мы рѣшились съ Мерзляковымъ переводить Вертера, и сперва принимаемся за первую часть“, читаемъ въ одномъ изъ раннихъ писемъ (19 авг. 1799 г.), а въ другомъ: „мое состояніе очень походитъ на то, которое описано въ Вертерѣ, въ томъ письмѣ, которое ты (Жуковский) переводилъ“ (22 генв. 1802 г.); самому Тургеневу принадлежитъ переводъ „Письма къ другу“ („Пріятное и Полезное Препровожденіе времени“, XIX, 107). Жуковскому онъ посылаетъ свою надпись къ портрету Гёте; это четверостишіе, напоминающее такое же четверостишіе Жуковского (1819 г.), Тургеневъ написалъ на экземплярѣ „Вертера“, который онъ подарилъ другу. Текстъ одинъ и тотъ же, съ отличіемъ отъ печатнаго въ 3-й строкъ (чувствъ вм. чувствахъ):

Свободнымъ гениемъ природы вдохновенный,
Онъ въ пламенныхъ чертахъ ее изображалъ
И въ чувствахъ сердца лишь законы почерпалъ,
Закономъ никакимъ другимъ не покоренный. Т...

За стихами слѣдуетъ въ экземплярѣ приписка рукой Тургенева: „Ей Богу, ничего лучше вздумать не могу, какъ того, что

¹⁾ Сказано это по поводу Archenholz'a „*Annalen der brittischen Geschichte*“: „Славно, браво! Англичане какой великій, народъ! Какая воспламенительная книга! Что французская вольность? Что Бонапартъ? А прогос: Какъ, братъ, умалется этотъ великій Бонапарте, котораго я любилъ, которому я удивлялся! Славны бубны за горами, или

Когда какой герой въ вѣнцѣ не развратился?

Англійскіе журналисты презабавные, преюмры, а французы даже деженерируются и т. д. Я думаю, что Бонапарте очень интересуется Вѣстникомъ (Европы), право, журналъ хорошій, *Tendenz* его прекрасная. А вѣдь русскій и дерзаетъ имѣть свое собственное о вещахъ мнѣніе“ (9 марта 1802 г. изъ Петербурга).

²⁾ Бобровъ, I. с, стр. 123.

я вѣчно хотѣлъ бы быть твоимъ другомъ, чтобы дружба наша временемъ укрѣплялась, чтобы я былъ достоинъ носить имя друга, и твоего друга“. Жуковскій также оставилъ въ книгѣ свои слѣды, дважды зачертивъ силуэтъ дѣвочки, племянницы, М. А. Протасовой, игравшей такую роль въ его сердцѣ и творествѣ¹⁾.

Всего интереснѣе отзывы Тургенева о Шекспирѣ. Карамзинъ хвалилъ его оффиціозно, Жуковскій никогда его не осилилъ; у насъ его передѣлывали, какъ то было въ обычаѣ у французовъ; передѣлывали его Шиллеръ, Гете и Фоссъ. Тургеневъ пришелъ въ отчаяніе, сравнивъ подлинникъ „Макбета“ съ русскимъ переводомъ (письмо 1802 г., весной). „Je suis tenté de le traduire. Славное бы дѣло было. Только надобно непременно переводить иное въ стихахъ самыхъ сильныхъ и выразительныхъ. — Ахъ, братъ, какая это трагедія! — пишетъ онъ Жуковскому, — сколько въ ней ужасу!“ Онъ любитъ сцену появленія тѣни Банко, монологомъ Макбета передъ убійствомъ, сценой лунатизма лэди Макбетъ; „чародѣйки также имѣютъ свое дѣйствіе“. Пусть Жуковскій прочтетъ пьесу (30 генв. 1802 г.). И Жуковскій видимо прочелъ, обсудилъ и отписалъ; дѣло обошлось не безъ критики, слѣды которой сохранились въ слѣдующемъ письмѣ къ нему его друга (послѣ 1 апрѣля 1802 г.). Онъ извѣщалъ его, что черезъ недѣлю кончить переводъ „Макбета“ и положить его „довыправки“. „А пророс о Макбетѣ: ты немножко неосновательно предлагаешь истребить вѣдьмъ, или, по-моему, чародѣекъ. Шекспиръ писалъ, право, не такъ-то безъ основанія, какъ ты думаешь, и не для одной странности вывелъ ихъ на сцену. Развѣ ты не видишь, по крайней мѣрѣ такъ кажется, что онѣ, имѣя вліяніе на поступокъ Макбета (предположи, что тогда имъ вѣрили), даютъ ему больше побудительныхъ причинъ, больше вѣроятности, и дѣлаютъ его не столько ужаснымъ. Чѣмъ замѣнить это? Кто-то написалъ цѣлое разсужденіе о Макбетѣ, но я не читалъ еще его, но только видѣлъ въ книжной лавкѣ. *Оставьте, друзья мои, этою гению такъ, какъ онъ есть*, передѣлывать въ немъ, вставлять свое вмѣсто его, не легко, очень, очень не легко. Чѣмъ больше вникаешь въ него, тѣмъ онъ становится *священнѣе*. Еще простительнѣе что-нибудь выпустить: можно, набравшись, какъ говорится, духа его, написать свое, призвавъ на помощь утонченость и правила,

¹⁾ Экземпляръ „Вертера“, о которомъ говорится въ текстѣ, находится въ собраніи А. Θ. Онѣгина. Въ 1836 году Ал. Тургеневъ вписалъ въ гетевскій альбомъ „четыре стиха переводчика Вертера, покойнаго брата Андрея, на 16-лѣтнемъ возрастѣ имъ къ портрету Гете написанные“. Сл. „Современникъ“ 1837 г., т. V, стр. 304.

но когда дѣло идетъ о немъ самомъ, то пусть Шекспиръ останется Шекспиромъ. Но я знаю, что это разсужденіе *будетъ не по твоему вкусу*; но я не виноватъ, и чуть ли еще не правъ“.

Еще въ 1821 году Жуковскій остался при своемъ вкусѣ, но при чтеніи Тикомъ „Макбета“ ему могли припомниться старые споры съ пріятелемъ: въ „Макбетѣ“ ему понравились мѣста ужасныя: *сцена въдѣла*, монологъ Макбета передъ убійствомъ, ужасное описаніе убійства, сцена, въ которой является жена Макбетова сонная.

Съ живостью литературныхъ интересовъ соединялась у Андрея Тургенева чисто юношеская страстность, съ которой онъ спѣшилъ осуществить ихъ, провести въ дѣло. Онъ переводить¹⁾, затѣваетъ переводы (Архенгольца, Монтескье, Оссіана и др.), побуждая другихъ къ сотрудничеству, къ изданіямъ, навѣдывается у пріятелей о литературныхъ новинкахъ, о томъ, что они дѣлаютъ, что комедія Блудова (письмо 20 сент./8 окт. 1802 г. изъ Вѣны), издается ли журналъ Сумарокова (письмо 26 ноября / 7 дек. 1802 г.)²⁾; пишетъ стихи и спрашивается у Жуковского („во всемъ я не могу найти лучшаго судьи“, письмо 31 дек. 1802 г.), какъ для Жуковского критика Блудова была законъ. Онъ общается прислать другу „поэзію“ Гольдсмита, если найдетъ ее въ Петербургѣ (весной 1802 т.), а въ письмѣ изъ Вѣны (26 ноя-

1) Напечатаны были слѣдующіе его переводы: „Библейская нравоучительная книжка, соч. г. Фердессена. М. 1795“ (съ нѣмецкаго); „Способъ читать, замѣчать и сочинять въ пользу молодыхъ людей, предложенный г. Мейнерсомъ, переводъ съ нѣмецкаго. М. 1798“ (сл. Рогожинъ, „Матеріалы для русск библіографіи XVIII и первой четверти XIX столѣтія“, т. I, стр. 72—3); „Исторія вкуса въ изящныхъ искусствахъ“ („Полезное и Пріятное Препровожденіе времени“ XVII, 1798, стр. 40 слѣд.); „Объясненіе, раздѣленіе и начало изящныхъ искусствъ“ (ibid. 1798, XIX, стр. 97 слѣд.: изъ Batteux). „Что есть хорошій вкусъ?“ (ib. XIX стр. 103 слѣд.); „Письмо къ другу“ (ib. XIX стр. 107 слѣд.: изъ Вертера); „Совѣты молодой женщинѣ. М. 1799“ (съ французскаго). „Отрывки изъ записокъ Франклиновыхъ, перевелъ съ французскаго Московскаго университета ученикъ Андрей Тургеневъ. Москва, 1799“ (Сопиковъ № 1015, Смирдинъ № 20417 съ буквами А.Т.). Послѣднимъ сообщеніемъ я обязанъ г. Рогожину. Въ письмѣ къ Жуковскому (не датированномъ) Андрей Тургеневъ писалъ: „Франклинову жизнь кончилъ, только все совсѣмъ не такъ, какъ должно быть... Если бы не батюшка и не Иванъ Володиміровичъ (Лопухинъ) хотѣли этого, то право бы все бросилъ; мнѣ противно смотрѣть на жизнь этого человѣка, никогда съ нимъ не раздѣлаешься. Ой, Франклинъ, заѣлъ ты меня!“—По указанію г. Рогожина, въ московскую цензуру представлена была „Ода на день моего рожденія, сочинена Андреемъ Тургеневымъ“, но билетъ не былъ выданъ.

2) Панкратія Платоновича Сумарокова, „Журналъ пріятнаго, любопытнаго и забавнаго чтенія“, 1802—4 гг.

бря/7 дек. 1802 года) спрашиваетъ: „что дѣлаешь твой Deserted village?“ Разумѣется „Опустѣлая деревня“, переведенная Жуковскимъ изъ Гольдсмита. Хочется ему видѣть „Элегію“ Жуковского, „какова она теперь“ (письмо 31 декабря 1802 года изъ Вѣны), т. е. „Элегію“ Грея во вторичномъ переводѣ, и онъ благодаритъ друга за посвященіе 7/19 генв. 1803 г. изъ Вѣны. Ему извѣстны были и другія юношескія произведенія пріятеля, не попавшія въ печать, если они не скрываются, подъ другими названіями, въ числѣ извѣстныхъ, написанныхъ до 1803 года. Въ одномъ письмѣ говорится о „стихахъ“, свидѣтельствующихъ о горестномъ настроеніи Жуковского, въ другомъ — объ „одѣ“, которой „первый куплетъ самый отчаянный“. Либо онъ спрашиваетъ его, не началъ ли онъ „еще переводить какой-нибудь Списовой (пѣсы) или и двухъ“ (въ Москвѣ, вѣроятно, 1801 г.); разумѣется Шписъ, давшій матеріалъ для „Двѣнадцати спящихъ дѣвѣ“. Говорится еще о какой-то „Progress of poetry“: „что твой Progress of poetry? Отдалъ ли ты ее? Право, надобно что-нибудь издавать“ (письмо 21 марта 1802 г.). Не идетъ ли дѣло о „Progress of Poesy“ Грея, котораго читалъ въ то время Жуковский¹⁾).

Вдали отъ своихъ юныхъ друзей, проникнутыхъ тѣми же стремленіями, Тургеневу не по себѣ, онъ чувствуетъ, что слабѣетъ, у него нѣтъ критерія. „Въ моихъ литературныхъ вещахъ происходитъ какая-то революція: все теперь въ ферментаціи, и я не знаю, что хорошо и что дурно“, сообщаетъ онъ Жуковскому изъ Петербурга (1802 г.); а въ другомъ письмѣ: „Когда я вообразилъ себѣ твой образъ жизни и свой, твои успѣхи въ литературѣ и мои неуспѣхи и даже забвеніе стараго, то мнѣ пришла охота почти заплакать“ (3 февр. 1802). Онъ слышалъ, что Жуковский переводитъ „Элоизу“ (письмо, вѣроятно 1801 г., когда Тургеневъ и Жуковский жили въ Москвѣ: Елиза)²⁾, самъ принялся за переводъ въ 1802 году, вернулся къ нему въ Вѣнѣ и проситъ Жуковского: „оставь ужъ мнѣ испытать надъ ней

¹⁾ Въ 1852 г. кн. Вяземскій писалъ Плетневу (1 дек.—19 ноября): „Полторацкій писалъ мнѣ о нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ Жуковского времени дѣтства его, имъ отысканныхъ въ печати и неизвѣстныхъ, по крайней мѣрѣ мнѣ“. Очень вѣроятно, что и изъ стихотвореній Жуковского болѣе поздней поры не всѣ дошли до насъ. „Очень жаль, что ты не обобралъ Тургенева (Александра Ивановича), когда онъ былъ въ Москвѣ,—писалъ Гоголь Шевыреву 14 декабря 1844 года,—у него множество бумагъ того времени, весь протоколъ арзамасскихъ засѣданій и множество стиховъ Жуковского, написанныхъ въ тогдашнее время, о которыхъ никто, и даже самъ Жуковский не знаетъ“.

²⁾ „Элоиза“ Руссо—или „Посланіе Элоизы къ Абеляру“ Поппе, за переводъ котораго (неконченный) принялся въ послѣдствіи Жуковский?

мои силы“ (31 дек. 1802/12 генв. 1803); „послѣ перваго письма твоего объ Элоизѣ я было задумался и началъ объ этомъ размышлять, но послѣ второго, гдѣ ты пишешь о новой поэмѣ (?). скажу тебѣ: братъ, оставь мнѣ Элоизу! Признаюсь тебѣ въ моей слабости, я ни къ чему иному не готовъ, о ней много думалъ, а теперь не такъ легко къ чему-нибудь другому приготовиться“ (1803 г. изъ Петербурга). Онъ пожертвовалъ своей привязанностью, „своею радостью“, остается отказаться отъ литературы. „Часто, очень часто убійственная для души мысль, что я имѣю къ ней (къ литературѣ) столько препятствій. Одинъ разъ отказаться, и все бы сдѣлано, но никакъ, никакъ не въ силахъ“ (4 февраля 1802 г.). Въ Вѣнѣ ему начинаетъ казаться, что онъ слабѣетъ въ русскомъ языкѣ. „Русскій языкъ теперь главная моя забота. О, обстоятельства! Душа моя въ сіи минуты исполнена горести, я не радъ своему существованію. О, какъ спокойно ничтожество, и какъ иногда не желать его! Братъ! все прошедшее, давнее и недавнее, смѣшалось вмѣстѣ въ головѣ моей и живо мнѣ представилось. Тронутая душа моя стремится въ него; о, какъ оно интересно со всѣми своими радостями и горестями, съ тѣмъ временемъ, съ тѣми днями, которые видѣли меня младенцемъ! Тихіе, блаженные дни, укройте меня отъ настоящаго и отъ будущаго! Васъ нѣтъ, васъ и никогда не будетъ!“ (Вѣна 31 дек./12 генв. 1802 г.).

Поэзія и дружба,—писалъ Тургеневъ Жуковскому; поэзія въ уединеніи съ друзьями—вотъ утопія западныхъ и нашихъ сентименталистовъ; въ одиночествѣ не воспитать гуманнаго чувства, сердце воздѣлывается во взаимодѣйствіи одинаково настроенныхъ людей. У Тургенева нашлись друзья среди товарищей по Собранію воспитанниковъ Московскаго Университетскаго Благороднаго Пансіона и по Дружескому Литературному Обществу; его корреспонденты—Жуковский и Мерзляковъ, который былъ нѣсколько старше обоихъ (род. въ 1778, † 1830 г.); далѣе стояли пансіонскіе товарищи Жуковскаго: Родзянка, Кайсаровы, Воейковъ, пріятель Мерзлякова, позже сыгравшій такую незавидную роль въ сердечной жизни Жуковскаго; изъ вѣнпансіонскихъ друзей—Блудовъ, съ которымъ былъ близокъ и Жуковский. „Дружеское Литературное Общество“, уставъ котораго 12 января 1801 года подписанъ былъ Мерзляковымъ и Жуковскимъ, Андреемъ и Александромъ Тургеневыми, Воейковымъ, Родзянкой и двумя Кайсаровыми, имѣло цѣлью „образовать въ себѣ безцѣнный талантъ трогать и убѣждать словесностью: да будетъ же сіе образованіе въ честь и славу добродѣтели и истины“; вторая за-

дача—„помогать бѣднымъ“. Отъ членовъ требовался „нравственный характеръ“; что соединяетъ насъ всѣхъ въ одно, говорится въ уставѣ, „это то же, что до сихъ поръ составляло радость и счастье нашей молодости, это духъ благій дружелюбия, сердечная привязанность къ своему брату, нѣжное доброжелательство къ пользамъ другого.... Съ небесною улыбкою на глазахъ, съ животворною фіалкою въ рукѣ низлетающее божество—это дружелюбие! Будемъ имѣть довѣренность другъ къ другу“!

Андрей Тургеневъ глубоко проникнутъ святостью товарищеской дружбы, готовъ поддержать ее на всѣхъ путяхъ. „Я и, можетъ быть, и еще нѣкоторые очень привязаны къ нашему Собранию (воспитанниковъ Моск. Унив. Благороднаго Пансіона), пишетъ онъ Жуковскому изъ Петербурга, вѣроятно въ концѣ 1801 года. Вотъ предложеніе отъ меня всѣмъ членамъ: я бы желалъ, чтобы дни двухъ торжествъ нашихъ, 1-го и 7-го апрѣля (другого не помню), каждый изъ насъ ихъ праздновалъ, гдѣ бы онъ ни былъ“, чтобы они въ эти дни духомъ были вмѣстѣ, и если не всѣ сочлены, то „душевные друзья“. Собранія вспомнили о немъ, объ отсутствующихъ товарищахъ. „Ce sera le point de réunion de notre souvenir“. И онъ волнуется, когда позже до него дошли вѣсти, что нѣкоторые члены отступаются отъ Собранія, Кайсаровы „смѣются надъ рѣчью Мерзлякова“; а онъ думалъ, „что Собраніе намъ дорого хоть въ воспоминаніи“! Онъ хотѣлъ бы быть совершенно одинъ, отъ всѣхъ отдѣлиться, общаться только съ Жуковскимъ (3 февр. 1802 г.). Съ нимъ онъ особенно, душевно дружилъ, и Жуковский привязанъ къ нему такъ же нѣжно. „Говоря о своихъ связяхъ, я ни съ кѣмъ не ровнялъ тебя, пишетъ ему Тургеневъ. Мы рождены другъ для друга: Мерзлякова я люблю очень, больше, больше Родзянки, но это не то что мы съ тобой. Сколько сходства въ нашихъ характерахъ! И это одно, что разлука разрываетъ обыкновенныя связи, а я со всякимъ днемъ живѣе чувствую, что мнѣ бы надобно быть съ тобою, и что мнѣ недостаетъ“ (конца 1801 г.). Братъ (Александръ Ивановичъ) и Жуковский одни—„повѣренныя души“ его. „Я пламенно люблю тебя, читаемъ мы въ другомъ письмѣ,—и любовь моя къ тебѣ возрастаетъ все болѣе и болѣе“; „твой вѣчный, вѣчный другъ“.

Пожить съ друзьями Андрею Тургеневу не удалось, но онъ дѣятельно переписывается съ ними, утверждая союзъ любви, который внушалъ уставъ Общества. Первое письмо Тургенева къ Жуковскому повторяетъ мысли устава: „въ дѣятельности будемъ искать себѣ веселія, счастья, будемъ, сколько можно, дѣлать

добро, будемъ полезны, сколько можемъ, и въ тѣ тягостныя минуты холодности и угрюмой мизантропической нечувствительности, когда мы не видимъ въ добрѣ никакой прелести и неспособны ни къ какому доброму дѣлу, станемъ, по крайней мѣрѣ, вспоминать, что въ минуту радости и удовольствія, когда сердце наше гораздо справедливѣе, оно исполнено было добра и любви“ (19 авг. 1799 г.).

Разставаясь съ Жуковскимъ, Тургеневъ условился переписываться съ нимъ; написалъ первый, можетъ быть, и нескладно, „чувствую, что первый блинъ всегда комомъ, что первую пѣсенку зардѣвшись пѣть, но искренность и любовь, вотъ что должно быть нашимъ девизомъ“. Онъ будетъ писать набѣло, не сохраняя копій, „это знакъ, что ты долженъ сохранять мои письма, такъ какъ я буду сохранять твои“. И онъ даетъ ему „отчетъ въ своихъ мысляхъ и чувствахъ“, хотя жизнь бѣдна ихъ разнообразіемъ, „особливо теперь, когда всѣ мои помышленія вертятся около одной мысли, такъ и почти такъ, какъ выразился въ одномъ мѣстѣ Фіеско“ (то же письмо).

Письма становились исповѣдью передъ друзьями, вызывали ихъ на такую же. „Письмо твое есть предисловіе, слишкомъ сокращенное, къ цѣлой моей жизни,—пишетъ Мерзляковъ Жуковскому,—къ цѣлой твоей жизни, къ цѣлой нашей жизни, т. е. насъ троихъ (третій—Андрей Тургеневъ). Повѣрь, любезный, что я пишу, это все старое въ моемъ сердцѣ; о старомъ обыкновенно говорятъ и пишутъ мало; итакъ, скажу въ трехъ словахъ: я твой вѣрный, вѣчный другъ“¹⁾. Той же цѣли душевнаго общенія служилъ журналъ, который велъ Андрей Тургеневъ: его вѣнскій журналъ въ видѣ писемъ предназначался Аннѣ Михайловнѣ Соковниной²⁾; 26 сент./8 окт. 1802 года онъ пишетъ Жуковскому изъ Вѣны: пусть накопитъ денегъ и приѣдетъ къ нему года черезъ два, „и скажи, какъ бы намъ тогда писать журналъ“³⁾.

¹⁾ „Русск. Арх.“ 1871 № 2 стр. 0134—5.

²⁾ Сл. письмо Жуковского къ Ал. Тургеневу конца декабря 1807 или начала января 1808 года.

³⁾ Андрей Тургеневъ велъ его давно и не разъ говорить о немъ въ своихъ письмахъ. Весною 1802 г. онъ сообщилъ Жуковскому о своемъ психологическомъ правилѣ: никогда не „переселяться въ будущее въ отношеніи къ любимѣйшимъ нашимъ предметамъ... Распространено будучи вставочными разсужденіями и примѣрами, оно уписалось въ журналъ моемъ не менѣе какъ въ двухъ страницахъ“. Онъ намѣревался вести журналъ въ Вѣнѣ и по дорогѣ (письмо 30 января 1820 г.).

Въ пору сентиментализма дневникъ былъ въ модѣ; въ немъ собирався и объективировался матеріалъ самонаблюденія и самопознанія; на старости лѣтъ Жуковскій признавался Плетневу, что его мысли приходятъ въ ясный порядокъ лишь тогда, когда перо у него въ рукахъ: „оно ловить ихъ на лету и приковываетъ къ бумагѣ, иначе онѣ и для меня самого остались бы мимопролетѣвшими тѣнями, никакого слѣда не оставившими за собою, феноменъ довольно замѣчательный: результатъ воспоминанія о прошедшей жизни“ (18 апрѣля 1851 г.). Такой дневникъ велъ, по рецепту Готшпеда, Болотовъ, вели Жуковскій, Тургеневы, Блудовъ. Принимаясь 17/29 окт. 1803 года за свой журналъ, прерванный смертью брата, Александръ Тургеневъ увѣренъ напередъ, что онѣ не будутъ тѣмъ, что прежде: будутъ замѣтки изъ лекцій, кое-какія мысли, воспоминанія о братѣ. Онъ цитируетъ его двустипше: „И въ самыхъ горестяхъ насъ можетъ утѣшать Воспоминаніе минувшихъ дней блаженныхъ“, и продолжаетъ: „Однакожъ надобно изъ благодарности выписать то мѣсто изъ *Philosoph für die Welt* (Энгеля), которое напомнило мнѣ о моемъ журналѣ. Вотъ оно (*Weihnachtsgeschenk*): Ein wenig Athem oder ein Paar Federstriche die wir für unsere Gedanken aufwenden, so schwer uns auch manchmal beides vorkommen mag, werden vielleicht wieder durch die Deutlichkeit, die Ordnung und das Leben eingebracht, das eben diese Gedanken dadurch erhalten. Вотъ что добрый и умный отецъ вписалъ въ бѣлую книгу, которую онъ подарилъ на новый годъ своей дочери, желая, чтобы она отъ времени до времени вела журналъ свой и записывала бы въ немъ свои мысли, чувства, и старалась бы выразить на письмѣ то, что она читала въ авторѣ; такимъ образомъ, говоритъ онъ, онѣ для тебя поясняются и превращаются въ твою собственность, часто даже рождаютъ въ тебѣ самой другія и развиваютъ способность мыслить. Не то ли же самое совѣтовалъ мнѣ батюшка, не просилъ ли онъ меня вести журналъ во время своего вояжа, что я началъ приводить въ исполненіе не прежде, какъ уже проживя мѣсяца три въ Германіи, и о чемъ я теперь столько жалѣю и всегда жалѣть буду¹⁾? Сколько рождалось во мнѣ новыхъ собственныхъ идей въ вояжъ мой до Лейпцига и сюда (въ Геттингенъ), которыя вмѣстѣ съ рожденіемъ и исчезали! Какое невозвратимое сокровище! Какая потеря въ суммѣ познанія самого себя! Не то ли же самое совѣтовалъ мнѣ и братъ мой, мой ангелъ хранитель, мой образецъ, которому я твердо

¹⁾ Изъ Москвы Ал. Тургеневъ выѣхалъ 21 іюля 1802 г., дневникъ начинается съ 20 дек.

рѣшился во всемъ послѣдовать? Онъ даже и писалъ мнѣ нѣсколько разъ объ этомъ“.

Письма и журналы вращались въ кругу друзей, передавались изъ рукъ въ руки, стилизовались, цѣнились и какъ литературный продуктъ, списывались въ „бѣлыя книги“—альбомы¹⁾. Это была кружковая, эпистолярная литература, какъ въ эпоху возрожденія. Андрей Тургеневъ пишетъ вмѣстѣ Жуковскому и Мерзлякову, Блудовъ и Ал. Тургеневъ—Жуковскому, Мерзляковъ—Ал. Тургеневу и А. С. Кайсарову и т. п. Порой распечатывалъ письмо не тотъ, кому оно было адресовано, и Мерзляковъ извиняется передъ Жуковскимъ, что вскрылъ письмо Андрея Тургенева: „причиною тому то, что я отъ радости не посмотрѣлъ на послѣднія строки надписи; разорвалъ, какъ бѣшенный... Божусь, что не читалъ. Въ поруку моя совѣсть вѣрная“²⁾. То же въ письмѣ Ал. Тургенева къ Жуковскому: прочелъ письмо къ нему Авдотьи Николаевны Арбеновой, проситъ прощенія и спрашиваетъ, можно ли и впередъ.—Въ письмахъ обсуждались чаянія и планы, даже личные тревоги сердца; когда на сцену явилась „она“, другу сообщалась копія съ ея письма или съ отвѣта ей.

2.

„Сказать ли вамъ, о чемъ я думалъ, ходя? писалъ Андрей Тургеневъ изъ деревни Жуковскому и Мерзлякову.—Дѣлалъ планы для будущей жизни. Я бы хотѣлъ жить въ деревнѣ съ нѣкоторыми друзьями, которые, право, у меня есть истинные, и воображалъ себя въ положеніи, что будто я ѣзжу съ ними верхомъ, имѣя съ собою деньги, заѣзжаю или останавливаюсь у крестьянской избы и облегчаю участь бѣднаго мужика. Но можетъ ли сельская картина быть совершенна безъ...? Я вообразилъ и ее, со всѣми прелестями, добродушіемъ, и вѣрностію, и любовью; но это можно лучше чувствовать, нежели описывать. Раздумайтесь объ этомъ, и вы почувствуете то же, что я. Что, друзья мои, если мы, въ молодости разойдясь на всѣ четыре сторонушки,

¹⁾ 22 февраля/6 марта 1803 г. Ал. Тургеневъ получилъ вѣнскій „журналъ“ брата: „какъ пріятно проводилъ онъ время и какъ умѣлъ живо и интересно выразить все, что чувствовалъ, что видѣлъ! Какая откровенность, какая непринужденность, Unbefangenheit, въ мысляхъ, чувствахъ и выраженіяхъ! Журналъ его есть зеркало, въ которомъ видишь прекрасную, благородную душу, облагороженную красотою природы и поэзіи (изъ дневника).

²⁾ „Русск. Арх.“ 1871 г., № 2, стр. 0134.

наконецъ сошлись бы все вмѣстѣ, и если бы всякій изъ насъ могъ пѣть вмѣстѣ съ Шиллеромъ (An die Freude):

Wer ein holdes Weib errungen,
Mische seinen Jubel ein!

И тогда бы въ мирной тишинѣ начали бы мы трудиться, жить вмѣстѣ, зимою ѣздили бы въ городъ Москву для Cabale und Liebe и проч.“ (вѣроятно, 1799—1800 г.).

„Она“ могла быть въ то время для Андрея Тургенева уже не утопией, хотя вообще въ любви юныхъ сентименталистовъ личное чувство какъ-то уходитъ въ отвлеченность. „Мой другъ, женщинамъ опредѣлено воспламенять насъ къ великимъ дѣламъ, къ труднѣйшимъ пожертвованіямъ и, можетъ быть, къ самымъ злодѣйствамъ“, говорится съ однимъ изъ раннихъ писемъ Андрея Тургенева къ Жуковскому (19 авг. 1799 г.) Женщины являлись объектомъ, на которомъ изошрялось чувство, любовь вступала въ права дружбы; такъ было въ теоріи. Любовь представлялась образовательной силой: женщину воспитывали, читали съ нею Руссо, давали читать Мендельсона „О безсмертіи души“; она настраивалась встрѣчно, гипнотизированная новыми откровеніями, и сама цитировала „шестую часть“ Карамзина. А воспитатели мѣли передъ своимъ же, отраженнымъ свѣтомъ.

Письма Андрея Тургенева знакомятъ насъ съ начальной исторіей его любви и первымъ, дотолѣ неизвѣстнымъ, увлеченіемъ Жуковского.

Въ 1805 году онъ задумалъ рассмотреть „свою прошедшую жизнь“, но ограничился программой, обнимающей девять параграфовъ. Три первые озаглавлены: Ребачество. Ученіе у Роде (Жуковскій учился въ Тулѣ въ пансіонѣ Роде. Въ этомъ параграфѣ онъ упоминаетъ и о смерти отца, Аѳанасія Ивановича Бунина, въ мартѣ 1791 года). *Марья Николаевна*.—Въ 8-мъ параграфѣ, идущемъ до 1802 года, написано, между прочимъ, слѣдующее: „Вступленіе въ пансіонъ... Первый актъ (1779 года). Иванъ Володимировичъ (Лопухинъ), Тургеневы, Родзянка, Мерзляковъ. Пенсіонскій образъ жизни. *Марья Николаевна*. Собраніе (воспитанниковъ Московскаго Университетскаго Благороднаго Пансіона)... Служба. Вступленіе въ Соляную контору (гдѣ Жуковскій служилъ съ 1800 г. по 1802 г.)¹⁾. „Мальчикъ у ручья“ (переводъ

¹⁾ Сл. письмо Жуковского къ Ал. Тургеневу конца генваря или начала февраля 1818 года. Вѣроятно, къ выходу Жуковского изъ Соляной конторы относятся слѣдующія письма. Весной 1802 года Андрей Тургеневъ писалъ

изъ Коцебу, „Die jüngsten Kinder meiner Laune“ 1801 г.). Греева элегія (первый переводъ 1801 г.). Литературное собраніе. *Знакомство съ Соковинными*.—Параграфъ девятый, который долженъ былъ разсказать о событіяхъ 1802—5 годовъ, начинается указаніемъ на „вторичный переводъ Греевой элегіи (1802 г.).... Смерть Тургенева (Андрея † 1803 г.). Вадимъ (1803 г.).... *Свѣчинъ.... Свѣчина разводъ*“.

Мать Марьи Николаевны, Наталья Аѳанасьевна Бунина, вышла за Н. И. Вельяминова, служившаго въ Соляной конторѣ, куда поступилъ и Жуковскій; Марья Николаевна, замужемъ Свѣчина, приходилась такимъ образомъ родной племянницей Жуковскому, по его отцу, Аѳанасію Ивановичу Бунину. На нея и ея сестру, Авдотью Николаевну, замужемъ Арбенову, рассчитывалъ впослѣдствіи Жуковский въ надеждѣ, что онѣ помогутъ устроить его бракъ съ другой его племянницей, М. А. Протасовой, но посредницы измѣнили. Къ Арбеновой обращено его посланіе (1812 г.), другое, найденное въ его бумагахъ, къ ея сыну, Сашѣ Арбенову (27 генваря 1814 г.)¹⁾.

ему изъ Петербурга: „Сейчасъ, братъ, я получилъ твое письмо объ арестѣ... Меня это возмутило. Что мнѣ сказать тебѣ? Я не радъ, очень не радъ этому, что ты будешь въ отставкѣ, но что же было дѣлать на твоемъ мѣстѣ? Если все еще можно поправить, то я бы этого очень желалъ, но если тутъ оскорбится чувство твое, если будетъ хоть тѣнь оскорбленія для твоей чести, то дѣлать нечего. Поговори съ братомъ, а онъ съ батюшкой“. И въ другомъ письмѣ изъ того же времени: „Что съ тобой дѣлается? Я очень обезпокоенъ тѣмъ, что арестъ твой (?) такъ долго продолжается. Но, братъ, зачѣмъ не хочешь ты быть въ службѣ? Если ты хочешь моего совѣта, то я бы служить совѣтовалъ: право, можно и служить и заниматься нашимъ предметомъ... Конечно, ты не долженъ былъ сносить отъ прокурора, но если представится другая служба,—ибо я слышу, что батюшка хочетъ найти,—если это можетъ быть репарировано удовлетворительно для тебя, то на что жить въ отставкѣ? Можно даже искать службы, если сама не представится, потому что можно искать и благороднымъ образомъ... Не револютируйся тѣмъ, что я говорю тебѣ о службѣ“.—Какая-то недомолвка между друзьями, когда Жуковский еще служилъ въ Соляной конторѣ, вызвала свѣдующее стихотворное къ нему посланіе Тургенева:

„Тебѣ легко, мой другъ, предписывать законы,
Сердиться, губу дуть, ссылаясь на оны;
Приказывать легко, но трудно исполнять,
Сіе, кто служить, всякъ конечно долженъ знать.
Въ Archivъ ль служить кто, иль въ Соляной конторѣ,
Въ Сенатѣ, въ арміи, иль въ кораблѣ на морѣ.

... Приходи, пожалуйста, ко мнѣ, на словахъ браниться гораздо лучше“.

¹⁾ Бумаги В. А. Жуковского, 1. с., стр. 34—6, 41. Сл. письма Жуковского къ Арбеновой и Свѣчиной 1813 и 1814 года и отвѣтъ ему Арбеновой 1814 года въ „Русскомъ Archivѣ“ 1883 г., II, стр. 308 слѣд.

Встрѣтившись въ 1837 году въ Бѣлевѣ съ племянницей Сергѣя Михайловича Соковнина, О. В. Павловой, Жуковский пишетъ ему, напоминая о томъ времени (въ 1802 году), когда онъ бывалъ у нихъ на Пречистенкѣ¹⁾. Въ 1802 году, еще будучи въ Московскомъ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ, Соковнинъ напечаталъ, въ переводѣ съ французскаго, „Избранныя мысли Томаса и Болинброка и ученіе древнихъ философовъ о Богѣ“, съ повященіемъ своей матери, Аннѣ Ѳедоровнѣ, на смерть которой написаны стихи Жуковскаго, „вырванные на гробѣ А. Ѳ. Соковниной“ (1802 г.). Любитель литературы, Сергѣй Михайловичъ писалъ мало; нѣкоторые его стихотворенія и переводы въ прозѣ появились въ „Пріятномъ и Полезномъ Препровожденіи времени“, „Иппокренѣ“, „Утренней Зарѣ“. Изъ семейнаго знакомства завязалась его дружба съ Жуковскимъ, а черезъ него и съ Ал. Тургеневымъ; во время своихъ прѣздовъ въ Москву въ 1809 и 1810 годахъ Жуковский останавливался у него въ домѣ, въ 1809 г. онъ и Тургеневъ хлопотали о томъ, какъ бы пристроить общаго пріятеля. „Дружба и любовь тѣхъ людей, которые связаны были съ нашею семьей, для меня всего дороже,—писалъ Соковнинъ Тургеневу,—тѣмъ болѣе, что теперь только въ ихъ дружбѣ и любви могу возратить свои потери“. Онъ давно желалъ его дружбы; это не пустыя слова: „нѣтъ, я, право, съ этой стороны похожъ на Василія Андреевича, право, сердце мое такъ же готово къ дружбѣ, такъ же можетъ наслаждаться ея наслажденіями, какъ его. Жаль, что вы знали меня не въ тѣхъ лѣтахъ, когда человѣкъ начинаетъ себя чувствовать. Право, скажу вамъ, не льстя себѣ, что во мнѣ есть немножко того, чего такъ много въ васъ и Жуковскомъ. Можетъ быть, *mes épanchements* покажутся вамъ смѣлыми, но я надѣюсь въ нихъ со временемъ оправдаться. Вы увидите, что я говорилъ правду, когда мы будемъ сидѣть втроемъ за доброй чашкой шоколаду и говорить о томъ, что уже прошло, что никогда не возвратится и однакожъ все еще намъ пріятно и незабвенно“ (2 декабря 1809 г.)²⁾.

Чувствительность С. М. Соковнина развилась на почвѣ психической болѣзни, признаки которой обнаружились въ его странномъ увлеченіи княгиней В. Ѳ. Вяземской: въ 1816 году онъ

¹⁾ Соч. В. А. Жуковскаго, 7-е изд. Ефремова, т. VI, стр. 547 (20 июня 1837 г.).

²⁾ „Русская Старина“ 1901 г. Апрѣль, стр. 125 слѣд. и прим, Въ 1890 г. Жуковский ѣздилъ въ Петербургъ (сл. „Русскій Арх.“. 1867 г., стр. 879 прим., и письмо Ал. Тургеневу 10 февраля 1809 г.). Можетъ быть, къ этому времени относится неизданное письмо къ нему Ал. Тургенева: онъ и Ал. Як. Булгаковъ ждутъ его, пусть возьметъ съ собой брата Сергѣя и Сережу Соковнина.

написалъ ей письмо съ объясненіемъ въ любви, 17 апрѣля слѣдующаго года въ два часа дня бросился передъ нею на колѣни на Никитскомъ бульварѣ, прося прощенія, что оскорбилъ ее; онъ далъ клятву, что при всякой встрѣчѣ съ княгиней будетъ падать передъ нею на колѣни. Пріатели говорили тогда о проказахъ „блуждающаго жида“; его перевели на службу въ Теодосію ¹⁾).

Въ письмахъ Андрея Тургенева его имя не встрѣчается, названъ его братъ Николай Михайловичъ и двѣ сестры Анна, и Екатерина Михайловны. Къ первой (1784—1873), вышедшей впоследствии за В. Н. Павлова ²⁾, питалъ платоническія чувства юноша Александръ Ивановичъ Тургеневъ ³⁾. Ему не было 15-ти лѣтъ, когда 31 декабря 1798 года на пансіонскомъ актѣ онъ увидѣлъ Анну Михайловну; четыре года прошло съ тѣхъ поръ, какъ ихъ взоры встрѣтились, и они узнали другъ друга, вспоминаетъ онъ въ ученомъ одиночествѣ Гёттингена; „ахъ, ничто не истребитъ изъ моей памяти сіи первыя минуты, сіе начало моего блаженства, ничто не потушитъ во мнѣ сей первой искры.... и добродѣтели“ ⁴⁾. Вскорѣ послѣ того онъ былъ съ нею въ день ея ангела (3 февраля 1799 г.) у Лихачевыхъ. „Могъ ли я тогда надѣяться или только вообразить, что со временемъ буду ѣздить къ нимъ въ домъ, буду л(юбим)ъ. Прошлаго года этотъ день провелъ я очень грустно въ Петербургѣ, ходя съ стѣсненнымъ сердцемъ по Невской набережной, досадовалъ, для чего меня нѣтъ въ Москвѣ. Она не ожидала, что мы скоро увидимся, и очень была печальна, весь день проплакала. Прости, мой милый другъ, пишу о тебѣ рѣдко, но не проходило еще ни одного вечера, въ который я бы не думалъ о тебѣ; это одно можетъ размягчить меня и, досадуя на себя иногда цѣлый день, я послѣ мирюсь съ собой и засыпаю съ добрыми чувствами, съ первымъ расположеніемъ ко всему доброму. Что, еслибъ не увѣренность, что я любимъ тобою, я бы, право, часто не находилъ въ себѣ внутренняго спокойствія и ропталъ на Провидѣніе, зачѣмъ не сотворенъ я съ луч-

¹⁾ Сл. „Остафьевскій Архивъ кн. Вяземскихъ“, I, стр. 72, 73, 74, 75, 76, 79, 444—8, 451, 517. Сл. соч. Батюшкова, III, стр. 735—6. Въ 1825 году Жуковский писалъ о Соковнинѣ Сухотину, сл. его письмо къ Ал. Тургеневу 31 января 1825 г.

²⁾ Сл. „Письма В. А. Жуковского къ Ал. Ив. Тургеневу“, стр. 41, прим. 1

³⁾ Слѣдующія подробности взяты изъ его неизданнаго пока дневника, веденнаго имъ въ Геттингенѣ, съ однимъ большимъ перерывомъ, съ 29 декабря 1802 г./2 января 1803 г. по 3/15 февраля 1804 года.

⁴⁾ Дневникъ 31 декабря 1802 г./12 января 1803 года.

шимъ характеромъ. Прости, единственный другъ мой, прости“¹⁾. Мысль о далекомъ другѣ поддерживаетъ его, ея совѣты удерживаютъ его „отъ многого“, и это наполняетъ его самодовольствомъ; графа 3/15 февраля (день ангела Анны Михайловны) наполнена въ дневникѣ двумя словами: „3-е февраля!“²⁾.— По смерти Андрея, его отношенія къ Соковнинымъ вспомнились ему по связи съ братомъ, и ему живо представилось, какъ онъ вошелъ въ ихъ домъ, „былъ принятъ отменно ласково, всегда ѣздилъ туда съ нѣкоторымъ удовольствіемъ и для того же самаго хотѣлъ, чтобы и брата раздѣлялъ его Въ первый разъ пріѣхали мы туда вмѣстѣ, когда еще никто не зналъ его, но скоро, скоро все перемѣнилось, и брата также узнали и полюбили. Мы и Жуковскій и Костогоровъ³⁾ были тамъ часто, братъ и я такъ любили ѣздить туда, что мы наконецъ считали за пожертвованіе, когда одинъ другому уступить сегодня туда ѣхать одному въ случаѣ, если обоимъ невозможно. Слѣдующее время, обстоятельства слишкомъ свѣжи въ моей памяти, чтобы я могъ еще писать объ этомъ. Знаю только, что Соковнина связана съ братомъ еще больше, что мы еще больше узнали любовь нашу, цѣну нашего братства, узнали, что мы можемъ и умѣемъ сдѣлать другъ для друга величайшее пожертвованіе. Что другихъ могло разлучить, расторгнуть навѣки друга отъ друга, то самое насъ тѣснѣе связало, приближало, и мы мечтали быть подобны Лопухинымъ. Желалъ бы я только, чтобы письма мои къ нему изъ Москвы и изъ Гёттингена сохранены были; они могутъ служить ему и мнѣ вѣрнымъ панегирикомъ (я вѣдь пишу самъ себѣ); въ нихъ могутъ видѣть и понимать любовь братскую“⁴⁾.

Въ 1802—3 годахъ братьевъ не было въ Москвѣ: одинъ въ Петербургѣ и Вѣнѣ, другой въ Гёттингенѣ, а Жуковскій бываетъ у Соковниныхъ, играетъ у нихъ въ театрѣ, играетъ въ фанты и пишетъ экспромптъ къ глазамъ Анны Михайловны:

Твои глаза хвалить мнѣ должно.
Филлида, я готовъ хвалить,
Но какъ? Стихами невозможно,
А сердцемъ—сердце лишь молчить,
Его молчаніе яенѣ говорить.

1) Дневникъ 25 генваря/6 февраля 1803 года.

2) Сл. Дневникъ подъ 2, 5 и 8 февраля ст. ст. 1803 г.

3) Товарищъ Жуковского и Тургеневыхъ по Пансіону.

4) Дневникъ 9/21 ноября 1803 года.

Анна Михайловна отвѣчала:

Молчанье не бываетъ яснѣ языка,
Чѣмъ больше чувствуешь,
Тѣмъ больше говоришь,
И то, что нравится, о томъ не умолчишь.

Жуковскій заключаетъ:

Оставимъ разуму искусство говорить,
Пусть сердце чувствуетъ, вздыхаетъ и молчитъ¹⁾.

Анна Михайловна любила писать шутливыя стихотворенія, какъ любилъ писать ихъ и Жуковскій, самъ валявшійся надъ ними со смѣха²⁾; не прочь была и посентиментальничать: она и сестра велѣли вырѣзать для А. П. Зонтагъ девизъ на печати: лампаду съ надписью: Не блескъ, а польза³⁾. Сохранилась юмористическая записка Жуковского къ Аннѣ Михайловнѣ изъ этой поры⁴⁾, „Покорно благодарю васъ за коврижку. Она не только прекрасна, но безподобна, несравненна, потому что отъ васъ! Я фль ее съ такой пріятностью, съ такимъ восхищеніемъ, что не увидалъ какъ съфль. Такъ все скоро проходитъ въ свѣтѣ; одно только не пройдетъ вѣчно, и то не въ свѣтѣ, а во мнѣ⁵⁾.... Катерина Михайловна въ своемъ письмѣ пишетъ ко мнѣ, что *хорошо радоваться любовью друиыхъ, если своего предмета нѣтъ, а я, хотя и имѣю предметъ милой, достойной любви, но не радоваться, а плакать долженъ. Пожалуйте обо мнѣ. Вы такъ жалостливы — и безжалостны*. Прочтите еще разъ для памяти пѣсню: *Филлида, я люблю тобою, а послѣ нея Посланіе къ...*¹⁾. Эти двѣ пѣсы неразлучны! Но вы, я думаю, о нихъ и позабыли! Богъ вамъ судья!“

„Вы такъ жалостливы — и безжалостны“—это объясненіе въ любви, пока на степени флирта. „Объ Аннѣ Михайловнѣ бояся думать! писалъ Жуковскому Андрей Тургеневъ.—Стыдись, братъ,

¹⁾ Отчетъ Имп. Публ. бібліотеки за 1893 г. стр. 122. Эти стихотворныя шутки, какъ и слѣдующее (стр. 122--3) письмо Жуковского къ А. М. Соковниной, слѣдуетъ отнести къ 1802—3-му, не къ 1803—4 годамъ. Смерть Андрея Тургенева (въ іюлѣ 1803 года) исключаетъ шутливый характеръ экспромптовъ и письма.

²⁾ Сл. тамъ же стр. 135: письмо А. П. Зонтагъ къ А. М. Павловой 7 мая 1850 г.

³⁾ Тамъ же стр. 130—1: Зонтагъ къ Павловой 10 апрѣля 1849.

⁴⁾ Тамъ же стр. 122—3.

⁵⁾ Точки въ подлинникѣ.

и пожалѣй о насъ и о себѣ“ (письмо конца 1801 г.); „будь доволенъ своимъ, — читаемъ въ другомъ письмѣ, — и не отнимай чужого. Ты хочешь владѣть и *тамъ и тамъ*, а у брата хочешь отнять то, отъ чего, право, онъ счастливъ. Не думай и раздѣлить этого, у него нѣтъ другого, а у тебя есть, можетъ быть, очень много“. Но ему жаль и пріятеля; „только смотри, чего ты лишаешься! смотри несчастный!... Но если только *ты* любишь, то нельзя быть спокойнымъ въ такомъ положеніи... Не усмиришь сердца. Или можно?“

Сентиментальная *amitié amoureuse* допускала „*тамъ и тамъ*“; Жуковскій готовъ былъ увлечься въ Москвѣ Анной Михайловной, и въ то же время сентиментальничалъ съ Марьей Николаевной Свѣчиной, которой заинтересовался и которую видимо воспитывалъ по программѣ чувствительности, какъ позже М. А. Протасову. Теперь Свѣчина жила въ Петербургѣ съ мужемъ и сестрой Авдотьей Николаевной, тамъ же служилъ и Андрей Тургеневъ. Жуковскій, оставшійся въ Москвѣ, рекомендовалъ его въ семьѣ, и Тургеневъ осматривается въ ней, знакомится съ отношеніями, входитъ въ интересы друга, бесѣдуетъ о немъ съ Марьей Николаевной, передаетъ письма, самъ увлекается чужимъ чувствомъ. Повидимому между супругами не было единенія душъ и міросозерцанія: это былъ *mariage de convenance*, изъ котораго Марья Николаевна рвалась. „Они должно быть счастливы *dans l'intérieur*, потому что веселы, — пишетъ другу Тургеневъ; онъ все бранить Карамзина... но мужъ и она — два инструмента совсѣмъ на разныхъ тонахъ: онъ — балалайка, можетъ быть, очень стройная и звонкая, она — арфа. Я смотрѣлъ на нихъ вмѣстѣ и чувствовалъ, что не такъ бы должно быть, если бы въ этомъ мірѣ царствовала гармонія. Я знаю другой инструментъ, который могъ бы аккомпанировать, но... вздохнемъ оба отъ глубины сердца“. Марья Николаевна сказывала Тургеневу, что Жуковскій написалъ ей очень важное письмо, въ которомъ велитъ ей читать Руссо; какъ бы хорошо было, если бъ Жуковскій поселился въ ея семьѣ! (конца 1801 г.). — Въ другой разъ бесѣдъ Тургенева съ Марьей Николаевной мѣшалъ мужъ. Она собиралась куда-то ѣхать съ визитами, но по просьбѣ Тургенева осталась. „Я сказалъ, что ты переводишь Вольтера. Она: А онъ общалъ мнѣ, что никогда не будетъ любить Вольтера. Я: Онъ, повѣрьте, совсѣмъ его не любитъ, а Руссо его наставникъ“. Мужъ возставалъ противъ Руссо; наконецъ онъ куда-то вышелъ, и они остались вдвоемъ. „Она: Я никогда не думала, что Василій Андреевичъ могъ полюбить Вольтера. Я: Повѣрьте, что онъ его не любитъ по своему сердцу. Она: По

его чувствамъ. по его расположенію души (съ нѣкоторымъ жаромъ и скоростью). Нѣсколько помолчавъ, она: Какой онъ милый! (съ чувствомъ и неизъяснимой пріятностью). Я: Я не знаю человѣка съ такимъ добрымъ и чувствительнымъ сердцемъ. Она: Только какъ часто онъ бываетъ задумчивъ! (письмо начала 1802 г.). Марья Николаевна сказала ему какъ-то, а онъ сообщаетъ другу: „ей жаль, что ты все грустишь, и стихи такіе написалъ, изъ которыхъ видно унылое и горестное твое расположеніе духа“ (13 февр. 1802 г.). Либо онъ говоритъ ей, что Жуковскій пишетъ оду, „и что первый куплетъ самый отчаянный. Что съ нимъ сдѣлалось? сказала Марья Николаевна,—отчего въ немъ это расположеніе? Онъ прежде былъ не таковъ! Вспомнила о Греевой элегіи, которую называетъ прекрасной¹⁾. Я показываю, будто не читалъ твоихъ писемъ къ ней, удивлялся, какъ ты не писалъ къ нимъ о вашихъ театрахъ, и сказалъ, что ты игралъ въ пенсіонѣ и у Соковниныхъ. Куда дѣлась его робость? говоритъ Авдотья Николаевна. Я увѣрилъ, что ты все такой же мизантропъ“.—Въ лицѣ Марьи Николаевны, „право, было что-то небесное, говорится въ томъ же письмѣ. Она была въ бѣломъ. Какая-то томность, при свѣчахъ, дѣлала ее плѣняющею. Но я смотрѣлъ на это, какъ бы смотрѣлъ—на что бы? напр., на луну, на звѣзды, на испещренный лугъ; и тѣнь желанія не прошла по моему сердцу!“ (декабря 1801 г.). Неужели Марья Николаевна не больно жить съ глупымъ мужемъ ради средствъ? спрашиваетъ себя Тургеневъ; „это не мѣшаетъ мнѣ ее очень любить; право, она прімилая“, спросись своего сердца, пишетъ онъ другу (9 марта 1803 г.), ради котораго онъ старается „гармонизировать“ даже съ мужемъ (1 апр. 1802 г.).

Но ей въ самомъ дѣлѣ больно. „Посылаю тебѣ письмо отъ Марьи Николаевны,—пишетъ онъ Жуковскому,—я читалъ его, былъ очень тронутъ и читалъ въ такую минуту, что мнѣ и самому было очень грустно. Она чувствуетъ, видно, свое состояніе и не ослѣплена ни мало въ разсужденіи мужа. Ueberall betrogene Hoffnungen, überall zernichtete Pläne, говоритъ Вертеръ. Каково ей, должно быть, видѣть передъ собою такую будущность навсегда, можетъ быть! Она, право, похожа на Франциску фонъ Штер-

¹⁾ Элегію Жуковского Марья Николаевна знала, очевидно, въ первой редакціи, тогда не напечатанной: „Сельское кладбище“, посвященное Андрею Тургеневу, явилось въ „Вѣстникѣ Европы“, декабрь 1802 года № 24. Андр Тургеневъ благодарилъ за посвященіе въ письмѣ изъ Вѣны 7 генв. 1803 г. „Завтра напишу къ Жуковскому и поздравлю его съ титуломъ любезнаго переводчика Греевой Элегіи“ (Дневникъ Ал. Тургенева 20 іюня/2 іюля 1803 года.

нахъ въ Донамарѣ¹⁾, и даже по этому письму. Помнишь, какъ та описываетъ въ письмѣ своемъ лѣта своего дѣтства, съ нимъ проведенныя? Кротость въ ней та же, и это кроткое чувство своей невинности и, вмѣстѣ, прощенія тѣмъ, кто ее говоритъ или кто причиною ея несчастія! *Я не могу извяснить, какъ это чувство для меня мило, какъ я люблю себя вообразать ею; какъ я вмѣстѣ и печаленъ, и какъ мнѣ однакожъ и пріятно видѣть его въ Катеринѣ Михайловнѣ (Соковниной)! Какъ она любитъ меня и совѣсть мнѣ предается*, когда я чувствую себя столько виновнымъ въ разсужденіи ея! Однакожъ теперь нѣтъ! Я узналъ ее, *узналъ всю цѣну души ея и узналъ навсегда*. Какое чувство изображается въ ея письмахъ, и какъ я мало достоинъ ея!» И онъ снова зоветъ Жуковского въ Петербургъ, къ Свѣчиннымъ: онъ усладить участь Авдотьи Николаевны; за ней увиваются какіе-то гвардейскіе офицеры, Жуковский побережетъ ее, „если ужъ не поздно—и если я не брежу... Si Sophie est tombée..., говоритъ Эмиль“. „Но и для одной Марьи Николаевны ты долженъ пріѣхать: она любитъ тебя, какъ брата, *а ты любишь ее какъ бы то ни было; между вами самая невинная и святая связь*. Sa vertu (ne court) pas l'ombre de danger et vous pouvez adoucir son sort pas votre (amitié?). Et vous ne viendrez pas? Кому здѣсь понимать ее? Ты долженъ пріѣхать и быть здѣсь“ (письмо 22 января 1802 г.). Ал. Тургеневъ зналъ объ этихъ отношеніяхъ Жуковского и записалъ въ своемъ дневникѣ подъ 13/25 января 1803 г.; „Сегодня Бутервекъ на лекціи описывалъ характеръ Петрарки и платоническую любовь его къ Лаурѣ. Какое разительное сходство съ характеромъ Жуковского! Кажется, что еслибъ мнѣ надобно было изобразить характеръ Жуковского, то бы я то же повторилъ, что Бутервекъ говорилъ о Петраркѣ. И Жуковский точно въ такомъ же отношеніи къ (Свѣчиной), въ какомъ Петрарка былъ къ его Лаурѣ или къ M-me de Sade“.

„Еслибы исполнились всѣ тѣ желанія, qui se forment à ton compte, ты былъ бы не изъ послѣднихъ счастливицевъ, пишетъ Тургеневъ, очевидно, о Марьѣ Николаевнѣ.—Читай чаще панегирикъ кн. Долгорукаго всеутѣшительному русскому слову авось—

¹⁾ Романъ Бутервека, „Graf Donamar. Briefe geschrieben zur Zeit des leibenjährigen Krieges in Deutschland. Herausgegeben von E. R. T. O. B. H. E. W. R. Göttingen. 1791—3“, три тома. „Знаешь ли, что Бутервекъ, который здѣсь читаетъ эстетическую лекцію, есть тотъ самый, который написалъ Донъ Амара, которымъ вы такъ нѣкогда восхищались?“ Приписка А. С. Кайсарова къ (неизданному) письму Ал. Тургенева къ Жуковскому 7 ноября 1802 г.; сл. (неизданное) письмо Ал. Тургенева къ Жуковскому 22 января 1803 г.

и ты вѣрно будешь покоенъ“ (1802 г. 6 февр., приписка въ письмѣ Ал. Ив. Тургенева). Онъ бесѣдуетъ съ ней о религіи, о моральныхъ матеріяхъ; и она говоритъ: „Боже мой, какъ для меня пріятно говорить о религіи, какъ это утѣшительно для сердца!.. Боже мой, какъ мнѣ жаль, что здѣсь нѣтъ Василія Андреевича, я такъ привыкла къ нему“. А Авдотья Николаевна, которую Тургеневъ оберегалъ отъ офицеровъ, каталась верхомъ въ ихъ обществѣ, играла Тургеневу на гармоникѣ „Выйду ль я не рѣченку“, „Я по жердочкѣ шла“, „Вечоръ былъ я на почтовомъ на дворѣ“—и подарила ему бумажку съ красивыми краешками, которую онъ посылаетъ брату: пусть отправитъ Жуковскому въ деревню (письмо 1802 г.; объ Авдотѣ Николаевнѣ еще въ письмѣ 21 марта).

Когда лѣтъ двѣнадцать спустя Марья Николаевна вновь очутилась на пути Жуковского, ее было не узнать, но ея прошлое просвѣчиваетъ въ ласково-двуличной характеристикѣ, которую далъ ей тогда Воейковъ:

Нѣтъ, милая, не всѣ ты побѣдила страсти!
Согласенъ, надъ тобой любовь лишилась власти,
Прошло желаніе талантами блистать,
Плѣнять и ослѣплять;
Но, бѣдныхъ, страждущихъ и сирыхъ къ утѣшенію,
Осталась страсть — къ благотворенію ¹⁾).

Екатерина Михайловна Соковнина, о которой упоминаетъ одно изъ приведенныхъ выше писемъ Андрея Тургенева, была предметомъ его юношескаго увлеченія. Два сентиментальныхъ романа разыгрывались параллельно, издали, въ буквальномъ смыслѣ—романы въ письмахъ. На этотъ разъ Тургеневъ въ Петербургѣ, Жуковский ведетъ его сердечное дѣло въ Москвѣ. Мы знаемъ, что Александръ Тургеневъ ввелъ брата въ домъ Соковниныхъ; когда написано было слѣдующее письмо Андрея къ Жуковскому, знакомства еще нѣтъ, но Андрей его желаетъ; мы увидимъ, по какому романическому поводу. Анна Федоровна Соковнина потеряла мужа, и эта утрата поразила одну изъ ея дочерей. Ничто не могло ее утѣшить; когда семья переселилась въ другой домъ, дочь не могла въ немъ жить, не находя въ немъ *les traces de mon père*. Она хотѣла уйти въ монастырь, наконецъ, однажды ночью вылѣзла изъ окна, ушла въ село

¹⁾ „Къ М. Н. С—ой“. Село Муратово 1814 г. Напечатано въ „Славянинѣ“ ч. XIII (1830 г.), стр. 140.

Никольское (въ 12-ти верстахъ отъ Москвы) и поселилась въ домѣ одного знакомаго крестьянина, взявъ съ собою Руссо и Библію. „Представь себѣ, братъ, какая нѣжная, глубокая любовь!... Я бы желалъ узнать ее лично. При всякомъ подобномъ случаѣ я досажую на себя; ты знаешь, за что. Признаюсь, всѣ бы будущія и прошедшія радости моей жизни отдалъ за ея чувства“. Онъ утѣшается тѣмъ, что задумалъ посвятить ей переводъ „Вертера“; но это надо держать въ тайнѣ. Вотъ и посвященіе: „Тебя, которая навсегда отказалась отъ радостей міра, чтобы проливать слезы о незабвенномъ родителѣ, которая, получивши отъ неба сердце, умѣла любить нѣжно, познала всю сладость сего драгоценнѣйшаго дара небесъ и, наконецъ, посвятила его вѣчной горести до блаженнаго соединенія съ тѣмъ, для кого оно билось,—тебѣ посвящаю это изображеніе пламенной, злополучной страсти. Ты меня не знаешь, но если чтеніе этой книги займетъ на нѣсколько минутъ твое вниманіе, если она усладитъ скорбь твою, то знай, что я щедро награжденъ тобою. Съ дыханіемъ благодатной весны да прольется кроткое умиленіе въ твоемъ сердцѣ; ороси сладкими слезами первый цвѣтокъ весенній и принеси его въ даръ памяти незабвеннаго друга. Да оживится въ растроганной душѣ твоей мысль о той вѣчной, неувядаемой веснѣ, которая возсіяетъ для тебя нѣкогда въ другомъ счастливѣйшемъ мірѣ и возвратитъ тебѣ его навѣки“ (письмо 1799—1800 г.).

Дѣло идетъ, повидимому, объ Екатеринѣ Михайловнѣ Соковниной, которой полны письма Андрея Тургенева. Онъ познакомился съ нею, вошелъ въ семью, увлекся, а она его полюбила; у нея къ нему „страсть“ сентиментальная, кротко отдающаяся, покорно выжидающая, что пошлетъ судьба, лишь бы ее любили; она также напоминаетъ намъ Франциску фонъ Штернахъ. Андрей Тургеневъ объяснился съ ней, сдѣлалъ какіе-то шаги, и это его нравственно связало. А между тѣмъ ему пришлось ѣхать въ Петербургъ, отношенія поддерживались письмами; на этотъ разъ передатчикомъ и посредникомъ былъ Жуковский.—„Что-то, братъ, мнѣ готовится? писалъ онъ ему; я увѣренъ, что ты примешь участіе, раздѣлишь со мною судьбу мою“ (18 мая 1802 г.). Лишь бы письма не попали въ руки брата Екатерины Михайловны: „постарайся объ этомъ съ братомъ (Александромъ Ивановичемъ Тургеновымъ); скажи хоть въ шуткахъ, отдавая: смотрите жъ, никому не показывайте (декабрь 1801 г.). Между тѣмъ батюшка довѣдывается у него, нѣтъ ли у него какой страстишки (18 мая 1802 г.), подозрѣваетъ его въ „шашняхъ сентиментальныхъ“ (письмо того же года), а въ Петербургъ дошли нелѣпые слухи,

будто онъ въ связи съ Екатериной Михайловной, и онъ тревожится: надо предупредить дальнѣйшія бѣды, лучше писать порѣже. „Я пишу къ ней, я не перемѣню своего намѣренія, что ни будетъ“ (3 февр. 1802 г.). Екатерина Михайловна также писала ему; и онъ посылаетъ копію съ ея письма Жуковскому, съ просьбою не показывать его никому, кромѣ брата (Александра Ивановича). „Письмо ваше, отъ 24-го Ноября, у меня, говоритъ Екатерина Михайловна,—Жуковскій описалъ вамъ мой разговоръ, мои мысли, но вы знаете, что все здѣсь невѣрно, какъ всѣ наши предпріятія разрушаются, даже тѣ, которыя уже приходятъ къ концу; а мы съ вами теперь такъ далеко другъ отъ друга, такъ надолго! Я такъ мало отъ себя завишу, окружена людьми разныхъ предразсудковъ. Какая же послѣ всего этого надежда? Конечно, мы можемъ мечтать, но не основываясь на мечтахъ своихъ. Я знаю вамъ цѣну, повѣрьте этому, и знаю также, что я ни съ кѣмъ такъ счастлива быть не могла, какъ съ вами. Но къ чему намъ знаніе? Судьба строить все по-своему. Испытавъ такъ много непостоянства ея, я уже вѣрнаго ничего не полагаю. Будьте веселы, спокойны, счастливы. На что быть для меня несчастливымъ? Мы будемъ стараться сдѣлать другъ друга счастливыми и пользоваться жизнію. Но ежели судьба насъ опредѣлила на другое, то мы заранѣе къ тому приготовимся. Меня никакая ея жестокость не удивить. Вы правду сказали, что мы имѣемъ мало радостныхъ минутъ въ жизни. Опытность сушить сердце; а я такъ много испытала! Васъ еще другая эпоха ожидаетъ, какъ говоритъ Карамзинъ въ VI-й части. Слава! Стремитесь за ней, и она васъ утѣшитъ въ неудачѣ первой. А мнѣ остается attendre et puis mourir. Но не огорчайтесь обо мнѣ. Надежда еще не умерла въ моемъ сердцѣ, и я еще мечтаю“ (въ письмѣ къ Жуковскому декабря 1801 г.).

Письма Тургенева говорятъ, какія сердечныя тревоги онъ переживалъ: „Все меня обвиняетъ“, жалуется онъ другу (30 января 1802 г.); тронуть словами Екатерины Михайловны которыя привелъ въ своемъ письмѣ Жуковскій: „что она рада всѣмъ угождать и пр., бывъ увѣрена въ любви моей“ (3 февр. 1802 г.). „Прилагаю при семъ письмецо къ Екатеринѣ Михайловнѣ. Отдай, братъ, самъ; vous y verrez, si elle vous le montre, combien mon âme est agitée! Ah, mon cher ami!“ Да пусть Екатерина Михайловна сыграетъ прилагаемый маршъ на тему: „два человека разсуждаютъ о горестяхъ жизни“¹⁾. Понятно увлеченіе Турге-

¹⁾ Это письмо датируется указаніемъ на трауръ по поводу „кончины родителя нашей императрицы“. Отецъ Елизаветы Алексѣевны, сынъ великаго

нева такими сюжетами, какъ Элоиза (и Абельяръ?) или Геро и Леандръ: „Слышали ли вы о валдайской Геро и Леандръ? Влюбленный монахъ всякую ночь переплывалъ черезъ озеро; свѣчка угасла, онъ погибъ. Козл(овскій?) прекрасно это опишетъ. Начало прекрасно, прекрасно“ (письмо 1802 г.). Понятны и вопросы: „что дѣлаетъ Катерина Михайловна? Когда воображаю ее, ея горести!“ Что она дѣлаетъ, „что она говоритъ съ тобой?“ — 21 марта 1802 года Тургеневъ спрашиваетъ Жуковского (изъ Петербурга): „Что, братъ, она? *Se croit-elle heureuse? Est-elle contente?* и здорова ли?— „Я здѣсь живу такъ счастливо, какъ можетъ мнѣ позволить внутреннее расположеніе моего духа и сердца и то понятіе, которое я составилъ себѣ о счастіи. Обстоятельствъ внѣшнихъ нельзя лучше желать, но если внутренняя гармонія не отвѣчаетъ наружной, если инструментъ, сколь ни хорошо настроенъ, то играть имъ не умѣютъ?“... (къ Жуковскому 7/19 января 1803 г. изъ Вѣны). Еще собираясь въ Вѣну, онъ велитъ Жуковскому сказать Мерзлякову, что получили его критику на „Радость“, и какъ бы порадовался: самъ онъ сталъ теперь покойнѣе „но вообще, братъ, не радость теперь чувство души моей, радость состоитъ въ мечтательности, а мнѣ кажется, теперь мечтать не о чемъ, но за то другого рода радость та, что я жертвую своею радостью. Жертвую! Если бы я имѣлъ истинную чувствительность и доброту, могъ ли бы я сказать это? Но за что же мнѣ обвинять себя, когда я сотворенъ такъ? Ахъ! развѣ бы я не могъ преодолевать себя? Вотъ сколько вопросовъ, сомнѣній, противорѣчій!... Какъ-будто какой-нибудь герой, говорю тебѣ о пожертвованіяхъ! Съ такимъ малодушіемъ всякій долженъ бы этому смѣяться; но ты не будешь“.

Письма изъ-за границы къ „извѣстнымъ особамъ“ (сестрамъ Соковнинымъ) передаются, попрежнему, черезъ пріятелей¹⁾. „Что Соковнины? спрашиваетъ Тургеневъ изъ Вѣны сентября/2 октября 1802 г., веселы или печальны?... Какъ, братъ, все пойдетъ, и чѣмъ все кончится? Ты знаешь, о чемъ я говорю. Скажи мнѣ твои мысли, твои догадки. Я теряюсь въ тысячи возможностей, въ тысячи препятствій, теряю надежду, бодрость и силу духа! Какъ я далеко зашелъ отъ одного неосторожнаго шагу! Но мое обѣщаніе тебѣ и мнѣ самому свято, всегда свято для меня останется, въ этомъ не сомнѣвайся“.

герцога Баденскаго, Карла Фридриха, скончался 15 декабря 1801 года, разбитый лошадами въ Стокгольмѣ.

¹⁾ Сл. письма Мерзлякова къ Жуковскому 13 октября 1802 г., „Русск. Арх“ 1871, № 2, стр. 0136.

Женщины, которыми увлекались Андрей Тургеневъ и Жуковский, Свѣчина и Соковнина, Протасова и Воейкова принадлежатъ къ одному опредѣленному типу: онѣ какія-то страдательныя, ихъ радость, какъ для Тургенева, въ „мечтательности“, онѣ—сильфиды или ундины, какъ выразился о Воейковой современникъ, онѣ легко поддаются и формуруются, когда къ нимъ подойдетъ какой-нибудь „Владиміръ Ленскій, съ душою прямо геттингенской“, въ которомъ ни шумъ веселій, ни науки, не измѣнили души, „согрѣтой дѣвственнымъ огнемъ“, а чувство изощрено подходящими чтеніями. Андрей Тургеневъ—это Ленскій *avant la lettre*:

Онъ вѣрилъ, что *душа родная*
 Соединиться съ нимъ должна:
 Что, безотрадно изнывая,
 Его вседневно ждетъ она;
 Онъ вѣрилъ, что друзья готовы
 За честь его принять оковы...
 Что есть *избранные судьбами*
Людей священные друзья,
 Что ихъ бессмертная семья
 Неотразимыми лучами
 Когда-нибудь насъ озарить
 И міръ блаженствомъ одарить.
 Негодованье, сожалѣнье,
 Ко благу чистая любовь
 И славы сладкое мученье
 Въ немъ рано волновали кровь.
 Онъ съ лирой странствовалъ на свѣтѣ,
 Подъ небомъ *Шиллера и Гёте;*
 Ихъ поэтическимъ огнемъ,
 Душа воспламенилась въ немъ;
 И музъ возвышенныхъ искусства,
 Счастливецъ, онъ не постыдилъ:
 Онъ въ пѣсняхъ гордо сохранилъ
 Всегда возвышенныя чувства,
Порывы дѣвственной мечты
 И прелесть нѣжной простоты.
 Онъ пѣлъ любовь, любви послушный,
 И пѣснь ея была ясна,
 Какъ мысли дѣвы простодушной,
 Какъ сонъ младенца, какъ луна

Въ пустыняхъ неба безмятежныхъ,
Богиня тайнъ и вздоховъ пѣжныхъ.
Онъ пѣлъ *разлуку и печаль*,
И пѣчто, и туману даль,
И романтическія розы;
Онъ пѣлъ тѣ дальнія страны,
Гдѣ долго въ лоно тишины
Лились его живыя слезы;
Онъ пѣлъ поблекшій жизни цвѣтъ,
Безъ малаго въ осьмнадцать лѣтъ.

(„Евг. Онѣгинъ“, гл. 2, VIII—X).

3.

Андрей Тургеневъ скончался въ Петербургѣ 8 іюля 1803 года послѣ кратковременной болѣзни, вызванной простудой и неосторожностью¹⁾; ему не было 22-хъ лѣтъ. Жуковскій скорбитъ, что не былъ при кончинѣ друга: „можетъ быть, темное, отдаленное воспоминаніе о тѣхъ, которые остались плакать о немъ въ этомъ мірѣ, приходило оживлять его въ нѣкоторыя минуты, свободныя отъ физическаго страданія. Можетъ быть, онъ желалъ насъ видѣть и воображалъ всѣхъ тѣхъ, которые будутъ несчастны, потерявъ его! Но кого не утѣшитъ Иванъ Владимировичъ! ²⁾ Онъ, конечно облегчилъ тягость разлуки его съ жизнію! Онъ уладилъ его надежды на безсмертіе, на скорое свиданіе съ тѣми, которыхъ онъ любилъ въ этомъ мірѣ“³⁾. „Андрей Ивановичъ помнилъ насъ, безъ сомнѣнія, въ послѣднія минуты, писалъ Жуковскому Мерзляковъ (24 авг. 1803 г.). Ахъ, онъ умеръ очень тяжело. Природа долго боролась съ болѣзнію; крѣпкое сложеніе причинило ему конвульсіи; въ четыре дня все совершилось... горячка съ пятнами окончила жизнь такого челоѣка, который долженъ былъ пережить всѣхъ насъ“⁴⁾. „Гнѣвное небо долго для насъ не прояснится, но мы найдемъ утѣшеніе въ самихъ себѣ. Конечно, мы для Андрея Ивановича ничего не сдѣлали, но погру-

¹⁾ „Распотѣвши поѣлъ мороженаго“ (Дневникъ Ал. Тургенева 22 генв./3 февр. 1804 года).

²⁾ Лопухинъ.

³⁾ Къ Ив. Петр. Тургеневу, 11 авг. 1803 года. Въ числѣ неизданныхъ писемъ Ал. Тургенева одно написано въ отвѣтъ на утѣшенія Жуковскаго и друзей.

⁴⁾ „Русск. Арх“. 1871 г. № 2, стр. 0141—2.

зимся въ свои чувства, спросимъ у свой совѣсти, развѣ мы его недостойны? Развѣ не любили его? Развѣ забудемъ когда-нибудь? Нѣтъ, онъ для насъ не умеръ, онъ живъ въ нашемъ соединеніи, которое разорвется только тогда, когда Небо захочетъ соединить всѣхъ насъ троихъ⁽¹⁾.

Его кончина ощутилась въ кружкѣ, какъ вознаградимая утрата: такъ много возлагали на него надеждъ. Карамзинъ интересуется имъ, ведетъ съ нимъ бесѣду по поводу переписки Юнга съ Фонтенелемъ, которую Тургеневъ собирался переводить⁽²⁾; благосклонно встрѣтилъ его Элегію, признавъ за авторомъ вкусъ и чутье къ поэтическому слогу; со временемъ онъ будетъ, конечно, оригинальнѣе „въ мысляхъ и оборотахъ, со временемъ о самыхъ обыкновенныхъ предметахъ онъ найдетъ способъ говорить по-своему⁽³⁾“. Это бываетъ дѣйствіемъ таланта, возрастающаго съ лѣтами. Отмѣтивъ нѣкоторые мелкіе недочеты (въ римахъ), Карамзинъ совѣтовалъ и въ бездѣлицахъ исполнять условія, хотя бы затѣмъ, „чтобы несчастные стихотворцы не привязывались къ счастливымъ“. — Характеризуя Тургенева и Блудова, когда оба они служили въ Архивѣ, Вигель записалъ въ

¹⁾ Тамъ же, стр. 0146 (осенью 1803 года).

²⁾ Письма Каменева 10 окт. 1800 г. у Боброва, I. с., т. 3, стр. 129—30. — „Наше изданіе меня прельщаетъ, но что бы ни стало, я въ немъ участникъ. Мои письма Юнга и Фонтенеля) будутъ напечатаны“ (къ Жуковскому, вѣроятно, 1801 г.).

³⁾ Говорить не—по карамзински? Карамзинъ былъ противъ карамзинистовъ. „Я имѣлъ въ головѣ нѣкоторыхъ иностранныхъ авторовъ, говорилъ онъ Каменеву, сначала подражалъ имъ, но послѣ писалъ уже своимъ, ни отъ кого не заимствованнымъ слогомъ. И это совѣтую всѣмъ подражающимъ мнѣ сочинителямъ, чтобы не всегда и не вездѣ держаться оборотовъ моихъ, но выражать свои мысли такъ, какъ имъ кажется живѣе. Въ письмахъ Измайлова замѣтилъ я нѣсколько періодовъ, съ меня копированныхъ. Но ему простиительно, онъ по-русски не читалъ ничего, кромѣ „Моихъ бездѣлокъ“ (письмо Каменева отъ ноября 1800 г., у Боброва, I. с., стр. 143; разумѣется „Путешествіе Вл. Измайлова въ полуденную Россію въ письмахъ“. М. 1802 г.). — Ал. Тургеневъ читалъ въ Геттингенѣ „Вѣстникъ Европы“, которымъ снабжалъ его Шлецеръ, и ему пріятно было встрѣчать образованный слогъ у многихъ своихъ соотечественниковъ: „пусть большая часть изъ нихъ пишетъ худо, пусть они будутъ самыми рабскими карамзинистами, все это будетъ имѣть свою пользу“. Интересно сличить эту замѣтку дневника 30 мая/11 іюня 1803 года съ другой подъ 31 іюля/12 авг. того же года, результатъ бесѣды съ Шлецеромъ; „отдавая всю справедливость величественному, сильному слогу Ломоносова, не можетъ онъ (Шлецеръ) не признаться, что и Карамзина слогъ въ своемъ родѣ долженъ былъ сдѣлать эпоху въ Россіи“. Правда, говоритъ онъ, что для русскихъ Ломоносовъ долженъ быть сроднѣе, „но за то и легкость и очищенность Карамзина отъ славянизма (который, однако всежъ долженъ служить основаніемъ

своихъ воспоминанійхъ¹⁾: „Другой юноша, о коемъ похвалы не гремѣли въ московскихъ гостиныхъ, цвѣлъ тогда уединенно въ семейномъ кругу и украшалъ собою молодое наше архивное сословіе. Андрей Тургеневъ, со всей скромностью великихъ достоинствъ, стоялъ тогда на распутіи всѣхъ дорогъ, ведущихъ къ славѣ; какую ни избралъ бы онъ, можно утвердительно сказать, что онъ далеко бы по ней ушелъ“, если бъ не умеръ рано; кромѣ него, брата Александра и Блудова, „едва ли кто зналъ изъ моихъ товарищей“, что есть уже русская словесность, а они жили въ одномъ городѣ съ Карамзинымъ и Дмитриевымъ!

Вѣсть о смерти Андрея Тургенева лишь поздно дошла до компаніи русскихъ студентовъ, занимавшихся тогда въ Гёттингенѣ; между ними были Ал. Ив. Тургеневъ и А. С. Кайсаровъ. Отсюда они писали Жуковскому и Мерзлякову: отчего бы и имъ не пріѣхать, послушали бы Шлецера, Гейне, Бутервека²⁾; Ал. Тургеневъ, которому въ Геттингенѣ стукнуло 19 и 20 лѣтъ, былъ въ чадѣ нѣмецкой науки, слушалъ Шлецера и Бутервека, Эйхгорна и Буле, ходилъ на лекціи любимой имъ ботаники и медицины, интересовался краніологіей. Онъ набирается знаній, европейскихъ идей, хочетъ быть ихъ насадителемъ на родинѣ; въ нашей литературѣ его радуешь „свобода духа, несжимаемая цензурою. Всѣмъ позволено разсуждать, хотя бы то было и о тайной канцеляріи, никто не боится не хвалить, когда надобно, Государя, но всякій охотно ищетъ къ тому удобнаго случая, и, кажется, что писателямъ нашимъ пріятно повторять имя Александра“³⁾. Вернувшись въ Россію, онъ хочетъ „напечатать нѣсколько книжекъ“, которыя могли бы „послужить къ распространенію въ Россіи политическихъ, совершенно новыхъ идей, которыя не

истинно русскому слогу) имѣютъ свою цѣну (въ выноскѣ замѣтка: „Если взять въ разсужденіе мнѣніе Лихтенберга о языкѣ, то врядъ ли оно будетъ выгоднымъ для почтеннаго преобразователя русскаго слова! Die Sprache gehört der Nation und mit dieser darf man nicht umspringen wie man will. Слѣдовательно языкъ долженъ быть принаровленъ къ національному характеру. Пусть легкость остается у французскаго, нѣжность у итальянскаго, а сила и важность должны принадлежать русскому). Разница видна,—критиковалъ съ усмѣшкой Шлецеръ,—и въ числѣ точекъ и тире, попадающихся на страницахъ сихъ двухъ авторовъ. У одного врядъ ли на цѣлую страницу увидишь болѣе трехъ періодовъ, а слѣдовательно трехъ точекъ; у втораго десять и болѣе, не считая тире и восклицательныхъ знаковъ“.

¹⁾ Ч. I, стр. 175, 177.

²⁾ Неизданное письмо Ал. Тургенева 7 ноября 1802 года, съ припискою Кайсарова.

³⁾ Дневникъ 30 мая/11 іюня 1803 года.

могли родиться при прежнихъ правленіяхъ“¹⁾. Другая мечта описать свое путешествіе въ письмахъ, чтобы показать „тѣ благодѣтельныя для меня дѣйствія на всю жизнь мою отъ здѣшняго ученія“²⁾; письма изъ Гёттингена, Парижа, Лондона, Вѣны, которыя онъ собирался издать, и все это посвятить „одному другу“, если бы можно — съ девизомъ „бѣлой розы“, значеніе котораго было бы понятно лишь другу и ему³⁾. Онъ полонъ русскаго самосознанія, народной гордости: Шлецеръ говорилъ на лекціи о Петрѣ Великомъ, который сорвалъ завѣсу, отдѣлявшую сѣверъ отъ южной Европы, и о послѣдовавшемъ за тѣмъ времени, когда при Елисаветѣ скромнымъ музамъ угрожало изгнаніе изъ Россіи. „Теперь, напротивъ, продолжалъ Шлецеръ, какая дѣятельность въ Государѣ разсаждать науки, какое рвеніе въ дворянахъ соотвѣтствовать его благодѣтельнымъ намѣреніямъ! Смотрите, вскричалъ Шлецеръ, указавъ на усаженную русскими лавку: вотъ тому доказательство“⁴⁾! Въ другой разъ онъ упомянулъ на лекціи о предкѣ Тургенева, самовольно пострадавшемъ изъ любви къ своему отечеству: „Петръ Тургеневъ, вскричалъ Шлецеръ, былъ жертвою пламенной, истинной любви своей къ отечеству“. „Думалъ ли сей патріотъ, записываетъ Ал. Тургеневъ, что нѣкогда исторія будетъ говорить о немъ, думалъ ли онъ, что потомокъ его въ иностранной землѣ будетъ имѣть ни съ чѣмъ несравненное удовольствіе слышать публично съ кафедры о дѣлахъ своего предка!

Такъ древній Кодръ умиралъ,
Такъ Леониды погибали,
Въ примѣръ героямъ и друзьямъ.

Гдѣ лира? Смѣло начинаю,
Я подвигъ предка пѣть хочу“⁵⁾.

¹⁾ Ibid. 27 мая/8 іюня 1803.

²⁾ Ibid. 11/23 іюня 1803 г.

³⁾ Ibid. 16/28 іюня. Въ „Вѣстникѣ Европы“, іюня 1803 г. № 12, стр. 301 слѣд. напечатано „Письмо изъ Геттингена отъ 23 мая 1803 года“: описывается поѣздка Ал. Тургенева въ Кассель, которую онъ изобразилъ въ своемъ дневникѣ 2/14 мая 1803 г. Соотвѣтственный № „Вѣстника“ онъ получилъ отъ Шлецера (Дневникъ подъ 19/7 авг. 1803 г.). Ал. Тургеневу принадлежитъ, вѣроятно и „Путешествіе русскаго на Брокенъ въ 1803 году“ („Вѣстникъ Европы“ 1808 г. ноябрь, № 22 стр. 77 слѣд.; подписано: А. Т.).

⁴⁾ Ibid. 19 іюня/1 іюля 1803 г.

⁵⁾ Ibid. 27 февраля/11 марта. Въ письмѣ Ал. Ив. Тургенева къ П. А. Осиповой 10 февр. 1837 года онъ объясняетъ ей подпись („Безъ боязни обличаху“) подъ своимъ портретомъ, который ей посылаетъ („Безъ боязни обличаху —

Шлецеръ приглубилъ юношу, приохотилъ его къ русской исторіи, научилъ почитать источники, Urkunden, приготовилъ въ немъ будущаго ихъ собирателя¹⁾.

Между тѣмъ порой, особенно въ первое время, онъ скучалъ по родинѣ, по деревнѣ. „Симбирскъ, Симбирскъ! Горы твои и величественная Волга не изгладятся изъ моей памяти. Братъ, братъ!

Скоро ль мы на Волгу кинемъ
Радостный, веселый взглядъ?
Скоро ль мы друзей обнимемъ“²⁾?

Читая Грееву Элегію, онъ вспомнилъ „деревенскую свою ограду, на которой стоитъ простой деревянный домикъ надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ поконится прахъ предковъ нашихъ; когда приѣду въ деревню, то первое мое движеніе будетъ посѣтить это мѣсто. Можетъ быть, и невольная слеза выпадетъ, и меланхолія освятить ее. Тамъ надпишу я: Beneath those rugged elms that yew-

текстъ изъ лѣтописца Троицкаго Сергіевскаго монастыря Авраамія Палицина, который, описывая патріотически-смѣлый поступокъ предка нашего Петра Тургенева (и Плещеева), кои изобличали самозванца въ самозванствѣ и за то побиты имъ каменіемъ на Красной площади, говоритъ о сихъ двухъ герояхъ искренности и любви къ отечеству: Безъ боязни обличаху. Это приняли мы девизомъ нашимъ“.

¹⁾ Онъ готовится собрать библіотеку для русской исторіи, особенно новой, разыщетъ въ Московскомъ Архивѣ „условіе, которое поднесли бояре Михаилу Теодоровичу при возложеніи на него бремя (sic) правленія. Оно можетъ рѣшить вопросъ, къ какому образу правленія отнести русское: къ неограниченной ли монархіи или къ ограниченной, назначено ли тамъ родъ совѣта или сената, съ которымъ государь раздѣлить долженъ законодательную власть, или нѣтъ; и надобно ли почитать неограниченное правленіе русскихъ государей, какъ похищеніе непринадлежащей имъ власти, или и въ самомъ дѣлѣ и условіе сіе даетъ право Государю на неограниченное правленіе. Послѣднее сомнительно; иначе для чего бы по сю пору не публиковать сей интересной и важной древности? Ibid. 28 мая/9 іюня 1803. Сл. 31 іюля/12 авг.: взялъ у Шлецера уговоръ, сдѣланный Вас. Ив. Шуйскимъ съ русскими боярами, думаетъ издать его вмѣстѣ съ уговоромъ бояръ съ Михаиломъ Теодоровичемъ, если ему удастся „выманить его изъ заклеповъ Московскаго Архива, изъ рукъ бдительныхъ его аргуновъ“.

²⁾ Ibid. 29 декабря 1802/10 генваря, 1803 г. Стихи взяты изъ Дмитріева, „Стансы къ Н. М. Карамзину“ (1793 г.);

Скоро ль мы на Волгу кинемъ
Радостный, сыновній взоръ,
Всѣхъ родныхъ своихъ обнимемъ
И составимъ братскій хоръ?

trees shade No more shall rouse them from their lowly bed¹⁾? Гуляя вечеромъ, вспомнилъ „свое Тургенево, кароводы. О, когда я буду опять тамъ, когда въ кругу милыхъ добродушныхъ крестьянокъ забуду спекулятивную философію, когда оживлю въ своей памяти дѣтскія свои игры на самыхъ тѣхъ мѣстахъ, кои были ихъ свидѣтелями“²⁾? „Смотрю въ окошко на высокую гору, гдѣ одно деревцо уединенно стояло; вспоминая прошедшее, какъ сонъ, представилась мнѣ деревенская жизнь наша. Все пройдетъ, думалъ я, и о теперешней жизни останется у меня такое же слабое воспоминаніе. Утро дней моихъ сольется съ полднемъ моимъ; все пройдетъ, твердилъ я, и

Mit Blumen, die ich heute pflücke
Wird morgen man vielleicht mein Grab bestreuen“³⁾.

Его тянеть къ своимъ: тамъ отецъ и мать, его „бѣлая роза“, друзья; пѣсня „Къ Шинъ“ Жуковского, которую онъ нашелъ въ своихъ бумагахъ, напомнила ему блаженное время⁴⁾. Когда-то онъ свидится съ друзьями? И теперь они рѣдко пишутъ, а тамъ настанетъ для него кочующая жизнь, на письма еще меньше надежды. „Пріѣду въ Москву, они уѣдутъ, а я опять какъ ракъ на мели; они возвратятся, я при должности. Чувство живой дружбы притупляется. Что насъ будетъ связывать, что возобновить наши прежнія связи? Всякій изъ насъ узнаетъ покороче свѣтъ и людей—хаосъ; но нѣтъ: это же еще должно и поддерживать наше дружество, это и утвердить его; мы узнаемъ людей, ihre Pffiffigkeit, и тѣмъ съ большимъ жаромъ, или нѣтъ, тѣмъ съ большимъ разсудкомъ полюбимъ другъ друга, удосто- вѣрясь въ нашей взаимной привязанности—слѣдствіе товарищества, благодѣтельное слѣдствіе нашей молодости. По крайней

1) Ibid. 22 февраля/6 марта 1803 г.

2) Ibid. 17/29 июня 1803 г.

3) Ibid. 14/26 февраля 1803. Ал. Тургеневъ любилъ цитировать нѣмецкіе стихи; подъ 15/27 февраля 1803 г. онъ приводитъ стихи изъ Шиллера „Валленштейна“, не пропущенные тогдашней нѣмецкой цензурой:

Die Welt auf der Degenspitze ruht,
Wohl dem, der den Degen jetzt führt,
Drum, tapfern Krieger, tasset Muth,
Ihr zwinget das Glück und regieret,
Es steht keine Krone so sicher und hoch,
Der muthige Kämpfer erreicht sie doch.

4) Ibid. 18 февраля/2 марта 1803.

мѣръ я Мерзлякова и Жуковского никогда, никогда не забуду, никогда не истребится во мнѣ къ нимъ то, что я теперь чувствую“. Дай Богъ, чтобы въ нихъ не перемѣнилось это чувство, на Жуковского онъ надѣется, онъ „добръ, очень добрѣ, если бы только мрачная злоба людей не впечатлѣла, не врѣзала въ мягкое его сердце недовѣрчивости, ненависти къ людямъ. Онъ отъ доброты же своей можетъ ихъ возненавидѣть, или полюбить челоуѣчество: первое обыкновенно чаще случается, но онъ, кажется, не вынесетъ продолжительнаго, безпрестаннаго отвращенія къ людямъ, это чувство можетъ задавить его—и для того, хотя онъ вѣчно будетъ обманываться въ людяхъ, онъ вѣчно будетъ любить ихъ“¹⁾.

Урываясь отъ лекцій, Ал. Тургеневъ перечитываетъ „Новую Элоизу“. Прежнихъ ощущеній уже нѣтъ, но онъ болѣе вникаетъ въ смыслъ автора и находитъ попрежнему прекраснымъ восклицаніе Saint-Preux, „когда онъ узнаетъ, что и она любитъ его, что и она по сю пору только что скрывала свои чувства къ нему: *Permetts, permets que je savoure le bonheur innattendu d'être aimé!... aimé de celle... trône du monde, combien je te vois au-dessous de moi...*“²⁾! „О, Руссо, Руссо! ты еще никогда не былъ для меня то, что теперь“³⁾; чтеніе „Элоизы“ подслащиваетъ для него „горькія истины метафизики и нарушенныя права народовъ, о которыхъ съ утра до вечера твердятъ мнѣ“⁴⁾.

12/24 августа еще „Элоиза“; Тургеневъ хочетъ познакомиться въ Парижѣ съ Des-Fontaines'омъ, который знавалъ Руссо.

Слѣдующая страница надписана: *Quid tantum insano juvat indulgere dolori!* Онъ только-что узналъ о кончинѣ брата.

Андрей царилъ въ его дневникѣ наравнѣ съ нею, являлись порой и мечты поѣхать съ нимъ путешествовать: они напомнили бы другъ другу „о времени, которое мы провели вмѣстѣ, о небольшихъ, но интересныхъ для насъ происшествіяхъ, которыя случались съ нами. Настоящее никогда не имѣетъ для насъ прелестнаго, всегда челоуѣкъ жалѣетъ о прошедшемъ; однако жъ послѣдніе два года я чувствовалъ, что жилъ и наслаждался, я и въ настоящемъ чувствовалъ цѣну настоящаго, и мнѣ нельзя безъ горести и безъ глубокаго чувства вспоминать объ немъ“⁵⁾. Отъ надежды на путешествіе пришлось отказаться: братъ писалъ ему

1) Ibid. 20 іюня/2 іюля 1803.

2) Ibid. 6/18 іюля 1803 г.

3) Ibid. 10/22 августа 1803 г.

4) Ibid. 11/23 августа 1803 г.

5) Ibid. 25 декабря 1802/6 января 1803 г.

изъ Вѣны (въ генварѣ 1803 года), что его опредѣляютъ въ Петербургъ въ канцелярію Воронцова ¹⁾, и что онъ долженъ выѣхать 2 февраля ²⁾. Были письма брата съ дороги, послѣднее пришло 28 іюля, уже послѣ его смерти, о которой Александру писали отецъ и Жуковский, извѣстилъ Андр. Серг. Кайсаровъ.

Дневникъ прерывается почти на мѣсяцъ (съ 12/24 авг. по 7/19 сентября). „Кто мнѣ мѣшаетъ съ нимъ бесѣдовать, думать объ немъ, о плотскомъ человѣкѣ? А я бы желалъ обнять, прижать его! Братъ, братъ, милый братъ! Въ первый разъ почувствовалъ въ себѣ столько духу, чтобъ написать имя твое. Боже мой! Подкрѣпи меня!“ Слѣдующая, случайная помѣтка конца октября и послѣднія страницы дневника (съ 17/29 октября) полны тѣхъ же отчаянныхъ жалобъ, ожиданій чего-то еще болѣе ужаснаго, страха за будущее. Что онъ будетъ дѣлать—безъ брата? Онъ подавленъ, исчезла любовь къ дѣятельности, разстроились всѣ жизненные планы. Запись 18/30 ноября кончается стихомъ:

Fate drop the curtain, I can lose no more!

„Опять какое-то мрачное предчувствіе!...

Woes cluster, rare are solitary woes,
They love a train, they tread each other's heels“

(1/13 декабря 1803 г.). Его сердце дрожить, въ головѣ безпорядокъ, въ глазахъ темнѣть; „братъ, ожидай меня! Скоро, скоро!“ (1 генваря нов. ст. 1804 г.).

Въ 1824 году Ал. Тургеневъ рассказывалъ князю Вяземскому, какъ, получивъ вѣсть о смерти брата, онъ пришелъ „въ отчаяніе и злобу на людей, имѣя тогда мало вѣры и много чувства“. Какъ-разъ онъ прочелъ въ журналѣ Карамзина пьесу, „помнится, Прогулка по островамъ, въ которой онъ одного молодого человѣка заставляетъ говорить, что всякое нѣжное чувство, всякая сильная горестъ, которую мы почитаемъ вѣчною, не вѣчна въ нашемъ сердцѣ, что все утихаетъ со временемъ. Эта психологическая истина возмутила и меня противъ Карамзина. Я видѣлъ въ немъ изверга, который не рожденъ любить вѣчно, и вздумалъ мстить ему послѣ чѣмъ бы то ни было... Смерть брата имѣла еще и другое важное дѣйствіе на мою душу: въ первый разъ я постигнулъ безсмертіе души и душою повѣрилъ ему. Безъ этой вѣры я точно бы не перенесъ жизни безъ него.

¹⁾ Ibid. 13/25 генваря 1803 г.

²⁾ Ibid. 29 января/10 февраля 1803 г.

Еще и теперь сердце порывается на Невское кладбище¹⁾, гдѣ Андрей Ивановичъ былъ похороненъ рядомъ съ отцомъ.

Въ записной тетрадкѣ Ал. Тургенева сохранилось двестишіе, какъ эпитафія брату:

He was a pearl too pure on earth to dwell
And waste his splendour in this mortal shell²⁾.

„Надгробіе И. П. и Андрею Ивановичу Тургеневымъ“ написано было Жуковскимъ лишь въ 1819 году³⁾

¹⁾ Письмо къ князю Вяземскому 5 августа 1824 г.

²⁾ „Остафьевскій Архивъ“, т. II, стр. 518; подъ двестишіемъ примѣчаніе: from the arabic W. Jones Works, II, 250.

³⁾ Объ этой эпитафіи не разъ напоминалъ Жуковскому Ал. Тургеневъ въ письмахъ 1813—18 годовъ. Слѣдующее, еще не изданное, отъ 19 августа, относится, вѣроятно, еще къ 1813 году: „Кому другому могу поручить исполненіе столь священной для насъ обязанности? Вспомни о нихъ, представь себѣ живѣе того и другого, что они были для насъ и для другихъ, и самъ по себѣ личныя чувства свои. Я увѣренъ, что строки твои не переживутъ одной только дружбы нашей, ибо она перейдетъ съ нами въ невѣдомое тамъ. О, so vergänglich ist der Mensch, dass er auch da, wo er seine Daseins eigentliche Gewissheit hat, da, wo er den einzigen wahren Eindruck seiner Gegenwart macht, in dem Andenken, in der Seele seiner Liebe, dass er auch da verlöschen, verschwinden muss. und das so bald! Неужели и наши сердца оправдаютъ Вертера? Ахъ, нѣтъ, мой милый другъ, сохранимъ память друзей нашихъ: они будутъ жить въ моей памяти для того, что я живу сими воспоминаніями. Если мнѣ случается дѣятельность свою обращать на пользу людей, и особливо мнѣ любимыхъ, то опять для того, чтобы сохранить себя въ ихъ памяти; и, право, этотъ родъ эгоизма самый простительный, ибо только въ памяти людей любимыхъ мною желаю пережить себя. Къ холодности другихъ и я равнодушенъ, и воспоминаніе ихъ не тревожитъ моего праха:“

So, wer den Besten seiner Zeit genug gethan,
Der hat gelebt für alle Zeiten“.

Объ эпитафіи идетъ рѣчь въ письмѣ 25 ноября 1813 г.; она дала бы Тургеневу мысли для „монумента“ (13 февраля 1814 г.); „Не забудь объ эпитафіи, пусть она вылетитъ изъ твоего сердца“ (27 августа 1814 г.). Въ письмѣ 23 октября (безъ даты, но 1817 г.: канцлеръ благодарить за Вадима) вмѣсто подписи стоитъ: „Эпитафія“. О ней идетъ дѣло и въ письмахъ 27 октября 1817 и 12 февраля 1818 гг. (отецъ и братъ еще безъ эпитафіи). 8 ноября 1814 г. Жуковскій писалъ Тургеневу: „Я желалъ бы весь геній, какой во мнѣ есть, посадить въ одну надпись и боюсь не то написать, что хочется“. Надпись (обыкновенно печатавшаяся въ числѣ стихотвореній 1807 года: „Судьба на мѣстѣ семь разъ рознила нашъ кругъ“) прислана была Тургеневу въ письмѣ 1 января 1819 года, и можно сказать, что Жуковскому не удалось вложить въ нее своего генія. — Въ V-й книжкѣ „Новостей Литературы“ за 1823 г., стр. 29—30, Воейковъ помѣстилъ „Невское кладбище“, эпизодъ изъ IV-й пѣсни поэмы „Искусства и науки“, съ посвященіемъ Ал. И. Тургеневу:

Память Андрея Тургенева долго живетъ среди друзей, какъ нѣчто завѣтное, оживляющее. Цитуютъ стихи его Элегіи ¹⁾, вспоминаютъ его эпиграмму („О, какъ священная религія страдаетъ“) ²⁾. „И въ самыхъ горестяхъ насъ можетъ утѣшать Воспоминаніе минувшихъ дней блаженныхъ,—пишетъ Ал. Тургеневъ брату Николаю :

Зри духомъ вѣчность. Что твой взоръ встрѣчаетъ?

Тамъ лучшій міръ, тамъ Богъ! Страдалецъ, улыбнись!

Это сказалъ братъ нашъ Андрей для насъ съ тобою“ ³⁾. На Брюлловскомъ портретѣ Ал. Тургенева онъ невидимо окруженъ своими братьями: на столѣ, на который онъ облокотился, лежитъ книга съ надписью на корешкѣ: „О налогахъ“ (Николая Тургенева), подъ нею два листа съ надписями: „Къ отечеству“ и „Элегія“ (Андрея Тургенева). 10 февраля 1837 года, только-что вернувшись съ похоронъ Пушкина, Ал. Тургеневъ пишетъ П. А. Осиповой: „не забудьте того, который унесетъ съ собою искреннюю къ вамъ привязанность далеко, далеко, и только въ воспомина-ніяхъ будетъ искать утѣшенія въ разлукѣ съ отечествомъ, помня слова другого Тургенева: И въ самыхъ горестяхъ насъ можетъ утѣшать Воспоминаніе минувшихъ дней блаженныхъ.“ (изъ Элегіи Андрея Тургенева). Онъ посылаетъ Осиповой литографію своего портрета съ объясненіемъ надписей на немъ; между прочимъ: „Элегія написана братомъ Андреемъ, первымъ другомъ Жу-

Что сердце сладко такъ забилося? Чей гранить
Мнѣ объ утраченныхъ столь сильно говоритъ?
Повѣяло душѣ веселой стариною,
Мечтами пылкими, надеждой молодою.
О, братья! о, друзья! здѣсь нашъ отецъ и братъ,
Цвѣтушій юноша и старецъ въ гробѣ спятъ.

¹⁾ Жуковскій къ Кирѣевской 16 апрѣля 1814 года: обѣтованный край, „гдѣ (по выраженію Андрея Тургенева) вѣра не нужна, гдѣ мѣста нѣтъ надеждъ гдѣ царство вѣчное одно любви святой“. Сл. выше стр. 60 цитату въ Дневникѣ Ал. Тургенева.

²⁾ Ал. Тургеневъ къ кн. Вяземскому, 18 сентября 1820 г. „Остафьевскій Архивъ“, т. II, прим. на стр. 419. Въ письмахъ Андрея Тургенева къ Жуковскому сохранился и второй стихъ этой эпиграммы:

О, какъ священная религія страдаетъ!
Вольтеръ ее бранить, Кутузовъ защищаетъ...

³⁾ Письмо Ал. Тургенева къ брату Николаю, Женева 13 октября 1827 г., утро. Въ письмахъ Андрея Тургенева сохранилось стихотвореніе, откуда взяты эти строки („Надежда кроткими лучами освѣщаетъ“); безъ имени автора и съ заглавіемъ „Утѣшеніе“ оно напечатано въ „Пріятномъ и Полезномъ Препровожденіи времени 1798 г., ч. 19, стр. 160.

ковского, открывшимъ въ немъ геній и сердце его. „Къ отечеству“—его стихи, кои вѣсколько лѣтъ по кончинѣ читаны были въ Таврическомъ дворцѣ въ собраніи дворянства, когда Россія воспламенялась и ополчалась противъ Наполеона“¹⁾).

Легко представить себѣ, какъ по Андреѣ горевалъ Жуковский; долгое время онъ не можетъ успокоиться. Въ его бумагахъ нашлись стихи на смерть Андрея Ивановича Тургенева (1803); въ рукописяхъ есть и другое заглавіе: „На смерть незабвеннаго человѣка“. Онъ не назначалъ ихъ для печати, пишетъ онъ отцу покойнаго (11 августа 1803 г.), „они писаны для меня и для васъ. Публика смотритъ на стихи, а не на чувства. Она не пойметъ меня“, — и онъ предлагаетъ всегда посвящать день смерти Андрея какому-нибудь обряду, „который бы напоминалъ намъ любезнѣйшаго человѣка и, вмѣстѣ, соединялъ насъ всѣхъ чувствами и во время разлуки нашей. 8-го іюля всѣ мы, гдѣ бы мы ни были, будемъ думать объ немъ и дѣлать одно. Это его мысль. Онъ въ одномъ письмѣ ко мнѣ предлагалъ членамъ Собранія назначить день, который бы всѣмъ посвящать воспоминанію о Собраніи“²⁾).

Жуковскій хочетъ издать письма Андрея, приобщивъ къ нимъ „краткую исторію жизни его: пускай всѣ знаютъ, кто онъ былъ, и что онъ былъ для тѣхъ, которые были съ нимъ связаны тѣсными узами“ (то же письмо). Эти письма онъ возилъ съ собою, перечитываетъ ихъ въ Бѣлевѣ³⁾ и позже⁴⁾; интересуется журналомъ Андрея, проситъ прислать его⁵⁾. Въ посланіи къ Батюшкову (май, 1812 г.) еще звучитъ неостывшее отъ времени чувство, въ посланіи къ Ал. Ив. Тургеневу — воспоминаніе о той порѣ, когда они „святой союзъ любви торжествовали“; въ

¹⁾ Портретъ Ал. Ив. Тургенева въ Альбомѣ Пушкинской юбилейной выставки въ Имп. Ак. Наукъ, Спб., 1899 г., л. 28. Письмо Ал. Тургенева къ Осиповой (съ объясненіемъ девиза Тургеневыхъ, см. выше, стр. 79—80, прим. 5, у Модзалевскаго, „Поѣздка въ Тригорское въ 1902 г.“, стр. 83 слѣд.). Къ Отецеству“ было издано въ Спб. въ 1806 г. и перепечатано въ „Славянинѣ“ 1830 г., ч. 13, стр. 364 5. Жуковскій хлопоталъ, чтобы стихотвореніе это, положено было на музыку.

²⁾ См. выше стр. 58.

³⁾ Къ Ал. Тургеневу 11 іюля 1810 г.

⁴⁾ Къ Воейкову, сентябрь 1813 г. Въ 1814 году Ал. Тургеневъ перечи ты валъ доставшіяся ему „наконецъ остальные бумаги Андрея, письма и записочки къ Андрею Кайсарову 1799-го и слѣдующихъ годовъ. Сладкія и горестныя минуты!“ (неизд.).

⁵⁾ Къ Ал. Тургеневу, конца декабря или начала генваря 1808 и 15 сентября 1809 г.

1844 году онъ поминаетъ „тѣ горницы Московскаго Университета, гдѣ мы собирались около брата Андрея, который мнѣ живо памятенъ“ ¹⁾. Въ примѣчаніяхъ, которыми въ 1848 г. Жуковскій снабдилъ свое посланіе къ Ал. И. Тургеневу, онъ характеризуетъ Андрея, его ясный умъ, сердце, исполненное любви къ прекрасному, быстрый взоръ, казалось, читавшій въ каждомъ сердцѣ, доброжелательную душу, привлекательную остроту разговора, не оскорблявшую самолюбія соединенную съ нѣжностью сердечной. Онъ всѣхъ соединялъ дружбой, былъ душою всѣхъ радостей. „Жизнь его можно назвать прекрасною, неисполнившейся надеждой: въ немъ созрѣвало все, что составляетъ прямое достоинство человѣка; но все это безслѣдно погибло для цѣлаго свѣта“.

Въ своей Элегіи Андрей Тургеневъ звалъ на могилу милаго дѣвушку, сраженную судьбой:

Какъ-будто въ сладкомъ снѣ узнала счастье ты,
Проснулась—и ужъ нѣтъ плѣнительной мечты!
Напрасно вслѣдъ за ней душа твоя стремится,
Напрасно хочешь ты опять заснуть, мечтать!
Ахъ! тотъ, кого бѣ еще хотѣла ты прижать
Къ изсохшей груди—плачь!—ужъ онъ не возвратится
Вовѣкъ.

Остается раздѣлить съ осеннею природою грусть сердца своего, потому что „одинъ увядшій листъ несчастному милѣе, чѣмъ всѣ блестящіе весенніе цвѣты“, ихъ печальные слѣды разбудятъ воспоминаніе,

И тѣнь священная, и образъ вѣчно милый
Воскреснуть, оживуть въ душѣ твоей унылой,
Ты вспомнишь, какъ сама цвѣла въ глазахъ его,
Какъ нѣжная рука тебя образовала
И прелестью добра тебя къ добру влекла.

Таково могло быть настроеніе Екатерины Михайловны.

„Соковниныхъ здѣсь нѣтъ, потому письмо тебѣ возвращается, писалъ Мерзляковъ Жуковскому 24 августа 1803 г. Не можешь ли ты написать въ деревню? Надобно побережъ *бѣдную*“. Осенью того же года: „Что думаетъ и чувствуетъ Катерина

¹⁾ Къ тому же, октябрь 1814 г.

Михайловна? Боже мой! Для чего намъ досталось пережить это прекрасное время, когда имъ всѣ радовались вмѣстѣ съ нами! Минута— и все для насъ пріятное, все къ намъ близкое покрылось печальною тьмою. Его не стало“.

Къ декабрю 1803 года относится слѣдующее стихотвореніе Жуковского „Къ К(атеринѣ) М(ихайловнѣ) С(оковниной)“:

Протекшихъ радостей уже не возвратить,
Но въ самой скорби есть для сердца наслажденье.
Ужели все мечта? Напрасно ль слезы лить?
Ужели наша жизнь есть только привидѣнье,
И трудная стезя къ ничтожеству ведетъ?
Ахъ! нѣтъ, мой милый другъ, не будемъ безнадежны:
Есть пристань вѣрная, есть берегъ безмятежный;
Тамъ все погибшее предъ нами оживетъ;
Незримая рука, простертая надъ нами,
Ведетъ насъ къ одному различными путями!
Блаженство наша цѣль; когда мы къ ней придемъ,
Намъ Провидѣніе сей тайны не открыло.
Но рано ль, поздно ли, мы радостно вздохнемъ:
Надеждой не вотще насъ небо одарило.

Екатерина Михайловна скончалась въ дѣвушкахъ ¹⁾. Сохранилась записка Жуковского къ Ал. Ив. Тургеневу, безъ даты, но написанная почеркомъ его раннихъ лѣтъ. „Сообщаю тебѣ извѣстіе, которое для тебя такъ же горестно будетъ, какъ и для меня: Катерины Михайловны нѣтъ на свѣтѣ. Веселись, братъ; нашъ кругъ часть отъ часу уменьшается. Многихъ ужъ нѣтъ, а тѣ, которые остались, живутъ розно и не радуются жизнью. По крайней мѣрѣ я давно разучился ею радоваться. Что изъ этого выйдетъ, не знаю; но смерть всего лучше“²⁾.

Когда Жуковскій задумалъ поставить памятникъ своему другу, Мерзляковъ писалъ ему (24 августа 1803 г.): „на что намъ ставить его на могилу? Будемъ сами могилами живому, вѣчно живому духу нашего друга. Памятникъ этотъ долженъ быть лучшимъ украшеніемъ нашего кабинета. Тебѣ поручаю я думать объ его фигурѣ. Опиши мнѣ все, скажи, что онъ будетъ стоять и изъ чего долженъ быть сдѣланъ. Надобно какъ можно

¹⁾ Въ неизданныхъ письмахъ Ал. Тургенева къ Жуковскому 4 декабря 1808 г. и 5 января 1809 г. Тургеневъ посылаетъ ей поклонъ.

²⁾ Письма В. А. Жуковского къ Ал. Ив. Тургеневу, № СХС.

проще; надобно, чтобъ онъ былъ даже не мраченъ, чтобъ онъ возбуждалъ однѣ только сладкія чувствованія; надобно, чтобъ мы иногда съ нимъ такъ же весело бесѣдовали, какъ и съ тѣмъ, кого онъ напоминать будетъ“¹⁾.

Жуковскій поставилъ другу свой памятникъ — въ посвященіи „Вадима Новгородскаго“, повѣсти, явившейся въ годъ смерти Андрея Тургенева, но неоконченной. Авторъ воображаетъ себя въ безмолвныхъ дубравахъ и тихихъ долинахъ, обители меланхолической природы, въ хижинѣ, жилищѣ спокойствія и свободы“, которое посѣтитъ „добрый, чувствительный мечтатель, другъ мира и добродѣтели“, — и найдетъ счастье. „Божество сердецъ непорочныхъ, уединеніе“, осѣнитъ поэта своими „кипарисами“, „задумчивый“ мракъ погрузитъ его въ меланхоцію, „радостный образъ мирнаго счастья плѣнитъ“ его „своимъ призракомъ, и пепелъ протекшихъ радостей оживитъ его слезами сладкими, посвященными воспоминанію“. „О ты, незабвенный! обращается поэтъ къ умершему; гдѣ ты?“ „Восхищенный, счастливый тобою, обнималъ я одну твою минутную“, и теперь душа стремится къ „невозвратному, навсегда улетѣвшему счастью“ „Куда дѣвалось сердце, которое любило меня любовью чистѣйшею, мучилось моими страданіями, восхищалось моимъ блаженствомъ?“ Другу онъ посвящаетъ звуки своей лиры, служащей лишь свободѣ и добродѣтели; при этомъ соответствующій пейзажъ: „Тихій мѣсяцъ таится въ дымѣ облаковъ прозрачныхъ. Рѣка шумитъ. Все покойно. Задумавшись, опирается муза на камень обросшій мохомъ, и легкою рукою играетъ на лирѣ. Я пою: эхо раздается; роши, одѣтыя мракомъ, пробуждаются, и робкая лань трепещетъ на брегѣ рѣки, невидимо журчащей въ кустарникѣ“.

Это цѣлый гимнъ идеальной дружбѣ — въ стилѣ Карамзинскаго „Цвѣтка на гробъ моего Агатона“ (1803 г.).

Когда Жуковскій писалъ это, онъ едва ли зналъ романтиковъ; тѣмъ интереснѣе сличить его лирическую манеру съ „сновидѣніемъ“, которое Тикъ посвятилъ памяти своего друга²⁾.

¹⁾ Въ 1805 году Жуковскій послалъ Ал. Тургеневу урну для памятника брату. „Она очень мала, но прекрасная и будетъ годиться, если поставить ее на столбъ, который надобно сдѣлать гранитный, потому что такой крѣпче“. Онъ приписалъ и рисунокъ; „желалъ бы, чтобы каждое дерево имѣло собственное имя, то-есть имя тѣхъ людей, которые больше были къ нему привязаны. Разумѣется, что первые два должны быть посвящены батюшкѣ и Ивану Владимировичу“ (Лопухину). Письмо Жуковскаго къ Ал. Тургеневу 31 августа 1805 г.

²⁾ „Der Traum“ въ концѣ „Phantasien über die Kunst“, II; сл. еще четыре сонета на смерть Ваккенродера въ „Poetisches Journal“, 2-es Stück, стр. 475 слѣд.

Ваккенродеръ открылъ его скептической мысли источники идеализма, цѣну чувства, его тревожной фантазіи—міръ новыхъ, покоящихся образовъ, — и самъ прислонился къ нему, какъ къ болѣе сильному; его письма къ Тику — письма влюбленной дѣвушки. Когда въ 1796 году 25-лѣтній Ваккенродеръ скончался, Тикъ помянулъ того, кому онъ былъ обязанъ свѣтлыми открытіями поэзіи среди обуявшихъ его мрачныхъ видѣній и жестокаго хохота. Поэту представляется, что они вдвоемъ идутъ по сумрачной, окруженной утесами долині; онъ обнялъ друга, склонилъ къ нему голову и плачетъ; кругомъ ни слѣда жизни, ни звѣздочки. „Я поведу тебя, дорогой мой, говоритъ ему другъ, перестань печалиться, заключимъ союзъ: будь мракъ еще мрачнѣе, онъ просіяетъ, когда мы обнимемся по-братски.— И они силились встрѣтиться взоромъ, подарить, другъ друга милымъ взглядомъ, чтобы такимъ образомъ подавить удрученіе духа; но во мракѣ все нѣтъ просвѣта, — и, обнявшись, мы готовы были отдаться на волю вражьихъ силъ“. Вдругъ у ихъ ногъ зажглась звѣздочка и обратилась въ чудесный цвѣтокъ, ихъ тянетъ къ нему невѣдомая сила, въ немъ ихъ утѣха, ихъ радость: забыты сѣтованія, и вновь забила бодрая любовь къ жизни. Имъ хотѣлось бы сорвать цвѣтокъ, они взапуски уступаютъ его одинъ другому, но неслыханная мелодія — точно пѣніе звѣздъ: она задрожала въ ихъ груди, какъ страстное желаніе, каждый звукъ былъ дружескимъ привѣтомъ; послышался и запретъ: не срывать цвѣтка. Друзья стоятъ передъ нимъ въ любви и страхѣ, они въ святилищѣ. „Прежняя любовь казалась намъ грубой и дикой, теперь мы гордились тѣмъ, что любимъ, не похищая и старое чувство возникло въ новой красѣ. Одиночество наполнилось для насъ жизнью, насъ влекло къ цвѣтку, душу очистило радостное волненіе, точно въ ней сновали какіе-то духи; мы ощутили неизъяснимый порывъ ко всему благородному, прекрасному; блаженство поселилось въ сердцахъ, и мы вняли звукамъ травъ, деревьевъ и скалъ. Благо мнѣ, что высшее наслажденіе досталось мнѣ съ тобою! говоритъ другъ, — а самъ онъ будто возродился, лицо его сіяетъ; казалось, онъ предъизбранъ былъ для блаженства — и не нашелъ обратнаго пути въ старый міръ; въ восторженномъ опьяненіи онъ какъ бы прозрѣвалъ далекія, прелестныя поляны“. Между тѣмъ видѣніе измѣнилось: лепестки цвѣтка зазвучали, лучи и искры вылетали изъ его чашечки, и самъ онъ выросъ въ высокое дерево, изъ зеленой чаши котораго юношескіе лики стали метать въ друзей стрѣлы; но эти стрѣлы—звуки, на нихъ откликается воздухъ, лѣсъ и поле

друга тянетъ къ ихъ „сладостно-мелодическимъ волнамъ“, онъ подставляетъ имъ грудь, и духи радуются и хотятъ привлечь его, дѣятельнѣе устремить къ цѣли, утолить печали.

Сонъ кончается явленіемъ призраковъ Гомера, Рафаэля, Шекспира; все кругомъ въ волшебномъ освѣщеніи, все звучитъ, поля одѣваются цвѣтами, слышится пѣніе призрачнаго сонма: Мы принесли вамъ блаженство, но пусть же никогда не отлучится отъ насъ ваша любовь.—Поэтъ проснулся, но друга нѣтъ, того, съ кѣмъ онъ смолodu дѣлилъ радость и горе. „Останься со мной, будемъ вмѣстѣ странствовать по священной области дорогого искусства; безъ тебя у меня не хватитъ мужества ни жить, ни творить“.

Передъ нами образчикъ ранняго романтическаго стиля: богатство фантазмагоріи, контрасты свѣта и тѣни, метаморфозы свѣта и звука, поющія звѣзды, стрѣлы-звуки и мелодическія волны. Жуковскій никогда не дойдетъ до подобныхъ, нерѣдко вычурныхъ попытокъ выразить „невыразимое“; пока онъ сентименталистъ чистой воды, не вышелъ изъ чувствительной рефлексіи и позируетъ по-оссіановски.

III.

Пора самообразованія и душевнаго одиночества.—М. А. Протасова.

Когда весной 1802 года, оставивъ службу въ Соляной Конторѣ, Жуковскій вернулся къ роднымъ въ Мишенское, за нимъ былъ опытъ чувства, было умѣнье выражать его въ формахъ сентиментализма и желаніе воплотить его идеалы въ прелести дѣйствительности. Для этого надо было устроить, обезпечить себя безъ помѣхи любимымъ занятіямъ, доучиться,—онъ живо ощущалъ недостатки школы. Уже въ 1803 году Ал. Тургеневъ и А. С. Кайсаровъ звали его и Мерзлякова въ Геттингенъ; въ 1805 г. онъ рѣшился „вояжировать“, мать Тургенева отпускала съ нимъ и Мерзляковымъ и сына Николая, но не раньше будущаго мая; Жуковскій могъ бы еще подождать, „но для Мерзлякова *ist es schon hohe Zeit*, вѣдь онъ казенный человѣкъ“¹⁾. Предполагалось слушать лекціи въ Геттингенѣ, побывать въ Іенѣ, Парижѣ; но проѣктъ не состоялся²⁾. „Что мнѣ писать о вашемъ вояжѣ“, писалъ тогда Жуковскому Дмитріевъ (15 ноября 1805 г.). Если бъ я умѣлъ рисовать, то представилъ бы юношу, точь-въ-точь Василя Андреевича, лежащимъ на недоконченномъ фундаментѣ дома; онъ одною рукою оперся на лиру, а другою протираетъ глаза, смотреть на почтовую карту и, зѣвая, говорить: Успѣю! Это будетъ надписью подъ картиною. Въ ногахъ нѣсколько проѣктовъ для будущихъ сочиненій, планъ цвѣтнику и песочные часы, перебитые розовою гирляндой“. Не состоялся и другой проѣктъ: Жуковскій вздумалъ искать мѣста,

¹⁾ Письмо Ал. Тургенева Жуковскому 4 іюня 1805 г. (Неизд.).

²⁾ Сл. Дневники Жуковского 1805 г., 13 іюня и 9 іюля; письма къ Ал. Тургеневу 1805 г. второй половины и 31 августа; 1806 г. 8 генваря.

о чемъ просилъ и своихъ друзей ¹⁾. Тогда онъ принялся за „лекціи“ самому себѣ, серьезно, даже педантично; тому свидѣтельствомъ его дневники. Забота обращена не только на самообразование, на распорядокъ занятій, причѣмъ составлена „роспись во всякомъ родѣ лучшихъ книгъ“, но и на самопознаніе: чувствуется вліяніе книги Іоанна Масона „Познаніе самого себя“ (Москва, 1782 г.), переведенной его духовнымъ руководителемъ И. П. Тургеневымъ. Надо было образовать характеръ и для этой цѣли кропотливо разобратся въ своихъ свойствахъ и недостаткахъ: какъ избавиться отъ прирожденной медлительности, поддерживаемой непривычкою къ дѣятельности; какъ побороть ревность, обращать зависть въ „соревнованіе“ или въ „искреннее пріятное удивленіе“, говорить правду, не оскорбляя самолюбія, или не говорить вовсе, если она вредна. Иныя изъ этихъ житейскихъ правилъ, плодъ теоріи или ранняго опыта, Жуковский повторить въ письмахъ къ друзьямъ, станетъ заносить въ альбомы. „Дневникъ“ останется для него навсегда лучшимъ средствомъ самонаблюденія: онъ введетъ его у Протасовыхъ, поощритъ къ тому же графъ. Самойлову, попроситъ Цесаревича, которому поднесъ альбомъ, подаренный ему наслѣдникомъ прусскаго престола, вписывать въ него мысли, которыя могли бы въ послѣдствіи руководить какъ его нравственными, такъ и государственными поступками.—Пока его главная задача—построить планъ жизни, заработать счастье. Какъ это сдѣлать?

Уже въ самомъ раннемъ изъ дошедшихъ до насъ отрывковъ дневника (1804 г.) онъ откровенно заявляетъ, что у него нѣтъ „способностей публичнаго человѣка“ (öffentlicher Mann). Это характерно для молодого поэта и для эпохи; общественные вопросы отходятъ на второй планъ, ихъ рѣшеніе покоится на личномъ развитіи: дѣло „просвѣщенія“—дать человѣку „искусство дѣйствовать и совершенствоваться въ томъ кругѣ, въ который заключила насъ рука Промысла, въ самомъ себѣ находить неотъемлемое счастье“; если такое просвѣщеніе коснется многихъ, всѣ окажутся довольными „тѣмъ участкомъ благъ, большимъ или малымъ, который получили отъ Провидѣнія“, будутъ взирать „независтливымъ окомъ на преимущества чуждаго, которое для него несвойственно, сравниются между собою въ стремленіи... образовать, украсить, приблизить къ Творческой

¹⁾ Сл. письма къ Тургеневу 1806 г., половины и 24 декабря; 17 и 28 января 1807 г. Сл. письмо къ Жуковскому Анны Петровны Юшковой, „Русскій Архивъ“ 1902 г., май, стр. 139.

свою человѣческую натуру“. Лучшая награда всякому „во внутреннемъ спокойномъ увѣреніи, что исполняешь свою должность, какъ *человѣкъ*, совершенствуя свою натуру, какъ *гражданинъ*, трудясь съ намѣреніемъ... приносить отечеству пользу, большую или малую, смотря по обширности дарованій“ („Письмо изъ уѣзда“, 1808 г.).

Естественной средой, „кругомъ“ для такого воспитательнаго вліянія просвѣщенія является семья: семьянинъ идетъ передъ гражданиномъ. „Почитай обязанностью быть дѣятельнымъ для пользы отечества“, говорится въ статьѣ „Кто истинно добрый и счастливый человѣкъ“ (1808 г.), „но лучшія твои наслажденія, но самыя драгоценныя награды твои да будутъ заключены для тебя въ нѣдрѣ семейства“; въ тѣхъ самыхъ чувствахъ, которыя дѣлаютъ тебя „счастливымъ посреди домашнихъ, хранится и чистый источникъ гражданскихъ.... добродѣтелей“¹⁾.

Такъ воспитывалась *добродѣтель*²⁾, тотъ „человѣкъ“, идеаль нашихъ масоновъ, который грезился поэтамъ чувства и чувствительности и становился общимъ мѣстомъ. „То царство мирно, и безмятежно, Въ которомъ царь есть царь сердець“, пѣлъ Карамзинъ на восшествіе императора Павла; на актѣ 1797 г. въ одѣ, читанной 14-ти-лѣтнимъ Жуковскимъ, императоръ Павелъ вѣщаетъ музамъ:

Я буду царствовать, а вы
Скажите позднему потомству:
Онъ подѣ вѣнцомъ былъ *человѣкъ*.

„Благоденствіе Россіи, устрояемое великимъ ея самодержцемъ Павломъ I“³⁾.

Жуковскій открываетъ въ себѣ способности „быть *человѣкомъ*, какъ надобно“ (Къ Тургеневу 1805 г. 31 августа); его Теонъ возвышается душою „при мысли великой, что я *человѣкъ*“ („Теонъ и Эсхивъ“, 1814 г.); „дань свободная, дань сердца—уваженіе; Не власти, не вѣнцу, но *человѣку* дань“ („Имп. Александру“, 1814 г.); извѣстны стихи Жуковского въ посланіи на рожденіе вел. кн. Александра Николаевича (1818 г.):

¹⁾ Сл. тѣ же идеи въ примѣчаніи къ французской статьѣ, переведенной Сѣверинымъ (1808 г.).

²⁾ См. рѣчь Жуковского на пансіонскомъ актѣ 1798 г. и двѣ пьесы подѣ заглавіемъ „Добродѣтель“ того же года.

³⁾ Сл. оду Державина на рожденіе Александра I: „будь на тронѣ *человѣкъ*“

Да на чредѣ высокой не забудеть
Святѣйшаго изъ званій: *человѣкъ*.

Дневникъ 1805 г. даетъ поводъ и къ другимъ наблюденіямъ. Жуковскій хочетъ „трудиться, трудомъ получать свое пропитаніе и вмѣстѣ удовольствіе; чтеніе, садоводство и, — если бы далъ Богъ, — общество вѣрнаго друга, или вѣрной жены будутъ моимъ отдохновеніемъ“. Онъ не ищетъ большого счастья: „спокойная, невинная жизнь, занятія для меня и для другихъ полезныя или пріятныя, дружба, искренняя привязанность къ моимъ ближнимъ друзьямъ, и, наконецъ, если бы было можно, удовольствіе нѣкоторыхъ умѣренныхъ благодѣяній—вотъ всѣ мои требованія отъ Провидѣнія“ (13 іюня). Это программа „посредственности“, какъ говорили въ Карамзинское время („Посредственность—харита“ въ посланіи къ Батюшкову, 1812 г.). Цѣлью дѣятельности ставится литература, образованіе характера, поддержаніе состоянія, *счастье семьи, если она будетъ, и исполненіе общественныхъ условій* (10 іюля):

Мнѣ рокъ судилъ брести невѣдомой стезей,
Быть другомъ мирныхъ селъ, любить красы природы,
Дышать подъ сумракомъ дубравной тишиной
И, взоръ склонивъ на пѣяны воды,
Творца, друзей, любовь и счастье воспѣвать.

(„Вечеръ“, 1806 г.).

Его идеалъ — идеалъ Лафонтена въ „Свѣ Могольца“ (пер. 1806 г.); нравоученію другой басни Лафонтена, что умнѣе, разсчетливѣе (*les plus habiles*) оказываются тѣ, кто довольствуется немногимъ, данъ идилическій оборотъ:

Одною скромностью желаній мы счастливы.

(„Цапля“, 1806 г.).

Говоря о „пріятно-уныломъ расположеніи духа“ и о наслажденіи меланхоліей, молодой Жуковскій находитъ въ нихъ опредѣленіе счастья: оно „во внутреннемъ наслажденіи“, не иное что, какъ „сіе тихое, ясное состояніе наше, продолженное на всю жизнь или, по крайней мѣрѣ, на большую часть жизни“ (1 іюля). Счастье „въ сердцѣ, въ тихомъ, спокойномъ наслажденіи самого себя, происходящемъ отъ порядка въ дѣлахъ, отъ невинности души, отъ занятій пріятныхъ и постоянныхъ, отъ

способности быть съ самимъ собою или съ своими любезнѣйшими, что все равно" (10 іюля). Счастье въ вѣрѣ; на вѣрѣ, чувствъ, не на „холодномъ, медлительномъ“ разсудкѣ, поконтся религія и та сердечная дружба, въ которой возможенъ épanchement du coeur. Жуковский чувствуетъ, что этой вѣры у него еще нѣтъ, и старается воспитать ее въ себѣ, удалить сомнѣнія. Если по смерти „душа, какъ духовный атомъ, отдѣленный отъ души всемірной, объемлющей все своею безпредѣльностью, должна къ ней приобщиться и въ нее кануть, какъ въ океанъ капля, то какая утѣшительная мысль о будущемъ свиданіи можетъ оживлять человѣка, разлученнаго смертію со своими любезными“?..., писалъ онъ по смерти Андрея Тургенева его отцу (11 августа 1803 г.). Это его смущаетъ, но „какъ бы то ни было,—довѣренность къ Провидѣнію, какъ говорить Карамзинъ, и какъ долженъ говорить всякій добрый человѣкъ“. Дневникъ возвращается къ тому же вопросу: вѣра есть „слѣдствіе долгаго разсма- триванія природы и самого себя и увѣреніе въ ничтожности твари, въ милосердіи Творца: я еще не старался приобрѣсть сего увѣренія и по сю пору былъ на другой дорогѣ. Что будетъ, я не знаю, но должно стараться сдѣлать себя счастливымъ: это есть законъ натуры. А вѣра есть вѣрнѣйшее средство его исполнить“ (16 іюля). Счастье въ вѣрѣ въ безсмертіе, записалъ онъ въ другомъ мѣстѣ: „ахъ, если бы это чувство укоренилось въ душѣ моей! Какъ бы всѣ несчастія были передо мной слабы! Можетъ ли быть то ложно, что такъ возвышаетъ душу!... Тамъ! какое слово, что подъ нимъ заключается! У меня на глазахъ слезы отъ сего слова! Друзья, надежды, радости, блаженство—все тамъ! О! великое Существо, великое Существо, назначившее чело- вѣка быть безсмертнымъ!“ (17 іюля).

То же требованіе „религіи“, вѣры въ „безсмертіе“, то же желаніе воспитать въ себѣ эту вѣру, выразилось и въ письмахъ къ Александру Ив. Тургеневу: „Еще, братъ, хочу обратить вниманіе на религію. Она нужнѣе и дѣйствительнѣе простой ум- ственной философіи; но только хочу; испытаю и увижу“ (31 августа 1805 г.); „я живо себѣ представляю, какое блаженство должна давать прямая религія; она возноситъ человѣка выше всего, выше самой его личности; но я только представляю это; я въ себѣ не нахожу того сильнаго, внутренняго, неизгладимаго чувства, которое должно быть твердѣйшимъ основаніемъ религіи“. До тѣхъ поръ онъ былъ къ ней равнодушенъ, по- тому что смолоду видѣлъ христіанъ, не имѣвшихъ „понятія о возвышенности чувствъ христіанскихъ“, людей, у которыхъ

чувства и дѣла расходились „съ правилами и словами“ (тому же 1806 г. 8 генваря).

Съ такой же настойчивой сознательностью воспитываетъ онъ въ себѣ и чувство дружбы. По смерти Андрея Тургенева онъ перенесъ свои симпатіи на его брата Александра, хотѣлъ бы соединить ею кружокъ молодыхъ товарищей, Мерзлякова, Кайсарова, Блудова. Надо, чтобы всѣ они были друзьями „чтобы всякій изъ насъ, дѣлая что-нибудь на семъ свѣтѣ, имѣлъ въ виду тѣхъ людей, которые составляютъ для него *міръ*, то-есть тѣхъ, которыхъ одобренія его оправдываютъ и ободряютъ; чтобы всякій изъ насъ чувствовалъ, что онъ точно *не одинъ*; иначе для чего быть и славнымъ и добродѣтельнымъ! Нѣтъ, это я не такъ сказалъ! Иначе скучно, трудно быть и славнымъ и добродѣтельнымъ“. Онъ признается, что доказываетъ необходимость „больше умомъ, нежели чувствомъ. „Я сильнѣе это буду чувствовать только тогда, когда испытаю. Ты самъ признаешься, что вся наша дружба, твоя, моя, Мерзлякова, Кайсарова была основана на воображеніи“; съ Кайсаровымъ, съ которымъ у него была какая-то размолвка, онъ желалъ бы быть „въ тѣснѣйшей связи“ (тому же 31 августа 1805 г.). Надо увѣриться, „что мы не простые друзья, не такіе, которымъ только пріятно встрѣчаться, быть вмѣстѣ, но такіе, которымъ нужно быть друзьями, на которыхъ дружба имѣетъ то же вліяніе, которое должна имѣть религія на всякую благородную душу“. Пока „мы всѣ сходились вмѣстѣ случайно, съ удовольствіемъ; но я не знаю, во мнѣ не было этого внутренняго, влекущаго чувства, которое бы я желалъ имѣть, будучи вмѣстѣ съ моими друзьями, однимъ словомъ, чего-то не было такого, что всего вѣрнѣе въ дружбѣ — какъ это назвать, не знаю. Никого изъ насъ, это разумѣется, я не любилъ съ такою привязанностью, какъ брата (Андрея), то-есть, не будучи съ нимъ вмѣстѣ, я его воображалъ съ сладкимъ чувствомъ былъ къ нему ближе; ему подавалъ руку съ особеннымъ, пріятнымъ чувствомъ; я не знаю, какъ-то отмѣнно весело было чувствовать его руку въ моей рукѣ; между нами было болѣе сродства, по крайпей мѣрѣ, съ моей стороны. Но что дѣлать! Даже при жизни его мы не были то, что бы могли быть; въ то время, когда онъ былъ со мною, въ насъ было больше (то-есть во мнѣ) ребяческаго энтузіазма; потомъ мы разстались, потомъ все кончилось; однимъ словомъ, моя съ нимъ дружба была только зародышъ, но я потерялъ въ ней то, чего не замѣню или чего не возвращу никогда: онъ былъ бы моимъ руководцемъ, которому бы я готовъ былъ даже покориться; онъ бы оживлялъ меня

своимъ энтузіазмомъ. Но, братцы, мы можемъ быть другъ для друга многимъ, очень многимъ, всѣмъ, со временемъ, разумѣется, не вдругъ“ (тому же, 11 сентября 1805 г.). „Всякой разъ, когда вспомню о братѣ, то живѣе чувствую цѣну его и потерю. Что бы онъ былъ для меня теперь! Кажется, мнѣ теперь жалъ его больше, нежели тогда, когда мы его лишились. Я теперь больше чувствую самого себя, больше знаю цѣну настоящую жизни и больше понимаю, для чего я живу. Дружба его, какъ она ни была коротка, оставила что-то неизгладимое въ душѣ моей: весь энтузіазмъ къ добруму, все благородное, что имѣю, все, все лучшее во мнѣ, принадлежитъ ему. Мнѣ кажется, всякой разъ, когда объ немъ вспомню, сталъ бы на колѣна; для чего—не знаю, но какое-то особенное чувство меня къ этому побуждаетъ. Ахъ, братъ, намъ надобно жить на свѣтѣ не такъ, какъ живутъ обыкновенно, жить возвышеннымъ образомъ; но я *одинъ* ничего не сдѣлаю: мнѣ необходима подпора. Я найду ее въ дружбѣ, и въ твоей дружбѣ“. Но „я долженъ еще быть образованъ для дружбы“. Дружба — это пособіе къ исканію совершенства. „Другъ, жена — это помощники въ достиженіи къ счастью, а счастье есть внутренняя, душевная возвышенность.

Wem der grosse Wurf gelungen
Eines Freundes Freund zu sein,
Wer ein holdes Weib errungen...

Эти стихи я нынче очень чувствую“ ¹⁾ (тому же 8 января 1806 г.).

Дружба требуетъ откровенности, сообщенія другъ другу своихъ намѣреній и чувствъ для выработки сообща жизненнаго плана; надобно жить связано и другъ для друга. Съ Мерзляковымъ, человѣкомъ „несобыкновеннымъ“, Жуковскому бывало всегда весело, но ему кажется, что между ними не было „искренности“; съ А. С. Кайсаровымъ ему надо „поближе сойтись“ ²⁾.

¹⁾ Изъ Шиллера, „An die Freude“. Сл. выше стр. 62 (въ письмѣ Андрея Тургенева).

²⁾ „Надобно, чтобъ онъ навсегда остался нашимъ“ (къ Ал. Тургеневу 15 сентября 1809 г.). Смерть „друга и товарища“ Кайсарова Жуковский хотѣлъ „помянуть стихами“ (къ Ал. Тургеневу 1813 г., 20 мая и 2 сентября). Въ 1818 г. Ал. Тургеневъ получилъ записки А. С. Кайсарова, находившіяся въ чужихъ рукахъ: при чтеніи ихъ образъ Анны Михайловны Соковниной оживотворился въ его душѣ, „минувшее для меня воскресло und mancher liebe Schatten stieg herauf! Такъ вся наша молодость! Молодость давно уже акъ живо не ощущалась. Весь журналъ Андрея Сергѣевича наполненъ огненною дружбою къ брату, и память Кайсарова сдѣлалась для меня съ тѣхъ поръ священнѣе“ (письмо къ Жуковскому 12 февраля 1818 г.; неизд.).

„Я признаюсь предъ вами, любяные друзья, что я самъ былъ что-то не то, но намъ надобно быть образователями другъ друга“ (то же письмо)¹⁾; онъ пропагандируетъ дружбу въ „Письмѣ изъ уѣзда“ (1808 г.); другъ „для насъ—второе Провидѣнье“ („Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ“ 1812 г.); дружба—это „союзъ любви“, повторить онъ позже въ отвѣтъ на письмо Ал. Тургенева (1813 года).

Въ этомъ лихорадочномъ исканіи дружбы много разсудочности. Жуковскій сознаетъ это самъ: „это говоритъ вамъ не энтузіазмъ ребяческій и огненный, но холодное размышленіе“ (Ал. Тургеневу 1805 г., 31 августа); не натянутое, на время воспламеняющее чувство, а „чувства спокойныя, утвержденныя умомъ“, навсегда остающіяся; онъ хочетъ быть „энтузіастомъ по разсудку. C'est une rareté“ (ему же 11 сентября 1805 г.). Другими словами: спросъ чувства онъ хочетъ возвести въ требованіе разума, дружбу—въ орудіе нравственнаго совершенствованія. Черта, интересная для психологіи поэта, у котораго такъ много было мечтательности и — самонаблюденія, такъ много полетовъ къ небу — и любви къ педагогическимъ таблицамъ, къ кропотливымъ, порой призрачнымъ выкладкамъ, какъ обезпечить себя матеріально (сл. напр. дневникъ 1805 г., 13 іюня, § 3); такъ много порядка — въ фантазіи.

Друзья отзывались. „Любовь и дружба — вотъ чѣмъ можно себя подѣ солнцемъ утѣшать“ — писалъ Жуковскому Мерзляковъ (весною 1803 г. изъ Рязанской деревни), приглашая къ себѣ друга: онъ одинъ остался у него послѣ Андрея, ни на кого его не промѣняетъ; увидить его — точно передъ нимъ воскресшій Андрей; надо „подумать о своихъ будущихъ планахъ, подумать о будущей жизни, но подумать *вмѣстѣ*“ (22 сентября 1803 г.)²⁾.

Счастья, основаннаго на чувствѣ, Жуковскій не нашелъ въ семьѣ, куда онъ вернулся; среда осталась та же, но требованія поэта усилились, желанія стали энергичнѣе.

Для *одинокихъ* міръ сей скучень,

А въ немъ одинъ скитаюсь я,

писалъ онъ въ 1803 году,

Мое младенчество сокрылось;

Ужъ вянетъ юности цвѣтокъ;

1) Сл. еще письмо того же (предположительно) года изъ Москвы, письма августа и 15 сентября 1809 г. и *passim*.

2) Сл. „Русскій Архивъ“ 1871 г. № 2: Письма Мерзлякова къ В. А. Жуковскому, стр. 0139 и 0144.

Безъ горя сердце истощилось,
Впередъ присудить что-то рокъ?..
Не нужны мнѣ вѣнцы вселенной,
Мнѣ дорогъ вашъ, друзья, вѣнокъ!

(„Стихи, сочиненные въ день моего рожденія. Къ моей лирѣ и къ друзьямъ моимъ“, 1803 г.). И онъ зоветъ ихъ къ себѣ, въ свою хижину, въ уединенную тѣнь лѣсовъ. Дружба — выходъ изъ одиночества. Въ дневникъ 1805 г. онъ открываетъ своей сѣгѣ тамап, Протасовой, одолѣвавшій его душевный голодъ. У него не было до сихъ поръ человѣка, который помогъ бы ему „разобрать“ самого себя, сказать ему, что въ немъ хорошо, что надо исправить. „Несчастье, которому причины надобно искать въ моихъ обстоятельствахъ. Вы однѣ можете сказать, что любили меня прямо, но вы не могли принести мнѣ той пользы, которую принести способны. Что этому причина, не знаю, но увѣренъ, что не вы сами, а множество такихъ непримѣтныхъ обстоятельствъ, которыхъ почти нельзя опредѣлить словами, но которые есть, потому что ихъ дѣйствіе очевидно“. Что если бѣ человѣкъ „былъ оставленъ съ однѣми своими силами на произволъ судьбы и обстоятельствъ; если онъ посреди людей, *привязанныхъ къ нему одною привычкою, а не любовью, былъ одинъ, завистль отъ одною себя*, долженъ былъ самъ себя образовывать, не зная какъ и даже долго не думая объ этомъ, слѣдовательно потерявъ самое лучшее время?... Этотъ человѣкъ — я“!... (помѣтка послѣ 21 іюля).

Съ 26 августа по 10 ноября Жуковскій не принимался за свой журналъ: онъ удрученъ, работа, да еще принужденная (переводъ), не всегда идетъ удачно, „въ умѣ такая пустота и недѣятельность; прошедшее мнѣ кажется очень дурнымъ, а настоящее скучнымъ; отъ будущаго не ожидаю ничего; всѣ мои планы исчезли; даже нѣтъ во мнѣ желанія дѣлаться лучше, образовывать и умъ и характеръ. „*Одиночество*, совершенный недостатокъ въ пріятныхъ связяхъ, отдаленіе тѣхъ людей, которые бы могли меня оживлять и ободрять въ исканіи всего хорошаго, совершенное безсиліе души, ненадѣянность на самого себя — вотъ что меня мучить! *я одинъ*; въ самомъ себѣ не нахожу довольно прибѣжища; чувствую, что одинъ мало могу для себя сдѣлать; мнѣ не достаетъ ободренія... Одинъ не могу ни о чемъ думать, потому что не имѣю матеріи для мыслей... Къ тому же не умѣю мыслить въ связи, это для меня утомительно, и въ теперешнемъ моемъ расположеніи не чувствую даже и нужды мыслить... Самъ съ собою я недоволенъ и скученъ;... съ тѣми, кто вокругъ меня,

я не связанъ (что этому причи ной, не знаю, но долженъ узнать);.. самое общество матушки (настоящей матери), по несчастію, не можетъ меня дѣлать счастливымъ: я не таковъ съ нею, каковъ долженъ быть сынъ съ матерью; это самое меня мучитъ, и мнѣ кажется, я люблю ее гораздо больше заочно, нежели вблизи. Я *не былъ счастливъ* въ моей жизни, кажется, и не буду счастливымъ. Надобно приобрѣсть способность быть счастливымъ, а я едва ли не пропустилъ время. Какъ прошла моя молодость? Я былъ въ совершенномъ бездѣйствіи. Не имѣя своего семейства, въ которомъ бы я что-нибудь значилъ, я видѣлъ вокругъ себя людей мнѣ коротко знакомыхъ, потому что я былъ передъ ними вырощенъ, но не видалъ родныхъ, мнѣ принадлежащихъ по праву; я привыкъ отдѣлять себя ото всѣхъ, потому что никто не принималъ во мнѣ особливаго участія, и потому что *всякое участіе ко мнѣ казалось мнѣ милостію*. Я не былъ оставленъ, брошенъ, имѣлъ уголь, но *не былъ любимъ никѣмъ, не чувствовалъ ничьей любви* ¹⁾, *слѣдовательно, не могъ платить любовью за любовь, не могъ быть благодарнымъ по чувству, а былъ только благодарнымъ по должности*“. Это сдѣлало его холоднымъ, робкимъ, нерѣшительнымъ, медленнымъ, лѣнивымъ; въ такихъ обстоятельствахъ чувствительность притупляется, да и умъ остается неразвитымъ, „потому чувства заставляютъ дѣйствовать умъ, а если чувства не дѣйствуютъ, то и умъ спитъ“ (въ другомъ мѣстѣ: „все хорошее основано на чувствахъ“, умъ слѣдуетъ ему по одному лишь расчету). Онъ такъ привыкъ, чтобъ его не любили, что всякій знакъ любви кажется ему страннымъ, чѣмъ-то необыкновеннымъ; одна любовь, привычка отвѣчать на любовь, дѣлаетъ сердце нѣжнымъ, способнымъ на любовь, стало-быть счастливымъ. Если бы у него былъ человѣкъ, который дорожилъ бы его счастьемъ, онъ любилъ бы его, „какъ своего Бога“.

Дмитріевъ звалъ Жуковского въ Москву: надо поскорѣе оставить ваше уединеніе, „которое способно питать вашу наклонность къ меланхоліи“ ²⁾. Жалобами на уныніе и бездѣйствіе полны письма къ Ал. Тургеневу; „моя душа не имѣла еще пищи, не пробуждалась, это вѣрно; воспоминаніе, или, лучше сказать, все то, что было со мною со времени моего младенчества (потому что я не имѣлъ воспитанія), вмѣсто того, чтобы образовать

¹⁾ То же въ дневникѣ 1814 г., „Русская Старина“ 1883 г., т. 37, стр. 210; сл. Зейдлицъ, „Жизнь и поэзія Жуковского“, стр. 56—7.

²⁾ Письмо 27 декабря 1805 г. Сл. письмо 1806 г. 14 апрѣля.

ее и усилить, только что ее усыпило; я былъ одинъ совершенно, то-есть въ кругу множества людей, которыхъ имѣлъ съ собою, былъ нѣкоторымъ образомъ отдѣленъ отъ всѣхъ“ (1805 г. 11 сентября); „здѣсь я одинъ; почти все, что вокругъ себя вижу, мнѣ не отвѣчаетъ, а мнѣ нужна подпора. О, моя жизнь прошла не такъ, какъ бы должно было. Ты имѣлъ предъ собою брата, батюшку — какіе люди! Но я вѣчно прозябалъ, почти одинъ, хуже нежели одинъ, потому что не былъ оставленъ, не былъ брошенъ, слѣдовательно, не имѣлъ нужды дѣйствовать, могъ спать умомъ и тѣломъ, и спать, и проснулся очень недавно, и по сію пору не умѣю владѣть собою“ (8 генваря 1806 г.).

Племянница Жуковскаго, А. П. Юшкова (замужемъ Зонтагъ), боялась за него: „хотя я и увѣрена, что досугъ никогда вамъ не будетъ въ тягость, однако же мнѣ очень жаль, что вы теперь совершенно одни, писала она ему. Уединеніе прекрасное дѣло, но только не такое совершенное уединеніе, каково теперь ваше“. Она утѣшается тѣмъ, что, вѣроятно, вернулся баронъ И. П. Черкасовъ, сосѣдъ Жуковскаго по Мишенскому: будетъ хотя одинъ человѣкъ, „съ которымъ вамъ можно поболтать, а то, право, страшно бы было, чтобы вы не забыли говорить и чтобы изъ милаго Базиля и въ самомъ дѣлѣ не вышелъ самой хорошенькой медвѣдь. Не ѣздите въ чужіе края, милой Базиль“ ¹⁾! Съ Черкасовымъ Жуковскій не замедлилъ сблизиться: нашель въ немъ очень умнаго человѣка, съ которымъ пріятно побесѣдовать, потому что онъ заставляетъ думать, напрягать мысли, но въ томъ, что онъ говоритъ о религіи, морали и т. д., „больше ума нежели чувства“, и Жуковскій не испыталь, по отношенію къ нему, „сердечной, сладкой искренности, épanchement du coeur“ (Дневникъ 1805 г., 16 іюля).

Въ письмѣ Жуковскаго къ Тургеневу 1806 г. есть намеки на какія-то „обстоятельства“, которыя побуждаютъ его ограничить себя одной дружбой, искать счастья въ ней; „ты, *можешь быть, долженъ будешь замѣнить для меня многое*; что съ одной стороны *потеряю*, то буду стараться замѣнить тобою“.

Когда спросъ сердца такъ страстенъ, онъ выразится болѣзненно-восторженно, сдержанно-пугливо, лишь только явится его объектъ среди „обстоятельствъ“, на которыя намекаетъ Жуковскій.

Подъ 9-мъ іюля 1805 г. онъ спрашиваетъ себя въ днев-

¹⁾ Письмо отъ 9 марта 1806 г., „Русскій Архивъ“ 1902 г., май, стр. 131; сл. ib. письмо отъ 16 апрѣля.

никъ: „можно ли быть влюбленнымъ въ ребенка“? Жуковский занимался тогда съ своими племянницами, дочерями Екатерины Аванасьевны Протасовой, поселившейся въ Бѣлевѣ, въ трехъ верстахъ отъ Мишенскаго, и ощутилъ романическое влеченіе къ старшей изъ дѣвочекъ, Марьѣ Андреевнѣ; ей было 12 лѣтъ (род. въ 1793 г.); ему самому шелъ 23-й годъ. „Что со мною происходитъ? Грусть, волненіе въ душѣ, какое-то неизвѣстное чувство, какое-то неясное желаніе! Можно ли быть влюбленнымъ въ ребенка? Но въ душѣ моей сдѣлалась перемѣна въ разсужденіи ея! Третій день грустенъ, унылъ! Отчего? Оттого что она уѣхала! Ребенокъ! Но я себѣ ее представляю въ будущемъ, въ то время, когда возвращусь изъ путешествія, въ большемъ совершенствѣ!“ Это чувство родилось вдругъ, и онъ желаетъ сохранить его, имъ наполнить; „если оно усилится, то сдѣлаетъ меня лучшимъ, надежда или желаніе получить это счастье заставитъ меня думать о усовершенствованіи своего характера; мысль о томъ, что меня ожидаетъ дома, будетъ поддерживать и веселить меня во время моего путешествія. Я былъ бы съ нею счастливъ, конечно! Она умна, чувствительна, она узнала бы цѣну семейственнаго счастья и не захотѣла бы свѣтской разсѣянности. Но можетъ ли это быть? Катерина Аванасьевна, если не ошибаюсь, дала мнѣ что-то предчувствовать. Но родные? Можетъ быть, они этому будутъ противиться?... Неужели для пустыхъ причинъ и противорѣчій гордости Катерина Аванасьевна пожертвуетъ моимъ и даже ея счастьемъ, потому что она, конечно, была бы со мною счастлива“?

Это рождающееся чувство онъ воспитываетъ въ себѣ нѣжно и робко, какъ воспитывалъ чувство вѣры и дружбы. Симпатіи дѣвочки раскрываются ему навстрѣчу; онъ полонъ неясныхъ надеждъ, еще не прочелъ всего „Агатона“ Виланда, а уже рисуетъ себѣ идеалъ молодого человѣка, „который заключаетъ свое счастье меньше въ грубой чувственности, нежели въ наслажденіяхъ духовныхъ“; мечтательность (Schwärmerei) обузданная „здравой опытною философіею, можетъ быть источникомъ совершеннѣйшаго земного счастья“. „Жить одними идеалами не годится, но не имѣть совсѣмъ идеаловъ столь же не годится: середина есть то, что всякій человѣкъ съ нѣкоторымъ особеннымъ образомъ чувства избирать долженъ“ (письмо къ Вендриху 19 декабря 1805 г.) ¹⁾. Агатонъ — „святая книга“, пишетъ онъ (8 января 1806 г.) Ал. Тургеневу, а въ мысляхъ про себя, отно-

¹⁾ Сочиненія В. А. Жуковского, изд. 7-е, т. 6-й, стр. 384—385.

сящихся къ тому же году, отмѣчаетъ: „Идеаль добродѣтельнаго и счастливаго человѣка. О Агатонѣ“ ¹⁾).

Въ 1806 году проснулась и его поэзія: въ 1805-мъ она дремала, написано всего три стихотворенія, тогда какъ къ 1806 г. ихъ 43 ²⁾, между ними „Вечеръ“ и „Пѣснь Барда“, есть элегическія и шутливыя, эпиграммы и басни изъ Лафонтена. На 16-е генваря Жуковскій подарилъ Машѣ альбомъ своихъ стихотвореній, съ рисункомъ сепіей въ серединѣ заглавнаго листа: женская и мужская фигуры, деревня и холмикъ съ вазой. На верху листа надпись: „Памятникъ прямой дружбы“ и эпиграфъ изъ Вольтера:

Vous en qui tant d'esprit abonde,
Tant de grace et tant de douceur,
Si ma place est dans votre coeur,
Elle est la première du monde.

Внизу листа: „1806 г., 14 октября“; на оборотѣ стихи:

Мой другъ безцѣнный, будь спокойна!
Да будущаго мракъ тебя не утратить!
Душа твоя чиста! ты счастья достойна!
Тебя Всевышній наградить.

Въ этотъ альбомъ Жуковскій помѣстилъ стихотворенія съ 1802 г., но продолжалъ заносить и позже — до 1814 г. ³⁾.

Очевидно, къ Машѣ обращено и стихотвореніе 9 октября 1806 года, подробно излагающее программу идеальной для него жизни:

Младенцемъ быть душою;
Разсудкомъ созрѣвать;
Не тѣла кросотою,
Любезностью плѣнять...
Быть въ дружбѣ неизмѣнной;
Любя, душой любить;
Супруги санъ священной
Какъ даръ небесъ хранить...
Вотъ счастье, другъ безцѣнный,
Другого счастья нѣтъ ⁴⁾.

¹⁾ Дневники В. А. Жуковского, стр. 42.

²⁾ Бумаги В. А. Жуковского, стр. 26—9.

³⁾ Бумаги В. А. Жуковского, стр. 30 слѣд.

⁴⁾ „Русская Старина“ 1902 г., апрѣль: Два неизданныхъ стихотворенія В. А. Жуковского, стр. 134—5.

За 1807-й годъ сохранилось всего одно стихотвореніе:
„М(ашѣ) на Новый годъ при подаркѣ книги“

На новый годъ въ *воспоминанье*
О томъ, кто всякій часъ мечтаетъ о тебѣ,
Кто счастье дней своихъ, кто радостей исканье
Въ твоей лишь заключилъ, безцѣнный другъ, судьбѣ!

Жуковский собрался было въ дорогу; въ началѣ 1807 года А. П. Зонтагъ писала ему, желая добраго пути: „Вы отправляетесь путешествовать, смотрѣть на Волгу и горы Уральскія“ ¹⁾. Оказывается, Блудовъ поѣхалъ въ свою Казанскую деревню, чтобы устроить дѣла по смерти матери; за нимъ увязался и Жуковский. „Я поѣхалъ было съ Блудовымъ въ Оренбургъ, хотѣлъ видѣть нѣкоторую часть православной Руси, но въ двадцати верстахъ отъ Москвы наша коляска была опрокинута; я ушибъ руку“; пришлось вернуться ²⁾. Эпизодъ этотъ случился ранней весною ³⁾; 4-го мая того же года Зонтагъ пишетъ Жуковскому, какъ она испугалась при вѣсти о его паденіи, какъ Кашкинъ считаетъ это полезнымъ для Жуковского, ибо научить его „не соваться въ воду, не спросясь броду. Ахъ! думала я... сколько разъ уже нашъ Жуковский испытывалъ бродъ, и хотя находилъ его глубокимъ, но все-таки продолжалъ соваться въ воду. Напр., подъ Лихвиннымъ онъ втѣрилъ по уши въ Оку, въ другой разъ полетѣлъ, было, въ Вырку съ мосту, въ третій разъ хотѣлъ взбѣжать на крутой берегъ, чуть не умеръ отъ усталости... Соковнины очень смѣшно шутятъ надъ вашимъ паденіемъ. Напр., Катерина Михайловна пишетъ, говоря объ васъ:

Проклявъ себя, судьбу, дорогу,
Не мѣшкавъ ни часа, назадъ онъ повернулъ,
Таща свое крыло и волочивши ногу,
Полмертвой, полхромой,
И прибылъ, наконецъ, калѣкою домой ⁴⁾.

Въ 1807 году Соковнины снова выплываютъ въ перепискѣ друзей; старыя чувства забыты, ихъ стараются забыть.

¹⁾ 5 января 1807 г. „Русскій Архивъ“ 1902 г., май, стр. 130.

²⁾ Къ Ал. Тургеневу, начало іюля 1807 г.

³⁾ Если дата письма Ек. Ае. Протасовой къ Жуковскому вѣрна (1807 г. мая), то упоминаніе Оренбурга относится къ замыслу, которому миновалъ годъ: „Скажи мнѣ, пожалуйста, какъ ты это вздумалъ эдакую даль ѣхать: Оренбургъ 1512½ верстъ отъ Москвы. Это ужасно далеко“. „Русскій Архивъ“ 1902 г., май, стр. 129—130.

⁴⁾ „Русскій Архивъ“, I. с., стр. 130—1

Въ этомъ отношеніи интересны два письма Жуковского къ Ал. Тургеневу. Въ первомъ (9 декабря 1807 г.), переходя отъ русскаго языка къ французскому, Жуковский спрашиваетъ: „Dites-moi encore, Alexandre, que veulent dire ces mots“:

Одна живетъ въ году весна,
Одна и милая на свѣтѣ!

N'est-ce pas inconséquent de montrer, qu'on a des sentiments, sans avoir le dessein de les nourrir et sans en avoir la possibilité? Pourquoi parler d'une chose, qu'on n'a ni le désir, ni le pouvoir de recommencer, et pourquoi risquer de réveiller des sentiments, qui ont été bien vifs, qui sont déjà éteints et qui ne peuvent être que douloureux? Je ne sais pas, quelle idée vous aviez eu en écrivant ces vers. Dans ces choses, connaissant bien les personnes, avec lesquelles vous avez relation, vous ne devez pas agir sans but. Et ces expressions parasites, jadis agréables, à présent inutiles, ne vous conviennent plus. *Silence sur tout ce qui est passé...* Если ты слышалъ отъ Блудова о нѣкоторыхъ моихъ связяхъ, о которыхъ я ему сказалъ слова два очень давно, и если онъ не забылъ этихъ *двухъ словъ*, то попроси его отъ меня, *чтобы онъ объ нихъ забылъ и для себя и для друиъ...* Я говорю не шутя, и прошу его, какъ друга, не шутить (по обыкновенію своему) такую вещь, которую почитаю слишкомъ важною. Не надобно говорить и тебѣ: сомни свои уста, хотя ты ничего не знаешь. Признаюсь, боюсь нескромности, или, лучше сказать, обыкновенной невнимательности Блудова, а она въ этомъ случаѣ, *по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, можетъ быть для меня несчастіемъ*“.

Намеки письма объясняются изъ того, что мы знаемъ о раннихъ увлеченіяхъ Жуковского и Ал. Тургенева. Въ 1807 г. Жуковский переписывался съ Анной Михайловной Соковниной¹⁾, къ которой когда-то былъ неравнодушенъ Ал. Ив. Тургеневъ; онъ разсчитываетъ на ея помощь, если она осталась такою же, какою была „dans le temps où on chantait: Puisque l'orgueil pour jamais te sépare. Nous pourrons encore être heureux, non pas moi, mais nous, et cela dépend de nous, et nous devons absolument faire en sorte que cela soit“. И онъ проситъ Анну Михайловну написать Тургеневу объ одномъ знакомомъ, Протапинскомъ, о которомъ хлопоталъ: „пожалуйста, поспѣшите объ этомъ написать къ нему, и такъ какъ ваши слова для него важнѣе моихъ, то

¹⁾ Сл. „Русскій Архивъ“ 1900 г., сентябрь, стр. 6—8 (іюля—августа 1807 г.).

заставьте, попросите, убѣдите и проч. его постараться о Проташинскомъ и написать ко мнѣ побобостательнѣе обо всемъ“¹ Въ томъ же году Жуковскій журить Тургенева за то, что письма Анны Михайловны, обращенныя къ нему, въ такомъ у него „неприборѣ“, что всякій профане можетъ ихъ видѣть. Анна Михайловна жаловалась на это. Если это правда, то надо исправить бѣду: *„прошедшее заслуживаетъ большее отъ насъ уваженіе потому особенно, что настоящаю никакъ нельзя ему предпочесть. Она говорила мнѣ объ этомъ съ чувствомъ упрека, и она права. Какъ можешь ты такъ не дорожить ея именемъ, или, лучше сказать, какъ можешь быть такъ разсѣяннымъ?“* (декабря 1807 года). А вмѣстѣ съ тѣмъ Тургеневъ, у котораго чувство уже остыло, могъ еще играть въ него, говорить объ „одной милой на свѣтѣ“. Упрекъ былъ заслуженъ. Себя Жуковскій не упрекаетъ, а оберегаетъ. Изъ одного письма къ нему Андрея Тургенева видно, что Жуковскій заподозрилъ друга, будто онъ шрговорился въ Москвѣ о его романѣ; Тургеневъ стѣвчалъ тогда, что не виновать, развѣ Блудовъ наболталъ чего-нибудь пустого, а если подѣ романомъ разумѣть Марью Николаевну, то ему первый началъ говорить о томъ Козловскій. — Это было давно, а Жуковскій и теперь боится этихъ слуховъ: они помѣшали бы ему въ ея обстоятельствахъ.

Въ іюнѣ 1807 года Жуковскій писалъ Блудову изъ Москвы наивунѣ отъѣзда въ деревню, гдѣ намѣревался пробыть два мѣсяца, что на будущій годъ беретъ на себя редакцію „Вѣстника Европы“²). Друзья давно звали его въ Москву. „Твоя страсть, которую отгадалъ я изъ письма твоего, не должна погашать душевнаго огня твоего, -- ободрилъ его Ал. Тургеневъ; умѣряй ее дѣятельностью и дружбою“ (1807 г. 5 декабря; неизд.). Приходилось разставаться съ своими. Два четверостишія 1808 г., обращенныя къ Машѣ (при посылкѣ альбома: „Невинность мирная, краса души твоей“ и „Собой счастливить всѣхъ — прелестный жребій твой“), настроены печально. Въ первомъ № „Вѣстника Европы“ за 1808-й годъ, вышедшемъ за подписью Жуковского, какъ редактора, „Письмо изъ уѣзда“ было его журнальной программой, аллегорическая повѣсть: „Три сестры. Видѣніе Минваны“, напечатанная во второмъ, — привѣтомъ Машѣ ко дню

¹) Июль—августъ 1807 г., тамъ же, стр. 7. Жуковскій называетъ Проташинскаго братомъ М. А. Протасовой. Объ этихъ родственныхъ отношеніяхъ сл. „Русскій Архивъ“ 1883 г., кн. I, № 2, стр. 317 (письмо А. Н. Арбеновой Жуковскому 22 марта 1814 года)

²) „Русскій Архивъ“ 1900 г., № 9, стр. 5.

его рожденія (1 апрѣля) ¹⁾. Къ Минванѣ-Машѣ являются три сестры, молодыя красавицы: Вчера — прошедшее, Нынѣ — настоящее и Завтра — будущее. „Нынѣ“ даетъ ей ко дню рожденія розу, „Вчера“ поучаетъ: въ минуту испытанія она будетъ ей утѣшительницей и другомъ; близь ея урны, подъ сумракомъ кипариса, обитаетъ *воспоминаніе*, вѣщающее о томъ, что было и чего ужъ нѣтъ; „задумчивая меланхолія, которая наслаждается скорбію, любитъ одно минувшее, посится мыслию надъ гробами и въ сѣтованіи о мертвыхъ находитъ сладость“. Въ бесѣдѣ съ прошедшимъ Минвана найдетъ отраду, прискорбная „Нынѣ“ опять улыбнется, и вѣтреная „Завтра“ прилетитъ съ своими мечтами ²⁾.

Двѣ историческія повѣсти въ сентиментальномъ карамзинскомъ стилѣ, появившіяся въ 1808—9-хъ годахъ, получаютъ значеніе для сердечной біографіи Жуковского въ освѣщеніи его лирики. Я имѣю въ виду два стихотворенія этого года, изъ которыхъ одно можно связать съ Марьей Андреевной Протасовой („Роза, весенній цвѣтъ“), другое ей посвящено. Первую пьесу поетъ Людмила въ „Трехъ поясахъ“, повѣсти, построенной на сказочной темѣ о трехъ сестрахъ, двухъ завистливыхъ красавицахъ, Пересвѣтѣ и Мирославѣ, и одной некрасивой, но простосердечной Людмилѣ. Ковы красавицъ не удаются, Людмилѣ помогаетъ волшебница Добрада. Если эта „русская“ сказка — не оригинальная, а переводная ³⁾, то Жуковский не только приладилъ ее къ русской древности, какъ онъ понималъ ее, но и къ своему психологическому настроенію; характерный приѣмъ творчества, съ которымъ мы встрѣтимся не разъ. Дѣйствіе происходитъ подъ Кіевомъ при Владимірѣ и его сынѣ Святославѣ. Изъ всѣхъ дѣвицъ, представленныхъ ему, Святославъ выбираетъ Людмилу; она поетъ ему: „Роза, весенній цвѣтъ“: золотой мотылекъ шепчетъ розѣ, пусть скроется подъ тѣнь отъ лучей палящаго солнца, а она въ безумной гордости говоритъ, что солнце ее любитъ; ей ли, красавицѣ, искать тѣни? И она поникнула отъ лучей, запахъ исчезъ.

Дѣвица красная,
Нѣжный цвѣтокъ!
Розы надменные

¹⁾ Зейдлицъ, I. с., стр. 34—5.

²⁾ Тотъ же мотивъ трехъ сестеръ (Вчера, Нынѣ и Завтра) въ отрывкѣ „Уединеніе“ 1813 г.

³⁾ Она напечатана въ „переводахъ“ Жуковского. Сл. Тихонравовъ, Сочиненія, т. III, ч. I, примѣчанія, стр. 60, прим. 8.

Помни примѣръ.
Маткиной душкою
Скромно цвѣти,
Съ мирной невинностью,
Цвѣтомъ души.

Въ „Трехъ поясахъ“ всеѣ любятся Людмилой: „Какая привлекательная *скромность*, какой невинный взглядъ, какая нѣжная, милая душа изображается на лицѣ ея, пріятномъ, какъ душистая *маткина душка!*“

Другая пѣсня 1808 г., помѣченная 1-мъ апрѣля, днемъ рожденія Маши (напечатанная въ „Вѣстникъ Европы“ 1809 г. май, № 9), — откровенное признанье въ любви, скромной, душевной, платонической, но уже чувствуется тревога, опасеніе, возможность разлуки: Людмилѣ не выйти за Святослава.

Мой другъ, хранитель-ангелъ мой,
О ты, съ которой нѣтъ сравненья,
Люблю тебя, дышу тобой..

И далѣе:

Ахъ! мнѣ ль *разлуку* знать съ тобой?
Ты всюду спутникъ мой незримый.

Въ „Марьиной Рощѣ“ ¹⁾ разлука совершилась. Историческую окраску повѣсти даетъ грозный Рогдай, колеблющейся между Новгородомъ и Кіевомъ, гдѣ онъ служилъ великому князю Владиміру вмѣстѣ съ богатырями Ильєю, Чурилою и Добрынею; но у него есть теремъ и на берегахъ Москвы-рѣки, куда

¹⁾ „Скоро ли мы увидимъ что-нибудь вашего произведенія, писалъ Жуковскому Дмитріевъ въ 1806 г.; не зародился ли какой-нибудь внучекъ Марѣи Посадницы? Но я лучше бы желалъ увидѣть колдунью въ *Марьиной рощѣ*, или, въ родѣ идилліи, возвращающагося со службы воина въ свою отчизну, или *барда на полѣ битвы послѣ ночного сраженія*, или оду Пѣснопѣвецъ, или Четыре времени дня; но мало-ли что приходитъ въ голову на досугъ?“ (Соч. И. И. Дмитріева, ред. и примѣчанія А. А. Флоридова. т. II, 1893 г., стр. 207). „Пѣснь барда на гробѣ славянъ побѣдителей“ была, быть можетъ, отвѣтомъ на одну изъ темъ Дмитріева, но Жуковского давно занимала—и „Марьиная Роща“. „Недавно, прочитывая стихи свои на „Марьину Рощу“, которая началъ было я сочинять въ Свирловѣ, я прочелъ въ нихъ съ нѣкоторымъ трепетомъ слѣдующіе два стиха:

Что ждетъ меня вдали на жизненномъ пути?
Что мнѣ назначено таинственной судьбою?“

(Жуковский къ Ив. Петр. Тургеневу, 11 августа 1803 года).

онъ является, чтобы помѣшать любви пѣвца Улада и красавицы-крестьянки Маріи. Уладъ, котораго въ селѣ называли „соловьемъ“, „простыми стихами“ прославлялъ весну, спокойствіе земледѣльческихъ хижинъ, свѣтло поднебесныхъ ласточекъ, нѣжность дубравныхъ горлицъ“. Онъ былъ въ отлучкѣ, а Марія, прельстясь „надеждою сіять своими прелестями въ великолѣпномъ градѣ Кіевѣ“, согласилась выйти за Рогдая, — не измѣняя своей любви къ Уладу; и можно ль „забыть тѣ сладкія чувства, которыми животворится душа наша въ лучшіе годы жизни, съ которыми соединены всѣ наши надежды на счастье, которыми земля претворяется въ царство небесное?“ Она дорого „заплатила за свое легкомысліе“: Рогдай убилъ ее въ порывѣ ревности, а Уладъ посвящаетъ свою жизнь гробу своей Маріи: жизнь обращается для него „въ ожиданіе сладкое, въ утѣшительную надежду на близкій конецъ разлуки“; Марія сохранила къ нему „любовь и за гробомъ“.

Въ 1808 г. М. А. Протасовой былъ 15 лѣтъ, какъ Маріи въ „Марьиной рошѣ“; Уладъ-Жуковскій поетъ, изображая „пріятность *маткиной души*, которой запахъ, сравнивалъ онъ съ милой душою чадолубивой матери“, и разлукой вѣетъ при первомъ его объясненіи въ любви.

Посланіе къ Нинѣ (1808 г.) развиваетъ вопросъ Маріи: можно ли забыть за гробомъ любовь. На этотъ разъ ставитъ вопросъ поэтъ: небо будетъ ему изгнаніемъ, если для безсмертія онъ утратитъ любовь:

О! первая встрѣчи небесная сладость —
Какъ тайныя, сердца созданья, мечты,
Въ единый сліявшій плѣнительный образъ,
Являются смутнымъ весельемъ душъ —
Унынія прелесть, волненье надежды,
И радость и трепетъ при встрѣчѣ очей,
Ласкающій голосъ — души восхищенье,
Могущество тихихъ, таинственныхъ словъ,
Присутствія сладость, томленье разлуки,
Уже ль невозвратно васъ съ жизнью терять?

Таинственный голосъ вѣщаетъ ему, что для нѣжной любви нѣтъ смерти, „Возлюбленный образъ, съ душой неразлучный, И въ вѣчность за нею изъ міра летитъ“, и онъ утѣшаетъ Нину, что духъ его будетъ съ нею, невидимый хранитель, будетъ вливать утѣшеніе въ ея скорбную душу, носить ея молитвы къ небесному трону, и смерть ей будетъ путемъ къ веселію, къ вос-

торгу свиданія съ другомъ. „О Нина, о Нина, безсмертье нашъ жребій“.

Таковы утѣшенія сентименталиста, для котораго „вселенная со всѣми ея радостями должна быть заключена въ той мирной обители, гдѣ онъ мыслить, и гдѣ онъ любить“ — въ семьѣ („Писатель въ обществѣ“, 1808 г.). „Ты опять свелъ на счастье семейственной жизни и опять плѣняешься и плѣняешь другихъ изображеніемъ того счастья, которое должно быть заключено въ мирной обители,—писалъ ему Ал. Тургеневъ по поводу статьи о „Писателѣ въ Обществѣ“.—Въ награду за столько прекрасныхъ описаній семейственной жизни, я желаю тебѣ отъ всего сердца, чтобы ты наслаждался симъ счастьемъ и нашелъ *около себя* вселенную со всѣми ея радостями, а мы за наше невѣріе будемъ вѣчно искать и не находить счастья“ ¹⁾. Но и Жуковскому приходилось пока искать счастья — въ утѣхахъ меланхоліи.

Это не „прибѣжище любви *праздной*, т.е. счастливой и еще постоянной“, какъ утверждала одна женщина, испытавшая „*прямую* любовь“: всякая любовь, и счастливая и несчастная, „до тѣхъ поръ, пока она остается любовію, необходимо соединена съ меланхоліей. „Меланхолія не есть ни горестъ, ни радость: я называлъ бы ее оттѣнкомъ веселія на сердцѣ печальнаго, оттѣнкомъ унынія на душѣ счастливца“ ²⁾... Счастье любви есть наслажденіе меланхолическое: то, что чувствуешь въ настоящую минуту, менѣе того, что будешь или что желалъ бы чувствовать въ слѣдующую: ты счастливъ, но стремишься къ большому, болѣе совершенному счастью, слѣдовательно въ самомъ своемъ упоеніи ощутителенъ для тебя какой-го недостатокъ, который вливаетъ въ душу твою тихое уныніе, придающее болѣе живости самому наслажденію; ты не находишь словъ для изображенія тайнаго состоянія души твоей, и это самое безсиліе погружаетъ тебя въ задумчивость“. Счастливая любовь неразлучна съ надеждой, но „надѣяться и не довѣрять почти одно и то же, а невѣрная надежда въ самую минуту счастья соединена съ уныніемъ меланхоліи“; несчастная-же любовь, „разлученная съ сладкою надеждою жить для того, что намъ любезно, слишкомъ скоро умертвила бы наше бытіе, когда бы отдѣлена была отъ меланхоліи, отъ сего непонятнаго очарованія, которое придаетъ неизъяснимую прелесть самымъ мученіямъ. Невидимая цѣпь

¹⁾ Письмо 4-го декабря 1808 г. Неизд.

²⁾ Сл. у Карамзина, „Меланхолія, подражаніе Делилю“: „нѣжнѣйшій переливъ—Отъ скорби и тоски къ утѣхамъ наслажденья“. См. выше стр. 38.

привязываетъ тебя къ твоей горести; въ ней твое бытіе; утративъ ее, ты самъ уничтоженъ, ибо все то, что прежде наполняло твою душу, вдругъ исчезаетъ: мысль о томъ, что ты любимъ, что сердце, отнятое у тебя судьбою, еще свободно, не отдано, и что, перемѣнишь твой жребій, она, быть можетъ, была бы твоею. Пока человѣкъ упрекаетъ одну судьбу, у него остается нѣкоторая обманчивая надежда на перемѣну — и въ этомъ обманчивомъ ожиданіи — „тайное меланхолическое наслажденіе“ („Меланхолія. Сочиненіе женщины, которая никогда не бывала въ меланхоліи“. „Вѣстникъ Европы“ № 19, 1808 г.).

„Нѣтъ, счастье къ бытію меня не приучило“, пишетъ Жуковский Ал. Тургеневу, повторяя горькія откровенія дневника:

Мой юношескій цвѣтъ безъ запаха отцвѣлъ.
Едва въ душѣ своей для дружбы я созрѣлъ,
И что же!... Предо мной увядшаго могила,
Душа, не вспыхавъ, свой пламень угасила.
Любовь... но я въ любви нашелъ одну мечту,
Безумца тяжкій сонъ, тоску безъ раздѣленья
И невозвратное надеждъ уничтоженъ.
Изсякшія души наполню ль пустоту?
Какое счастье мнѣ въ будущемъ извѣстно?
Грядущее для насъ — протекшимъ лишь прелестно.

Его чувство настраивается на самоотреченіе, онъ готовъ пожертвовать всѣми благами жизни, лишь бы

той счастье искупить,
Съ кѣмъ жребій не судилъ мнѣ жизнь мою дѣлить!
(„Къ Филарету“, 1808—9 г.).

Работа по журналу, редакцію котораго онъ съ конца 1809 г. раздѣлялъ съ Каченовскимъ, его расшевелила, дала направленіе энергіи. 15 сентября 1809 года онъ пишетъ другу: „Плановъ и предметовъ въ головѣ пропасть, и пишется какъ-то скорѣе и удачнѣе прежняго. Nonny soit qui mal y pense“. Письма 1810 г. полны литературныхъ затѣй, прежнихъ заботъ о самообразованіи: онъ бросился на исторію, занимается латинскимъ языкомъ, хочетъ приняться за греческій, тревожитъ Ал. Тургенева просьбами о высылкѣ книгъ. У него явилось „расположеніе къ дѣятельности“; „можетъ быть, такая перемѣна произошла во мнѣ отъ того, что я дѣятельность писателя теперь поставляю един-

ственнымъ своимъ благомъ, зависящимъ отъ меня, и хочу къ этому благу стремиться, отказавшись отъ *всѣхъ друиѣхъ*, отъ меня не зависящихъ и невѣрныхъ, предоставляя себѣ однако воспользоваться ими, если они на дорогѣ мнѣ представятся“ (1810 г., 12 сентября) ¹⁾. „Всякая минута у меня занята. Но когда подумаю, сколько погибло драгоценнаго времени по пустякамъ, сердце обливается кровью“ (11 октября 1810 г.). Тѣ же жалобы въ письмѣ отъ 7 ноября: „Ахъ, братъ и другъ, сколько погибло времени! Вся моя прошедшая жизнь покрыта какимъ-то туманомъ *недѣятельности душевной*, который ничего не даетъ мнѣ различить въ ней. *Причина этой недѣятельности тебѣ известна*. А теперь, другъ мой, эта самая дѣятельность служить мнѣ лѣкарствомъ отъ того, что было прежде ей помѣхою. Если *романическая* любовь можетъ спасти душу отъ порчи, за то она уничтожаетъ въ ней и дѣятельность, привлекая ее къ одному предмету, который удаляетъ ее отъ всѣхъ другихъ. Этотъ одинъ

¹⁾ Письмо 12 сентября писано, очевидно, въ отвѣтъ на неизданное пока письмо Ал. Тургенева, изъ котораго привожу отрывокъ. „Посылаю тебѣ еще одну изъ пьесъ Уварова, которая однако-жъ не есть изъ лучшихъ. Онъ написалъ два посланія: A celle que je ne connais pas, и второе гораздо лучше, нежели A celle que je connais. Въ немъ есть истинный талантъ и какой-то жаръ въ душѣ, котораго Василий Львовичъ (Пушкинъ) никогда имѣть не будетъ, хотя и ставитъ себя выше Уварова въ поэзії. Но это не есть главное его достоинство: Уваровъ пишетъ въ прозѣ очень хорошо и имѣетъ множество свѣдѣній не въ одной только легкой литературѣ, но знакомъ и съ римскими классиками, а теперь принялся съ жаромъ за греческую грамматику и хочетъ читать Гомера въ оригиналѣ, а тебѣ совѣтуетъ читать его въ переводѣ Фосса, который несравненно вѣрнѣе и лучше Попа. Пиши противъ главной мысли Уварова, господствующей почти во всѣхъ его сочиненіяхъ и совершенно противоположной твоей главной мысли, которая есть семейственное счастье и скромный уголокъ *въ отчизнѣ*. Aber diese verschiedene Stimmung Ihrer Gemüther kommt aus der besonderen jedem von ihnen eigenen Individualität, die aus ihren Lebensumständen und Jugendverhältnissen entstanden ist. Блаженные минуты его жизни прошли подъ чужимъ небомъ, тамъ былъ онъ счастливъ и любилъ въ первый разъ. Оттуда для него

Gleich einer alten halbverklungenen Sage
Kommt erste Lieb' und Freundschaft mit herauf,
Da sind die ersten Bilder froher Tage
Erschienen.

Съ тобой все случилось напротивъ: твой юношескій цвѣтъ расцвѣлъ въ скромномъ уединеніи, не ты оставилъ друзей своихъ, но они разсѣялись по бѣлу свѣту. Und was sich sonst an deinem Lied erfreut, Wenn es noch lebt ist in der Welt zerstreut. И любовь твоя имѣетъ другой характеръ, но въ мысляхъ вы часто сходны: въ твоей Пѣснѣ барда и въ его *Épître sur l'avantage de mourir jeune* много мыслей, вамъ общихъ“.

убійственный предметъ, какъ царь, сидѣлъ въ душѣ моей по сіе время“. Не всякая любовь убиваетъ дѣятельность, а любовь его, Жуковскаго: „надобно сообразить мои обстоятельства: воспитаніе, семейныя связи и двухъ тѣхъ, которыя такъ мною и такъ мало на меня дѣйствовали“ (отца и матери?). Обо всемъ этомъ онъ поговорить съ пріятелемъ „въ какомъ-нибудь московскомъ уголку“, гдѣ они обновятъ „душевный обѣтъ навсегда, навсегда быть добрыми спутниками въ счастіи и несчастіи“. Скорѣе въ несчастіи: ему чудится, что судьба готовитъ что-то „ужасное“, предстоитъ какое-то испытаніе; „подумай о томъ, что были многіе эмигранты, разсыпанные по всему свѣту революціею; взгляни на то, что происходитъ около насъ, и вообрази возможности.... Для двухъ несчастіе не ужасно;... въ глазахъ и въ рукъ друга— надежда и сила“. Но воспоминанія проснулись не даромъ: оказывается, что у него попрежнему „юлова въ споръ съ сердцемъ“, и работа надъ самообразованіемъ была однимъ изъ средствъ выбраться изъ душевной расторженности. И онъ снова твердитъ, что намѣренъ серьезно отдаться труду, необходимому, хотя и тяжелому. Онъ разсчиталъ его на три года, составилъ подробный планъ занятій ¹⁾; давно написалъ бы Тургеневу „посланіе о дѣятельности“ (оставшееся ненаписаннымъ), „если бы не былъ рабомъ своего нѣмецкаго порядка: и восхищенію стихотворному назначенъ у меня часъ особый, свой. Но это восхищеніе какъ-то упрямо и не всегда въ положенное время изволить ко мнѣ жаловать“.

Выдержки изъ дневника 22 ноября, которыя Жуковскій приводитъ въ письмѣ къ Тургеневу отъ 4-го декабря, показываютъ, какъ рѣшительно онъ поставилъ себѣ новый идеалъ жизни: прежде у него была одна только мысль: надобно написать, теперь, когда онъ понялъ, что онъ „невѣжда во всей обширности этого слова“, онъ говоритъ себѣ: „надобно учиться и потомъ писать“. У него хватить твердости, чтобы не отступить назадъ, начать сначала, потому что видѣть въ работѣ не только средство къ счастью, но и счастье. „Прежняя моя лѣнь весьма много происходила и отъ любви, которая составляла царствующую въ головѣ моей идею и всему прочему была тираномъ. Теперь и любовь уступила трудолюбію“. „Тихая, скромная жизнь, употребляемая на исполненіе должностей и на трудъ полезный, есть самая счастливая“.

Въ письмѣ отъ 4-го декабря, въ которое вставленъ этотъ

¹⁾ Сл. Шевыревъ, I. с., стр. 20, 73.

отрывокъ, Жуковскій проситъ своихъ пріятелей, Тургенева и Блудова, найти ему мѣсто, устроить и обезпечить; онъ боится, чтобы тягостныя заботы о состояніи не принудили его сойти съ избранной дороги и не броситься на такую, на которой онъ не надѣется быть счастливымъ; „вы сдѣлаете пользу мнѣ, а я — я буду полезенъ цѣлой Россіи. Говорю это не шутя, ибо я могу и буду хорошимъ писателемъ“.

Между отмѣткой въ дневникъ 22 ноября и письмомъ 4 декабря слѣдуетъ помѣстить письмо Жуковского съ указаніемъ на какія-то непріятныя обстоятельства, которыя онъ предвидѣлъ: онъ проситъ, по обыкновенію, книгъ, затѣмъ продолжаетъ по-нѣмецки: *das beste Mittel wider die bevorstehenden Unannehmlichkeiten ist meinen Geist mit einem desto festeren Entschluss zu grossen Dingen und Gesinnungen zu erfüllen, denn ich kenne mich genug um zu wissen, dass der Vorsatz oder die Zuversicht in meinem Leben das gemeine Wohl zu befördern mich mehr als alles andere standhaft und ruhig macht; dadurch werden in meinen eigenen Augen meine Wissenschaften so edel und wichtig, das Pflicht und Ruhmbegierde mich gegen alles unüberwindlich machen* ¹⁾).

Какія непріятности предстояли Жуковскому? Едва ли дѣло идетъ на этотъ разъ объ общественныхъ „испытаніяхъ“, которыя грезились ему. Въ концѣ 1810 года Ек. Аѳ. переселилась въ свое помѣстье Муратово, куда за ней перебрался и Жуковскій въ деревню, купленную имъ въ сосѣдствѣ; съ начала 1811 года „Вѣстникъ Европы“ издается уже однимъ Каченовскимъ. Повидимому, къ этому времени относится объясненіе Жуковского съ Ек. Аѳ. Протасовой ²⁾: онъ рѣшился просить у ней руку дочери; въ дневникъ 1814 года Жуковскій недоумѣваетъ, почему не дошло по назначенію его письмо марта 1811 года, въ которомъ онъ просилъ Екатерину Аѳанасьевну довѣриться ему, потому что это единственное средство перемѣнить его привязанность къ Машѣ — въ чувство брата. Объ этой небратней привязанности уже знали, Жуковскій пытается выступить открыто, онъ выяснилъ свое грядущее, и сознаніе, что онъ будетъ „полезенъ всей Россіи“, даетъ ему спокойствіе, выдержку; было за что ухватиться. Протасова отказала подъ предлогомъ близкаго родства и даже запретила Жуковскому говорить Машѣ о своей привязанности. Между тѣмъ пріятели хлопотали: Уваровъ, въ то

¹⁾ „Русская Старина“ 1901 г. апрѣль, стр. 127—9.

²⁾ Сл. у Тихонравова, I. с., стр. 491 слѣд. въ разборѣ показаній Зейдлица.

время попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа, видѣвшійся съ Жуковскимъ въ Москвѣ въ началѣ 1811 года, предлагалъ ему мѣсто въ Педагогическомъ Институтѣ, но онъ отклонилъ его, потому что „не готовъ“, да и „исключительное занятіе“ лишило бы его свободы, возможности предаться своему дѣлу, отъ котораго не хочетъ отстать. Уваровъ поручилъ Ал. Тургеневу уговорить его. Жуковскій отвѣчаетъ въ маѣ 1811 г.: ты слишкомъ нетерпѣливъ въ дѣланіи мнѣ добра, подожди, когда я самъ попрошу твоей помощи. *„Изъ деревни опишу обстоятельно всѣ причины, принуждающія меня отказаться отъ выходной должности, мнѣ предлагаемой. Теперь мнѣ совѣмъ не до того“* ¹⁾.

Посланіе „о дѣятельности“ не могло быть написано; большая часть стихотвореній 1810—1811 годовъ, свои и заимствованныя, выражаютъ тревоги и перебои романической любви. Въ письмѣ 7 ноября 1810 года извѣщалъ Тургеневъ, что у него почти готова баллада, вдвое длиннѣе „Людмилы“ (1808 г.) и лучше ея, съ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ діаволомъ, и этотъ дьяволъ будетъ посвященъ его „милой переписчицѣ“, А. А. Протасовой, сестрѣ его Маши. Разумѣется „Громобой“; къ Машѣ, вѣроятно, обращено стихотвореніе „Къ ней“, найденное послѣ ея смерти въ ея портфель ²⁾. Знакомые мотивы сентиментальной поэзіи вторгаются въ „Посланіе къ Блудову“ (1810 г.), повторяются въ „Пѣснѣ“ („О, милый другъ“, подражаніе нѣмецкой, 1811 г.), въ „Подписи къ солнечнымъ часамъ“, въ „Цвѣткѣ“ (съ французскаго 1811 г.), въ „Жалобѣ“ (изъ Шиллера, „Der Jüngling am Bache“ 1811 г.), въ „Желаніи“ (изъ Шиллера, „Die Sehnsucht“, 1811 г.) въ „Пѣвцѣ“ (1811 г.).

Шиллеровскій Jüngling, Knabe, очутился знакомымъ намъ Усладомъ: оба сидятъ у ручья, въ волны котораго бросаютъ вѣнокъ; все воскресло съ весною, для нихъ же нѣтъ счастья безъ милой. Жуковскій идетъ объ руку съ текстомъ, не переводя, а подражая, и кончаетъ третьей строфой:

Что въ природѣ, озаренной
Красотою майскихъ дней?
Есть одна во всей вселенной —
Къ ней душа, и мысль объ ней;
Къ ней стремлю, забывшись, руки;
Милый призракъ прочь летить.

1) Письмо 1811 г., изъ второй половины мая. Сл. примѣчанія издателя.

2) Зейдлицъ, I. с., стр. 45.

Кто жъ мои услышитъ муки,
Жажду сердца утолитъ?

У Шиллера все разрѣшается призывомъ къ счастью: Сойди, моя красавица, покинь свой гордый замокъ; я осыплю тебя весенними цвѣтами. Слышишь, какъ лѣсъ оглашается пѣснями, какъ звонко журчитъ ручей! И въ малой хижинѣ есть мѣсто для двухъ любящихъ.—Усладу-Жуковскому такой хижины не предвидѣлось, и онъ опустилъ послѣднюю строфу. Стихотвореніе, хотя и подражательное, получаетъ характеръ біографическій. Какъ элегія „Вечеръ“ (1806 г.) кончалась ожиданіемъ, что унылая Минвана съ Альпиномъ придутъ мечтать „надъ тихой юноши могилой“, такъ теперь поэтъ приглашаетъ насъ погустить надъ прахомъ „бѣднаго пѣвца“, который

...дружбу пѣлъ, давъ другу нѣжну руку,
Но вѣрный другъ во цвѣтѣхъ лѣтъ угасъ;
Онъ пѣлъ любовь—но былъ печаленъ гласъ;
Увы! онъ зналъ любви одну лишь муку...
Что жизнь, когда въ ней нѣтъ очарованья?
Блаженство знать, къ нему летѣть душой,
Но пропасть зрѣть межъ нимъ и межъ собой,
Желать всякъ часъ и трепетать желанья...

(„Пѣвецъ“, 1811 г.)

„Бѣдный пѣвецъ“—это самъ Жуковскій: на его могилу придеть другъ (Будовъ) съ своей Людмилой, пусть соберутся туда и друзья: когда

Луна сквозь облакъ дымный
При вечерѣ блеснетъ,
И липа разольетъ
Окрестъ благоуханье,

онъ будетъ летать подъ зыбкой сѣнью деревьевъ невидимой тѣнью объ руку съ Филономъ:

Тогда вамъ тихимъ звономъ
Покинутая мной
На юномъ кленѣ лира
Пришельцевъ возвѣститъ
Изъ таинственна міра,
И тихо пролетитъ
Задумчивость надъ вами.

Но надежда еще не умерла: если прошла весна любви, то на смѣну ей явится „дружба мирная“ („Надпись къ солнечнымъ часамъ“, 1811 г.), либо дружба и трудъ, водворяющій въ сердца „ясность и покой“, повторяетъ поэтъ за Шиллеромъ („Мечты“, 1812 г.).

Онъ самъ изобразить себя во влюбленномъ юношѣ, съ душою ясной, какъ весенній день,—въ „Посланіи къ Батюшкову“ (1812 г.), который зналъ о его горѣ и совѣтовалъ „сложить печалей бремя“ („Мои певаты“, 12 апрѣля 1812 г.):

При ней—задумчивъ, сладкой
Исполненный тоской,
Ты робокъ, лишь украдкой
Стремишь къ ней томный взоръ:
Въ немъ сердце вылетаетъ;
Несмѣль твой разговоръ;
Твой умъ не обрѣтаетъ
Ни мыслей, ни рѣчей;
Задумчивость, молчанье
И страстное мечтанье—
Языкъ души твоей;
Забыты всѣ желанья;
Безъ чувства, безъ вниманья
Къ тому, что предъ тобой,
Ты одинокъ съ толпой.

И Батюшковъ въ посланіи къ А. Тургеневу (1812 г.) характеризуетъ Жуковского, какъ пѣвца любви, утопающаго въ восторгѣ и забывающаго строгій голосъ разсудка:

Для двухъ коварныхъ глазъ,
Подъ знаменемъ Киприды,
Сей новый Донъ-Кихотъ
Проводитъ вѣкъ съ мечтами,
Съ химерами живетъ,
Бесѣдуть съ духами,
Съ задумчивой луной,
И—міръ смѣшить собой!
Для свѣта равнодушенъ,
Для славы и честей,
Одной любви послушенъ,
Онъ дышетъ только ей,
Вездѣ съ своей мечтою,
Въ столицѣ и поляхъ,

Съ поникшей головою,
Съ уныніемъ въ очахъ,
Какъ призракъ блѣдный бродить,
Одно твердить, поеть:
„Любовь, любовь зоветъ...“
И рѣшмы лишь находить.

(„Отвѣтъ А. И. Тургеневу“).

Пока оставалось мечтать, жить воображеньемъ, отвѣчаетъ онъ своей племянницѣ, Авдотѣ Николаевнѣ Арбеновой:

„Разсудку глазъ, другой воображенью“!
Такъ пишетъ мнѣ мой стародавній другъ.

Воображеніе—это волшебный фонарь, являющій намъ „на платѣ роковомъ Блестящее блаженства привидѣнье. О! другъ мой! Умъ всѣхъ радостей палачъ!“ Оставимъ его тѣмъ, кто благами богаты,

Но у кого они на перечесть,
Тому совѣтъ: держись воображенья!
Оно всегда въ печальной жизни счетъ
Веселыя приносить заблужденья!

Нетлѣннаго нѣтъ на землѣ,

Оно насъ ждетъ за дверью гробовую;
А на землѣ всего вѣрнѣй—мечтать!

Его желанья скромныя:

...мирный трудъ, свобода съ тишиной,
Посредственность и кругъ друзей священной,
И муза, вождь моей судьбы смиренной.

Онъ не рожденъ подъ той звѣздой, которая влечетъ въ храмъ Фортуны: нѣтъ у него ни отважности, ни пламеннаго рвенія, ни дара ловить летящее мгновенье, препятствія въ удачу обращать:

Полжизни я истратилъ въ тишинѣ:
Застѣнчивость, умѣренность желаній,
Привычка жить всегда съ однимъ собой,
Довѣрчивость съ безпечной простотой—
Вотъ все, мой другъ! Увы! запасъ убогой!

Зачѣмъ ему дары счастья? „Сѣ кѣмъ ихъ дѣлать? Кому ихъ въ даръ привезть?...“ Быть полезнымъ? Но это дѣло сильныхъ, „ихъ кругъ большой! ты дѣйствуй въ маломъ кругѣ!“ Ему быть пѣвцомъ,

Кому дано бряцаньемъ лиры стройнымъ
Любовь къ добру переливать въ сердца (1812 г.) ¹⁾.

Мы знаемъ, что Протасова обязала Жуковского ничего не говорить дочери о его предложеніи и ея, Протасовой, отказѣ, а онъ, казалось ей, нарушилъ обѣщанье: на семейномъ праздникѣ у сосѣдей Плещеевыхъ 3 августа 1812 г. онъ пропѣлъ своего „Пловца“.

„Пловецъ“ 1811 года навѣянъ, такъ сказать, мотивами двухъ стихотвореній Жуковского, относящихся къ тому же году: „Добрая мать“ написана по адресу Ек. Аѳ. Протасовой; оказывается, Богъ послалъ ее въ міръ „себѣ на прославленіе“, дабы она примирила съ надеждой того, кто разувѣрился въ счастіи (Жуковского), а въ награду ея „доблестей чудесныхъ“ послалъ ей „двухъ ангеловъ прелестныхъ“, т.-е. двухъ дочерей. Въ „Желаніи“ (изъ Шиллера) поэтъ ищетъ желаннаго исхода, хочетъ воскреснуть душой: видитъ гдѣ-то цвѣтушіе холмы, „предѣлъ очарованья“, но путь туда прегражденъ ужаснымъ потокомъ. У берега лодка:

Ѣдемъ!.... будь, что суждено....
Паруса ея крылаты,
И весло оживлено.
Вѣрь тому, что сердце скажетъ;
Нѣтъ залоговъ отъ небесъ;
Намъ лишь чудо путь укажетъ
Въ сей волшебный край чудесъ.

Чудо совершается въ „Пловцѣ“: пловецъ — Жуковский гибнетъ въ волнахъ океана, но Провидѣніе занесло его въ райскую обитель, тамъ онъ видитъ трехъ ангеловъ (Ек. Аѳ. Протасову съ дочерьми). Какая

... радость

Ими жить, для нихъ дышать,
Ихъ рѣчей, ихъ взоровъ сладость

¹⁾ Жуковский затѣвалъ еще какое-то посланіе къ Арбеновой, о чемъ писалъ ей 15 декабря 1813 года: „У меня еще сидитъ въ головѣ и стихотворное къ вамъ посланіе; но стихи пишутся тогда только, когда на душѣ ясно; а на моей душѣ часто и очень часто сумерки“. „Русскій Архивъ“ 1883 г., II, стр. 309.

Въ душу, въ сердце принимать.
О, судьба! Одно желанье:
Дай всѣ блага имъ вкусить;
Пусть имъ радость, мнѣ страданье,
Но.... не дай ихъ пережить.

Протасова приняла это за намекъ, нарушившій ея приказаніе, и попросила Жуковского удалиться. 12 августа онъ поступилъ въ Московское ополченіе и вернулся къ своимъ лишь 6 января 1813 года, проболѣвъ въ Вильнѣ горячкой. „Минута энтузіазма, весьма естественнаго при чтеніи манифестовъ нашего Государя, заставила меня броситься на такую дорогу, которая мнѣ совсѣмъ неизвѣстна“, писалъ онъ впоследствии ¹⁾. Въ сраженіяхъ онъ не участвовалъ, не видѣлъ подробностей „кровавой свалки“, хотя получилъ чинъ штабсъ-капитана и орденъ Анны 2-ой степени за отличіе подъ Бородинымъ и Краснымъ, но видѣлъ картины войны, что-то стихійное, несказанное въ контрастахъ тихаго неба и борющихся армій — и вернулся со славой „Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ“. Онъ уже испыталъ свою лиру въ патріотическомъ пѣснопѣніи, но „Пѣсня барда“ съ ея гипотетическими славянами, Дидомъ и Святovidомъ, — это восторгъ вчужѣ; „Пѣвецъ“ переводитъ насъ на болѣе историческую, если и не реальную почву: надъ войскомъ попрежнему мчатся воздушные полки, но между ними Святославъ, Донской, Петръ, Суворовъ; вооруженіе классическое: мечи, стрѣлы, кольчуги. Жуковский не замѣтилъ противорѣчій и позже, когда въ изданіи своихъ сочиненій 1848 г. въ виньеткѣ передъ „Пѣвцомъ“ изобразилъ самъ себя въ видѣ пѣвца безъ бороды, въ казачьей курткѣ, — но съ лирой, передъ бородатыми товарищами, расположившимися вокругъ сторожевого огня. Впечатлѣніе роковыхъ контрастовъ, внесенное имъ изъ дѣйствительности, отразилось въ „Пѣвцѣ“ идиллическими картинками: здѣсь „за гибель—гибель, брань—за брань“, а тамъ отчизна,

Страна, гдѣ мы впервые
Вкусили сладость бытія,
Поля, холмы родные
Родного неба милый свѣтъ,
Знакомые потоки,
Златыя игры первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки.

¹⁾ Разсужденіе о „Пѣвцѣ во станѣ русскихъ воиновъ“. Спб. 1822 г. Сл. письмо къ Ал. Тургеневу 9 апрѣля 1813 г.

Тамъ и милая, давшая витязю щить со святымъ обѣтомъ:
„Твоя и за могилой“. Тамъ (въ Муратовѣ), за синей далью,

Твой ангелъ, двѣ красоты,
Одна съ своей печалью,
Груститъ, о другѣ слезы льетъ;
Душа ея въ молитвѣ,
Боишься вѣсти, вѣсти ждешь:
„Увы! не палъ ли въ битвѣ?“
И мыслить: „Скоро ль, дружній гласъ,
Твои мнѣ слышать звуки?
Лети, лети, свиданья часъ,
Смѣнить тоску разлуки!“

И милый является—къ „Свѣтланѣ“.

Баллада, лишь въ 1814 году поднесенная, какъ свадебный подарокъ, сестрѣ Маши, А. А. Протасовой, затѣянная, быть можетъ, еще въ 1808 году, написана была, вѣроятно, въ 1812 г. „Пѣвецъ“ напечатанъ въ „Вѣстникѣ Европы“ 1812 г. №№ 23—4, баллада тамъ же въ № 1—2, 1813 года.

На приглашеніе Ал. Тургенева пріѣхать въ Петербургъ Жуковскій отвѣчалъ, что у него и денегъ на то нѣтъ, да онъ ничего иного и не желаетъ, какъ жить въ деревнѣ, жить авторствомъ, пользоваться свободой и „писать съ вольнымъ духомъ... Впрочемъ могутъ случиться такія *обстоятельства*, которыя заставятъ меня искать пріюта въ службѣ. Тогда ты будешь моимъ прибѣжищемъ. Думая о томъ, что можетъ со мной случиться худого, думаю всегда, что ты мнѣ останешься и что въ тебѣ найду замѣну того, чего, можетъ быть, должно лишиться. Это покажется тебѣ мистическимъ. Объяснимся послѣ. Дорого бы далъ, чтобы съ тобою увидѣться: я такъ давно уже не имѣлъ этого счастья. Но что говорить о счастьи; нельзя сказать, чтобы оно было со мной знакомо“ (20 мая 1813 г.).

Маша между тѣмъ узнала о предложеніи Жуковского и казѣ матери, и ея здоровье пошатнулось. Первые письма Жуковского къ его племянницѣ А. П. Кирѣевской отъ іюля 1813 г. полны заботъ о здоровьѣ Маши. Кирѣевская собралась въ свое Долбинское имѣніе, гдѣ все напомнило бы ей покойнаго мужа, и Жуковского заботить, что она дастъ надъ собою волю печальному чувству, что ея воображеніе будетъ „трудиться надъ изобрѣтеніемъ новыхъ горестей“. И онъ пространно наставляетъ ее: она обязана сохранить свой душевный покой для дѣтей — и

для Маши, ея спокойствіе должно быть для васъ главное, на спокойствіи основана ея жизнь, душевное волненіе для нея пагубно. Надо беречь ее, не огорчать, „пожертвовать всѣми будущими досадами“. „Какое счастье для васъ быть ея хранителемъ!“ — „Собственного счастья, которое мнѣ нужно, я имѣть не буду! говоритъ онъ въ другомъ письмѣ: мнѣ остается только видѣть его въ вашемъ миломъ кругѣ—оно все будетъ моимъ“.

Письма Жуковского 1813—14 годовъ къ Ал. Тургеневу, Воейкову, Свѣчиной, Арбеновой и др. покажутъ намъ, какъ это самоотреченіе перебивалось надеждами, какъ онъ всюду искалъ себѣ пособниковъ, которые могли бы повліять на рѣшеніе Протасовой, искалъ среди родныхъ и друзей, въ Лопухинѣ, Воейковѣ, архимандритѣ Филаретѣ, епископѣ Досиѣѣ; рассчитывалъ при помощи Ал. Тургенева на вліяніе Государыни и Синода. Во всемъ этомъ было болѣе фантастики, чѣмъ разборчивости, и Жуковскому пришлось разочароваться во многихъ, которыхъ онъ считалъ своими друзьями. Онъ жаловался и попрекалъ, но порой справлялся съ собой и бралъ на себя часть вины; требуя свободы своему чувству, онъ не считался съ практическою стороною дѣла. Екатерина Аѳанасьевна была упрямой блюстительницей церковнаго обряда и, разумѣется, каноническаго преданія, „у нея сложились очень самостоятельныя и строгія нравственныя правила, и она крѣпко придерживалась того, что признавала за правду-истину,—качество души, которое при извѣстныхъ обстоятельствахъ иногда можетъ перерождаться въ упрямство“; Такъ говоритъ Зейдлицъ, коротко ее знавшій и любившій ¹⁾; Вилламовъ отзывался о ней въ 1820 г., какъ о „нашей доброй маменькѣ“; Воейковъ упрекалъ ее въ „ложной чувствительности“. Сентиментальныя мечты юныхъ лѣтъ, выродившіяся въ нѣкоторый ригоризмъ, сдѣлали ее опасливой: она боялась слѣдствій „романической“ страсти и не вѣрила Жуковскому, когда, отказавшись отъ идеи брака, онъ увѣрялъ ее въ своей духовной, дружеской привязанности къ Машѣ и лишь для этого чувства просилъ свободы. Она упрекала его, что онъ отстранилъ отъ нея дочь; Жуковский несомнѣнно воспиталъ ее и ея сестру Александру Андреевну въ духъ *amitié amoureuse*, мечтательности и піетизма; обѣ въ извѣстной мѣрѣ его созданія, и онъ привязался къ нимъ, душевно любилъ Машу—и давалъ ей читать Мендельсона, „*Ueber die Unsterblichkeit der Seele*“. На экземплярѣ изданія 1776 г. на заглавномъ листѣ написано: *Marie de Protasof*

¹⁾Зейдлицъ, I. с., стр. 13.

Маша читала эту книгу въ 1813 г. въ Орлѣ; на первой страницѣ Жуковский помѣтилъ карандашомъ: „О пользѣ несчастія“. Мотивъ для размышленія ¹⁾).

Несчастье, страданіе—ко благу, это искусство, очищающій человѣкъ; въ этой вѣрѣ Жуковский часто будетъ искать успокоенія; и теперь онъ старается порой не горевать, а—ждать „съ тихимъ упованьемъ“. Эпимесидъ возмущенъ жребіемъ, выпавшимъ по волѣ Зевса на долю человѣка: прошедшее ему врагъ, въ настоящемъ онъ осужденъ влечить бремя заботъ и скуки, а сонъ будущаго счастья улетаетъ, и если

случайно оживить
Онъ сердце радостью мгновенной,—
То въ безднѣ лучъ уединенной:
Онъ только бездну озарить ²⁾).

И вотъ Эпимесидъ молить Зевса послать ему „даръ небытія“, хочеть броситься съ утеса въ волны, но голосъ изъ облаковъ велитъ ему не гнѣвить Творца роптаньемъ, потому что

Богамъ любезенъ человѣкъ,
И благъ источникъ наслажденья.

Эпимесидъ простерся въ прахъ, покорный, съ тихимъ упованьемъ. Черезъ два мѣсяца онъ приходитъ на тотъ же берегъ и ставитъ подъ сѣнью миртовъ „ликъ дружбы въ честь благимъ богамъ“, черезъ годъ — алтарь любви и, наконецъ, сельскій храмъ „благодворенью“ („Эпимесидъ“, изъ Парни, 1813 г.). Невольно вспоминается одна изъ раннихъ отмѣтокъ дневника 1805 года; вѣрный другъ, вѣрная жена и—„удовольствіе нѣкоторыхъ умѣренныхъ благодѣяній“.

Привязанность Маши къ Жуковскому не перебила вліянія матери. Дѣвушка приходилось молчать, уходить въ себя; не даромъ Жуковский пытался впоследствии создать ей въ лицѣ ея двоюродной сестры, Кирѣевской, такого семейнаго друга, который стоялъ бы на его сторонѣ: „ей (Машѣ) такъ часто бы-

¹⁾ Указанный экземпляръ книги Мендельсона находится въ библіотекѣ А. О. Онягина.

²⁾ У Parny, „Éphimécide“:

Si quelque douceur passagère
Un moment console ses maux,
C'est une rose solitaire
Qui fleurit parmi des tombeaux

ваеѣ нужно говорить безъ закрѣпки. Вѣсь вѣкъ таиться въ себѣ—ужасно“ (16 апрѣля 1814 года).

Можетъ быть, еще до прїѣзда Воейкова, оживившаго надежды Жуковскаго, написано было стихотвореніе „Къ самому себѣ“, напечатанное въ № 4 (февраль) „Вѣстника Европы“ слѣдующаго года, стр. 286—7:

Что посылаетъ судьба, принимай и не сѣтуй! Безумно
Скорбью безплодной о благѣ навѣки погибшемъ
То отвергать, что намъ предлагаетъ минута!
(„Къ самому себѣ“).

Между тѣмъ еще въ началѣ апрѣля 1813 года кн. Вяземскій писалъ Ал. Тургеневу изъ Москвы: Ожидаю Жуковскаго,... ему дуетъ теперь попутный вѣтеръ, и непременно намъ, то-есть, его друзьямъ, надобно его заставить воспользоваться хорошою погодою. Полно ему дремать въ Бѣлевѣ. Онъ мнѣ пишетъ о полученіи ордена Святыя Анны... Жуковскаго надобно освѣжить: онъ теперь вянетъ, и я, ей Богу, боюсь, чтобы, онъ вовсе не увялъ. Характеръ его, *обстоятельства*, ходъ жизни его—все, мало-по-малу, его томить. Нельзя долго жить въ мечтательномъ мірѣ, и не надобно забывать, что мы, хотя и одарены безсмертною душою, но всетаки немного причастны скотству, а, можетъ быть, и очень. Жуковский же пренебрегаетъ вовсе скотствомъ: это гибельно. Свинью можно держать въ опрятномъ хлѣвѣ; но, чтобы она была и здорова и дородна, надобно ей позволить валяться иногда въ грязи и питаться навозомъ. И человѣкъ, который, по излишнему почтенію къ сему, конечно, весьма почтенному животному, сталъ бы держать его въ благоуханной оранжереѣ, кормить ананасами и померанцами, купать въ розовой водѣ и класть спать на ложѣ, усыпанномъ жасминами, скоро бы уморилъ почтеннаго своего кумира¹⁾.

¹⁾ „Остафьевскій Архивъ“, I, письмо № 11, начало апрѣля 1813 г.

IV.

А. Θ. Воейковъ.

Въ концѣ 1813 года появился въ кругу Протасовыхъ Ал. Фед. Воейковъ (1778—1839), воспитанникъ Московскаго Университетскаго Пансіона, пріятель Мерзлякова, знакомый Жуковскаго и Тургенева по Дружескому Литературному Обществу, собиравшій друзей на вечеринкахъ въ своемъ домѣ на Дѣвичьемъ полѣ. Вечеринки эти долго были памятны, какъ и „ветхій домъ“, о которомъ говорилъ Андрей Тургеневъ:

Сей ветхій домъ, сей дикій садъ глухой,
Убѣжище друзей, соединенныхъ Фебомъ,
Гдѣ въ радости сердецъ клялися передъ небомъ,
Клялись своей душой,
Запечатлѣвъ обѣтъ слезами,
Любить отечество и вѣчно быть друзьями²⁾).

Когда друзья разъѣхались, Жуковскій — въ деревню, Ал. Тургеневъ и А. С. Кайсаровъ — за границу, Мерзляковъ скучалъ по тѣмъ часамъ прекраснымъ,

Когда мы въ кочкахъ, подъ шатромъ,
Въ сентябрьски вечера ненастны,
Съ любезной трубкой и виномъ,
Родныя пѣсенки пѣвали
И съ бурей голосъ соглашали?

¹⁾ „Славянинъ“, изд. Воейковымъ, ч. XIII (1830 г.), стр. 147: „Къ ветхо му Поддѣвическому дому А. Θ. В—ва“. О литературныхъ вечерахъ и попойкахъ у Воейкова, въ которыхъ принимали участіе Мерзляковъ, Сумароковъ, Каченовскій и друг., говоритъ Жихаревъ подъ 1806 годомъ; сл. Записки С. Н. Жихарева, стр. 159, 207—8.

тогда какъ въ небѣ „съ тьмой почной огонь сражался Оссіана“, скрипѣли старыя березы, и стались по землѣ желтые листы, а они съ улыбкой мирной на челѣ сидѣли вокругъ огня

И съ удовольствіемъ смотрѣли,
Какъ грѣтое рукой твоей,
Любезный, милый мой Андрей,
Готовилось на общу радость.

Теперь все перемѣнилось, и домикъ развалился,

И Оссіанъ уже забытъ!
И на разрытую могилу
Прошедшихъ радостей, забавъ,
Никто, никто уже не взглянетъ!
Никто, никто не вспомянетъ
Тотъ садъ, гдѣ дружба расцвѣла,
Мое блаженство мнѣ явила,
Утѣхи вѣка въ часъ стѣснила
И—все съ собою унесла¹⁾.

И Жуковскій и Воейковъ вспоминали впоследствии о „ветхомъ домѣ“, гдѣ они

столь сладко пировали,
Который мы мечтами населяли;
Гдѣ цвѣлъ тотъ садъ, который мы
Въ повѣренныя тайнъ сердечныхъ избирали,
Гдѣ, распаливъ виномъ и спорами умы
И къ человѣчеству любовью,
Хотѣли выкупить блаженство ближнихъ кровью.
При звукѣ радостномъ бокаловъ, хоровъ, лиръ,
Преобразить спѣшили міръ;
Намъ, юношамъ неосторожнымъ,
И невозможное казалось возможнымъ....

Но золотой возрастъ пролетѣлъ, опытъ спустилъ мечтателей въ міръ дѣйствительности, кружокъ распался, иныхъ унесла смерть (Андрея Тургенева, А. С. Кайсарова), другіе разбрелись каждый своей тропкою, и Воейковъ помнить, какъ онъ

¹⁾ Сл. Сухомлиновъ, „А. С. Кайсаровъ и его литературные друзья“, „Извѣстія Отдѣл. Русск. языка и слов. Имп. Ак. Наукъ“, 1897 г. т. II, кн. I, стр. 25 слѣд.: письмо А. О. Мерзлякова къ Ал. И. Тургеневу и А. С. Кайсарову 16 сентября 1802 г.

Въ житейское пустился море.
Пловецъ неопытный среди ревущихъ волнъ
Въ краяхъ безвѣстныхъ мыкаль горе¹⁾.

Онъ уже успѣлъ создать себѣ нѣкоторую извѣстность²⁾. Какъ Жуковский, Глинка, Загоскинъ, А. А. Перовскій (Пого-рѣльскій) и многіе другіе, онъ вступилъ въ ряды русской арміи и, выйдя въ отставку по окончаніи войны, предпринялъ путешествіе по Россіи³⁾. Съ дороги онъ писалъ Жуковскому. „Братъ, я получилъ твое письмо изъ Сарепты, отвѣчалъ ему Жуковский⁴⁾, и получилъ его въ то время, когда писалъ къ Тургеневу посланіе, касающееся и тебя, ибо въ немъ говорится о прошломъ времени, о нашемъ лучшемъ времени; я доставлю его и къ тебѣ, ибо ты имѣешь на него такое же право, какъ и Тургеневъ. Ты одинъ изъ дѣйствующихъ лицъ той прекрасной комедіи, которую мы играли во время оно, и которая называется *счастье*. Многіе изъ актеровъ сошли со сцены, а для остальныхъ пьеса кончилась; они раздѣлились, устали и просятъ, чтобы ихъ поскорѣе отпустили по домамъ“. Таково и настроеніе посланія Жуковского къ Тургеневу, на которое намекаетъ письмо: это настроеніе его старой элегіи „Вечеръ“ (1806 г.); тѣнятся воспоминанія о тѣхъ годахъ,

Когда мы всѣ, товарищи-друзья,
Дѣлили жизнь на лонѣ у свободы,....
Грядущее надеждой украшали—
И радостнымъ оно являлось намъ!
Гдѣ время то, когда по вечерамъ
Въ веселый кругъ насъ музы собирали?
Нѣтъ и слѣдовъ! Исчезло все—и *сады*

¹⁾ Воейковъ, „Посланіе къ женѣ и друзьямъ“, „Сынъ Отечества“ 1821 г. ч. 67, № VI, стр. 177 слѣд.: оно подписано „1816 г. августа 20 дня, Дерптъ“, но нѣсколько стиховъ въ концѣ добавлено нѣсколько лѣтъ спустя.

²⁾ Сатиракъ Сперанскому: „Объ истинномъ благородствѣ“. „Вѣстникъ Европы“ 1806 г. № 19, октябрь, стр. 195 слѣд.; переводъ сочиненія Вольтера: „Царствованіе Людовика XIV и Людовика XV“; 1808—9 г.

³⁾ См. его стихотвореніе: „Посланіе къ моему другу-воспитаннику о пользѣ путешествія по отечеству“, „Вѣстникъ Европы“ 1818 г. ч. ХСІХ, № 12 (іюнь), стр. 265 слѣд.; это же посланіе подъ заглавіемъ „Къ М. М. М(ихайлову)“. „О пользѣ путешествія по отечеству“, перепечатано съ нѣкоторыми измѣненіями въ „Славянинѣ“, 1827 г., ч. III, № XXXVIII, отд. 2-е, стр. 450—462; см. также указанія Жуковского въ его посланіи къ Воейкову.

⁴⁾ Въ сентябрѣ 1813 г.; сл. „Русскій Архивъ“ 1900 г., № 9, стр. 16—17, и письмо Жуковского къ Ал. Тургеневу отъ 2 сентября того же года.

*И ветхій домъ, гдѣ мы въ осенній хладъ
Святой союзъ любви торжествовали
И звономъ чашъ шумъ вѣтровъ заглушали.
Гдѣ время то, когда нашъ милый братъ
Былъ съ нами, былъ всѣхъ радостей душою?*

Жуковскій вспомнилъ Андрея Тургенева и прелестно характеризуетъ его отца, старика-юношу.

Увы! ихъ нѣтъ!.... мы жъ каждый по тропамъ
Незнаемымъ за счастьемъ полетѣли,
Намъ прошепталъ какой-то голосъ: тамъ!....
Но опытъ вдругъ накиннулъ покрывало
На нашу даль—и тамъ одинъ лишь мракъ!
И вѣрою въ грядущее убоги,
Задумчиво глядимъ съ полудороги
На спутниковъ, оставшихъ назади...
Мы разными дорогами пошли:
Но что жъ, куда онѣ насъ привели?
Все къ одному, что счастье—завлужденье,...
Что ничего намъ жизнь не обѣщаетъ.
И мы еще, мой другъ, во цвѣтѣ лѣтъ...
Дай руку, братъ! Какъ знать, куда нашъ путь
Насъ приведетъ, и скоро ль онъ свершится,
И что еще во мглѣ судьбы таится—
Но дружба намъ звѣздой отрады будь!

(А. П. Тургеневу въ отвѣтъ на его письмо 1813 г.).

Жуковскій приглашалъ Воейкова пріѣхать: „Поговоримъ о прошломъ, поплоемъ на настоящее и еще тѣснѣе сдружимся, что главное“; Воейковъ познакомится съ двумя милыми семействами (Протасовыми и Плещеевыми), а Жуковскій передастъ ему изъ рукъ въ руки посланіе къ нему въ отвѣтъ на посланіе Воейкова, „прекрасное и слишкомъ уже для меня обольстительное“. Дѣло идетъ о посланіи Воейкова, написанномъ въ народно-риторическомъ вкусѣ, метромъ, встрѣчающимся у Державина¹⁾, въ Карамзинскомъ „Ильѣ“ (1794 г.) и „Бахаріянь“ Хераскова (— о — о — о — о — о)²⁾; имъ пользовался и Жу-

1) Добрыня: Ахъ, столица это солнышка... Ахъ! того ли Володимира.

2) „Бахаріяня или неизвѣстный“. Вступленіе:

Древнимъ пой стопосложеніемъ,
Коимъ пѣли въ вѣки прежніе

ковскій¹⁾ и Пушкинъ²⁾. Посланіе полно лести и — непониманія Жуковского, какъ поэта:

Ты, который съ равной легкостью,
Съ равнымъ даромъ пишешь сказочки,
Оды, пѣсни и элегин;
Музь любимецъ и учитель мой
Въ описательной поэзіи (?).

Далѣе парафразируются идеи посланій Жуковского къ Делію (подражаніе Горацию 1809 г.) и къ Батюшкову (1812 г.), но черты его милого гедонизма подчеркнуты рукой реалиста: будто Жуковскій поощряетъ „къ сладострастію изящному“, напоминая, что жизнь есть мигъ, что слѣдуетъ наслаждаться настоящимъ днемъ, топить грусть въ чашѣ радости, чтобы смерть нечаянно постѣлила насъ среди пиршества³⁾. Упоминаніе „Людмилы“ и „Свѣтланы“ не готовятъ къ слѣдующему панегирику:

О, соперникъ Гёте, Бюргера!
Этой сладкою поэзіей,
Этой милой философіей
Ты плѣняешь, восхищаешь насъ,
Превосходенъ и въ бездѣлицахъ,
Кисть Альбана въ самыхъ мелочахъ.

Но пора бросить мелочи для состязанія „съ истинными, увѣнчанными поэтами“; пусть воспоетъ „четыре части дня“, „четыре времени“. Чувствуется, что говоритъ переводчикъ „Делилевыхъ садовъ“ (1816 г.) и „Георгикъ“ („Вѣстникъ Европы“ 1817 г.); далѣе народникъ: отчего бы Жуковскому не взяться за „поэму славную—*Въ русскомъ вкусѣ повѣсть древнюю*“⁴⁾, онъ

Трубадуры царства русскаго:

Иль такимъ стопосложеніемъ,
Коемъ справедливо нравится
Недопѣтый Илья Муромецъ.

¹⁾ Въ стихотворныхъ партіяхъ переведеннаго съ Флоріана „Донъ Кихота“ (1804 г.).

²⁾ Въ отрывкахъ „Бовы“.

³⁾ Сл. посланіе къ Делію: „Пусть смерть зайдетъ къ намъ ненарокомъ, какъ добрый, но неожиданный другъ“.

⁴⁾ Пушкинъ Дельвигу, Кишиневъ, 1821 г., 23 марта: „Напиши поэму славную, только не четыре части дня и не четыре времени года“.

будетъ нашимъ Виландомъ, Аріостомъ, Баяномъ. И Воейковъ подсказываетъ ему сюжеты: Святославъ съ Добрынею, Владимиръ—„русско солнышко, Нашъ Готфридъ или Великій Карлъ“, Димитрій Донской, Петръ-Самсонъ, разодравшій челюсть льва, Суворовъ, Кутузовъ, Платовъ, который такъ, какъ волхвъ, Сѣрымъ волкомъ рыщетъ по лѣсу, Сизымъ орломъ по поднебесью, Щукой зоркою по рѣкѣ плыветъ, И въ единый мигъ и тамъ и здѣсь Колетъ, гонить и въ полонъ беретъ. Воспой,

И тебѣ, орелъ поэзіи,
Подлѣ Грея, подлѣ Томсона,
Мѣсто на небѣ готовится.

(„Вѣстникъ Европы“, 1813 г., мартъ, № 5—6, стр. 26 слѣд.).

Воейковъ быстро освоился въ семьѣ Протасовыхъ и сталъ ухаживать за младшей сестрой Маши, Александрой Андреевной. Послѣ Маши она была всего ближе сердцу Жуковского, смолоду онъ глубоко привязался къ своей „милой Граціи“ переписывавшей въ Муратовскомъ уединеніи его стихи ¹⁾, и эта дружба съ „прелестнымъ товарищемъ“, „нѣжнѣйшимъ товарищемъ“ его души ²⁾, полная отеческихъ заботъ и оберега, длилась всю жизнь. Она знала сердечную тайну поэта, которую, говорятъ, угадалъ и Воейковъ: въ дневникъ Жуковского онъ вписалъ тайкомъ нѣсколько стиховъ, касавшихся его отношенія къ Машѣ ³⁾. На нихъ-то намекаетъ Жуковский въ своемъ посланіи 29 января 1814 г. („Вѣстникъ Европы“ 1814 г., мартъ, № 6, стр. 97—106), приглашая Воейкова, заведеннаго дружескою рукою въ обитель „брата“, вспомнить призраки златые

Невозвратимыхъ тѣхъ временъ,
Когда мы—гости молодые
У милой жизни на пиру—
Изъ полной чаши радость пили
И *счастье наше!* говорили
Въ своемъ пророческомъ жару....
Мой другъ, пророчество прелестно!
Когда же сбудется оно?
Еще вдали и неизвѣстно

¹⁾ Жуковский къ Ал. Тургеневу 1810 г., 12 сентября.

²⁾ Письмо къ Тургеневу 1829 г., 16 марта.

³⁾ Зейдлицъ, I. с., стр. 59, 60.

Все то, что здѣсь намъ суждено....
А время мчится безъ возврата,
А жизнь—измѣнница за нимъ;
Одинъ уходитъ за другимъ;
Другъ, оглянись.... еще нѣтъ брата....¹⁾
Часть отъ часу пустѣе свѣтъ;
Пустѣй дорога передъ нами!
Но такъ и быть!.... Здѣсь твой поэтъ
Съ смиренной музою, съ друзьями,
Въ смиренномъ уголкѣ живетъ
И у моря погоды ждетъ.
И ты, мой другъ, чтобы мечтою
Грядущее развеселить,
Спѣвшишь волшебныхъ струнъ игрою
Въ немъ спящій геній пробудить.

Онъ уже очарованъ ею, и ему видятся чудеса—и онъ набрасываетъ въ нѣсколькихъ стихахъ очертанія поэмы „Владимиръ“, которую затѣялъ еще въ 1810 году. Ты чародѣй, а не поэтъ, продолжаетъ Жуковский: прочтя посланіе Воейкова онъ „готовъ дерзнуть за обольстительною славой“:

Что сдѣлалъ ты, пѣвецъ лукавый!
Мою ты душу погубилъ!
И кто, скажи мнѣ, научилъ
Тебя предречь осмѣю стихами
Въ сей книгу съ бѣлыми листами
*Весь сокровенный жребій мой*²⁾?

„Книга съ бѣлыми листами“—это, пока не написанная, поэма, если книга наполнится, пусть знаетъ, „что счастливъ жребій мой“, если останется пустою, то да будетъ она Воейкову въ залогъ воспоминанья,

Увы! и въ знакъ, что въ жизни сей
Милѣйшія души моей
Не совершились желанія!
Прими ее.... и пожалѣй.

1) Андрея Сергѣевича Кайсарова, убитаго въ сраженіи 14/26 мая 1813 года.

2) Въ послѣдующихъ изданіяхъ текстъ этого отрывка нѣсколько измѣненъ.

Тѣмъ же днемъ, днемъ рожденія Жуковскаго, помѣчено и его стихотвореніе, очевидно, обращенное къ Машѣ (хотя противъ этого стихотворенія рукою Александры Андреевны Протасовой написано: Маминькѣ): если бы жить значило пойти въ путь безъ цѣли, бѣжать за мечтой, чтобъ уснуть въ гробовой колыбели,—зачѣмъ было бы жить? Но у него жребій иной:

Мнѣ ангелъ мой хранитель,
Твой видъ принявъ, сказалъ: я другъ навѣки твой!
Въ семь словъ все сказалъ небесный утѣшитель:
Въ семь словъ цѣль моя, надежда и вѣнецъ!
Благодарю за жизнь, Творецъ!

(29 января 1814 г.).

Жуковскій посвятилъ Воейкова въ свои надежды, твердо рассчитывая на его помощь, и обманулся. Воейковъ былъ типъ своеобразный, въ которомъ порой трудно различить долю прирожденности отъ вліянія условій, въ которыя поставилъ его перебой общественныхъ настроеній. Первая несомнѣнно преобладала въ его раннихъ отношеніяхъ къ Жуковскому; въ литературномъ дѣятелѣ позднѣйшаго времени сказался древній челоуѣкъ. Это былъ страстный эгоистъ, съ громаднымъ самомиѣніемъ, поддержаннымъ случайнымъ успѣхомъ, воспитанный на классикахъ и философахъ XVIII вѣка, которыхъ онъ читалъ съ братьями Тургеневыми („тремя братьями Гракхами“ его дневника); онъ былъ чутокъ къ новымъ литературнымъ вѣяніямъ, не проникаясь ими, понимая ихъ и не признавая того, что было въ нихъ шагомъ къ новой жизни: его „Домъ сумасшедшихъ“ — сатира безъ исхода въ будущее. „Онъ былъ вольнопрактикующій литераторъ, не принадлежалъ ни къ какой партіи, ни къ какому разряду“; у него было много ума, но „въ душѣ его не было ничего поэтическаго, и стихи, столь отчетливо, столь правильно имъ написанные, не произвели никакого впечатлѣнія, не оставили никакой памяти даже въ литературномъ мірѣ“. Въ члены Арзамаса, гдѣ онъ носилъ кличку „Дымной Печурки“, его приняли по предложенію Жуковскаго, но неохотно: были какія-то предубѣжденія¹⁾. Онъ хотѣлъ быть чѣмъ-то, но это не давалось и раздражало; чуткость обращалась въ чередованіе гиперболическихъ восхваленій, дѣланыхъ восторговъ и пасквилей; среди всего этого его самосо-

¹⁾ Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля, часть пятая, стр. 44—5.

знаніе торжествовало дешевую побѣду; отсутствію твердыхъ убѣжденій, кромѣ культа своей личности, отвѣчала неразборчивость средствъ и легкіе переходы отъ грязнаго поступка къ раскаянію. Его боялись и признавали его вкусъ: кн. Вяземскій доволенъ его злостной характеристикой Антонскаго, о которомъ самъ онъ далъ сочувственный отзывъ въ своей „старой записной книжкѣ“,—и говорить о Воейковѣ въ письмѣ къ Тургеневу, какъ о *vilain monsieur*¹⁾. Пушкинъ называлъ его своимъ „покровителемъ и другомъ“, тогда какъ онъ либеральничалъ и льстилъ, дружилъ съ Дуббельтомъ, писалъ доносы и поклонялся рангамъ, соединяя Вольтера съ святошествомъ и краснымъ патріотизмомъ. Такъ кончилась его тревожная погоня за славой и положеніемъ²⁾.

Такой-то человѣкъ впутался въ сердечную исторію Жуковскаго. За нимъ была литературная репутація, онъ интересовалъ разсказами о томъ, что видѣлъ недавно во время

¹⁾ „Остафьевскій Архивъ“, I, письмо № 132, 8 ноября 1818 г., сл. № 136, стр. 525—6 и 538,

²⁾ „Въ молодости онъ былъ пріятелемъ многихъ извѣстныхъ литераторовъ, говорить о немъ Ксен. Полевой (Записки, стр. 98—9), писалъ довольно тяжело, но ѣдко, зло, и сталъ особенно извѣстенъ стихотвореніемъ: „Домъ сумасшедшихъ“, куда помѣстилъ онъ и друзей, и недруговъ своихъ, изобразивъ нѣкоторыхъ довольно смѣшно. Онъ написалъ также нѣсколько посланій, замѣчательныхъ рѣзкими личностями и современными портретами. Все остальное, писанное имъ, было ниже посредственности, но его общественныя связи, особенно съ тѣхъ поръ какъ онъ сдѣлался родственникомъ поэта Жуковскаго, гораздо больше, нежели авторское дарованіе, помогли ему къ достиженію разныхъ цѣлей... Чудное психологическое явленіе представлялъ этотъ человѣкъ!... Безобразный до невѣроятности, съ искаженнымъ лицомъ, хромой, гугнявый, плохо образованный, онъ имѣлъ доступъ въ лучшія общества, умѣлъ добиваться всего, получать все, о чемъ и мечтать не могутъ люди съ обыкновенными средствами. Жуковский, Ал. Тургеневъ, многіе другіе литераторы и покровители просвѣщенія, вельможи — дѣлали для Воейкова все, единственно изъ уваженія къ необыкновенной женщинѣ, которая была его женою“. Ал. Тургеневъ такъ характеризовалъ его въ (неизданномъ) письмѣ къ Жуковскому 20 августа 1810 года: „Почти ежедневно вижусь съ Воейковымъ и люблю его попрежнему, если не больше, ибо прежде почиталъ его склоннымъ къ разврату, а теперь, кажется, нравственность его очистилась. Въ немъ есть жаръ къ добру, который я люблю во всѣхъ, не только въ моихъ старинныхъ пріятеляхъ, есть талантъ, но мало вкуса и разборчивой критики. Свѣдѣнія его ограничиваются одной французской литературой: недостатокъ общій почти всѣмъ нашимъ писателямъ, даже и первостатейнымъ. Въ нѣмецкой поэзіи нашелъ бы онъ богатую руду для своего скромнаго таланта и пересталъ бы писать для двухъ послѣднихъ стиховъ длинныя посланія къ Мерзлякову, въ которыхъ нѣтъ ни новыхъ мыслей, ни новыхъ образовъ:

своего путешествія по югу Россіи; по разсказу Греча ¹⁾, онъ, промотавшійся дворянинъ (какъ называлъ его Милоновъ), будто бы явился къ Протасовымъ въ глубокомъ траурѣ съ плѣрезами и могильнымъ голосомъ объявилъ, что его братъ умеръ отъ ранъ, полученныхъ имъ при взятіи Парижа, и самъ онъ осиротѣлъ: „У меня теперь 2000 душъ, а я—бѣднѣйшій человекъ въ мірѣ“. Эта непритворная, казалось, горестъ тронула, 2000 душъ также произвели свой эффектъ; слышались произносимыя въ такихъ случаяхъ шопотомъ фразы: „дѣвушку пристроить“, „женится—перемѣнится“, и Сашеньку за него отдали; 2000 душъ, разумѣется, не оказалось, потому что братъ Воейкова и не думалъ умирать.

Гречъ относитъ эту сцену къ апрѣлю 1814 года, тогда какъ Воейковъ былъ объявленъ женихомъ 23 марта; можно не вѣрить подробностямъ разсказа, но что Воейковъ игралъ какую-то комедію, которую приняли за „чистыя деньги“, несмотря на то, что Ек. Аѳ. Протасову о Воейковѣ предупреждали, что у самой невѣсты явились подозрѣнія за нѣсколько дней до свадьбы, о томъ вспоминали впоследствии Маша и Жуковскій: онъ будто бы совѣтовалъ тогда не отказывать Воейкову, не приглядѣвшись къ нему, она надѣялась на него по тѣмъ же причинамъ, по которымъ надѣялся и Жуковскій ²⁾.

На этого-то „товарища и друга“ (сл. посланіе Жуковского къ Воейкову) положился Жуковскій, и тотъ взялся помогать ему, но скоро понялъ, что можетъ обезпечить свое положеніе въ семьѣ, лишь ставъ на сторону Ек. Аѳ. Протасовой. И онъ втерся въ ея довѣренность, ведетъ двойную игру. Онъ любитъ, какъ человекъ положительный, надежный, тогда какъ Жуковскій испаряется въ грезахъ: это должно было внушить довѣріе. „Хочешь видѣть жребій свой въ зеркалѣ, Свѣтлана“?

Что пчелѣ надобно?
Цвѣтъ и убѣжище.

Это хорошо, но вотъ и все; но этихъ двухъ стиховъ читатель совсѣмъ не ожидаетъ“. Другой недостатокъ Воейкова—это его „привязанность и уваженіе къ Шишкову, котораго онъ почитаетъ большимъ знатокомъ русскаго языка и тонкимъ критикомъ. Я по сю пору не могъ переувѣрить его, что онъ большой невѣжа въ славянской литературѣ, которая не ограничивается нашими церковными книгами, по которой богатства разсѣяны отъ Ледовитаго до Адриатическаго моря“.

¹⁾ Записки, стр. 478 слѣд.

²⁾ См. письмо М. А. Протасовой къ Жуковскому 6 декабря 1815 г. съ его примѣчаніями и письмо къ ней Жуковского отъ 25 декабря того же года.

спрашивалъ въ 1813 году Жуковский, обращаясь къ Александрѣ Андреевнѣ; стихотвореніе было отвѣтомъ:

Милый другъ, въ душѣ твоей
Непорочной, ясной
Съ восхищеньемъ вижу я,
Чте сходна судьба твоя
Съ сей душой прекрасной!
Непорочность *спутникъ* твой
И веселость гений
Всюду будутъ предъ тобой
Съ чашей наслажденій.

Ея жизненный путь безопасенъ, сердце будетъ „къ счастью предводитель“ („Свѣтланѣ“). Александрѣ Андреевнѣ (родилась въ 1795 г.) минуло 18 лѣтъ, когда въ піесѣ 1814 г. „Къ осьмнадцатилѣтнему младенцу“ Воейковъ позировалъ въ отеческую любовь, полную поученій: на это у него есть право:

Я опекунъ твой, старше вдвое...
И въ одномъ разрядѣ съ Тредьяковскимъ
Записанъ маклеромъ Жуковскимъ...
Одинъ любезный мнѣ поэтъ,
Сказавъ въ одномъ стихотвореньѣ,
„Что ты прекрасное творенье,
И что веселость спутникъ твой“,
Мое предупредилъ лишь мнѣнье
Такой правдивою хвалою.

Но у нея одинъ большой недостатокъ: неосторожность и незабота о здоровьѣ;

слабое сложенье
Имѣешь отъ природы ты,
И то не бредъ и не мечты,
А докторовъ орловскихъ мнѣнье.

Между тѣмъ она скачетъ стремглавъ на арабскомъ конѣ, рисуется до боли въ груди:

Вотъ вижу: съ слѣзною мольбою
Твой пѣснопѣвецъ, дядя, другъ,
Отецъ твой крестный предъ тобою,

совѣтуетъ побережь себя, а она не слушаетъ. Пусть не забудеть и „чадолюбивой матери“, которая ею счастлива; счастливъ тобой и опекунъ:

Изъ злата жизнь сестры спрядется,
И все вокругъ тебя смѣется ¹⁾.

Жизнь Маши спрялась не изъ злата, да и судьба сестры не пошла въ уровень съ ея душой „прекрасной“. Жуковский обманулся, какъ долго обманывался насчетъ Воейкова, но и у него могли являться сомнѣнія, и его стихи, написанные въ альбомъ А. А. Протасовой, проникнуты какой-то тихой грустью не только о своемъ минувшемъ, но о судьбѣ своей любимицы, стоявшей „у входа въ свѣтъ“:

Ты свѣтъ увидѣла во дни моей весны,
Дни чистые, когда все въ жизни такъ прекрасно,
Такъ живо близкое, далекое такъ ясно,
Когда лелѣютъ насъ магическіе сны....
Лѣта прошли—твои всѣ спутники съ тобою;
У входа въ свѣтъ съ живой и ждущею душою
Ты въ ихъ кругу стоишь, прелестна, какъ они.
А я, знакомецъ твой въ тѣ радостные дни,
Я на тебя смотрю съ веселіемъ улылымъ;
Тѣснишься въ сердце ты изображеніемъ милымъ
Всего минувшаго, всего, чѣмъ жизнь была
Такъ сладостно полна, такъ пламенно мила,
Что вдохновеніемъ всю душу зажигало,
Всего, что лучшаго въ ней было и пропало....
О, упоеніе томительной мечты,
Покинь меня! *Желать*—безжалостно ты учишь,
Не воскрешая, смерть мою тревожишь ты;
Въ могилѣ мертвеца ты чувствомъ жизни мучишь.

Еще до пріѣзда къ Протасовымъ, Воейковъ обратился къ помощи своего стараго товарища, Тургенева: онъ искалъ мѣста. Въ Дерптѣ, за смертью убитаго при Ганау А. С. Кайсарова, открылась каеэдра, манила и каеэдра въ Казани. 25-го ноября 1813 г. Тургеневъ писалъ Воейкову и Жуковскому вмѣстѣ; оказывается, что уже въ письмѣ 8-го мая Воейковъ выразилъ

¹⁾ См. „Славянинъ“, изд. Воейковымъ 1817 г., ч. IV, № L, отдѣленіе второе, стр. 432 слѣд.

Тургеневу предпочтеніе Казани передъ Дерптомъ—и Тургеневъ съ нимъ согласенъ: Казань ближе къ Азіи, можетъ стать для Россіи центромъ восточныхъ изученій, „Дерптъ зараженъ къ тому-же политическимъ фанатизмомъ, и члены сего сословія большею частью волки, которые все въ лѣсъ смотрятъ, не смотря на то, что русское правительство ихъ и кормить и грѣетъ. Незабвенный Андрей, какъ вѣрный сынъ Россіи, сражался съ ними безпрестанно, но пренія его обращались во вредъ его здоровью безъ всякой пользы pour la bonne cause“. Тургеневъ готовъ содѣйствовать казанскому проекту, если есть тамъ кафедра. Онъ любитъ пріятелей и всегда о нихъ радѣетъ; „грусть душевная, сердце наполненное однимъ чувствомъ, въ которомъ *morta è la speme e vile la fede*—вотъ истинная причина мнимой холодности къ пріятелямъ“, но стоитъ ихъ голосу отозваться въ его сердцѣ, и въ немъ окажется „огонь, дружбою хранимый“, который не погаснетъ— „развѣ съ жизнью; но и туда,

Туда душа перенесетъ
Любовь и образъ милыхъ!

(„Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ“).

О, Жуковскій, милый сердцу и обожаемый мною Жуковскій! Мысль о святомъ, всемогущемъ чувствѣ дружбы и любви неразлучна во мнѣ съ мыслию о немъ, равно, почти равно, какъ и о той,

Кто все для насъ!

(„Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ“).

Читалъ ли ты его посланіе ко мнѣ? обращается Тургеневъ къ Воейкову. Какія мысли и какая дружба! Я возьму стихи его въ сѣнь безсмертныхъ и тамъ стану услаждать и утѣшать ихъ въ скукѣ безсмертія. Она же мнѣ дастъ право возсѣдать между Орестомъ и Пиладомъ, Мюллеромъ и Бонштеттенемъ, между двумя Андреями¹⁾ и съ ними ожидать васъ, друзья мои“.— Тургеневъ спохватился, что по условію онъ долженъ былъ писать Воейкову на имя Жуковского, что, стало-быть, Жуковскій будетъ читать его письмо,—и онъ обращается къ нему: „Слезы,

1) Тургеневымъ и Кайсаровымъ.

которыя нѣсколько разъ проливалъ я при чтеніи посланія твоего, слезы восхищенія и благодарности за дружбу къ незабвеннымъ и ко мнѣ, лучше словъ выразить тебѣ все, что душа моя желала бы передать твоей. Я ожидалъ писемъ отъ тебя и стиховъ и письмо кн. Голицына и того, что ты долженъ сдѣлать въ память двухъ незабвенныхъ; иначе я вмѣсто надгробной надписи вырѣжу на ихъ памятникѣ твое посланіе ко мнѣ.... Ты обѣщалъ мнѣ писать о себѣ.... Скажи мнѣ свои мысли и открой мнѣ свою душу такъ, какъ и моя только передъ тобою открыта. Пиши, пиши ко мнѣ. Я читаю Тацита и Петрарка и Мюллера и люблю тебя, и вотъ весь я“ ¹⁾.

31-го января Воейковъ уѣхалъ по своимъ дѣламъ; „объ нашемъ обо всемъ узнаешь отъ Воейкова, который, вѣроятно, съ тобой увидится“, писалъ того же дня Жуковский Ал. Тургеневу ²⁾. Покидая „гостепріимный кровъ“, Воейковъ обратился къ Ек. Аѳ. Протасовой съ посланіемъ, въ которомъ изобразилъ себя безпріютнымъ странникомъ, скитающимся вдали отъ родныхъ и милыхъ и уже пріучившимся къ ударамъ судьбы, когда внезапно она похитила у него „героя друга“ (А. С. Капсарова), а смерть—во цвѣтѣ лѣтъ „любезнѣйшаго брата“. Тщетно искалъ онъ „утѣхи и подпоры“, и вотъ сердце привело его „къ обители твоей“.

Въ Жуковскомъ обнялъ я утраченныхъ друзей
И спутниковъ живыхъ, разсѣянныхъ судьбою;
Въ немъ былъ соединенъ весь міръ мой предо мною....
Я поспѣшалъ сюда въ объятія только брата,
И что же? Я нашелъ твой домъ семьей родныхъ!....
И быстро по цвѣтамъ сей мѣсяцъ пробѣжалъ,
Въ неизмѣримую пучину лѣтъ и вѣковъ!
И своенравный рокъ стезю мнѣ указалъ
Изъ міра ангеловъ въ міръ низкій челоуѣковъ.

Его судьба—„находить въ семъ мірѣ — и терять“, но гдѣ бы онъ ни былъ, онъ сердцемъ будетъ съ ними, къ нимъ стремиться душой.

Дождуся ли тебя, возврата день прекрасный?
И скоро ль положу дорожный посохъ свой?... ³⁾.

¹⁾ Письмо это не издано.

²⁾ „Русская Старина“ 1901 г., апрѣль, стр. 120 слѣд.

³⁾ Посланіе напечатано въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1814 г., ч. LXXIV, мартъ-№ 5, стр. 33, слѣд.

Въ отсутствіи Воейкова, Жуковский принялся хлопотать о себѣ; убѣдился, что мнѣніе Лопухина можетъ повліять на рѣшеніе Протасовой, и отправляется къ нему. 12-е февраля былъ для него *„день счастья и восхитительной надежды“*, что онъ и записалъ въ своемъ дневникъ подъ 22-мъ февраля. „Я вѣхалъ съ веселыми мыслями. Болѣе нежели когда-нибудь, мнѣ весело было смотрѣть на ясное небо, которое было такъ же прекрасно, какъ надежда, которою въ ту минуту украшалось мое будущее; я не молился, но чувствовалъ, что Богъ, скрытый за этимъ яснымъ небомъ, меня видѣлъ, и это чувство было сильнѣе всякой молитвы. Я, право, съ восхищеніемъ давалъ Создателю своему *сердечное обѣщаніе быть его достойнымъ своею жизнію въ благодарность за то счастье, которое онъ давалъ мнѣ предчувствовать въ этой надеждѣ*“. Онъ чувствовалъ, что можно быть счастливымъ въ этой живой жизни“, что, раздѣливъ ее съ Машей, самъ онъ преобразится, усовершенствуется во всемъ добромъ. *Мнѣ представляется какъ-будто сквозь какой туманъ: спокойствіе, душевная тишина, довѣренность къ Провидѣнію*. Одна уже надежда даетъ мнѣ большую привязанность къ религіи, къ святой и чистой религіи. О! какъ она нужна для того, чтобы счастье было прочно и чисто!“ Онъ благодаритъ Промыселъ за прежнія горести, если онѣ поведутъ „къ полной радости“; *вѣрить теперь для него необходимо, „вѣра есть то святое убѣжище, въ которое переносу счастье въ жизни. Когда буду съ ней вмѣстѣ, когда получимъ свободу вмѣстѣ мыслить и чувствовать, тогда болѣе всего будемъ укоренять себя въ этой утѣшительной вѣрѣ“*.

И. В. Лопухинъ благословилъ его, и Жуковского обуяло „какое-то темное предчувствіе чего-то необыкновенно счастливаго“. Онъ мечтаетъ о тихой жизни, въ которой и Ек. Аѳ. Протасова получитъ свое мѣсто: она будетъ единственной ея свидѣтельницей и судьей; жизни дѣятельной, потому что она вся обратится на себя; чувства, не находившія исхода, получаютъ свободу исчезнетъ чувство одиночества, нестерпимаго „въ виду той семьи, гдѣ желалъ бы имѣть все, и гдѣ всего лишень незаслуженнымъ подозрѣніемъ—и сверхъ всего этого *вѣра живая, идущая изъ сердца вѣра, не на однихъ словахъ и наружныхъ обрядахъ основанная, но вѣра, радость души, ея счастье, ея необходимая подпора, истинная жизнь, чувство, до сихъ поръ мало мнѣ знакомое, убитое одиночествомъ и уныlostью, залушенное непривязанностью къ жизни До сихъ поръ я часто замѣчалъ въ себѣ какое-то отдаленіе отъ религіи — я ея никогда не отвергалъ, но она казалась мнѣ причиною всѣхъ утратъ моей жизни, и я не отдѣлялъ ея отъ*

тою предразсудка, который лишалъ меня всею. Но суевѣріе не религія! Теперь онъ видитъ все въ иномъ свѣтѣ, и этимъ всѣмъ обязанъ лишь Машѣ: она избрана Промысломъ, чтобы дать ему „способъ удостоиться гражданства въ Божьемъ градѣ“¹⁾.

„Пріѣзжай, пріѣзжай; наши дѣла идутъ сильно къ развязкѣ“, пишетъ онъ Воейкову 13 февраля, „ничто не испорчено, хотя и могло бы испортиться, струны только болѣе натянуты, или онѣ лопнуть, или будетъ совершенная гармонія. При всей трусости, вѣрю болѣе послѣднему . . . Твои дѣла идутъ хорошо: говорятъ о тебѣ, какъ о своемъ, списываютъ твои стихи въ нѣсколько рукъ“. О визитѣ къ Лопухину 12-го февраля ни слова: онъ будетъ у него 15-го, но выраженія почти тѣ же, что въ приведенномъ отрывкѣ дневника: „я вчера съ восхищеніемъ смотрѣлъ на ясное, свѣтлое небо, и благодарность къ Создателю этого неба и надежда наполнили мою душу. Я говорилъ Огцу, который скрывался за этимъ свѣтлымъ небомъ: „Ты готовишь мнѣ счастье, Тебя достойное, и я клянусь сохранить его, какъ залогъ милости, и не унизиться, чтобы не потерять на него право“. Въ эту минуту жизнь и земля казались мнѣ иными. И я не могъ усидѣть въ кибиткѣ (я ѣхалъ въ Чернь); надобно было выйти и подышать на свободѣ. Какъ бы мы жили вмѣстѣ: согласіе во всемъ, одинакія занятія и стремленія къ одному не по пустой скучной дорогѣ, но вмѣстѣ съ вѣрными товарищами, которыхъ цѣль не особенная, но общая, и которые не могли бы желать дойти къ этой цѣли одни“. Онъ даже готовъ благодарить Создателя за несчастіе: „тѣмъ прочнѣе покупка, чѣмъ выше цѣна“;

1) „Русск. Старина“ 1883 г., генваря, стр. 206 слѣд. Въ письмѣ къ Арбеновой и Свѣчиной 7 марта 1814 года, въ описаніи поѣздки къ Лопухину, Жуковскій пользовался записью своего дневника. Приведу нѣсколько фразъ въ соотвѣтствіи съ напечатаннымъ выше курсивомъ. „12 февраля, день, въ который я поѣхалъ къ Ивану Владимировичу... былъ для меня однимъ изъ счастливейшихъ въ моей жизни. Неужели надежда, которая тогда наполнила мою душу, есть обманъ!... Я въ эту минуту живо и ясно чувствовалъ, что можно быть счастливымъ въ жизни... Я не молился... но то, что было въ моей душѣ, была клятва, которую давалъ я Богу удостоиться того счастья, которое мнѣ въ этой надеждѣ изображалось... Вдали, какъ - будто сквозь тѣнь, представлялось мнѣ совсѣмъ новое существованіе: спокойствіе, душевная тишина, довѣренность къ Провидѣнію. До этого времени, признаюсь, я замѣчалъ какую-то холодность къ религіи — предразсудки ея слишкомъ для меня были убійственны; но въ эту минуту, съ живою надеждою, оживилось во мнѣ и живѣйшее чувство ея необходимости“. У него явилось предчувствіе чего-то необыкновенно пріятнаго и, сверхъ всего „вѣра живая, идущая изъ сердца вѣра, не на словахъ, не на образахъ основанная, но вѣра, радость души, ея счастье, ея необходимая подпора“, и т. д. („Русск. Архивъ“ 1883 г., кн. II, стр. 311 слѣд.).

самъ онъ станетъ лучше; онъ живетъ надеждой, и только боится, что его ослѣпляютъ всѣ радости, которыя ожидаютъ его: „сѣмейственныя, дружба, дѣятельность, самая религія, — все для меня еще надежда“. Пріѣзжай, „въ бѣлой книгѣ наполнятся страницы“, и „Владимиръ“ будетъ дописанъ¹⁾.

Жуковскій зналъ о профессорскихъ планахъ Воейкова, но былъ въ полной увѣренности, что теперь они оставлены: Воейковъ влюбленъ, женится, онъ и ему чуженъ здѣсь — для общаго счастья; его поѣздку онъ объяснялъ необходимою устройти „нужныя дѣла“. Онъ хотѣлъ было запечатать письмо Воейкову, который ѣхалъ въ Петербургъ за каедрой. „Вѣтрѣнный осель! приписываетъ Жуковскій, я тебя, право, не постигаю. Ты точно изъ ослинаго упрямства лѣзешь на профессорскую каедру. Ради Бога, скажи мнѣ, на что можетъ быть тебѣ нужно теперь твое профессорство? Ты не хотѣлъ бросать надежды на него единственно для того, что другая твоя надежда казалась тебѣ невѣрною, но она теперь вѣрна, а ты скачешь Богъ знаетъ куда и Богъ знаетъ за чѣмъ“. Отъ профессорства надо отказаться. „Сдѣлавшись профессоромъ, надобно быть профессоромъ, и быть имъ не недѣлю, а цѣлый годъ по крайней мѣрѣ, дабы послѣ имѣть неизреченное счастье быть отставнымъ надворнымъ совѣтникомъ! А время? А жизнь-измѣнница? Все къ чорту! Сдѣлай милость, желай рѣшительно и желай одного, и будь немного попонятнѣе — ты для меня загадка“. И въ Муратовѣ очень хмурятся на твой Дерптъ „и говорятъ: или Дерптъ, или Муратово“.

20-го февраля Жуковскій сообщалъ Воейкову о своей поѣздкѣ къ Лопухину (12 февраля) и рисовалъ картину муратовскаго счастья. „Счастливецъ! Другому я сталъ бы завидовать, но ты поддѣвической: наше счастье общее. Худо бы ты меня зналъ, когда бы могъ подумать, чтобы твое не было мнѣ утѣшеніемъ даже и при уничтоженіи моего. Но мы будемъ счастливы. . . . Сердце бьется, когда подумаю о той жизни, которую мы можемъ еще вести въ этомъ свѣтѣ: жизнь, обращенная на внутреннее наслажденіе собою, наслажденіе вѣрное, для другихъ невидимое, но тѣмъ болѣе драгоцѣнное. Братъ, несмотря на твое буйное прошедшее, я увѣренъ, что ты способенъ чувствовать цѣну такой жизни“. Пока онъ только еще кандидатъ на счастливый чинъ и находится „въ Герольдіи Надежды въ спискѣ Терпѣнія“. Но ему мерещится, какъ они будутъ жить въ

¹⁾ „Русск. Арх.“ 1900 г., № 9, стр. 17 слѣд.

своёмъ уголкѣ, вмѣстѣ трудиться, утверждать свое счастье, служа другъ другу подпорою въ горѣ, а вдали кружокъ общихъ друзей: „Вяземскій, Батюшковъ, я, ты, Уваровъ, Плещеевъ, Тургеневъ должны быть подъ однимъ знаменемъ: простоты и здраваго вкуса“, съ ними Дашковъ. „Министрами просвѣщенія въ нашей республикѣ пусть будутъ Карамзинъ и, Дмитріевъ и папою нашимъ Филаретъ“¹⁾.

Поиски Воейкова за каѳедрой пока ему не по сердцу: Воейковъ нуженъ ему здѣсь, въ Муратовѣ.

Въ ночь съ 25 на 26 февраля передъ говѣньемъ Жуковский сводилъ счеты съ собою. „Говѣть не значить: ѣсть грибы, пишетъ онъ въ дневникѣ, намекая на формальную религіозность Протасовой; въ извѣстные часы класть земные поклоны и тому подобное, это одинъ обрядъ, почтенный потому только, что онъ установленъ давно, но пустой совершенно, если имъ только и ограничится говѣніе.... Въ эти дни, болѣе нежели въ другіе, должно быть въ самомъ себѣ, обдумать прошедшую жизнь, разсматривать настоящее и мыслить о будущемъ, и все это въ присутствіи Бога, вотъ что есть постъ“. Размышленія о прошломъ повторяютъ печалованія юношескаго дневника 1805 г. „Вотъ мнѣ тридцать лѣтъ, а то, что называется истинной жизнью, мнѣ еще незнакомо. Я не успѣлъ быть сыномъ своей матери—въ то время когда началъ чувствовать счастье сыновняго достоинства²⁾, она меня оставила; я думалъ отдать ей права другой матери, но эта другая мать дала мнѣ уголъ въ своемъ домѣ, и отдѣлена была отъ меня вѣчнымъ подозрѣніемъ; семейственнаго счастья для меня не было, всякое чувство надобно было стѣснять въ глубинѣ души; несмотря на нѣкоторые признаки дружбы, я сомнѣвался часто, существуетъ ли эта дружба, и всегда оставался въ нерѣшимости, чрезмѣрно тягостной; сказать себѣ: дружбы нѣтъ—я не могъ рѣшительно, этому противилось мое сердце; сказать себѣ, что она есть, этому многое, слишкомъ многое противилось“. Къ этому присоединилась теперь любовь, которой ставять помѣхи; онъ не желалъ ни невозможнаго, ни недозволенаго, никто его не переувѣритъ, искалъ счастья „не въ низкомъ, не въ томъ, что противно Творцу и человѣческому достоинству, а въ лучшемъ и благороднѣйшемъ; я привязывалъ къ нему все лучшее въ жизни—

1) Ibid. стр. 21 слѣд.

2) Сл. дневникъ 22 ноября 1810 г. въ письмѣ къ Ал. Тургеневу 4 декабря того же года: „связи мои съ матушкою становятся для меня драгоцѣнны“.

не будетъ его, не будетъ прочаго, не моя вина“. Онъ надѣялся купить себѣ счастье „покорностью и терпѣніемъ“, а за послѣдніе годы не помнитъ ни одного „дня истинно счастливаго“; питалъ надежду, что все можетъ переимѣниться, что настоящее замѣнится прекраснымъ будущимъ, но и эта мысль не помѣшала ему приобрести равнодушіе къ жизни, которое сдѣлалось главнымъ его чувствомъ: чувствомъ убійственнымъ для всякой дѣятельности.—Бесѣда съ Лопухинымъ была „воскресительной“ для его души: снова онъ увидѣлъ передъ собой возможность счастья, новой жизни. „Сердце у меня билось, когда я смотрѣлъ на чистое небо, и я мысленно давалъ клятву быть достойнымъ своею жизнью божества, обещающаго мнѣ такое счастье въ своемъ мірѣ: я чувствовалъ необходимость болѣе любить его, къ нему все относить, ибо въ немъ видѣлъ крѣпость своего счастья. Религія есть благодарность. Въ эту минуту твердая вѣра представлялась мнѣ ясно нужнѣйшею потребностью человѣческаго сердца,.... дѣятельность, мнѣ свойственная, самая религія—все для меня въ одномъ! Какъ же не желать его всѣми силами души! Что иное можетъ мнѣ быть замѣною?.. Самъ бросить своего счастья не могу: пускай его у меня вырвутъ, пускай его мнѣ запретятъ, тогда по крайней мѣрѣ не я буду причиной своей утраты.... Мои намѣренія достойны моего Творца, и моя молитва къ нему: чтобы Онъ исполненіемъ ихъ далъ мнѣ единственный способъ Его удостоиться въ жизни, или чтобы скорѣе взялъ отъ меня обратно жизнь, совершенно бесплодную. Вотъ вся моя исповѣдь“ ¹⁾.

Въ мартѣ Воейковъ объявленъ былъ женихомъ ²⁾, дѣло о его профессурѣ въ Дерптѣ шло успѣшно, хотя Жуковский полонъ сомнѣній, и по тѣмъ же соображеніямъ ³⁾; а дѣло Жуковского не подвигалось: иные изъ его пособниковъ, на которыхъ онъ рассчитывалъ, измѣнили, какъ Арбенева, запуганная монахомъ, другіе играли въ двойную игру, какъ Воейковъ. И другъ Тургеневъ не знаетъ, что ему дѣлать. „Ожидаю вашего *общаю* разрѣшенія о профессорствѣ Воейкова, писалъ онъ Жуковскому, вѣроятно, въ мартѣ 1814 года ⁴⁾, и

1) „Русская Старина“ 1883 г., № 1, стр. 209—12 г.

2) Сл. приписку Воейкова къ письму Жуковского къ Тургеневу 16 апрѣля „въ 24-й день счастья, лѣто первое“.

3) Сл. письмо Жуковского къ Тургеневу середины марта 1814 г.

4) Тургеневъ посылаетъ Жуковскому „Бутервековы сочиненія въ стихахъ“. Жуковский отвѣчаетъ 16 апрѣля, что получилъ ихъ. Письмо Тургенева не издано.

пока вы оба, *единогласно* на это не согласитесь, то я никаких *окончательных* мѣръ принимать не буду.... Желаю отъ всей души видѣть васъ счастливыхъ. Помните, что свободу на одно только счастье промѣнять можно, несравненное и—рѣдкое. Любите меня, я въ вашей любви счастливъ буду столько, сколько можно быть счастливымъ одною дружбою, ибо въ любви по сию пору находилъ я одну мечту,

тоску безъ раздѣленья
И невозвратное надеждъ уничтоженье“.

(Изъ „Послания къ Филалету“, 1808—9 года).

Дѣло о профессорствѣ зашло однако слишкомъ далеко чтобы Воейкову можно было отказаться отъ каведры. Такъ порѣшили на общемъ совѣтѣ Тургеневъ съ Кавелинымъ, о чемъ послѣдній и писалъ Воейкову 20 марта: „Зачѣмъ было поднимать небо и землю для достиженія къ профессорству мѣсяць тому назадъ, если оно перечить счастью?... Какъ могло въ такое короткое время надежнѣйшее средство обратиться въ препятствіе? Разсуждайте, взвѣшивайте, *рѣшайтесь* и поскорѣе *разрѣшите* насъ, только *разрѣшите рѣшительно*“.

Жуковскій вскрылъ это письмо и приписываетъ: „И я приписываю къ тебѣ въ этомъ миломъ письмѣ, другъ, братъ, товарищъ. Дѣло наше не испорчено, профессорство тебѣ остается. И такъ не сердись на меня. Ты самъ виноватъ, что мнѣ не открылъ надлежащей причины, для чего этого мѣста желаешь“. Онъ извиняется, что прочиталъ письмо Кавелина, думая найти въ немъ что-нибудь его касающееся. „Твой Жуковскій. И дай Богъ, чтобы всегда остался твоимъ—это слово все для меня заключаетъ въ себѣ“ ¹⁾.

Пусть вспомнить о немъ въ день счастья, писалъ Тургеневъ Жуковскому: *Nei giorni tuoi felici ricordati di me* ²⁾; Жуковскій отвѣтилъ на это письмомъ отъ 26 марта 1814 года и стихами, назначенными для Тургенева—и для нея:

Въ день счастья вспомнить о тебѣ!
На что такое, другъ, желанье?
На что намъ поручать судьбѣ
Священное воспоминанье?

1) „Русскій Архивъ“ 1900 г. № 9, стр. 28—29.

2) Письмо это мнѣ неизвѣстно.

Когда бъ любовь къ тебѣ моя
Моимъ лишь счастьемъ измѣрялась
И имъ лишь въ сердцѣ оживлялась,
Сколь бѣденъ ея былъ бы я!

Другое воспоминавіе для него вѣчно: что въ дни печали другъ его всегда съ нимъ, что и любовь его не измѣнится.

Дождусь иль нѣтъ *счастливыхъ дней*,
О томъ, мой милый братъ, ни слова!
Какимъ бы я ни шелъ путемъ—
Все ты мнѣ гениемъ-вождемъ!
Со мной до камня гробовова
Не измѣняясь, другъ, иди!
Одна мольба: не упреди!

Стихи Жуковского заставили Тургенева забыть свой флюсъ и мигрень: „въ самый тотъ день, когда ты просишь меня *не предупредить тебя*, я читалъ стихъ Бютервека: *Euch in diesem Thal zu überleben*, думалъ о тебѣ, и почти объ одномъ тебѣ и о братьяхъ“. Ихъ сердца бьются въ одинъ ладъ; онъ готовъ пожертвовать своимъ собственнымъ благополучіемъ для благополучія друга ¹⁾.

Въ апрѣлѣ Жуковскій узналъ стороною, что свадьба Воейкова, уже получившаго кафедру, назначена въ іюлѣ, и послѣ свадьбы всѣ поѣдутъ въ Дерптъ, поѣдетъ и Маша. „Я поглядѣлъ на своего спутника, больную, одержимую подагрой *надежду*, которая, скрѣпя сердце, тащится за мною на костыляхъ и часто отстаетъ.—Что скажешь, товарищъ?—Что сказать? Намъ недолго таскаться вмѣстѣ по бѣлу свѣту. Послѣ 2-го іюля, что бы то ни было, мы разстанемся. Или пошлю тебя одного, и бреди, какъ хочешь, или оставляю тебѣ твою сестрицу, *исполненіе*. Съ ней дурной человѣкъ становится хуже, а добрый гораздо добрѣе. Она приготовитъ тебя къ тому обѣтованному краю (Жуковскому вспомнились здѣсь стихи Андрея Тургенева),

Гдѣ вѣра не нужна, гдѣ мѣста нѣтъ надеждъ,
Гдѣ царство вѣчное одной любви святой.

А если останусь одинъ?—Тогда готовься, какъ умѣешь

1) Письмо 17 апрѣля 1814 года, неизд.

самъ, къ переселенію въ этотъ край, но едва ли удастся получить пропускной билетъ,

Развѣ чудо путь укажетъ
Въ сей прелестный край чудесь 1)?

Но ждать чуда? Кто его дождется? — И я тоже думаю. — Что же дѣлать? — Не знаю, а для меня вѣрно только то, что мы разстанемся“.

У Протасовыхъ Жуковского встрѣтили намѣренно холодно. „Терпи, шепчетъ ему на ухо пріятель Плещеевъ, тебя будутъ любить, когда получишь свободу быть тѣмъ, какимъ быть хочешь и можешь. И сердце скрѣпилось, но было ли оно довольно такъ, какъ бываетъ довольнымъ у человѣка, возвратившагося въ тотъ кругъ, гдѣ его счастье, гдѣ его настоящая жизнь?“ За Воейковымъ, у котораго разболѣлась голова, ухаживаютъ, а на него поглядываютъ „съ торжествующимъ, радостнымъ видомъ — въ самомъ дѣлѣ торжество и радость! Я посматривалъ изъ-подъ лобья, не найду ли гдѣ въ углу христіанской любви, внушающей сожалѣніе, пощаду, кротость. Нѣтъ! Одно холодное жестоко-сердіе въ монашеской рясѣ съ кровавою надписью на лбу: *должность* (выправленною весьма неискусно изъ слова *суетніе*) сидѣло противъ меня и страшно сверкало на меня глазами“²⁾.

Остаться ли ему? Вѣхать ли съ другими въ Дерптъ? Но Протасова не дастъ разрѣшенія, пишетъ онъ Кирѣевской³⁾; рѣшительнаго объясненія у него еще не было, хотя онъ нѣсколько разъ писалъ ей⁴⁾, но онъ приготовилъ для нея какое-то письмо, которое передастъ непременно, когда будетъ надобно⁵⁾. Воейковъ просилъ, чтобы ему разрѣшили явиться въ Дерптъ къ сентябрю, чтобы усилъ „привести въ порядокъ и свое и мое“, и Жуковский подтверждаетъ его просьбу⁶⁾.

1) Изъ „Желанія“ Шиллера: „Намъ лишь чудо“.

2) Къ Кирѣевской 16 апрѣля 1814 г. Какъ это письмо, такъ и слѣдующія, обращенныя къ роднымъ и приводимыя безъ указанія на источникъ, взяты изъ собранія писемъ Жуковского, изданнаго Зейдлицемъ и проф. Висковатовымъ въ „Русской Старинѣ“ 1883 г.

3) То же письмо.

4) Сл. письмо къ Тургеневу 1 февраля 1815 года.

5) То же въ письмѣ къ Арбеновой 2 марта 1814 г. „Русск. Арх.“ 1883 г., II, стр. 310.

6) Къ Тургеневу 16 апрѣля; сл. приписку Жуковского къ письму Воейкова къ Кавелину 23 апрѣля 1814 г., „Русскій Архивъ“ 1900 г., № 9, стр. 29—30.

Объясненіе съ Протасовой произошло въ апрѣлѣ. Жуковскій возобновилъ просьбу о бракѣ. „Она (Протасова) сказала мнѣ, что ей невозможно согласиться, потому что она видитъ тутъ беззаконіе“, писалъ Жуковскій Тургеневу 5 мая 1814 года. Я отвѣчалъ ей, что ничего подобнаго тутъ не вижу, что я не родня ей, потому что законъ, опредѣляющій родство, не далъ мнѣ имени ея брата Я прибавилъ, что увѣренъ въ нашемъ счастіи, если бы она на него согласилась, но что готовъ отъ всего отказаться, если мое счастье не сдѣлаетъ ея счастія или его разрушить. Теперь она со стороны моихъ намѣреній покойна, увѣрена въ моей готовности ей собой пожертвовать. Но еще не все пропало“. И онъ придумываетъ новыя вліянія на Протасову: Лопухинъ будетъ ей писать, Воейковъ еще не объяснялся съ ней, теперь онъ уѣхалъ, но послѣ свадьбы, назначенной 2-го іюля, „начнетъ говорить“. Жуковскій хотѣлъ бы привлечь къ дѣлу и Орловскаго архіерея Досіея, если согласятся отдаться на его судъ,—и онъ проситъ Тургенева немедленно написать Досіею (другу И. П. Тургенева и Лопухина)¹⁾: „болѣе всего въ письмѣ своемъ утверждай, что между нами родства нѣтъ. Ты знаешь, въ чемъ состоитъ это родство: я сынъ ~~и~~ отца. Скажи въ своемъ письмѣ, что ищешь его покровительства, еще не зная, будутъ ли ему объ насъ говорить, но что хочешь только предупредить его въ нашу пользу“. Но дѣло не въ томъ, чтобы вырвать у Протасовой согласіе: „въ добрую минуту она и можетъ согласиться. Но какое же выйдетъ слѣдствіе? Разстройство общаго спокойствія. Счастія, на такомъ хиломъ фундаментѣ основаннаго, желать не могу. Надобно убѣдить и разрушить предразсудокъ. Если ничто не удастся, то надобно будетъ отсюда бѣжать, и все, все для меня перемѣнится. На что рѣшусь, еще не знаю“.

Петербургская и московская жизнь его пугаютъ, теперь ему нужно „совершенное уединеніе“, чтобы онъ былъ покоенъ въ своихъ четырехъ стѣнахъ, и перо его не покинуло. „Ты велишь мнѣ писать. Нѣтъ, другъ! Теперь перо мое какъ будто въ параличѣ, и въ воображеніи моемъ большая засуха. Смотрю на всѣ прекрасныя свои планы, какъ на развалины. Одно только счастье или совершенное уединеніе могутъ на этихъ планахъ что-нибудь построить“. И онъ снова цѣпляется за судьбу Воейкова—и покровительсво Тургенева: надо устроить такъ, чтобы Воейкову дали изъ Дерпта отсрочку до 1-го сен-

¹⁾ Сл. неизданное письмо Ал. Тургенева къ Жуковскому 19 ноября 1814

тября: „въ теченіе августа онъ долженъ привести въ порядокъ *свои и мои дѣла*“; надо избавить его и отъ обязательства прослужить вт. Дерптѣ шесть лѣтъ; для него „такое обязательство крайне невыгодно; прибавлю: и для меня. *Но мое должно рѣшиться прежде*, и во всякомъ случаѣ это профессорство много мнѣ вреда сдѣлаетъ. Но объ этомъ нечего и говорить. Для меня вѣрное на семь свѣтъ одно: твоя дружба и ея любовь. Прочее оставимъ Провидѣнію“¹⁾).

„Ты велишь мнѣ писать, повторяетъ онъ въ другомъ письмѣ (второй половины мая). Другъ безцѣнный, душа воспламеняется при всемъ великомъ, что происходитъ у насъ передъ глазами. Сердце жметъ отъ восторга при воспоминаніи о нашемъ Государѣ и той божественной роли, которую онъ играетъ теперь въ виду цѣлаго свѣта. Никогда Россія не была столь высоко возведена. Какое восхитительное величіе! Но какъ нарочно теперь и засуха въ воображеніи. Мысли пробуждаются въ головѣ, но, взявшись за перо, чувствую, что въ немъ парализъ“. И, несмотря на это, онъ подумываетъ иногда о посланіи къ „нашему Марку Аврелію. Какой прелестный характеръ! И какія страницы для исторіи 1814 годъ приготовилъ! О, милая Русь! Какъ возвышается душа при имени русскаго! И какъ не обожать того, кто насъ такъ возвеличилъ! Братъ, братъ! Если бы счастье, что бы я написалъ! Но какъ же велѣтъ душѣ летать, когда она вязнетъ въ тинѣ? Поэзія есть счастье, то-есть тишина души, надежда въ будущемъ, наслажденіе въ настоящемъ. Какъ имѣть стихотворныя мысли, когда все это погибло? . . . Я сказалъ въ послѣднемъ моемъ письмѣ, что профессорство Воейкова мнѣ повредить. Нѣтъ, это вздоръ! И самъ не по-

¹⁾ О полученіи этого письма Тургеневъ извѣстилъ пріятеля 19 ноября; сообщая ему о своихъ хлопотахъ по его дѣлу (писаль „Досиою“); если бъ оно затянулось, то пусть пріѣдетъ въ Петербургъ, либо „къ намъ, на Волгу; поселиться въ обители отцовъ нашихъ, я скоро буду съ тобою... Воейкову отпуска не нужно, университетъ будетъ увѣдомленъ, что онъ пріѣдетъ къ началу слѣдующаго курса, а не прежде. Шестилѣтній срокъ! будучи незаконнымъ, не долженъ страшить его... Боже мой, Боже мой! какъ бы я былъ счастливъ, если бы я могъ содѣйствовать къ совершенію твоего счастья! Тайное предчувствіе говоритъ мнѣ, что мнѣ не останется никакого другого утѣшенія въ жизни какъ жить въ памяти милыхъ ближнихъ и забыть то, что миновало меня.

Und wer den besten seiner Zeit genug gethan,
Der hat gelebt für alle Zeiten.

Если Воейковъ уже возвратился, то обнимаю его и желаю ему быть скоро—безъ желанія и надежды.—Стихи изъ пролога къ Шиллерову „Валленштейну“; Ал. Тургеневъ любилъ ихъ повторять. Сл. выше стр. 84, прим. 3.

нимаю, почему это сказалъ. Смотри, и ты не вооружись противъ профессорства. Если кто можетъ мнѣ сдѣлать добро, такъ конечно Воейковъ“.

О своемъ объясненіи съ Протасовой писалъ Жуковский 5-го же мая и Кирѣевской. Оказывается, Маша все сказала матери „и прибавила то же, что я, то-есть, что спокойствію ея готова жертвовать своимъ собственнымъ“. Результатомъ объясненія было то, что Жуковскаго обязали не показываться въ Муратовѣ до пріѣзда Воейкова, и онъ принужденъ скитаться цѣлый мѣсяцъ. Въ половинѣ іюня пріѣдетъ Воейковъ, „онъ намъ поможетъ“, а пока его подагрикъ — надежда крѣпко охаетъ Что, если суждено положить его въ гробъ? „Ничего пустѣе и гнилѣе не представитъ той жизни, которую онъ мнѣ послѣ себя оставитъ. А вы еще утѣшаете меня вѣчностью. О, вѣчность — прекрасная бездна, да только бы поскорѣе Поэзія! Но поэзія и счастье одно и то же! Можно съ большимъ наслажденіемъ ковать подковы или строгать доски, чтобы разсвѣять себя усталостью, но писать стихи — для этого нужно быть въ свѣтѣ, имѣть надежду на жизнь, потому что со всякою хорошею мыслию сливается нечувствительно и земное воспоминаніе о томъ, что мило въ жизни“.

Письма 5-го мая, какъ и слѣдующія, майскія и іюньскія, къ Тургеневу и Кирѣевской писаны изъ Черни. Любовь ищетъ опоры въ самоотреченіи — это тоже любовь: отреченіе отъ личнаго счастья, чтобы сберечь счастье семьи, спокойствіе Маши; отреченіе отъ счастья, если бъ на него согласились только формально, не по убѣжденію и не добровольно. „Развѣ мы съ Машей не на одной землѣ и не подъ однимъ отеческимъ правленіемъ? утѣшаетъ онъ себя въ письмѣ къ Кирѣевской (конца мая или начала іюня 1814 г.). Развѣ не можетъ другъ для друга жить и имѣть всегда въ виду другъ друга? Одинъ домъ — одинъ свѣтъ, одна кровля — одно небо, не все ли равно? А будущее все еще наше!“

Въ іюнѣ Тургеневъ и Вяземскій списались о Жуковскомъ. Тургеневъ получилъ его посланіе къ себѣ („Въ день счастья“). „Превосходно! Боюсь напечатать его, ибо изъ его стиховъ узнаетъ тайну души моей, которая отъ Жуковскаго не была скрыта Жуковский est aussi dans le vague. Онъ собирается говорить со мной и совѣтоваться, и ничего не дѣлаетъ кромѣ прекрасныхъ стиховъ. Надобно рѣшить его нерѣшимость. Услышитъ ли онъ, наконецъ, голосъ дружбы, призывающій его къ берегамъ Невы?“

(іюня 1814 г. кн. Вяземскому) ¹⁾. „Нашъ Жуковскій погибаетъ, и я едва не плачу съ досады, отвѣчалъ князь Вяземскій (15 іюня); образумится ли онъ когда-нибудь, заживетъ ли такъ, какъ и разсудокъ, и все, и всѣ велятъ ему жить? Я ожидаю его къ себѣ“ ²⁾.

Получивъ письмо кн. Вяземскаго, пріунылъ и Тургеневъ, хотя его и подбодрилъ нѣсколько отвѣтъ Досиѣея на запросъ, обращенный къ нему по дѣлу Жуковскаго. Досиѣей писалъ уклончиво, не рѣшая дѣла по существу: „мать невѣсты *мнитъ*, *якобы* (Жуковскій сынъ ея отца).... Да избавить меня Господь дѣло рѣшить на одномъ *якобы*“ ³⁾.

Въ Муратово Жуковскій вернулся, вѣроятно, къ пріѣзду туда Воейкова, какъ видно изъ слѣдующаго письма къ Машѣ 21 іюня.

Передъ нами тетрадка въ 16-ю долю листа, въ обложкѣ изъ синей бумаги: образчикъ тѣхъ писемъ-дневниковъ, которые вели Маша и Жуковскій для себя и другъ для друга, обмѣниваясь ими, когда жили порой подъ одной кровлей, потому что иначе побесѣдовать не удавалось ⁴⁾. Тетрадка, написанная „іюнь“, начинается стихотвореніемъ:

Мой другъ утѣшительный!
Тогда лишь покинь меня,
Когда изъ души моей
Лучъ жизни сокроется!
Тогда лишь простись со мной!
Источникъ великаго,
И вѣры, и радости,
И въ сердцѣ невинности,
Мнѣ силу и мужество
И твердость дающая,
Мой ангелъ-сопутница
И въ жизни, и въ вѣчности!

„21-го іюня, поведѣльникъ. Я возвращаю тебѣ *май* (т. - е.

¹⁾ „Русскій Архивъ“ 1866 г. № 6, стр. 880.

²⁾ „Остафьевскій Архивъ“, I, письмо № 17, 15-го іюня 1814 г.

³⁾ Ал. Тургеневъ Жуковскому 26 іюня 1814 г. (неизд.).

⁴⁾ Какъ іюньскій дневникъ 1814 года, такъ и слѣдующіе за іюлемъ и сентябръ того же года и за апрѣль 1815-го, доставлены были мнѣ А. Θ. Онѣгинъ и будутъ напечатаны въ изданіяхъ 2-го Отдѣленія Имп. Академіи Наукъ. Пользуюсь ими здѣсь съ разрѣшенія владѣльца.

бѣлую тетрадку для веденія дневника) пустой совершенно. Что было въ него записывать? Нужно ли было выражать для моего друга такое состояніе души, которое было ея недостойно? Пустота въ сердцѣ, непривязанность къ жизни, чувство усталости — и вотъ все. Можно ли было объ этомъ писать? Рука не могла взяться за перо. Словомъ, земная жизнь была смерть заживо“. У него явилось желаніе умереть; но какъ заплатить Машѣ за всѣ тѣ чувства, которыя она въ немъ поселила, „презрѣніемъ къ жизни, къ самому себѣ, низостью, отчаяніемъ“? Нѣтъ, онъ долженъ любить ее „иначе“, долженъ жить для нея. „Какъ живо чувствую въ эту минуту всю высокость жизни, посвященной добру и тебѣ. Не знаю, какъ пробудилось во мнѣ это чувство, но это сдѣлалось вдругъ“. По началу его письма къ Марѣ Николаевнѣ (Свѣчиной), которое Маша читала, она могла судить, что расположеніе его духа было другое, „и мысли и чувства были черныя. Вдругъ какъ-будто свѣтъ озарилъ мое сердце, и взгляды на жизнь совсѣмъ перемѣнились“. — Жуковский остановился на этомъ мѣстѣ письма, чтобы пойти въ залу искать платка; Маша подала ему — изломанное кольцо. „Какой прекрасный знакъ! Другъ мой, оно дано тебѣ *не мною*. Возьми *мое*. Пускай оно означаетъ совершенную перемѣну моихъ чувствъ къ тебѣ на лучшее, совершеннѣйшее чувство самой чистой, неизмѣнной привязанности; въ ней истинная моя жизнь, она будетъ для меня источникомъ вѣрнаго счастья, добра, надежды, религіи и наконецъ получить награду отъ Того, Кто будетъ видѣть жизнь мою, Кто соединить насъ и освятить нашъ союзъ. Въ знакъ *того же* дай и твое мнѣ кольцо *отъ себя*: обручимся во имя Бога на добродѣтель, на хорошую жизнь, которая пройдетъ если не вмѣстѣ, то по крайней мѣрѣ *одинаково* и для *одного*“. Будь имъ полная свобода любить другъ друга и показывать другъ другу безъ принужденія самую чистую привязанность, они были бы счастливы вмѣстѣ и сохранили бы свое счастье непорочнымъ. „Но ожидать такой довѣренности невозможно. Захочешь ли, чтобы я былъ только терпимымъ въ твоей семьѣ, безъ уваженія, безъ дружбы; чтобы я всякую минуту чувствовалъ недостатокъ счастья, завидовалъ тѣмъ, кто пользуется безцѣннымъ правомъ дѣлить все съ тобою?“ Онъ много выстрадалъ въ послѣдній мѣсяцъ разлуки, но Маша стала ему „еще милѣе, еще святѣе и необходимѣе прежняго“, безъ ободрительнаго воспоминанія о ней онъ ничто; она его убожище; какъ могла она сказать въ своемъ послѣднемъ безцѣнномъ письмѣ: „я даже желала бы, чтобы ты меня любилъ

mente"? Въ его любви—*все* для него: его сила и дѣятельность въ настоящемъ, прекрасное въ будущемъ; съ ея любовью онъ можетъ воображать вѣчность, она дастъ ему примѣръ, религіи; съ нею онъ богатъ. Лишь бы *твердая въра другъ въ друга*, продолжаетъ онъ, ссылаясь на свое письмо къ Марѣ Николаевнѣ: Провидѣніе указало имъ прекрасную цѣль, но счастье надо заслужить—испытаніемъ. „Признаюсь тебѣ, съ тѣхъ поръ какъ сюда возвратился, я нѣсколько колебался въ этихъ мысляхъ. Видя тебя снова, чувствую все то жестокое горе разлуки, которое стѣсняло мнѣ душу, вижу одно только то счастье, котораго я лишень—и забываю о томъ, которое мнѣ осталось. Видѣть тебя передъ собою и имѣть одно только воспоминаніе о тебѣ—какая разница! Но я не хочу сражаться съ этимъ чувствомъ—пускай оно меня мучитъ! Теперь послѣднее время—оно безцѣнно при всѣхъ страданіяхъ. Но даю тебѣ слово, что убійственная безнадежность ко мнѣ уже не возвратится.... Прошу отъ тебя только одного: будь мнѣ примѣромъ и вѣрнымъ товарищемъ въ этой твердости, въ этой взаимной довѣренности... Я сдѣлалъ себѣ правило, которое одно мнѣ на *цѣлую жизнь* послужить можетъ. При всякомъ чувствѣ, при всякой мысли, при всякомъ намѣреніи буду у себя спрашивать: *достойны ли они моей Маши? Можно ли ей ихъ открыть? Будетъ ли и должна ли она въ нихъ участвовать?* Милой ангелъ, развѣ этого не довольно, чтобы не только не испортиться, но еще и сдѣлаться лучшимъ“. Онъ говоритъ ей о своемъ планѣ жизни: онъ будетъ читать—собирать хорошія мысли и чувства; писать для славы и пользы, дѣлать все то добро, которое будетъ въ его власти. Слава получила теперь для него какую-то необыкновенную прелесть: она будетъ слышать о немъ, честь его имени, „купленная цѣною чистоты“, будетъ принадлежать ей. Эта надежда его радуетъ; пока онъ слишкомъ мало сдѣлалъ добра, теперь у него много причинъ сдѣлаться добрѣе, и всякое доброе дѣло будетъ новою связью съ Машей. „О, если бы только это не осталось однимъ намѣреніемъ! Боюсь своей лѣни.... но ты со мною“, и онъ проситъ ее благословить его на такую жизнь. Онъ будетъ жить въ Мишенскомъ, Долбинѣ, Черни, будетъ заглядывать въ Москву; уединеніе для него лекарство, разсѣяніе не только не нужно, но и вредно: отъ чего разсѣиваться? Неужели желать забыть все ему милое, все лучшее?—Но „какое горькое сиротство въ этомъ словѣ: *быть розно съ тобою*!“ Да развѣ онъ думаетъ о своемъ счастьи? Онъ будетъ жить для ея счастья, для него думать, чувствовать, дѣлать, писать. „О, если бы только

имѣть довольно твердости! Но моя твердость зависитъ отъ твоей. Будь моимъ утѣшителемъ, хранителемъ, спутникомъ жизни“.

Маша совѣтовала ему перебраться въ Петербургъ, искать службы; но петербургская жизнь несовмѣстна съ занятіями, служба—съ свободой. Правда, Петербургъ ихъ сблизить,—но не соединить; быть у нихъ гостемъ, „увидѣться для того, чтобы разстаться—какое мученіе! Быть подлѣ васъ и не съ вами—какъ это тяжело!“ Если бъ это привело „къ чему-нибудь счастливому“—но на это надѣяться нечего. „Моя послѣдняя надежда была на Воейкова. Милой другъ, эта надежда пустая: онъ не имѣетъ довольно постоянства, чтобы держаться одной и той же мысли. Я боюсь быть къ нему несправедливымъ, но кажется мнѣ, что пылкость его и рвеніе болѣе на словахъ, и онъ слишкомъ перемѣнчивъ для приведенія чего-либо къ концу. Я не сомнѣваюсь въ его дружбѣ, но теперешній тонъ его со мною не похожъ на *прежній*. Онъ прежде говорилъ такъ часто о *нашей жизни вѣстѣ*; теперь объ этомъ нѣтъ и въ поминѣ. Il s'est trop vite résigné pour moi. Мы съ нимъ живемъ подъ одною кровлею и какъ-будто не знаемъ другъ друга, а намъ жить вмѣстѣ недолго. Однимъ словомъ, лучше не ждать ничего и ни отъ кого, а вѣрить Тому, Кто не обманываетъ, не перемѣняется. О, мой милый другъ! Ему поручаю твою судьбу и твое будущее—и въ этомъ все мое“. Пусть она занимается собою, бережетъ свое здоровье, читаетъ то, что питаетъ душу; „планъ чтенія у тебя есть“; „я желалъ бы, чтобы ты не бросала и своихъ *feuilles volantes*. Записывай дни свои, мысли и то, что хорошаго замѣтишь въ книгахъ. Я то же буду дѣлать и съ своей стороны. Когда-нибудь размѣняемся“. Екатерина Аванасьевнѣ онъ будетъ писать, но лишь тогда, когда съ ней разстанется. „Я никакой надежды не полагаю на свое письмо, но сказать ей все необходимо. Ея мнѣніе обо мнѣ несправедливое и унижительное—это надо ей доказать. Болѣе ничего и не желаю. Я не хочу, чтобы она считала, что я признаю себя виноватымъ, что принимаю изгнаніе изъ ея дома съ покорностію раскаянія. Нѣтъ, такое мнѣніе о себѣ ей оставить мнѣ невозможно. Теперь она со мной ласкова. Я этого не приму за дружбу, и вѣра къ ея ласкѣ совсѣмъ исчезла въ моей душѣ. Но я благодаренъ ей и за добрую наружность. Теперь вижу въ ней одну твою мать, и это для меня свято. Почтеніе, неожиданіе ничего и терпѣніе—вотъ все. Письмо мое будетъ просто. Отъѣздъ мой не будетъ разрывомъ. Наружная связь будетъ сохранена“.

Прилагая незаполненную тетрадку майскаго дневника, Жуковский просить Машу вписать въ нее это письмо и прибавить свой отвѣтъ. „Эта книжка будетъ моимъ закономъ. А то, что ты мнѣ напишешь, перепишу для тебя“. Вся его жизнь будетъ посвящена исполненію „этихъ добрыхъ намѣреній или (чтобы кончить одной чертою) любви къ тебѣ“. Онъ чувствуетъ за себя и за нее высокую твердость, которая говоритъ ему: *„вы ни отъ чего теперь не зависимы. Ни судьба, ни люди не истребятъ тою, что вы имѣете. А лучшее впереди. Тамъ Богъ! Онъ васъ видитъ, и вы въ любви Его неразлучны. Нѣкогда будете сами это чувствовать, а теперь только вѣрьте и будьте выше своего жребія“*.

Дневникъ кончается выборкою изъ VII-й пѣсни Виландова „Оберона“. Huon и Rezia-Amanda преступили завѣтъ Оберона — жить другъ съ другомъ, какъ братъ и сестра, пока папа Сильвестръ не освятитъ въ Римѣ ихъ союзъ; въ наказаніе за это буря выбросила ихъ на необитаемый островъ, гдѣ они терпятъ холодъ и голодъ — и Реція-Аманда утѣшаетъ милаго. Въ слѣдующихъ выборкахъ утѣшителемъ выступаетъ Жуковский, въ виду этого выпущены два стиха подлинника; испытанія влюбленныхъ представляются какъ бы въ христіанскомъ освѣщеніи, и Жуковский выписываетъ Ег съ большой буквой, когда въ текстѣ дѣло идетъ объ — Оберонѣ.

72 Lass mich ¹⁾

Aus dem geliebten Mund was meine Seele hasset
Nie wieder hören! Klage dich
Nicht selber an, nicht Den, Der, was uns drücket,
Uns nur zur Prüfung, nicht zur Strafe zugeschicket;
Er prüft nur, die Er liebt, und liebet väterlich!

75 Die Hand, die uns durch dieses Dunkel führt,
Lässt uns dem Elend nicht zum Raube;
Und wenn die Hoffnung auch den Ankergrund verliert,
So lass uns fest an diesen Glauben halten.
Ein einziger Augenblick kann Alles umgestalten!

76 Doch lass das Aergste sein! Sie ziehe ganz sich ab,
Die Wunderhand, die uns bisher umgab;
Lass sein, dass Jahr um Jahr, sich ohne Hülff erneue,

¹⁾ У Виланда VII, 72: „Lass, spricht sie, Hüon, mich“.

Fern sei es dass mich je was ich gethan gereue ¹⁾!
Und läge noch die freie Wahl vor mir,
Mit frohem Muth ins Elend folgt' ich dir!

77 Mir kostet's nichts von Allem mich zu scheiden,
Was ich besass; mein Herz und Lieb' ersetzt
Mir Alles; und so tief das Glück herab mich setzt
Bleibst du mir nur, so werd' ich keine neiden,
Die sich durch Gold und Purpur glücklich schätzt.
Nur, dass du leidest, ist mein wahres Leiden!
Ein trüber Blick, ein Ach, das dir entfährt,
Ist was mir tausendfach die eigne Noth erschwert.

78 Sprich nicht von dem, was ich für dich gegeben,
Für dich gethan! Ich that, was mir mein Herz gebot,
That's, für mich selbst, der zehenfacher Tod
Nicht bitterer ist, als ohne dich zu leben.
Was unser Schicksal ist, hilft deine Liebe mir,
Hilft meine Liebe dir ertragen;
So schwer es sei, so unerträglich — hier
Ist meine Hand! — ich will's mit Freuden tragen.

Слѣдующая тетрадка дневника, написанная июлемъ, ведетъ непосредственно далѣе. Въ заголовкѣ третья строфа „Пѣсни“ (подражанія нѣмецкой), которую 1-е и 2-е изданія Сочиненій Жуковскаго отнесли къ 1811 году, 5-е — къ 1813-му ²⁾. Третья строфа начинается стихомъ: „Мой милый другъ, намъ рокъ велитъ разлуку“, припѣвъ проходящій черезъ всю пѣсню: „Меня, мой другъ, не позабуди“!

Первая помѣтка 28 июля: „Я ѣду по вашимъ слѣдамъ. Остановился въ Куликовкѣ въ 17-ти верстахъ отъ Орла, тамъ, гдѣ вы почевали въ послѣдній разъ, возвращаясь съ ярмарки. Сіжу на томъ мѣстѣ, гдѣ ты сидѣла, мой милый другъ, и воображалъ тебя. Хозяйка мнѣ рассказывала объ *васъ*, и я увѣрилъ ее, что я—*женихъ*, но что невѣста моя не младшая, а старшая дочь той

¹⁾ У Виланда VII, 76:

Lass sein, dass Jahr um Jahr sich ohne Hülff erneue,
Und deine liebende getreue
Amande finde hier auf diesem Strand ihr Grab.
Fern sei es и т. д.

²⁾ Сл. выше стр. 116.

госпожи, которая у ней останавливалась.... Ты видѣла меня грустнымъ, другъ милой, въ послѣдніе дни — можетъ ли быть иначе? Во всякомъ положеніи, гдѣ бы я ни былъ, грусть, болѣе или менѣе, будетъ въ моемъ сердцѣ—она будетъ его обыкновеннымъ состояніемъ... Вчера, подѣзжая къ Мценску, я смотрѣлъ на рощу, которая растетъ близъ дороги; погода была тихая, и роща была покрыта прекраснымъ сіяніемъ заходящаго солнца. Чувство во мнѣ было пріятное, но съ этой пріятностью соединено было уныніе, которое всегда чувствую, когда что-нибудь подобное мнѣ представится. Я очень понимаю это чувство. Прежде (но давно уже) съ пріятнымъ впечатлѣніемъ соединялась всегда веселая надежда на будущее, надежда неизвѣстная, но еще не обманутая и потому веселая. Теперь при каждомъ такомъ впечатлѣніи недостаетъ веселой надежды, и сердце стѣсняется“. Будущаго, какое снилось, ждать нечего; надо „ограничить себя настоящимъ“, — и Жуковский приводитъ первый стихъ своего стихотворенія „Къ самому себѣ“:

Будь настоящее твой утѣшительный геній ¹⁾,

точно хочетъ утвердить себя въ этомъ взглядѣ, но самъ замѣчаетъ, что „все это одно прибѣжище. Я уцѣпился за него, какъ утопающій за доску“; самая мысль для него не ясна, одно только „темное намѣреніе“; въ немъ самомъ два человѣка: *вседневный*, „то-есть, по привычкѣ, недѣятельный, слѣдующій своимъ склонностямъ, со всѣми недостатками, другой — *совершенный*, то-есть въ инныя минуты готовый на все прекрасное, имѣющій высокія мысли и желанія“. Надо этого совершеннаго человѣка сдѣлать вседневымъ. „Кстати или не кстати“ ему пришла мысль объ „удовольствіи“: такого удовольствія, которое плѣняетъ насъ одну минуту и исчезаетъ безъ слѣда, искать не стоитъ, одно лишь „*удовольствіе съ воспоминаніемъ*“ есть прямая принадлежность души человѣческой“, „только такія удовольствія могутъ *слиться въ счастье*; но для этого они должны быть *добрыя*“.

Все это писано было у дверей постоялаго двора въ деревнѣ Сорочьи Кусты; въ Разбѣгаевкѣ онъ не остановился, но видѣлъ тамъ дворъ, гдѣ ночевала Маша съ матерью. „Около меня бѣгаютъ три забавныхъ мальчика, хозяйскія дѣти. Я перекупилъ у нихъ землянику, за которую они предлагали грошъ, а я далъ пятакъ. Надобно было видѣть ихъ гордость, когда они торгова-

¹⁾ Сл. выше стр. 125.

лись, и смиреніе, когда торгъ не состоялся“. Но онъ ихъ утѣшилъ, купивъ землянику и раздѣливъ ее между ними. „Вотъ еще мысль“, продолжаетъ онъ послѣ этой жанровой картинки: самая вѣрная дорога—прямая, хорошая цѣль достигается лишь хорошими средствами; такъ и счастье: какъ его сохранить, когда оно приобретено дурнымъ способомъ и, слѣдовательно, мы сдѣлались неспособными пользоваться имъ? „Важность не *въ присутствіи счастья*, а въ томъ, чтобы *мы* могли выдержать его присутствіе“.

29 іюня, Губкино. „Лежу въ сараѣ, въ саняхъ на сѣнѣ. Читаю Виландова Diogenes von Sinope и часто прерываю чтеніе, чтобы думать о тебѣ. Гулялъ и по кладбищу—даже и срисовалъ его“.—Слѣдуетъ длинное разсужденіе о предвѣдѣніи, предупрежденіи, Провидѣніи; онъ писалъ объ этихъ вопросахъ Лопухину, но письма съ нимъ нѣтъ, а Маша хотѣла знать его мысли на этотъ счетъ, и онъ развиваетъ ихъ и сводитъ къ своему личному положенію: Провидѣніе „располагаетъ случаями жизни, располагаетъ ихъ къ лучшему и человѣку говоритъ: дѣйствуй согласно со мною и вѣрь моему содѣйствію. Что бы ни было, мой другъ, но мы должны смотрѣть на все, что ни встрѣчается съ нами, какъ на предлагаемый намъ способъ *свыше* приобрести *лучшее*. Надобно только вѣрить. Какъ бы ни было страшно и трудно, а тайный, невидимый помощникъ близко.

Другъ! что бѣды для вѣры въ Провидѣнье?

Лишь вѣстники, что смотритъ съ высоты

На насъ святой, незримый испытатель!

Лишь сердцу гласъ: Крѣпись! Минутный ты

Жилецъ земли! Есть Богъ—и ждетъ Создатель

Тебя въ другой и лучшей сторонѣ!

Дорога бурь приводитъ къ тишинѣ“....—

5-го іюля Жуковскій писалъ изъ Орла, 9-го—изъ деревни Котовки. Онъ былъ въ семьѣ Павла Ивановича Протасова, покойный братъ котораго былъ женатъ на Екатеринѣ Афанасьевнѣ, и узналъ, что Маша хворала—и не писала ему о томъ. „Ты опять больна и опять начинаешь скрываться! Ты только хочешь носить маску любви къ мнѣ—не сердись за это выраженіе! Гдѣ же любовь, когда нѣтъ никакой заботы о себѣ, когда ты довольствуешься только тѣмъ, что я тебѣ вѣрю, и ни мало не думаешь оправдывать моей вѣры! Правда, меня съ тобой не будетъ—и я не буду видѣть!“ Павелъ Ивановичъ

способенъ принять сильное участіе въ *ихъ* дѣлѣ, но онъ безволенъ, въ рукахъ жены; сочувствуетъ имъ и его сынъ, Александръ Павловичъ, совѣтуетъ воздѣйствовать на „мнѣніе“ Екатерины Аѳанасьевны, надѣется на Досиѣея и Лопухина; онъ и самъ на это надѣялся, ждалъ всего „отъ ея сожалѣнія, отъ желанія сдѣлать наше счастье. Но ихъ нѣтъ! Ты видишь, что маменька не хочетъ вѣрить, что это *тебѣ* нужно, что она только объ томъ заботится, чтобы и другіе тому не вѣрили. Наше несчастье для нея не существуетъ. Иначе могла ли она имѣть духъ съ такою холодною, съ такимъ пренебреженіемъ шутить насчетъ нашей привязанности, которую называетъ страстію и хочетъ представить смѣшною и странною, а насъ какими-то романическими героями и тому подобнымъ“?— Александръ Павловичъ предложилъ ему поѣхать вмѣстѣ за границу: путешествіе не отниметъ у него его лучшей драгоценности, любви къ Машѣ; и онъ не прочь отъ этой мысли, которая въ другое время ужаснула бы его, „но теперь и безъ того надобно будетъ разлучиться, и скоро. Я думаю, что я *долженъ* уѣхать отъ васъ *самъ*, а не ждать вашей поѣздки въ Дерптъ. Какъ жить у васъ, зная образъ мыслей маменьки? Какъ быть у васъ только *терпимымъ*?“ Тяжелый опытъ послѣдняго мѣсяца доказалъ ему, какое благо для него любовь къ Машѣ, но отъ маменьки онъ не хочетъ принять никакихъ благодѣяній. „Она не должна думать, чтобы чѣмъ-нибудь могла заплатить мнѣ за эту дружбу, которую я отъ нея требовалъ въ замѣну моей, и чтобы была какая-нибудь замѣна того счастья, котораго она меня лишила съ такимъ спокойствіемъ.... Я недавно между письмами нашелъ одно свое письмо, написанное къ ней въ Москвѣ въ мартѣ 1811 года послѣ вашего отъѣзда. Не помню, почему оно не послано, но въ этомъ письмѣ я прошу отъ нея довѣренности и увѣряю ее, что это единственный способъ перемѣнить мою къ тебѣ привязанность въ чувство брата и сдѣлать насъ счастливыми. Это письмо я ей отдамъ въ доказательство, что *она* не захотѣла нашего счастья“¹⁾.

Послѣдняя хронологическая помѣтка въ дневникѣ 9-го іюля; писана она въ дорогѣ („завтра увидимся, другъ милой“); слѣдующая, вѣроятно, уже въ Муратовѣ, можетъ-быть, послѣ свадьбы Воейкова: „Милой другъ, когда я стоялъ въ церкви и смотрѣлъ на нашу милую Сашу, и когда мнѣ казалось сомнительнымъ ея счастье, сердце мое было стѣснено, и никогда

¹⁾ Сл. выше стр. 115

такъ не поразило меня слово „Отче нашъ“ и вся эта молитва. Я читалъ ее или, лучше сказать, объяснялъ для себя совсѣмъ иначе, нежели какъ это случалось прежде. Во мнѣ возбудилась довѣренность къ Промыслу, и будущее не было уже такъ страшнымъ. Я обѣщалъ Сашѣ написать эту молитву съ собственными немногими прибавленіями. Гдѣ же лучше написать ее, какъ не здѣсь? Пусть будетъ она *прежде* для тебя, а потомъ и *для нея*. Жаль, что это не написалось тогда же такъ, какъ было въ душѣ.—Слѣдуетъ разборъ и поясненіе каждой части, cadaго призванія молитвы, напр.: „Яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ. О! Это пишу отъ всего сердца! Прочь низкое, прочь злоба! Съ именемъ святого Отца всѣмъ любовь или всѣмъ прощеніе. Богъ станетъ насъ судить, какъ мы сами здѣсь судили. Другъ мой, я начинаю *новую дорогу жизни*: вонъ изъ сердца всякое чувство ненависти и злобы! Оскорбленія не чувствовать не могу, но прочь злоба: я буду достоинъ моего небеснаго Отца! Вся моя жизнь Его Провидѣніе“.

„Воейковъ сейчасъ рассказалъ мнѣ вашъ разговоръ съ маменькою. Боже мой, сколько обвиненій!—Послѣднее—и кончу навсегда. Сейчасъ говорили мы съ Воейковымъ, обнялись, плакали и дали другъ другу слово въ братствѣ отъ сердца. Другъ мой, будь съ нимъ искренна, ищи въ нихъ обоихъ подпоры и *опору* имъ. Довѣренность не будетъ обманута.... Ты и Провидѣніе—въ васъ мое вѣрное счастье“; когда оно сбудется—неизвѣстно но „эта спокойная надежда стоитъ счастья. Я боялся одного, чтобы не захотѣли дѣлать насиліе твоему сердцу; Саша и Воейковъ ручаются за его сохраненіе. Я просилъ Воейкова, какъ друга, какъ брата, быть твоимъ помощникомъ, твоимъ утѣшителемъ. Нѣтъ, онъ не обманетъ меня.... Я просилъ его ничего болѣе для насъ не требовать, но быть только всегда на нашъ счетъ неизмѣннымъ во мнѣніи. Это для него не можетъ быть трудно. Только будьте согласны и не имѣйте недовѣрчивости другъ къ другу. Ангелъ мой, прости! Благослови тебя Богъ!“

Я живъ—и ты моя!

Въ этихъ двухъ словахъ весь мой жребій....“

Свадьба Воейкова состоялась 14-го іюля. Жуковскій продалъ свое имѣніе, чтобы составить приданое для Александры Андреевны, посвятилъ ей свою „Свѣтлану“—и уѣхалъ. Вѣроятно къ этому времени, а не къ послѣдней трети года относятся слѣдующее событіе: Жуковскій поручилъ Воейкову

передать Ек. Ае. Протасовой свое (недошедшее до нас) письмо, но тотчас же спохватился: оно показалось ему слишком рѣзкимъ, обиднымъ (онъ вспомнилъ, быть можетъ, свои слова о всепрощеніи), и онъ посылаетъ вдогонку за нимъ другое, въ которомъ винить самого себя: онъ самъ нарушилъ покой семьи и считаетъ необходимымъ удалиться, но желалъ бы, чтобы его помнили, любили и уважали и его мѣста въ семьѣ не забыли. Счастье, котораго онъ искалъ, оказалось невозможнымъ, онъ пересталъ желать его, „но оно никакимъ замѣнено быть не можетъ. Привязанность мою къ Машѣ сохраняю вѣчно: она для меня необходима; она всегда будетъ моимъ лучшимъ и самымъ благодѣтельнымъ для меня чувствомъ. Эта привязанность дастъ мнѣ силу и бодрость пользоваться жизнью. Съ нею найду еще много хорошаго въ жизни“. Разлука все согласить. „Теперь все осталось для одной дружбы! Воспоминаніе—одному только счастью, однимъ добрымъ вмѣстѣ проведеннымъ минутамъ.... съ такимъ воспоминаніемъ смѣло смотрю на будущее. Оно ничего у меня не отниметъ. Мое мѣсто въ сердцахъ моихъ друзей сохранено; все остальное—Провидѣнію!“ Его утѣшаетъ мысль, что не чужой, не забытый друзьями, онъ будетъ жить *розно* съ ними „такъ, какъ бы и *вмѣстѣ*. А когда-нибудь и вѣчно вмѣстѣ. Теперь смѣло при васъ называю Машу моимъ другомъ; она мнѣ благодѣтельница на цѣлую жизнь. Моя привязанность къ ней самая чистая, и вы не должны ею оскорбляться. Благословите же меня прежнимъ благословеніемъ“. Онъ сталъ теперь гораздо спокойнѣе, можетъ перестать думать о потерянномъ, но не въ силахъ думать, что потерялъ его напрасно. „Того, въ чемъ полагаю истинное счастье, для меня никогда не будетъ. Это рѣшено на всю жизнь. Хуже быть для меня ничего не можетъ“. Въ жизни много добра и „безъ счастья“; лишь бы имѣть надежду на своего путеводаителя; и горе бываетъ полезно; „болѣе всего даетъ оно надежду и вѣру“. „Я не могъ съ вами проститься. Это было бы тяжело. Съ вами, быть можетъ, и скоро увижусь, но съ вашею семьею, съ Муратовымъ, съ моимъ настоящимъ отечествомъ расстаюсь навсегда“ ¹⁾.

„Увѣзжать уже нѣтъ нужды—я увѣхалъ, писалъ онъ Кирѣевской 31 іюля изъ Черни; я желалъ бы, чтобы вы прочитали то, что я писалъ тетюшкѣ“. Ни съ кѣмъ онъ не говорилъ такъ о Машѣ, какъ съ нею, ни съ кѣмъ не былъ такъ искрененъ; а была ли она искренна, когда говорила, что никто не умѣетъ

¹⁾ „Русскій Архивъ“ 1900 г., № 9, стр. 31 слѣд.

любить Машу такъ, какъ онъ? Чего онъ требоваль—это семьи, въ которой онъ былъ бы уважаемъ и „могъ свободно любить Машу въ глазахъ матери“. Возвратиться на старое, то-есть на мысль о женитьбѣ, онъ не желаетъ; „что если одна минута слабости дастъ это согласіе и ничего имъ не перемѣнится? Избави Богъ! Рай такъ легко сдѣлать. О! я чувствую, какъ бы это было легко! Но что, если вмѣсто этого рая попаду въ прежній адъ“? Нѣтъ, лучше остаться при своемъ горѣ: „это мое—свято, и много, много хорошаго въ жизни есть и безъ счастья“.

Онъ удалился, оберегая спокойствіе Маши, и въ другомъ письмѣ къ Кирѣевской, вѣроятно, того же времени, защищаетъ противъ толкованія, которое дали его словамъ: „она спокойна, а меня тамъ нѣтъ“! „Это не противорѣчіе: хорошо быть съ нею мыслями, воображеніемъ, но какъ не сжаться сердцу, когда подумаешь, что милое вмѣстѣ могло бы осуществиться на дѣлѣ? Какъ ни называй прекраснымъ то, что тяжело и дурно, сердце не повѣритъ. Нѣтъ, я знаю, что настоящее дурно, что оно могло бы быть лучше, и сожалѣніе будетъ не только храниться, какъ драгоценность, въ сердцѣ, но будетъ и хранителемъ сердца“; сожалѣніе, которое не унизитъ ни его самого, ни свѣта, ни жизни передъ его глазами. Нужно для того спокойствіе у него есть: оно состоитъ въ „довѣренности въ покорности Провидѣнію.... Воспоминаніе, святая, утѣшительная мысль о моемъ товарищѣ—пусть будутъ они хранителями моего сердца“.

Жуковскій общалъ Тургеневу „много“ писать о себѣ (21 іюня 1814 г.), но письма, очевидно, рѣдѣли¹⁾, а между тѣмъ другъ тревожился: „Не зная новыхъ причинъ твоей скорби, ищу утѣшенія для тебя въ твоемъ талантѣ и во времени, все, почти все исцѣляющемъ, хотя знаю изъ опыта, что часто исцѣленіе временемъ ужаснѣе раны самой жестокой. Напиши ко мнѣ всѣ подробности твоей теперешней жизни и не страшись ввѣрить тайную грусть души твоей тому, кто по одной неограниченной, глубокой и горячей къ тебѣ привязанности заслуживаетъ твою довѣренность, но и потому, что часто самъ имѣетъ нужду въ другѣ тебѣ подобномъ“. И для него надежда блѣднѣетъ, невозможность счастья становится очевиднѣе, „хотя, впрочемъ, невозможность моя зависитъ почти отъ условій большаго свѣта“²⁾.

1) Неизданное письмо Тургенева 14 августа 1814 года написано въ отвѣтъ на неизвѣстное намъ письмо Жуковского отъ 4-го того же мѣсяца.

2) Неизданное письмо 27 апрѣля 1814 г. Та же просьба повѣрить ему свою

„Большое письмо“, которое Жуковский обѣщалъ написать Тургеневу, никогда не было написано, и не по лѣни, а „потому, что въ немъ было бы много несправедливаго, внушеннаго огорченіемъ; а то, что и было бы справедливо, должно быть предано забвенію и исправлено. Я думаю, черезъ часъ послѣ моего послѣдняго письма къ тебѣ обстоятельства перемѣнились“ ¹⁾.

Если подѣ „послѣднимъ“ письмомъ Жуковский разумѣлъ дошедшее до насъ сентябрьское, то обстоятельства дѣйстви-тельно перемѣнились: въ письмѣ зазвучало что-то бодрое, если не жизнерадостное. „Мнѣ о многомъ, многомъ надобно гово-рить съ тобою, и многое тебя изумить. Но радостнаго ничего не жди; можетъ быть, зато иное и восхитить твою душу, а иное и очень, очень сожметъ. Все это загадка; я тебѣ ее раз-гадаю. Только ты откликнись, другъ, товарищъ, всегда вѣрный и неизмѣнный сердцемъ, каковы бы ни были обстоятельства. Не обо всѣхъ это сказать можно. Не обо всѣхъ! О немногихъ, очень немногихъ До сихъ поръ геній, душа, сердце, все, все было въ грязи. Я не умѣю тебѣ описать того низкаго ни-чтожества, въ которомъ я барахтался. Благодаря одному ангелу— на что тебѣ его называть? ты его имя угадаешь — я опять по-дымаюсь, смотрю на жизнь другими глазами; хотя ничто не удалось, и надежда на все, что радовало, пропала, но этотъ ан-гелъ мнѣ остался, и я еще *радуюсь* жизни. Теперь слава мнѣ *драгоценна*. Братъ! твоя дружба, любовь нѣкоторыхъ *добрыхъ*, чистая, не униженная ничѣмъ презрѣннымъ слава и этотъ ан-гелъ, который смотритъ на мою жизнь, какъ на свое благо Еще жить можно!

Und ein Gott ist's, Der der Berge Spitzen
Röthet mit Blitzen!

грусть въ неизданномъ же письмѣ 29 сентября. „Я хранилъ бы ихъ (письма Жуковскаго), какъ памятники твоей дружбы ко мнѣ, которой изъявленія и самыя легкія, право, сладостны и утѣшительны. Слова: *Что твой Тургеневъ братъ* въ *посланіи къ володьковскому барону* меня тронули до глубины сердца и нѣсколько укротили дружескій гнѣвъ мой на тебя за долгое и тщетное ожиданіе того длиннаго письма, которое давно, давно обѣщано было“. Что это за „Посланіе къ володьковскому барону“ (барону Черкасову)?

¹⁾ Къ Тургеневу 20 октября 1814 г. Отвѣчая на это письмо 13 ноября, Тур-геневъ проситъ Жуковскаго прислать ему его новую балладу („Старушку“) и сообщаетъ, что досталъ недавно его „французскій отрывокъ изъ Académie des Impertinents“ (?).

... Вы часто будете обо мнѣ слышать. Между нами: я хочу писать Посланіе Государю.“ И Кирѣевскую онъ просить, въ сентябрьскомъ же письмѣ ¹⁾, не беспокоиться о немъ: онъ не впалъ въ уныніе, жизнь и безъ счастья кажется ему чѣмъ-то священнымъ и величественнымъ. „Слава для меня имя теперѣ святое. Хочу писать къ царю“.

Письмо Жуковскаго поставило Тургенева въ нѣкоторое недоумѣніе, и онъ нашелъ возможнымъ укорить Жуковскаго за его излишнюю осторожность и несообщительность. „Что значать слова твои: *не о вѣсѣхъ*? Что должно *изумить* меня? Ты общаешь разгадать загадку.“ Пусть довѣритъ ему движеніе души своей, онъ раздѣлитъ съ нимъ „не одну грусть, но и самое негодованіе“. „Любовь твоя къ жизни и славѣ, которой источникъ находишь ты въ другой любви, меня нѣсколько успокаиваетъ, и я радуюсь твоему душевному выздоровленію.“ И опять просьба объ искренности: пусть съ первою почтою разрѣшитъ его сомнѣнія и скажетъ все, что у него на сердцѣ — и не оставляетъ мысли „писать посланіе къ Государю“ (2 октября 1814 г., неизд.).

Разгадку приносить дневникъ Жуковскаго.

15-го сентября Жуковскій вписывалъ въ одну изъ знакомыхъ намъ тетрадокъ письмо Маши въ отвѣтъ на его собственное; вписывалъ, по обыкновенію, со своими комментаріями, на этотъ разъ восторженными. Книжка сентябрьская; въ началѣ текста эпиграфъ: „Все въ жертву для нея“. Письмо Маши показываетъ, какъ всецѣло прониклась она философіей смиренія въ которой старался утвердить себя Жуковскій; она не только овладѣла ея фразеологіей, но овладѣла и положеніемъ, изъ котораго Жуковскій не въ силахъ былъ выпутаться: смиренное ожиданіе того, что пошлетъ судьба, не исключало энергіи въ настоящемъ, и Маша старается пробудить эту энергію. Она огорчена его „малой довѣренностью къ пріятелю“ („не довѣрчивость къ пріятелю, мой другъ, а забвеніе самого себя,—замѣчаетъ Жуковскій,—естественное слѣдствіе смущенія и горести. Я видѣлъ, сколько печальнаго ожидало тебя въ будущемъ, многое, быть можетъ, и увеличивалъ“), не будетъ несчастлива и не можетъ быть несчастливой: „Добрый, милостивый Отецъ, который вездѣ со мною, который любитъ меня для тебя („для меня!

¹⁾ Сл. „Русская Старина“ 1883 г., мартъ, стр. 665—666, № 18 (въ концѣ 1814 года). Хронологія устанавливается указаніемъ на „Посланіе“. Сл. ib. февраль, № 16.

Боже мой, стою ли я такой высокой обо мнѣ мысли“!), можетъ ли онъ допустить это! *L'amour parfait chasse la crainte . . . Ein einz'ger Augenblick kann Alles umgestallten*“, повторяетъ она стихъ изъ „Оберона“¹⁾: она смотритъ на свою теперешнюю жизнь, какъ на срокъ, данный ей для того, чтобы приготовиться къ счастью, быть его достойной; два года будутъ проведены розно, а по возвращеніи изъ Дерпта навѣрно настанетъ время, когда они будутъ жить вмѣстѣ. „Базиль! Ты слишкомъ много огорчаешься разлукой! Скажи, много ли ты имѣешь утѣшенія теперь, будучи вмѣстѣ? Правда, что вчера мы имѣли хорошія, милыя минуты, но онѣ тебя недостойны. *Mon ange, ta vie doit être active, utile à tous ceux qui t'entoureront, mais pas seulement à ceux qui seront avec toi. Elle doit l'être aussi à moi. Ton exemple me donnera des forces et du courage. . . .* Для тебя начнется новая жизнь! Боже мой! *Mon ami, il faut être plus grand que le sort, tu ne te ressembles plus, il faut monter la montagne pour voir le royaume de Cachemire*“. — Маша просила его не отдавать маменькѣ письмо, которое онъ для нея приготовилъ; добра изъ этого не выйдетъ; „если у тебя есть силы, то поговори съ ней самъ, но этого я бы желала только для того, чтобы она хотя послѣдніе два дня была лучше съ тобой. О, какое ужасное раскаяніе ее ожидаетъ! Базиль, какъ мы счастливы въ сравненіи съ нею! Она слишкомъ чувствуетъ сама, что она не права; доказательства ей не нужны, признаться ей тяжело. . . . Я боюсь за ея здоровье; намъ надобно беречь ее“. — „Теперь поговоримъ о томъ, чего я отъ тебя требую. *Tu me prometteras de t'occuper beaucoup. Basile, tes compositions feront ta gloire et mon bonheur. Если бы ты зналъ, сколько меня упрекала совесть (за) это бездѣйствіе, въ которомъ ты жилъ до сихъ поръ! Я не только причина встѣхъ твоихъ юрестей, но даже и этого мучительнаго ничтожества, которое отымаетъ у тебя будущее, не давая въ настоящемъ ничего кромѣ слезъ. Итакъ, занятія, непременно занятія*“! („Бездѣйствіе! Нѣтъ, оно было не отъ тебя! замѣчаетъ Жуковский. Теперь мы розно, и что же влечетъ меня къ дѣятельности? Ты! Что же, когда бы мы были вмѣстѣ и вмѣстѣ счастливы? Итакъ, вини не себя, а тѣхъ, которые наше вмѣстѣ разрушили“). Она желала бы, чтобы онъ занялся воспитаніемъ дѣтей (Кирѣвской). „*Comme je voudrais te donner toute ma force et tout mon courage! Mais cela aussi c'est à toi que je le dois*“. Она общается писать ему; его письма къ Ал. Павл.

¹⁾ Сл. выше стр. 155.

Протасову въ Петербургѣ будутъ писаны и для нея, а Кирѣевской онъ будетъ диктовать ея письма: „ты будешь писать рецензии между строкъ, но главное то, что мое сердце пойметъ, чего нельзя будетъ написать“.

Въ концѣ письма: „Je te bénis, je prie pour toi à tous les instants du jour! Ma vie! Persévérance“.

Жуковского это письмо подняло; если „наканунъ и въ самый день отъѣзда я сказалъ отъ сердца, что жизнь прекрасна, это твое дѣло“, пишетъ онъ отъ себя; „ты представила мнѣ въ будущемъ столько прекраснаго. Своему проступку обязанъ я тѣмъ, что началъ еще болѣе тебя уважать, началъ чувствовать“! Она велѣла ему называть себя его „матерью“ за ея нѣжную заботу о его судьбѣ; *ta vie doit être active* — сказала она—какое счастье повиноваться ея требованію! Жуковский сообщаетъ ей „кодексъ“ своихъ будущихъ занятій. Прежде всего „*писать*“ (и при этомъ правило: жить, какъ пишешь, чтобы сочиненія были не маска, а зеркало души и поступковъ).... Слава моя будетъ чистая и достойная моего ангела, *моей Маши*. Я буду писать много и безпрестанно“. Затѣмъ—воспитаніе дѣтей; „Владимиръ будетъ написанъ“. „Нѣтъ, моя бѣлая книга не останется пустой,—бѣлой книги не страшусь. Провидѣніе твоею рукою начертало въ ней невидимую чернью, видимую сердцу: жить для Маши, для всего добраго, быть ея достойнымъ и этимъ заслужить счастье, которое вѣрно“. Его ежедневныя занятія будутъ слѣдующія: 1) „Собраніе понятій о религіи“; у него нѣтъ еще полнаго понятія о религіи, но онъ желаетъ вѣрить и будетъ „имѣть чистую, достойную челоуѣка и Бога вѣру“.... Что бы ни было, но жить по правиламъ христіанства. Это ведетъ къ небу. Итакъ: чтеніе Священнаго Писанія, книгъ о религіи и твоей книжки. Свои мысли объ этомъ предметѣ и, для тебя, особенное собраніе этихъ мыслей; 2) Чтеніе моралистовъ. Хочу непременно дѣлать свои прививки, то-есть каждый день къ какой-нибудь хорошей чужой мысли прививать нѣсколько своихъ. Собраніе этихъ мыслей для тебя. Надобно, чтобы каждый день означенъ былъ своею особенною мыслию; 3) Каждый день двѣ или три страницы прозы о чемъ бы то ни было. Это составить со временемъ порядочный матеріалъ для журнала. Особенный списокъ для тебя. На это ужъ готовъ альбомъ; 4) Всякій день непременно писать въ стихахъ, и все будетъ для тебя переписано; 5) Чтеніе книгъ о воспитаніи.... изъ этихъ матеріаловъ со временемъ составить письма о воспитаніи.... Можетъ выйти прекрасная книжка; 6) Записывать свой день. Это для тебя. Дурное и хорошее безъ

закрышки передъ моимъ другомъ, передъ моею совѣстью, передъ вторымъ Провидѣніемъ моимъ“.

Онъ поощряетъ Машу къ чтенію Св. Писанія, моралистовъ и къ „запискамъ дня“. „Сдѣлай книжку, въ которую бы записывать лучшее изъ Св. Писанія и духовныхъ писателей. Къ этому прибавлять свои замѣчанія. Другую книжку для записыванія лучшихъ мыслей изъ всѣхъ книгъ, и къ нимъ также свои замѣчанія. Наконецъ, каждый день въ десяти строкахъ записать въ журналъ (въ голубую книжку). Все это для меня. Этотъ журналъ будетъ вмѣсто писемъ“...

„Теперь послѣднее слово. Другъ мой! *Persévérance*, твердость и дѣятельность въ горѣ; вѣра къ будущему. Однимъ твоимъ словомъ: *devant Dieu* ты дала мнѣ все: силу, надежду и даже счастье... Все прочее заключено для насъ въ одномъ: *будемъ достойны счастья*“.

Между 15-мъ сентября, когда написано было это письмо и 26-мъ произошло нѣчто, на что Жуковский пересталъ рассчитывать, и „сладость веселаго вмѣстѣ“ („Эолова арфа“) снова ему улыбнулась. Поняла ли Екатерина Аванасьевна чистоту чувства Жуковского, роль друга, которую онъ былъ готовъ принять на себя, но она изъявила согласіе на его поѣздку въ Дерптъ, и онъ счастливъ, ему уже грезится утопія, возможная лишь въ атмосферѣ сентиментализма: утопія совмѣстной жизни съ Машей въ ея семьѣ, въ распредѣленіи общихъ трудовъ и симпатій. — За приведеннымъ выше письмомъ слѣдуетъ въ томъ же дневникѣ другое, коротенькое: „Все это было написано 15-го сентября. Милый ангелъ, кто бы могъ ожидать такой перемѣны?“

Ein einziger Augenblick kann Alles umgestalten ¹⁾).

Маша, дай руку на счастье. Мы будемъ вмѣстѣ, *вмѣстѣ!* Какъ мило это слово послѣ двухъ мѣсяцевъ горькой мысли, что мы разстались! Теперь нечего и некогда тебѣ сказать. Прости, другъ безцѣнный! Безъ васъ буду много думать о нашей будущей жизни, о нашемъ миломъ вмѣстѣ ²⁾... Это будетъ послѣд-

¹⁾ Та же цитата изъ „Оберона“ въ письмѣ къ Азбукину: „*Activité dans un petit cercle. Persévérance. Ein einziger Augenblick kann alles umgestalten: Счастье впереди! Вопреки всему, будь его достоинъ, и оно будетъ твое*“. Далѣе приводятся стихи изъ стихотворенія самого Азбукина („Живу безъ страха межъ людей“); на которое Жуковский отвѣтилъ 2-го октября („Добрый совѣтъ въ альбомъ В. А. Азбукину“),

²⁾ „Безъ васъ“, т.-е. когда Протасовы уѣдутъ въ Дерптъ, куда Жукъ (св.) явился позже? По письмамъ къ Ал. Тургеневу въ сентябрѣ, декабрѣ и въ первыхъ числахъ генваря Жуковский былъ въ Долбинѣ и Бѣлевѣ.

нимъ моимъ письмомъ къ тебѣ и единственнымъ, какое ты имѣть будешь. Между тѣмъ, чтобы ты знала, что буду безъ тебя дѣлать, то вотъ рапортъ: 1) Написать планъ нашей жизни (ангелъ, нашей!), 2) Переслать къ Тургеневу мои сочиненія, 3) *Собраться въ Дерптъ*, 4) Послание къ Государю ¹⁾ и перевести Библию.—Планъ жизни останется тотъ же, прибавилось милое вмѣстѣ, которое надо устроить „какъ можно яснѣе и спокойнѣе; но чего не снесешь для этого *вмѣстѣ*?.... Прости, душа, радость, жизнь“!

Вотъ что объясняетъ поднятый тонъ сентябрьскихъ писемъ Жуковского къ Тургеневу и Кирѣевской. Онъ ожилъ и началъ творить. „Пишу безъ памяти“, писалъ онъ Тургеневу 20-го октября; „прошедшіе октябрь и ноябрь были весьма плодородны, повторяетъ онъ въ письмѣ 1-го декабря 1814 года. Я написалъ пропасть стиховъ, написалъ ихъ столько, сколько силы стихотворныя могутъ вынести ²⁾. Всегда такъ писать невозможно: ухлопаешь себя по пустому. Жизнь мнѣ измѣняетъ; удѣлился за безсмертіе! Я объ немъ думаю, какъ о любовницѣ; быть стихотворцемъ во всемъ смыслѣ этого слова — прекрасная мысль! Можетъ быть, и гордая мысль! Но развѣ надобно имѣть передъ собою дѣль низкую? Писать такъ, чтобы говорить сердцу и возвышать его, а между тѣмъ, пока живешь, жить, думать, чувствовать и пр., какъ пишешь. Сверхъ того имѣть друзей—друзей твоей славы, друзей твоихъ чувствъ и мыслей, и съ ними еще *кого-нибудь*. Жаль, что тебя нѣтъ въ эту минуту подлѣ меня! Какъ бы было весело пожать тебѣ руку! И всякій разъ сердце сожмется, когда вспомнишь, что лучшаго нашего товарища во всемъ прекрасномъ (Андрея Тургенева) нѣтъ и никогда не будетъ“.

Шутливыя стихотворенія Жуковского, которыя назывались обыкновенно „долбинскими“, указываютъ, что перспектива счастья развязала въ немъ веселье, но любопытно психологически, что въ это же время онъ возвращается къ темамъ балладъ, не только страшнымъ или печальнымъ („Старушка“ ³⁾),

¹⁾ Послание затѣяно было уже въ маѣ (сл. письмо къ Тургеневу 5 мая), о немъ идетъ рѣчь въ дневникѣ 15 сентября, въ письмахъ къ Тургеневу отъ сентября, 20 октября и начала ноября; 1 декабря оно у него было готово (къ Тургеневу 1 декабря).

²⁾ Сл. также письмо къ Тургеневу 8 ноября и примѣчанія издателя къ письмамъ 20 октября и 1 декабря.

³⁾ „Старушка“ написана 14—15, 17 и 19 октября. Вѣроятно, о ней идетъ рѣчь въ неизданномъ письмѣ Тургенева 13 ноября 1814 года: онъ благодаритъ

„Варвикъ“, „Ахиллъ“), но и къ темамъ *разставанья*: баллады „Эльвина и Эдвинъ“ (изъ Маллета), „Алина и Альсимвъ“ (изъ Монкрифа), затѣянные или написанные 28—30 октября, „Эолова арфа“, помѣченная 9 и 13-мъ ноября и напоминающая мотивъ посланій къ Нинѣ (1808 г.) и Блудову (1810 г.), всѣ говорятъ о двухъ любящихъ, разлученныхъ отцомъ или матерью; Минвана „Эоловой арфы“—Минвана „Трехъ сестеръ“ (1808 г.), Арминій—Жуковский. Между 10-мъ и 24-мъ октября написанъ и „Теонъ и Эсхинъ“ на тему, знакомую сентиментальной поэзіи; тему Гольдсмитовыхъ „Deserted Village“ и „Traveller“, которыя въ періодъ „Вертера“ читалъ Гёте; „Опустѣвшую Деревню“ принимался когда-то переводить Жуковский. Счастье дома, нечего гоняться за нимъ по свѣту, чтобы, вернувшись, пожалѣть о томъ, что было такъ близко, такъ возможно. У Жуковского странствуетъ за счастьемъ Эсхинъ и не находитъ его, но и Теонъ, оставшійся у очага, ограничилъ счастье—воспоминаніемъ сердца. „Безъ пышныхъ надеждъ“, въ смиренной хижинѣ на берегахъ Алфея, онъ былъ счастливъ со своей подругой, схоронилъ ее и по-прежнему говорить, „что боги для счастья послали намъ жизнь, но съ нею печаль неразлучна“. И онъ не ропщетъ на Зевсовъ законъ: жизнь и вселенная прекрасны, но земное богатство не въ томъ, что можетъ разрушить судьба—то не наше,—а въ истинныхъ благахъ любви и возвышенныхъ мысляхъ.

Увы! я любилъ... и ея уже нѣтъ!..
 Но счастье, вдвоемъ столь живое,
 Навѣки ль исчезло? И прежніе дни
 Вотще ли столь были прелестны?
 О, нѣтъ! Никогда не погибнетъ ихъ слѣдъ;
 Для сердца прошедшее вѣчно,
 Странданье въ разлукѣ есть та же любовь,
 Надъ сердцемъ утрата безсильна.

Скорбь о погибшемъ не есть ли „обѣтъ неизмѣнной надежды“;

Что гдѣ-то въ знакомой, но тайной странѣ
 Погибшее къ намъ возвратится?...
 Что лучшее въ жизни еще впереди,
 Что вѣрно желанное будетъ.

Жуковского за письмо 20 октября и просить прислать новую балладу „для меня единственно“. Загадочно для меня слѣдующее указаніе письма: „недавно досталъ я твой французскій отрывокъ изъ Académie des Impertinents“.

И Теонъ кончаетъ исповѣдью:

Все небо намъ дало, мой другъ, съ бытіемъ,
Все въ жизни къ великому средство,
И горе, и радость, все къ цѣли одной:
Хвала жизнедавцу Зевесу!

Такова въ эту пору философія Жуковскаго; нѣкоторые афоризмы Теона останутся навсегда его девизомъ; пока его манитъ надежда, что „вѣрно желанное будетъ“. Въ эти мѣсяцы задумано было и „Искупленье“ ¹⁾, пересказъ второй части Шписова романа, первая часть котораго дала сюжетъ для „Громобоя“. У Шписа Виллибальдъ, зачатый, по роковому случаю и не по винѣ родителей, внѣ брака, воспитывается на сторонѣ, невидимо опекаемый таинственнымъ старцемъ, который направляетъ его жажду любви къ высокой цѣли: двѣнадцать спящихъ дѣвъ, погруженныхъ въ вѣковой сонъ за грѣхи своего отца, ожидаютъ отъ него спасенія; одна изъ нихъ предназначена ему въ супруги. Любопытно было бы знать, какъ понималъ Жуковский этотъ сюжетъ въ концѣ 1814 года; планъ „Искупленья“, сохранившійся въ его бумагахъ, не даетъ объ этомъ понятія; 1817 г., когда написано было „Искупленье“, явившееся подъ заглавіемъ „Вадима“, „желанное“ удалилось навсегда, и освѣщеніе мотива должно было измѣниться. Но уже теперь Жуковский „уцѣпилъ за безсмертіе“.

Лишь бы любовью красоты
И славой чистою душа въ насъ пламенѣла,
Лишь бы, минутное отрицувъ, съ высоты
Она къ безсмертному летѣла,
И муза счастья богиней будетъ намъ.

(„Къ Вяземскому, отвѣтъ на его посланіе къ друзьямъ“, 1814 г.)

Онъ пишетъ „Посланіе къ Императору Александру“, началъ „Пѣвца въ Кремлѣ“ ²⁾. Путь къ славѣ, указанный Машей.

¹⁾ Начато въ ноябрѣ 1814 г. Сл. письмо Жуковскаго къ Тургеневу отъ 1 декабря.

²⁾ Въ составленномъ Жуковскимъ перечнѣ своихъ стихотвореній „Пѣвецъ“ стоитъ въ числѣ написанныхъ или только набросанныхъ имъ съ 1 октября по 24 ноября. 1-го декабря онъ извѣщалъ Тургеневъ, что принялся „за новый подвигъ. Пѣвецъ во станѣ, предсказавшій побѣды долженъ ихъ воспѣть : и гдѣ же лучше, какъ не на Кремлевскихъ развалинахъ“...

V.

Дерптская жизнь.

6-мъ октября помѣчено стихотвореніе: „Расписка Маши“. Въ пачкѣ бумагъ Жуковского, хранящихся въ Имп. Публ. Библиотекѣ № 15, л. 69, оно написано рукою писца съ заглавіемъ: Расписка Маши Кирѣвской. Но о ней, родившейся 8 августа 1811 года, не можетъ быть и рѣчи: дѣло идетъ о Машѣ Протасовой и объ октябрѣ 1814 года; можетъ быть здѣсь такой же случай наивнаго укрывательства, какой мы видѣли выше — въ помѣткѣ А. А. Протасовой при стихотвореніи, обращенномъ къ Машѣ: „Маминькѣ“ ¹⁾. Вотъ содержаніе расписки:

Что ни пошлетъ судьба, все пополамъ,
Безъ робости, *дороюю одною*,
Въ душѣ добро и вѣра къ небесамъ,
Итти тебѣ впередъ, намъ за тобою!
Лишь вѣстѣть бы, лишь только бѣ за одно,
Лишь въ часъ одинъ, одна бы намъ моила!
Что, впрочемъ, здѣсь ни встрѣтитъ, все равно!
Я въ томъ за *всѣхъ* и руку приложила.

Это — программа будущаго совмѣстнаго житья; Протасова согласна, Маша приложила руку.

Такъ или иначе, но повѣзка Жуковского была рѣшена, о чемъ онъ и писалъ Тургеневу 20 октября 1814 г. Онъ строитъ планы общей жизни, общаго счастья, кому что дѣлать, какъ держаться, составляетъ смѣту общихъ расходовъ и планы работъ ²⁾, и вмѣ-

¹⁾ Сл. выше стр. 133.

²⁾ Бумаги Жуковского, стр. 7—8. Сл. „Русская Старина“ 1901 г., май, стр. 48 слѣд.

стѣ съ тѣмъ онъ полонъ опасеній. „Не радуйся, пишетъ онъ Тургеневу (то же письмо). Того, что надобно, что одно было бы для меня счастьемъ, нѣтъ и, вѣроятно, не будетъ. По крайней мѣрѣ и жестокаго *ровно* также не будетъ. — Фанатизмъ, присоединенный къ слабому, нерѣшительному характеру, непобѣдимъ. На него ни разсудокъ, ни сожалѣніе ничто дѣйствовать не могутъ. Нѣтъ довольно твердости, чтобы на что-нибудь рѣшиться, чтобы остаться при томъ, на что рѣшился. Вся твердость въ этомъ дьявольскомъ суевѣріи, которое ненавижу отъ всего сердца. . . . Но такъ и быть! Будущее впереди, въ рукѣ твердой, мое дѣло дойти до него хорошей дорогой. Мы вмѣстѣ, это много, это все. Не думаю, однако, чтобы было полное спокойствіе, полное счастье: все это зависитъ не отъ насъ! Но надобно сколько можно беречь это сокровище, трудиться, помнить предположенную цѣль, радоваться, что есть дружба, которая меня утѣшаетъ; словомъ, писать и жить, какъ пишешь. Стоить своего счастья, и оно будетъ наше. Развѣ мало быть добрымъ, быть любимымъ такимъ сердцемъ, какого нѣтъ другого, быть другомъ твоимъ, быть поэтомъ и писать не для низкаго всеобщаго одобренія, а для семейства прекрасныхъ людей, съ которыми породнишься посредствомъ высокихъ, не ложныхъ и хорошо выраженныхъ чувствъ, которыя, быть можетъ, останутся и для потомства? Слава, истинная слава! А для меня она выше, нежели для другихъ. Искать, а стало-быть любить самое прелестное твореніе, въ лучшія, совершеннѣйшія минуты жизни быть къ ней ближе. Братъ, еще можно быть счастливымъ“. А затѣмъ эти надежды блекнутъ — и возникаютъ сомнѣнія: „отъ дерптской жизни не жду ни счастья, ни покоя. Надобно имѣть подлѣ себя другіе характеры, чтобы имѣть и то и другое. Но все замѣнится милымъ *вмѣстѣ*. Такъ и быть!“ — „Что профессорство Воейкова?“ спрашивалъ онъ Тургенева (8 ноября 1814 г.) — и у него въ головѣ возникаетъ новая химера, что-то похожее на надежду: надежда на содѣйствіе государыни Маріи Федоровны и Синода — при посредствѣ Тургенева! „Чтобы заставить тебя дѣйствовать, не нужно, кажется, представить твоему воображенію то счастье, какимъ бы твой товарищъ наслаждался въ жизни. Другого нѣтъ! А въ этомъ счастьи все — поэзія, слава и жизнь. На Воейкова полагаться нечего: онъ не имѣетъ характера. Я очень хорошо могу жить съ нимъ вмѣстѣ, но ждать отъ него нечего. Это между нами“ (1 декабря 1814 г.).

6 января 1815 г. Жуковскій отпраздновалъ въ кругу родныхъ годовщину своего возвращенія изъ похода; 6 января

слѣдующаго года онъ напоминаетъ о томъ Воейкову: онъ ѣдетъ съ нимъ и Протасовыми:

Воейковъ, этотъ день для сердца незабвенный!
Здѣсь возвращеніе мое
Ты за годъ праздновалъ въ родной друзей семьѣ.
Какъ странникъ, въ кругъ ея случаемъ заведенный,
Ты мыслилъ между насъ минуту отдохнуть,
Потомъ опять идти въ свой одинокій путь
Съ несовершившимся желаньемъ
И съ темнымъ счастья ожиданьемъ!
Но здѣсь тебѣ твое „не далъ“ рокъ сказалъ. . . .
И Провидѣніе здѣсь всѣмъ, что въ жизни мило,
Тебя въ душѣ твоей Свѣтланы наградило!
Другъ, благодарственный фіалъ
Незримоу, Тому, Кто намъ не измѣняетъ,
Который всюду спутникъ намъ,
Который и самимъ бѣдамъ
Всегда во благо быть для насъ повелѣваетъ!
Ему повѣримъ ихъ! *Ему отъ насъ обѣтъ —*
Украситъ жизнь Ею прекрасный свѣтъ,
И быть въ кругу Ею прекраснѣйшихъ созданій
Достойнымъ встѣхъ Ею святыхъ благодѣяній.

Слѣдующая строфа, очевидно, обращена къ Протасовой:

Вамъ, милая, нашъ другъ-благотворитель,
Отъ счастливыхъ дѣтей мольба въ веселый часъ:
Покой вашъ нашею спокойствія хранитель!
Съ доверіемъ подайте руку намъ
И вѣрныхъ вашихъ чадъ сердцамаъ
Себя съ надеждой поручите;
Ихъ на добро благословите,
А общій жребій свой — оставимъ небесамъ.

„Долбинскій мивутный, житель“ прощается съ Авдотьей Петровной Кирѣевской и ея дѣтьми:

Друзья, въ сей день былъ мой возвратъ!
Но онъ для насъ и день разлуки;
На дружбу вѣрную дадимъ другъ другу руки!
Кто братъ любовію, тотъ и въ разлукѣ братъ!
О, нѣтъ! не можетъ быть для дружбы разстоянья!

Вдали, какъ и вблизи, я буду вамъ родной,
А благодарныя объ васъ воспоминанья
Возьму на самый край земной!

(„Прощаніе“, 6 генваря 1815 г.).

Въ генварѣ или февралѣ 1815 г. Жуковскій писалъ Машѣ: „Маша, надобно знать и исполнить то, на что мы рѣшились“. Онъ искренно говорилъ ей матери о своей идеальной привязанности, просилъ для себя свободы, довѣрія; надо держать данное слово, иначе покоя не будетъ. И онъ проситъ Машу дать ему всю нужную для того „добродѣтель“. „Чего я желалъ? Быть счастливымъ *съ тобою!* Изъ этого должно выбросить только одно слово, чтобы все замѣнить. Пусть буду счастливъ *тобою*. Право, для меня все равно—мое счастье или наше счастье. Поставь себѣ за правило все ограничивать одной собою, повѣрь, что будешь тогда все дѣлать и для меня. Моя привязанность къ тебѣ теперь точно безъ примѣси. Собственно и отъ этого она живѣе и лучше. Ужъ я это испыталъ на дѣлѣ: смотря на тебя я уже не то думаю, что прежде, если же на минуту и завернется старая мысль, то всегда со своимъ дурнымъ, старымъ товарищемъ — грустью; стоитъ уйти къ себѣ, чтобы опять себя отыскать такимъ, какимъ надобно“. Эта побѣда надъ собою утѣшаетъ его. „Какъ еще много мнѣ осталось! Не лиши же мнѣ этого счастья! Передѣлай себя совершенно и будь этимъ мнѣ обязана! Думай беззаботно о себѣ, все дѣлай для себя — чего для меня болѣе? Я буду знать, что я участникъ въ этомъ миломъ счастьи! Какъ жизнь будетъ для меня дорога! Между тѣмъ я имѣю собственную цѣль — работа для пользы и славы! Не легко ли будетъ работать“? Письмо, прерванное объясненіемъ съ Протасовой, сообщаетъ о его результатахъ: „мы говорили—этотъ разговоръ можно назвать холоднымъ толкованіемъ въ прозѣ того, что написано съ жаромъ въ стихахъ. Смыслъ тотъ же, да чувства нѣтъ“. Протасова пожелала, чтобы онъ отложилъ свой пріѣздъ до іюля, „потомъ увидимъ“, пусть дастъ ей время „сблизиться съ Машею, ты насъ совсѣмъ разлучилъ“. Неужели я эгоистъ? спрашиваетъ себя Жуковскій; и въ самомъ дѣлѣ: „Чего я хочу? Опять же своего счастья? Надобно совсѣмъ забыть о немъ. . . . Маша, чтобы имѣть полное спокойствіе, не должно ли тебѣ возвратить мнѣ всѣхъ писемъ моихъ? Ты знаешь теперь нашу общую цѣль: твое счастье! Быть довольнымъ собою! У тебя есть Фенелонъ и твое сердце. Довольно! Твердость и спокойствіе, а все прочее Промыслу!“

Въ февралѣ Протасовы и Воейковы поѣхали въ Дерптъ, куда явились 15-го числа, Жуковскій двинулся туда позже, не заѣзжая въ Петербургъ, какъ вначалѣ предполагалъ. Слава откликнулась: его посланіе къ Имп. Александру было прочтено Тургеневымъ императрицѣ Маріи Федоровнѣ и встрѣчено восторженно; „Государыня потребовала отъ Уварова и меня сказать ей, что можно для тебя сдѣлать“, писалъ Тургеневъ Жуковскому; и друзья „уже придумали“, его звали въ Петербургъ ¹⁾. Въ письмахъ съ дороги въ Дерптъ онъ говоритъ о прошломъ годѣ, о положеніи, которое онъ отвоевалъ себѣ въ семьѣ, о желанномъ „мѣстѣ“, которое не сулитъ счастья, потому что между нимъ и Протасовой такая „бездна недовѣрчивости“. Такое положеніе ужасно, и выйти изъ него нѣтъ силъ, ибо для него нѣтъ „отдѣльнаго счастья“; „лучше страдать и погибнуть вмѣстѣ“. „Воейковъ вошелъ въ семью, а я изъ нея вышелъ“; Жуковскій попрежнему вѣрить, что Воейковъ его любитъ, большая ему подпора. „Не имѣй о немъ дурныхъ мыслей“, пишетъ онъ Тургеневу по поводу другого своего письма, гдѣ онъ говорилъ о Воейковѣ иное: оно было писано „въ дурную минуту“; вотъ съ какими надеждами я ѣду въ Дерптъ“ (къ Тургеневу 1815 г. 1 февраля).

Друзья заботятся о его положеніи въ Петербургѣ, о „чинахъ и карманѣ“, но „мое мѣсто знаешь гдѣ, и все возможное счастье тамъ же“, „этого счастья никто, никогда замѣнить не можетъ“ (къ Тургеневу 1815 г. 4 февраля). И счастье снова представлялось ему такимъ, какимъ грезилось прежде, и снова онъ говорилъ о возможныхъ вліяніяхъ на Протасову (сл. письмо къ Тургеневу отъ 1 и 4 февраля и 4 марта).

Жуковскій пріѣхалъ въ Дерптъ въ половинѣ марта, съ определенной программой, въ которую напередъ вжился. Онъ пожертвовалъ своимъ счастьемъ для спокойствія своей Маши, но старое чувство еще вспыхивало. Дерптская жизнь многое измѣнила, ускоривъ развязку. На первыхъ порахъ все, казалось, обѣщало миръ и спокойствіе, если вѣрить замѣчаніямъ, набросаннымъ Воейковымъ на страницахъ „Делилевыхъ садовъ“: „16-го марта ²⁾ пріѣхалъ Жуковскій“; „отъ 9-го февраля до 20-го марта былъ совершенно счастливъ Воейковъ“ (слѣдуютъ

1) Письмо Тургенева, „Русскій Архивъ“ 1864 г., стр. 447—52; сл. письмо Жуковского къ Тургеневу 25 января 1815 г. Москва.

2) Сл. письмо Жуковского къ Тургеневу изъ Крестецъ, среда 10-го марта: „я буду въ Дерптѣ, вѣроятно, въ субботу“.

за этимъ подписи: Ек. Аванасьевны, Воейкова, Саши и Маши)¹⁾. На самомъ дѣлѣ Воейковъ властвовалъ въ семьѣ, овладѣлъ Протасовой, преслѣдовалъ Машу, и та терпѣла ради сестры, страдавшей отъ права мужа. Еще до пріѣзда Жуковского Екатерина Аванасьевна подала генералу Красовскому надежду на руку Маши, не безъ вліянія Воейкова, какъ думалъ Жуковскій. У него явилась тогда рѣшимость выступить въ роли брата Протасовой, отца Маши. Это было бы невозможно безъ ея поддержки, пишетъ онъ мѣсяца два спустя Кирѣвской (24 мая 1815 года). Бракъ ей очевидно навязывали.

На Воейкова роль Жуковского-отца произвела впечатлѣніе, но Жуковского она связала. Онъ начинаетъ понимать двоедушіе своего друга: онъ съ нимъ искрененъ „по своему обыкновенному прямодушію“, а тотъ его слова пересказываетъ. Все это опредѣлило положеніе Жуковского въ семьѣ: какъ въ Муратовѣ онъ не могъ побесѣдовать съ Машей по сердцу, только переписывался, такъ и теперь. „А я готовъ былъ на жизнь добродѣтельную! писалъ онъ впослѣдствіи Кирѣвской (то же письмо). Виновать ли я, что меня лишили способовъ и бодрости исполнить то на дѣлѣ, что сказало мнѣ сердце въ лучшую минуту жизни! Такъ точно, въ лучшую! Хотя въ эту минуту я отказывался отъ всего совершенно! Чтобы понять это слово „*отъ всего*“, надобно вамъ знать, что я хотѣлъ не только перемѣнить свою привязанность къ Машѣ на другую, родственную, безкорыстную, но я былъ даже готовъ заботиться о томъ, чтобы она могла наконецъ *другому повѣрить свое счастье* — и въ этой заботѣ было для меня что-то прелестное, несмотря на то, что въ инныя минуты и возвращалось въ душу уныніе! Я не давалъ ему воли, ждалъ шептуна, и шептунъ мой возвращался съ обыкновеннымъ своимъ лозунгомъ: *все въ жизни къ великому средство!* Что жъ дѣлать! И это не удалось! Я уѣхалъ не объяснившись“. Пусть его считаютъ несправедливымъ, неблагодарнымъ къ Воейкову — этого мнѣнія яе перемѣнить; но съ Машей надо было разстаться. „Безъ меня она будетъ спокойнѣе. Никто не будетъ въ ея глазахъ мнѣ дѣлать оскорбительныхъ несправедливостей; а теперь и я, и она не избавлены отъ опасности нарушить обѣщанное: насъ бы довели непримѣтно до этого ужаснаго нарушенія, но обвинены были бы одни мы; тогда бы и послѣднее уваженіе къ себѣ Маши должно бы погибнуть“.

Письмо это резюмируетъ цѣлый рядъ дерптскихъ испытаній.

1) Сообщение А. Э. Онѣгина.

Незадолго до отъѣзда Жуковскій писалъ Машѣ изъ комнаты въ комнату (вѣроятно, въ мартѣ). „Расположеніе, въ какомъ я тебѣ пишу, увѣряетъ меня, что я не нарушаю своего слова тѣмъ, что къ тебѣ пишу. Надобно сказать все своему другу.... Маша моя (теперь моя болѣе, нежели когда-нибудь), поняла ли ты то, что заставило меня *рѣшительно отъ тебя отказаться*“? Отказаться отъ своего счастья для ея спокойствія, жить съ ея семьей не для частнаго, а для общаго блага, быть ея *отцомъ*. Самосознаніе жертвы поднимало его, жизнь, освѣщенная этимъ чувствомъ, казалась ему прелестной. И вдругъ слова Протасовой: разстаться—ради репутаціи ея и дочери! Но это придирка! Зачѣмъ было вырывать его изъ деревни? „Тамъ можно было того же бояться, чего и здѣсь; но въ Муратовѣ она рѣшилась возвратить меня, несмотря на то, что въ своихъ письмахъ я говорилъ совсѣмъ противное тому, что теперь говорю и чувствую. Нѣтъ! Эта причина несправедливая!“ Здѣшнихъ толковъ бояться нечего, прежніе пропадутъ сами собой, да и самъ онъ употребитъ всѣ усилія, чтобы все привести въ порядокъ. Въ своей жертвѣ онъ не раскаивается, но ею онъ хотѣлъ заплатить за счастье быть вмѣстѣ. Теперь для него жизнь безъ цѣны и прелести, вмѣсто „свободнаго труда — замѣны счастья“, трудъ изъ-за денегъ, ремесленничество, убивающее энтузіазмъ. Но „такъ и быть! *Все въ жизни къ прекрасному средство*! Но сердце ноетъ когда подумаешь, чего и для чего меня лишили“.

Машѣ хотѣлось бы внести какой-нибудь миръ въ эти отношенія, облечь въ глазахъ Жуковского даже Воейкова — ради сестры. Жуковскій рѣшился уѣхать. „Милый другъ, надобно сказать тебѣ что-нибудь въ *последній разъ*“, пишетъ онъ ей 29 марта 1815 г. У тебя много остается утѣшенія, у тебя есть добрый товарищъ: твоя смиренная покорность Провидѣнію. Она у тебя не на словахъ, а въ сердцѣ и на дѣлѣ. Что могу тебѣ сказать утѣшительнѣе того, что скажетъ тебѣ лучшая душа, какая только была на свѣтѣ, твой Фенелонъ, котораго ты понимать можешь? Я благодарю тебя за то, что ты его мнѣ вчера присылала. Теперь знаю, что у тебя есть неразлучный товарищъ, и такой, который всегда умѣетъ дать твердость, надежду и ясность“. Онъ пришлетъ ей еще и Массильона; пусть это чтеніе напоминаетъ ей о человѣкѣ, который желалъ быть ей товарищемъ во всемъ добромъ, который обязанъ ей всѣмъ, что въ немъ есть лучшее, обязанъ и „самымъ прекраснымъ движеніемъ сердца, которое рѣшилось на пожертвованіе тобою“. Въ воспоминаніи о Машѣ будутъ заключены всѣ его „должности“; пропади

оно, онъ все потеряетъ. Что въ жизни можетъ сдѣлаться ужаснаго—для него собственно? Событія—дѣло Провидѣнія; во всѣхъ обстоятельствахъ онъ будетъ такимъ же, какъ теперь, достойнымъ Маши; „впрочемъ, останемся беззаботны: *все въ жизни къ прекрасному средство*“. Пусть помнитъ своего брата, своего истиннаго друга, который всегда будетъ стараться жить, какъ велитъ его привязанность къ ней, теперь болѣе нежели когда-либо чистая и сильная. „О Воейковъ скажу только одно слово. Мнѣ ему прощать нечего. Слѣпому человѣку нужно ли прощать слѣпоту? Но какимъ же убѣжденіемъ можно заставить себя вѣрить, что онъ зрячій? Человѣкъ, который имѣлъ полную власть осчастливить тебя, и который не только этого не дѣлаетъ но еще дѣлаетъ противное, можетъ ли носить названіе человѣка? Этого простить нельзя. Даже трудно удержаться отъ ненависти. Я не могу и не хочу притворяться. Между имъ и мною ничего нѣтъ общаго. Ты мнѣ напомнишь: *все въ жизни къ великому средство!* Дай мнѣ способъ сдѣлать ему добро, и я сдѣлаю, но называть бѣлое чернымъ и чернымъ бѣлое и уважать и показывать уваженіе къ тому, что (нѣсколько словъ зачеркнуто)—въ этомъ нѣтъ величія: это притворство передъ собою и передъ другими.... Я бы желалъ, чтобы ты написала мнѣ побольше.—Это было написано поутру. *Маша, откликнись. Я отъ тебя жду всею. У меня совершенно ничего не осталось.* Ради Бога, открой мнѣ глаза. Мнѣ кажется, что я все потерялъ“!

Объясненіе съ Машей было не послѣднимъ. 1-го апрѣля 1815 года Жуковскій извѣщалъ Тургенева, что собрался въ Петербургъ, но весь мѣсяцъ продолжается все та же, постоянно осложнявшаяся душевная страда, и Жуковскій повѣряетъ ее своему дневнику, потому что съ Машей ему нельзя поговорить откровенно, запрещено и писать другъ другу, и если они переписываются тайкомъ, то нарушая обѣщаніе. Онъ погруженъ въ себя, въ одну и ту же сферу мыслей, разбирается въ нихъ одинъ, повторяясь, возвращаясь, ободряя себя философіей своего Теона. Вопросъ такъ ясно было бы рѣшить — діалогически, но это невозможно; вмѣсто того монологъ, бесѣда съ собою, обильная, не умѣющая остановиться, потому что некому остановиться, не съ кѣмъ потолковать.

Таковъ характеръ его записей въ „книгѣ“, „бѣлой книгѣ“, которой онъ повѣрялъ свое горе; отрывки изъ нея попадали въ дневникъ, который онъ велъ для Маши, въ письма къ ней. „Моя книга про меня знаетъ, и вотъ что я написалъ въ своей книгѣ“,—и онъ цитуетъ въ дневникъ 14-го апрѣля записъ изъ

своей книги 11-го того же мѣсяца: онъ рѣшительно отказался отъ невозможнаго для него счастья и перемѣнилъ свое чувство къ Машѣ на „лучшее, безкорыстное, братское“, сберегая спокойствіе семьи и рѣшившись „твердо покориться судьбѣ, или лучше, своей должности“. Надо и Машу приучить не любить его „какъ прежде“, а любить какъ родного, брата или отца, вырвавъ изъ своего счастья „все собственное, основанное на одномъ эгоизмѣ, все, что прежде было общаго (несовмѣстнаго съ нашимъ общаніемъ)“. Въ чемъ же будетъ состоять счастье Маши? Жуковскій отвѣчаетъ на свой вопросъ: въ ея спокойствіи, въ согласіи съ матерью и семьею, въ увѣренности, что и онъ счастливъ настоящимъ, работой, дружбой, одобреніемъ сердца; наконецъ въ „свободѣ сердца“ и, „если такъ быть должно, еще и въ замужествѣ по сердцу, то-есть, чтобы съ другимъ имѣть то, что надѣялась со мною“. И въ этомъ онъ желаетъ быть—участникомъ. „Та минута въ которую, для этой цѣли, я рѣшился пожертвовать собою, была восхитительна, но это чувство восхищенія часто пропадаетъ, и я прихожу въ уныніе. Что нужды! Не должно терять бодрости!“ Афоризмъ Теона толкуется теперь такъ: *„Самая трудность, самое страданіе есть средство къ прекрасному“* ¹⁾.

Здѣсь примыкаетъ апрѣльскій дневникъ Жуковского, назначенный для Маши ²⁾. Въ заголовкѣ четверостишіе:

Und trennen uns gleich Meer und Land,
Vereinigt uns doch Freundschaftsband,
Und fester knüpft nach *kurzer Zeit*
Es einst die Ewigkeit.

Подъ четверостишіемъ: „Дерптъ, апрѣля 14-го“, подъ нимъ нарисованъ столбъ съ прикрѣпленнымъ сбоку фонаремъ, отъ котораго идутъ лучи.

„Милый другъ, поняла ли ты то чувство, которое меня рѣшило къ тебѣ написать: позволь мнѣ отъ тебя отказаться и самому найти человѣка, который бы могъ сдѣлать тебя счастливою!“ Три письма 14, 15 и 16 апрѣля лихорадочно слѣдуютъ другъ за другомъ все на ту же болевую тему. Оказывается, Маша многого не поняла. Жуковскій героически рѣшился не

1) Тотъ же отрывокъ записи 11 апрѣля цитируетъ Жуковскій и въ письмѣ къ Машѣ 25 декабря 1815 года, но подъ 12-мъ апрѣля.

2) Изъ тетрадокъ-дневниковъ, принадлежащихъ А. Ѳ. Онѣгину. См. выше стр. 151, прим. 4.

только перевоспитать свое чувство въ братское, но перевоспитать въ этомъ смыслѣ и Машу. Задача трудная, требовавшая взаимной поддержки, а ихъ раздѣляли, не позволяли ходить вмѣстѣ въ церковь, и Жуковский считаетъ „хорошимъ знакомъ“, что горшокъ цвѣтовъ, принесенный имъ Машѣ, не былъ принятъ въ дурную сторону. Каждый думалъ свою думу про себя, и они стѣснялись въ присутствіи другъ друга: она уходила, чтобы давать ему „грустныя минуты съ маменькой“, онъ старался представляться спокойно равнодушнымъ, и ей казалось, что онъ „все забылъ“, что она ему „въ тягость“. Тутъ вмѣшался Воейковъ. Мы знаемъ, что Жуковский рѣшился на крайній подвигъ самоотреченія, готовъ устроить счастье Маши—съ другимъ, безъ насилія съ чьей-бы то ни было стороны. Объ этомъ онъ написалъ что-то въ альбомѣ Воейкова, а тотъ отвѣтилъ ему стихами въ его альбомѣ—на тему, „что надобно исправиться, рѣшиться на перемѣну образа чувствовать“. Въ присутствіи Екатерины Аѳанасьевны Жуковский побранилъ Воейкова за эти стихи, въ которыхъ онъ хвалился своею къ нему дружбою, глядящей „противъ шерсти“, лишь бы сказать правду. Когда же говорилъ онъ ему такую правду? А третьяго дня, отвѣчалъ Воейковъ, — какъ-разъ „тотъ день, въ который я написалъ ему въ альбомѣ. Черта негодная!“ И Жуковский напоминаетъ Машѣ, какъ Воейковъ ее „такъ нѣжно утѣшалъ, говоря, что я не хочу тебя любить, а хочу только поскорѣе выдать замужъ—и ты даже считала нужнымъ, въ угожденіе мнѣ, кинуться первому на шею!“ Вся душа готова была у него вспыхнуть при воспоминаніи о Красовскомъ. „Я никогда не говорилъ Воейкову, что *ты* мнѣ говорила о Красовскомъ—онъ солгалъ, онъ поступалъ съ тобою, какъ полицеймейстеръ съ колодникомъ“.

Надо ѣхать; все кругомъ ведетъ къ тому, чтобы ослабить наши чистыя намѣренія, „какъ же за себя ручаться? Послѣ такого рѣшительнаго обѣщанія измѣнить себѣ не будетъ ли ужаснымъ несчастіемъ, которое отравитъ всякую минуту жизни! Одинъ дурной шагъ—и прости спокойствіе! Излишней на себя надежды имѣть не должно и въ хорошихъ обстоятельствахъ... Прежде мы иное себѣ позволяли, потому что не давали слова перемѣнить свои чувства, а теперь, обѣщавъ это, и въ самомъ сердцѣ должны согласоваться съ обѣщаннымъ“.

Письмо кончается просьбой все это переписать въ „прежнюю голубую книжку“, „то-есть, страница твоя, страница моя. Себѣ не такъ вѣрю, какъ тебѣ. А то, что скажешь мнѣ, то будетъ свято: я буду тогда твердъ и все исполню... Вотъ тебѣ

и тетрадка, въ которую переписать.— Назначить правила обхожденія съ каждымъ, особенно, съ маменькой, Воейковымъ, тобою — и собою“.

Маша откликнулась. „Милая моя волшебница! Прочитавъ то, что ты мнѣ написала, я сталъ веселъ, бодръ, горя и слѣда нѣтъ, писалъ онъ въ дневникъ 28-го апрѣля ¹⁾. Между тѣмъ мы съ тобою разстаемся! Что будетъ впередъ, неизвѣстно, но намъ теперь до *будетъ* дѣла нѣтъ: настоящее и прошедшее — вотъ наше. А оно у насъ есть и, право, самое богатое“. Какъ прежде Маша, такъ онъ теперь готовъ пожалѣть о *тѣхъ*, которые имъ вредятъ или вредили; они несчастнѣе ихъ. „Я говорю *тебѣ*; нѣтъ, это несправедливо: *тотъ*“. Письмо Маши помирило его съ маменькой. „Я опять чувствую къ ней нѣжную благодарность — она за тебя заступилась. Мой отъѣздъ свяжетъ это крѣпкими узлами, и она будетъ самымъ усерднымъ твоимъ защитникомъ. . . . Прочитавъ твое письмо, я сошелъ внизъ и отъ души пожалъ ей руку: она несчастна!“ Теперь Машѣ легко быть съ ней искренней; удалившись, онъ самъ станетъ дороже Екаторинѣ Аванасьевнѣ, и она отдастъ имъ должную справедливость. „Мысль, что она тебя защищаетъ, даетъ мнѣ большое спокойствіе, привязываетъ меня къ ней, и въ эти два остальные дня, которые пробуду я съ вами, мнѣ будетъ легко ее любить“. „Наше прекрасное для насъ теперь въ разлукѣ“, утѣшаетъ онъ Машу: она намъ все возвратитъ, и спокойствіе, и свободу чувства, желаніе прекраснаго, энтузіазмъ, довѣренность другъ къ другу и къ себѣ самимъ; вмѣстѣ намъ не дадутъ воспользоваться нашимъ средствомъ къ прекрасному, „оторвутъ руки, если мы ихъ къ нему протянемъ“.

Жуковский вспомнилъ, какъ въ дневникъ 28-го іюня 1814 года ²⁾ онъ опредѣлялъ „удовольствіе воспоминанія“, и привязываетъ къ нему то, что мы могли бы назвать, вмѣстѣ съ нимъ, „философіей фонаря“. Онъ записалъ ее гдѣ-нибудь въ своей „бѣлой книгѣ“, вноситъ ее теперь въ письмо къ Машѣ, два дня спустя (30-го апрѣля)—въ альбомъ Воейковой; и позже онъ воспользуется, въ цѣляхъ поученія, тѣмъ же текстомъ.

¹⁾ Между письмами къ Машѣ 16 и 28 апрѣля хронологически помѣщается выдержка изъ „бѣлой книги“ подъ 22-мъ апрѣля, включенная въ письмо къ Машѣ отъ 25 декабря: „не должно оставаться въ Дерптѣ“ и т. д. Жуковский говоритъ о своемъ обѣщаніи „помочь выдать Машу замужъ“, только боится стать рабомъ своего обѣщанія: его совѣты и противорѣчія будутъ перетолкованы, не сдержатъ слова, его же обвинять.

²⁾ Сл. выше стр. 157.

„Я когда-то написал: счастье не состоитъ изъ удовольствій простыхъ, слѣдующихъ просто одно за другимъ, но изъ удовольствій съ воспоминаніемъ. Эти удовольствія сравнилъ я съ фонарями, зажженными на улицѣ ночью, — между ними есть пустые промежутки, но эти промежутки освѣщены, и вся улица свѣтла, хотя не вся составлена изъ свѣта. Такъ и счастье тоже. Удовольствіе — фонарь, зажженный на дорогѣ жизни, воспоминаніе—свѣтъ, а счастье — рядъ этихъ прекрасныхъ воспоминаній, которыя всѣ сливаются въ одно общее, тихое, ясное чувство, и которыя всю жизнь озаряютъ. Чѣмъ чаще фонари, тѣмъ свѣтлѣе дорога. Я сказалъ: надежда лишнее! Лучше сказать: надежда пустое, вредное слово. Это слово имѣетъ прелесть для одной неопытности, для которой эта прелесть заключена въ непониманіи этого слова. Что такое надежда? Ожиданіе чего-то въ будущемъ, всегда неясное, часто безпокойное. Часто и всякое такое ожиданіе болѣе вредно, нежели полезно: оно всегда уничтожаетъ настоящее: если весело, то дѣлаетъ къ настоящему по крайней мѣрѣ равнодушнымъ, если печально, то его отравляетъ. Позабудемъ о будущемъ, чтобы жить, какъ должно. Милый другъ, пользуйся настоящею минутою, ибо она только есть средство, и самое вѣрное, къ прекрасному. Зажги *свой* фонарь, не заботясь ни мало объ тѣхъ, которые удасться зажечь послѣ. Въ свое время ты оглянешься, и за тобою будетъ прекрасная, свѣтлая дорога; между настоящею минутою и неизвѣстнымъ предѣломъ жизни помѣстимъ не *надежду*, а *Провидѣніе*. Переходя отъ одной хорошей минуты къ другой, нечувствительно дойдемъ до этого предѣла, за которымъ вѣрное, прекрасное будущее. Объ этомъ будущемъ можно думать безъ сомнѣнія — оно не мѣшаетъ жизни, но здѣшнее будущее есть настоящий врагъ всего прекраснаго. Что въ немъ? Приходитъ ли оно когда-нибудь такимъ, какимъ мы его себѣ воображаемъ? На что же ему вѣрить и объ немъ заботиться? А прошедшее пускай идетъ съ нами рядомъ. — Il ne faut pas s'avancer dans la vie en détournant la tête, mais il ne faut pas du tout attacher ses yeux sur un lointain incertain! Tout cela empêche de voir autour de soi. Надобно имѣть въ прошедшемъ вѣрнаго, добраго товарища настоящему. *Для сердца прошедшее вѣчно...* Повѣрь, что мнѣ всегда будетъ хорошо въ Петербургѣ, въ Долбинѣ, въ тюрьмѣ — только не здѣсь“. Петербургской жизни бояться нечего — тамъ настоящіе мои друзья, есть люди, имѣющіе обо мнѣ хорошее мнѣніе, надо только поддержать его. „Я не буду искать многого, слѣдовательно и труднаго писанія не будетъ. А Тургеневъ?

Нѣтъ, не бойся ничего. Я буду работать съ энтузіазмомъ... Гдѣ бы я ни былъ, у меня будетъ хорошее настоящее... Хо! рошее — не значитъ счастливое, значитъ болѣе — доброе. То же и для тебя!... Одно только условіе: не дай собой пожертвовать!

„Видишь ли, мы можемъ доказать другъ другу, какъ геометрическую задачу, что для насъ разлуки нѣтъ!... Разлука — условіе соединенія! Одинакая здѣшняя жизнь — приготовленіе къ одинакой вѣчности! Ничто не пропало! Все лучшее наше. Гдѣ бы я ни былъ, вездѣ свѣтъ Божій, вездѣ настоящее наше и можетъ быть прекрасно. Можно даже иногда подумать, что и то будущее началось для насъ здѣсь: разница между той и здѣшней жизнью только въ томъ, что здѣсь могутъ быть горы и лѣса между нами, а тамъ нѣтъ этого непроницаемаго пространства. Все остальное для насъ и здѣсь то же, какъ и тамъ! Что же унывать! Жизнь прекрасна! Прости!“

Въ Петербургѣ онъ попалъ въ „кипящій свѣтъ“; много старыхъ и новыхъ знакомствъ, много для него на свѣтѣ „прекраснаго и безъ всякой надежды“, пишетъ онъ Кирѣевской (12 мая 1815 г.), которой рассказываетъ въ другомъ письмѣ (24 мая) ¹⁾ объ обстоятельствахъ, принудившихъ его покинуть Дерптъ. Въ Петербургѣ „имѣютъ обо мнѣ, какъ бы сказать, большое мнѣніе“, онъ представился Императрицѣ и великимъ князьямъ, но о будущемъ старается не думать. „Для меня въ жизни есть только прошедшее и одна настоящая минута, которою пользоваться для добра, если можно — *зажигать свой фонарь*, не заботясь о тѣхъ, которые удастся зажечь послѣ“. Его тянетъ на родину, въ семью, въ Долбино.

Вѣроятно, въ Дерптѣ и въ эту пору петербургской жизни Жуковскій принялся было за переводъ Dräseke, „Glaube, Liebe, Hoffnung“ (Lüneburg, 1814). Это для него характерно; переводъ начатъ на бумагѣ, приплетенной къ брошюрѣ. На лицевой сторонѣ книжки четверостишіе (Нач. „Мой другъ безцѣнный, будь спокоина“), подписанное: мая 12, 1815 г.; зачерченъ — силуэтъ Маши ²⁾.

¹⁾ Сл. выше стр. 176.

²⁾ Книга эта находится въ собраніи А. О. Онѣгина вмѣстѣ съ другими принадлежавшими Жуковскому, который оставилъ въ нихъ свои замѣтки, слѣды впечатлѣній, нерѣдко имѣющихъ біографическое значеніе. Укажу на экземпляръ „Новой Элоизы“, къ которой Жуковскій отнесется отрицательно (сл. письмо къ И. И. Козлову 27 января/8 февраля 1833 г.), на „La Russie et les Russes“ Н. Тургенева, на Hume, „Essai philosophique“ съ поправками по англій-

26 іюня 1815 г. у Воейкова родилась дочь; этимъ днемъ помѣчено стихотвореніе Жуковскаго, посвященное его крестницѣ, Е. А. Воейковой, и онъ снова въ Дерптѣ. „Я получилъ два твоихъ письма, милой другъ, пишетъ онъ 19 іюля 1815 г. Тургеневу. Коротко, да прекрасно. Мнѣ кажется, что ты все сказалъ мнѣ (что могъ сказать) въ этихъ двухъ словахъ. Ей (Машѣ) и тебѣ скажу одно:

How dear the dream: in darkest hours of ill
Could all be changed, to find thee faithful till.

Но это вовсе не dream, не сонъ, толкуеть, Жуковскій, примѣняя стихи къ вѣрной дружбѣ Тургенева; о своихъ личныхъ дѣлахъ онъ пока не пишетъ: какой-то туманъ виситъ у него на умѣ и на сердцѣ. Въ припискѣ къ письму Уварова отъ 29-го іюля, Тургеневъ вызывалъ Жуковскаго въ Петербургъ, чтобы исполнить желаніе Императрицы, „но если жертва, которую ты долженъ принести нетерпѣнію Государыни, дорого тебѣ будетъ стоить, то не приноси этой жертвы; лови день тамъ, гдѣ твое солнце“ ¹⁾. „Что ты говоришь мнѣ о жертвѣ и о моемъ солнцѣ? отвѣчаетъ ему Жуковскій (1 или 2 августа). Развѣ я поѣхалъ сюда съ тѣмъ, чтобы грѣться подлѣ моего яснаго солнца? Нѣтъ, братъ, оно яснѣе для меня, когда я отъ него далѣе. Тогда оно одно только для меня видно, и ничто противное не темнитъ его милой ясности. Здѣсь я не долженъ глядѣть на него свободными глазами; здѣсь душа, мысли и чувства сжаты. Уѣхать отсюда не будетъ для меня жертвою; напротивъ, здѣсь остаться было бы жертвою, жертвою всего, что мнѣ дорого, лучшихъ своихъ чувствъ. Не говорю уже о надеждахъ, ихъ нѣтъ, да онѣ и не нужны“.

Письма къ Кирѣевской отъ 30 іюля и 2 августа характеризуютъ ту обстановку, изъ которой бѣжалъ Жуковскій. „Вспо-

скому тексту.—Другой экземпляръ книги Дрезеке перешелъ отъ П. И. Полетики въ бібліотеку графа В. П. Завадовскаго и позже къ В. В. Голубцову; на внутренней сторонѣ доски переплета этой книги наклеены два листка бумаги, одинъ надъ другимъ; на верхнемъ написано: „Очарованному Челноку отъ двухъ Свѣтланъ, Арзамасской и настоящей, 1823 г., 18 декабря. С.-Петербургъ“. Очарованный Челнокъ было арзамасское прозвище Полетики, Свѣтлана—Жуковскаго, настоящая Свѣтлана—Воейкова. На нижнемъ листкѣ рукою Жуковскаго написано: „Вотъ тебѣ вѣра, надежда и любовь, прими ихъ изъ рукъ Свѣтланы, и пускай онѣ сопутствуютъ повсюду Очарованному Челноку“. Сл. „Русская Старина“ 1883 г., сентябрь, стр. 626.

¹⁾ „Русскій Архивъ“ 1871 г., стр. 0165.

мните, что я обѣщалъ, и что заставило меня сдѣлать обѣщаніе, и что я надѣялся получить за него. Обѣщаніе это помнать; побудительной причины никто, кромѣ меня и Маши, здѣсь не знаетъ; а ласкою думаютъ все сдѣлать. Но при этой ласкѣ положеніе то же; однѣ только формы перемѣнились"; съ Машей онъ попрежнему розно, сидитъ въ своей горницѣ за работой, съ семьей видится только за обѣдомъ и чаемъ. Эта внѣшняя ласка его бѣситъ. „Здѣсь всякій день записываютъ то, что дѣлается; и я пишу въ числѣ прочихъ. Вотъ что написала тетюшка въ одномъ мѣстѣ: „Доброй мой, несравненно драгоценной мой Жуковский опять даетъ мнѣ надежду на прежнюю дружбу, опять вселяется въ мое сердце спокойствіе и увѣренность въ ангельскія связи на землѣ“. Гдѣ же эти ангельскія связи на дѣлѣ? спрашиваетъ Жуковский; онъ знаетъ, что у Протасовой есть къ нему дружба, но ея дѣйствіе ничтожно, а надежды онъ никогда не отымалъ. Надо уѣхать, вдали отъ Маши онъ будетъ ближе къ ней, чѣмъ здѣсь; лишь бы независимость, онъ полетѣлъ бы къ роднымъ въ деревню; тамъ поживетъ у него многое, что въ короткое время петербургской жизни успѣло завянуть; тѣ grands projets, которые строятъ для него пріатели, не готовятъ ли неволи? Жуковский раскрываетъ письмо для оговорки: онъ напрасно обвинялъ Протасову, желалъ невозможнаго; вина въ обстоятельствахъ, не въ ней; „она такъ же достойна сожалѣнія, какъ и я“.

„На свѣтѣ много прекраснаго и безъ счастья“, повторяетъ онъ свою любимую фразу въ письмѣ къ Тургеневу (4 августа), т.-е. безъ счастья съ Машей. Есть счастье другое: „Душа добродѣтельная наслаждается, т.-е. любитъ съ чистотою и безкорыстіемъ; душа просвѣщенная судитъ себя и все, что ее окружаетъ; истина даетъ прочность наслажденію, великія мысли совершенствуютъ великія чувства! Произведеніе всего этого есть счастье. Помнишь ли, что говоритъ Миллеръ? Lesen ist nichts, lesen und denken Etwas, lesen, denken und fühlen — die Vollkommenheit. На мѣсто lesen поставь leben“. Жить и чувствовать.

14 августа на праздникъ дерптскихъ студентовъ профессоръ Эверсъ побратался съ Жуковскимъ, и онъ въ восторгѣ, поцѣловалъ „братскую руку“ идеальнаго старца, который „съ нѣжностью“ его „благословилъ“.

О, сладкій жаръ во грудь мою проникъ;
Когда твоя рука мнѣ руку сжала,
Мнѣ лучшею земная жизнь предстала.

Жуковский всюду открывал друзей, такъ и теперь на студенческомъ фуксъ-коммерсѣ—студента Зейдлица, впоследствии его пріятеля и восторженнаго біографа. На другой день послѣ праздника въ прогулкѣ за городомъ при заходѣ солнца онъ вспомнилъ „о небомъ данномъ братѣ“. Я часто любовался этимъ старикомъ, который всякій вечеръ ходилъ на гору смотрѣть на захождение солнца. Заходящее солнце въ присутствіи старца, котораго жизнь была святая, есть что-то величественное, есть самое лучшее зрѣлище на свѣтѣ. Я написалъ стихи къ „Старцу Эверсу“.... они должны быть дерптскія повторенія моего Эсхина и Теона. Въ обоихъ много для меня добра“ ¹⁾. Программа жизни, въ сущности, одна и та же, тамъ и здѣсь:

„Не унывать, хотя и счастья нѣтъ;
Ждать въ тишинѣ и помнить Провидѣнье;
Прекрасному—текущее мгновенье,
Грядущее—безпечно небесамъ;
Что мрачно здѣсь, то ясно будетъ тамъ;
Земная жизнь, какъ странница крылата,
Съ печалами отъ гроба улетитъ;
Что было здѣсь для добраго утрата,
То жизнь ему другая возвратитъ“!
Вотъ правила для Эверсова брата.

„Человѣкъ не долженъ быть несчастливъ, если только онъ можетъ быть добрымъ“, писалъ Жуковский своему „двадцатилѣтнему Эверсу“—Машѣ: „Эверсъ одинъ на свѣтѣ и бѣденъ.... Вспомни Эверса и скажешь себѣ, что бѣдности нѣтъ на свѣтѣ“ (15 апрѣля 1815 г.).

Жуковскаго попрежнему манила уединенная, занятая жизнь, слѣдственно не петербургская и не дерптская ²⁾. Въ Петербургѣ онъ уѣхалъ 24-го августа, едва ли такъ прочно утвердившись въ своемъ новомъ пониманіи счастья, какъ онъ увѣрялъ себя. Въ письмѣ къ Кирѣевской, въ которомъ онъ вспоминалъ о своемъ братаньи съ Эверсомъ (16 сентября 1815 г.), онъ знакомитъ ее съ впечатлѣніями Петербурга: его бросаетъ „изъ

¹⁾ Изъ письма къ Кирѣевской 16 сентября 1815 г. изъ Петербурга; сл. Шевыревъ, „О значеніи Жуковскаго въ русской жизни и поэзіи“, примѣчаніе 43. Стихи „Старцу Эверсу“ написаны дня за два до отъѣзда Жуковскаго (то же письмо), но о нихъ говорится уже въ письмѣ къ Ал. Тургеневу, которое издатель отнесъ къ половинѣ августа.

²⁾ Письмо къ Тургеневу, вторая половина августа 1815 г.

мертвого холода въ убійственный огонь, изъ равнодушія въ досаду“, но были и пріятныя минуты тамъ, гдѣ онъ ихъ не ожидалъ: во дворцѣ царицы, гдѣ читали его баллады, „Пѣвца“ и „Посланіе“. Онъ тронуть вниманіемъ, добродушной лаской, далеку отъ суетнаго честолюбія, но благодарность навсегда останется въ его душѣ; „можно безъ всякаго безпокойства предаваться простому, чистому чувству“. Въ Дерптъ онъ не вернется, быть рабомъ и, что еще хуже, сносить молча рабство Маши—такая жизнь хуже смерти“. Онъ такъ недавно разсуждалъ о вредной прелести надежды—и снова толкуетъ съ Протасовымъ и Нелединскимъ о степеняхъ своего родства съ Машей; Протасовъ не нашелъ въ нихъ пренятствія къ браку и, по просьбѣ Жуковскаго, написалъ объ этомъ сестрѣ ¹⁾).

Къ тому же времени, относится, судя по указанію на письмо Батюшкова ²⁾, и слѣдующее, адресованное Кирѣевской: „здѣшняя жизнь мнѣ тяжела, и я не знаю, когда отсюда вырвусь.... *И воображеніе поблѣднѣло*—такъ пишеть ко мнѣ и Батюшковъ. *Поэзія отворотилась*. Не знаю, когда она опять на меня взглянетъ.... О Дерптъ вамъ не хочу писать ни слова. Лучше говорить, нежели писать. Но когда же удастся говорить? Авось!... все еще авось“! Онъ любитъ теперь „поэзію, какъ милаго чело-вѣка въ отсутствіи, о которомъ безпрестанно думаешь, къ которому безпрестанно хочется, и котораго все нѣтъ, какъ нѣтъ“; живеть уединенно, неспособенъ заниматься, какая-то жестокая сухость, ужасная охладѣлость ко всему залетѣла въ его душу, жизнь давить и душить. Добраго настоящаго у него здѣсь нѣтъ и быть не можетъ, занятій нѣтъ, а „непріятное, неоживленное никакою привязанностію разсѣяніе самымъ тяжелымъ образомъ отвлекаетъ насъ отъ всякаго воспоминанія“. Не будь окружающаго его „морознаго“ настоящаго, многое изъ стараго могло бы возвратиться; „я говорю многое, всего не хочу“. Такое настоящее, посвященное „прекрасному дѣлу мысли, чувству“, онъ нашелъ бы у своихъ; тамъ и надежда на будущее не будетъ безпокоить: надо только представить себѣ „такое будущее, которое вѣрно, т.-е. не здѣшнее; будемъ думать о немъ, какъ о добромъ другѣ, съ которымъ увидимся непременно, но когда и гдѣ—неизвѣстно“. Въ иныя минуты духъ Божій налетитъ на него, онъ чувствуетъ себя на вершинѣ горы и только-что го-

¹⁾ Сл. письмо Жуковскаго къ М. А. Протасовой 28 ноября 1815 г.

²⁾ „Августъ, числа не знаю, 1815 г.“, изъ Каменца. Сл. Соч. Батюшкова II, 345.

товъ закричать: Вотъ Кашмиръ! какъ все становится темно по-старому. По крайней мѣрѣ я рѣдко позволяю себѣ грѣшить мыслями. Если чувство молчить, то по крайней мѣрѣ мысль холоднымъ языкомъ своимъ повторяетъ по складамъ то, что иногда прекрасное чувство представляетъ въ блестящей, очарованной картинѣ. Иначе оно и быть не должно. И прекрасныя чувства, *какъ фонари*, и между ними должны быть промежутки. Пускай же эти промежутки наполняетъ рассудокъ“ ¹⁾.

„О себѣ скажу вамъ, что я до сихъ поръ все ѣздилъ изъ Дерпта сюда, отсюда въ Дерптъ“, писалъ онъ Прокоповичу-Антонскому изъ Петербурга 15 октября 1815 года; а въ другомъ письмѣ: „Вы ждете отъ меня посланія. Дайте мнѣ уѣхать въ свою сторону — оттуда буду писать посланіе съ вольнымъ духомъ. Здѣсь какъ-то муза моя оледенѣла. Давно нѣтъ отъ нея никакого слуха. Молчить весьма упрямо. Посылаю Вамъ единственный плодъ ея, стихи, сдѣланные по заказу, хоть пѣтые на праздникъ Семеновскаго полка и написанные по просьбѣ офицеровъ. Писать было пріятно, но написанное худо, потому что не было времени. Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ“ ²⁾.

Письмо Протасова было послѣдней попыткой Жуковского устроить то, отъ чего онъ видимо отказался и чего попрежнему возжелѣлъ. Очень вѣроятно, что именно это письмо и произвело въ семьѣ Протасовыхъ и Воейковыхъ переполохъ, побудившій Машу къ рѣшенію, глубоко поразившему Жуковского.

Профессоръ Мойеръ, котораго онъ зналъ за человѣка честнаго, съ прелестной душой, уже сватался однажды за Машу, но ему было отказано; теперь Маша писала Жуковскому, какъ отцу, отъ котораго она ждетъ своего счастья и спокойствія: она хочетъ выйти за Мойера, знаетъ его благородный и возвышенный образъ мыслей, съ нимъ она найдетъ покой. Она понимаетъ, чѣмъ жертвуетъ, но что и приобрѣтетъ: потеряетъ свободу только по виду, но приобрѣтетъ право не скрывать святой, нѣжной дружбы къ Жуковскому; она всего ждетъ отъ времени, а маменькѣ подаритъ двухъ друзей. Жуковский будетъ ей утѣшителемъ, другомъ, братомъ, онъ будетъ жить съ матерью и Сашей, „этими двумя ангелами“; и Воейковъ станетъ „лучше и добродѣтельнѣе“. Это повліяетъ на счастье Саши. Воейкову она ничего еще не говорила о своемъ рѣшеніи, знаетъ, что у Жу-

¹⁾ „Русскій Архивъ“ 1864 г., вып. 4, стр. 458 сл.

²⁾ „Русскій Архивъ“ 1902 г., май, стр. 137—8.

ковскаго есть причины на него жаловаться, но пусть простить ему и отплатить добромъ ради сестры; она даже просить его похлопотать о Воейковѣ въ Петербургѣ, куда тотъ скоро явится, помирить его съ Кавелинымъ (8 ноября 1815 г.). Съ Воейковымъ она говорила, сообщается въ короткой записочкѣ отъ 22-го ноября: онъ недоволенъ, боится, что Жуковский вообразить его причиною всему; не думай этого: „я, одна я рѣшилась“. Ек. Ае. Протасова съ своей стороны просила Жуковскаго отвѣтить поскорѣе: „Сердце мое раздирается, когда я о тебѣ думаю, но я знаю твое благоразуміе. Другъ мой, напиши ко мнѣ все, что у тебя на душѣ; я увѣрена, что ты способствовать будешь счастію тѣхъ, кто тебѣ такъ дороги, и для кого ты безцѣненъ“ (25-го ноября 1815 г.).

Отвѣчая Машѣ, Жуковский пытается серьезно сыграть роль отца, не эгоистически взвѣшивающаго рѣшеніе дочери. Онъ не вѣритъ, чтобы это рѣшеніе было свободно: ее побудила къ тому тяжелая семейная обстановка, упрёки, грубости Воейкова; отъ нея требуютъ жертвы, которую приносятъ подъ видомъ счастья потому что опасаются его, Жуковскаго. Эта мысль отравить всю его жизнь. Не Маша ли клялась ему передъ Богомъ, что выйдетъ замужъ по свободному выбору, не по приказанію? Они такъ недавно разстались, онъ и маменька знаютъ „расположеніе“ ея сердца — а тутъ бракъ съ Мойеромъ, стало-быть, разлука съ семьей! Не она ли говорила, что для нея не надо другого счастья, кромѣ свободы, неразлучности съ маменькой и свободы въ семьѣ? Бракъ съ Мойеромъ ей навязываютъ, въ него тащутъ насильно: Мойеръ прекрасный человекъ, Жуковский любитъ его и уважаетъ, онъ способенъ дать Машѣ счастье, но она его почти не знаетъ, надо къ нему привыкнуть, присмотрѣться, „привязаться къ нему сердцемъ“; „годъ можетъ все *заставить забыть*“ — и онъ, Жуковский, будетъ радъ. *„Дѣло идетъ не о страсти — ты ея никогда не имѣла, и не дай Богъ имѣть!* Что маменька ни говорила и ни писала обо мнѣ, но я *никогда не имѣла ея*; но зато имѣлъ вѣчто лучшее: увѣренность въ своемъ счастіи, привязанность совершенную, привычку думать объ одномъ и все къ одному относить. Милый другъ, *это не страсть*“ (27 ноября 1815 г.).

Онъ видѣлся съ Воейковымъ, и тотъ подтвердилъ, къ его изумленію, будто, выйдя замужъ, Маша надѣется подарить матери двухъ друзей; „пожертвовавъ собою, не думай изъ меня сдѣлать ей друга — этимъ не заманишь меня въ ея семью“, пишетъ онъ на другой день (28 ноября). Воейковъ рассказал

ему въ Петербургѣ, что мать требуетъ ея замужества, а Маша готова пожертвовать собой для общаго счастья, между прочимъ для того, чтобы Жуковскій могъ жить съ ними (къ М. А. Протасовой 25 декабря 1815 г.).

Все это усилило его подозрѣнія; онъ не противился браку, просилъ только повременить; его письма къ Ек. Аѳ. Протасовой, повидимому рѣзкія, не сохранились ¹⁾. Отъ письма Маши къ нему (6 декабря 1815 г.) дошли отрывки не всегда согласные между собой, потому, быть можетъ, что, цитую, Жуковскій не всегда заглядывалъ въ текстъ: онъ послалъ копію этого письма къ Кирѣевской, перемежая его своими возраженіями, самъ комментировалъ его въ своемъ отвѣтѣ Машѣ (25 декабря). Маша писала ему, что обстоятельства побудили ее заговорить съ матерью о бракѣ, чтобы имѣть въ Мойерѣ друга и покровителя. „Ты упрекаешь меня, что я забываю себя для другихъ. Увѣряю тебя, что въ этомъ случаѣ я думаю только о себѣ. У меня *нѣтъ* *страсти къ Мойеру*, но уваженіе, довѣренность, дружба, которую я къ нему питаю, достаточны для того, чтобы сдѣлать насъ счастливыми. . . . Я воображала найти спокойствіе, перестать быть въ тягость однимъ, перестать быть вѣчною причиною слезъ другихъ, и все это безъ того, чтобы отказаться отъ нихъ навѣчно“. Мойеръ обѣщалъ ей не разлучать ее со своими: „это одно изъ невозможныхъ идеальныхъ блаженствъ“; они будутъ жить не въ одномъ домѣ. Ни маменька, ни Воейковъ не полагали для ея брака никакихъ сроковъ; можетъ быть, его и отложить, можетъ, онъ состоится и ранѣе, все зависить отъ обстоятельствъ; она ничего не хочетъ обѣщать, на это у нея важныя причины, у ней одной. Она напередъ была увѣрена, что Воейковъ будетъ противъ брака не потому, что боялся бы для нея несчастья, а потому что родные и знакомые могутъ заключить дурно о немъ. Онъ обѣщаетъ мнѣ спокойную жизнь, говорить, что я бѣгу отъ его бѣшенства; онъ говоритъ неискренно. Она не понимаетъ, какъ можетъ Жуковскій такъ мнѣнять свои взгляды: не онъ ли, видя ея прежнюю жизнь, совѣтовалъ ей выйти замужъ? И это за три дня до его отъѣзда? Я иду замужъ не для того, чтобы бѣжать отъ Воейкова, а точно для того, что люблю Мойера. Я не могу страдать за всѣхъ и видѣть себя всему причиною; она готова упрекнуть себя даже за свадьбу Саши, это она ее сдѣлала ²⁾, Никто не принуждаетъ ее идти за Мойера,

¹⁾ Сл. отвѣтное письмо Ек. Аѳ. Протасовой 6 декабря 1815 г. и отвѣтъ Жуковского 11 декабря 1815 г.

²⁾ Сл. выше стр. 135.

она желаетъ этого сама, хотя надежды ему никогда не давала; отсрочка свадьбы ничто въ ней не перемѣнитъ, и Жуковский ошибается, думая, что она обманываетъ Мойера и сдѣлаетъ изъ него „еще несчастнаго человѣка“. Мойеръ узнаетъ отъ нея, что она можетъ дать ему, а ея чувства къ Жуковскому такъ невинны, что она готова объявить ихъ передъ цѣлымъ свѣтомъ. Пока ей запрещено было показывать ихъ, теперь иное дѣло: она увѣрена, что Мойеръ позволилъ бы ей любить Жуковского, какъ брата, какъ она и теперь его любитъ. Она будетъ счастлива, завися отъ человѣка, котораго уважаетъ, которому хоть немного дорога; онъ дастъ ей тихую, независимую жизнь, она посвятитъ ее ему, а Саша перестанетъ имѣть огорченія, страдать изъ-за нея, изъ-за обращенія съ нею Воейкова. Воейковъ хочетъ казаться увѣреннымъ, что Машей пожертвовали, и вмѣстѣ боится, какъ бы не обвинили его—и Маша проситъ Жуковского написать ему, что обвинять его никто не станетъ, что самъ Жуковский желаетъ ея счастья. А за счастье порукой „прелестная душа Мойера“; на согласіе Жуковского она надеется; „ради Бога, не заставь раскаиваться въ томъ, что я люблю тебя, какъ брата“.

Жуковский привязывается къ каждому слову письма, не вѣрить ему и, вживаясь въ новое положеніе, которое самъ приготовилъ, и которое застало его врасплохъ, отстаиваетъ только право своего чувства и—чувства Маши. Въ замѣткахъ для Кирѣвской, которыми онъ сопровождалъ письмо Маши, постоянно встрѣчаются выраженія: „можно ли совершенно забыть прошедшее? Можно ли повѣрить, что она вдругъ могла забыть его“? „Можно ли вообразить, что сердце ея вдругъ и совершенно успокоилось“? Онъ не вѣритъ внезапной привязанности къ Мойеру: „я еще не потерялъ ни памяти, ни чувства! Или все прошедшее надобно считать за обманъ и призракъ“? Что несчастіе супружества „противъ воли, *съ тайнымъ чувствомъ къ другому*, съ необходимостью скрываться“? Можетъ ли онъ „этого бояться, помня прошедшее“? Онъ и прежде готовъ былъ уступить счастье Маши другому и въ письмѣ къ ней не отрицаетъ, что совѣтовалъ ей выйти замужъ; но этотъ совѣтъ вырвался у него въ минуту огорченія. Одно мѣсто въ этомъ письмѣ особенно характерно. Маша писала ему, говоря о своемъ замужествѣ съ Мойеромъ, что она „всею ждетъ отъ времени“. Для кого? спрашиваетъ Жуковский: для себя, чтобы полюбить Мойера, или для него, чтобы онъ могъ успокоиться? Будь же искренна: прежде, когда мы были привязаны другъ къ другу одинаково, тебѣ толковали безпрестанно,

что такая привязанность недозволена, и ты могла „перемѣнить не только твой образъ мыслей, но и самое твое чувство“. Я не перемѣнился; „можетъ быть, ты боялась показать мнѣ твою собственную перемѣну! Ты щадила меня и хотѣла избавить отъ новаго несчастья! Милая, ты ошиблась!... Если моя привязанность къ тебѣ казалась тебѣ заблужденіемъ, если для тебя же самой этого заблужденія не было, для чего не говорила ты мнѣ ясно и рѣшительно? Вотъ еще несчастіе, котораго причиною было то принужденіе, въ какомъ я и ты жили въ одномъ домѣ. Никто такъ убѣдительно, какъ ты, не могъ мнѣ доказать моей обязанности и такъ совершенно перемѣнить моего сердца. Такое открытіе не прибавило бы къ моему несчастію, но только указало бы мнѣ мою должность. Можетъ быть, въ первыя минуты сердце бы взволновалось, но оно бы скоро, скоро съ тобой согласилось! Я въ этомъ увѣренъ! Увѣренъ по тому чувству, которое нахожу теперь въ себѣ“. Онъ проситъ ее быть съ нимъ искренней; неужели она могла думать, что онъ захочетъ сохранить чувство, которое бы сдѣлало ее несчастной, питать его? „Я только думалъ, что оно во тебѣ было. Оно и было, но прежде“!

Это объясняетъ крикъ сердца, которымъ кончается его письмо къ Машѣ при отъѣздѣ изъ Дерпта: „Маша, откликнись!... Открой мнѣ глаза. Мнѣ кажется, я все потерялъ!“ И вмѣстѣ съ тѣмъ мысль о спокойствіи, счастья Маша перебиваетъ это настроеніе: какъ бы онъ радъ былъ дать ей это счастье! Мойеръ дозволить ей любить Жуковскаго, какъ брата, писала ему она: „Милый ангелъ! И тутъ она думаетъ обо мнѣ!“ комментируетъ онъ эту фразу въ письмѣ къ Кирѣевской: „ей нельзя не любить меня, и чѣмъ болѣе она будетъ счастлива, тѣмъ болѣе должна меня помнить! Лишь бы не такъ, какъ прежде! Лишь бы теперь не было прежнимъ“!

Маша спрашивала его (письмо 6 декабря 1815 г.), почему онъ самъ не пріѣдетъ, не осмотрится; тогда онъ увѣрился бы, что она говоритъ правду. И онъ самъ готовъ напроситься на пріѣздъ. Когда-то ему казалось, что счастьемъ Маши было остаться въ семьѣ, лишь бы она была спокойна, свободна; теперь остаться ей тамъ немыслимо. Принуждаютъ ли ее обстоятельства выходить изъ нея, или она идетъ по волѣ? Онъ не можетъ повѣрить, чтобъ „она теперь согласна была съ этимъ въ сердцѣ“, но не будетъ перечить, если найдетъ въ ней то чувство къ нему, какого теперь желать надобно, и котораго онъ никакъ не предполагалъ. И онъ ѣдетъ, рѣшившись, проникнувшись сознаниемъ долга, произвольной жертвы. Это сознаніе поднимаетъ его,

онъ хочетъ, чтобы Кирѣвская, его друзья въ этомъ участвовали, отдали бы ему справедливость (къ Кирѣвской 30-го декабря 1815 г.). Недаромъ поминаетъ онъ позже слова Карамзина: „намъ должно думать не о совершенствѣ дѣйствія, а о совершенствѣ одной воли! Дѣйствія не зависятъ отъ человѣка, но воля есть человѣкъ“ (Кирѣвской 19 февраля 1816 г.).

Въ январѣ 1816 года онъ провелъ нѣсколько недѣль въ Дерптѣ, убѣдился и все устроилъ. Маша не обманывала его, илеть замужъ „изъ увѣренности, что все будетъ лучше“, съ Мойеромъ онъ сблизился, они будутъ „вѣрные товарищи“, Маша, онъ и Мойеръ составятъ *„тѣсный триумвиратъ, котораго цѣль есть общее счастье“*. Это счастье онъ хочетъ „состряпать“ вмѣстѣ, надо только, чтобы Маша привязалась къ будущему мужу, говоритъ онъ себѣ; Маша привыкаетъ, „и все, что было, не пропадетъ для нея и только сольется съ тѣмъ, что есть, въ одно ясное, спокойное чувство“, но всякій разъ, когда онъ замѣчаетъ признаки замѣчающейся близости, для него наступаютъ „тяжелыя минуты“, выскакиваютъ порой, какъ пузыри, „маленькіе безобразные уроды, которые называются желаніями для себя“, но лопаются, точно въ немъ является и бурлитъ къ вечеру другой человѣкъ: „думаю, что онъ живетъ въ желудкѣ. Но онъ связанъ крѣпкими кандалами и осужденъ умереть съ голоду — и онъ умереть непременно“.

Екатерина Аѳанасьевна успокоилась, и хотя не совсѣмъ входитъ въ чувства Жуковского и не понимаетъ ихъ, но допустила свободныя бесѣды съ Машей. Бѣшенствовалъ одинъ Воейковъ; онъ и раньше мучилъ всѣхъ, грозя самоубійствомъ, дуэлью съ Мойеромъ, будто заступаясь за Жуковского, на самомъ дѣлѣ онъ заступался не за него, а за неограниченную власть, которой, благодаря слабости Протасовой, онъ пользовался въ семьѣ, и которая ускользала изъ рукъ. Эти сцены прекратились съ пріѣздомъ Жуковского: въ его рукахъ была репутація Воейкова, его связи съ друзьями. Жуковский не измѣнилъ своей „прекрасной цѣли“; прекрасна вся жизнь, несмотря на нарушающія ея порядокъ болѣзни; поэзія — громоотводъ: даже все печальное въ его судьбѣ теперь не убійственно и близко своей породой къ безсмертной музѣ! „Поэзія, идущая рядомъ съ жизнью, товарищъ несравненный“ ¹⁾!

¹⁾ Сл. письма къ Кирѣвской 30 декабря 1815 г., къ ней же и къ роднымъ въ Дерптъ января 1816 г., къ Кирѣвской 19 февраля 1816 г., къ роднымъ въ Бѣлевскій уѣздъ послѣ 19 февраля или въ мартѣ, „Русская Старина“ 1882 г., августъ.

Въ апрѣлѣ 1816 г. Жуковскій былъ снова въ Дерптѣ и, за исключеніемъ нѣсколькихъ поѣздокъ въ Петербургъ, пробылъ тамъ цѣлый годъ; ему хотѣлось вдвоемъ съ Мойеромъ „сострять“ счастье Маши, пожить утопій платоническаго „ménage en trois“, напоминающаго отношенія Гёте къ Шарлоттѣ и Кестнеру. Гёте освободился отъ нихъ поэтическимъ актомъ, создавъ „Вертера“; для Жуковского они были испытаніемъ, страдой воли. Не правда ли, „мое положеніе одно изъ самыхъ необыкновенныхъ“, писалъ онъ въ февралѣ или мартѣ 1816 г. Кирѣвской, получивъ отъ Мойера письмо, въ которомъ онъ говорилъ ему о Машѣ. „Мое положеніе необыкновенное, повторяетъ онъ (Кирѣвской 12 апрѣля 1816 г.), но я себя совѣмъ не понимаю; мнѣ до сихъ поръ, съ самаго моего сюда пріѣзда, нехорошо съ самимъ собою“, не потому, чтобы его тайное чувство было въ противорѣчій съ поступками, а есть такіе „комары жизни“, которые не даютъ наслаждаться ея прекраснымъ днемъ. Кругомъ него много нерѣшительнаго, та же принужденность; ни онъ, ни Мойеръ этимъ не довольны, а съ нимъ онъ совершенно согласенъ въ образѣ мыслей и чувствъ и свободно говоритъ объ „общемъ дѣлѣ“. — Затѣмъ все какъ-будто уладилось.

„Будь на мой счетъ совершенно спокоенъ. Я теперь точно таковъ, какимъ мнѣ быть *должно*, и это не стоитъ мнѣ никакого усилія“. Хлопотъ еще будетъ довольно, „но могу только поручиться за одну добрую волю свою и буду, помня слова моего евангелиста, то-есть, Карамзина, думать только о томъ, чтобы ее совершенствовать, оставляя все прочее на волю Провидѣнія.. Жизнь — искусство. И вотъ два правила, которыя едва ли не ко всему пригодятся: *Совершенствуй волю, все въ жизни къ прекрасному средство*“¹⁾. Самъ онъ оживаетъ²⁾, все идетъ, какъ должно, онъ даже начинаетъ писать, и теперь „стихи, то-есть хорошее“, льются изъ души³⁾. „Все идетъ очень хорошо. Я теперь увѣренъ, что Машѣ будетъ возможное счастье“⁴⁾.

Синхронизмы бываютъ интересны. Мы знаемъ со словъ Жуковского, какъ жилось въ семьѣ Воейковыхъ, и какая тамъ бывала неладница. 20-мъ августа 1816 года подписано посланіе Воейкова „Къ женѣ и друзьямъ“⁵⁾. Оно начинается знакомой намъ

¹⁾ Ал. Тургеневу лѣтомъ 1816 г.

²⁾ Сл. другое письмо къ нему же лѣтомъ 1816 г.

³⁾ Къ тому же 17-го августа и въ сентябрѣ 1816 г.

⁴⁾ Письмо къ Кирѣвской лѣтомъ 1816 г.

⁵⁾ О немъ см. выше стр. 127—8 и примѣч. 1. Что посланіе дописано послѣ 20-го года, доказывается стихомъ: „но съ Дерптомъ навсегда про-

картиной „ветхаго московскаго дома“, памятью о друзьяхъ, погибшихъ или разошедшихся по жизненнымъ тропамъ; и самъ онъ пустился въ море и чуть не погибъ въ его сѣдыхъ волнахъ,

Но Ангеломъ спасенъ отъ кораблекрушенья...

Подруга милая! Ты ангелъ сей была;

Ты мнѣ посломъ явилась Провидѣнья,

Мнѣ якорь подала,

Къ кресту его кольцомъ любви прикрѣпила,

Ея таинственная сила

Разсѣяла грозу и бурю утишила...

И жалкій плаватель теперь, хвала тебѣ,

Супругъ, отецъ и гражданинъ, въ семьѣ,

Любимый милою, хвалимый только другомъ,

Въ посредственности, въ простотѣ,

Въ работѣ по сердцу, смѣняемой досугомъ,

Находить счастье и просторъ.

Въ очахъ твоихъ свой приговоръ

Съ боязнію читаетъ

И ободряющій твой взоръ

Всему предпочитаетъ.

Онъ счастливъ, когда осенней ночью работаетъ въ своемъ „молчаливомъ“ кабинетѣ въ сосѣдствѣ Жуковскаго, или когда ютится у самовара, за ужиномъ, къ которому являются друзья; тутъ

съ Женни объ руку идетъ

Вейраухъ, вдохновенный

Наперсникъ музъ;

За ними Бокъ-гусаръ, и пастырь — Ленцъ смиренный

И нашъ Жуковский несравненный ¹⁾.

Всѣ шутятъ вѣжливо, скромно, спорятъ безъ запальчивости,

стась“ и намѣреніемъ Воейкова ждать друзей въ Москвѣ, „на старомъ новосельѣ“.

¹⁾ О Вейраухѣ, музыкантѣ и стихотворцѣ, положившемъ на музыку нѣкоторыя пѣсни Жуковскаго, и дерптскомъ оберъ-пасторѣ Ленцѣ сл. прим. къ письмамъ В. А. Жуковскаго къ Ал. Ив. Тургеневу №№ LXXXII и CXIV; о Бокѣ сл. Дневники В. А. Жуковскаго, стр. 86, прим. 8, и дневникъ 22 сентября / 4 октября 1832 года и слѣд. (Жуковский у Бока въ Веве), что устраняетъ прежнее мнѣніе, будто съ 1827 г. Бокъ жилъ въ своемъ имѣніи, лишившись разсудка.

благородно; но Воейковъ предпочитаетъ крылатымъ часамъ веселыхъ ужиновъ и дружескихъ бесѣдъ то время, когда, забывъ и свѣтъ и дѣло, усталый „отъ счастья, отъ хлопотъ, отъ разговоровъ“, онъ сладко дремлетъ въ креслахъ, тогда какъ его духъ витаетъ надъ бездною солнцъ, зрѣть океаны звѣздъ,

Дерзаетъ подлетѣть Создателя къ чертогу,
Гдѣ Серафимовъ тѣмы кипятъ,
И въ хорѣ ихъ поетъ „Три святъ“
И „Слава въ вышнихъ Богу“!
О, память сихъ минутъ святыхъ,
Чистѣйшихъ и духовныхъ,
Въ кругу *земныхъ* друзей, въ кругу друзей безплотныхъ (?),
Я сохраню до позднихъ дней моихъ!

Такую же идеалистическую картину дерптскаго счастья воскрешаетъ онъ годъ спустя (1817 г. 10 октября) ¹⁾ въ воспоминаніи, обращенномъ къ женѣ: семья за чаемъ, тутъ и „нашъ (?) подщипанный вздыхатель . . . овъ“, и

Женни-пѣночка съ гитарою своею!
Вздыхаетъ горлицей, поетъ какъ соловей!
Вотъ съ чашкою въ рукѣ и съ новыми стихами
Ж(уковский) изъ угла пугаетъ мертвецами:
Все въ ужасѣ, никто не смѣетъ идохнуть;
Бонсея Лилія иглою шевельнуть,
И замерла рука у Женни на гитарѣ,
И чайникъ замолчалъ, стоя на самоварѣ,
И, мнится, слышится желѣзныхъ скрепъ зубовъ,
И шорохъ савана, и стонъ, и звукъ оковъ;

¹⁾ „Къ Женѣ“, въ „Вѣстникѣ Европы“, ч. ХСІХ, № 9, май 1816 г., стр. 25 слѣд. Биографу Воейкова предстоитъ разъяснить нѣкоторые обстоятельства, на которыя намекаетъ стихотвореніе. Ты права, обращается Воейковъ къ женѣ, „но теперь раскаиваться поздно: Три года (какъ свинецъ тяжелыхъ) жить намъ розно“; къ этому осудилъ ихъ „заботливый расчетъ“, потому что „плюсъ долговъ у насъ и минусъ состоянья“, надо разстаться, скрѣпя сердце, ибо „дѣло объ дѣтяхъ“. А онъ былъ такъ счастливъ въ семьѣ, съ женой! Къ этому и примыкаютъ воспоминанія. Повидимому, Воейковъ искалъ мѣста; именно въ октябрѣ Воейковъ былъ въ Москвѣ, и Жуковский записалъ въ Дневникъ 1817 года подъ 27 октября: „Пріѣздъ Воейкова съ стихами“. Это извѣстный отрывокъ изъ поэмы „Искусства и Науки“ съ характеристикой Жуковского-поэта съ его репертуаромъ развалинъ, кладбища и т. д. Въ „Посланіи къ женѣ и друзьямъ“ онъ говоритъ о старомъ московскомъ новосельѣ, выше стр. 194 прим. 5.

Но кстати, во время въ стихахъ запѣвший пѣтель
Разсѣялъ блѣдный страхъ — и всякой сталъ вновь свѣтель.
О, чай вечерній! ты въ мой тѣсный уголокъ
Друзей, родныхъ моихъ бывало собираешь,
И ихъ не по чинамъ, по сердцу размѣщаешь...

Посланіе кончается восторженнымъ признаніемъ всего хорошаго, чѣмъ онъ обязанъ женѣ:

Твоя любовь меня и грѣтъ и хранить,
Подъ бурей и грозой во тѣмѣ путеводитель,
И за минувшее мой съ Богомъ примиритель,
Ты противъ самого меня мой вѣрный щитъ...
Завѣса съ глазъ моихъ твоей рукою снята!
Я вижу все въ другомъ и цвѣтѣ, и значенѣ,

и слабость представляется ему теперь силою, „страданье—счастьемъ, печали — наслажденіемъ, и яснымъ — гроба мракъ, а смерть—преображеніемъ“.

Это почти житейская философія Жуковского, въ которой онъ воспиталъ Машу и Воейкову; Воейковъ могъ порой вливаться въ этотъ пафосъ самоотреченія и не только риторически, но не надолго; Жуковский ему не вѣрилъ.

Между тѣмъ Тургеневъ представилъ Государю черезъ князя Голицына сочиненія Жуковского, вышедшія въ 1815 г. „Вниманіе Государя есть святое дѣло, пишетъ Жуковский по этому поводу; имѣть на него право могу и я, если буду русскимъ. поэтомъ въ благородномъ смыслѣ сего имени. А я буду! Поэзія часть отъ часу становится для меня чѣмъ-то возвышеннымъ.. Не надобно думать, что она только забава воображенія..., она должна имѣть вліяніе на душу всего народа, и она будетъ имѣть это благотворное вліяніе, если поэтъ обратитъ свой даръ къ этой цѣли. Поэзія принадлежитъ къ народному воспитанію“ (Тургеневу 21 октября 1816 г.). „Поэзія святое дѣло! Святое во всемъ смыслѣ этого слова,—напишетъ онъ недѣли двѣ спустя къ Кирѣвской,—блаженъ, кто можетъ быть вполне поэтомъ! вполне, а не *слишкомъ*! Если слишкомъ, то поэзія врагъ всякаго *влиятія* съ людьми. Моя стоитъ на золотой серединѣ, и слава Богу! Я опять пишу и пишу!“ (7 ноября 1816 г.). Едва ли это *влиятіе* указываетъ на требованія общественнаго служенія: это „*милое влиятіе*“ съ Машей, которое ему не далось, потому что онъ слишкомъ жилъ идеалами, что не годится, какъ выразился

онъ однажды по поводу „Агатона“ ¹⁾; un coeur sensible est un méchant cadeau de la bonté divine, поучаетъ онъ въ томъ же письмѣ Кирѣевскую, сердце которой доставляло ей много напрасныхъ страданій. Пришлось ограничиться счастьемъ *при Машѣ, поэзіей „на золотой серединѣ“*.

Свадьба Машы съ Мойеромъ состоялась 14 января 1817 г. „Свадьба кончена, пишетъ Жуковский Тургеневу во второй половинѣ генваря,—и душа совсѣмъ утихла. Думаю только объ одной работѣ“. 18-го февраля того же года онъ исповѣдуется Дмитріеву: ему хотѣлось бы быть подобнымъ Карамзину въ стремленіи къ хорошему. „Во мнѣ живо желаніе произвести что-нибудь такое, что бы осталось памятникомъ доброй жизни. По сію пору ни дѣятельность, ни обстоятельства не соотвѣтствовали желанію; но оно не умирало, а только иногда засыпало. *Если обстоятельства не сдѣлались счастливые, то по крайней мѣрѣ лучше, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ нравственному лучше; вѣроятно, что буду болѣе въ ладу съ самимъ собою—это главное для поэзіи*. О фортунахъ же попечется Провидѣніе“. Но работа не спорится, въ ней у него „большая неровность“, жалуется онъ тому же Дмитріеву, „часто какая-то нравственная сухотка нападаетъ на меня и мучить цѣлые мѣсяцы“ (1 марта 1817 г.). „Старое все миновалось, а новое никуда не годится, слышимъ мы нѣсколько мѣсяцевъ спустя; душа какъ-будто деревянная. Что изъ меня будетъ, не знаю. А часто, часто хотѣлось бы и совсѣмъ не быть. Поэзія молчитъ. Для нея еще нѣтъ у меня души. Прошлая вся истрепалась, а новой я еще не нажилъ. Мыкаюсь, какъ кегля“ (въ мартѣ 1817 г. къ Тургеневу).—„Я вижу, что пребываніе твое въ Дерптѣ не облегчило души твоей“, писалъ ему 18 апрѣля Ал. Тургеневъ; пусть вернется въ Петербургъ, „на что быть *ежеминутнымъ свидѣтелемъ счастья, которое отравляетъ наше спокойствіе*“ ²⁾).

Жертва далась ему не легко, „трудно было рѣшиться, но минута, въ которую я рѣшился, сдѣлала изъ меня другого человека, и, къ несчастію, эта переменна сдѣлалась слишкомъ скоро. Я хлебнулъ изъ Леты и чувствую, что вода ея усыпительна. Душа смягчилась. Къ счастью, на ней не осталось пятна: зато бѣла она, какъ бумага, на которой ничто не написано. Это-то ничто—моя теперешняя болѣзнь, столь же опасная, какъ первая, и почти похожая на смерть.... Мое теперешнее положеніе есть

¹⁾ Сл. выше стр. 103—4.

²⁾ Незданное письмо, безъ года.

усталость человѣка, который долго боролся съ сильнымъ противникомъ, но, боровшись, имѣлъ нѣкоторую дѣятельность; борьба кончилась, но вмѣстѣ съ нею и дѣятельность. Къ этой дѣятельности душа моя привыкла: эта дѣятельность была до сихъ поръ всему источникомъ“ (къ Тургеневу 25 апрѣля 1817 г.).

Кто знаетъ, какую роль игралъ Воейковъ въ тяжелой нравственной борьбѣ, пережитой Жуковскимъ, того поразить своей неожиданностью характеристика Жуковского въ письмѣ Воейкова къ Кюхельбекеру, только-что познакомившемуся съ поэтомъ по выходѣ своемъ изъ Лицея (въ маѣ 1817 г.). „Поздравляю васъ съ такимъ другомъ и братомъ, какъ нашъ Жуковский; проживая съ нимъ полвѣка (?), видя его въ разныхъ обстоятельствахъ,—въ счастіи и несчастіи, въ горѣ и въ радости, въ болѣзни и въ цвѣтущемъ здоровьѣ, я не могу, клянусь вамъ, рѣшить, что больше, что превосходнѣе, что удивительнѣе въ немъ—необыкновенное ли его дарованіе или необыкновенный его характеръ. *Я видѣлъ, съ какою ютовностью жертвуетъ онъ самими драгоценными для своего сердца благами счастію другихъ, съ какимъ христіанскимъ терпѣніемъ переноситъ несчастія, подъ которыми бы упалъ всякій человѣкъ, меньше его увѣренный въ безсмертіи души и въ томъ, что тайная рука Провидѣнія всегда ведетъ насъ къ счастію, часто по терніямъ и кремнямъ, но все къ счастію. Знаю только, что, живучи съ Жуковскимъ, самъ непримѣтно становисься лучше, выше, добрѣе“* 1).

Искушительная дѣятельность вскорѣ нашлась для Жуковского: ему предложили быть учителемъ русскаго языка у принцессы Шарлотты, впослѣдствіи великой княгини Александры Ѳедоровны. Онъ не знаетъ, способенъ ли онъ къ такой должности, будетъ ли самъ собою доволенъ, а дѣло его привлекаетъ: это не работа наемника, а занятіе благородное; „имѣть въ такомъ занятіи (и любимомъ занятіи) товарищемъ образованную женщину должно быть наслажденіемъ, а не неволею“. Онъ получилъ возможность „образоваться“, радъ „обязанности“, потому что чувствуетъ, что „неограниченная свобода“ ему вредитъ; но необходимость работать, и хорошо работать, не будетъ ли для него слишкомъ тягостною? Онъ „избалованъ свободой и привыкъ работать только тогда, когда вдохновеніе этого требуетъ“. Ему хотѣлось бы попутешествовать, „дать себѣ два года *настоящей молодости, свободной, живой*, окруженной прекрасными для меня живыми впечатлѣніями“. Это воспламенило бы его дарованіе.

1) „Русская Старина“ 1875 г., № 7, стр. 359.

„Отъ этого надобно будетъ отказаться“ (къ Тургеневу 25 апрѣля).

Дерптская жизнь односторонне и слабо отразилась въ поэзи Жуковскаго; онъ не всегда „оживалъ“. Онъ дописываетъ тамъ „Пѣвца въ Кремль“, которымъ недоволенъ (къ Ал. Тургеневу 21 октября и 6 ноября 1816 г.); пишетъ „Вадима“, къ 21-му октября написано было болѣе половины, въ концѣ года или началѣ слѣдующаго баллада была готова ¹⁾).

Жуковскій глубже входитъ въ мѣстныя дерптскія отношенія, знакомится съ профессорами, слушаетъ лекціи, сводитъ дружбу съ фонъ-Бокомъ ²⁾, Фурманомъ, который называлъ его славянскимъ Оссианомъ ³⁾, 16 апрѣля 1816 г. его сдѣлали почетнымъ докторомъ дерптскаго университета ⁴⁾. Нельзя сказать, чтобы онъ „совсѣмъ огерманился“, какъ онъ пишетъ Тургеневу ⁵⁾: новыхъ вѣяній не слышно, развѣ увлеченіе Гебелемъ, „Овсяный кисель“ котораго казался Жуковскому совершенствомъ „простоты и непорочности“ ⁶⁾. Онъ вживался мечтой въ эту идиллію, желанную и недостижимую въ сутолокѣ отношеній, среди которыхъ онъ созидалъ чужое счастье и, казалось, свое. „Что мнѣ нужно? писалъ онъ еще 16 сентября 1815 г. Кирѣвской: свобода и маленький достатокъ,... клочъ земли подлѣ Мишенскаго или подлѣ Долбина, но клочъ собственный.... Если разъ залѣзу въ этотъ уголъ, то уже изъ него будетъ трудно меня вытащить“. И его потянуло въ деревню, къ старинѣ, къ очагу, на родину:

Тамъ небеса и воды ясны!
Тамъ пѣсни птичекъ сладкогласны!
О, родина! всѣ дни твои прекрасны!
Гдѣ бъ ни былъ я, но все съ тобой
Душой!....

Ты помнишь ли нашъ прудъ спокойный,
И тѣнь отъ ивъ въ часъ полдня знойный,
И надъ водой отъ стада гуль нестройный,
И въ лонѣ водъ, какъ сквозь стекло,

Село?

¹⁾ „Русская Старина“ 1901 г., апрѣль, стр. 132 слѣд.: письмо 2 октября 1816 г. къ Тургеневу; сл. письма къ Тургеневу 21, 31 октября и 6 ноября, къ Кирѣвской 7 ноября того же года, къ Ал. Тургеневу во второй половинѣ января 1817 г.: „надо сперва кончить Вадима“.

²⁾ Сл. три стихотворенія къ Боку 1815 г.

³⁾ Къ Фурману 1815 г.

⁴⁾ Сл. письмо къ Тургеневу 24 августа 1816 г.

⁵⁾ Сл. письмо къ Тургеневу сентября 1816 г.

⁶⁾ Сл. письмо къ Тургеневу 21 октября 1816 г.

Туда, туда душа моя летѣла!
Казалось сердцу и очамъ
Все тамъ!

Это такъ задушевно, такъ вѣтъ тоской по родной русской деревнѣ, а между тѣмъ и тонъ и лирическая форма подслушаны у Шатобриана, въ его „Aventures du dernier Abencerrage“, гдѣ Lautrec поетъ романсъ:

Combien j'ai douce souvenance
Du joli lieu de ma naissance.

Привожу двѣ послѣднія строфы:

Te souvient-il du lac tranquille
Qu'effleurait l'hirondelle agile,
Du vent qui courbait le roseau
Mobile?
Et du soleil couchant sur l'eau
Si beau
Oh! qui me rendra mon Hélène
Et la montagne et le gros chêne?
Leur souvenir fait tous les jours
Ma peine:
Mon pays sera mes amours
Toujours!

То же настроеніе въ пѣсенкѣ, сочиненной имъ по просьбѣ и на данный голосъ: опять раздается „милый голосъ старины“ (къ Кирѣевской 7 ноября 1816 г.).

Въ эту пору Жуковскій начинаетъ интересоваться „Ундиной“: просить Тургенева прислать ему повѣсть Ламоть-Фука, ибо она нужна его музѣ¹⁾; переводить три пьесы изъ Гёте: „Кто слезъ на хлѣбъ свой не ронялъ“ (1816 г.), „Утѣшеніе въ слезахъ“ и „Къ мѣсяцу“ (1817 г.); въ послѣдней пьесѣ гётевское выраженіе, что онъ предается въ уединеніи то радости, то печали, замѣнено стихами: „И *минувшаю* привѣтъ слышу въ тишинѣ“. Переведено нѣсколько пьесъ изъ Гебеля; изъ Уланда, кромѣ балладъ, „Сонъ“, „Пѣсни Бѣдняка“, „Счастье во снѣ“ (1816 г.). Иныя изъ этихъ стихотвореній точно подобраны къ выраженію чувствъ, пережитыхъ имъ въ пору тяжелой жертвы

¹⁾ Сл. письма къ Тургеневу 17 и 24 августа и 2 октября 1816 г.

и совершенствованія воли. Порой воскресало передъ нимъ „минувшихъ дней очарованье“, кто-то будилъ замолкавшія мечты,

Шепнулъ душѣ привѣтъ бывалый;
Душѣ блеснулъ знакомый взоръ, ...
О, милый гость, святое *прежде*,
Зачѣмъ въ мою тѣснишься грудь?
Могу ль сказать: *живи*, надеждѣ?
Скажу ль ль тому, что было, *будь*?

(„Пѣсня“: Минувшихъ дней очарованье, 1816 г.).

Но былого не вернуть: въ „Пѣснѣ“ на народный мотивъ молодецъ уронилъ въ море кольцо, съ которымъ соединена была любовь милой — и любовь пропала.

Вчера ей жалко стало:
Нашла меня въ слезахъ
И что-то, какъ бывало,
Зажглось у ней въ глазахъ.
Ко мнѣ подѣла съ лаской,
Мнѣ руку подала,
И что-то ей хотѣлось
Сказать, но не могла.
На что твоя мнѣ ласка,
На что мнѣ твой привѣтъ?
Люби, любви хочу я ...
Люби-то мнѣ и нѣтъ.

(„Пѣсня“: Кольцо души дѣвицы, 1816 г.).

„Воспоминаніе“ 1816 года — это уже отказъ отъ очарованья минувшихъ дней, которыя порой воскресали:

Прошли, прошли вы, дни очарованья!
Подобныхъ вамъ ужъ сердцу не нажить!
Вашъ слѣдъ въ одной тоскѣ воспоминанья!
Ахъ! лучше бъ васъ совсѣмъ мнѣ позабыть.

Къ вамъ часто мчитъ привычное желанье —
И слезъ любви нѣтъ силъ остановить!
Несчастье — о васъ воспоминанье!
Но болѣе несчастье — васъ забыть!

О! будь же, грусть, замѣной упованья!
Отрада намъ — о счастья слезы лить!
Мнѣ умереть съ тоски воспоминанья!
Но можно ль жить, — увь! — и позабыть!

VI.

У чужого счастья. Двѣ родныя могилы.

Годъ спустя послѣ свадьбы Мойеровъ, посѣтилъ ихъ въ Дерптѣ, проѣздомъ за границу съ Блудовымъ, Ф. Ф. Вигель.

„Ты, вѣроятно, знаешь, что я съ ними познакомился“, писалъ Блудовъ Жуковскому, говоря о его дерптскихъ друзьяхъ. „Что сказать новому Saint-Preux о его Юліи? Я воображалъ ее прекраснѣе, но не могъ вообразить лучше и милѣе. Надѣюсь, что она меня полюбила, разумѣется, за то, что я люблю тебя и твои стихи“ (изъ Лондона 9/21 августа 1818 г.) ¹⁾.

„Воспоминанія“ Вигеля записаны долгое время спустя послѣ событій, неизбежны были промахи памяти, но слѣды впечатлѣнія, хотя бы и односторонняго, остались. Вигель былъ членомъ Арзамаса, гдѣ носилъ имя Журавля, зналъ Воейкова, которому даетъ характеристику, любилъ Жуковского, хотя между ними, повидимому, особой близости не было: онъ, напр., не посвященъ въ отношенія Воейкова къ Жуковскому, въ романъ Жуковского и Маши; знаетъ только, что Жуковский выросъ съ двумя дочерьми Протасовой, „которыя любили его, какъ брата; говорятъ, онѣ были очаровательны. Меньшая выдана была за сосѣда, молодого помѣщика Воейкова, который также писалъ стихи, и оттого - то у двухъ поэтовъ составилось болѣе, чѣмъ пріязнь, почти родство. Совершенная разница въ наружности, чувствахъ, обхожденіи супруговъ, конечно, бросалась въ глаза“

¹⁾ „Русская Старина“ 1902 г., октябрь, стр. 200.

онъ былъ мужиковать, аляповать, неблагородень, она же настоящая сильфида, ундина, существо неземное, какъ увѣряли меня, ибо я только вскользь видѣлъ ее“.

Въ Дерптѣ онъ познакомился съ ея сестрой, посѣтилъ Мойера, потому что давно зналъ о немъ „по заочности“; „связи съ Жуковскимъ не только сближаютъ друзей его, но какъ-будто роднятъ ихъ между собою“. И онъ записываетъ: въ Дерптѣ находилась часть семейства, въ которомъ воспитанъ былъ Жуковский; къ Воейкову, тогда профессору университета, пріѣхала его теща съ старшей дочерью, и онъ „нашелъ средство просватать послѣднюю за профессора медицины Мойера, самъ же, видя, что преподаваемою имъ наукой молодые нѣмцы не хотятъ заниматься, вскорѣ уѣхалъ въ Петербургъ“. — Это было, какъ извѣстно, въ 1822 году. -- То, что Вигель говоритъ о Машѣ, которую увидѣлъ впервые, напоминаетъ его отзывъ о сестрѣ; и здѣсь отмѣчено психологическое несоотвѣтствіе мужа и жены. Мимолетныя впечатлѣнія Вигеля тѣмъ цѣннѣе, что они видимо не направлены на этотъ разъ симпатіей къ Жуковскому и его сердечной судьбѣ. „Я не могу здѣсь умолчать о впечатлѣніи, которое сдѣлала на мнѣ М. А. Мойеръ. Это совсѣмъ не любовь; къ сему небесному чувству примѣшивается слишкомъ много земного; къ тому же, mimoвѣдомъ, въ продолженіи немногихъ часовъ влюбиться, мнѣ кажется, смѣшно и даже невозможно. Она была вовсе не красавица; разбирая черты ея, я находилъ даже, что она болѣе дурна, но во всемъ существѣ ея, въ голосѣ, во взглядѣ было нѣчто неизъяснимо-обворожительное. Въ ея улыбкѣ не было ничего ни радостнаго, ни грустнаго, а что-то покорное. Съ большимъ умомъ и свѣдѣніями соединяла она необыкновенную скромность и смиреніе. Начиная съ ея имени все было въ ней просто, естественно и въ то же время восхитительно. Другихъ женщинъ, которыя правятся, кажется, такъ взялъ бы да и расцѣловалъ, а находясь съ такими, какъ она, въ сердечномъ умиленіи, все хочется пасть къ ногамъ ихъ. Ну, точно она была какъ-будто не отъ міра сего. „Какъ въ одинъ день все это могъ ты разсмотрѣть?“ скажутъ мнѣ. Я выгоднымъ образомъ былъ *предупрежденъ* насчетъ этой женщины; тутъ повѣрялъ я слышанное и нашелъ въ немъ не преувеличеніе, а ослабленіе истины. И это совершенство сдѣлалось добычей дюжаго нѣмца, правда, добраго, честнаго и ученаго, который всемѣрно старался сдѣлать ее счастливой; но успѣвалъ ли? Въ этомъ позволю я себѣ сомнѣваться. Смотрѣть на сей неравный союзъ было мнѣ нестерпимо; эту кантату, эту элегію, никакъ не

умѣлъ я приладить къ холодной диссертациі. Глядя на г-жу Мойеръ, такъ разсуждалъ я самъ съ собой: кто бы не былъ осчастливленъ ея рукой? И какъ ни одинъ изъ молодыхъ русскихъ дворянъ не искалъ ея? Впрочемъ, кто знаетъ, были, вѣроятно, какія-нибудь препятствія, и тутъ *кроется, можетъ быть, какой-нибудь троительный романъ?* Она недолго послѣ того жила на свѣтѣ: подобнымъ ей, видно, на краткій срокъ дается сюда отпускъ изъ мѣста настоящаго жительства ихъ“¹⁾.

Изъ Петербурга Жуковскій перѣдко навѣдывался въ Дерптъ къ своимъ. Онъ устранивалъ Машу: въ 1818 году совѣтовалъ Арбеновой помѣститъ у ней на воспитаніе своихъ дѣтей; выгода Маши „требуется имѣть у себя пансіонеровъ; но вашихъ дѣтей имѣть въ домѣ была бы выгода и для ея сердца“. Въ письмахъ къ Арбеновой онъ говоритъ, что надѣется увидѣть въ Бѣлевѣ Елагину (А. П. Кирѣвская вышла во второмъ бракѣ за Елагина), Свѣчину и ее, „товарища старины“. Отъ этой старины осталось лишь хорошее воспоминаніе: „Промежутокъ времени, въ который наша съ вами дружба ходила въ дурацкой маскѣ досады, долженъ быть причисленъ къ тѣмъ эпохамъ жизни, въ которыя болѣли у насъ зубы, была лихорадка и прочее; слѣдовательно ни къ чему: ибо въ такое время не живешь, а только барахтаешься или пьешь хину. Сердце мое по-старому ваше, и въ немъ та же благодарность на милую вашу дружбу, какая была и прежде. . . . Работаю; мѣсто, данное мнѣ Богомъ, прекрасное; всѣ хорошія мысли и чувства въ движеніи: это значитъ — жить. Не бойтесь моего прошедшаго; оно разсталось со мною не злодѣемъ, а другомъ. Нѣсколько времени жестокой пустоты, вотъ и только; но я дурного не получилъ отъ него въ

¹⁾ Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля, ч. 5, стр. 44, 77—79. Въ 1819 году, 18 ноября И. Вилламовъ писалъ Кюхельбекеру изъ Дерпта: онъ знакомъ съ семьей Екатерины Аѳанасьевны Протасовой и съ ея милой дочерью, М. А. Мойеръ, въ ихъ обществѣ отводитъ душу: „веселятся безъ шуму, разговариваютъ безъ церемоній, смѣются отъ сердца, радуются отъ души. Какова жизнь!“ Сл. „Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ музеѣ П. И. Щукина“, ч. IX, 1901 г., стр. 351. — Е. И. Елагина, урожденная Мойеръ, защищая память отца, протестуетъ противъ характеристики его, данной Вигелемъ, и нападокъ Пирогова. Защита бросаетъ свѣтъ и на семейныя отношенія: жизнь дома была простая, но веселая; Мойеру удалось своими концертами (онъ былъ хорошій піанистъ) основать въ Дерптѣ первый домъ для бѣдныхъ (Moierisches Armenhaus), Марья Андреевна продала для этой цѣли всѣ свои драгоценности. Окна этого дома выходятъ на ея могилу, старухи молятся за Мойера и за нее, глядя на ея могильный крестъ. Ея смерть страшно подѣйствовала на мужа: въ одинъ годъ онъ посѣдѣлъ; онъ умеръ 1 апрѣля 1858 года, протянувъ впередъ руки и воскликнувъ: Маша! Сл. „Русскій Архивъ“ 1902 г. № 3, стр. 476 слѣд.

наслѣдство; напротивъ, всёмъ хорошимъ ему обязанъ, хоть часто и былъ на порогѣ дурного. Богъ помогъ! Все дурное само собою наказано и погибло въ этомъ благодѣтельномъ наказаніи, хорошее живо и не умретъ. Tout est conséquent dans la vie humaine. On a tort d'imaginer qu'il y a un sort" ¹⁾.

А между тѣмъ въ его поэзіи продолжаютъ отзываться неспокойныя ноты. Въ февралѣ 1819 г. онъ ѣздилъ въ Дерптъ недѣли на три ²⁾. 12-мъ іюля подписанъ переводъ изъ Шиллера „Къ Эммѣ“:

Ты вдали, ты скрыто мглою,
Счастье милой старины;
Неприступною звѣздой
Ты сіяешь съ вышины!
Ахъ! звѣзды не приманить!
Счастью бывшему не быть!

Если бъ жадною рукою
Смерть тебя отъ насъ взяла,
Ты была бъ моей тоскою,
Въ сердцѣ все бы ты жила!
Ты живешь во сіяньи дня,
Ты живешь не для меня.

Съ послѣдней строфой переводчикъ не совладалъ. Шиллеръ спрашиваетъ, можетъ ли пройти любовь, а что прошло, было ли любовью? Неужели ея небесное пламя исчезаетъ, какъ все земное? У Жуковского вышло темнѣе, непонятнѣе:

То, что насъ одушевляло,
Эмма, какъ то пережить?
Эмма, то, что миновало,
Какъ тому любовью быть?
Небомъ въ сердцѣ зажжено,
Умираетъ ли оно?

Это Шиллеръ, приложенный къ сердечной исторіи Жуков-

¹⁾ „Русскій Архивъ“ 1883 г., № 2, стр. 318—9: два письма къ А. Н. Арбе-
невой 1818 года.

²⁾ Сл. письмо Карамзина къ Дмитріеву № 229, 28 февраля; сл. „Русскій
Архивъ“ 1878 г., № 2, стр. 207—8.

скаго, Эмма — Маша; къ тому же мѣсяцу относится стихотвореніе къ „Мойеру“ ¹⁾:

Счастливецъ! ея ты любимъ,
Но будетъ ли она любима такъ тобою,
Какъ сердцемъ искреннимъ моимъ,
Какъ пламенной моей душою?

Возьми жъ ихъ отъ меня и страстію своей
Достоинъ будь судьбы твоей прекрасной!
Мнѣ жъ сердце, и душа, и жизнь, и все напрасно,
Когда нельзя всего отдать на жертву ей.

„Я отъ всѣхъ оторванный кусокъ и живу такъ, что душа холодѣетъ, писалъ онъ, вернувшись съ побывки въ Дерптъ, къ Елагиной. Бѣдная моя поэзія! Былъ въ Дерптѣ, какъ во снѣ. Тамъ тихо, но у всѣхъ у насъ одна болѣзнь — разлука! Чѣмъ отъ нея вылечить“ ²⁾. Въ октябрѣ того же года Жуковскій снова посѣтилъ Дерптъ проѣздомъ за границу, гдѣ онъ долженъ былъ состоять при великой княгинѣ Александрѣ Федоровнѣ. Отсюда онъ писалъ Тургеневу (2 октября) и Елагиной (того же дня) ³⁾: онъ надѣется освѣжиться впечатлѣніями и снова приняться за поэзію: въ прусскомъ дворѣ нѣтъ поэзіи, зато трагедіи Шиллера и Гете, музыка, дрезденскія галлерей, прирейнскіе замки! Въ письмѣ къ дерптскимъ друзьямъ изъ Берлина ⁴⁾ онъ спрашиваетъ о здоровьѣ своей Маши, у которой только-что родился сынъ. Въ концѣ приписка: „Маша, милый другъ, напиши мнѣ о своемъ малюткѣ. За неимѣніемъ твоихъ писемъ перечитываю твою книжку и, кажется, слышу тебя: это безцѣнный по-

¹⁾ Стихотвореніе напечатано впервые г. Ефремовымъ по неизвѣстной рукописи, съ помѣткой: „въ юлѣ 1819 года“ и указаніемъ, что стихи обращены къ Мойеру. Въ черновомъ автографѣ Жуковского ни даты, ни имени нѣтъ.

²⁾ 25 января/3 февраля 1820 г., „Русская Старина“ 1883 г., октябрь. Вилламовъ Кюхельбекеру 25 января 1820 г.: „былъ я у доброй нашей маменьки Е. А. Протасовой, гдѣ нашелъ Василія Андреевича и поклонился ему отъ васъ. Въ воскресенье онъ насъ оставилъ ко всеобщему сожалѣнію. Вы не повѣрите, Вильгельмъ Карловичъ, какъ здѣсь любятъ нашего Жуковского; но чему тутъ удивляться? Какъ не любить такого добраго, благороднаго и любезнаго человѣка“? Сл. отзывъ о Е. А. Протасовой: „что за женщина!“ въ письмѣ 17 апрѣля 1820 г. „Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ музеѣ П. И. Щукина“, I. с., стр. 352, 353.

³⁾ Сл. Зейдлицъ, „Жизнь и поэзія В. А. Жуковского“, стр. 117—118.

⁴⁾ 1 ноября 1820 г., „Русскій Архивъ“ 1900 г., № 9, стр. 34 слѣд.

дарокъ! Тутъ вся ты, мой милый другъ и благодѣтельный товарищъ. Въ твоёмъ сердцѣ ничто не пропало; еще, кажется, ты стала лучше. Настоящая твоя жизнь, исполненіе твоихъ должностей усовершенствовали тебя, и ничто не пропало въ пустотѣ разсѣянія. Читать твою книжку есть для меня оживать. *И мною милыхъ тѣней возстаётъ*. Такъ въ старые годы звалъ къ себѣ Жуковский „подругу юныхъ дней“, мечту, чтобы она повѣяла на него минувшей жизнью, дала „сладкаго вкусить воспоминанья“.

19 и 27 ноября Жуковский снова пишетъ Машѣ (сл. дневники); изъ-заграницы посылаетъ друзьямъ свои произведенія („Явленіе поэзіи въ видѣ Лалла-Рукъ“ ¹⁾); вернувшись, читаетъ въ Дерптѣ (гдѣ онъ пробылъ съ 29 января по 4 февраля 1822 г.), въ дружескомъ кружкѣ, отрывки перевода „Орлеанской Дѣвы“ ²⁾.

По возвращеніи въ Петербургъ 6 февраля 1822 года, Жуковский поселился съ семьей Воейкова. Онъ покидаетъ кафедру, писалъ о Воейковѣ 12 іюня 1820 г. кн. Вяземскій Дмитріеву ³⁾; 25 сентября того же года онъ уже былъ отъ нея отчисленъ и попрежнему метался въ поискахъ за положеніемъ, самонадѣянно и трусливо. Благодаря Ал. Ив. Тургеневу, онъ получилъ мѣсто чиновника особыхъ порученій въ департаментѣ духовныхъ дѣлъ ⁴⁾; со второй половины 1820 года редактировалъ вмѣстѣ съ Гречемъ „Сынъ Отечества“, гдѣ пристроилъ его Жуковский; съ начала 1822 г. принялъ на себя изданіе „Русскаго Инвалида“ (доходное мѣсто, выхлопотанное ему Жуковскимъ); съ 1822 по 1825-й г. былъ первымъ инспекторомъ классовъ Артиллерійскаго Училища по рекомендаціи Греча, и тамъ же преподавателемъ русской словесности. И онъ боялся, что и „Инвалидъ“, и инспекторство у него отнимутъ. Мы знаемъ, по его дѣланнымъ поэтическимъ признаніямъ, чѣмъ была ему его жена; въ посланіи къ „А. А. В.“ слышимъ тотъ же обычный пафосъ:

Ты совѣсть, ангель мой и благотворный геній!

Благодарю тебя, что ты меня спасла

Отъ низкихъ склонностей, привычекъ, заблужденій,

¹⁾ Зейдлицъ, I. с., стр. 119.

²⁾ Зейдлицъ, ib., стр. 123.

³⁾ „Русскій Архивъ“ 1866 г. № 11—12, стр. 1704—5. „Гдѣ Воейковъ, въ Дерптѣ или въ другомъ мѣстѣ? писалъ Антонскій Жуковскому 15 марта 1820 г.: у насъ слухъ пронесся, было, что онъ хотѣлъ перейти въ Казань“. Сл. выше стр. 194, прим. 5, стр. 196, прим. 1.

⁴⁾ Записки Н. П. Греча, стр. 480.

И въ пристань тихую корабль мой привела;
Ты радость и печаль со мною раздѣляла,
Ты счастье дней моихъ цвѣтами осыпала,
И въ нашъ желѣзный вѣкъ, когда порокъ, развратъ
Изъ свѣта дѣлають не свѣтъ, а мрачный адъ,
Съ тобою проводилъ я время золотое;
Съ тобой я не одинъ, съ тобой насъ и не двое¹⁾.

Но дома жилось попрежнему неладно, и Александръ Андреевичъ приходилось горько отъ грубости и циническихъ выходокъ мужа²⁾. Жуковский поддерживалъ ее, какъ поддерживалъ въ Дерптѣ; писалъ ей изъ-заграницы. Она осталась такой же нездѣшной, мечтательной и любящей, блюдетъ заветы учителя. На черновой тетради съ стихотвореніями Жуковского 1813 и слѣд. годовъ надписано: „Книга Александры Воейковой“, а ея рукой на поляхъ страницы съ набросками „Вадима“: „Жуковский, милый братъ, о, лучшій изъ друзей“³⁾. Сохранились ея альбомы съ стихотвореніями, письмами и замѣтками Жуковского⁴⁾; въ одномъ изъ нихъ помѣщено между прочимъ его стихотвореніе, обращенное къ Александръ Андреевичъ въ 1807 г. („Подарокъ на Новый Годъ“) и — „философія фонаря“, знакомая намъ по письму къ Машѣ 28 апрѣля 1815 г.⁵⁾. Затѣмъ приписка:

„Это все можетъ быть хорошимъ дополненіемъ къ тому,

¹⁾ М. А. Дмитріевъ, „Мелочи изъ запаса моей памяти“, М. 1869 г., стр. 202.

²⁾ Записки Греча стр. 487—8, 494, 496.

³⁾ Изъ содержанія этого сборника (нынѣ въ собраніи А. Θ. Онѣгина) отмѣчу: наброски „Вадима“, „Славянка“ (черновой и перебѣленный тексты), „Овсяный кисель“, „Сказка о красномъ карбункулѣ“, „Ночной сторожъ въ деревнѣ“, „Опять ты здѣсь, мой благодатный 'геній'“, „Тлѣнность“, „Кто слезъ на хлѣбъ свой не ронялъ“, „Лѣтній вечеръ“, „Обѣтъ“, „Княгиня, можно ль такъ неблагодарнымъ быть“, „Лѣсной Царь“, „Графъ Габсбургскій“, переводъ „Орлеанской Дѣвы“, „Минувшихъ дней очарованье“; русскій и нѣмецкій тексты стихотворенія Ж. П. Рихтера (на смерть королевы Виртембергской), чередующіеся черезъ строку: „Въ ту минуту, когда ты въ бѣлой брачной одеждѣ — In dem Augenblick, wo du im weissen Hochzeitskleide“. На послѣдней страницѣ рукописи собственно-ручная выкладка Жуковского, сколько ему было тогда лѣтъ; годъ рожденія опредѣленъ 1783 г., 29 генваря; это разрѣшить, повидимому, поднимавшіяся хронологическія сомнѣнія.

⁴⁾ Одинъ изъ альбомовъ находится въ собраніи А. Θ. Онѣгина, другіе описаны въ „Русской Старинѣ“ 1902 г., апрѣль, стр. 189 слѣд., откуда взяты и слѣдующія указанія.

⁵⁾ Въ „Русской Старинѣ“ запись въ альбомѣ Воейковой отнесена къ 30 апрѣля 1810 года; очевидно, по ошибкѣ. Текстъ совпадаетъ съ приведеннымъ выше стр. 182. Нач. „Я когда-то написалъ .. А прошедшее пускай идетъ съ нами рядомъ“.

что ты мнѣ написала въ альбомѣ, моя Саша. Мы думаемъ одно, хотя разными словами высказываемся. То, что здѣсь написано, я написалъ для себя гораздо прежде, чѣмъ прочиталъ твое: *Wünsche nicht mit Leidenschaft*. Желать что-нибудь страстно значитъ мѣшаться въ дѣло Провидѣнія; рваться за будущимъ вслѣдъ за надеждою и забывать настоящее. *Mettons à la place de l'Espérance trompeuse la Providence, qui ne trompe pas, alors tout devient conséquent dans la vie. On sait d'avance le mot de l'énigme. Ce mot n'est autre chose que: mériter.*

Einfachheit und Wahrheit,
Ewige, unzertrennliche Freundschaft.

Въ томъ же альбомѣ признанія и афоризмы Воейковой сопровождаются замѣчаніями Жуковского: (Воейкова) *J'aime la monotonie dans les sentiments de la vie et je ne chercherais le bonheur que dans l'habitude.*—(Жуковский) *C'est que vous avez coeur aimant. Pour qui sait aimer, qu'est ce qui peut être plus cher que l'habitude?*—(Воейкова) *Mille accidents séparent les hommes qui s'aiment pendant la vie, puis vient cette séparation de la mort, qui renverse tous nos projets.*—*Est-ce que la mort est une séparation?* спрашиваетъ Жуковский и отвѣчаетъ стихами Шиллера:

Schwester, über im Sternfeld
Muss ein guter Vater wohnen.

Оберегая покой своей Саши, Жуковский дѣлалъ все, чтобы устроить ея мужа, поддерживалъ въ немъ поэта и не уважалъ человѣка, защищалъ, потому что боялся его раздражать. Воейковъ „обязанъ былъ всѣмъ своимъ существованіемъ несравненной женѣ своей, прекрасной, умной, образованной и добрейшей Александрѣ Андреевнѣ, бывшей его мученицей, сдѣлавшейся жертвою этого человѣка, писалъ Гречъ. Всякъ, кто зналъ ее, кто только приближался къ ней, становился ея чителемъ и другомъ. Благородная братская къ ней привязанность Жуковского, преданная безсмертію въ посвященіи „Свѣтланы“, извѣстна всѣмъ. Потомъ первыми ея гостями были Александръ Ивановичъ Тургеневъ и Василій Алексѣевичъ Перовскій. Бугаринъ нѣкоторое время сходилъ отъ нея съ ума. Между тѣмъ эти связи были чистыя и свѣтлыя и ограничивались благородною дружбою. Разумѣется, въ свѣтѣ толковали не такъ: поно-

силы ее, клеветали и лгали на нее“ ¹⁾. „Батюшковъ, Крыловъ, Блудовъ, Вяземскій, Дашковъ, Карамзинъ, словомъ весь литературный цвѣтъ столицы охотно собирался въ гостиной Александры Андреевны, въ которой Жуковскій пользовался властью дяди“ ²⁾. Благодаря женѣ Воейкову спускали всякіе неблаговидные поступки: пожурятъ и подведутъ „подъ милостивый манифестъ прекрасныхъ глазъ Александры Андреевны“ ³⁾.—Впослѣдствіи явился сюда и Л. С. Пушкинъ, и братъ просилъ его отвыкнуть—„отъ вина и отъ Воейковой“ и не украшать ея альбомы стихами вмѣсто того, чтобы переписывать ихъ для печати ⁴⁾.

Всѣхъ серьезнѣе привязался къ Воейковой Александръ Ив. Тургеневъ.

„Жуковского Свѣтлана пріѣхала сюда, и я видѣлъ ее въ первый разъ съ какимъ-то поэтическомъ чувствомъ“, писалъ Тургеневъ кн. Вяземскому 20 сентября 1820 г. Онъ сталъ бывать у Воейковыхъ ⁵⁾, нашелъ въ ней „прелесть добродушія и любезнаго ума“ ⁶⁾.

Уѣзжая за границу, Жуковскій поручилъ другу свою Сашу ⁷⁾. „Письмо къ Сашѣ и Тургеневу вмѣстѣ“, записываетъ онъ себѣ на память уже на пути (дневникъ 1820 г. 10 октября). Свѣтлана Жуковского „врядъ ли не лучше стиховъ его,—пишетъ Тургеневъ кн. Вяземскому: тихое созданіе, съ прекрасной душой и съ умомъ образованнымъ. Теперь не она по Жуковскому мнѣ мила, но Жуковскій становится интереснѣе по ней. При ней можно отдохнуть отъ жизни и снова расцвѣсти душой. Большой свѣтъ не опалилъ ее своимъ тлетворнымъ дыханіемъ, но она имѣетъ всю любезность, необходимую для большого свѣта. Смуглый Воейковъ fait ombre au tableau, но и онъ добрѣетъ и свѣтлѣетъ при ней. Nonni soit qui mal у pense“ (6 октября 1820 г.). „Отъ Свѣтланы его свѣтлѣетъ душа“ (къ нему же 8 октября 1820 г.). Чѣмъ больше онъ узнаетъ ее, тѣмъ больше привязывается. „Какая милая душа, и какой высокій характеръ! Она все прекрасное умѣла соединить въ себѣ. При ней цвѣту душой.

¹⁾ Гречъ, Записки, стр. 487. Сл. выше стр. 134, прим. 2 на стр. 134—5 отзываетъ Кс. Полевого.

²⁾ Зейдлицъ, I. с., стр. 127—8.

³⁾ Гречъ, стр. 496.

⁴⁾ Письма А. С. Пушкина къ брату начала ноября 1824 и 23 іюля 1825 г.

⁵⁾ Письмо къ тому же 22 сентября того же года.

⁶⁾ Къ тому же 28 сентября того же года.

⁷⁾ Сл. письмо къ Ал. Тургеневу 2 октября 1820 г.

Она моя отрада въ петербургской жизни. Жаль, что судьба назначила ей испытаніе, но она выше судьбы своимъ сердцемъ и своею религіею. *Honni soit qui mal у pense*“ (къ нему же 3 ноября 1820 г.).

Жуковскій самъ создалъ этотъ тройственный союзъ идеальной дружбы, и въ этомъ созданіи общія письма играли такую же роль, какъ въ юную тургеневскую пору. Изъ-заграницы онъ послалъ Тургеневу письмо для доставленія Сашѣ: „получилъ ли ты его, и отдалъ ли, и прочиталъ ли? Оно столько же къ тебѣ, сколько къ ней.... Ты говоришь, что я тебя не познакомилъ съ Сашею; а развѣ я не читалъ тебѣ ея писемъ? (27 ноября 1820 г. Берлинъ; сл. дневникъ 7/19 декабря 1821 г.: „писалъ къ Сашѣ и Тургеневу“). Между тѣмъ дружба, видимо, грозила обратиться въ любовь, и Жуковскій волнуетсѣ, предупреждаетъ друга въ томъ же письмѣ: „твоя привязанность къ моей Сашѣ (не хочу назвать этого любовью) есть наше общее благо и только намъ двумъ принадлежащее благо.... Я уже не имѣю такого собственнаго; но это будетъ нашимъ общимъ.... Тебѣ надобно ласкать живую, возвышающую сердце причину любить добро (къ которому до сихъ поръ ты былъ привязанъ машинально, безъ наслажденія).... Мы какъ-будто сошлись опять на нашей дорогѣ, по которой шли не вмѣстѣ, а только помня другъ о другѣ. Лучшаго товарища не было, а милый, вѣрный, избранный смотрѣлъ по сторонамъ, безъ наслажденія, не забывалъ своего спутника, но и ничѣмъ не дѣлился съ нимъ. Теперь мы стоимъ передъ милымъ твореніемъ Божиимъ и радуемся имъ вмѣстѣ, съ одинакимъ, чистымъ, достойнымъ насъ обоимъ чувствомъ“. Но, „чтобы найти счастье въ дружбѣ къ тебѣ, надо, чтобы Саша могла ей предаться безъ всякаго сомнѣнія, и чтобы она нисколько не была въ разладѣ съ собою. Но и тебѣ надобно для твоего счастья уничтожить въ немъ все, что принадлежитъ любви, а сдѣлать изъ него просто чистую, возвышенную жизнь“. Надъ послѣдними словами въ подлинникѣ письма рукою Тургенева написано карандашомъ: „Тогда и она (любовь) уничтожится! Жуковскій судить по себѣ и думаетъ, что я могу быть счастливымъ! Горькая ошибка“!

Въ дневникѣ 1821 года сохранилось нѣсколько указаній на письма Саши: „письмо отъ Саши“ (21 февраля/5 марта); „У великой княгини Сашино письмо: какая разница“! (25 февраля/9 марта); письмо отъ Саши (31 марта/12 апрѣля). Въ потсдамскомъ *Kavalierhaus* двѣ горницы, въ которыхъ жила великая княгиня; „милое, уединенное мѣсто, похожее своею привле-

кательною простотою на ея чистую душу. Сюда приду перечитывать несравненное письмо Саши, пожить воспоминаніями моего прошлаго и еще другого прошлаго, которое мнѣ неизвѣстно, но знакомо. Мѣсто, гдѣ жила прекрасная душа, свято“ (4/16 апрѣля); „въ первый разъ проиталь Сашино письмо“ (5/17 апрѣля). Въ одномъ изъ своихъ альбомовъ, на футлярѣ котораго помѣчено: Berlin den 3 April, Жуковскій записаль 17/29, вѣроятно, апрѣля 1821 г.: „съ нѣкотораго времени природа имѣеть на меня удивительное дѣйствіе, пишетъ Саша: точно въ ней находишь замѣну тому, въ чемъ жизнь отказываетъ! Весь міръ въ мою тѣснится груд. Pas le monde d'autrefois qui remplissait mon âme d'une joie d'enfant, dans lequel je voyais seulement les fleurs et le plaisir“, а серьезный міръ, который говоритъ о своемъ Создателѣ и даеъ душѣ истинную силу. „Во всемъ видишь Бога. Tout met en rapport avec les absents et avec un monde où iln'y aura plus d'absence. Иногда точно ждешь минуты послѣдней, кажется, сейчасъ настанетъ, и душа готова отвѣчать: Здѣсь, Господи, буди воля твоя“.

Слѣдуетъ въ альбомѣ замѣтка: „*Aimer sans rapporter à soi c'est la seule manière d'aimer avec calme, car c'est avec innocence qu'on aime et ce n'est qu'alors*“.

Поручая Тургеневу поздравить Воейкову съ новымъ годомъ, кн. Вяземскій цитуетъ стихъ изъ пьесы И. И. Козлова: пусть этотъ годъ будетъ для нея такъ же свѣтелъ, „какъ душа Свѣтланы“ (къ Тургеневу 2 генваря 1822 г.). А. Тургеневъ пишетъ Жуковскому, что если не писалъ ему, то виною тому единственно лѣнь. „Ты вѣрно не такъ думаешь, какъ ты писалъ къ С(ашѣ), и я никакъ не могъ забыть тебя, во-первыхъ изъ благодарности за..., но не скажу за что, во-вторыхъ изъ искренней душевной любви“ (1822 г. 18 іюня ¹⁾).

„Свѣтлана“-Воейкова была музой И. И. Козлова, стараго пріятеля Жуковского по Москвѣ, которому онъ посвятилъ свою „Наталью Долгорукую“; въ Петербургѣ онъ присталь къ его интимному кружку. Александра Андреевна печаловалось о слѣпомъ поэтѣ („Но ты, Свѣтлана, обо мнѣ Ты слишкомъ много сожалѣешь“. „Къ Свѣтланѣ“), старалась утѣшить его. „Свѣтлана добрая твоя Мою судьбу перемѣнила,“ говорилъ Козловъ, привѣтствуя вернувшагося изъ путешествія друга („Къ другу В. А. Ж. по возвращеніи его изъ путешествія“).

¹⁾ Приписка къ письму Блудова, „Русскій Архивъ“ 1902 г. № 6.

Какъ ангелъ Божій визлетя,
Обитель горя посѣтила
И безутѣшнаго меня
Отрадой первой подарила.
Случалось ли когда, что вдругъ,
Невольной угнетенъ тоскою,
Я слезы лилъ,—тогда, мой другъ,
Свѣтлана плакала со мною;
Въ надеждахъ вѣры устремлять
Всѣ чувства на дѣтей искала,
И чѣмъ мнѣ сердце услаждать,
Своимъ то сердцемъ отгадала.

Въ альбомѣ Воейковой Козловъ написалъ стихотвореніе „Къ С(аш)ѣ“, переводъ байроновскихъ „Lines written in an album at Malta“¹⁾: какъ путникъ, бродя по кладбищу, вспомнеть бывшее, увидѣвъ знакомый могильный камень, такъ и ты, когда твоему взору, полному тоской, попадется въ альбомѣ мое имя: все, чѣмъ жизнь цвѣтеть, мнѣ миновалось,

Лишь вѣрь тому, что у тебя
Мое здѣсь сердце *все* осталось ²⁾.

Пока Жуковскій затѣвалъ новую amitié amoureuse, и онъ и Тургеневъ хлопотали о Воейковѣ, послѣдній писалъ въ своемъ дневникѣ: „Жуковскій какъ ангелъ утѣшитель, прискакалъ изъ Павловскаго“, успокаиваетъ и утѣшаетъ его, „не совѣтуетъ идти въ царско-сельскіе директоры Лицея. Да будетъ воля Божія, а доказательства Жуковского нелѣпы и смѣшны“. Тургеневъ пишетъ ему письмо „оскорбительное и огорчительное; можно много терпѣть, но всякому терпѣнію человѣческому есть границы: кто не объявляетъ своего права опекунства надо мной? Кто не вмѣшивается въ дѣла мои? Боже, поддержи и даруй мнѣ смиреніе и терпѣніе“. „Убийственное письмо отъ Жуковского, Екатерина Аванасьевна совершенно овладѣла имъ“. „Жду съ надеждою, а больше со страхомъ, Жуковского. Что я могу ожидать отъ глупца, который живетъ въ эфирѣ, который погубилъ собственное счастье, исполняя волю Екатерины Аванасьевны, сошедшей съ ума на

¹⁾ „Новости Литературы“ 1822 г. кн. I, № XII, стр. 191—2.

²⁾ Сл. „Остафьевскій Архивъ“, II, письмо Тургенева къ князю Вяземскому 21 февраля 1822 г. („вотъ стихи слѣпного Козлова въ альбомъ ангела Воейковой“) и ib. прим. на стр. 531.

слезахъ ложной чувствительности и пожертвованіяхъ“ ¹⁾? Когда на Жуковского явилась извѣстная эпиграмма („Изъ савана одѣлся онъ въ ливрею“ ²⁾, онъ говорилъ Гречу: „скажите Булгарину, что онъ напрасно думалъ уязвить меня своею эпиграммою, я въ дворецъ не втирался, не жму руки никому. Но онъ принесъ этимъ большое удовольствіе Воейкову, который прочелъ мнѣ эпиграмму съ невыразимымъ восторгомъ“ ³⁾.

Лѣтомъ 1822 г. пріѣхала изъ Дерпта Екатерина Аванасьевна на родину дочери, которая писала Елагинной: съ тѣхъ поръ какъ она съ Жуковскимъ, небо расцвѣло; они живутъ воспомина-ніями (à reculons), которыя лучше дѣйствительности и особливо будущаго.—„Здѣсь подлѣ меня одна Саша, извѣщаетъ Елагину Жуковскій изъ Царскаго Села 27 іюля того же года; въ ея гармонической душѣ все отзывается для меня попрежнему, *но поэзія уже перестала быть отіолоскою жизни!* Она теперь бываетъ по временамъ однимъ наслажденіемъ: весело творить, это наполняетъ душу, и душа выражается въ томъ, что она производитъ. Но эти прекрасныя минуты раздѣлены пустыми промежутками“ ⁴⁾.

Осенью того же года Жуковскій проводилъ въ Дерптъ Протасову. „Видѣлъ Машу, пишетъ онъ Елагинной, говорилъ съ ней о ней—и доволенъ: это поэзія. Мы говорили о нашей утопії. Она непременно должна сгроздиться, но когда? Будемъ ждать и надѣяться передъ затворенной дверью. Пока то пускай будетъ нашею радостью, что мы всѣ сбережены другъ для друга. Судьба погромѣла мимо насъ, поколотивъ насъ мимоходомъ, но не разбивъ нашего лучшаго: любви къ добру, уваженія къ жизни и вѣры въ прекрасное... Теперь мы вмѣстѣ съ Сашей, хотимъ кое-какъ строить спокойное, дѣятельное (если уже нельзя счастливаго) chez-soi; хотимъ ставить фонарики, думая и о нашихъ

¹⁾ Сл. Колбасинъ, „Литературные дѣятели прежняго времени“, стр. 274, 278—9; сл. стр. 283.

²⁾ Изъ савана одѣлся онъ въ ливрею,
На ленту промѣнялъ онъ миртовый вѣнецъ,
Не подражая больше Грею,
Съ указкой втерся во дворецъ.
И что же вышло наконецъ?
Предъ знатными сгибая шею,
Онъ руку жметъ каммеръ-лакею.
Бѣдный пѣвецъ!

³⁾ Записки Греча, стр. 493. Эпиграмму приписывали то Булгарину, то А. С. Пушкину, Александру Бестужеву, Воейкову.

⁴⁾ Зейдлицъ, I. с., стр. 125—6.

дальнихъ фонарныхъ мастерахъ, которые съ нами заодно работаютъ и зажигаютъ свои свѣчки. Со временемъ будемъ и вмѣстѣ“ ¹⁾).

Объ этихъ „фонарныхъ мастерахъ“ онъ мечталъ—съ карандашомъ въ рукѣ: женская фигура сидитъ въ глубокой нишѣ, съ которой открывается видъ на широкую полосу воды; за ней вдали линія цвѣтущаго берега—волшебный край; внизу подписано: Alexandrine. Либо на изрытомъ утесѣ, у подножья башни или маяка, фигура воина въ шлемѣ, смотрящаго въ морскую даль; на одномъ изъ скалистыхъ выступовъ имя: Tourgueneff; наконецъ имя Cathérine (Екатерина Аѳанасьевна) красуется на рисункѣ: гора, обращенная къ морю, на ней фигура въ облаченіи католическаго монаха съ крестомъ въ рукѣ ²⁾).

Судьба не надолго сберегла ихъ другъ для друга. Послѣдовавшій вскорѣ отъѣздъ Воейковой, здоровье которой разстроилось въ невыносимой семейной обстановкѣ, разлука съ дорогой племянницей, вдругъ раскрыи передъ Жуковскимъ ту бездну дѣйствительности, которую онъ прикрывалъ поэтической пеленой съ изображеніями кроткаго счастья въ любви къ добру и вѣрѣ въ прекрасное. Тогда, быть можетъ, онъ послалъ Машѣ свою „Пѣсню“, передѣлку Байроновской („Stanzas for music“ ³⁾):

Отымаешь наши радости
Безъ замѣны хладный свѣтъ.

Передѣлка, какъ всѣ у Жуковскаго: исчезли острые тона, усиленъ элементъ элегіи. Сердце увяло прежде юности, счастье стало игрушкой волнъ; Байронъ шелъ навстрѣчу одному изъ любимыхъ образовъ Жуковскаго: челнъ, который мчитъ море (Сл. „Пловецъ“ 1811 г., „Стансы“ 1815 г., „Жизнь“ 1819 г., „Къ кн.

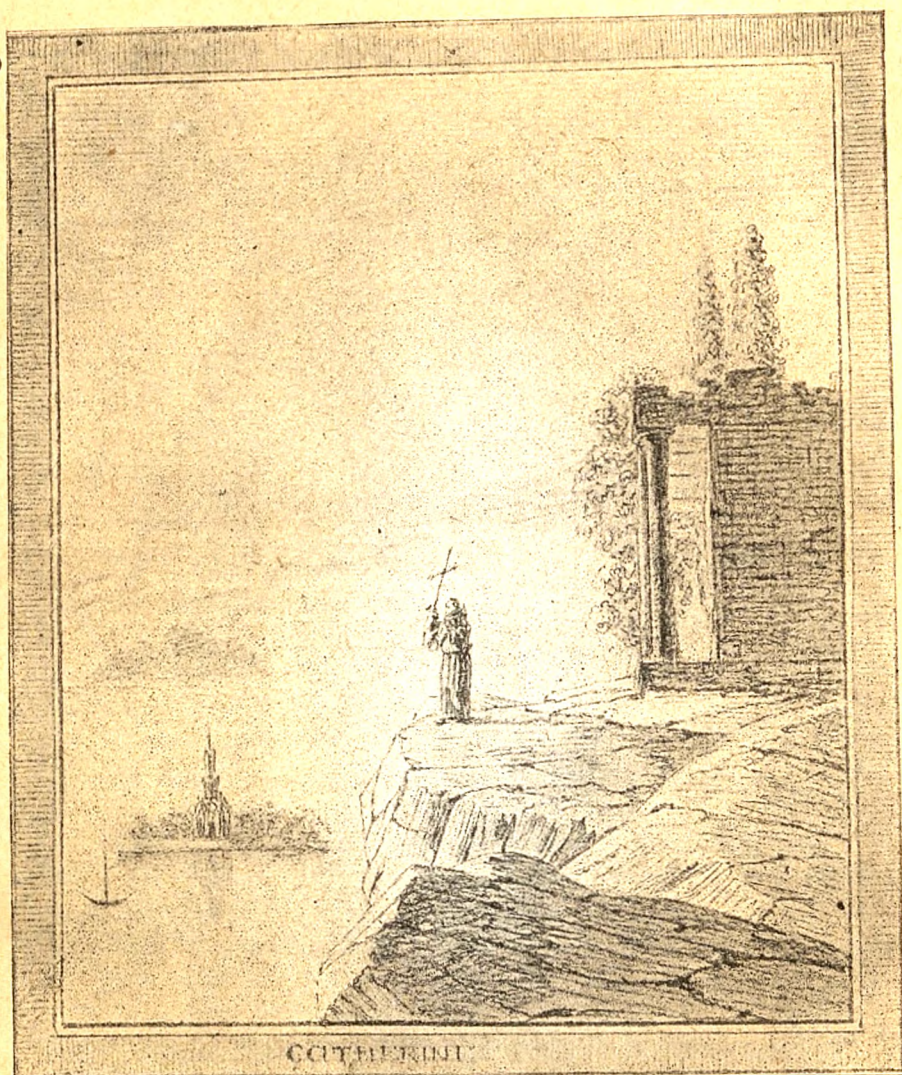
¹⁾ Зейдлицъ, I. с., стр. 126—7.

²⁾ Рисунки карандашомъ взяты изъ альбома А. А. Воейковой ея внукомъ графомъ Бревернъ-де-ла-Гарди. Они нумерованы; бумага Whatman 1821 года, съ золотымъ обрѣзомъ. Рисунки съ именами Alexandrine и Chatérine воспроизведены въ моей книгѣ съ согласія ихъ владѣльца, Евг. Евг. Рейтерна.

³⁾ См. Бѣлинскій, Соч. VIII, стр. 240—1. „Пѣсня“ написана въ 1820 г.; Зейдлицъ, I. с. стр. 128, повидимому, относитъ посылку ея къ Машѣ къ 1823 г.; она могла не знать ея, почему и выразилась въ письмѣ къ Зейдлицу: „Seine schöne Seele ist eine der grössten Zierden der Welt Gottes. Wenn nur sein letztes Gedicht nicht da wäre!“ Но, можетъ быть, Зейдлицъ ошибся въ датированіи письма. — Такой же вопросъ поднимаетъ „Пѣсня“ („Розы расцвѣтають“), относимая изданіями къ 1831 году, тогда какъ, по разсказу Зейдлица (I. с., стр. 149, прим. 1), пьесу эту особенно любила А. А. Воейкова († 1829 г.).

Изъ альбома А. А. Воейковой.

Изъ альбома А. А. Воейковой.

Оболенской“ 1821 г.), но другіе, Байроновскіе, не укладывались въ новое настроеніе: Байронъ говоритъ о тѣхъ немногихъ, которые, уцѣлѣвъ послѣ крушенія счастья, лишенные кормила, относятся на мели преступленій, увлекаются въ океанъ страстей. „Преступленія“ и „бурныя страсти“ устранены. И далѣе тотъ же пріемъ: смерть закралась въ душу, охладѣвшую къ наслажденіямъ и бѣдамъ; у Байрона: сердце неспособно сочувствовать чужимъ страданіямъ, не смѣетъ думать и о своихъ. Порой еще блещетъ остроуміе, и веселье расширяетъ грудь въ полночный часъ, не приносящій прежней надежды на покой—продолжаетъ Байронъ; для Жуковского „прежнее“—воспоминаніе, и если это прежнее ошибкою

Въ сердце сонное зайдетъ —
То обманъ: то плющъ, играющій
По развалинамъ сѣдымъ:
Сверху листъ благоухающій,
Прахъ и тлѣніе подъ нимъ.
Оживите сердце вялое,
Дайте быть по старинѣ,
Иль оплакивать бывалое
Слезъ бывалыхъ дайте мнѣ.

Марья Андреевна эта пѣсня не понравилась; чѣмъ больше я ее читала, тѣмъ становилась печальнѣе, писала она Зейдлицу. Глубже, чѣмъ Жуковский, она вжила въ то полусчастье, въ которомъ способность любви расходовалась на *amitié amoureuse*; надпись на ея печати 1816 г. для нея характерна: *Activité dans un petit cercle* ¹⁾. Для нея Жуковский, ея Jouko, остался навсегда дивнымъ человѣкомъ, *der Herrliche*, но она говорила и о своемъ „дивномъ Мойерѣ“ (*mein herrlicher Moier*). „Мнѣ выпалъ совѣтъ иной жребій сравнительно съ тѣмъ, о чемъ я мечтала“, писала она въ іюлѣ 1822 г.; „сегодня 2-го іюля, день, въ который Мойеръ сдѣлалъ мнѣ предложеніе; я была тогда очень несчастлива, но благодарю милосердаго Бога, что все случилось такъ, какъ случилось“ ²⁾.

За годъ до смерти она посѣтила родныя мѣста, гдѣ начался ея романъ съ Жуковскимъ. Точно она предчувствовала, что ей жить недолго, она мысленно прощается со всѣми близ-

¹⁾ Е. В. Пѣтуховъ, „Памяти Н. В. Гоголя и В. А. Жуковского“, Юрьевъ, 1903 г., стр. 98, прим. 1.

²⁾ Carl v. Seidlitz, W. A. Joukoffsky (Mitau, 1870), стр. 121 прим.

кими сердцу. Сохранилась ея тетрадка, надписанная „Vorher-sagungen“ ¹⁾; текст нѣмецкій, письма и размышленія изъ Бѣлева, Муратова, Дерпта отъ 31 декабря 1822 г. по 4-ое марта 1823 г. ²⁾. Сверху первого письма нарисованъ крестъ надъ могильнымъ холмомъ, надъ нимъ слѣва въ небѣ шесть звѣздъ, представляющихъ Большую Медвѣдицу, въ концѣ тетрадки изображенія сердца, креста и якоря. На заглавномъ листѣ читается:

Я все земное совершила,
Habe ich nicht beschlossen und geendet,
Habe ich nicht geliebet und gelebt!

Въ концѣ февраля 1823 года Александра Андреевна уѣхала въ Дерптъ, съ ней Жуковский, пробывшій тамъ двѣ недѣли. Маша была больна; Жуковский не подозрѣвалъ, что онъ видитъ ее въ послѣдній разъ. 10-го марта онъ возвратился въ Петербургъ, а 19-го какой-то посторонній человѣкъ рассказалъ ему, что она скончалась въ родахъ. „18 марта скончалась родами Мойеръ, и Жуковский опять поскакалъ туда въ прошедшую среду. Потеря ужасная: ребенка вынули мертвого. Подробностей мы еще и по сіе время не знаемъ. Я потерялъ въ ней нѣжнѣйшаго, истиннаго друга. Хотя ни разу не видѣлъ ее въ этой жизни, но почти всякую почту переписывался. Какой прелестный ангелъ! She was too pure on earth to dwell! (Тургеневъ кн. Вяземскому 1823 г., 27 марта) ³⁾. „Какъ выдержала этотъ ударъ Воейкова? Что Жуковский?“ спрашивалъ кн. Вяземскій (Тургеневу 2 апрѣля 1823 г.). Въ Дерптѣ „всѣ здоровы и перешли на старое пепелище, гдѣ уже нѣтъ съ ними ангела-хранителя. Это названіе принадлежитъ ей: она и ихъ, и насъ всѣхъ хранила. Я не могу еще ни думать, ни говорить о ней безъ умиленія. Отношенія мои къ ней были единственны“ (Тургеневъ кн. Вяземскому 1823 г., 6 апрѣля).

Для Жуковского началась жизнь воспоминанія. „Съ ея свѣтлымъ переселеніемъ въ неизмѣняемость прошедшее какъ-будто ожило и пристало къ сердцу съ новою силою. Она съ

¹⁾ Въ музеѣ А. О. Онѣгина.

²⁾ Юльское письмо, изъ котораго нѣсколько строкъ приведено было выше, у v. Seidlitz, „Wasily Andrejewitsch Joukoffsky“, стр. 119 слѣд. прим.; другое въ русскомъ изданіи той же біографіи 1883 г., стр. 150—1, гдѣ, по недоразумѣнію, авторомъ какъ-будто является Жуковский („я *заказалъ* молебень“ и т. д.).

³⁾ Сл. выше стр. 84: двустистиѣ, какъ эпитафія Андрею Тургеневу.

нами на все то время, пока здѣсь еще пробудемъ. Не вижу глазами ея, но знаю, что она съ нами и болѣе наша, наша спокойная, радостная, товарищъ души, прекрасный, удаленный отъ всякаго страданія. . . . Мысль о товариществѣ съ существомъ небеснымъ не есть теперь для меня одно дѣйствіе воображенія. Нѣтъ! Я какъ-будто вижу глазами этого товарища и увѣренъ, что мысль эта будетъ часъ отъ часу живѣе, яснѣе и одобрительнѣе. Самое прошедшее сдѣлалось болѣе моимъ; промежутокъ послѣднихъ лѣтъ какъ-будто не существуетъ, а прежнее яснѣе, ближе. Время ничего не сдѣлаетъ. . . . Мысль о ней, полная одобренія до будущаго, полная благодарности за прошедшее — словомъ *религія*“. Ея могила будетъ для него мѣстомъ молитвы ¹⁾. — Въ пятницу на Святой недѣлѣ онъ молился у нея; „теперь знаю, что такое смерть; но безсмертіе стало понятнѣе — жизнь не для счастья: въ этой мысли заключено великое утѣшеніе. Жизнь для души, — слѣдственно Маша не потеряна“; ее здѣшнюю можно было видѣть глазами, тамошнюю можно видѣть лишь душою, ея достойною. „Знаю, что не стою ея, но остатокъ жизни—этому чувству. Она оставила ко мнѣ письмо, написанное ко мнѣ не въ минуту предчувствія, но она хотѣла, чтобы я не однимъ воображеніемъ слышалъ ея наставительный голосъ изъ гроба“ ²⁾. „Послѣдніе три дня мы всѣ провели на ея могилѣ, садили деревья. . . . Первый весенній вечеръ нынѣшняго года, прекрасный, тихій провелъ я на ея гробѣ. Солнце свѣтило на него такъ спокойно. Въ подлѣ игралъ рогъ. Была тишина удивительная; и видъ этого гроба не возбуждалъ никакой мрачной мысли: *поэзія жизни* была она. Но послѣ письма ея чувствую, что она же будетъ снова поэзіею жизни. Но поэзіею другого рода“ ³⁾. — „Все высокое сдѣлалось теперь для меня вѣрою, все стало понятнѣе, — но это высокое надобно приобрести, иначе Маша навсегда потеряна. . . . Жизнь точно святыня: Маша сама въ этомъ меня теперь увѣрила. Счастье не нужно, чтобы этому вѣрить. На будущее можно глядѣть спокойно, ибо оно уже не отыметъ счастья. Оборотимся къ прошедшему“ ⁴⁾.

¹⁾ Елагиной 28 марта 1823 г.; Государынѣ 25 марта (французское) съ просьбой отсрочить прїѣздъ Жуковскаго изъ Дерпта дней на десять. Съ идеями и выраженіями писемъ къ Елагиной сл. письмо къ Ал. Тургеневу по поводу кончины его брата Сергѣя 1827 г., 6 ноября.

²⁾ Елагиной, Дерптъ 1823 г.

³⁾ Той же, Дерптъ 1823 г.

⁴⁾ Ей же, 19 мая 1823 г., изъ Петербурга.

Ты предо мною
Стояла тихо,
Твой взоръ унылый
Былъ полонъ чувствъ.
Онъ мнѣ напомнилъ
О миломъ прошломъ;
Онъ былъ послѣдній
На этомъ свѣтѣ.
Ты удалилась,
Какъ тихій ангелъ,
Твоя могила,
Какъ рай спокойна.
Тамъ всѣ земныя
Воспоминанья,
Тамъ всѣ святые
О небѣ мысли;
Звѣзды небесъ!
Тихая ночь!

(19 марта 1823 г. ¹⁾).

Образъ, кольцо, „Lieder Weirauха“ ²⁾, принадлежавшія покойной, доставлены были позже Зейдлищемъ Жуковскому, своему Herzensbruder, съ которымъ онъ не надѣялся больше увидѣться, и Воейковой ³⁾.

¹⁾ Проф. Архангельскій отнесъ къ періоду 1822—31 годовъ, между прочимъ, и слѣдующее стихотвореніе, несомнѣнно стоящее въ связи съ стихами на смерть Маши:

Звѣзды небесъ,
Тихая ночь!
Ваше молчанье
Душу покоить!
Звѣзды небесъ,
Тихая ночь!
О счастье живомъ
Минувшихъ временъ,
Разъ улетѣвшемъ,
Не будемъ мечтать...

²⁾ Сл. выше, стр. 195. прим. 1.

³⁾ Письмо Зейдлица изъ Астрахани въ коллекціи А. Θ. Онѣгина. — Экземпляръ музыкальныхъ композицій Вейрауха подаренъ былъ Жуковскимъ М. А. Мойеръ 19 октября 1819 г.; она подарила его Зейдлици за *три дня* до смерти, 6 марта 1823 г., какъ гласитъ надпись на нотахъ по сообщенію проф. Висковатова (сл. Н. И. Стояновскій, „В. А. Жуковскій, чествованіе его памяти въ С.-Петербургѣ 29 и 30 января 1883 г.“ приложение 4-е). Но М. А. Мойеръ скончалась 18 марта.

Всякій разъ, когда Жуковскій могъ отлучиться изъ Петербурга, онъ спѣшилъ въ Дерптъ на могилу Маши ¹⁾.

„Никогда не забуду дерптской могилы и цвѣтовъ ея“, вспоминалъ Ал. Тургеневъ въ дневникѣ 1825 года, побывавъ на кладбищѣ Père Lachaise.

„Милый другъ, Саша жива и даже не больна“, писалъ Жуковскій Козлову,... мы вмѣстѣ—это не утѣшеніе, но облегченіе. Насчетъ ея здоровья будь спокоенъ; слезы лучше всякаго рецепта. Но послѣднее сокровище ея жизни пропало (М. А. Мойеръ). Этому ничто не пособитъ. Мы ни о чемъ не говоримъ, ни о чемъ не думаемъ, мы вмѣстѣ плачемъ, и все тутъ“ (мартъ—апрѣль 1823 г.).

Въ 1823 году, вѣроятно у Мойера, Жуковскій встрѣтилъ Языкова, только-что поступившаго въ число студентовъ дерптскаго университета и ухарски зажившаго жизнью нѣмецкаго бурша ²⁾. Пѣвецъ Эрота и круговой чаши, онъ становился чистъ и застѣнчивъ, способенъ къ „дѣвственной любви“, когда „молился“ на Воейкову. Она поднимала его нравственно, онъ сталъ ея поэтомъ, ею навѣяны, ей посвящены многія дерптскія его стихотворенія. У Мойера собиралась русская молодежь, рассказываетъ Вульфъ, „бывало, недѣли въ двѣ разъ придетъ къ намъ дикарь Языковъ, заберется въ уголъ, промолчитъ весь вечеръ, полюбуется Воейковой, выпьетъ стаканъ чаю, а потомъ въ стихахъ и изливаетъ пламенную страсть свою къ красавицѣ, съ которой и слова-то, бывало, не промолвить“ ³⁾.

Въ посланіи къ А. Н. Вульфъ (1828 г.) Языковъ номиналъ золотое время, когда

Въ насъ торжественно бурлила
Чародѣйственная сила
Первой, дѣвственной любви;
Мы другъ другу объясняли
Сердца тайныя печали
И желанія свои.
Помнишь ли, какъ нѣжно-пылки
Въ честь Воейковой потомъ
Пили, били мы бутылки
У пруда передъ костромъ?

¹⁾ Зейдлицъ, I. с., стр. 137—8; Дневникъ 1829 г., 21 іюня.

²⁾ Нѣсколько данныхъ для студенческихъ годовъ Языкова даетъ Шёнрокъ, „Русская Старина“ 1903 г., апрѣль, стр. 143 слѣд.

³⁾ „Русскій Архивъ“ 1867 г. № 5 и 6, стр. 720.

Когда порой онъ закутитъ—и очнется, его первыя мысли обращались къ Воейковой, и мы слышимъ его признаніе,—чѣмъ она была для него:

Забуду ль васъ когда-нибудь,
Я, вами созданный? Не вы ли
Мнѣ пѣсни первыя внушили,
Мнѣ свѣтлый указали путь
И сердце биться научили?
Я берегу въ душѣ моей
Неизъяснимыя, живыя
Воспоминанья прошлыхъ дней,
Воспоминанья золотыя.
Тогда для васъ я призывалъ,
Для васъ любилъ богиню пѣнья;
Для васъ дѣлами вдохновенья
Я возвеличиться желалъ.

Для нея онъ сталъ поэтомъ, былъ „полонъ божества, могучъ
возстать до идеала“.

Тогда я ждалъ,... Но гдѣ жъ они,
Мои плѣнительные дни,
Восторговъ пламенная сила
И жажда славнаго труда?
Исчезло все—меня забыла
Моя высокая звѣзда.
Взываю къ вамъ: безъ вдохновеній
Мнѣ скучно въ полѣ бытія;
Пускай пробудится мой геній,
Пускай почувствую, кто я.
(„А. А. Воейковой“, 1825 г.).

Когда она уѣзжала, онъ не дожидается ея:

Ужъ долго грѣшными мечтами
Я занималъ свою молву!
Вы сильны дать огонь и живость
Пѣвцу, молящемуся вамъ,
И благородство и стыдливость
Его уму, его мечтамъ.
Приму съ улыбкой ваши узы,

Не буду пѣть моихъ проказъ!
Я, видя васъ,—любимецъ музы,
Я только трубадуръ безъ васъ.

(„А. А. Воейковой“) ¹⁾.

По смерти Маши Жуковскій перенесъ всю свою любовь на Воейкову: онъ болѣетъ о ней, бережетъ ее издали. „Пора бы твоему чувству дать иное направленіе, пишетъ онъ Ал. Тургеневу (31 января 1825 г.), пора бы изъ этого омута по крайней мѣрѣ вытащить нашу дружбу“. О! если бъ можно было возвратить „старое время это со всею его простотою, какъ мы встроимъ, ты, я и Саша, еще могли быть спокойно счастливы другъ другомъ. Но то, что у тебя въ сердцѣ; несбыточное, невозможное, все будетъ портить, и мы, достойные другъ друга, будемъ только развѣять сами себя съ собою“.

Въ маѣ 1826 г. Жуковскій уѣхалъ за границу ²⁾, откуда справлялся о здоровьѣ Александры Андреевны; между тѣмъ у нея открылась чахотка, и за границу посылали ее самое. Жуковскій встревоженъ, проситъ написать ему „всю правду“, есть ли у нея средства, хлопочетъ объ ея устройствѣ ³⁾; встрѣтилъ ее 13/25 сентября въ Берлинѣ ⁴⁾ и, проводивъ, вернулся черезъ Дерптъ въ Петербургъ ⁵⁾.

„Я опять принимаюсь за старое, пишетъ онъ отсюда Е. Г. Пушкиной 25 октября/6 ноября 1827 г., но очень много недо-

¹⁾ Пьеса эта помѣчена 1830 годомъ, когда Воейкова уже скончалась († 1829 г.). Судя по началу, стихотвореніе написано по случаю отъѣзда Воейковой: поэтъ смотритъ съ надеждой на петербургскую дорогу, молится, чтобъ возвращеніе было благополучно. Въ концѣ 1829 г. покинулъ Дерптъ и Языковъ.

²⁾ Къ 1826 году отнесено 7-мъ изданіемъ г. Ефремова письмо Жуковского къ Козлову изъ Царскаго Села, гдѣ онъ живетъ въ „сосѣдствѣ съ Сашей“. „Время идетъ порядочно, благодаря занятіямъ. Жаль только одного: некогда сходить на поклонъ къ музѣ. Это твое дѣло. Обдумай на всякій случай *сюжетъ моихъ двухъ монаховъ*“. Онъ проситъ его прислать два экземпляра его „Чернеца“, одинъ съ подписью В. П., другой М. П. Ушаковымъ. „Чернецъ“ вышелъ отдѣльнымъ изданіемъ въ 1824 году; вѣрно ли опредѣлена дата письма?

³⁾ Къ Козлову, Эмсъ 3/15 іюня 1826 г.; къ Тургеневу 23 іюля/4 августа и 18/30 августа 1826 г.; къ Козлову 3/15 іюля, 23 іюля/4 августа и 8/20 августа 1827 г. Сл. письмо къ Жуковскому графини Разумовской 5 августа 1827 г.

⁴⁾ Къ государынѣ 15/27 сентября 1827 г., къ Тургеневу 17/29 сентября того же года.

⁵⁾ Къ Тургеневу 9 и 13 сентября 1827 г.

стающего въ Петербургѣ для сердца: моя бѣдная Саша Воейкова уѣхала въ Гіеръ и остановилась въ Страсбургѣ съ больными дѣтьми. Это меня жестоко тревожитъ“. Онъ заинтересовалъ въ больной граф. Разумовскую¹⁾, просить Тургенева—узнавать о Сашѣ, быть ей полезнымъ, но черезъ другихъ: „твое сношеніе съ нею кончено и не должно ни подъ какимъ видомъ возобновляться“,—и онъ журить пріятеля за то, что тотъ обмолвился Козловскому о своихъ чувствахъ: „о томъ, что у тебя съ нею было, ни слова никому! Это обязанность твоя и передъ собою и передо мною!... Загладь старое!“ (1827 г., 25 октября). „Не тревожь ее ничѣмъ: ея жизнь на в лоскѣ“ (10 января 1828 г.). Объ ея здоровьѣ приходили то утѣшительныя, то тревожныя вѣсти (къ Тургеневу 6/18-го апрѣля и 2/14 сентября 1828 г.). „Вотъ цѣлый мѣсяцъ какъ не имѣю никакихъ извѣстій объ Александрѣ Андреевичѣ, ни отъ нея прямо, ни отъ тебя“, писалъ Жуковскому Перовскій съ театра военныхъ дѣйствій (Анапа, 22 іюня 1828 г.). Напрасно стараюсь успокоить себя и увѣрить, что письма есть, но до меня не дошли. Предчувствіямъ не вѣрю, но они меня не оставляютъ; послѣднія извѣстія были такія страшныя“. Жуковский долженъ писать ему обо всемъ подробно, гдѣ бы онъ ни былъ, письма его найдутъ, „развѣ буду на томъ свѣтѣ; въ такомъ случаѣ скорого отвѣта не жди, но будь увѣренъ, что и тамъ буду я всегда твой и ея вѣрный другъ“. Онъ раненъ, проситъ друга написать Сашѣ, что ему лучше (4 сентября 1828 г. изъ лагеря подъ Варной), что на дняхъ будетъ здоровъ (24 сентября, Одесса)—и онъ пеняетъ на Жуковского, что тотъ встревожилъ Воейкову печальной вѣстью; это ей вредно. Она писала Перовскому, что 1 октября ѣдетъ въ Пизу; „снабдилъ ли ты ее всѣмъ нужнымъ? Въ противномъ случаѣ напиши мнѣ, я тебѣ отсюда въ состояніи отвѣчать удовлетворительно“ (28 сентября, Одесса)²⁾.

Между тѣмъ Жуковский спокойно, съ какимъ-то умиленіемъ, ждалъ смерти Саши, писалъ о томъ ей самой. „J'ai lu votre lettre à Peroffsky: il faut vous perdre“; и въ другомъ: „Alexandrine, mon ange! Peut-être vous êtes déjà mon auge sous tous les rapports“³⁾! Къ идеѣ смерти свѣтлой, освобождающей, онъ привыкъ, кончина Маши его освѣтила, онъ такъ проникся вѣрой въ „небесное товарищество“, что говоритъ объ умирающей, какъ-будто она была уже нездѣшной. „Въ мысляхъ я уже съ нею простился...

1) Сл. ея письмо къ Жуковскому 28 октября 1827 г.

2) „Русск. Старина“ 1903 г., іюль, стр. 125, 127, 128 и 129.

3) Зейдлицъ, I. с., стр. 146—7.

Я точно теперь въ такомъ положеніи, какъ бы самъ готовился оставить землю и перейти въ другую жизнь.... Нашъ здѣшній міръ переходитъ на ту сторону. Все отдѣляется отъ жизни. Остается одна строгая обязанность“ (къ Тургеневу 14/26 февраля 1829 г.). „Нѣжнѣйшій товарищъ моей души оторвался отъ нея, писалъ онъ Тургеневу, получивъ извѣстіе о ея кончинѣ (16/28 марта 1829 г.),.... и для меня навсегда съ нею исчезла самая близкая, родная душа. Съ 15-лѣтняго возраста до теперешняго времени была она во всемъ моимъ прелестнымъ товарищемъ. Сперва, какъ милый, цвѣтушій младенецъ, которымъ глаза любовались въ такое время, когда душа расцвѣтала; потомъ, какъ веселая, живая, беззаботная, какъ-будто обреченная для лучшаго земного счастья, какъ сама ясная надежда. Какъ была она мила въ своей первой молодости! Точно воздушный геній, съ которымъ такъ было весело мнѣ въ моемъ деревенскомъ поэтическомъ уединеніи. Потомъ, какъ предметъ заботы и состраданія, какъ смиренная, но всегда веселая, при всемъ своемъ бѣдствіи, жертва Воейкова. Все это пропало; отъ всего этого осталась послѣдняя минута ея, свѣтлая, возвышающая душу. Передъ этою минутою молчить сожалѣніе объ ней. Какъ жалѣть объ ней? Можно сказать, что жизнь къ ней не коснулась; она посреди всего житейскаго прошла чистою, безъ усилія, по одной младенчески непорочной природѣ своей“.

Воейкова скончалась 16 февраля 1829 г. и погребена въ Ливорно. Жуковскій просилъ Тургенева позаботиться объ ея памятникѣ: памятникъ долженъ быть такой же, какъ Машинъ, та же надпись, „ихъ души были одинаковы, хотя въ разномъ образѣ; и можно сказать, что между ихъ могилами та же разница, какая между ихъ наружностью. Для одной умершей небо Лифляндіи и тихій уголокъ подлѣ большой дороги, за которою поле, покрытое жатвою; природа простая и пріятная, какъ ея тихія свойства; надъ другою голубое небо Италіи съ его яркими звѣздами и благовоніями юга, очаровательными, какъ ея милое, восхитительное ребячество, какъ поэзія ея сердца“¹⁾.

Въ посвященіи „Надя и Дамаянти“ (16/28 февраля 1843 г.) Жуковскій вспомнилъ о „двухъ родныхъ, земной судьбиной разрозненныхъ могилахъ“.

И Козловъ грустно задумался, чѣмъ была для него, еще такъ недавно, Свѣтлана:

¹⁾ Письма къ Тургеневу 19/31 октября, 6 ноября н. ст. 1832 г., 15/27 января (откуда взята цитата) и 14/26 марта 1833 г. Сл. письмо къ роднымъ въ Муратово, Зейдлищъ, стр. 149—50.

Кругомъ гроза,—но ты была со мной,
Моя судьба душой твоей свѣтлѣла;
Мнѣ замѣнилъ твой дружескій привѣтъ
Обманъ надеждъ и блескъ веселыхъ лѣтъ;
Забылось все; какъ плѣнники въ неволѣ,
Привыкнулъ я къ моей угрюмой долѣ;
Она—скажу ль?—мнѣ сдѣлалась мила:
Меня съ тобой она, мой другъ, свела,
*И, можетъ быть, не даромъ мы узнали,
Какъ мною есть прекраснаю въ печали.*

Теперь онъ надолго разлученъ съ ней, но

Въ умѣ моемъ ты мыслию высокой,
Ты въ нѣжности и тайной и глубокой
Душевныхъ чувствъ, и ты жъ въ моихъ очахъ,
Какъ яркая звѣзда на темныхъ небесахъ.

Онъ ждалъ ее, мчался къ ней душою, но его пѣсни къ ней,
пѣсни сквозь слезы, до нея не долетѣли:

Тиха ея далекая могила,
Душа свѣтла въ надзвѣздной сторонѣ,
Но сердце тѣхъ, кого она любила. . . .
Святая тѣнь! молися обо мнѣ.

(„Ал. Ан. В . . . к . . ой“).

Языкова посѣтили другія воспоминанія:

Ея ужъ нѣтъ, но рай воспоминаній
Священныхъ мнѣ оставила она.

Бывало на ежегодномъ студенческомъ пиру, „у пруда, на бар-
хатѣ луговъ“, онъ пѣвалъ „не наобумъ“, не для друзей,

Нѣтъ, не для васъ! Она меня хвалила,
Ей нравились разгульный мой вѣнокъ,
И младости заносчивая сила,
И пламенныхъ восторговъ кипятокъ.
Когда она игривыми мечтами,
Радужная, преслѣдовала ихъ,
Когда она веселыми устами
Мой счастливый произносила стихъ:
Торжественна, полна очарованья,

Свѣжа — и гдѣ была душа моя!
О! прочь мои грядущія созданья,
О! горе мнѣ, когда забуду я
Огонь ея привѣтливаго взора,
И на челѣ избытокъ стройныхъ думъ,
И сладкій звукъ рѣчей, и свѣтлый умъ
Въ лиющемъ кристалѣ разговора.
Ея ужъ нѣтъ! Все было въ ней прекрасно!
И тайна въ ней великая жила,
Что юношу стремилъ самовластно
На видный путь и чистыя дѣла.

.....
Блаженъ, кого любовь ея ласкала,
Кто пѣлъ ее подъ небомъ лучшихъ лѣтъ
Она всего поэта понимала —
И гордъ, и тихъ, и трепетенъ поэтъ
Ей приносилъ свое боготворенье.

(„Воспоминаніе объ А. А. Воейковой“, 1831 г.)¹⁾.

Въ 1833 году Жуковскій былъ въ Италіи.

Ты будешь зрѣть тѣхъ волнъ очарованье,

пѣлъ ему Козловъ,

И нѣжный блескъ надъ Brentою луны,
И вспомнишь ты думъ пламенныхъ мечтанье,
И юныхъ лѣтъ обманутые сны.
О, въ сладкій часъ, душою посвященный
Друзьямъ живымъ и праху незабвенной

¹⁾ Сл. дневникъ А. Н. Вульфа 19 іюня 1832 г. у Л. Майкова, „Пушкинъ, біографическіе матеріалы“, стр. 181. Быть можетъ, памяти Воейковой („Ея ужъ нѣтъ, любви моей прекрасной“) посвящено стихотвореніе безъ даты: „Объ ней“. — „Какое-то неизъяснимо смутное чувство проникаетъ душу, когда читаешь послѣдніе стихи Ник. Мих. (Языкова): и отрадно, и тяжело. Это хоть не голосъ умирающаго, а что-то прощальное. Поразительно, что его послѣднее слово и послѣдняя мысль были обращены къ отшедшимъ: къ годамъ студенчества и къ Воейковой, какъ-будто онъ ужъ подавалъ голосъ тому свѣту“. Вас. Вас. Кирѣевскій къ А. М. Языкову 15 іюня 1847 г., „Русская Старина“. 1883 г., стр. 629. „Женщинъ боялся онъ, какъ огня, пишетъ о Языковѣ Д. Н. Свербаевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ мечталъ о нихъ постоянно... Онъ воспѣвалъ ихъ не одну, а многихъ, и былъ, кажется, пресерьезно влюбленъ въ Воейкову“. „Русск. Арх.“ 1899 г. Сентябрь, стр. 144—5.

Скажи землѣ пѣвца Ерусалима
Какъ мной была прекрасная любима.
(„Къ Италіи. В. А. Жуковскому“).

„Прекрасная“ — это, можетъ быть, Италія; „незабвенная“, — вѣроятно, Воейкова. Для Жуковского она и Мойеръ сплывались уже „здѣсь“ въ „товариществѣ небесномъ“.

14 апрѣля 1833 года Жуковскій былъ въ Ливорно и записалъ въ своемъ дневникѣ: „Я отправился на кладбище. Долгъ свой милому праху Саши заплатилъ только біеніемъ сердца при приближеніи. Остальное смущено поспѣшностью, помѣхою; я срисовалъ милой гробъ нашъ. Мѣсто тихое, ясное“. Изъ Ливорно онъ поѣхалъ въ Пизу, гдѣ случай привелъ его остановиться „въ трактирѣ окнами противъ окна, въ коемъ сидѣла Саша, и противъ той башни, которая своимъ звономъ оживила ея послѣднюю земную минуту“ ¹⁾.

Эпитафіей Воейковой выбраны были слова евангелія отъ Іоанна (XIV, 1—4), которыя Жуковскій назначилъ для надгробной надписи Машѣ — и себѣ ²⁾: „Да не смущается сердце ваше вѣруйте въ Бога и въ Мя вѣруйте“, и т. д.

Извиняясь передъ Ѳ. Н. Глинкой за свое долгое молчаніе; Воейковъ ссылался на „черный“ годъ: потеря жены, переведеніе дѣтей изъ-за 5000 верстъ (?), хлопоты о томъ, какъ бы, куда бы пріютить ихъ ³⁾; затѣмъ у дѣтей коклюшъ, у него самого

¹⁾ Въ 1839 году Жуковскій посѣтилъ въ Гаагѣ M-me Dedel: „Она познакомилась съ Сашею въ Гіерѣ, потомъ съ нею вмѣстѣ была въ Гіерѣ и Пизѣ и закрыла ей глаза“ (Дневникъ 11/22 апрѣля 1839 г.).

²⁾ Сл. письмо кн. Вяземскаго Плетневу 19 ноября/1 декабря 1852 г. Эта эпитафія изображена, въ числѣ другихъ, на гробницѣ В. А. и Е. А. Жуковскихъ на кладбищѣ Александро-Невской лавры.

³⁾ Дѣтей Воейковой привезъ въ Дерптъ къ ихъ бабушкѣ Зейдлицъ. Жуковскій не только доставилъ Воейковой необходимыя средства для поѣздки за-границу, но позаботился и о ея семьѣ (Зейдлицъ, I. с., стр. 145 слѣд.; Зонтагъ въ Отчетѣ Имп. Публ. Библ. за 1893 г., стр. 132 слѣд.: письмо къ А. М. Павловой). Въ виду этого онъ хлопоталъ о сохраненіи за Воейковымъ изданія „Инвалида“, хотя съ Воейковымъ у него нѣтъ ничего общаго, писалъ онъ Имп. Николаю Павловичу: „меня приковала къ нему бѣдственная судьба его жены, которая выросла на моихъ рукахъ и стояла лучшей участи. Я и теперь прикованъ къ нему ея милыми сиротами“ (письмо 30 марта 1830 г., „Русскій Архивъ“ 1896 г., № 1, стр. 113). Въ письмѣ къ государю (Эмсъ 1840 г., июль) Жуковскій говоритъ, что въ 1839 году продалъ свою аренду, чтобы обезпечить сиротъ Воейковыхъ. По его просьбѣ Марія Воейкова принята была въ Екатерининскій институтъ („Русская Старина“ 1898 г. ноябрь, стр. 364 слѣд.), и позже государыня пристроила ее при вел. княгинѣ Марьѣ Николаевнѣ (письмо къ Государынѣ изъ Дармштадта 1844 г., 25 марта). Онъ же заботился о

четыре раза начинался антоновъ огонь. „Вотъ радости, въ
коихъ утопаетъ тотъ человѣкъ, котораго недавно знали вы здо-
ровымъ, счастливымъ любовью ангела-подруги, въ цвѣтникѣ
дѣтей, въ кругу образованнѣйшаго общества столицы, осыпан-
наго милостями царя и особеннымъ благоволеніемъ великаго
князя Михаила Павловича. Теперь онъ стоитъ, какъ подрытая
башня-руина, готовая обрушиться на развалины и пепель, ее
окружающіе. Это все внѣшнее; въ сердцѣ же своемъ я спокоенъ;
когда же взгрустнется, то вспомню слова Спасителя, вырѣзан-
ныя на могилѣ моей Александры Андреевны: Да не смущается
сердце ваше; вѣруйте въ Бога и въ Мя вѣруйте“. (16 ноября
1829 г.) ¹⁾.

сынъ Воейковой, Андреѣ, воспитывавшемся въ Женевѣ, и о наслѣдствѣ его
сестры Екатерины, составившемся изъ даннаго имъ же капитала (письмо къ
Наслѣднику 20 января 1847 г.).

¹⁾ „Литературный Вѣстникъ“, т. IV, кн. 8 (1902 г.), стр. 345—7.

VII.

Лирика чувства и ея личные мотивы.

На увлеченіи Жуковского Марьей Андреевной Протасовой надо было остановиться: она была для него „поэзіей жизни“, подъ ея вліяніемъ онъ сталъ поэтомъ личнаго чувства, благоговѣйнаго, элегическаго, не страстнаго. Это-то чувство и наполняетъ лирику его первой поры: что въ ней лучшаго—это Gelegenheitsdichtung; небольшія стихотворенія, выражающія если не великія скорби (Гейне), то искреннюю скорбь. Оттуда и мрачный репертуаръ, и своеобразныя философіи любви и счастья.

На землѣ нѣтъ счастья, есть только тѣнь его, утраченное счастье, счастье самоотреченія; настоящее счастье въ воспоминаніи о блаженныхъ минутахъ, пережитыхъ чувствомъ и постоянно его питающихъ; полнота счастья за гробомъ: „возлюбленный образъ“ летитъ за душою въ вѣчность,

Ей спутникъ до сладкой минуты свиданья.

(„Къ Нинѣ“, 1808 г.);

Свиданье тамъ,

Гдѣ жизнь безъ разлуки,

Гдѣ все не на часъ.

(„Эолова арфа“, 1814 г.).

Воспоминанье и ожиданье чего-то за таинственнымъ предѣломъ—вотъ двѣ основныя нѣты любовной поэзіи Жуковского; ему 23 года, а онъ уже „къ протекшимъ временамъ“ летитъ „воспоминаньемъ“ („Вечеръ“, 1806 г.).

Воспоминанье — его любимый Leitmotiv; такъ въ „Трехъ сестрахъ“, въ „Видѣніи Минваны“ (1808), въ посланіи къ Батюшкову (1812 г.):

Какъ-будто съ вышины
Спускается пріятный
Минувшаю привѣтъ,
И то, что невозвратно,
Чего навѣки нѣтъ,
Опять животворится,
И тихо вѣютъ, мнятся,
Надъ нашей головой
Воздушною толпой
Жильцы духовной сѣни,
Невозвратимыхъ тѣни!

Воспоминанье — „это милое товарищество, котораго и смерть не разрываетъ, по которому мы одни исполняемъ то, что прежде исполняли вдвоемъ“ (письмо къ Кирѣевской 1813 г., іюль). „Для сердца прошедшее вѣчно“, говоритъ Теонъ (1814 г.); счастье — въ удовольствіи съ воспоминаніемъ, твердитъ онъ Машѣ и Воейковой (1814—1815 г.); „святое прежде“ царитъ въ стихотвореніяхъ болевого 1816 г.; „общее, неясное воспоминаніе, безъ вида и голоса, какъ-будто воздухъ прежняго времени“ (дневникъ 1818 г. 28 октября); имъ полонъ „Цвѣтъ завѣта“, наставленіе гр. Самойловой (1819 г.). Поэтъ всегда готовъ „съ милымъ прошлымъ заодно въ воспоминаньи повидаться, потому что „милое минувшихъ дней... милѣйшимъ будетъ завсегда сокровищемъ воспоминанья“. („Къ кн. А. Ю. Оболенской“, 1820 года).

Нужды нѣтъ, что порой онъ старается уйти отъ него, твердитъ себѣ и другимъ о прелести настоящаго: „Будь настоящее твой утѣшительный геній“ („Къ самому себѣ“, 1814 г.), развивая ту же идею въ дневникахъ и альбомахъ Маши, Воейковой, гр. Самойловой (1819 г.), въ обращеніи къ Эверсу 1815 г. („Прекрасному текущее мгновенье“) и въ отвѣтѣ кн. Вяземскому на его стихотвореніе „Воспоминаніе“:

На что же, другъ, хотѣтъ призвать воспоминанье?
Мечты не дозовемся мы:
Безъ утоленія пробудимъ лишь желанье,
На небо—взглянемъ изъ тюрьмы!

(1819 г.).

Этотъ призывъ къ настоящему часто уживается на одной и той же страницѣ съ „удовольствіемъ воспоминанія“. Въ сущности одно оно прочно, настоящее — утопія, „прибѣжище, я уцѣпился за него, какъ утопающій за доску“, читаемъ мы въ дневникѣ 1814 года ¹⁾.

16-го/28 февраля 1821 г. помѣченъ въ дневникѣ первоначальный текстъ четверостишія „Воспоминаніе“ съ толкованіемъ, какъ - будто предназначавшимся для великой княгини Александры Ѳеодоровны ²⁾; тотъ же культъ воспоминанія въ припискѣ къ „Лалла-Рука“ и въ „Отрывкѣ письма изъ Саксоніи“ (1821 г.).

Въ 1824 г. написанъ „Мотылекъ“: онъ льнетъ только къ двумъ цвѣткамъ, не пышнымъ и непригляднымъ: цвѣтку воспоминанья и цвѣтку сердечной думы.

О, милое воспоминаніе
О томъ, чего ужъ въ жизни нѣтъ!
О, дума сердца — упованіе
На лучшій, неизмѣнный свѣтъ!
Блаженъ, кто васъ среди губящаго
Волненья жизни сохранилъ
И съ вами низость настоящаго
И пренебрегъ и позабылъ.

Въ дневникѣ 23 ноября / 5 декабря 1832 года записано: „Письмо великаго князя. Минуты, въ которыя какою-то магическою силою пробуждаются воспоминанія, и всѣ знакомыя лица весьма ясно видимы. Слышишь голоса, чувствуешь то, что чувствовалъ, *воздухъ старины* ³⁾, *домъ, чувство прошедшей жизни*“. Но это чувство не вѣчно, слабѣетъ со временемъ и горе по милымъ усопшимъ, унося счастье воспоминаній, и Жуковский вторитъ жалобѣ Ламоттъ-Фука:

¹⁾ Сл. выше стр. 157.

²⁾ Четверостишіе это отнесено 9-мъ изданіемъ г. Ефремова къ 13 іюля 1821 года; съ толкованіемъ, повторяющимъ, съ нѣкоторыми отмѣнами, текстъ дневника, и присоединеніемъ въ концѣ стихотворенія Жанъ Поль Рихтера на кончину королевы Луизы, оно печаталось съ датой 1848 года („Воспоминаніе“); стихотвореніе („На кончину“...), безъ подписи переводчика, явилось въ „Московскомъ Телеграфѣ“ 1827 года, ч. XV, № 11.

³⁾ Въ текстѣ: сторона. Сл. дневникъ 28 октября 1818 года: „воздухъ прежняго времени“.

Есть, правда, много избранных
Душъ на свѣтѣ, въ которыхъ святая печаль, какъ свѣча
предъ иконою,
Ярко горитъ, пока догоритъ; но она и для нихъ ужъ
Все не та подъ конецъ, какою была при началѣ,
Полная, чистая; много, много иного, чужого,
Между утратою нашей и нами уже протѣснилось;
.....
Наше горе земное не надолго.
(„Ундина“, гл. XVI, 1836 г.).

Въ передѣлкѣ Гальмова „Камоэнса“ нерѣдко красивые образы
устранены на счетъ воспоминанья, святой памяти, вѣрности
прекрасному минувшему. У Halm'a Кеведа рассказываетъ Ка-
моэнсу, что и онъ былъ несчастенъ: умерла жена, онъ обли-
вался слезами, но нашелъ утѣшеніе — въ наслѣдствѣ. И я утѣ-
шился (Auch ich fand Trost), отвѣчаетъ Камоэнсъ; слѣдуетъ из-
вѣстная въ передѣлкѣ Жуковского сцена откровенія поэзіи,
посѣтившаго поэта въ больницѣ. Вотъ что подсказалось ему
вмѣсто короткой фразы: и я утѣшился:

Все переживешь
На свѣтѣ.. Но забыть!... Блаженъ, кто носить
Въ своей душѣ *святую память, вѣрность*
Прекрасному минувшему! Моя
Душа ее во глубинѣ своей,
Какъ чистую лампаду, засвѣтила,
И въ ней поэзіей горѣла.
И мнѣ поэзія была отрадой ¹⁾.

Въ 1840-мъ году Жуковскій давалъ первый урокъ прин-
цессѣ Маріи — и перенесся мыслью къ первому своему появле-
нію во дворцѣ, 23 года тому назадъ, въ качествѣ учителя рус-
скаго языка вел. кн. Александры Ѳеодоровны. Вечеромъ давали
оперу Спонтини „Нурмагалъ“; дотолъ онъ не зналъ ея, но лишь
только услышалъ, Дармштаттъ исчезъ изъ его глазъ, его за-
слонили тѣни прошлаго,

Und manche liebe Schatten standen auf.

¹⁾ Сл. Wir liebten. Uns're Liebe war ein Klang. = Пора любви! Твое
воспоминанье. *

„Странное, непонятное очарованіе въ звукахъ: они не имѣютъ ничего существеннаго, но въ нихъ живетъ и воскресаетъ прошедшее. Я не думалъ никого произвольно воспоминать, но вслѣдъ за этою картиною праздника именно тѣ, которые тогда были, и которыхъ теперь нѣтъ, какъ-будто сами слетѣли со всѣхъ сторонъ на поминки и тѣнями мимо меня провѣяли“. Жуковскій видитъ воочію „идеальную Пери“, то-есть великую княгиню, выступавшую въ ея роли, проходятъ и другія, „и вслѣдъ за ними моя Александра Воейкова, которой я тогда описалъ этотъ праздникъ, которая тогда была во всемъ цвѣтѣ жизни, а теперь въ далекой могилѣ, подъ небомъ Италіи, свѣтлымъ, какъ была она сама“ ¹⁾.

Воспоминаніе не выходитъ и позже изъ его поэтического словаря; онъ былъ правъ, сказавъ о себѣ въ четверостишіи къ своему портрету: „Воспоминаніе и я — одно и то же“ (1837 г.).

Все это вызывало печальныя темы: образъ „кладбища“ унаслѣдованный отъ сентиментальной поэзіи, продолжаетъ занимать поэта съ первыхъ его стихотворныхъ опытовъ. Съ переводомъ Греевской элегіи связано начало его литературной репутаціи (1802 г.); въ 1814 году, остановившись въ деревнѣ, онъ рисуется на кладбищѣ ²⁾; въ 1820-мъ вноситъ въ свой дневникъ впечатлѣнія по дорогѣ въ Preussische Mark: „прекрасное захожденіе солнца за холмомъ, и холмъ казался огнедышащей горою; все небо въ огнѣ; пріятное расположеніе духа. Деревня Бухвальде, освѣщенная солнцемъ; церковь и кладбище и гробъ, который чернѣлся на заревѣ“ ³⁾. Въ то же путешествіе онъ заинтересовался картинами Фридриха ⁴⁾; въ нихъ нѣтъ ничего

¹⁾ Къ государынѣ изъ Эмса 1/13 мая 1840 г. См. письмо къ ней же 12/24 октября 1843 года изъ Дюссельдорфа: король подарилъ Жуковскому музыку Спонтини на праздникъ Лалла-Рукъ, онъ наслаждается ею въ семьѣ, и подъ музыку „много давно, давно прошедшаго воскресаетъ: въ звукахъ есть что-то безсмертное, хотя сами они бытія не имѣютъ. Съ ними то, что прошло, является снова такимъ, (какимъ) оно было, во всей своей прошлой свѣжести и молодости,

Und manche liebe Schatten stehen auf“.

Жуковскій не зналъ оперы „Нурмагалъ“; если она вызвала въ немъ воспоминанія о берлинскихъ торжествахъ и о Лалла-Рукъ съ музыкой Спонтини, то это только указываетъ на его музыкальную память: въ „Нурмагалѣ“ Спонтини воспользовался нѣкоторыми номерами своей старой оперы-балета.

²⁾ Сл. выше стр. 158.

³⁾ Дневникъ 1820 г. 10 октября.

⁴⁾ См. Дневникъ 1820 г. 11 октября, 9 ноября; 1821 г. 8/20 марта. Слѣд. письмо Жуковского къ вел. кн. Александрѣ Теодоровнѣ, Карлсбадъ 17/29 іюня

„мечтательнаго“, онѣ вправдѣ своею вѣрностію, „ибо каждая возбуждаетъ въ душѣ воспоминаніе о чемъ-то знакомомъ; если находишь въ нихъ болѣе того, что видятъ глаза, то этому та причина, что живописецъ смотрѣлъ на природу не какъ артистъ, который въ ней ищетъ только образца для кисти, а какъ чловѣкъ съ чувствомъ и воображеніемъ, который повсюду находитъ въ ней символъ чловѣческой жизни“ ¹⁾. — Въ 1826 г. Жуковский видѣлъ у Фридриха начатый пейзажъ: большая желѣзная дверь, ведущая на кладбище, открыта; къ одному изъ ея столбовъ прислонились мужчина и женщина: они только-что похоронили ребенка и смотрятъ издали на его могилу, небольшой, покрытый газономъ холмикъ, у котораго еще лежитъ заступъ; недалеко другая могила съ урной; тамъ покоится прахъ предковъ. Кладбище поросло соснами; ночь; луны не видно, но она откуда-то свѣтитъ; въ волнующемся туманѣ стволы деревьевъ точно отстали отъ земли, сквозь эту завѣсу видны могилы, простые старые памятники; одинъ изъ нихъ, длинный вертикальный камень, стоитъ какъ сѣрый призракъ. Все это составляетъ прелестный пейзажъ. Но художникъ хотѣлъ сдѣлать большее, обратиться нашу мысль къ загробному міру: глаза родителей обращены на могилу ребенка, и они какъ-будто поражены какимъ-то таинственнымъ явленіемъ: туманъ оживленъ, имъ кажется, что ихъ дитя поднялось изъ могилы, тѣни предковъ тянутся къ нему, простирая къ нему объятія, и ангелъ мира *съ оливной вѣткой* въ рукѣ паритъ надъ ними и ихъ соединяетъ. Ни одного изъ этихъ воздушныхъ образовъ не различить, виденъ лишь туманъ, но воображеніе дополняетъ намеки художника, и видѣніе, ничего не прибавляя къ простому пейзажу, лишь возвышаетъ его естественное впечатлѣніе ²⁾. — О другихъ произведеніяхъ Фридриха говоритъ Ал. Тургеневъ, въ томъ же году посѣтившій съ Жуковскимъ его мастерскую: художникъ показывалъ имъ свои юмористическія картины; „Жуковский, пишетъ Тургеневъ, заказалъ ему нѣсколько картинокъ. Между ними—смерть на гробѣ, и другая — жизнь на гробѣ. На одной представлено кладбище, на которомъ около сельскихъ памятниковъ надгробныхъ вьются

1821 г. „Русская Старина“ 1901 г., октябрь, стр. 238, что опущено въ печатномъ текстѣ „Путешествія по Саксонской Швейцаріи“.

¹⁾ Сл. письмо къ вел. княг. Александрѣ Феодоровнѣ 23 іюня/5 іюля 1821 г. („Русская старина“ 1901 г., ноябрь, стр. 390); оно вошло въ „Отрывокъ письма изъ Саксоніи“.

²⁾ Французское письмо къ государынѣ изъ Дрездена 2/14 октября 1862 года.

цвѣты, и зеленѣть густая, полная жизни, трава; на другой—глубокій снѣгъ покрываетъ кладбище, сухое дерево напоминаетъ ту же смерть, и недалеко сугробъ раскопанъ для могилы, и заступы лежатъ, полузанесенные снѣгомъ. Все жило, все цвѣло, чтобъ послѣ умереть“ ¹⁾. Жуковскій надѣется получить отъ Фридриха каждую весну по двѣ картины въ тотъ размѣръ, въ какой уже взялъ отъ него нѣсколько. Мы съ нимъ говорили о сюжетѣ, онъ знаетъ мой вкусъ, пишетъ онъ Е. Г. Пушкиной (5/17 ноября 1827 г.), сообщая ей содержаніе картинъ, изъ которыхъ двѣ хотѣлъ бы приобрести: еврейская могила на равнинѣ при заходѣ солнца; христіанская могила: мать у гробницы своего ребенка; крестъ водруженъ на утесѣ ²⁾.

Изъ рисунковъ пріятеля Рейтерна Жуковскому въ особенности нравится Familienzimmer у входа на кладбищѣ: горница, гдѣ собравшаяся семья стѣдуетъ о недавней утратѣ. Самъ Жуковскій подсказываетъ содержаніе рисунка ³⁾. У него какой-то печальный, похоронный экстазъ; самъ онъ часто рисовалъ и заказывалъ писать могилу Маши; любимая обстановка была зимняя, могильный холмъ, слѣды на свѣжемъ снѣгу, мужская фигура въ плащѣ сидитъ у памятника ⁴⁾. Долгое время спустя онъ заказалъ живописцу Майделю картину-иллюстрацію къ одной сценѣ изъ своихъ „Двѣнадцати спящихъ дѣвѣ“: могильный камень, крестъ наклонился до земли, надъ нимъ теплится „легкій, блѣдный пламень“, и „воронъ, птица ночи“ сидитъ на немъ недвижимъ, вперивъ въ мѣсяцъ унылыя очи ⁵⁾.—Въ 1839-мъ году Греева Элегія переведена снова.

Рядомъ съ видѣніями кладбища—гимны смерти; они раз-

¹⁾ Письмо А. Тургенева къ Николаю Тургеневу 1827 г. 28 января.

²⁾ Сл. письмо къ ней же 1828 г. Сл. заботы объ обѣднѣвшемъ Фридрихѣ въ письмѣ къ Наслѣднику 1838—9 г.; сл. дневникъ 1840 г. марта 19 и 20. Картинами Фридриха полна была петербургская квартира Жуковского, онъ произвели впечатлѣніе на И. В. Кирѣевского. Преобладаютъ кладбище и мрачные сюжеты. На одной большой картинѣ „ночь, луна и подъ нею сова. По полету видно, что она видитъ; въ расположеніи всей картины видна душа поэта. Съ обѣихъ сторонъ стола виситъ по двѣ маленькихъ четверугольныхъ картинки. Одна — подарокъ Тургенева, который заказывалъ ее Фридриху: даль, небо, луна, впереди рѣшетка, на которую облокотились трое: два Тургенева и Жуковскій. Такъ объяснилъ мнѣ самъ Жуковскій. Одного изъ нихъ (Сергѣя Тургенева) мы вмѣстѣ похоронили“. Сл. Полное собраніе сочиненій И. В. Кирѣевского, т. I, стр. 21—2 (письмо 12 января 1830 г.).

³⁾ Gerhard v. Reutern. „Ein Lebensbild“. S.-Pb. 1894 г., стр. 65—6.

⁴⁾ Зейдлицъ, I. с., стр. 138.

⁵⁾ I. с., стр. 190—10.

даются тѣмъ чаще, чѣмъ чаще сердечныя утраты. „Для меня теперь все прекрасное будетъ синонимъ смерти“, пишетъ онъ по кончинѣ Воейковой въ 1829 г. ¹⁾. Все это слилось въ послѣдствіи въ мечтательную теорію, въ поэзію смерти, въ увѣреніе, что „смерть лучше жизни“, а пока питало воображеніе печальными образами, вело къ стилю и мотивамъ баллады, съ которою уже познакомили насъ Карамзинъ, Турчанинова, Каменевъ и друг. ²⁾, которую такъ недолюбливали наши классики, Мерзляковъ и Гнѣдичъ, Дмитріевъ, Батюшковъ, Грибоѣдовъ, но воздѣлывалъ классикъ Катенинъ. Жуковского прозвали „нѣмцемъ“ ³⁾, балладникомъ, романтикомъ, тогда какъ онъ не выходилъ изъ идей и представленій сентиментализма: жизнь и любовь за гробомъ, свиданіе съ милыми, полнота чувства, недостижимаго на землѣ, міръ тайны и таинственности, откуда къ намъ спускаются желанные, но порой и грозные призраки. Передавая или, лучше, передѣлывая до неузнаваемости послѣднюю строфу Шиллеровскаго „*Thekla, eine Geisterstimme*“ („Голосъ съ того свѣта“, 1815 г.), онъ заставляетъ ее говорить:

Не унывай: минувшее съ тобою;
Незрима я, но въ мірѣ мы однимъ;
Будь вѣренъ мнѣ прекрасною душою;
Сверши одинъ—начатое вдвоемъ.

Счастье здѣсь въ воспоминаніи и ожиданіи; это и создаетъ ту „флѣровую мантию меланхоліи“ ⁴⁾, то „пріятно-унылое“ расположеніе духа, то наслажденіе меланхоліей, которую юный Жуковский желалъ бы продлить на большую часть жизни ⁵⁾. „И меланхоліи печать была на немъ“, скажутъ о его безвременно угасшемъ юношѣ-пѣвцѣ ⁶⁾; унылость тихая въ душѣ моей хранится.... Повсюду вѣстники могилы предо мной“ („Къ Филалету“, 1808—9 г.).

Эти идеи онъ развилъ въ „Видѣніи Минваны“ („Три сестры“, 1808 г.), въ статьѣ о „Меланхоліи“ (1808 г.) ⁷⁾; позже, въ раз-

¹⁾ I. с., стр. 149.

²⁾ Сл. соч. Н. С. Тихонравова, III, ч. I, стр. 428 и прим. 140 и 141 на стр. 67.

³⁾ Гнѣдичъ, сл. П. Тихоновъ, „Н. Гнѣдичъ“, Спб. 1884, стр. 40.

⁴⁾ Сл. Жуковского, „Жизнь и источникъ“ 1798 г. и выше стр. 38, 45.

⁵⁾ „Дневникъ“ 1805 г., сл. выше стр. 95.

⁶⁾ „Сельское кладбище“ 1802 г.; въ переводѣ 1839 г.: „и меланхолія знаки свои на него положила“.

⁷⁾ Сл. выше стр. 111—12.

мышленіяхъ объ афоризмѣ Руссо: „Прекрасно лишь то, чего нѣтъ“, онъ станетъ говорить объ особаго рода грусти. Карамзинъ подошелъ къ этому афоризму нѣсколько развязно: „если прекрасное, подобно легкой тѣни, обыкновенно отъ насъ убѣгаетъ, овладѣемъ имъ хотя бы въ воображеніи, устремимся за нимъ въ міръ сладкихъ грезъ, будемъ обманывать себя самихъ и тѣхъ, кто долженъ быть обманутымъ“¹⁾. Но Жуковский не хочетъ быть обманутъ: если прекрасно лишь то, чего нѣтъ, то „это не значитъ только то, что не существуетъ. Прекрасное существуетъ, но его нѣтъ, ибо оно является намъ только минутами, для того единственно, чтобы намъ сказаться, оживить насъ, возвысить нашу душу,—но его ни удержать, ни разглядѣть, ни постигнуть мы не можемъ; ему нѣтъ ни имени, ни образа; оно ощутительно и непонятно; оно посѣщаетъ насъ въ лучшія минуты нашей жизни.... И весьма понятно, почему всегда соединяется съ нимъ *грусть*, но грусть, не лишаящая бодрости, а животворная и сладкая, какое-то смутное стремленіе: это происходитъ отъ его скоротечности, отъ его невыразимости, отъ его необъятности — прекрасно только то, чего нѣтъ!“ И „эта грусть убѣдительно говоритъ намъ, что прекрасное здѣсь не дома, что оно только мимопролетающій благовѣститель лучшаго; оно есть восхитительная тоска по отчизнѣ; она дѣйствуетъ на нашу душу не *настоящимъ*, а темнымъ *воспоминаніемъ* всего прекраснаго въ *прошедшемъ* и тайнымъ ожиданіемъ чего-то въ *будущемъ*“.

А когда насъ покидаетъ,
Въ даръ любви, у насъ въ виду,
Въ нашемъ небѣ зажигаетъ
Намъ прощальную звѣзду“²⁾.

¹⁾ „Аглая“ 1794 г.: „Что нужно автору“.

²⁾ Сл. Забѣтку Жуковского къ Лалла-Рукъ 1821 г. и дневникъ того же года подъ 4 февраля. Въ письмѣ къ вел. кн. Маріѣ Николаевнѣ 24 іюня 1838 г. онъ говоритъ, по поводу праздника Лалла-Рукъ, о красотѣ, какъ о чемъ-то неземномъ; „это чувство красоты есть неизмѣнный товарищъ вѣры. Вѣрою мы сводимъ небо на землю, чувствомъ красоты мы земное, такъ сказать, возвышаемъ въ небесное... красота есть святыня“. — Къ толкованію афоризма Руссо Жуковский вернется въ извѣстномъ письмѣ къ Гоголю („Слова поэта—дѣла поэта“, 1848 г.) и въ письмѣ къ анониму съ поздравленіемъ новобрачныхъ: пусть слагаютъ вдвоемъ свою „поэму“, „жизнь должна быть поэма... Мысли кипятъ, душа живетъ и возвышается, міръ украшенъ; а вмѣстѣ съ поэтомъ живутъ его жизнью и тѣ, кто его понимаетъ; и при томъ, что онъ выражаетъ словомъ и звукомъ, есть еще въ запасѣ и то, *чему нѣтъ выраженія, но что потому то и прекрасно*. Il n'y a de beau que ce qui n'est pas“. Сл. „Русск. Архивъ“ 1872 г. № 12, стр. 2369.

Подъ конецъ жизни, когда религіозные интересы въ немъ обострились, Жуковскій ограничилъ роль меланхоліи въ христіанскомъ міросозерцаніи ¹⁾; теперь ея блаженство, изрѣдка перебиваемое желаніемъ посвятить „прекрасному текущее мгновенье“, опредѣляетъ его воззрѣніе на жизнь: это полоса настоящего, уныло протягивающаяся между воспоминаніями прошлаго и чаяніями будущаго; на этой полосѣ кишитъ общественность, но для сентименталиста она несущественна: образованіе характера, счастье семьи на первомъ планѣ, а если оно будетъ, то на второмъ—„исполненіе общественныхъ условій“. Жуковскій остался вѣренъ до конца этому идеалу; широкихъ интересовъ къ общественности онъ въ себѣ не воспиталъ, но онъ былъ твердъ въ теоріи самодовлѣющей человѣчности, меланхолически колеблющейся, въ ожиданіи и воспоминаніи, между прошлымъ и грядущимъ.

Черезъ эту пропасть поэзія перекинула свою радугу. Онъ смолоду толкуетъ о ней, опредѣленія растутъ, яснѣютъ со временемъ, производя впечатлѣніе цѣлостности развитія; досказано было лишь то, что раньше было только намѣчено. „Стихи, сочиненные въ день моего рожденія, къ моей лирѣ и къ друзьямъ моимъ“ (1803 г.) и „Къ поэзіи“ (1805 г.) еще полны общихъ идиллическихъ мѣстъ: поэтъ, презирающій бурный міръ, мечтаетъ въ убогой хижинѣ — и блаженъ, либо онъ соглашаетъ свою лиру съ свирѣлью пастуховъ. Если въ статьѣ Энгеля, переведенной Жуковскимъ („О нравственной пользѣ поэзіи“) нравственные и поэтическія начала отличены другъ отъ друга по существу, и требованіе ихъ связи касается лишь личности поэта, то въ замѣткѣ „О критикѣ“ (1809 г.) изящное является (по Зульцеру) тождественнымъ съ добромъ, моральной красотою. Пламень поэзіи

лишь въ ясной
 Душѣ неугасимъ.
 Когда любовью страстной
 Лишь то боготворимъ,
 Что благо, что прекрасно. . . .
 Тогда и дарованье
 Во благо намъ самимъ,
 И мы не посраимъ
 Поэтовъ достоянья.
 О, другъ! служенье музъ
 Должно быть ихъ достойно:

¹⁾ „О меланхоліи въ жизни и въ поэзіи“, 1845 г.

Лишь съ добрымъ ихъ союзъ.
Сліявъ въ душѣ спокойной
Младенца чистоту
Съ величіемъ свободы,
Боготворя природы
Простую красоту,
Лишь благамъ неизмѣннымъ,
Пѣвецъ-любимецъ мой,
Доступенъ будь душой.

(„Къ Батюшкову“, май 1812 г.).

✓ Призваніе поэта—„любовь къ добру переливать въ сердца“ (къ А. Н. Арбеновой 1812 г.); поэтъ—„святыхъ добра законовъ толкователь“ (къ кн. Вяземскому 1814 г.); „поэзія есть добродѣтель“ (къ кн. Вяземскому и В. А. Пушкину 1814 г.). — Этотъ афоризмъ долго останется въ памяти юныхъ сверстниковъ Жуковского. Когда онъ выхлопоталъ для разжалованнаго въ солдаты Боратынскаго производство въ офицерскій чинъ, Боратынскій писалъ ему 5 марта 1824 года: „Вы возвратите мнѣ общее человѣческое существованіе, котораго я лишень такъ давно, что даже отвыкъ почитать себя такимъ же человѣкомъ, какъ другіе; и тогда я скажу вмѣстѣ съ вами: хвала поэзіи, *поэзія есть добродѣтель*, поэзія есть сила; но въ одномъ только поэтѣ, въ васъ, соединены всѣ ея великія свойства“ ¹⁾. 10 ноября 1840 г. Кюхельбекеръ такъ же отозвался изъ Акшинской крѣпости на письмо къ нему Жуковского изъ Дармштадта: „Я знавалъ людей съ талантомъ, людей съ геніемъ, но, Богъ свидѣтель! никто не убѣдилъ меня такъ живо въ истинѣ, высказанной вами же, что *поэзія есть добродѣтель*“ ²⁾. — Именно поэзія-добродѣтель и „должна имѣть вліяніе на душу всего народа . . . принадлежить къ народному воспитанію“ (къ Тургеневу 21 октября 1816 г.).

Года три спустя „жизнь унылая изображается ладьей, плывущей среди тумановъ; за нею выются юность, мечта и надежды, фантазія и вдохновеніе — и муза, которая, внимая пѣнію сверстницы,

Засыпала въ тишинѣ
И ловила привидѣнья
Счастья милаго во снѣ.

¹⁾ Сл. „Русскій Архивъ“ 1871 г. № 6, стр. 0239.

²⁾ Ibid. № 2, стр. 0177; сл. „Русская Старина“ 1891 г., № 10, стр. 83.

Но друзья разлетѣлись, одинокая ладья равнодушно плыветъ въ безпредѣльность, — и вдругъ что-то затрепетало надъ зыбями, чѣмъ-то повѣяло, встрепенулся сонный парусъ, и челнокъ пошелъ быстрее: кто-то свѣтлый прилетѣлъ съ пѣснью надежды, и жизнь очнулась, разлетѣлся мракъ, вернулась „прежней вѣры тишина“.

О, хранитель, небомъ данной!
Пой, небесный, и ладьей
Правь ко пристани желанной
За попутною звѣздой.
Будь сіянье, будь ненастье,
Будь, что надобно судьбѣ;
Все для жизни будетъ счастье,
Добрый спутникъ, при тебѣ.
(„Жизнь, видѣніе во снѣ“, 1819 г.).

Либо съ небесъ незванное слетало вдохновенье,

На все земное наводило
Животворящій лучъ оно, —
И для меня въ то время было
Жизнь и поэзія одно.
(„Я музу юную бывало“, 1823 г.).

Въ „Рафаэлевой Мадоннѣ“ (1821 г.) творчество художника — откровение, приподнимающее завѣсу неба. — „Кто ты, призракъ, гость прекрасный? Къ намъ откуда прилеталъ?“ спрашивалъ поэтъ таинственнаго посетителя (1824 г.) и отвѣчалъ вопросами можетъ быть, надежда, любовь, дума о минувшемъ — или *святая поэзія*, съ которой „все близкое прекрасно, все знакомо, что вдали“? Или предчувствіе „о небесномъ, о святомъ“?

Поэзія уже сосѣдитъ съ религіей; „святая поэзія“ Карамзина¹⁾; нѣсколько разъ встрѣчается у Жуковского выраженіе, что прекрасное — религія ²⁾.

Въ этомъ направленіи разовьется и далѣе его понятіе о поэзіи: традиціонно-сентиментальное въ основѣ, поднятое до отвлеченныхъ высотъ недочетами чувства, для котораго формула

¹⁾ „Поэзія“, 1787 г.; „Дарованіе“, 1795 г.

²⁾ По поводу Маши, Самойловой, вел. кн. Александры Ѳеодоровны, Карамзина; сл. дневн. 1821 г., 31 іюля: „Негели (композиторъ и преподаватель музыки) музыка, Отче нашъ: поэзія“.

„жизнь и поэзія одно“ имѣла, въ сущности, реальный смыслъ: „поэзія и счастье — одно и то же; счастье въ свѣтъ, въ надеждахъ на жизнь“ (къ Кирѣевской), поэзія—счастье, „то-есть тишина души, надежда въ будущемъ, наслажденіе въ настоящемъ“ (къ Тургеневу). Но счастье не приходило или давалось наполовину, и онъ утѣшалъ себя, что поэзія для него „громоотводъ“, поэзія „золотой середины“ ¹⁾.

Такъ сложилась изъ формъ сентиментализма и раннихъ опытовъ сердца уныло-мечтательная, личная поэтика Жуковского. Какъ помирить ее съ тѣмъ, что мы знаемъ о немъ, какъ о весельчакѣ, проказникѣ? Въ юности онъ любилъ перешучиваться съ А. М. Соковниной и самъ валился со смѣха отъ своихъ шутокъ ²⁾; въ 1814 году Батюшковъ съ живѣйшимъ удовольствіемъ вспоминалъ о московскихъ вечерахъ, проведенныхъ съ Жуковскимъ и кн. Вяземскимъ, „и споры, и шалости, и проказы“ ³⁾. Кн. Вяземскій такъ характеризуетъ его въ кружкѣ „Арзамаса: „онъ былъ не только *иробовыхъ дѣлъ мастеръ*, какъ мы прозвали его по балладамъ, но и шуточныхъ и шутовскихъ *дѣлъ мастеръ*. Странное фізіологическое и психическое совпаденіе! При натурѣ идеальной, мечтательной, нѣсколько мистической, въ немъ были и сокровища веселости, смѣшливости: въ немъ были зародыши и залогомъ каррикатуры и пародіи, отличающіеся нерѣдко острою замысловатостью“ ⁴⁾. „Онъ удивительно какъ наострился въ галиматьѣ“, говоритъ Дашковъ о Жуковскомъ, какъ секретарѣ „Арзамаса“: „онъ не даромъ такъ долго жилъ съ Плещеевымъ, любимое его выраженіе: Арзамасская критика должна ѣхать верхомъ на галиматьѣ“ ⁵⁾. Кн. Вяземскій вспоминаетъ о шутовскихъ пьесахъ, разыгрывавшихся на домашнемъ театрѣ въ Орловской деревнѣ Плещеева: онъ и Жуковскій сочиняли ихъ вмѣстѣ, послѣдній написалъ, между прочимъ, „Любовныя похождения влюбленнаго и обманутаго импрезаріо“ и „Скачетъ груздочекъ по ельничку“. „Надобно было видѣть и слышать, съ какой самоувѣренностію, съ какимъ самодовольствомъ вообще скромный и смиренный Жуковскій говорилъ о произведеніяхъ своихъ въ этомъ родѣ, и съ какимъ добродушнымъ и ребя-

¹⁾ Сл. выше стр. 150, 193, 197.

²⁾ Сл. выше стр. 67.

³⁾ Письмо къ Жуковскому 3 ноября 1814 г., Соч. Батюшкова, III, стр. 303 т. I, стр. 112 слѣд., 129 слѣд.

⁴⁾ Полное собр. соч. кн. Вяземскаго, VIII, стр. 415.

⁵⁾ „Русскій Архивъ“ 1866, стр. 500 (письмо къ кн. Вяземскому 26 ноября 1815 г.).

тескимъ смѣхомъ пѣвецъ „Сельскаго Кладбища,“ меланхолиі, всякихъ вѣдѣмъ и привидѣній цитовалъ мѣста, которыя были особенно ему по сердцу“ ¹⁾. Веселое, доброе лицо Жуковского живо сохранилось въ памяти графини А. Д. Блудовой, еще дѣвочки въ 1829/30-хъ годахъ: она видѣла его въ своей семьѣ, у гр. Вьельгорскихъ, у Мердера, при дворѣ, у него самого въ квартирѣ Шепелевскаго дворца, „гдѣ насъ очень занимали картины, странныя, своеобразныя, съ какимъ-то оттѣнкомъ привидѣній и почти невещественности, какъ баллады; между прочимъ, небо, одно небо, безъ земли и безъ моря, неопредѣленное, пустынное, и на немъ только видно, какъ филинъ летитъ. Одна черта въ разговорѣ Жуковского была особенно плѣнительна. Онъ, бывало, смѣется хорошимъ, ребяческимъ смѣхомъ, не только

¹⁾ „Русскій Архивъ“ 1866 г., № 6: „Выдержки изъ старыхъ бумагъ Остафьевскаго Архива“, стр. 873 слѣд. Одна изъ шуточныхъ пьесъ, упоминаемыхъ кн. Вяземскимъ, недавно издана проф. Архангельскимъ (Полное собраніе соч. В. А. Жуковского, Спб. 1902 г., т. I, стр. 94 слѣд.: „Коловратно - курьезная сцена между господиномъ Леандромъ, Пальсомъ и важнымъ господиномъ докторомъ“); другая найдена недавно въ деревнѣ Колодѣ (Гдовскаго уѣзда, Петербургской губерніи) у г-жи Сарычевой; она досталась ей, вмѣстѣ съ другими бумагами, отъ ея матери, бывшей замужемъ за дерптскимъ профессоромъ славянскаго права фонъ-Рейцъ. Заглавіе драматической шутки такое: „Елена (Екатерина) Ивановна Протасова или дружба, нетерпѣніе и капуста. Греческая баллада, переложенная на русскіе нравы Маремьяномъ Даниловичемъ Жуковятниковымъ (Жуковскимъ), председателемъ комиссіи о построеніи Муратовскаго дома, авторомъ тѣсной конюшни, огнедышащимъ эксъ-президентомъ стараго огорода, кавалеромъ ордена трехъ печенокъ и командиромъ Галиматъ. Второе изданіе. Съ критическими примѣчаніями издателя Александра Плещеуновича Чернобысова (Плещеевъ, котораго Жуковский называлъ своимъ „негромъ“), дѣйствительнаго мамелюка и богдыхана, капельмейстера коровьей оспы, привилегированнаго гальваниста собачьей комедіи, издателя типографическаго описанія париковъ и нѣжнаго компониста различныхъ музыкальныхъ чревобѣсій, между прочимъ и приложеннаго здѣсь нотнаго завыванія (Плещеевъ былъ компонистомъ). Муратово 1811 г.“ См. „Новое Время“ 1901 г. 23 августа: (Як. Юкельсонъ) „Интересная находка“.—Когда Плетневъ затѣялъ издать письма Жуковского. кн. Вяземскій писалъ ему 19 ноября/1 декабря 1852 г.: „Печатайте, безъ зазрѣнія совѣсти и неумѣстнаго цѣломудрія, и шутилывыя письма его, буфонскія, чисто Арзамасскія, гдѣ веселость его развертывалась во всю Ивановскую. Эта сторона не должна пропасть безъ вѣсти и дополнить характеръ его. Какъ я писалъ Булгакову по этому предмету, тотъ не будетъ вполнѣ знать Суворова, кто не будетъ имѣть понятія о проказахъ и причудахъ его. Къ тому же вздорнорѣчіе Жуковского доходило до истиннаго краснорѣчія, до высокой геніальности. — Образцы его каррикатурныхъ рисунковъ извѣстны, но они не оправдываютъ названіе его юмористомъ.“ Сл. „Русск. Старину“ 1902 г. IV, стр. 124—6 (письма къ граф. Ю. Ѳ. Барановой).

шутить, но балагурить, и вдруг, неожиданно, все это шутство переходит въ правоучительный примѣръ, въ высокую мысль, въ глубоко грустное замѣчаніе; и по временамъ его рассказы касались чудесныхъ случаевъ, и онъ умѣлъ уносить васъ въ область загробную или въ поднебесную высь съ такимъ полнымъ убѣжденіемъ, что иногда онъ казался такимъ же страннымъ и почти сверхъ-естественнымъ, какъ лица въ его рассказахъ“ ¹⁾. „Въ бесѣдахъ съ короткими людьми, въ разговорахъ съ нами, до того увлекался онъ часто душевнымъ, полнымъ, чистымъ веселіемъ, что начиналъ молоть премилый вздоръ. Когда же думы засядутъ въ головѣ, то съ исключительнымъ участіемъ на землѣ начинаетъ онъ искать одну грусть, а живыя радости видитъ въ одномъ только небѣ... Въ немъ точно смѣшеніе ребенка съ ангеломъ“ ²⁾. Таковъ и отзывъ Смирновой: „въ чисто-русской натурѣ Жуковского было много германизма, мечтательности и того, что называютъ *Gemüthlichkeit*. Онъ любилъ расходиться, разболтаться и шутить въ маленькомъ кружкѣ знакомыхъ самымъ невиннымъ, самымъ дѣтскимъ манеромъ“ ³⁾. И самъ онъ говорилъ впослѣдствіи Никитенку: „Странно, что меня многіе считаютъ поэтомъ унынія, между тѣмъ какъ я очень склоненъ къ веселости, шутливости и даже каррикатурѣ“ ⁴⁾.

✓ Соединеніе меланхоліи, мечтательности съ внезапными взрывами веселья—не загадка, а довольно обычный психологическій фактъ: чередованіе свѣта и тѣни; перевѣсы бываютъ на той или другой сторонѣ, бываютъ свѣтлыя минуты и у „великихъ меланхоликовъ“ ⁵⁾, бываетъ и сліяніе въ юморъ, парящемъ надъ явленіями жизни. У Жуковского нѣтъ романтическаго юмора, да и смѣхъ его не тотъ творческій смѣхъ, который проникаетъ въ явленія, озаряя ихъ своимъ свѣтомъ и жизнью, а дѣтскій смѣхъ, удовлетворяющійся шаржемъ и безпечнымъ хохотомъ. Оттого такъ тусклы его басни и аграммы, и онъ такъ увлекался пародіями Плещеева. Такимъ смѣхомъ забываются: Жуковский могъ балагурить въ Муратовѣ, Долбинѣ и „Арзамасѣ“, хохотать надъ „Утѣхами меланхолиі“, быть забавнымъ въ сказкахъ, въ письмахъ къ Дашкову, Смирновой и др.—все это было перебоемъ меланхоліи. Меланхоліи нажитой: она-то сдѣлала

¹⁾ „Русскій Архивъ“, 1872 г., №№ 7—8, стр. 1240.

²⁾ „Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля“, ч. 3-я, стр. 136.

³⁾ Воспоминанія А. О. Смирновой. „Русск. Арх.“ 1871 г. № 11, стр. 1873.

⁴⁾ Записки и дневникъ А. В. Никитенка, I, стр. 404.

⁵⁾ Пушкинъ („Мысли на дорогѣ“, 1836 г.) о Гоголѣ по поводу его „Петербургскихъ записокъ“.

сердечной его лирику, въ которой моменты испытаннаго счастья и горя выразились въ личномъ стилѣ эпитетовъ, образовъ, афоризмовъ. У всякаго поэта есть такого рода клише, пристрастіе къ которымъ мы часто не умѣемъ объяснить; у Жуковского многіе изъ нихъ — біографическія обобщенія, заповѣди сердца. Любовь не удалась, но онъ живетъ воспоминаніемъ о ней, о миломъ прошломъ: „для сердца прошедшее вѣчно“ („Теонъ и Эсхинъ“) ¹⁾; воспоминаніе—это „фонари“, освѣщающіе темный путь жизни ²⁾; въ воспоминаніи много милыхъ тѣней возстаютъ: афоризмъ, усвоенный поэтомъ изъ посвященія „Фауста“: „Und manche liebe Schatten steigen auf“ ³⁾; „все въ жизни къ великому средство“, утѣшала онъ себя въ минуты сердечной невзгоды и любилъ повторять этотъ афоризмъ Теона, измѣняя его: все въ жизни средство къ прекрасному ⁴⁾, добру, счастью; Теонъ разумѣлъ подъ „все“—и горестъ и радость, Жуковскій пришелъ въ послѣдствіи къ заключенію, что „радость“ надо исключить; „все“—это горестъ ⁵⁾. Въ воздаяніе за нее, за мрачное *здѣсь*—свѣтлое грядущее

¹⁾ Сл. „Посланіе къ Филалету“, 1808—9 г. и взятые оттуда стихи въ письмѣ къ Кирѣвской 5 мая 1814 г.: „Грядущее для насъ протекшимъ лишь прелестно“.

²⁾ Одинъ изъ любимыхъ образовъ Жуковского. Въ заголовкѣ апрѣльской тетрадки съ дневникомъ, предназначеннымъ для Маши (1815 г.), красуется рисунокъ фонаря; философія фонаря развивается въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ въ его замѣткахъ, внесенныхъ въ дневникъ Маши (1815 г.), въ альбомы Воейковой (1815 г.) и гр. Самойловой (1819 г.); о фонаряхъ-воспоминаніяхъ говорится въ письмахъ къ Кирѣвской (24 мая и августа—сентября 1815 г., 7 ноября 1816 и 1822 года осенью). Въ наброскѣ французскаго письма изъ Берлина 5 декабря 1819 г. читаемъ: „Ce reverbère est le symbole que j'ai choisi pour mon cachet. Permettez-moi de vous en faire l'explication“ („Бумаги В. А. Жуковского“, стр. 10). Фонарики, фонарныхъ дѣлъ мастера являются въ письмѣ къ Елагиной, осенью 1822 г. Письма Жуковского ему нужны, пишетъ ему Перовскій: они даютъ ему пламя, отъ котораго зажечь свои фонари. — И свою будущую жену Жуковскій наставляетъ въ „cette philosophie du reverbère“ (1841 г. 14/26 марта, Спб.).

³⁾ Сл. „Общее предисловіе къ Двѣнадцати Спящимъ Дѣвамъ“; письмо къ Машѣ 1 ноября 1820 г.; къ Гѣте 1822, 25 февраля, къ Тургеневу 31 января 1825 г., къ государынѣ 24 іюля 1837 г., 1/13 мая 1840 г. и 12/24-го октября 1843 года.

⁴⁾ Къ Кирѣвской и Машѣ въ 1815 г. (сл. выше, стр. 176—9), къ Ал. Тургеневу 1816 г. лѣтомъ.

⁵⁾ Сл. Зейдлицъ, I. с., стр. 240. Сл. письмо Ал. Тургенева къ брату Николаю 16 августа 1827 г.: „Все въ жизни къ великому средство, сказалъ нашъ братъ Жуковскій, и твое одиночество, и моя любовь къ тебѣ, и память о Серѣжѣ, и его могила, и наша жизнь въ виду этой могилы, все не для этой минутной жизни, но для насъ и для другихъ посредствомъ насъ и для вѣчности“.

шее *тамъ*, котораго такъ не любилъ Воейковъ (сл. письмо Жуковского къ Кирѣвской 7 ноября 1816 г.); одно время это *тамъ* представлялось ему въ образѣ Кашмира, чудеса котораго мерещатся съ горы ему (письмо къ Кирѣвской 1815 года) и Машѣ: „il faut monter la montagne pour voir le royaume de Cachemire“, писала она ему въ сентябрѣ 1814 года ¹⁾; „благоуханный, безмятежный Кашмиръ“ „Лалла Рукъ“ (1821 г.), долины котораго вспомнились Жуковскому въ посвященіи „Наля и Дамаянти“.—Для „гробовыхъ дѣлъ мастера“ поэзія страданія была товарищъ несравненный, гресмоотводъ (Жуковский къ Кирѣвской 19 февраля 1816 г.), хотя самъ онъ порой не могъ читать своихъ стиховъ, потому что, писалъ онъ Тургеневу послѣ свадьбы Маши, „они кажутся мнѣ гробовыми памятниками самого меня: они говорятъ мнѣ о той жизни, которой для меня нѣтъ! Я смотрю на нихъ, какъ потерявшій вѣру смотреть на церковь, въ которой когда-то онъ съ теплою, утѣшительною вѣрою молился“ (25 апрѣля 1817 г.). И тѣмъ не менѣе извѣстные образы, одни и тѣ же выраженія, выжитыя, выстраданныя, продолжаютъ у него повторяться и впослѣдствіи; какъ Шатобрианъ ²⁾, онъ переноситъ порой цѣлыя строки, размышленія, описанія и т. д. изъ „бѣлой книги“ въ дневникъ, изъ дневника въ письмо, изъ одного письма въ другое. Когда дѣло идетъ объ одномъ и томъ же патетическомъ, глубоко захватывающемъ моментѣ, эти повторенія насъ поражаютъ, какъ нѣчто разсудочное, безстрастное (сл. письмо къ Арбеновой и Свѣчиной о повѣздкѣ къ Лопухину съ отрывкомъ дневника ³⁾; письма о смерти Маши и др.), мы едва находимъ ему объясненіе: какъ-будто чувство вылилось однажды такъ цѣльно, выраженіе его такъ образно кристаллизовалось, что на всякое воспоминаніе, при всякой исповѣди другому, оно отзывается тѣми же словами, тѣмъ же мотивомъ. Несомнѣнно, что кристаллизація происходила въ „бѣлой книгѣ“; Жуковский былъ правъ и, вмѣстѣ, неправъ, когда писалъ вел. княгинѣ (4/16 іюня 1821 г.), что онъ не сочиняетъ своихъ писемъ къ ней, а пишетъ „какъ судьбѣ угодно, слѣдовательно безъ всякой строгой правильности“. Впечатлѣнія могли быть новыя, но повѣрялись они уже готовыми афоризмами и разсвѣчивались ими. Стоило поэгу, въ разныхъ обстоятельствахъ жизни прикоснуться къ этимъ

¹⁾ Сл. выше, стр. 165.

²⁾ Сл. Chevalot, Lucien, „Wie hat Chateaubriand in seinen späteren Werken seine früheren benutzt“, Heidelberg 1901 г.

³⁾ Сл. выше, стр. 140 и прим. 1 на стр. 141.

клавишамъ, въ которыхъ еще дрожалъ для него тонъ сердца, онъ настраивался мечтательно, улеталъ воображеніемъ въ подлунную страну и, вернувшись на землю, могъ бы ощутить себя въ неловкомъ положеніи, если бы порой замѣчалъ противорѣчіе. Но его собственныя формулы обязывали его, какъ волшебника его заклинанія, и въ жизни, и въ поэзіи: внѣ ихъ онъ какъ-будто не находилъ выраженія для новыхъ спросовъ чувства.

Ко всему этому приучились и читатели: Жуковскій не могъ не витать, не идеальничать, не писать страшныхъ балладъ:

Вотъ Жуковскій въ саванъ длинный
Скутанъ, лапочки крестомъ,
Ноги вытянувши чинно,
Чорта дразнить языкомъ;
Видѣть вѣдму воображаетъ
И глазкомъ ей подмигнетъ,
И кадитъ, и отпѣваетъ,
И трезвонить, и реветъ
(Воейковъ, „Домъ Сумасшедшихъ“, 1814 г.).

Это былъ его „покрей“ ²⁾, пѣвецъ „невинности, любви и красоты“ ³⁾ не могъ не быть поэтомъ унынія. Фіалкинъ-Жуковскій въ „Липецкихъ Водахъ“ кн. Шаховского (1815 г.) — чувствительный поэтъ:

Въ немъ сердце быть должно, которо-бъ изливало
Слезу горячую въ грудь друга своего. . . .
Чтобы онъ чувствовалъ, чтобъ чувствовалъ, какъ бьется
Любовью вѣще; чтобы въ природѣ всей
Онъ видѣлъ милую, чтобъ жилъ одною ей;
.
Чтобъ въ скромной хижинѣ вмѣшалъ онъ цѣлый міръ,
И утро бы ему наивно улыбалось,
И веселилъ его одной природы пиръ.

Онъ напуганъ мертвецами и питаетъ свой вкусъ—балладами:

И полночь, и пѣтухъ, и звонъ костей въ гробахъ,
И чу! Все страшно въ нихъ, но милымъ все пріятно,
Все восхитительно, хотя невѣроятно.

¹⁾ Полн. собр. соч. кн. Вяз., III № CLXIII, 1823 г.

²⁾ Тамъ же, № LXVIII, 1816 г.

Извѣстно, какую „парнасскую бурю“ подняла въ литературномъ мірѣ комедія Шаховскаго: друзья вооружились за Жуковскаго въ письмахъ, сатирахъ, эпиграммахъ; онъ молчалъ, еще болѣе привязываясь къ поэзіи, святой поэзіи, которая независима отъ близорукихъ судей и довольствуется сама собою ¹⁾. Друзья предупреждали: „Старушка пристрашная, но она также пойдетъ въ печать, писалъ ему въ Дерптъ, очевидно, въ 1815 году, Ал. Тургеневъ ²⁾. Графиня Строганова проситъ тебя заключить этой уткой твои баллады. Страшнѣе ничего не напишешь, а можетъ случиться съ тобою то же, что и съ M-me Radcliffe: испугаешься самъ своихъ балладъ, какъ она своихъ романовъ“. Ими любили — пугаться, съ этой цѣлью С. П. Свѣчина просила Тургенева „Старушку“, которую онъ успѣлъ внести въ свой альбомъ: „Si vous pouvez me confier le volume des poésies de M-r Жуковский où se trouve Старушка, vous combleriez de joie le canton, en le faisant mourir de peur“ ³⁾.

Репутація установилась; пѣвецъ 1812 года „est le favori de la nation“, писалъ о немъ въ 1817 году Уваровъ; воспитанный на англійскихъ и нѣмецкихъ поэтахъ, онъ создалъ у насъ „le genre de Scott, du lord Byron et de Goethe“ ⁴⁾, что для 1817 г. не вѣрно. Въ томъ же году Воейковъ, хорошо знавшій личную жизнь Жуковскаго, такъ характеризовалъ его въ отрывкѣ изъ поэмы „Искусства и Науки“:

Жуковский! съ якоремъ, лилеей и крестомъ,
Ты объ возвышенномъ, прекрасномъ и святомъ,
Намъ проповѣдуешь, несчастныхъ утѣшитель!
Объ небѣ говоришь, какъ-будто неба житель,

¹⁾ Сл. его письмо къ друзьямъ въ Бѣлевѣ, осенью 1815 г., и „Русскій Арх.“ 1900, № 8, стр. 473—4: А. Я. Булгаковъ пишетъ брату о представленіи „Липецкихъ водъ“: C'est une satire contre le балладникъ Жуковский et Nomère Ouvaroff. Жуковский, en sortant de théâtre, s'écria:

О, чудо изъ чудесъ природы!
Онъ сотворилъ сухія воды.

²⁾ Изъ неизданнаго письма, безъ даты.

³⁾ Выдержка изъ письма Свѣчиной въ неизданномъ письмѣ Ал. Тургенева къ Жуковскому 14 іюля (1815 года?) Сл. М. А. Дмитріева, „Мелочи изъ запаса моей памяти“, стр. 190: Е. П. Балашова рассказывала, что Жуковский читалъ „Старушку“ у насъ въ домѣ, и она не понравилась многимъ дамамъ, слушавшимъ чтеніе, и онѣ отсовѣтовали печатать балладу.

⁴⁾ Сл. статью въ „Conservateur impartial“, 1817 г., № 83, переведенную, въ сокращеніи, въ „Вѣстникъ Европы“ того же года, ч. 96, №№ 23 и 24, стр. 201—208. Сл. Соч. Батюшкова, III, стр. 747—8.

Указываешь путь изъ сей юдоли бѣдъ
Въ міръ истины, добра, любви, въ тотъ міръ, гдѣ нѣтъ
Разврата, низости, корысти, вѣроломства. . . .

. Играя, сыплешь ты
Изъ полной горсти намъ алмазы и цвѣты,
Брегъ дикій, монастырь, развалины, кладбище
И мрачный лѣсъ — твое любимое гульбище.
И сладокъ для тебя шумъ вѣтровъ и морей;
Но ты — веселый гость на пиршествѣ друзей.
О, другъ! Не позабудь, "успѣхомъ обольщаемъ,
Что новыхъ отъ тебя чудесъ мы ожидаемъ;
*Твой пламень не погасъ средь бѣдствій; пусть же вновь
Ярчей зажжетъ его счастливая любовь* ¹⁾).

Любовь погасла среди бѣдствій: какъ-разъ въ 1817 году
Марья Андреевна Протасова вышла за Мойера, — а Воейковъ
пророчить Жуковскому какую-то „счастливую любовь“! Это
было риторическое пожеланіе, — но въ сердцѣ Жуковского въ
самомъ дѣлѣ что-то „закипѣло, запыхало“.

¹⁾ „Вѣстникъ Европы“ 1869 г., ч. 104, № 8, апрѣль.

VIII.

При дворѣ. Графиня Самойлова. Поэзія мадригала и „сердечнаго воображенія“.

Въ томъ же году, благодаря рекомендаціи Карамзина, Жуковский пристроился къ двору въ качествѣ учителя великой княгини, и Дмитріевъ поздравилъ его „съ новымъ монаршимъ благоволеніемъ“ (6 сентября 1817 г.). „Должность, мнѣ теперь порученная, есть счастливая должность, отвѣчаетъ онъ ему (20 сентября 1817 г.), не по тѣмъ выгодамъ, которыя могутъ быть соединены съ нею, но по той необыкновенно пріятной дѣятельности, которой она меня подчиняетъ. Для поэта это главное. Имѣю передъ собою цѣль прекрасную, къ которой буду идти безъ всякихъ безпокойныхъ постороннихъ видовъ; могу быть и обезпеченъ насчетъ всего, кромѣ *дома*, и этотъ долгъ привлекательный“. Первая лекція Жуковского состоялась въ Москвѣ 22 октября¹⁾; въ дневникъ 27 октября помѣчено: „*безъ всякаго безпокойства желанія смотрю на будущее и весь отданъ настоящему. Милая, привлекательная должность. Поэзія, свобода*“! А на другой день такія размышленія: „Чистое счастье дѣлаетъ религіознымъ. Все прекрасное — родня. Каждое прекрасное чувство все оживляетъ въ душѣ: дружбу, поэзію; и все это сливается въ одно: Богъ“. А далѣе: „мы знаемъ здѣсь одно *потерянное* счастье. Счастье — нашъ предметъ, мы имѣемъ здѣсь только тѣнь предмета“.

¹⁾ Сл. „Русскій Вѣстникъ“ 1889 г., августъ, стр. 356.

Графиня Софья Александровна Самойлова.

Карамзинъ пишетъ ему изъ Петербурга шутивно: онъ и жена ищутъ ему невѣсту, но за невѣсту не отвѣчаютъ; „ищемъ, ищемъ. М-ме Левенштернъ у насъ пила чай, и объ васъ говорили; бьется ли сердце“? А Карамзина приписываетъ: „Je songe aussi à la promise future. Je suis à la recherche“ (1 ноября 1817 г.). Но „должность“ начинаетъ увлекать его: „Мое положеніе прекрасное. Душа жива. Могу дѣйствовать безъ принужденія, могу дѣйствовать для добра; чувствую, что буду дѣйствовать безкорыстно“ (дневникъ 6 ноября). То жевъ письмѣ къ Карамзину (8 ноября 1817 г.): „Прошедшее не туманитъ нисколько моего настоящаго; я люблю свою должность — это большое счастье. Цѣль моя — быть въ ладу съ самимъ собою; постараюсь, до нея достигнувъ, отъ нея не удалиться“ ¹⁾. „Мое все хорошо, и я радуюсь своею участью, ибо на душѣ легко, и мнѣ весело находить въ этой душѣ одни только теплыя, безкорыстныя желанія и намѣренія, достойныя тебя, Карамзина и Арзамаса“ ²⁾.

Но въ самомъ ли дѣлѣ онъ безкорыстенъ? Онъ подвергаетъ себя безпощадному анализу: какъ въ дневникѣ 28 іюля 1814 года онъ различалъ въ себѣ всенедвнаго и совершеннаго человѣка ³⁾, такъ и теперь: точно въ немъ два человѣка, „одинъ (человѣкъ) высокой, чистой, другой — мелочной, слабой“. Какая ему нужда казаться для другихъ не такимъ, каковъ онъ есть, принаравливаясь къ нимъ въ пустякахъ, уважать одобреніе другихъ болѣе своего собственнаго? Онъ не будетъ ни спокоенъ, ни дѣятеленъ „безъ оживительнаго уваженія къ самому себѣ; надобно, чтобы всякой поступокъ производилъ это уваженіе — по чувству и правилу, или по одному только правилу, вопреки самаго чувства, но согласно съ долгомъ“ ⁴⁾.

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чувствуетъ себя въ новой обстановкѣ, какъ дома, идеализуетъ ее, очарованъ своей ученицей. „Продолжается ли очарованіе или кроткое удовольствіе сердца“? спрашиваетъ его въ 1818 г. по этому поводу Карамзинъ, и самъ онъ надѣется, что когда кончатся его „грамматическія занятія, сухія и непоэтическія“, то „и поэзія авось воскреснетъ“ ⁵⁾. Но поэзія пробиралась и въ уроки грамматики. „On m'avait donné

¹⁾ „Русск. Арх.“ 1900, № 9, стр. 38—9.

²⁾ Къ Тургеневу 8 ноября 1817 г.

³⁾ Сл. выше стр. 157.

⁴⁾ Дневникъ 2 декабря 1817.

⁵⁾ Къ Дмитріеву 22 ноября 1822 г. Въ 1818 году Жуковскій составилъ для вел. княгини *Esquisse de grammaire russe*. St. Pétersbourg 1818 г. Сл. письмо къ нему Дмитріева февраля того же года.

comme maître Василий Андреевич Жуковский, вспоминала впоследствии его царственная ученица; poète déjà fameux, trop poète pour être bon maître. Au lieu de rester à étudier la grammaire, un mot donnait une idée; l'idée faisait chercher un poème, le poème donnait le sujet d'une conversation, et ce fut ainsi que se passaient presque toutes les leçons; aussi j'appris très mal le russe" ¹⁾.
Онъ же былъ въ своей сферѣ и могъ въ самомъ дѣлѣ сказать о себѣ:

Что выпалъ мнѣ на часть удѣлъ желанный,
Что младости мечты совершены,
Что не вотще довѣренность къ *надеждѣ*,
И что „теперь“ плѣнительно, какъ „прежде“
(„Цвѣтъ завѣта“, 1819 г.) ²⁾.

Въ июлѣ 1819 года написано извѣстное намъ обращеніе къ Мойеру и переводъ „Къ Эммѣ“: какъ тому любовью быть, что можетъ миноваться, спрашивалъ онъ свою Эмму и отвѣчалъ вопросамъ: можетъ ли умереть чувство, зажженное небомъ ³⁾? Между тѣмъ въ 1818 г. переведено изъ Гёте: „Новая любовь — новая жизнь“ („Neue Liebe, neues Leben“):

Что съ тобой вдругъ, сердце, стало?
Что ты ноешь? Что опять
Закипѣло, запылало?
Какъ тебя растолковать?
Все исчезло, чѣмъ ты жило,
Чѣмъ такъ сладостно грустило;
Гдѣ безпечность, гдѣ покой?...
Ахъ, что сдѣлалось съ тобой!

.

Я неволенъ, очарованъ;
Я въ неволѣ золотой,
Обезсиленный, прикованъ
Шелковинкою одной;
И бѣжатъ очарованья

¹⁾ „Русская Старина“ 1896 г., октябрь: „Императрица Александра Θεодоровна въ своихъ воспоминаніяхъ“, стр. 32.

²⁾ Можетъ быть, Жуковский, въ самомъ дѣлѣ включилъ въ эти стихи аллюзію на свои личныя отношенія. Такъ, кажется, понялъ это и Зейдлицъ, Л. с., стр. 113.

³⁾ См. выше стр. 206.

*Нѣтъ ни силы, ни желанья;
Радъ тоскѣ; хочу любить....
Видно, сердце, такъ и быть!*

У Гёте оттънокъ другой: дѣвушка приковываетъ его къ себѣ противъ желанья,

Muss in ihrem Zauberkreise
Leben nun in ihrer Weise.
*Die Veränderung ach wie gross!
Liebe! Liebe! lass mich los!*

Очень можетъ быть, что стихотвореніе это стоитъ въ какой-нибудь связи съ короткимъ любовнымъ эпизодомъ въ жизни Жуковского, на который намекаетъ Ал. Тургеневъ въ письмѣ къ кн. Вяземскому (12 ноября 1819 г.): Жуковский „неистощимъ въ любовныхъ мечтаніяхъ и настроилъ-было опять душу и любовь свою для поэзій: *положилъ на ноты звукъ своего сердца или сердечнаго воображенія, и слѣдовательно тоска его по счастью семейственной жизни не совсѣмъ пропала для насъ и для потомства*“.

Жуковскому 36 лѣтъ, и онъ „хочетъ любить“; за нимъ опытъ „романтической любви“, давшей опредѣленные схемы и его чувству; если кто-нибудь возбудитъ въ немъ долю знакомыхъ настроеній, ихъ доскажетъ *воображеніе сердца*, и романъ можетъ повториться снова. Въ этомъ смыслѣ „тоска по счастью семейственной жизни“ могла бы дѣйствительно не потеряться для поэзіи, если бъ къ природной застѣнчивости Жуковского, воспитанной обстоятельствами, не присоединились и разность общественнаго положенія, и придворный этикетъ, и навязанная себѣ роль салоннаго поэта, за которую такъ доставалось Жуковскому отъ его друзей.

Онъ увлекся графиней Софьей Александровной Самойловой, 22-хъ лѣтней красавицей, фрейлиной императрицы Маріи Федоровны. 28—29 іюня 1819 г. онъ воспѣваетъ „Платокъ графини Самойловой“, который она уронила въ воду, катаясь на взморьѣ. *Платокъ* переживаетъ въ воображеніи поэта самыя роскошныя метаморфозы; между прочимъ у петергофскихъ береговъ отдалъ его красавицѣ дельфинѣ.

Но знайте: нашъ дельфинъ вѣдь не дельфинъ-башмакъ,
Тотъ самый, что въ Москвѣ графиня Катерина (pour la rime).

Петровна вздумала такъ важно утопить
При мнѣ въ большой придворной лужѣ.

Въ концѣ концовъ платокъ „взлетѣлъ на небеса и сдѣлался
комета“.

Черезъ нѣсколько дней (8 іюня 1819 г.) Жуковскій шлетъ
В. П. Ушаковой, графинѣ Самойловой: и др. „отъ нѣкотораго
жалкаго стихотворца прошеніе“: онъ шесть дней, какъ хвораетъ,
и „смиренно умоляетъ“ прислать ему

Изъ царскаго земного рая:
Десятокъ вишенъ въ *башмакъ*,
Клубники въ носовомъ *платкѣ*,
Малины въ лайковой *перчаткѣ*.

Просьба была исполнена, о чемъ поэтъ и извѣщаетъ въ не-
давно найденномъ стихотвореніи, подписанномъ 9-мъ іюля и
обращенномъ къ граф. Самойловой: ему принесли корзину фрук-
товъ, онъ принялъ ее „трепетной рукой“,

И мнилось, таинства судьбины
На днѣ лубочныя корзины
Разоблачились для меня,
И жизнь ужъ стала не загадка!
О, ты, прелестная *перчатка*,
Тебя я знаю! ты родня
Перчатки той честолюбивой,
Которую поэтъ счастливой
Весной прошедшею, въ Кремлѣ,
Поймалъ на мраморномъ столѣ,
Когда, гордясь сама собою
И въ ссорѣ съ милою рукою,
На волю року отдана.
Глядѣлась въ зеркало она!
А ты, *башмакъ*, ты братъ Дельфину!
Отправивъ брата-близнеца
За странникомъ-*платкомъ* въ пучину,
Найди мнѣ странника-пѣвца
На сушѣ вѣрную дорогу...
Но какъ тебя назвать, *платокъ*?
Какъ ты зашелъ въ мой уголокъ?
Въ часъ добрый! гость, судьбою данный!

Я знаю, тотъ непостоянный
Платокъ, измѣнникъ и бѣглець,
Не можетъ быть твоей роднею!
Пускай сіяетъ онъ звѣздою,—
Ты будь *моимъ*! тебѣ пѣвецъ
Себя отнынѣ повѣряетъ!
Когда онъ жизнью заскучаетъ
И мрачнымъ путь найдетъ земной—
Лицо закроетъ онъ тобой;
Подъ сей завѣсою чудесной
Все станетъ вдругъ опять прелестно
Для добровольнаго слѣпца!...
Когда жъ въ страну воображенья
Сберется полетѣть поэтъ,
А риѳъ и жаркихъ мыслей нѣтъ,
И вялы крылья вдохновенья,—
Тебя лишь только разостлать,
Ты будешь коврикъ окрыленной
И можешь за предѣлы вселенной
Пѣвца и музу перемчаты!

Все это отзывается мадригаломъ во вкусъ XVIII-го вѣка, даже „воображеніе сердца“ куда-то спряталось, но и сердце осталось на мели; мечты разсѣялись.

„Замѣчаніе Перовскаго на мой счетъ, если не справедливое, то по крайней мѣрѣ остерегательное,—читаемъ мы въ дневникѣ Жуковскаго 13 августа; нѣтъ ничего опаснѣе, какъ *pas à pas*. Нечувствительно съ верху падаешь на дно. *L'essentiel c'est de ne rien se reprocher*. До сихъ поръ я дѣйствую, кажется, прямо. Пусть *душа ей*, но воля остается моею; *она принадлежитъ товарищу*. Лишь бы поскорѣе все, что надобно, высказать. Это бы дало болѣе свободы и вѣрности дѣйствовать“.

Дѣло идетъ о В. А. Перовскомъ, котораго мы встрѣчали въ кружкѣ близкихъ друзей Жуковскаго; мы съ тобою „два Пилада, два Ореста, можемъ сказать даже два Данона и Пидіаса“ (sic), писалъ ему Перовскій послѣ пустяшной размолвки¹⁾. И вотъ Перовскій признался другу въ увлеченіи графиней Самойловой—и другъ великодушно отступился:

Товарищы! вотъ тебѣ рука!
Ты другу во время сказался;

¹⁾ 1824 г. Сл. „Вѣстникъ Европы“ 1901 г., апрѣль: Захарьинъ (Якунинъ): „Дружба Жуковскаго съ Перовскимъ“, стр. 532.

Къ любви душа была близка:
Уже въ ней пламень загорался,
Животворитель бытія,
И жизнь отцвѣтшая моя
Надеждой снова зацвѣтала!
Опять о счастьѣ мнѣ шептала
Мечта, знакомецъ старины...
Любовь мелькнула предо мною,
Съ возобновленною душою
Я къ лирѣ бросился моей,
И подъ рукой нетерпѣливой
Бывалый звукъ раздался въ ней!
И мертвое мнѣ стало живо,
И снова на бездушный свѣтъ
Я оглянулся, какъ поэтъ!...

Но онъ вѣренъ дружбѣ, не забылъ товарища:

Симъ не созрѣвшимъ упованьемъ,
Едва отвѣданнымъ душой,
Подорожу ль передъ тобой?
Сравню ль его съ твоимъ страданьемъ?

Ему знакомы его признаки:

Сии примѣты знаю я!...
Мой жребій далъ на то мнѣ право!

И онъ благословляетъ товарища:

Люби! любовь и жизнь—одно!
Отдайся ей, забудь сомнѣнье
И жребій жизни соверши;
Она пойметъ твое мученье,
Она пойметъ языкъ души ¹⁾!

¹⁾ По рукописямъ Жуковского, хранящимся въ Имп. Публ. библиотекѣ, стихотвореніе это написано между 10 іюля и 2-мъ августа 1819 г.; въ альбомѣ граф. Самойловой оно внесено Жуковскимъ съ датой 23 іюля 1820 года. Сл. Н. К. Кульманъ, „Рукописи В. А. Жуковского, хранящіяся въ библиотекѣ гр. Александра Алексѣевича и Алексѣя Александровича Бобринскихъ“, „Извѣстія 2-го Отд. Имп. Ак. Наукъ“, т. V, кн. 4, стр. 1075 слѣд. Слѣдующія далѣе выдержки изъ записей Жуковского въ альбомѣ гр. Самойловой сл. тамъ же, стр. 1079 слѣд.

Жуковский самоотверженно склонился къ платоническому участию въ чужомъ счастіи, какъ то было въ судьбѣ Маши и Мойера: его душа—ей, его воля — товарищу. Геній „плѣнитель безыменный“, когда-то усыплявшій мечтами его молодую душу, волновавшій ее томительнымъ желаньемъ, уносившій ее въ высоту „поэзіи священнымъ вдохновеньемъ“, помавилъ его снова и улетѣлъ.

О, геній мой, побудь еще со мною;
Бывалый другъ, отлетомъ не спѣши,
Останься, будь мнѣ жизнію земною,
Будь ангеломъ хранителемъ души.

(„Къ мимопролетѣвшему знакомому генію“, 7 августа 1819 г.)

27 августа онъ записалъ въ Дневникъ: „у Самойловыхъ: приглашеніе въ Петербургъ. Voeux téméraires“.

Но любовь боязливо прячется въ платонизмъ, и снова возникаетъ ученіе о *воспоминаніи*, вѣчномъ для сердца. Интересны въ этомъ отношеніи мысли, набросанныя Жуковскимъ въ альбомѣ графини Самойловой 29 августа 1819 г. (сл. дневникъ подъ тѣмъ же днемъ).

Первая страница занята стихотвореніемъ Гёте „An Lottchen“ съ нѣкоторыми любопытными пропусками: Жуковский видимо хотѣлъ обобщить его, приладивъ къ своимъ отношеніямъ. Два раза ему удалось замѣнить имя Lottchen, поставивъ вмѣсто него Liebe („Lottchen, wer kennt unsre Sinnen? Lottchen, wer kennt unser Herz?“), въ третій разъ ему было труднѣе: онъ оборвалъ стихъ и пропустилъ слѣдующіе, говорившіе о двухъ любящихъ, которыхъ Lottchen дружески привѣтствовала. Разумѣлись Гёте и Кестнеръ; Жуковский опустилъ Перовскаго-Кестнера,—и остался одинъ. Онъ выписываетъ:

Denk ich dein...

У Гёте:

Denk ich dein, o, Lottchen, *denken dein die beiden*,
Wie beim stillen Abendroth
Du die Hand *uns* freundlich reichtest,
Da du *uns* auf noch bebauter Flur
In dem Schoosse herrlicher Natur
Manche leicht verhüllte Spur
Einer lieben Seele zeigtest.

Въ концѣ нѣкоторые стихи отброшены:

So fand ich dich und ging dir frei entgegen.
O sie ist werth zu sein geliebt!
Rief ich, erflachte dir des Himmels reichsten Segen,
Der es dir nun in deiner Freundin gibt.

Гёте уступилъ Lottchen-Шарлотту Кестнеру, какъ Жуковский postponился для Перовскаго. Онъ выписалъ стихъ:

So fand ich dich...,

зачеркнулъ слѣдующій, уже написанный:

O sie ist werth zu sein geliebt;

остальные два стиха опущены.

На второй страницѣ, подъ печатью съ знакомымъ изображеніемъ фонаря (на черномъ фонѣ бѣлый столбъ съ фонаремъ, кидающимъ свѣтъ), эпиграфъ изъ Теона: „*Все въ жизни къ прекрасному средство*“ и разсужденіе о счастьѣ, повторяющее, съ небольшими стилистическими измѣненіями, мысли и выраженія, знакомыя намъ изъ замѣтки 1815 года въ письмѣ-дневникѣ къ Машѣ и въ альбомѣ Воейковой ¹⁾. Затѣмъ—другой, также знакомый намъ девизъ изъ того же стихотворенія:

Для сердца прошедшее вѣчно!

„Можно нѣкоторымъ образомъ сказать, что существуетъ только то, чего уже нѣтъ! Будущее можетъ не быть, настоящее можетъ и должно перемѣниться; одно прошедшее не подвержено измѣняемости: воспоминаніе бережетъ его“. Еще разъ внушается философія фонаря, подкрѣпленная афоризмами, которые Жуковский берегъ въ своей „бѣлой книгѣ“: „я назвалъ бы каждое прекрасное чувство, каждую высокую, сердцемъ внушенную мысль—Богомъ“ ²⁾; „жизнь есть воспитаніе. Все въ ней служить

¹⁾ Нач. „Я когда-то сказалъ. счастье жизни состоитъ не изъ отдѣльныхъ наслажденій.... Пршедшее же пускай идетъ съ нами рядомъ! Пусть будетъ нашимъ добрымъ, утѣшительнымъ, ободряющимъ спутникомъ“. Сл. выше стр. 182 слѣд., 209, прим. 5.

²⁾ См. Дневникъ 1817 г. 28 октября: „я бы каждое прекрасное чувство назвалъ Богомъ“.

урокомъ. Цѣль жизни — знать хорошо урокъ свой, чтобы не пристыдить себя передъ верховнымъ учителемъ“, и т. д. ¹⁾.

Со всей этой теоріей мы давно знакомы; выставляется значеніе настоящаго, какъ средства къ прекрасному, но счастье все же въ томъ, что было мило и пережито. Не даромъ вспомнились слова Теона: *Для сердца прошедшее вѣчно.*

Вечеромъ 15 сентября Жуковскій засталъ у Карамзиныхъ одну Екатерину Андреевну; запись въ дневникъ: „О Самойловой“. 17 сентября, въ день ангела графини, Жуковскій хотѣлъ подарить ей альбомъ, что и сдѣлалъ, хотя нѣсколько позже; книгу, которая могла бы ей служить руководствомъ въ чтеніи другихъ; ея пользу онъ знаетъ по собственному опыту: это товарищъ на всю жизнь. Для Маши такой книгой былъ Фенелонъ ²⁾, идеаль Жуковского, — не даромъ Ла Фероннэ прозвалъ его самого русскимъ Фенелономъ ³⁾. Къ подарку Жуковскій присоединилъ нѣмецкую библію и „бѣлую книгу“, назначенную для ежедневныхъ выписокъ изъ библіи, дополненій изъ прочитаннаго и собственныхъ мыслей. вмѣсто предисловія Жуковскій набросалъ нѣсколько своихъ размышленій о прекрасномъ, извлекаемомъ изъ опытовъ жизни и изъ самого себя, о женщинѣ и о томъ, что нѣмцы зовутъ Weiblichkeit: простота, безыскусственность глубокаго чувства, стыдливое сіяніе среди немногихъ, принадлежащихъ женщинѣ любовью, въ семьѣ, ибо кругъ ея дѣятельности ограниченъ ⁴⁾. Такую Weiblichkeit онъ могъ видѣть въ графинѣ Самойловой; кто запретить мнѣ, пишетъ онъ ей въ тотъ же день,

Жить съ вашимъ благомъ, какъ съ мечтой,
 Души сопутницей родной,
 Желать, чтобъ все, что ваша младость
 Такъ общаетъ вамъ, сбылось,
 Чтобъ счастье жизни вамъ далось,

Не ничтожное, не пустое:

Кто вашу душу читалъ,
 Тотъ сердца тайнымъ упованьемъ

¹⁾ Ibid. 12 ноября 1817 г.: „Жизнь есть воспитаніе. Все въ ней служить урокомъ. Счастье жизни — знать хорошо урокъ свой“, и т. д. И. А. Бычковъ указываетъ на тождественное выраженіе въ письмѣ Жуковского къ Арбеновой „Русскій Архивъ“ 1883 г., № 2, стр. 319.

²⁾ Сл. письмо 20 марта 1815 г., выше стр. 177.

³⁾ Записки А. О. Смирновой, I, стр. 67, 228.

⁴⁾ Кульманъ, I. с., стр. 1103 слѣд.

Тому любѣзнейшимъ желаньемъ
Иное счастье вамъ создалъ;
Сія прекрасная мечта,
И ободряющей звѣздою
Сіяетъ надъ его тропою
Любимой жизни красота!

Ваше сердце навѣрно встрѣтитъ

Прелесть жизни сей,
И рядъ веселыхъ фонарей
Дорогу вашу всю освѣтитъ!
Пусть друга-ангела рука
Ихъ зажигаетъ передъ вами!
А я, хотя издалека,
За вами слѣдую глазами,
Васъ буду сердцемъ провожать
И благодарно ихъ считать.

(Граф. С. А. Самойловой 17 сентября 1819 г.: „Напрасно я
мечтою льстился“).

Вечеромъ стихи эти были предметомъ разговора въ салонѣ графини Бобринской; говорили: „C'est touchant. Головная боль и танцы“, заключаетъ свою дневную отмѣтку Жуковский.

7-го октября Жуковский вписалъ еще нѣсколько страницъ въ альбомъ Самойловой: онъ былъ нѣкоторое время въ перѣшности, отдавать ли ей свою книгу; казалось смѣшнымъ дарить 18-ти-лѣтней дѣвушкѣ библію, утомлять ее совѣтами. „Я посмотрѣлъ на себя глазами свѣта и показался смѣшнымъ самому себѣ. И въ этомъ я виноватъ передъ вами. Въ чистотѣ и безкорыстности моего намѣренія заключено и его оправданіе. Могу быть страннымъ, только не въ вашихъ глазахъ. Если еще не имѣю права сказать: *я знаю васъ*, то могу сказать: *я васъ предчувствую!* То-есть я вижу васъ *такою*, какою вы быть можете, въ увѣреніи, что мое предчувствіе сбудется. Эта надежда оправдывается и мой выборъ. Къ тому же я и не безъ награды: *помыслить вслухъ для васъ и вмѣстѣ съ вами о добромъ есть счастье*. Вы не должны жить, какъ живутъ обыкновенно; жизнь ваша должна быть *прекрасною*, а все прекрасное жизни можно выразить однимъ словомъ: *религія*“. Она необходима человѣку вообще, женщинѣ въ особенности; тѣмъ раньше она войдетъ въ ея жизнь, „когда душа еще въ цвѣту“, тѣмъ лучше: она ста-

новится тогда „радостнымъ, безмятежнымъ *бытіемъ внутреннимъ въ отношеніи къ намъ и дѣятельною любовью въ отношеніи къ всему, что насъ окружаетъ*. И такая только жизнь можетъ быть *вамъ* прилична... Наша душа, какъ магнитъ, имѣетъ притягательную силу для всего прекраснаго... Этой притягательной силы въ душѣ вашей много! Давайте ей пищу: все прекрасное прильнетъ къ ней само собою“¹⁾.

Изъ влюбленнаго Жуковскій очутился другомъ. У него было какое-то объясненіе съ графиней Самойловой, пишетъ Ю. А. Нелединскій-Мелецкій своей дочери (8 октября 1820 г.): онъ выразилъ будто бы сомнѣніе, что она не отвѣчала его дружбѣ и его ухаживаніе приписала другому чувству, которое, впрочемъ, внушить она всѣхъ болѣе можетъ. Она молчала, и у ней показались слезы. Можетъ быть, она плакала съ досады, замѣчаетъ рассказчикъ; „и подлинно: какъ? Человѣкъ приходитъ женщинѣ сказать: не подумай, ради Бога, чтобъ я въ тебя былъ влюбленъ“! А, можетъ быть, и Жуковскій „говорилъ для того, что боится слыть влюбленнымъ: *il craint extrêmement d'être ridicule*“²⁾.

Но онъ уже успѣлъ выйти изъ неловкаго *pas-à-pas*, смѣнивъ мадригалъ на серьезное назиданіе. *Amitié amoureuse*, идеаль Жуковского, позволяла такія отступленія—въ сторону дружбы³⁾. Перовскій, у котораго также оказались какіе-то платки и перчатки, взглянулъ на дѣло проще и отрезвился скорѣе. „При семъ посылаю вамъ перчатку и уголокъ платка знакомой вамъ дѣвы, писалъ онъ Жуковскому. Душевно желаю, Василій Андреевичъ, чтобы вы смотрѣли на сіи принадлежности, какъ и

¹⁾ Кульманъ, I, с., стр. 1110 слѣд.

²⁾ „Хроника недавней старины. Изъ архива князя Оболенскаго-Нелединскаго-Мелецкаго“. Спб. 1876 г., стр. 241—2.

³⁾ Правда ли, что Жуковскій сдѣлалъ вамъ предложеніе, и вы ему отказали? спрашивалъ Пушкинъ Смирнову; онъ самъ видѣлъ ея милое письмо съ отказомъ. „Что жъ, это совершенная правда, у меня была такая сильная, братская дружба къ Жуковскому, что мнѣ было бы невозможно выйти за него замужъ“. — „Причина отличная и крайне важная, отвѣтилъ Пушкинъ. Вы знаете, что дружбу зовутъ: любовь безъ крыльевъ. Не слѣдуетъ изъ этого выводиться, что всякая любовь должна улетѣть, но она *рветъ надъ землей*. Любовь еще можетъ превратиться въ дружбу, но дружба не превращается въ любовь, по крайней мѣрѣ таково мое мнѣніе. Любовь — симпатія особаго рода и часто безъ видимой причины. Дружба вызвана причиной, которую можно анализировать. Жуковскій говорилъ мнѣ, что со времени вашего отказа вы стали еще большими друзьями; это дѣлаетъ честь вамъ обоимъ“. Зап. А. О. Смирновой, I, стр. 218—9.

я на нихъ смотрѣлъ, какъ на простую тряпку и на простую лайку, и чтобы весна, а особенно горячее лѣто нашли бы васъ совершенно охлажденнымъ. Горе вамъ, Василій Андреевичъ, если будетъ тому противное. Въ случаѣ (чего, однако же, еще не предвижу), когда почувствуете себя довольно образумившимся, чтобы рѣшительно открыть глаза и уши и очистить голову и сердце, прошу васъ убѣдительноѣе, Василій Андреевичъ, дайте мнѣ знать черезъ кого-нибудь о сей счастливой переменѣ, дабы мы вмѣстѣ и торжественно передали бы землѣ, водѣ или огню всѣ эти *перчатки, платки, ленточки и фруктовыя косточки...* Ахъ, царь небесный! что это за праздникъ будетъ!.. Повѣрьте, что минута, въ которую я увѣрюсь, что вы сдѣлались порядочнымъ человекомъ, будетъ пріятнѣйшей въ моей жизни! Но „не мнѣ управлять пѣснопѣвца душой ¹⁾! (изъ „Графа Габсбургскаго“)

Жуковскій ѣдетъ въ Берлинъ, писалъ Карамзинъ Дмитріеву (20 сентября 1820 г.). Увы! онъ влюбленъ, но не женихъ! Ему хотѣлось бы жениться, но при дворѣ не такъ легко найти невѣсту для стихотворца, хотя и любимаго. „О чемъ грустить Жуковскій? спрашиваетъ брата А. Я. Булгаковъ: я бы радовался посмотреть бѣлый свѣтъ, онъ же не оставляетъ никакихъ залоговъ въ Россіи. Вольный казакъ“! (20 октября 1820 г. ²⁾).

Въ шутиломъ посланіи къ княгинѣ А. Ю. Оболенской того же года Жуковскій просилъ ее указать ему путь къ богу „семейственнаго счастья“:

Я отъ него благодареній
До сей поры не получалъ,
А что и знаю, то узналъ
Изъ сновидѣній и преданій.

Все это шло вразрѣзъ съ его недавними мечтами уѣхать въ деревню, къ роднымъ. „Полное созданіе нашей утопіи должно быть отстранено, пишетъ онъ Елагиной; я привязанъ къ своему не одними узами выгодъ, о которыхъ не такъ-то много забочусь, но узами лучшими: чистаго уваженія; благодарности всему этому и... поэзіей, которая... все еще *копошится и всплываетъ*“.

Въ концѣ ноября 1820 г. графиня Самойлова сдѣлалась невѣстой графа Бобринскаго ³⁾; не къ ней ли относится помѣтка

¹⁾ „Вѣстникъ Европы“ 1901 г., № 4, стр. 533.

²⁾ „Русскій Архивъ“ 1900 г. декабрь, стр. 558.

³⁾ Сл. письмо Ал. Тургенева къ князю Вяземскому 17 ноября 1820 г. и дневникъ Жуковского подъ 23 ноября/5 декабря.

въ берлинскомъ дневникѣ Жуковскаго подѣ 25 октября/6 ноября? Графинѣ Шуваловой писала Ушакова о гатчинскихъ радостяхъ: „Х. ¹⁾ играла на театрѣ; воображаю, что она была прелестна, и радуюсь, что не видалъ ее. Я говорилъ объ ней и о себѣ съ Шуваловой. Чего я хочу? Ничего болѣе, какъ только, чтобъ она думала обо мнѣ, какъ должно. Далѣе этому идти не надобно. Будешь смѣшонъ и жалокъ. Теперь главное—занятіе, главная надежда — путешествіе, насладиться вполнѣ шестью мѣсяцами; остальное на волю Божию“. Въ берлинскомъ дневникѣ Жуковскій отмѣтилъ подѣ 23 декабря стар. ст.: „у графини Шуваловой... письмо Самойловой“. Ея свадьба состоялась 27 апрѣля 1821 г. Неизвѣстно къ какому времени относится коротенькая дѣловая къ ней записка Жуковскаго. Она кончается такъ: А я здѣсь подписуюсь:

Какъ вы сказали: *старый друг!*

Животворительное слово!

Имъ жизнь помолодѣла вдругъ,

Имъ и все старое какъ-будто стало ново ²⁾.

„Мы часто говоримъ о тебѣ съ Софіею Бобринскою, сердцемъ тебѣ преданною, писалъ Жуковскому князь Вяземскій въ декабрѣ 1828 года; она хвалится твоими добрыми совѣтамп“ ³⁾. Впослѣдствіи князь Вяземскій вспомнилъ о ней, какъ о женщинѣ рѣдкой любезности, спокойной, но неотразимой очаровательности. „Она была кроткой, миловидной, плѣнительной наружности. Въ глазахъ и улыбкѣ ея были чувство, мысль и доброжелательная привѣтливость. Ясный, свѣжій, совершенно женскій умъ ея былъ развитъ и освѣщенъ необыкновенною образованностью. Европейскія литературы были ей знакомы, не исключая и русской. Жуковскій, встрѣтившій ее еще у двора императрицы Маріи Ѳеодоровны, при которой она была фрейлиной, узналъ ее, оцѣнилъ, воспѣвалъ и остался съ нею навсегда въ самыхъ дружескихъ сношеніяхъ“ ⁴⁾.

¹⁾ И. А. Бычковъ видитъ въ этомъ Х. — княжну Хилкову, пѣвшую партію ангела на празднествахъ, бывшихъ въ Гатчинѣ въ 1823 году по случаю пріѣзда невѣсты вел. кн. Михаила Павловича. Въ письмѣ къ Жуковскому отъ 4 сентября 1831 года кн. Вяземскій говоритъ о слухѣ, будто Жуковскій женится на Хилковой. Сл. „Русск. Арх.“ 1900 г. № 3, стр. 363.

²⁾ Сл. Кульманъ, I. с., стр. 1116.

³⁾ „Русскій Архивъ“ 1900 г. февраль, стр. 207—8. Сл. письмо кн. Вяземскаго Жуковскому 14 апрѣля 1833 года, *ibid.* 1900 г. мартъ, стр. 372.

⁴⁾ Кн. П. А. Вяземскій, Полн. Собр. Соч., т. VII, стр. 223—4.

Еще одно прекрасное прошедшее стало вѣчнымъ для сердца. Друзья Жуковского знали любимое его motto и толковали его съ нѣкоторымъ ограниченіемъ, можетъ быть, не безъ ироніи. „Души лѣта не уносятъ, если она согрѣвается мыслию и зрѣетъ и совершенствуется бѣдствіями: тогда и прошедшее счастье въ пользу, и тогда, и только тогда, для нея *прошедшее вѣчно*“ ¹⁾.

Мы еще разъ услышимъ это motto, хотя и случайно, но въ обстоятельствахъ, съ которыми оно какъ-будто не мирится.

Богъ „семейственного счастья“, такъ долго обманывавшій поэта, готовился взыскать его на старости лѣтъ. Жуковский любилъ и, извѣщая (10/22 августа 1840 г.) родныхъ въ Бѣлевѣ о своемъ предстоящемъ бракѣ, вспоминаетъ о своемъ послѣднемъ свиданіи съ ними въ 1839 году: „я увидѣлъ опять всѣ родныя мѣста, и милые живые и милые мертвые со мной всѣ повидались разомъ; все это совокупилось въ одно, какъ-будто бы для того, чтобы поставить живую грань между всѣмъ прошедшимъ моимъ и будущимъ“. Но эта грань—только къ слову: Жуковский проситъ родныхъ принять въ свои объятія его „добрую, непорочную Елизавету“ и помышляетъ о житіѣ вмѣстѣ; разумѣется, планъ этого „вмѣстѣ“ долженъ измѣниться, но это „все та же надежда, которая веселила меня прежде, и которая должна непременно со временемъ исполниться, съ тою только разницею, что нашего полку теперь прибыло (какъ бывало мы пѣвали, когда сѣяли просо)“ ²⁾.—Передъ отъѣздомъ изъ Москвы Жуковский позвалъ священника, чтобы напутствовать его благословеніемъ при вступленіи во второй періодъ его жизни, когда должно было „осуществиться счастье, лишь снившееся въ первомъ“. Первый періодъ „закончился совершенно“, налицо при совершеніи обряда, присутствовали его представители: Ек. Аѳ. Протасова, Елагина, вмѣсто Маши ея дочь, вмѣсто Воейковой ея дочери, но и усопшія не могли не быть въ столь торжественный моментъ, какъ бы благословляя Жуковского на новую жизнь. Когда онъ склонилъ голову подъ евангеліе, которое читалъ надъ нимъ священникъ, онъ услышалъ слова отъ Іоанна (XIV, 1—4): „Да не смущается сердце ваше; вѣруйте въ Бога и въ мя вѣруйте“ и т. д. Слова эти были любимымъ изреченіемъ Маши, ихъ онъ выбралъ эпитафіей для двухъ „родныхъ могилъ“ ³⁾; они зазвучали съ „того свѣта“, „голоса усопшихъ друзей присоединили

¹⁾ Ал. Тургеневъ къ Ник. Тургеневу 13 октября 1827 г.

²⁾ „Русская Бесѣда“ 1859 г., III, стр. 17 слѣд.

³⁾ Сл. выше, стр. 228—9.

свое благословеніе къ благословенію живыхъ“. Слезы выступили невольно, радость и покой водворились въ сердцѣ. „Могъ ли я лучше распроститься съ своимъ прошлымъ“? пишетъ онъ своей невѣстѣ ¹⁾).

Отправляясь въ 1841 году за границу, гдѣ долженъ былъ состояться бракъ, Жуковскій устроилъ свои дѣла. Прощаніе съ съ Мойеромъ въ Дерптѣ было трогательное, паѣось повышенъ до истеріи. Жуковскій подарилъ Мойеру портретъ Маши, картины, изображавшія ея гробницу на дерптскомъ кладбищѣ и гробницу Воейковой въ Ливорно; вдругъ онъ воскликнулъ: „Нѣтъ, я съ вами не разстанусь“! и, вынувъ ихъ изъ рамъ, сложилъ и велѣлъ отнести въ свою карету. Мойеру онъ оставилъ свой рельефный портретъ, сдѣланный въ Римѣ въ 1833 г. „Береги его и повѣрь словамъ, которыя я вырѣзалъ на немъ: *Для сердца прошедшее вѣчно*“ ²⁾).

21 мая 1841 г. Жуковскій женился на Ел. Ал. Рейтернѣ, которая была почти на 40 лѣтъ моложе его (род. 19 июня 1820 г.). Въ тихомъ семейномъ пріютѣ, „далеко отъ шума мірскаго... *милое минувшее... въ воспоминаніи*“ дружилось „*съ настоящимъ*“ (къ вел. кн. Маріи Николаевнѣ 1851 г.).

„*Для сердца прошедшее вѣчно*“, повторяющееся на разстояніи 30 лѣтъ въ разныхъ примѣненіяхъ—что это такое? Наивный ли эгоизмъ чувства, лелѣющаго милыя воспоминанія, которыя сплачиваются для него въ одинъ довлѣющій себѣ аффектъ? Въ такомъ случаѣ аффектъ отдѣляется отъ человѣка, его возбуждающаго; чувство цѣвится какъ-то отвлеченно, въ самомъ себѣ, какъ честно извѣданное, въ страданіи или надеждѣ; такъ Блудовъ, исповѣдуясь Жуковскому въ своей къ нему дружбѣ, опредѣлилъ ее, какъ „благодарность за (возбужденныя) чувства“, а Жуковскій радовался, что находилъ себя способнымъ чувствовать благодарность.—Или это воображеніе сердца, hergliche Phantasie Новалиса, желаніе спасти дѣвственность перваго глубокаго увлеченія, введя въ его колею другое или другія, какъ его отраженія, воскресенія?

Сравненіе съ сердечной судьбой Новалиса, котораго такъ часто сравнивали съ Жуковскимъ, можетъ быть не безынте-

¹⁾ 14/26 марта 1814 г. (неизд.).

²⁾ Зейдлицъ, I. с., стр. 173—4. Другой портретъ Жуковского, подаренный имъ Зейдлицу и недавно воспроизведенный въ „Вѣстникѣ Европы“ (1902 г., май) подписанъ рукой поэта: „Поэзія есть Богъ въ святыхъ мечтахъ земли“ (изъ Камоэнса, 1839 г.).

ресно. Рожденный въ строгой гернгутерской семьѣ, въ которой юное поколѣніе вымирало наследственной болѣзнью, смолоду хворый, онъ лелѣялъ, какъ всѣ сентименталисты, надежду на тихое, семейное счастье, мечталъ, влюблялся, сватался, жилъ воображеніемъ. Въ 1794 году онъ увидѣлъ Софію von Kühn, тринадцатилѣтнюю дѣвочку, полуграмотную, неразвитую, выросшую въ средѣ, пошлость которой онъ сознавалъ; но въ этомъ подросткѣ было что-то привлекательное, душевное, и Новалисъ увлекся ею, вложилъ въ нее чувство, которое она и не испытала. Въ мартѣ 1795 года произошла ихъ тайная помолвка; вскорѣ явились сомнѣнія, иллюзіи готовы были разлетѣться, но серьезная болѣзнь дѣвочки все поправила: „я люблю ее теперь больше— за ея болѣзнь“, писалъ онъ въ то время. Когда 19 марта 1797 г. Софія скончалась, любовь къ ней окончательно полонила его, любовь мистическая и страстная, съ упоеніемъ отдававшаяся печали, вносившая въ область смерти вожделѣнія жизни. Смерть та же жизнь; Софія для него еще жива и близка, можетъ ежеминутно реализоваться, онъ ее ждетъ; онъ обязанъ сберечь себя для ея любви—и вживается въ это чувство долга. Оно является для него источникомъ печальнаго наслажденія, предметомъ сознанія и анализа, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чѣмъ-то навязаннымъ, гнетущимъ; фантазмагорія боролась въ немъ съ требованіями жизни, и онъ скорбѣлъ, когда порой они брали верхъ, пока софизмъ чувства, поддержанный философскою теоріей, не помогъ ему выйти изъ противорѣчій—къ грезѣ единства.

Таково психологическое содержаніе коротенькаго дневника, который онъ сталъ вести по смерти своей милой, считая дни со дня ея кончины ¹⁾. Онъ полонъ памяти о ней, старается направить къ ней одной свои мысли, не развлекаться въ обществѣ, не отдаваться веселю; часто встрѣчаются упреки самому себѣ, что его фантазія была настроена нѣсколько чувственно. У него явилась мысль покончить жизнь самоубійствомъ, чтобы соединиться съ милой: это его *рѣшеніе*. „Часто вспоминалъ о Софіи —и моемъ рѣшеніи, записалъ онъ 23-го апрѣля 1797 года; вечеромъ перелисталъ „Ночныя думы“ Юнга. 24-го онъ весь день читалъ „Вильгельма Мейстера“, „моя любовь къ Софіи предстала мнѣ въ новомъ свѣтѣ.... Рѣшеніе мое прочно. Софіи будетъ лучше и лучше (Sophien wirds besser gehen), слѣдуетъ только все болѣе жить въ ней. Мнѣ поистинѣ хорошо лишь въ воспоминаніи о

¹⁾ См. дневникъ въ „*Novalis Schriften*“, hrsg. von Ernst Heilborn, I, стр. 267 слѣд. — и, для общаго, его-же: „*Novalis der Romantiker*“. Berlin, 1901 г.

ней". 26-го апрѣля онъ собой относительно доволенъ: „положимъ, я не вспоминалъ о ней съ чувствомъ, былъ почти веселъ, но все же не достоинъ ея: порой думалъ о ней, какъ слѣдуетъ, мужественно (männlich). Утромъ было у меня роковое, гнетущее, болѣзненное ощущение наступающаго насморка. Рѣшеніе стояло прочно, но съ умѣренностью и болтливостью хромало". 2-го мая родители отдали ему нѣсколько бездѣлокъ, принадлежавших покойной, и онъ тронуть, украшаетъ ея могилу цвѣтами, которые наканунѣ получилъ отъ жены Kreisamtmann'a, „къ обѣду они испекли большой крендель". — Порой опъ представляетъ себѣ Софію рядомъ съ собой на диванѣ, en profil, съ зеленой косынкой на шеѣ; въ извѣстныхъ позахъ и платьѣ онъ легче всего воображалъ ее себѣ (5 мая). Шлегель писалъ ему и прислалъ первую часть своихъ Шекспировскихъ переводовъ. „Послѣ обѣда прогулка, затѣмъ кофе; погода измѣнилась къ худшему, сначала гроза, потомъ облачно и бурно: я былъ настроенъ крайне чувственно. Сталъ читать Шекспира, совсѣмъ въ него вчитался. Вечеромъ пошелъ къ Софіи. Тамъ я былъ въ несказанной радости, были мгновенные проблески энтузіазма. Я сдунулъ передъ собою могилу, какъ прахъ, вѣка были мнѣ мгновѣніемъ, я чувствовалъ ея близость, казалось, она сейчасъ явится" (13 мая). Въ другой разъ онъ перечитываетъ ея и свои письма и „былъ совсѣмъ съ нею. Я пошелъ погулять въ садъ, досталъ молока; нашелъ нравственную философію Фергюссона, читалъ на кладбищѣ, гдѣ и выпилъ молоко; затѣмъ снова гулялъ и опять на кладбище" (16 мая). — Рѣшеніе умереть переживаетъ разныя стадіи: „я не былъ растроганъ у ея могилы; но рѣшеніе страстно, я долженъ жить лишь ради нея, лишь для нея я существую... Она—высшее, единственное. О, если бъ я каждую минуту могъ быть ея достойнымъ! Моей главной задачей должно быть — все поставить въ соотношеніе къ ея идеѣ" (18 мая). Его смерть будетъ человѣчеству примѣромъ вѣрности: онъ докажетъ людямъ возможность такой любви (19 мая); безъ нея для него нѣтъ ничего на свѣтѣ (20 мая). — Утромъ 21 мая онъ дѣлалъ кое-какія извлеченія изъ Фихте; былъ невообразимо спокоенъ у могилы Софіи, „обсуждалъ рѣшеніе" (der Entschluss wird beraisonnirt). „Чѣмъ слабѣе становится чувственная печаль, тѣмъ сильнѣе духовная, и развивается каксе-то спокойствіе отчаянія. Свѣтъ становится постылѣе, равнодушіе къ окружающему растетъ, тѣмъ свѣтлѣе все вокругъ меня и во мнѣ. Лишь бы мнѣ не умирать по поводу моего рѣшенія: каждый доводъ разсудка, каждая ссылка (Vorspiegelung) на сердце — признакъ сомнѣнія,

колебанія и — невѣрности“ (22 мая). Порой у него является сознаніе, что онъ слишкомъ отдается самоанализу, что ему необходимо обновиться въ перемѣнѣ впечатлѣній и настроеній (25 мая), но онъ снова впадаетъ въ старую колею: его смерть будетъ доказательствомъ его стремленія къ высшему, настоящимъ самопожертвованіемъ, не бѣгствомъ, не принудительной мѣрой (Nothmittel); ему суждено умереть въ расцвѣтѣ силъ, познавъ лучшее, познавъ самого себя: kennen und geniessen (26 мая); и память его милой обращается у него въ Genuss: „печальное наслажденіе ея смертью“ (29 мая). Его интересуетъ вопросъ, можно ли умереть отъ растительнаго яда (ib.); его рѣшеніе дается ему легче, чѣмъ онъ думалъ: люди не такъ нужны другъ другу, какъ кажется, его смерть не произведетъ того впечатлѣнія, какого онъ опасался (1 и 2 іюня). Въ отмѣткѣ 3 — 5 іюня говорится о сомнѣніяхъ, безконечныхъ сомнѣніяхъ, отъ которыхъ онъ хочетъ спастись въ страстномъ культѣ своей печали: „кто бѣжитъ печали, болѣе не любить. Любящій обязанъ вѣчно ощущать утрату, вѣчно держать рану открытою. Да сохранить мнѣ Господь эту невыразимо-сладостную скорбь, грустное воспоминаніе, бодрое чаяніе (Sehnsucht), мужественную рѣшимость и твердую, какъ желѣзо, вѣру. Безъ Софіи я ничто, съ нею—все“ (6 іюня). Онъ хочетъ умереть радостно, какъ молодой поэтъ (11 іюня); „Она умерла, умру и я, свѣтъ опустѣлъ: даже мои философскія замѣтки не должны болѣе отвлекать меня: въ глубокомъ, ясномъ спокойствіи стану ждать мгновенія, когда позовутъ“ (12 — 13 іюня).

Съ 16 іюня по 6 іюля въ дневникѣ всего четыре помѣтки. Въ концѣ первой: „Christus und Sophie“; Новалисъ читаетъ Шеллинга и ведетъ серьезные разговоры о самоубійствѣ.—Для 1798 г. дневникъ не сохранился, и всего одна записъ 14 апрѣля 1799 года.

Можетъ быть, уже въ 1798 году начаты Новалисомъ его „Гимны къ Ночи“, послѣдняя обработка которыхъ относится, судя по его иисьму къ Шлегелямъ въ генварѣ 1800 г., къ концу предыдущаго: восторженные гимны къ любви и смерти и юнговской „ночи“, въ которыхъ отложились патологическія настроенія и видѣнія „дневника“. Мы узнаемъ тѣ же образы: поэтъ стоитъ у могилы, въ которой похоронилъ свою жизнь (die Gestalt meines Lebens), одинокій, подавленный, безсильный. Онъ ищетъ помощи, озирается, когда „изъ голубой дали, съ высотъ моего былого блаженства, забрезжило; въ одинъ мигъ порвались узы рожденія и свѣта, исчезла земная краса (Herrlichkeit), а съ нею

и моя печаль. Печаль растворилась въ новомъ, несказанномъ свѣтѣ: это ты сошло на меня, вдохновеніе ночи, сонъ неба! Вся окрестность тихо поднялась, и надъ ней парилъ мой, освободившійся, новорожденный духъ. Могильный холмъ обратился въ облако пыли, и сквозь облако я увидѣлъ просвѣтленныя черты моеѣ милой. Въ ея очахъ покоилась вѣчность, я схватилъ ея руки, и слезы стали мнѣ сіяющей, ненарушимой связью. Тысячелѣтія проходили въ даль, точно грезы, я же проливалъ на ея груди блаженные слезы навстрѣчу новой жизни. Это былъ первый въ ней сонъ; онъ миновалъ, но отблескъ остался: вѣчная, незблемая вѣра въ ночное небо и его солнце—мою милую“.

Между тѣмъ, какъ любовь къ Софіи идеализовалась въ „Hymnen an die Nacht“, Новалисъ былъ уже влюбленъ и помолвленъ, со второй половины 1798 года, съ Юліей Шарпантье. Она приняла участіе въ его сердечномъ горѣ, ея болѣзнь расшевелила его чувствительность; по отзывамъ современниковъ, она была красивая дѣвушка, нѣжное созданіе, съ грустнымъ выраженіемъ лица. Поэтъ пошелъ навстрѣчу новому счастью, несостоявшемуся за его смертью (25 марта 1801 г.), но записалъ въ дневникѣ 15 апрѣля 1800 года: „Тихая грусть (Wehmuth) характеризуетъ настоящую любовь—элементъ стремленія (Sehnsucht, и соединенія. На свѣтѣ много цвѣтовъ незнакомаго происхожденія въ нашемъ климатѣ они не произрастаютъ, они вѣстники, глашатаи лучшаго существованія. Къ этимъ цвѣтамъ относится особенно религія и любовь“.—Въ „фрагментахъ“ Новалиса читаемъ слѣдующій: „у меня къ Софіи (Sophie) религія, не любовь. Абсолютная любовь, независимая отъ сердца, основанная на вѣрѣ—религія“.

Друзей поэта, знавшихъ интимную подкладку его „Hymnen an die Nacht“, его новое увлеченіе не удивило: Софія попрежнему владѣла его сердцемъ въ лицѣ Юліи, Юлія была ея *возрожденіемъ*.

Въ неконченномъ романѣ Новалиса („Heinrich von Ofterdingen“), развязку котораго мы знаемъ изъ сообщеній его пріятеля Тика, авторъ пересказалъ отчасти исторію своего сердца. Генрихъ фонъ Офтердингенъ влюбился въ дочь Клингсора, Матильду. „Насъ не разлучитъ даже смерть! говоритъ онъ ей.— Не разлучить, Генрихъ! Гдѣ будешь ты, тамъ и я.—Да, Матильда, я вѣчно буду съ тобою.—Я не знаю, что такое вѣчность, но мнѣ кажется, что чувства, которыя я испытываю, когда думаю о тебѣ, это и есть вѣчность!—Да, Матильда, мы вѣчны, потому что любимъ другъ друга“. Матильда утонула, Генрихъ неутѣшенъ, но она предстала ему въ видѣніи, слышится ея го-

лось: Не печалься, я съ тобою; ты еще пробудешь нѣкоторое время на землѣ, но одна дѣвушка будетъ утѣшеніемъ тебѣ, пока ты не умрешь и не пріобщишься къ нашему блаженству. Печаль утраты миновалась вмѣстѣ съ чувствомъ одиночества и душевной пустоты, осталось тихое, глубокое чаяніе, томленіе: „будущее и прошедшее сошлись въ немъ вступивъ въ тѣсный союзъ; онъ былъ внѣ настоящаго, и свѣтъ сталъ ему милѣе съ тѣхъ поръ, какъ онъ ощутилъ себя въ немъ странникомъ на короткій срокъ, осужденнымъ бродить по его пространнымъ, разноцвѣтнымъ палатамъ“. — „Я знаю, ты Матильда, ты цѣль моихъ желаній, поетъ Генрихъ; не дожидаясь дерзкаго вопроса, ты мнѣ откроешь, когда я предстану передъ тобой. Я готовъ еще разъ на тысячу ладовъ прославить чудеса земли, пока ты не придешь обнять меня“. Дѣвушка, о которой говоритъ Матильда, дѣйствительно является; ей имя Суане, она посылаетъ Генриха въ какой-то таинственный монастырь, гдѣ монахи — „служители священнаго пламени въ юныхъ сердцахъ“, гдѣ Генрихъ ведетъ бесѣды о магін и смерти, участницѣ жизни, открывающей ея смыслъ. А затѣмъ онъ на тысячу ладовъ испытываетъ чудеса земли: впечатлѣнія Италіи и Греціи, Востока и Германіи пережиты имъ снова, послѣ чего онъ возвращается къ себѣ, или въ себя, „на родину своей души“, въ сознаніи того, что ожидаемое исполнилось, въ чаяніи внутренняго „преображенія“. Міръ фантазіи сливается съ дѣйствительностью, прошедшее — съ настоящимъ. Генрихъ снова съ Матильдой, но Суане — та же Матильда, все предыдущее было смертью, послѣднимъ сновидѣнемъ — и пробужденіемъ.

Такъ спасало „воображеніе сердца“ объективное единство своей любви; воображеніе романтика, философа и мистика, сумѣвшаго соединить воззрѣнія Фихте, Hemsterhuis'a и John'a Brown'a съ измышленіями Якова Бёме; жившаго фантазійей въ мірѣ чудесныхъ соотвѣтствій жизни и смерти, сказки и дѣйствительности, прошедшаго и настоящаго, міровыхъ и психическихъ процессовъ. Въ этой фантастикѣ была извѣстная система, опредѣлявшая цѣльность поэтическихъ замысловъ; „сердцу прошедшее вѣчно“ также подсказано „сердечнымъ воображеніемъ“, но это сентиментальный афоризмъ, уныло повторяющійся, нигдѣ не сгустившійся въ опредѣленный образъ, успокоивающій сознаніемъ, что тѣ „свѣтлыя минуты, въ которыя мы жили сердцемъ, созданнымъ для прекраснаго, высокаго и добраго“ были минутами — „божественнаго откровенія“¹⁾.

¹⁾ Изъ первой записи въ альбомѣ Самойловой.

Въ 1843 г. Жуковскій поднесъ великой княгинѣ Александрѣ Николаевнѣ свой пересказъ „Наля и Дамаянти“ съ посвященіемъ. Ему былъ сонъ, рядъ сбывшихся сновъ. Дерптъ, гдѣ онъ впервые увидѣлъ прусскую принцессу при торжественномъ ея прѣздѣ, обратился въ цвѣтущую долину Кашмира; „былъ вечеръ тихъ“, змѣею безконечной вился въ долину блестящій ходъ, и звуки торжественнаго марша наполняли душу поэта „сладкой грустью“; въ паланкинѣ сидѣла царевна молодая, невѣста сѣвера. Затѣмъ другое сновидѣніе: поэтъ въ „царевомъ домѣ“, и кажется ему, что годы пролетѣли надъ нимъ мгновенно, оставивъ „воспоминаніе какихъ-то свѣтлыхъ временъ, чего-то чудеснаго, какой-то волшебной жизни“. Новая греза переноситъ его въ его недавнее спокойное счастье, въ уютный домикъ на берегу Рейна, къ „молодой хозяйкѣ“, подругѣ, данной Богомъ на освященіе его сердца. Настоящее перебивается воспоминаніемъ, словами знакомой эпитафій:

Я чувствую глубоко тотъ покой,
Котораго такъ жадно здѣсь мы ищемъ,
Не находя нигдѣ; я слышу голосъ,
Земныя всѣ смиряющій тревоги:
Да не смущается твоя душа,
Онъ говоритъ мнѣ: *вѣруй въ Бога, вѣруй*
Въ меня. Мнѣ было суждено своею
Рукой на двухъ родныхъ, земной судьбиной
Разрозненныхъ могилахъ тѣ слова
Спасителя святыя написать;
И вотъ теперь, на вечеръ моему
Рука жены и дочери рука
Еще на легкой жизненной страницѣ
Ихъ пишутъ для меня, дабы потомъ
На гробовой гостепріимный камень
Перенести въ успокоенье скорби,
Въ воспоминаніе земного счастья,
Въ вознагражденіе любви земныя
И жизни вѣчныя на упованье.

Затѣмъ фантазія снова вступаетъ въ свои права:

другъ минувшихъ лѣтъ,
Поэзія ко мнѣ порой приходитъ,
Разсказами досугъ мой веселить.
И живъ въ моей душѣ тотъ свѣтлый образъ,
Который такъ ее очаровалъ

Во время оно...

Созданьемъ

Мечты, какой-то областью воздушной
Лежитъ вдали минувшее мое;
И мнится мнѣ, что благодатный образъ,
Мной встрѣченный на жизненномъ пути,
По прежнему оттуда мнѣ сіяетъ.
Но онъ ужъ не *одинъ*, ихъ *два*: и прежній
Въ коронѣ, а другой въ вѣнкѣ живомъ
Изъ бѣлыхъ розъ, и съ прежнимъ сходенъ онъ,
Какъ расцвѣтающій съ расцвѣтшимъ цвѣтомъ,
И на меня онъ свѣтлый взоръ склоняетъ
Съ такою же привѣтною улыбкой,
Какъ тотъ, когда его во снѣ я встрѣтилъ.
И имя имъ одно. И нынѣ я
Тѣмъ милымъ именемъ послѣдній цвѣтъ,
Поэзіей мнѣ данный, знаменую
Въ воспоминаніе всего, что было
Сокровищемъ тѣхъ свѣтлыхъ жизни лѣтъ,
И что теперь такъ сладостно чаруетъ
Покой моей обвечѣвшей жизни.

Зейдлицъ толковалъ послѣднее свидѣніе такъ, будто, „позитивизируя свою настоящую жизнь, желая быть счастливымъ, Жуковский стремится *уподобить образъ жены съ образомъ идеала своей юности и зрѣлыхъ лѣтъ — Машу*“¹⁾. Это дѣйствительно напомнило бы намъ мистику Новалиса; но здѣсь произошло другое, болѣе вѣднѣе сближеніе: сіяютъ два образа; у Жуковского родилась дочь Александра (30 октября 1842 г.), „расцвѣтающій цвѣтокъ“ поэма посвящена великой княгинѣ Александрѣ Николаевнѣ она „въ коронѣ“, „имя имъ одно“.

„Сердечное воображеніе“ не знаетъ предѣловъ. Когда Новалисъ измѣнилъ своимъ республиканскимъ убѣжденіямъ, онъ воспѣлъ не только монархію, но и Берлинскій дворъ, такъ же искренне все идеализуя и всюду открывая старыя и новыя соотвѣтствія: любовь—принципъ брака—и государства, государство—бракъ; либо монархъ—солнце: какъ солнце создаетъ вокругъ себя свѣтовую атмосферу, такъ вокругъ монарха естественно образуется блестящая, поэтически настроенная среда — не искусственный, а непринужденный, разумный этикетъ.

¹⁾ 1. с., стр. 189.

IX.

Опасенія друзей.

Друзья любили Жуковского, несмотря на порой существенное разногласіе воззрѣній и убѣжденій. „Для дружбы все, что въ міръ есть“, пѣлъ „Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ“,—и дружба берегла его и тянула къ нему издали.

„Съ Жуковскимъ я на хорошей ногѣ, писалъ Гнѣдичу Батюшковъ въ февралѣ 1810 года: онъ меня любитъ и стоитъ того, чтобъ я его любилъ“¹⁾; „дружба твоя для меня сокровище“, увѣряетъ онъ пять лѣтъ спустя его самого²⁾. „Здравствуй, Свѣтлана, пишетъ ему изъ Лондона Блудовъ 19 марта 1819 г. въ полночь: мнѣ захотѣлось, захотѣлось такъ сильно сказать тебѣ... что-нибудь, напримѣръ, что я тебя люблю и обнимаю, какъ люблю, то-есть, отъ всего сердца“. Онъ благодарилъ его за „голосъ съ родины“, который освѣжилъ его „въ моральномъ и физическомъ смыслѣ“. Онъ привыкъ жить сердцемъ, а здѣсь вянуть, потерялъ здоровье и бодрость и довѣренность къ себѣ; его поддерживаетъ сознаніе, что онъ другъ Карамзина, Жуковского, Тургенева, Батюшкова и т. д., однимъ словомъ—Арзамасецъ³⁾. Онъ назвалъ своего мальчика Вадимомъ, это мой „родъ завѣщанія моимъ дѣтямъ о сей вѣчной, незабвенной дружбѣ“ (1819 г. 30 августа)⁴⁾.—Еще характернѣе письмо 1822 г. 18 іюня

¹⁾ Батюшковъ, соч. т. III, стр. 76; сл. ib. 81, 120.

²⁾ Л. с. стр. 344; сл. 319 (къ Гнѣдичу).

³⁾ „Русскій Архивъ“ 1902 г. № 6, стр. 335 слѣд.

⁴⁾ Ib. стр. 337.

изъ Петербурга: „ты спрашиваешь меня о моихъ чувствахъ къ тебѣ и хочешь, чтобъ я сказалъ о нихъ искренно, хочешь заплатить мнѣ такой же довѣренностью... Приведи себѣ на память, если можешь, нѣсколько дней моего журнала, который я читалъ тебѣ здѣсь ¹⁾, и позволь мнѣ выписать изъ него нѣсколько строкъ; увидишь, для чего. „Не буду писать и говорить о своихъ горестяхъ ни съ кѣмъ и никогда или почти никогда. Это въ моемъ характерѣ; только странно, что я всегда очень много говорю о нихъ Жуковскому тогда, когда онъ за тысячу верстъ отсюда. Подумаютъ, что я пишу къ нему; нimalo! Но собираюсь писать. Ночью, когда сердце у меня терзается, я всегда въ своихъ слезахъ, въ отчаяніи, жалуясь на все Жуковскому. Но онъ не слышитъ меня и, вѣроятно, и проч.“. Ты знаешь самъ, что сильнѣйшіе знаки чувства видны въ мысляхъ, а не въ дѣлахъ, и для того я позволилъ себѣ вспомнить о своемъ журналѣ. Въ наши лѣта, особливо, когда имѣешь страсти, можно часто дѣлами противорѣчить чувствамъ... Мои чувства къ тебѣ не перемѣнились и не могли перемѣниться... Надѣюсь, что ты любишь меня столько же, сколько я тебя. Но если увижу, что ошибаюсь (чего однако же я не думаю), то признаюсь, что это огорчитъ меня, однако же не отниметъ надежды: дружба не есть любовь, она родится отъ благодарности, то-есть отъ благодарности за чувства“. Онъ сообщаетъ Жуковскому вѣсти о друзьяхъ (Кайсаровыхъ, Мерзляковъ), общается побудить А. Тургенева написать ему, и Тургеневъ приписываетъ, говорить о своей искренней, душевной любви. „Право, братъ, мы ни о чемъ съ такимъ удовольствіемъ не говоримъ съ Блудовымъ, какъ о тебѣ, и ты, какъ невидимый геній, соединяешь руки и сердца наши. Знаешь ли, что я теперь началъ тебя болѣе прежняго любить отъ того, что чѣмъ болѣе я живу, чѣмъ обширнѣе становится мое знакомство, тѣмъ, напротивъ, сердце мое стѣсняется, ибо вездѣ, вездѣ нахожу une disette d' hommes. Ah! cachons-nous, passons etc“. ²⁾).

Въ 1828 году (29 іюля) Перовскій писалъ Жуковскому изъ лагеря подъ Варной: „люблю тебя болѣе, чѣмъ сказать могу, но не болѣе, чѣмъ ты знаешь“ ³⁾. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя: „люблю тебя до смерти; а нѣсколько дней тому назадъ видѣлъ я, что люблю тебя и при смерти, и доказалъ бы тебѣ это, если бъ

¹⁾ Стало-быть, до 1818 года, когда Блудовъ посланъ былъ въ Лондонъ, либо въ 1820 г., когда онъ вернулся.

²⁾ Ib. стр. 338 слѣд.

³⁾ „Русская Старина“ 1903 г. іюль, стр. 126.

умеръ: находившіеся при мнѣ душеприказчики получили уже приказаніе послѣ смерти вынуть мое сердце, порядочно высушить, завернуть и доставить тебѣ; это не шутя говорю тебѣ“ (24 сентября) ¹⁾.

Дружба, основанная на сердцѣ и—привычкѣ, на общности гуманнаго міросозерцанія и честнаго служенія литературѣ, не предполагала согласія общественнаго настроенія и даже литературныхъ вкусовъ. Въ кн. Вяземскомъ, любимцѣ Дмитріева и реалистѣ, всегда была французская классическая жилка, несмотря на его увлеченія Байрономъ и симпатіи къ новымъ теченіямъ поэзіи. Онъ былъ рожденъ памфлетистомъ, говорили о немъ Пушкинъ и Мицкевичъ; „буянъ, боецъ кулачный, Елисей“, говорилъ онъ о себѣ; „мнѣ нужно, чтобы кровь у меня кипѣла“ ²⁾, и въ молодости его письма кипѣли вольнолюбивыми мечтами. Съ другой стороны А. И. Тургеневъ, ближе всѣхъ стоявшій къ сердечной, не умственной жизни Жуковского, такой же сентименталистъ и филантропъ, какъ онъ, но превосходившій его серьезностью своихъ научныхъ интересовъ и широтой либерально-общественныхъ взглядовъ. Гёттингенская школа дала ему критическое чутье, не опредѣливъ матерьяла для критики: какъ въ Гёттингенѣ, предоставленный самому себѣ, онъ разбрасывался на лекціи по исторіи, химіи, ботаникѣ, такъ и позже онъ останется полигисторомъ, прислушивавшимся, во время своего долгаго скитальчества по Европѣ, ко всемъ умственнымъ и культурнымъ движеніямъ Запада. Піэтизмъ, привитый домашнимъ воспитаніемъ, объясняетъ его любовь къ религіознымъ вопросамъ, находившую исходъ въ его дѣятельности по департаменту духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій и Библейскому Обществу. Въ 1815 году онъ составляетъ указъ объ удаленіи изъ Петербурга іезуитовъ, въ 1817 г. собираетъ у себя протестантскихъ и реформатскихъ пасторовъ, чтобы потолковать съ ними о согласеніи вѣроисповѣданій ³⁾. И здѣсь онъ какой-то эклектикъ:

¹⁾ Ib. стр. 128.

²⁾ Къ Жуковскому 13 декабря 1823 г., „Русск. Арх.“ 1900 г. № 2, стр. 192.

³⁾ А. Тургеневъ записалъ въ (дрезденскомъ) дневникѣ 1826 г. подъ 31 октября: слушалъ проповѣдь Аммона „о несогласіи исповѣданій и укоризнахъ, дѣлаемыхъ другими исповѣданіями протестантамъ“. Аммонъ хвалилъ своихъ, Тургеневъ ожидалъ бы слова *любви*. Это напоминало ему „вечеръ въ 1817 году, когда я сближалъ пасторовъ протестантскихъ и реформатскихъ, и поэтъ Пушкинъ угощалъ ихъ у меня пуншемъ и ужиномъ, а подъ конецъ и бичевалъ веселымъ умомъ своимъ виномъ разогрѣтаго пастора“. Въ томъ же году написано посланіе Пушкина „А. И. Тургеневу“, сл. Соч. Пушкина, изданіе Имп. Акад. Наукъ, I, изд. 2-е, стр. 210—1.

ищетъ религіи любви на полупути между Вольтеромъ и Кутузовымъ ¹⁾; это не путь Жуковского. Искатель синтеза на почвѣ сентиментализма и полигисторства, Тургеневъ не выяснилъ себя своимъ друзьямъ. Въ 1817 г. Пушкинъ набросалъ его молодой, нѣсколько вѣтреный силуэтъ ²⁾; долгое время спустя послѣ его смерти кн. Вяземскій назоветъ его космополитомъ, эклектической натурой ³⁾, Жуковский, помянувшій его кончину душевнымъ словомъ, будетъ говорить о неопредѣленности его мнѣній—и неуловимой фізіономіи, Плетневъ—объ „избыткѣ въ желаньяхъ къ совершенству“, губящемъ его осуществленіе ⁴⁾.

И всѣ они тянули къ уловимому, въ своей прозрачности, сердцу Жуковского: кн. Вяземскій и Тургеневъ, такой рыцарь чести какъ Перовскій, и Влудовъ.

Это не исключало критики. Любили чистую мечтательность пріятеля, его меланхолю, его „душу“, издавна подтрунивали надъ его пристрастіемъ къ мертвецамъ, привидѣніямъ и чертямъ ⁵⁾, говорили о какой-то „христіанской выпренности“ ⁶⁾, но боялись излишествъ его сердечнаго воображенія и скоро отгадали ограниченность его психическаго настроенія, которую впослѣдствіи Полевой назвалъ однообразіемъ мысли ⁷⁾, Бѣлинскій—„односторонностью“, ибо Жуковский „заклучевъ въ себя“ ⁸⁾. Надо обезпечить Жуковского на зло ему, писалъ кн. Вяземскій А. Тургеневу: „такой человѣкъ, какъ онъ, не долженъ быть рабомъ обстоятельствъ. Слава царя, отечества и вѣка требуютъ, чтобъ онъ былъ независимъ. Пускай *слетаетъ онъ на землю*

¹⁾ Сл. выше стр. 85, прим. 2. Подъ Кутузовымъ эпиграммы Андрея Тургенева разумѣется П. И. Кутузовъ, кураторъ Московскаго Университета, и его „письмо къ министру народнаго просвѣщенія графу А. К. Разумовскому о сочиненіяхъ Карамзина“, исполненныхъ „вольнодумческаго и якобинческаго яда“, ибо онъ проповѣдуетъ „безбожіе и безначаліе“, и его слѣдуетъ показать Государю „во всей его гнусной наготѣ, *яко врага Божія и яко орудіе тьмы*“. Сл. „Чтенія въ Общ. Ист. и древн. російскихъ“ 1858 г., кн. II, Смѣсь. стр. 185—6.

²⁾ Сл. выше стр. 275 прим. 3.

³⁾ Соч. князя Вяземскаго, т. VIII, стр. 273 слѣд.

⁴⁾ Къ Жуковскому 25 декабря 1845 г./6 января 1846 г. Для противоявіа слѣд. отзывъ барона М. А. Корфа, „Русская Старина“ 1899 г., декабр. стр. 519.

⁵⁾ Сл. письмо Батюшкова, іюнь 1812 г. Соч. Батюшкова, III, стр. 187 и I, стр. 132.

⁶⁾ Князь Вяземскій Ал. Тургеневу 18 апрѣля 1819 г.

⁷⁾ Очерки, I, стр. 123.

⁸⁾ Литературныя мечтанія. Соч. Бѣлинскаго, подъ редакціею С. А. Венгерова, т. I, стр. 352.

только для свиданія съ друзьями своими, а не для мелкихъ и недостойныхъ его занятій (1815 г. 22 марта ¹⁾). Онъ добродушно иронизируетъ надъ его *дѣвственностью* (1818 г. 27 октября), *пластической дружбой* (1819 г. 23 мая), надъ его страстью всюду отыскать „нѣмца или душу по себѣ“ (1820 г. 8 декабря).

Далѣе тонъ становится серьезнѣе: „пора бросать истощенное и искони неблагоприятное поле библейское“, читаемъ въ другомъ письмѣ: „одинъ Жуковский умѣетъ доить и стричь этого духовнаго козла, отъ коего нѣтъ ни молока, ни шерсти. Но и то отъ того, что беретъ онъ изъ религіи не краски, а чувство, чувство *страданія*, которое такъ пріятно отзывается въ сердцахъ страдальцевъ земныхъ“ ²⁾. Князь Вяземскій наслаждается его Аббадонной: главный недостатокъ Жуковского—„однообразіе выкроекъ, формъ, оборотовъ, а главное достоинство — выкапывать сокровеннѣйшія пружины сердца и двигать ихъ. *C'est le poète de la passion*, т. - е. *страданія*. Онъ бренчитъ на распятіи: лавровый вѣнецъ его—вѣнецъ терновый, и читателя своего не привязываетъ онъ къ себѣ, а точно прибываетъ гвоздями, вколачивающимися въ души. *Сохрани, Боже, ему быть счастливымъ: съ счастьемъ лопнетъ прекраснѣйшая струна его лиры* (князь Вяземскій Ал. Тургеневу 1 мая 1819 г.).

Критика растетъ: „Жуковский Шиллеромъ и Гёте отучить насъ отъ приторной пищи однообразнаго французскаго стола, но своими *бутошниками*“ ³⁾ и тому подобными можетъ надолго удалить то время, въ которое желудки наши смогутъ варить смѣлую и рѣзкую пищу нѣмцевъ“ ⁴⁾. Тургеневъ въ восторгѣ отъ „Цвѣта завѣта“, „намъ, нѣмцамъ, весь мистицизмъ чувствительности понятенъ“ ⁵⁾, для Вяземскаго Жуковский „слишкомъ уже ми-

¹⁾ Тургеневъ къ князю Вяземскому отъ 1 апрѣля того же года.

²⁾ Князь Вяземскій Ал. Тургеневу 1819 г. 17 марта.

³⁾ В. И. Саитовъ предполагаетъ, что эта аллегорія стоитъ, быть можетъ, въ связи съ „Двѣнадцатью спящими бутосниками“, пародіей на „Двѣнадцать спящихъ дѣвъ“ Жуковскаго. Авторомъ пародіи, явившейся въ 1832 году, былъ Проташинскій. Сл. „Остафьевскій Архивъ кн. Вяземскихъ“, I, стр. 616, примъ стр. 274.

⁴⁾ 1819 г. 24 іюля князь Вяземскій Тургеневу.

⁵⁾ Князю Вяземскому 30 іюля 1819 г. И. И. Дмитріевъ нашелъ балладу Жуковскаго „съ цвѣточкомъ длинноватою“ (письмо 10 августа 1819 г.). „Дмитріеву не можетъ этотъ родъ поэзіи нравиться. Эти цвѣты пересажены не въ его цвѣтущее время. Душа его завяла прежде, и душистые ароматы германско-британской поэзіи нравились иногда только его взору, а не обонянію. Онъ искалъ въ этихъ цвѣтахъ однѣхъ красокъ и формъ, а для запаха ихъ потерялъ онъ уже необходимую свѣжесть чувства“ (Ал. Тургеневъ князю Вяземскому 19 августа 1819 г.).

стицизмуешь, то-есть, слишкомъ часто обманываться не надобно: подъ этимъ туманомъ не таится свѣтъ мысли. Хорошо временемъ затеряться въ этой глуши безпредѣльной, но засѣсть въ ней и на чистую равнину не выходить на показъ—подозрительно. Опъ такъ наладилъ одну пѣсню, что я, который обожаю мистицизмъ поэзіи, начинаю уже уставать. Стихи хороши, много счастливыхъ выраженій, но все одинъ складъ: вездѣ выглядываетъ ухо и звѣзда Лабзина ¹⁾. Поэтъ долженъ выливать свою душу въ разнообразныхъ сосудахъ. Жуковскій болѣе другихъ долженъ остерегаться отъ однообразія: *онъ страхъ какъ легко привыкаетъ*. Было время, что онъ напалъ на мысль о смерти, и всякое стихотвореніе свое кончалъ похоронами. Предчувствіе смерти поражаетъ, когда вырывается, но если мы видимъ, что человѣкъ каждый день ожидаетъ смерти, а все таки здравствуетъ, то предчувствіе его, наконецъ, смѣшитъ насъ“. И кн. Вяземскій рассказываетъ, какъ собирался умирать изувѣченный на войнѣ Евдокимъ Давыдовъ: „Ну, братецъ, и думаешь о смерти; ну и думаешь, что умрешь вечеромъ; ну, братецъ, и велишь себѣ подать чаю; ну, братецъ, и пьешь чай и думаешь, что умрешь; ну, не умираешь, братецъ; велишь себѣ подать ужинать, братецъ; ну, и ужинаешь и думаешь, что умрешь; ну, и отужинаешь, братецъ, а не умираешь; опять ляжешь; ну, братецъ, и заснешь и думаешь, что умрешь, братецъ; утромъ проснешься, братецъ; ну, не умеръ еще; ну, братецъ, опять велишь подать себѣ чаю, братецъ“ („1819 г. 5 сентября“).

Самъ Жуковскій подавалъ поводъ къ такой критикѣ своего мистицизма и „чертовщины“. Когда-то все это отвѣчало его меланхолическому настроенію, но затѣмъ стало его стилемъ, эстетической игрой, которой онъ тѣшился и въ которой набилъ руку. Еще въ 1814 году онъ писалъ Тургеневу про свою „балладу—пріемышъ“ („Старушка“): „ужъ то-то черти, то-то гробы!... Не думай, чтобы я на однихъ только чертяхъ хотѣлъ ѣхать въ потомство. Нѣтъ! я знаю, что они собьютъ на дорогѣ, а признаюсь, хочу, чтобы они меня конвоировали“ (20 октября 1814 г.). Въ посланіи къ Воейкову (21 декабря 1814 года: „О, Воейковъ, видно, намъ“) онъ самъ считаетъ себя достойнымъ адскихъ мукъ.

За вѣдьмъ, за привидѣнья,
За чертей, за мертвецовъ.

¹⁾ Извѣстнаго піетиста и мистика, издателя „Сіонскаго Вѣстника“. „Звѣзда“ намекаетъ, быть можетъ, на его стремленіе „къ надзвѣзднымъ областямъ“. Въ 1816 г. онъ получилъ Владимира 2-й степени „за изданіе на отечественномъ языкѣ священныхъ книгъ“.

Во второмъ „подробномъ отчетѣ о лунѣ“, представленномъ Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ (1820 г.: „Хотя и много я стихами“), кокетливо перечислены таинственные лунные эффекты „Свѣтланы“, „Пѣвца“, „Адельстана“, „Варвика“, „Вадима“, „Сельскаго Кладбища“, „Эоловой Арфы“, и Ал. Тургеневъ, только-что жаловавшійся что „Жуковский весь въ грамматикѣ“ ¹⁾, ждетъ, что Дмитріевъ порадуетъ его своимъ „отзывомъ о бородинской ночи Павловскаго лунатика, который и самъ поразился воскресшему въ немъ генію“ ²⁾; „Павловскій лунатикъ“, „припудренный Оссіанъ“ слышится въ другомъ письмѣ ³⁾. И самъ Жуковский кается, благодаря А. Г. Хомутову за доставленную ему книгу:

Сей мраченъ томъ, сей чемоданъ,
Набитый туго мертвецами,
Предчувствіями, чудесами
И всѣмъ, что такъ пугаетъ насъ.
Люблю я страшное подѣ часъ.

Онъ „чертописецъ“ (письмо къ Гнѣдичу 1821 г.), кн. Вяземскій назвалъ его „гробовыхъ дѣлъ мастеромъ“, Хомутова—*ténébreux enchanteur*, „гробовымъ прелестникомъ“; онъ не промѣняетъ эту кличку ни на какую другую славу (къ Аннѣ Григорьевнѣ Хомутовой, 1820 г.), а въ письмѣ къ Нарышкину, съ просьбою устроить его поудобнѣе въ Петергофѣ, предупреждаетъ, что возьметъ съ собою семью крылатыхъ сновъ,

Товарищей мечты досужной,
Волшебницъ, лѣшихъ и духовъ,
Запасъ домашнихъ привидѣній
И своекоштныхъ мертвецовъ.

(Письмо къ А. А. Нарышкину 1820 г.) ⁴⁾.

¹⁾ Къ Дмитріеву 6 мая 1819 г.

²⁾ Къ нему же 23 июля 1820 г.

³⁾ Кн. Вяземскій Ал. Тургеневу 15 августа 1819 г.; сл. письмо къ тому же 9 февраля 1822 г. (придворный Оссіанъ).

⁴⁾ Слѣдующее сопоставленіе можетъ быть психологически интересно. Въ дневникѣ 1838 года подѣ 3/15 іюля описывается поѣздка въ Грингольмъ: Жуковскому отвели на ночь горницу съ окнами въ глубокихъ амбразурахъ, съ старинной кроватью; на стѣнѣ портреты; между ними „двѣ женщины въ родѣ бѣлой женщины“; „дверка, отворяющаяся въ темный корридоръ, и на ней портретъ. Словомъ, все, что нужно для явленія самага полноцѣснаго мерзавца“; „заужиномъ зрители, и между ними Бѣлая женщина“. — Въ письмѣ къ вел. кн. Маріи Николаевнѣ (Копенгагенъ 24 іюня 1838 г.), часть котораго

Гоголь готовъ жаднымъ ухомъ ловить изъ устъ Жуковского сладчайшій нектаръ, „приготовленный самими богами изъ тьмо-численнаго количества вѣдьмъ, чертей и всего любезнаго нашему сердцу“ (къ Жуковскому 10 сентября 1831 г.).—Въ 1841 году на обѣдѣ, данномъ Жуковскому, „разговоръ зашелъ за столомъ о привидѣнїяхъ, духахъ и явленїяхъ, и очень кстати, передъ ихъ родоначальникомъ, который пустилъ ихъ столько по святой Руси въ своихъ ужасно прелестныхъ балладахъ“. На этотъ разъ Жуковский въ письмѣ къ Погодину выразилъ опасеніе, что такой отзывъ о немъ, явившійся на страницахъ „Москвитянина“ (1841 г. № 2, стр. 601), можетъ быть принятъ за колкую насмѣшку ¹⁾,—и если позже называлъ себя „поэтическимъ дядькой“ на Руси „чертей и вѣдьмъ нѣмецкихъ и англійскихъ“, то потому, что успѣлъ загладить свой грѣхъ, отворивъ русскому читателю двери заповѣднаго классическаго Эдема (къ Стурдзѣ 10 марта 1849 г.).

Прїятелей беспокоила не только односторонность балладника, но и вліяніе на него необычной придворной сферы, въ которой онъ очутился. Онъ „страхъ какъ легко привыкаетъ“; мы знаемъ отъ него самого, что онъ „очарованъ“, нашелъ поэзію, свободу. Его полюбили въ царской семьѣ, и самъ онъ къ ней привязался, но онъ будетъ идеализировать все, не поддающееся идеализаціи, искать счастья, гдѣ его нѣтъ, прїюта чувству, гдѣ на него

напечатана была подъ заглавіемъ: „Очерки Швеціи“, описывается ужинъ; зрители за стульями составляли живую, подвижную картину, надъ ними — другіе неподвижные, безмолвные зрители, точно пришедшіе съ того свѣта узнать, что дѣлается поколѣніе нашего вѣка. „И что же вижу? Блѣдная фигура съ оловянными глазами, которые тускло свѣтились сквозь очки, надвинутые на длинный носъ, смотритъ на меня пристально. Я невольно вздрогнулъ. Фигура тронулась, прошла мимо зрителей такъ тихо и медленно, что, казалось, не шла, а вѣяла, и вдругъ пропала. Кто была эта гостя — не знаю. Но мнѣ пришло въ голову, что это былъ образчикъ того явленія, которое ожидало меня ночью“. Жуковскому сказали, что именно его комнату особенно предпочитаютъ привидѣнія. Когда онъ вернулся къ себѣ, было за полночь; онъ долго ходилъ, пока рѣшился погасить свѣчу и лечь спать. „Что же? Я подхожу къ своей постели!... Но мнѣ надобно оставить перо до слѣдующаго письма, въ которомъ доскажу, что случилось со мной въ замкѣ Грингольмъ“. На этой фразѣ намѣренно кончается текстъ „Очерковъ“; видно, какъ зародилось впечатлѣніе, и какъ оно слагается сознательно-литературно въ таинственно настраивающій рассказъ.

¹⁾ Сл. Барсуковъ, „Жизнь и Труды М. П. Погодина“, VI, стр. 18 слѣд.; „Русскій Архивъ“ 1899 г., октябрь, стр. 302 слѣд.; Модзалевскій, „Письма Н. Д. Иванчина-Писарева къ И. М. Снегиреву“, „Извѣстія Отд. русск. яз. и словесности Имп. Ак. Наукъ“, VII, стр. 118.

не можетъ быть отклика, — и лѣниться между двумя мадригалами.

Д. В. Давыдовъ боится, „чтобы изъ независимаго философа“ онъ „не поступилъ въ рабы фортуны“ ¹⁾. „Жуковскій, хотя еще и на мѣстѣ (при дворѣ, въ Москвѣ), но рѣдко посѣщаетъ меня, писалъ Ал. Тургеневу Дмитріевъ (18 марта 1818 г.). Ревность друзей его почти достигла цѣли: кажется, поэтъ мало-помалу превращается въ придворнаго; кажется, новость въ знакомствахъ, въ образѣ жизни, начинаетъ прельщать его. Увидимъ, въ чемъ найдетъ болѣе выгоды, и между тѣмъ будемъ питаться „Овсянымъ киселемъ“. Для меня и онъ по вкусу, но я лакомъ и люблю разнообразіе“ ²⁾. Въ этомъ смыслѣ говорилъ онъ и Жуковскому и объясняется съ нимъ въ письмѣ 30 декабря 1818 года: „я постоянно люблю васъ и за вашъ талантъ, и за ваше непорочное сердце, оттого и говаривалъ вамъ иногда не по васъ въ бытность вашу въ Москвѣ. Зная мѣру вашихъ способностей и ревнуя по славѣ вашей поэзіи, я все желаю, чтобы вы не засиживались, чтобы вы, не упуская золотого времени, когда ужъ и талантъ вашъ въ полномъ созрѣніи, болѣе и болѣе мужались, возвышались и сіяли на поприщѣ, предопредѣленномъ вамъ природою“. — „Онъ точно теперь въ отдѣленіи Бортнянскаго придворный пѣвчій“, пишетъ князь Вяземскій, прочтя его стихи на смерть королевы Виртембергской: „онъ—настоящій индѣецъ, который глотаешь шпаги: у него все поэзія—царскія двери, дьячки, пономари. Искусный чудесникъ!“ (4 апрѣля 1819 г. Тургеневу). Жуковскій пудрится, повѣрили другъ другу его пріятели; душа осталась при немъ, но онъ можетъ растрасти ее мало-по-малу на павловскихъ линейкахъ, вечернихъ прогулкахъ и бесѣдахъ о лунѣ ³⁾. „Его голова крѣпче Филаткиной, если устоитъ противъ этой картечи порабощенія и чванства. А я думаю о немъ съ сокрушеннымъ сердцемъ, пепломъ осыпаю его голову и плачу надъ его разверстою могилой, если не раздастся голосъ жизни въ какихъ-нибудь новыхъ стихахъ. Душа не спина. Спина отдувается: бей ее какъ хочешь, наряжай, навьючь—погнется и распрямится. На той легчайшее иго, минутное осязаніе сквернаго

¹⁾ Письмо къ князю Вяземскому 16 декабря 1815 г., „Русск. Арх.“ 1866 г. № 6, ст. 897.

²⁾ Къ 1818 г. относится, по всей вѣроятности, и неизданное пока письмо А. Тургенева къ Жуковскому отъ 26 марта: „Ты насъ забылъ, а московскіе пріятели уже обвиняютъ тебя въ придворной службѣ“.

³⁾ А. Тургеневъ къ князю Вяземскому 11 іюня, сл. письмо 5 іюля того же года.

оставляют неизгладимые слѣды“ ¹⁾. Кн. Вяземскій пріискалъ ему въ статьѣ Карамзина о Богдановичѣ пугало ²⁾: „онъ былъ на розахъ, какъ говорятъ французы (на павловскихъ розахъ), но многія блестящія знакомства отвлекли Богдановича отъ жертвенника музъ въ самое цвѣтущее время таланта“ ³⁾. Стихи Жуковского „хороши и очень, хороши, но иное темно, иное холодно“, сообщалъ Карамзинъ Дмитріеву (№ 229, 1819 г. 28 февраля) и прибавляетъ въ письмѣ отъ 8 іюня (№ 237): „онъ пишетъ стихи фрейлинамъ“.

Важно для характеристики душевнаго состоянія Жуковского въ 1819—20 годахъ, въ пору видимо устраивавшейся жизни и новыхъ обступившихъ его обаяній,—его посланіе къ кн. А. Ю. Оболенской: въ немъ, мы видѣли ¹⁾, онъ мечталъ о „семейственномъ счастьѣ“, въ послѣсловіи онъ говоритъ объ опасностяхъ *большою свѣта*.

Я признаюсь: опасно плыть
Мнѣ по морю *большою свѣта*
Съ обманчивой звѣздой поэта:
Любуюсь милой сей звѣздой
И слѣдуя мечтой послушной
За прелестью ея воздушной,
Я руль позабываю мой,
Не знаю камней, жертвы ждущихъ,
И въ обольстительныхъ лугахъ
Зрю призракъ береговъ *цвѣтущихъ*
На неприступныхъ берегахъ.

(26 іюля 1820 г.).

Тургеневъ посѣтилъ въ Царскомъ Селѣ и Павловскѣ „царско-сельскихъ мудрецовъ“, Карамзина и Жуковского: „они блаженствуютъ, потому что живутъ съ собою и заглядываютъ во дворецъ только для того, чтобы получать тамъ дань не-притворнаго уваженія съ одной стороны и, вѣроятно, зависти съ другой. Вотъ тебѣ письмо отъ нихъ, сообщаетъ онъ кн. Вяземскому; Жуковский радуется обхожденіемъ государыни съ ними, ибо оно сердечное и искреннее. Пудра не запылила души его, и дѣятельность его, кажется, начинается воскресать. Посылаю

¹⁾ Князь Вяземскій Тургеневу 20 іюня 1819 г.

²⁾ „Вѣстникъ Европы“, ч. IX, № 10, май 1803 г., стр. 102 слѣд.

³⁾ Князь Вяземскій къ Тургеневу 24 іюня 1819 г.

⁴⁾ Сл. выше стр. 262.

болтовню его о лунѣ и солнцѣ. Я провелъ у нихъ вечеръ пріятный съ Нелединскимъ-Мелецкимъ и Перовскимъ“ ¹⁾. Кн. Вяземскій получилъ „Цвѣтъ Завѣта“, и его собственные стихи ему „огадились“. „Какъ можно быть поэтомъ по заказу? спрашиваетъ онъ: стихотворцемъ—такъ, я понимаю, но чувствовать живо, дать языку души такую вѣрность, когда говоришь за другую душу, и еще порфирородную, я постигнуть этого не могу! Знаешь ли, что въ Жуковскомъ вѣрнѣйшая примѣта его чародѣйствія? Способность, съ которою онъ себя, то-есть поэзію, переноситъ во всѣ недоступныя мѣста. Для него дворецъ преобразовывается въ какую-то святыню, все скверное очищается передъ нимъ“ ²⁾.

Поэзія уступила мадригалу, и Пушкинъ пародируетъ его, по дорогѣ изъ Царскаго въ Павловскъ онъ писалъ: „посланіе о Жуковскомъ къ павловскимъ фрейлинамъ, но еще не кончилъ“; сообщаетъ кн. Вяземскій, съ которымъ Пушкинъ читалъ „новую литургію(?) Жуковского“ и „панихиду его чижикъ графини Шуваловой“ ³⁾.

Въ 1819—20-мъ году Николай Михайловичъ Коншинъ, въ юности восторженный поклонникъ Жуковского, служилъ въ Финляндіи, гдѣ близко сошелся съ Боратынскимъ. Сочиненія Жуковского лежали у него на столѣ; „его элегіи дышали небомъ, котораго онъ былъ избранный сынъ,—писалъ онъ, дѣлая характеристику поэта, очевидно, не назначенную для печати; я любилъ его, несмотря на его *глупые отчеты о лунѣ, къ сану поэта, священника, вовсе не идущіе*; я любилъ того Жуковского, который воспѣлъ 12-й годъ—и по моему мнѣнію—умеръ; онъ и долженъ былъ умереть тогда, чтобы жить вѣчно представителемъ великой эпохи“ ⁴⁾.—„Cette profanation du génie m'a choqué“, писалъ

¹⁾ Князю Вяземскому 5 августа 1819 г.

²⁾ Къ Тургеневу 7 августа 1819 г.

³⁾ Князь Вяземскій Тургеневу 26 августа 1819 г.; сл. письмо Тургенева къ князю Вяземскому 23 июля того же года. Къ шутливымъ произведеніямъ Жуковского того же рода относится и недавно изданное „Надгробное слово на скоропостижную кончину именитаго паука Ѳадея, служившаго цѣлыя сутки комнатнымъ паукомъ у ея превосходительства Варвары Павловны Ушаковой, отличнаго благонравіемъ, обжорствомъ и пузомъ и кончившаго дни свои въ пузырькѣ, въ которомъ ея превосходительству благоугодно было его закупорить и поминутно кувыркать“. „См. Историческій Вѣстникъ“ 1902 г., апрѣль, стр. 169 слѣд.

⁴⁾ Характеристика эта, напечатанная А. И. Кирпичниковымъ въ „Русской Старинѣ“ 1897 г., февраль, стр. 276, полна такого рода предубѣжденій. Коншинъ видѣлъ Жуковского въ 1830-мъ году въ Царскомъ Селѣ: „толстый, плѣшивый здоровякъ, сказочникъ двора, онъ уже не имѣлъ въ глазахъ моихъ никакого достоинства. Его звали добрякомъ, онъ ходилъ съ звѣздами и лен-

И. В. Кирѣевскій, когда въ 1830 году Жуковскій читалъ ему свои старыя стихи *къ фрейлинамъ, къ Нарышкину*, на заданныя рѣмы ¹⁾.

Самъ Жуковскій такъ объяснялъ Прокоповичу-Антонскому, почему въ эту пору его муза стала скупа на стихи: „новый свѣтъ, въ который попалъ я, закружилъ ей нѣсколько голову. Я стараюсь унять ее, и, можетъ быть, это мнѣ удастся. Хотя и не имѣлъ и не хочу никогда имѣть титула придворнаго, но близость двора опасна и для поэта. Съ непривычки угарно“ (26 ноября 1819 г.). „Благодарю Васъ за ваши пени насчетъ моего стихотворства; я и лѣнился и былъ разсѣянъ своимъ новымъ образомъ жизни, однако не разстался съ своей музою и понемногу пишу. Было бы великое для меня несчастье, если бъ муза моя, ближняя моя родня! меня покинула: я бы жестоко осиротѣлъ“ (26 декабря 1819 г.) ²⁾. „Дай Богъ, чтобы ваше доброе желаніе исполнилось, чтобы вы никогда ни на часъ не разлучались съ своею прелестною музою, отвѣчалъ Антонскій. Только глядите; всѣ думаютъ, что вы къ ней становитесь равнодушны, если не холодны“ (2 февраля 1820 г.) Съ Жихаревымъ онъ потужилъ, что Жуковскій не живетъ „въ уединеніи. Оно вѣрно бы больше богато было вашими произведеніями. Житейскія суеты и дѣла службы съ музами худо ладятъ“ (15 марта 1820 г.) ³⁾. Карамзинъ повторяетъ свои сомнѣнія: „Жуковскій совсѣмъ не суетенъ и еще менѣе корыстолюбивъ, но лѣтній Дворъ приводитъ его въ разсѣяніе, не весьма для Музъ благоприятное, и въ любовную меланхолію, хотя пѣстическую, однако жъ не стихотворную. Онъ еще молодъ, авось и встанетъ и возрастетъ“ ⁴⁾.

Въ томъ же году Блудовъ жалуется Дмитріеву на упадокъ русской литературы: молчитъ Дмитріевъ, бросивъ юстицію и

тами, вовсе ими не чванился, видъ имѣлъ скорѣе конфузный, нежели барскій но передъ нимъ не остановишься и не спросишь — кто это, какъ я остановился здѣсь передъ Сперанскимъ“. Коншинъ готовъ усомниться даже въ легендарной добротѣ и филантропіи Жуковского и въ этомъ смыслѣ толкуетъ анекдотъ, сообщенный ему барономъ Розеномъ (поэтомъ). О Коншинѣ сл. Кирличниковъ, „Очерки по исторіи новой русской литературы“, т. 2-й, изд. 2-ое, стр. 90 слѣд.

¹⁾ Письмо 20 генваря 1830 г., Полное собраніе сочиненій И. В. Кирѣевскаго, т. I, стр. 26.

²⁾ См. „Русскій Архивъ“ 1902 г., май: Изъ писемъ В. А. Жуковского къ А. А. Прокоповичу-Антонскому, стр. 142—143.

³⁾ „Русская Старина“ 1902 г., октябрь, стр. 201—2.

⁴⁾ Карамзинъ къ Дмитріеву № 200, 19 октября 1820 г.

музъ, молчитъ Пушкинъ; Карамзинъ, переселившись въ Петербургъ, четвертый годъ корпитъ надъ девятымъ томомъ, иные, показавъ талантъ, „учать грамотъ при дворѣ или и сами учатся иной придворному, иной подъяческому искусству ¹⁾“. „Читалъ ли ты послѣднее произведеніе Жуковскаго, въ Бозѣ почивающаго? Слышалъ ли ты его „Голосъ съ того свѣта“? (въ 3-й книжкѣ „Для немногихъ“ 1818 г.). Что ты объ нихъ думаешь? Петербургъ душень для поэта“, писалъ Пушкинъ кн. Вяземскому (1820 г. апрѣль).

3 октября 1820 года Жуковскій выѣхалъ изъ Дерпта за границу, вслѣдъ за своей ученицей, великой княгиней Александрой Оеодоровной. Передъ отъѣздомъ онъ былъ что-то не веселъ, съ каждымъ днемъ грустиѣ; что съ нимъ дѣлается? ужъ не влюбленъ ли онъ? говорили пріятели ²⁾. „Наконецъ, нѣкоторыя желанія сбываются, писалъ онъ 2 октября 1820 г. изъ Дерпта А. П. Елагиной: увижу прекрасныя стороны, въ которыя иногда бѣгало воображеніе, но, признаюсь, не думаю увидѣть ихъ въ томъ очарованіи, какое дала бы имъ первая молодость, товарищъ еще не образумившейся надежды. Жизнь измѣнилась, и все, что теперь ни увидишь, представится ограниченнымъ въ тѣсномъ кругѣ. Но все путешествіе оживить и расширить душу. Надѣюсь, что оно пробудитъ и давно уснувшую поэзію“. Въ то же время опасенія друзей обновились и выражаются ярче: „Погостить бы ему при Фридрихѣ II. Впрочемъ, чего добраго, онъ, пожалуй, и этого воспоетъ“, пишетъ Вяземскій (Тургеневу 27 ноября 1820 г.); и въ другомъ письмѣ: „Я боюсь за Жуковскаго: такимъ образомъ и путешествіе не провѣтрить его. Онъ перенесетъ свою Аркадію во дворецъ и возвратится съ тѣмъ безпечіемъ, съ тѣмъ же, смѣю сказать, *отсутствіемъ мужества*, достойнаго его таланта. Ему не душу питать нужно: она сама собою питается, и если бояться за нее, то не отоцанія, а индигестіи, но нужно расшевелить умъ, разнообразить впечатлѣнія, понятія, чувствованія. Я вижу его отсюда: жметъ пемытую руку Гуфеланда, сравниваетъ ее съ запачканной рукой Эверса и говоритъ:

О, сладкій жаръ во грудь мою проникъ ³⁾.

¹⁾ Е. П. Ковалевскій, „Графъ Блудовъ и его время“, письмо отъ 27 іюня 1820 г., стр. 253.

²⁾ К. Я. Булгаковъ брату 14 и 15 сентября 1820 г. „Русск. Арх.“ 1902 г. ноябрь, стр. 379, 380. Сл. выше стр. 262.

³⁾ Сл. выше стр. 185—6.

Жуковскій тоже Донъ-Кихоть въ своемъ родѣ. Онъ помѣшался на душевное и говоритъ съ душами въ Аничковскомъ дворцѣ, гдѣ души никогда и не водилось.—Онъ „набилъ руку на душу, чертей и луну“, но „ему нужно непремѣнно бы имѣть, при себѣ Санхо, напимѣръ, меня, который ворочаль бы его иногда на землю и носомъ притыкаль его къ житейскому“. (Тургеневу, 12 декабря 1820 г.).

„Я такъ любопытствую узнать, какъ дѣйствуетъ на тебя европейскій воздухъ, писалъ кн. Вяземскій Жуковскому,—но отъ Тургенева узнаю только, что ты шалишь отъ старца Эверса съ старцемъ Гуфландомъ. Добрый мечтатель! полно тебѣ нѣжиться на облакахъ: спустись на землю, и пусть, по крайней мѣрѣ, ужасы, на ней свирѣпствующіе, разбудятъ энергію души твоей. Посвяти пламень свой правдѣ и брось служеніе идоловъ. Благородное негодованіе — вотъ современное вдохновеніе! При видѣ народовъ, которыхъ тащутъ на убіеніе въ жертву какихъ-то отвлеченныхъ понятій о чистомъ самодержавіи, какая лира не отгрянетъ сама: мечь! мечь! Ради Бога, не убаюкивай независимости своей на розахъ Потсдамскихъ, ни на розахъ Гатчинскихъ. Если бы я предостерегалъ тебя отъ суетности, то вѣрно замолчалъ бы скоро, ибо страхъ мой за тебя не могъ бы сочетаться съ уваженіемъ моимъ къ тебѣ; но страшусь за твою царедворную мечтательность. Въ наши дни союзъ съ царями разорванъ: они сами потоптали его. Я не вызываю бунтовать противъ нихъ, но не знаться съ ними. Провидѣніе зажгло въ тебѣ огонь дарованія въ честь народу, а не на потѣху двора.... Повторяю еще, что этотъ страхъ не въ ущербъ уваженія моего къ тебѣ, ибо я увѣренъ въ непреклонности твоей совѣсти; но мнѣ больно видѣть воображеніе твое, зараженное какимъ-то дворцовымъ романтизмомъ. Какъ ни дѣлай, но въ атмосферѣ, тебя окружающей, не можешь ты ясно видѣть предметы, и многія чувства въ тебѣ усыплены. Зачѣмъ не разнообразить круга твоихъ впечатлѣній? Воспользуйся разрѣшеніемъ твоимъ отъ петербургскихъ оковъ, столкнись съ мнѣніемъ европейскимъ; можетъ быть, стычка эта пробудитъ въ тебѣ новый источникъ. Но если по Европѣ понесешь за собою и передъ собою Китайскую стѣну Павловскаго, то никакое чуждое дыханіе до тебя не дотронется“.... 15/27 марта 1821 г.)¹⁾.

Санчо-Вяземскаго не случилось при Жуковскомъ, и опасенія относительно Донъ-Кихота были въ извѣстной степени спра-

¹⁾ Сл. „Русскій Архивъ“ 1900 г. № 2 стр. 181—182.

ведливы. Берлинскія „дневныя замѣтки“ Жуковскаго указываютъ на какую-то странную неуравновѣшенность. Онъ попрежнему сентиментальничаетъ: познакомился съ Гуфеландомъ, лицо котораго выражаетъ „глубокомысленность и добродушіе“ (дневникъ 31 октября/10 ноября 1820 г.), побесѣдовалъ съ нимъ о возвышенныхъ предметахъ, встрѣтилъ въ немъ человѣка „по сердцу“, это то же, что „вдругъ открывшійся глазамъ прекрасный видъ съ горы на поля, долины и рѣки. И то и другое удивительно дѣйствуетъ на душу, и то и другое пробуждаетъ въ ней все хорошее; становишься чувствительнѣе, выше, пробуждается мысль о Богѣ, о счастіи, объ друзьяхъ, пробуждается возвышенная довѣренность къ самому себѣ. Смотря въ глаза старику Гуфеланду, у меня вертѣлось на языкѣ слово Vater“. Прощаясь съ Жуковскимъ, Гуфеландъ сказалъ ему, съ какимъ-то прелестнымъ доброжелательствомъ: „Adieu, Sie haben mich sehr erfreut!“ Эти слова продолжали звучать въ душѣ Жуковскаго: „дома невольная меланхолія меня наполнила; не могу ее изъяснить, но я готовъ былъ плакать; я увѣренъ, что въ моемъ путешествіи все трогательное будетъ имѣть надо мной это дѣйствіе“ (дневникъ 3/15 ноября 1820 г.) ¹⁾.

И его чувствительность дѣйствительно расцвѣтаетъ; безпрестанно онъ любитъ луну, восходъ и заходъ солнца; рядомъ съ восторженными описаніями видовъ и развалинъ, картинъ и дворцовъ—придворные и другіе обѣды, гдѣ онъ сидитъ съ такимъ-то театры и знакомства. Дворомъ онъ очарованъ и многихъ очаровалъ; здѣсь завязалась его дружба съ кронпринцемъ, будущимъ королемъ ²⁾.

¹⁾ Въ замѣткѣ 3/15 ноября Жуковскій сообщаетъ „собственную мысль“ Гуфеланда, которая поразила его своею простотою. Гуфеландъ внесъ ее въ его альбомъ, знакомый намъ по автографамъ Жанъ Поль Рихтера и Тика (сл. выше стр. 22, 26—7):

Leben, Liebe, Licht,
Vater, Sohn, Geist.
Gott.
Gott, Vater des Lebens,
Gott, Sohn und Herr der Liebe,
Gott, Erleuchter des Geistes,
Lass uns leben in Liebe und Licht,
So leben wie in Gott.

Diess, mein theurer Freund, erinnere Sie an den Anfang unserer Freundschaft und ihre ewige Dauer. Berlin d. 8 mai 1821. D. Hufeland. Упомянутое Гуфеланда въ Дневникѣ 1821 г. passim.

²⁾ Варнагену фонъ-Энзе д-ръ Корейфъ разсказалъ, что король, увидавъ Жуковскаго въ числѣ лицъ, поспѣвшихъ привѣтствовать его, бросился въ его

Но ему часто не по себѣ: прекрасное январское утро подбодрило его; отчего бы не подбодриться и--волѣ? И онъ отвѣчаетъ на свой вопросъ анализомъ самого себя, въ стилѣ юношескаго дневника: „воля живетъ дѣятельностью, а я совершенно предалъ себя лѣни, лѣни во всѣхъ отношеніяхъ, и она всѣ силы душевныя убиваетъ. И чѣмъ далѣ, тѣмъ хуже. Недѣятельность производитъ неспособность быть дѣятельнымъ, а чувство этой неспособности, съ которымъ нельзя ужиться, производитъ въ одно время и уныніе душевное и истребляетъ бодрость“. Болѣе всего тревожить его мысль о его теперешнемъ несовершенствѣ: „вмѣсто того, чтобы сколько возможно замѣнить утраченное, я только горюю объ утратѣ и стою на развалинахъ, поджавъ руки, вмѣсто того, чтобы ободриться и построить столько, сколько можно. Надобно *отказаться отъ потеряннаго* и сказать о себѣ, что *настоящее и будущее мое*. Я могъ бы быть болѣе того, что я есть, но я далекъ отъ того, чѣмъ бы могъ и долженъ бы быть; я никогда не дойду къ тому, къ чему бы могъ дойти, *если бы пустился ранѣе въ дорогу и не потерялъ времени*. Но развѣ отъ этого должно остановиться и отказаться отъ *той* дороги, которую еще теперь можешь сдѣлать? Откажись отъ того, чѣмъ бы ты могъ быть, если бы не *истратилъ безумно полжизни на ничто*; рѣшись искать того, что еще можетъ быть *твоимъ*, если начнешь теперь къ нему стремиться и не будешь отчаиваться отъ неудачъ. Достоинство человѣка въ искреннемъ желаніи добра и постоянномъ къ нему стремленіи; *достиженіе* не отъ него зависитъ. Я *могу еще имѣть религію*, могу имѣть чистую нравственность, могу исполнить свято ближайшій долгъ. Вотъ главное. Ты имѣешь мало, но именно потому и не отказывайся отъ пріобрѣтенія. Положить себѣ за правило: въ обществѣ не искать никакого успѣха; думать только о томъ, чтобы пріобрѣтать хорошее отъ другихъ, а не о томъ, какъ бы казаться имъ хорошимъ; лучше казаться ничтожнымъ и пріобрѣтать, нежели казаться чѣмъ-нибудь и быть ничтожнымъ. Излишняя заботливость объ этой ложной наружности устремляетъ вниманіе только на самого себя и лишаетъ возможности видѣть, слышать и пользоваться другими“ ¹⁾.

Подъ 8/20 марта отмѣчено чтеніе „Пери“ у великой кня-
объятія и отдыхалъ своей ланитой на его ланитѣ по крайней мѣрѣ пять минутъ, что дало поводъ сострить, что, вѣроятно, его величество чувствовалъ большую усталость. Сл. выдержки изъ Дневниковъ Фарнгагена подъ 1844 г. 3 августа. „Русск. Арх.“ 1875 г. № 7, стр. 353—4.

¹⁾ Дневникъ 8/20 генваря 1821 г.

гини; 4/16 апрѣля онъ принялся было за „Die Bestimmung des Menschen“ Фихте, но долженъ былъ оторваться отъ чтенія, чтобы быть съ великой княгиней у заутрени, на часахъ и у обѣдни. Вернувшись, снова принялся за книгу, „но вздумалъ, что терять времени не должно, и отправился въ Санъ-Суси смотрѣть галерею“; черезъ нѣсколько дней (11/23 апрѣля) снова „началъ читать Фихте—и заснулъ надъ книгою; но не отъ скуки“. Подъ 6/18 апрѣля, отдавая великой княгинѣ молитву во время вечерни, онъ „увидѣлъ въ ея рукахъ другого рода молитвенникъ: письма ея матери! Какая прелестная, трогательная мысль обратить въ молитву, въ очищеніе души, въ покаяніе—воспоминаніе о матери! И что же въ этой книжкѣ? Ея мысли, ея чувства, въ самыя тяжкія минуты жизни, наполнявшія и утѣшавшія душу ея! Вотъ настоящая, чистая, набожность! Какъ мало этого возвышающаго въ обрядѣ нашего говѣнія—вмѣсто того, чтобы входить въ себя, вспоминать „прошедшее, объяснить его для себя, мы только развлекаемъ себя множествомъ молитвъ, хвалебными пѣснями, ничтожными въ сравненіи съ Тѣмъ, Кого онѣ хвалятъ, и мало говорящими сердцу“. Для этого времени слѣдовало бы „заготовить для себя нѣсколько вопросовъ, относящихся до вѣры и до жизни нашей; возобновить вкратцѣ все, что составляетъ религію нашу, слѣдовательно, сдѣлать для себя извлеченіе всего важнѣйшаго въ Св. Писаніи; пройти это все въ отношеніи къ нашей жизни! Что же касается до молитвы,—то довольно одной, къ которой, нечего прибавить: Отче Нашъ! Въ обѣднѣ же нашей заключены всѣ таинства религіи: Твоя отъ Твоихъ — вотъ все христіанство... Чтобы кончить нынѣшній день лучше, и я перечиталъ въ моей Лалла Рукъ то, что написано было великою княгиней, и написалъ кое-что свое. Elle est ma religion! Il n'y a pas de plus grande jouissance, que de sentir avec pureté la beauté d'une âme pure“ ¹⁾!

¹⁾ Этотъ афоризмъ встрѣчается подъ тѣмъ же днемъ, въ числѣ другихъ, въ альбомѣ Жуковского, недавно поступившемъ въ Имп. Публичную Библіотеку (на футлярѣ помѣтка: Berlin, den 3-en April 1821). Вотъ нѣкоторые изъ нихъ: „Kommt die Hülfe zu auch nicht schnell, so kommt sie doch gewiss! Ja gewiss, aber das *wie* und das *wo* soll uns nicht quälen. *Wie?* Als Rettung oder als Vergeltung? *Wo?* Wenn auch nicht hier, so haben wir doch die ganze Ewigkeit vor uns! Вѣчность можно сравнить съ мученіями родины! Минута смерти есть минута разрѣшенія!... Говорятъ, что нѣтъ минуты блаженнѣе первой минуты материнскаго счастья — можетъ быть, и минута разлуки души съ тѣломъ имѣетъ сіе блаженство. Смерть есть не иное что, какъ слова на крестѣ: Совершилось!... Какая разница между помощью Божіей и помощью человѣческой!“ — Подъ 6/18 апрѣля (въ Потсдамѣ): „...Безсмертіе есть врожденное

11.23 апрѣля Жуковскій сидѣлъ на Ruinenberg'ѣ въ Sans-Souci, „смотря грустными глазами на заходящее солнце, которое удивительно украшало окрестности, видимыя сквозь деревья и развалины: для тою, чтобы наслаждаться настоящимъ, надобно имѣть въ запасѣ будущее! По крайней мѣрѣ на эту минуту я не имѣю ничего въ запасѣ“.

17/29 апрѣля: „мнѣ грустно, потому что я не видѣлъ нынче великой княгини. Видѣть ее въ этотъ день, въ ея семьѣ, и по-дѣлиться воспоминаніемъ о прекрасномъ московскомъ днѣ (рожденіе великаго князя Александра Николаевича) есть удовольствіе, котораго, понятно, ничѣмъ воротить нельзя... И этотъ день могъ бы быть прелестнымъ,—а я долженъ его провести въ какомъ-то сухомъ одиночествѣ! Я переписывалъ для кронпринца переводъ своихъ стиховъ на этотъ день. Но какъ было бы весело говорить объ немъ! Посмотримъ, какъ онъ кончится... Обѣдалъ за маршалскимъ столомъ, и съ генераломъ Блокомъ пили здоровье новорожденного. Вечеру гулялъ въ Neue Garten съ Кавелинымъ и Адлербергомъ. Вечеръ былъ прекрасный. Великая княгиня возвратилась, и я успѣлъ ее поздравить. Только не слишкомъ ли? Какъ все не такъ дѣлается, какъ думается... Я прописалъ цѣлое утро для кронпринца, а онъ и не подумалъ въ нынѣшній день обо мнѣ. *Ребячество; но отъ этой болѣзни не излѣчишься*“.

Въ 1821 году Жуковскому удалось урваться изъ Берлина, гдѣ онъ провелъ около восьми мѣсяцевъ: 27 мая великая княгиня ѣхала въ Эмсъ, Жуковского манили Швейцарія и Рейнъ. Послѣднія минуты онъ провелъ „съ горестнымъ удовольствіемъ прощанья. Въ Берлинѣ были минуты счастья“. Онъ простился съ королемъ, уговорился съ кронпринцемъ встрѣтиться въ театрѣ, и оба другъ друга проекали. „Прискорбная глупость“, пишетъ онъ въ своемъ дневникѣ ¹⁾. „Передъ самымъ отъѣздомъ крестъ“ (Краснаго Орла) ²⁾.

„Описывая цѣлый вѣкъ природу въ стихахъ, хочу наконецъ узнать наяву, что такое высокія горы, быстрые водопады и чувство; оно свойственно всякой душѣ, но оно чаще отзывается въ душѣ чувствительной и высокой... но это чувство... обращается для насъ въ понятіе... при несчастіи“. — Il n'y pas de plus grande jouissance que de sentir avec pureté la beauté d'une âme pure“. — Слѣдуетъ далѣе замѣтка, касающаяся Боейковой, сл. выше стр. 213.

¹⁾ Сл. дневникъ 2 іюня нов. ст. 1821 г. и примѣчаніе издателя.

²⁾ Сл. также письмо Жуковскаго къ вел. кн. Александрѣ Феодоровнѣ, 1 іюня 1821 г., „Русская Старина“ 1901 г., октябрь, стр. 221 и 4 іюня (нов. ст.) ibid. 224—226.

разрушенные замки, жилища моихъ любимыхъ привидѣній“, писалъ онъ своему пріятелю Полетикѣ. Онъ заранѣе наслаждается и увѣренъ, что его ожиданія не будутъ обмануты: красоты природы всегда выше описаній, надо только „подходить къ нимъ, сказавъ напередъ Создателю: Сердце чисто созижди мнѣ. Надобно быть съ природою младенцемъ“. Младенцемъ надо быть и ученому; самъ онъ не ученый, „посреди просвѣщенной Европы такой недостатокъ живо чувствителенъ, но добрая природа, которой прелести могу понимать, не оттолкнетъ меня“ ¹⁾.

Жуковскій въ Дрезденѣ. Былъ прелестный іюньскій вечеръ, когда онъ сидѣлъ на берегу Эльбы на террасѣ Финдлерова сада. Тамъ было множество людей, довольныя лица, и все чужія; за каждымъ столомъ веселая семья, онъ былъ одинокъ. Природа не радовала, потому что главная прелесть окружающаго есть наша душа, то чувство, которое она приноситъ въ ея святилище, а она ничего не приносила. „Настоящее казалось бѣднымъ, а будущее ничего не обѣщало въ жизни. Все главное извѣстно; ничего таинственнаго, неизвѣстнаго не могло соединиться съ тѣмъ, что видѣли глаза“. Но „добрый геній-воспоминаніе“ прилетѣлъ на помощь, дрезденскій видъ преобразился, въ немъ почувствовалось что-то знакомое: точно бѣлевскій видъ съ пригорка его бывшаго дома, точно такъ же вьется подъ горою Эльба, какъ тамъ Ока; картина восстанавливается по мелочамъ, вспомнилась родина—, и много милыхъ тѣней встало“. („Отрывокъ изъ письма о Саксоніи“. 1821 г., Дрезденъ и Прага 4 и 10 іюня) ²⁾.

Это такая же галлюцинація „сердечнаго воображенія“, какъ и въ знакомой намъ пьесѣ, навѣянной романомъ Шатобріана ³⁾, и въ юношескомъ переводѣ изъ Ангеля, гдѣ нѣмецкое Thal обратилось въ родной пейзажъ, обширную долину, усѣянную деревьями, рощами, зелеными холмами“ ⁴⁾.

Дрезденскій дневникъ не нашелся въ бумагахъ Жуковского; послѣдняя отмѣтка 2 іюня провожаетъ насъ въ нѣсколькихъ

¹⁾ Письмо 13/25 мая 1821 г., „Русская Старина“ 1883 г., декабрь, стр. 711.

²⁾ Печатный текстъ этого отрывка составленъ изъ письма Жуковского къ вел. кн. Александрѣ Ѳеодоровѣ, Дрезденъ 4/16 іюня (черновикъ въ Шукшинскомъ сборникѣ, вып. I, М. 1902 г., стр. 66 слѣд., гдѣ письмо ошибочно адресовано вел. кн. Николаю Павловичу), и письма Жуковского къ М. А. Мойеръ и А. А. Воейковой. Изъ послѣдняго заимствованы и приведенныя въ нашемъ текстѣ строки. См. „Русская Старина“ 1901 г., октябрь, стр. 224, прим. 1, и мою замѣтку: „Цвѣтъ Завѣта“ въ „Литературномъ Вѣстникѣ“ 1903 г., т. V, кн. 3, стр. 298, прим. 2.

³⁾ Сл. выше стр. 201.

⁴⁾ Тихонравовъ, Соч. т. III, ч. I, примѣч. стр. 76, прим. 304.

строкахъ отъ Берлина до Дрездена, послѣ чего мы прямо вступаемъ въ швейцарскій дневникъ (25 іюля). Недочетъ восполняется письмами къ великой княгинѣ Александрѣ Теодоровнѣ: Жуковскій писалъ ей съ дороги, изъ Дрездена (4 / 16 іюня), Праги (10 / 22 іюня), рассказывалъ изъ Карлсбада, гдѣ встрѣтился съ Блудовымъ ¹⁾, о впечатлѣніяхъ Саксонской Швейцаріи (17 / 29 іюня) и въ двухъ пространныхъ письмахъ оттуда же (23 іюня / 5

¹⁾ Въ одномъ изъ альбомовъ Жуковского, съ помѣтой на заглавномъ листѣ: 1820 г. 16/28 декабря, читается рядъ афоризмовъ, за которыми слѣдуетъ подпись: Карлсбадъ 27 іюня/8 іюля 1821 года. Они писаны рукой Блудова; можетъ быть, отрывки того журнала, о которыхъ онъ говорилъ въ письмѣ 18 іюня 1822 г. (сл. выше стр. 274), или результатъ бесѣды съ Жуковскимъ, еще не остывшимъ отъ впечатлѣній придворной сутолоки. Въ томъ и другомъ отношеніи они интересны; вотъ нѣкоторые изъ нихъ:

„Есть люди съ слабыми нервами и слѣдственно не сильные отъ природы, но храбрые на войнѣ отъ философическаго пренебреженія смерти. Я часто думаю, что должно также быть смѣлымъ въ дѣлахъ и при дворѣ. единственно отъ презрѣнія къ людямъ и потому, что мы можемъ ожидать отъ нихъ.

„Недовольные правительствомъ желаютъ переменъ, какъ мореходъ вѣтра во время тишины; но этотъ вѣтеръ можетъ быть бурей.

„Придворные раболѣпствуютъ, а царь часто повинуетъ имъ.

„Многіе воображаютъ, что вредны для государства одни объявленные царедворцы. Отъ этого зла не трудно бы избавиться: иные государи сами не любятъ имѣть ни камергеровъ, ни егермейстеровъ. Но настоящій, самый вредный дворъ составляется не изъ нихъ, а изъ приближенныхъ льстецовъ всякаго званія, или, лучше сказать, всѣхъ названій, и такого двора нельзя истребить даже уничтоженіемъ монархіи. Что же умѣрить вредъ онаго? Только одно: умъ, добродѣтель правителей, ихъ вниманіе къ голосу истины и средства внимать ему.

„Les ministres qui parlent sans cesse de la volonté du Souverain, de la pensée du Souverain, ne sont-ils pas un peu comme les faux prophètes?... Oui! et les pamphlétaires qui parlent de l'opinion publique?...

„Dans les troubles politiques les honnêtes gens peuvent avoir différentes opinions, mais il n'auront jamais qu'un parti: celui de leurs serments.

„La liberté pour quelques nations est comme la vie pour certaines gens d'une constitution faible: elle se passe toute entière à lutter contre la mort, qu'enfin on est obligé de subir.

„С. Д. говоритъ о революціяхъ и реформахъ нашего времени, что это лишь перемѣна безпорядка.

„Въ жизни мыслящихъ людей я вижу три періода: первый, или младенческій, есть просто вѣкъ незнанія, второй—довѣрчивости, надеждъ и заблужденій; наконецъ третій есть вѣкъ сомнѣній. Они сопровождаютъ насъ до гроба: за ними начинается четвертый періодъ познанія и истины.

„Причины происшествій въ семъ мірѣ, какъ тайныя слова логогрифа; люди могутъ отгадать одно или хотъ нѣсколько изъ означаемыхъ, но первое, изъ коего всѣ прочіе составлены, знаетъ одинъ Богъ“.

іюля и 29 іюня / 10 іюля) о своемъ знакомствѣ съ Фридрихомъ Тикомъ и о прелести Сикстинской Мадонны ¹⁾).

Приведенные отрывки даютъ понятіе о путевомъ дневникѣ и путевыхъ письмахъ Жуковскаго. Дневники эти онъ велъ постоянно, хотя неравномѣрно; ранніе по времени свѣжѣе и болтливѣе; мы знаемъ, что они служили ему средствомъ самонаблюденія; таковыми были для Гёте его *Tagebücher*. Главное мѣсто отведено описаніямъ природы, питавшей его лиризмъ и склонность пофилософствовать съ собою; въ этомъ отношеніи швейцарскій пейзажъ былъ ему сподручнѣе, его итальянскія впечатлѣнія суше, восторженность сдержаннѣе. Затѣмъ наибольшій интересъ вызываютъ искусство и театр; порой, техника реальной жизни охватить невзначай его вниманіе, и онъ описываетъ съ подробностями какое-нибудь ремесленное производство. По дорогѣ онъ дѣлаетъ массу знакомствъ, но „люди“ вообще очерчены слабо, когда они не шли къ его симпатіямъ (Гуфеландъ, позднѣе Радовицъ), или не поддавались его опозитизированію; мы знаемъ, что и въ геніи онъ прежде всего искалъ—добродушія (о Тикѣ). Гетевскія письма изъ Италіи, полныя живыхъ, непосредственныхъ впечатлѣній, послужили матеріаломъ для его „*Italienische Reise*“; нѣкоторыя части дневника Жуковскаго были имъ стилизованы въ видѣ писемъ къ великой княгинѣ, къ роднымъ въ Дерптъ, къ друзьямъ и, лишь побродивъ въ кружкѣ, подвергались печатной огласкѣ. Они интересовали какъ литературныя произведенія: въ 1821 г. 2 іюня (Карлсбадъ) Блудовъ упрекалъ Жуковскаго, что онъ уѣхалъ, не давъ ему „копій своего письма объ Мадоннѣ, Саксонской Швейцаріи и пр. и проч. Исправь вину, пришли мнѣ хотя изъ Цюриха, но поскорѣе, свою интересную тетрадку *описаній*“ ²⁾). Плетневъ читаетъ по салонамъ письмо Жуковскаго къ роднымъ о своей женитьбѣ ³⁾, а императрица и вел. кн. Марья Николаевна сами отдають письма къ нимъ Жуковскаго Плетневу—для „Современника“.

Гёте вернулся изъ Италіи новымъ человѣкомъ; съ Жуковскимъ не произошло никакой метаморфозы, всего менѣе во вкусѣ кн. Вяземскаго, который продолжалъ корить его „павловскими фрейлинами“, упрекая его и Тургенева, что, взысканные милостью

¹⁾ Сл. „Русская Старина“ 1901 г., октябрь и ноябрь, и мою указанную выше (стр. 291, прим. 2) замѣтку: „Цвѣтъ Завѣта“.

²⁾ „Русскій Архивъ“ 1902 г. № 6: Изъ писемъ къ В. А. Жуковскому. Письма графа Д. Н. Блудова, № III, стр. 337.

³⁾ Письмо къ Я. К. Гроту 8 марта 1844 г. Сл. „Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ“ II, стр. 303.

двора, они „или слишкомъ придворны или слишкомъ безпечны“ и ничего не дѣлають для своей родины, развѣживъ душу свою на островѣ Калипсо ¹⁾. И недавній пріятель Перовскій присоединялъ свой голосъ: стыдитъ Жуковского, что тотъ не пишетъ ему, тогда какъ великой княгинѣ писалъ четыре раза и всякій разъ по тетради (письмо изъ Спа), а ему письма Жуковского необходимы, ибо въ каждомъ изъ нихъ „ты мнѣ пересылаешь нѣсколько искръ чистаго огня, которымъ могу зажигать мои фонари.... Ты на одинъ фрейлинскій взглядъ, на одну улыбку отвѣчаешь мадригаломъ, а я требую отъ тебя не отвѣтовъ.. отвѣчай лишь на дружбу“ ²⁾. Въ 1825 году онъ извѣщалъ Жуковского о своемъ намѣреніи покинуть службу: „дворъ я никогда не считалъ для себя надежной пристанью, всегда былъ готовъ поднять якорь и распустить паруса, прежде чѣмъ морской вѣтеръ разобьетъ меня о берегъ, или же береговой выгонитъ насильно въ море.... Два слова о тебѣ. Завятія твои меня пугають: мнѣ кажется, что ты, какъ Жуковский, потерянь теперь для друзей, какъ давно уже для нихъ потерянь, какъ *поэтъ*. Гдѣ ты найдешь время бесѣдовать съ нами“ ³⁾?

¹⁾ Къ Жуковскому 9 января 1823 г. „Русск. Арх.“ 1900 г. № 2, стр. 187.

²⁾ Изъ Флоренціи 16 августа 1823 г.

³⁾ „Вѣстникъ Европы“ 1901 г., апрѣль: Захарыинъ (Якунинъ), I. с., стр. 554, 537—8, 539—40.

Х.

Литературныя ожиданія. Жуковскій о Байронѣ, Шиллерѣ и Гётѣ.

„Милыя тѣни“ прошлаго—и жалобы на полжизни, потраченной „безумно“, желаніе „отказаться отъ потеряннаго“, рѣшеніе искать еще возможнаго для него въ жизни пути—и „ребяческое“ огорченіе, что кронпринцъ его не вспомнилъ—все это свидѣтельствуетъ о нѣкоторой духовной разладицѣ, которая не могла не отразиться на производительности художника. Жуковский не „безличенъ“, какъ говорилъ кн. Вяземскій, онъ даже воспиталъ въ себѣ волю, въ письмахъ изъ поры своей сердечной разлуки онъ нерѣдко ободряетъ себя словомъ: *persévérance*! но въ этомъ словѣ у него болѣе самоотреченія, чѣмъ энергіи.

Друзья тревожатся за Жуковского и мечтаютъ расширить его кругозоръ въ уровень, казалось, съ его талантомъ. И тутъ они ошиблись: отъ него ожидали многого, чего, по свойству своего таланта, онъ не могъ дать.

Началось это давно, въ періодъ раннихъ „балладъ“. Батюшковъ, недолюбливавшій ихъ ¹⁾, стѣдуетъ, что поэтъ занимается такими бездѣлками: „съ его воображеніемъ, съ его дарованіемъ и болѣе всего съ его искусствомъ можно взяться за предметъ важный, достойный его“ ²⁾; „пора ему взяться за что-нибудь поважнѣе... онъ заслужилъ уваженіе просвѣщенныхъ людей, истинно просвѣщенныхъ, но славу надобно поддерживать тру-

¹⁾ Сл. его письма къ Гнѣдичу, февраль-мартъ 1817 г., и къ Жуковскому, июнь 1812 г. Сл. Соч. Батюшкова, т. III, стр. 111 и 187.

²⁾ Къ князю Вяземскому, первая половина іюля 1812 г., I. с., стр. 194.

дами“ ¹⁾. О „пути къ славѣ“ говорится и въ другомъ письмѣ ²⁾. Жуковскій писалъ Батюшкову въ пору жестокой сердечной тревоги, и тотъ благодарить его за откровенность: онъ ея достоинъ, потому что, по чувствамъ, Жуковскій ему родной. „Во всемъ согласенъ съ тобой насчетъ поэзіи. Мы смотримъ на нее съ надлежащей точки, о которой толпа и понятія не имѣетъ. Большая часть людей принимаетъ за поэзію рѣзмы, а не чувство, слова, а не образы. Богъ съ нею! Но, милый другъ, если ты имѣешь дарованіе небесное, то дорого заплатишь за него, и дороже еще, если не сдѣлаешь того, что Карамзинъ: онъ избраетъ себѣ одно занятіе, одно поприще, куда уходитъ отъ страстей и огорченій: тайная земля для профановъ, истинное убѣжище для души чувствительной. Послѣдуй его примѣру. Ты имѣешь талантъ рѣдкій; избери же землю, достойную его, и приготовь для будущаго новую пищу сердцу и уму, новую славу и новое сладострастіе любимцамъ прекраснаго“ ³⁾.—„Онъ у насъ великанъ посреди пигмеевъ, прекрасная колонна среди развалинъ“, пишетъ Батюшковъ о Жуковскомъ: „баллады его прелестны, но балладами не долженъ себя ограничивать талантъ рѣдкій въ Европѣ“ ⁴⁾. Батюшковъ протестуетъ противъ его переводовъ съ нѣмецкаго: добро переводить философовъ, „но ихъ-то у насъ читать и не будутъ. Что касается до литературы ихъ, собственно литературы, то я начинаю презирать ее... У нихъ всекаряченье и судороги... Слогъ Жуковского украсить и галиматью, но польза какая, то-есть, истинная польза?.. Не лучше ли посвятить лучшіе годы жизни чему-нибудь полезному, то-есть, таланту, чудесному таланту?.. Правда, для этого ему надобно переродиться. У него голова вовсе не дѣятельная. Онъ все въ воображеніи“ ⁵⁾.

Предметомъ „важнымъ“, достойнымъ Жуковского, долго считали затѣянную имъ поэму „Владиміръ“, сюжетомъ которой онъ занимался съ 1810 года и которую никогда не написалъ. Около 1820-хъ годовъ о ней уже молчатъ, но пріятели попрежнему чего-то ждуть. „Жуковскій“ уже похитилъ творческій пламень, писалъ кн. Вяземскій; но твореніе не свидѣтельствуетъ еще землѣ о похищеніи небесномъ. Мы, посвященные, чувствуемъ въ его рукъ творческую силу; но толпа чувствуетъ глазами и увѣряется осязаніемъ. Для нея надобно поставить на

¹⁾ Къ нему же 10 іюня 1813 г., I. с. стр. 227—8.

²⁾ Къ нему же 3 ноября 1814 г., I. с. стр. 306.

³⁾ Середина декабря 1815 г., I. с. стр. 356—7.

⁴⁾ Къ Гнѣдичу, вторая половина февраля 1817 г., I. с. стр. 416.

⁵⁾ Къ князю Вяземскому 1817 г., 4 марта, I. с. стр. 427—8.

ноги и пустить въ ходъ исполина: тогда только поклоняется она. Къ тому же искра въ дѣйстви обширнымъ пламенемъ возносится до небесъ и освѣщаетъ окрестности; праздная, она— тотъ же огонь, но свѣтится только для нѣкоторыхъ и гаснетъ забытая“¹⁾.

Разсчитывали, что Жуковского расшевелитъ Байронъ. По всѣмъ признакамъ, Жуковский „точно воскресаетъ, пишетъ Ал. Тургеневъ, и гений-воскреситель его есть Вугон, да и отдыхъ въ пользу. Онъ теперь няньчится только съ фрейлинами, ѣстъ ихъ конфекты и пьетъ за нихъ шампанское. Вино поэзіи веселитъ сердце его, а съ нимъ и воображеніе“. Лишь бы онъ бросилъ стихотворныя бездѣлки, и, „хотя въ одинъ присѣсть и съ натугою, пусть разродится гений его обдуманнѣмъ и достойнѣмъ его произведеніемъ... Я восхищался уродливѣмъ произведеніемъ Байрона: „Манфредъ“, трагедія. Жуковский хочетъ выкрасть изъ нея лучшее“²⁾.— „Есть много забавнаго и поэтическаго въ стихахъ Жуковского, отвѣчалъ кн. Вяземскій, но мало созданія: надобно было накормить вымыслами, а то какъ-то голо и худошаво, тѣмъ болѣе, что длинно, даже и чувства мало“³⁾. Кн. Вяземскій увлеченъ Байрономъ: „Что за скала, изъ коей бьетъ море поэзіи! Какъ Жуковский не черпаетъ тутъ жизни,

¹⁾ Князь Вяземскій Ал. Тургеневу 1819 г. 11 іюля (выписка изъ „журнала“ 10 іюля). Такъ и въ старой записной книжкѣ, сл. Полн. собр. соч. кн. Вяземскаго, т. IX, стр. 30; тѣ же строки внесены кн. Вяземскимъ въ одинъ изъ альбомовъ Жуковского (начатомъ въ Берлинѣ 16/28 декабря 1820 г.) съ замѣчаніемъ: „Все это написано не для тебя, а было написано про себя въ Варшавѣ“ (слѣдующая затѣмъ записка датирована: „Царское село 30 іюня 1825 г.). Передъ этой замѣткой, другая, крайне характерная, какъ признаніе: „Я желалъ бы умѣстить все бытіе свое въ одно чувство, а это чувство издержать въ одномъ ощущеніи. О, небо! небо! Зачѣмъ, при склонностяхъ мирныхъ, даю ты мнѣ порывы мятежныя? Зачѣмъ не умѣю вкусовъ своихъ согласовать съ страстями своими? Тихое забвеніе, убѣжище уединенное, тѣнь двухъ-трехъ деревьевъ, свѣтлый бѣгъ ручья! При васъ мысль моя отдыхаетъ, вами ограничилось бы честолюбіе моихъ желаній, но страсти, роковыя страсти, на крыльяхъ бури уносятъ меня далеко отъ васъ! Въ волненіи тоски безпредѣльной я по васъ вздыхаю, на вашемъ безмятежномъ лонѣ порываюсь на движеніе новое и въ борьбѣ всегдашней съ самимъ собою почерпаю жизнь въ потрясеніи и стычкѣ наклонностей, другъ другу противныхъ. Но мнѣ ли сѣтовать о томъ? Не изъ сего ли тайнаго и глупаго волненія родится вѣчно быющій источникъ поэзіи, который одинъ можетъ утолить жажду души, чужой темнымъ благамъ, души, изсохнувшей бы на почвѣ, гдѣ, по преданіямъ толпы, расцвѣтъ человѣческое счастье, и расцвѣтаютъ житейскія выгоды?“

²⁾ А. Тургеневъ князю Вяземскому 13 августа 1819 г.

³⁾ Князь Вяземскій Тургеневу 15 августа 1819 г.

коей стало бы на цѣлое поколѣніе поэтовъ“ ¹⁾? спрашиваетъ онъ и съ удовольствіемъ слышитъ, что Жуковский питается и бредитъ Байрономъ, готовить переводы ²⁾. „Дай Богъ, чтобы Жуковский впился въ Байрона. Но Байрону подражать не можно: переводы его буквально, или не принимайся. Въ немъ именно что и есть образцоваго, то его безобразность. Передай всѣ дикіе крики его сердца; не подливай масла въ ядъ, который онъ иногда изъ себя выбрасываетъ; бѣснуйся, какъ и онъ, въ поэтическомъ иступленіи. Я боюсь за Жуковскаго: онъ станетъ дѣвствовать, а никто не въ силахъ, какъ онъ, выразить Байрона. Пускай начнетъ съ IV-й пѣсни „Пилигрима“, но только слово въ слово, или я читать не буду“ ³⁾. „Жуковский дремлетъ надъ Байрономъ, Вяземскій имъ бредитъ“, писалъ Ал. Тургеневъ И. И. Дмитріеву ⁴⁾.

Жуковский чувствовалъ, что его поэзія захирѣла, и чаялъ себѣ обновленія отъ заграничной поѣздки. „Что дѣлаетъ жемчуголовъ Жуковский? Много ли раковинъ навезетъ? Ему должно будетъ грянуть на публику чѣмъ-нибудь тяжкимъ, писалъ кн. Вяземскій А. Тургеневу (18 декабря 1821 г.), а, ради Бога, не давайте ему метать бисеръ въ журналы. Публика, то-есть, свиньи, топчетъ его безъ понятія. Всѣ къ нему вѣру потеряли. Онъ молчи или снова заколдуй“.

Вмѣсто того Жуковский пристрастился къ Муру („Пери и ангель“ напечатанъ въ „Сынѣ Отечества“ 1821 г. № 20, стр. 243—265), и Пушкина это бѣситъ: „и что ему понравилось въ этомъ чопорномъ подражателѣ безобразному восточному воображенію?.. Пора ему (Жуковскому) имѣть собственное воображеніе и крѣпостные вымыслы ⁵⁾; иное дѣло Тассъ, Аріостъ, Гомеръ другое—Маттисонъ, Муръ, Саутей“ ⁶⁾.

Жуковскаго ждали изъ-заграницы въ концѣ 1821 года. Что онъ привезъ, спрашивалъ кн. Вяземскій, полагая, что онъ уже вернулся, „и хорошъ ли онъ пріѣхалъ“? Письмо переходитъ къ критикѣ „Лѣтняго вечера“, явившагося впервые въ № 4 изданія „Для немногихъ“ (1818 г.), а теперь перепечатаннаго въ

¹⁾ Къ Ал. Тургеневу 11 октября 1819 г.

²⁾ Къ нему же 22 октября 1819 г.

³⁾ Къ нему же 1 ноября 1819 г.

⁴⁾ 6 января 1820 г., сл. „Русскій Архивъ“ 1867 г., стр. 652—3.

⁵⁾ Къ князю Вяземскому 1822 г., 2 января.

⁶⁾ Онъ же Гнѣдичу того же года, 27 июня. Сл. такіе же укоры Гнѣдича самому Жуковскому за его манеру переводить второстепенныхъ авторовъ. „Московский Вѣстникъ“ 1827 г., ч. 6, стр. 318—19.

„Сынъ Отечества“ 1821 года (№ 4—5, стр. 252 слѣд.). „Если подумать, что Жуковский, нагулявшись по бѣлой Европѣ, присылаетъ въ гостинецъ въ Россію такіе стихи, то въ самомъ дѣлѣ пришлось бы пожалѣть о затмѣніи Жуковского. А сволочи того и надобно... Какъ можно, говорятъ они, онъ писалъ въ старину оды и стихи къ свѣтлѣйшему, да удостоился писать къ самому благочестивѣйшему и самодержавнѣйшему государю, а теперь сбивается на стишки про солнышко.

Есть и про солнышко бѣда:
Нѣтъ ладу съ сыномъ никогда.

Это значитъ изъ попа да въ дьяконы. Оно и въ самомъ дѣлѣ почти такъ“ ¹⁾.

6 февраля 1822 года вернулся Жуковский, вернулся не-обновленный. „Жажду—тебя видѣть“, писалъ ему кн. Вяземскій (16 февраля 1822 г.); проситъ прислать „Орлеанскую Дѣву“, спрашиваетъ, почему не перевелъ онъ „Гяру“ или „Жиарау“ ²⁾, велъ ли онъ свой журналъ, собирается ли что-нибудь издать о своемъ путешествіи. „Соберись съ силами и напиши мнѣ, что дѣлать думаешь, какъ жить будешь. Сердись или вѣтъ, а я все одно тебѣ говорю: продолжать жить, какъ ты жилъ, совѣстно тебѣ. Отряхнись! Имѣй одну ногу дѣлу, а другую горѣ, а обѣими на лоцинѣ тебѣ стоять не годится: прирастутъ ноги и нальются свинцомъ. Въ тебѣ то и бѣда, что ты поэзію свою разносишь повсюду съ собою. Жасминъ жасминомъ остается и въ конюшнѣ, но какая отъ него прибыль? Подумай, что ты сдѣлалъ для славы своей и отечества въ теченіе этихъ пяти или шести лѣтъ? Накидаль нѣсколько цвѣтовъ на истукановъ; рано или поздно они должны поблѣкнуть; имъ тутъ не мѣсто. Не забудь при томъ, что ты въ самой порѣ мужества: теперь пора рѣзать для потомства. А скажи по совѣсти, въ состояніи ли ты заняться трудомъ важнымъ посреди стихіи, въ коей трепещешь? Минерва выскочила не изъ напудренной головы. Пудра сушитъ мозгъ, повѣрь мнѣ. Ничего не пиши, то-есть, не печатай, или одно достойное тебя... ты истоцился на бездѣлицы. Въ тебѣ остается силы только на Геркулесовскій подвигъ. Тутъ ты опять окрѣпнешь. Конечно, много у тебя недоброжелателей и завистниковъ, но въ числѣ твоихъ

¹⁾ Къ Ал. Тургеневу, 22 ноября 1821 г.

²⁾ „Правда ли, что Жуковский переводитъ Гяура“? (Пушкинъ къ Ал. Тургеневу, Одесса, 1823 г., 1 декабря).

осудителей встрѣчаются и судии безпристрастные, не менѣе первыхъ строгіе, но основательнѣе. Скажу тебѣ искренно: едва ли не я одинъ оставался рыцаремъ твоимъ, не изъ слѣпой привязанности къ тебѣ, но изъ вѣрнаго познанія тебя. Публика не видитъ тебя за кулисами; для нея ты и живешь только-что на сценѣ“ ¹⁾. — „О твоей бездѣйственности я болѣе жалѣю, нежели ты самъ, пишетъ Жуковскому Ал. Тургеневъ ²⁾. Что ты голоса не подаешь о себѣ публикѣ? Зачѣмъ не кончилъ переводъ элегіи Парни“ ³⁾? „Что душа Жуковский, и что душа Жуковского? Не его дѣло переводить *Виргилія*.... Въ такомъ занятіи дарованіе его не живетъ, а прозябаетъ; не горитъ, а курится; не летаетъ, а движется... Зачѣмъ бросилъ онъ баллады?... Свободный рыцарь романтизма записывается въ учебные батальоны Клейнмихеля классиковъ“ ⁴⁾!

Между тѣмъ явился „Шильонскій узникъ“ (цензурное разрѣшеніе 14 апрѣля 1822 г.), и Пушкинъ восхищенъ. „Переводъ *est un tour de force*. Злодѣй! Въ бореньяхъ съ трудностью силачъ необычайный ⁵⁾. Должно быть Байрономъ, чтобы выразить съ столь страшной истиной первые признаки сумасшествія, а Жуковскимъ, чтобы это перевыразить. Мнѣ кажется, что слогъ Жуковского въ послѣднее время ужасно возмужалъ, хотя утратилъ первоначальную прелесть. Ужъ онъ не напишетъ ни *Свѣтланы*, ни *Людмилы*, ни прелестныхъ элегій первой части *Спящихъ Дѣвъ*. Дай Богъ, чтобы онъ началъ создавать“ ⁶⁾. Д. В. Давыдовъ „негодуетъ на Жуковского, зачѣмъ онъ только переводить“ ⁷⁾. „На балу я много занимался Жуковскимъ,—писалъ

¹⁾ „Русскій Архивъ“ 1900 г., № 2, стр. 183—4.

²⁾ Приписка къ письму Блудова 9 іюня 1822 г. Сл. *ibid.* 1902 г., № 6 стр. 340 и выше стр. 274, прим. 2.

³⁾ Отрывокъ перевода элегіи Парни („Въ разлукѣ я искалъ смягченія тяжкихъ бѣдъ“) относится къ 1806 году.

⁴⁾ Князь Вяземскій къ Ал. Тургеневу 3 іюля 1822 года. „Разрушеніе Трои“ изъ *Виргилія* явилось въ „Полярной Звѣздѣ“ 1823 года, но 5-мъ изданіемъ отнесено къ 1822 г. Сл. письмо князя Вяземскаго къ Жуковскому 13 декабря 1823 г.: „Что дѣлаешь? Все ли *Енеидиш*, или уже *не идешь*“? Сл. „Русскій Архивъ“ 1900 г., № 2, стр. 191.

⁵⁾ Сл. кн. Вяземскій „Къ В. А. Жуковскому“. Подражаніе сатирѣ III Де-прео (1821 г.):

О, ты, который намъ явить съ успѣхомъ могъ
И своенравный умъ, и безпорочный слогъ,
Въ бореньи съ трудностью силачъ необычайный.

Гнѣдичу 27 сентября 1822 г.

⁷⁾ Барсуковъ, „Жизнь и Труды Погодина“, I, 197 (Погодинъ модъ 16 октября 1822 г.).

Сперанскій дочери 25 генваря 1823 года: искалъ возбудить въ немъ чувство оригинальности, но онъ весь сжатъ въ переводахъ и, кажется, дальше не поидеть Делиля; и то хорошо, конечно, но жаль, что не болѣе¹⁾).

„Надо взять тебя подъ опеку, писалъ Жуковскому кн. Вяземскій, возмущенный тѣмъ, что онъ напечаталъ въ „Полярной Звѣздѣ“ „столько пустяковъ“. „Какъ миліонщику носить въ карманѣ мѣдныя деньги? Конечно, это все деньги для знатоковъ, но для толпы это смѣшно. Въ полномъ собраніи твоихъ сочиненій они могли бы имѣть свое мѣсто, но тутъ выходить на показъ, въ ряду съ мальчишками-недорослями и состарѣвшимися прохвостами, съ бездѣлками, не имѣющими никакого выдающагося достоинства, ни въ отношеніи *мыслей*, ни въ отношеніи *выраженія*, есть дѣло непростительное, для друзей твоихъ прискорбное, для холоповъ литературныхъ утѣшительное и барышное... Какъ ни говори, тебѣ необходимо пустить свою жизнь въ выжигу; или рѣшиться только чувствовать, а ничего не производить... Я похожъ на дьячковъ, которые другимъ поютъ: Тѣло Христово примите, источника безсмертнаго вкусите, а сами рыгаютъ въ то время лукомъ и сивухю. Говорю тебѣ о жизни, а самъ гнѣю со всѣхъ концовъ. Но какая разница между твоимъ запасомъ жизни и моимъ! Изъ капли твоей плоти выскочитъ дюжина моей братіи“ (9 февраля 1823 г.)²⁾.

Умеръ Байронъ: „Завидую пѣвцамъ, которые достойно воспоютъ его кончину,—пишетъ кн. Вяземскій. Вотъ случай Жуков-

¹⁾ „На память гр. Сперанскаго“, Спб. 1872 г., стр. 597. Сл. тамъ же стр. 613. слѣд. письмо отъ 2 марта 1823 г.: Сперанскій сообщаетъ, что третьяго дня былъ на экзаменѣ въ Екатерининскомъ институтѣ. Три дѣвицы пѣли стихи Жуковского „на выпускъ“. Стихи, жаль, посредственны. Говорятъ, что онъ спѣшилъ, но какъ бы онъ ни спѣшилъ, онъ долженъ былъ сдѣлать лучше. Горькое условіе великой славы! Тутъ нѣтъ почти ни одной искры тонкаго, глубокаго чувства, а предметъ такъ къ тому удобенъ. Какая тема: невинность, вступающая въ свѣтъ!“ Среди печатныхъ стихотвореній Жуковского есть нѣсколько написанныхъ на „выпуски“ 1821, 1824, 1826 и 1827 годовъ, но ни одного, относящагося къ 1823 году. Въ альбомѣ Жуковского, съ черновыми редакціями его стихотвореній 1822—3 годовъ, сохранилась прощальная пѣсня, написанная для воспитанницъ одного изъ институтовъ. (Нач.: „Ты, здѣшнихъ мѣстъ благотворящій геній“, сл. „Бумаги Жуковского“, стр. 90), 1 іюня 1823 г. Плетневъ сообщалъ Жуковскому, что въ институтѣ, по случаю праздника 25-лѣтія, его стихи были прочитаны, Государыня растрогана, и самъ Плетневъ невольно заплакалъ, дочитавшись до того мѣста, гдѣ Жуковскій упомянулъ о голосѣ „умолкнувшемъ, но нами не забытомъ“.

²⁾ Сл. „Русскій Архивъ“ 1900 г. № 2, стр. 189. Сл. его же письмо къ Жуковскому 27 августа 1823 г. *ibid.* стр. 191.

скому! Если онъ имъ не воспользуется, то дѣло кончено: знать, пламенникъ его погасъ" ¹⁾. Жуковскому не до того было: онъ узналъ объ этой смерти, когда у него на рукахъ былъ сумасшедшій Батюшковъ ²⁾. Но кн. Вяземскій настаиваетъ: „Неужели Жуковскій не воспоетъ Байрона? Какого же еще ждаты ему вдохновенія? Эта смерть, какъ солнце, должна ударить въ геній его окаменѣвшій и пробудить въ немъ спящіе звуки! Или дѣло конченное? Пусть же онъ просится въ камеръ-юнкеры или въ вице-губернаторы“ ³⁾.— „Жуковского я получилъ. Славный былъ покойникъ, дай Богъ ему царствіе небесное“ ⁴⁾.

Кромѣ „Пѣсни“ 1820 г. („Отнимаетъ наши радости“), приложенной къ собственному душевному настроенію, и „Шильонскаго узника“, Жуковскій ничего не взялъ изъ Байрона. Онъ побаивался его „яда“, какъ выразился кн. Вяземскій, не даромъ опасавшійся, что, переводя „Child Harold'a“, онъ начнетъ „дѣвствовать“. „Въ стихахъ Байрона находилъ я нѣкоторое сходство съ вами, писалъ Жуковскому Уваровъ (20 декабря 1814 г.), но онъ одушевленъ геніемъ зла, а вы геніемъ добра“ ⁵⁾. „Ты на солнцѣ европейскомъ . . . долженъ очень походить на Байрона, еще не раздраженнаго жизнью и людьми“ ⁶⁾, говорилъ кн. Вяземскій (15/27 марта 1821 г.), когда Жуковскій переводилъ „Шильонскаго узника“. Но „Шильонскій узникъ“ для Байрона поэма не показная. „Многія страницы его вѣчны“, писалъ Жуковскій Козлову (27 января 1833 г.), но и въ немъ есть что-то ужасающее, стѣсняющее душу. Онъ не принадлежитъ къ поэтамъ — утѣшителямъ жизни. Что такое истинная поэзія? Откровеніе божественное произошло отъ Бога къ человѣку и облагородило здѣшній свѣтъ, прибавивъ къ нему вѣчность. Откровеніе поэзіи происходитъ въ самомъ человѣкѣ и облагораживаетъ здѣшнюю жизнь въ здѣшнихъ ея предѣлахъ. Поэзія Байронова не выдержитъ этой повѣрки“, тогда какъ А. Н. Муравьевъ — „поэтъ въ благородномъ смыслѣ этого слова“. Главный источникъ байроновскаго негодованія — скептицизмъ, добавляетъ Жуковскій позднѣе („О меланхоліи въ жизни и поэзіи“, 1845 г.); „духъ высокій, могучій, но духъ отрицанія, гордости и презрѣнія . . . Но Байронъ сколь ни тревожитъ умъ, ни повергаетъ въ безнадежность

¹⁾ Ал. Тургеневу 26 мая 1824 г.

²⁾ Ал. Тургеневъ кн. Вяземскому 3 іюня 1824 г.

³⁾ Ал. Тургеневу 11 іюля 1824 г.

⁴⁾ Пушкинъ брату 1824 г. 13 іюня.

⁵⁾ „Русскій Архивъ“ 1871 г. № 2, стр. 1063—4.

⁶⁾ „Русскій Архивъ“ 1900 г. № 2, стр. 182.

сердце, ни волнуетъ чувственность, его геній все имѣетъ высокую необычайную (можетъ быть, отъ того еще и губительнѣе сила его поэзіи): мы чувствуемъ, что рука судьбы опрокинула созданіе благородное, и что онъ прямодушенъ въ своей всеобъемлющей ненависти—передъ нами титанъ Прометей, прикованный къ скалѣ Кавказа и гордо клянущій Зевеса, котораго коршунъ рветъ его внутренность“ („Слова поэта—дѣла поэта“, 1848 г.).

Въ этомъ полуопредѣленіи поэтъ взялъ верхъ надъ моралистомъ. Не надо забывать, однако, что за характеристикой Байрона слѣдуетъ другая, отмѣняющая ее: характеристика неназванного нѣмецкаго поэта, одареннаго, какъ никто, „чародѣйнымъ могуществомъ слова“, но „хулителя всякой святыни“, „свободнаго собирателя и провозгласителя всего низкаго, отвратительнаго и развратнаго“. Байронъ выигрывалъ въ этомъ содѣйствіи.

Для поэта—художника, усвояющаго на своемъ языкѣ другого поэта, выборъ переводовъ характеренъ: онъ рисуетъ человѣка. Если не Байронъ, то Шиллеръ и Гёте образовали Жуковского, какъ самъ онъ признавался Ал. Тургеневу ¹⁾. Повѣрка можетъ быть интересна. Изъ Шиллера переведено съ 1806 по 1833 г. 29 стихотвореній, не считая „Орлеанской Дѣвы“ ²⁾; изъ Гёте между 1809 и 1833 годамъ всего 13 со включеніемъ общаго предисловія къ „Двѣнадцати Спящимъ Дѣвамъ“ ³⁾. Шиллеръ, какъ сентименталистъ и идеалистъ, долженъ былъ прійтись по сердцу Жуковскому: въ молодости гимнъ „An die Freude“ подсказывалъ ему грёзы счастья, позже, когда настала другая чередъ, стихи

¹⁾ Письмо Ал. Тургенева къ брату Николаю 1824 г. 8 сентября изъ Лейпцига.

²⁾ Въ одномъ томѣ сочиненій Шиллера (Friedr. von Schiller, Sämmtliche Werke, X. B., 1-e Abth. Stuttg. und Tübingen, Cotta, 1814), нынѣ въ коллекціи А. О. Олѣгина, Жуковский набросалъ карандашомъ опыты переводовъ отдѣльных стиховъ, строфъ и выраженій. Иные изъ этихъ переводовъ явились въ печати („Графъ Габсбургскій“ 1818 г., „Торжество Побѣдителей“ 1828 г., „Кубокъ“, „Поликратовъ Перстенъ“, „Жалоба Цареры“, „Сраженіе со змѣей“ 1831 г.), другіе были затѣяны: напр. выборка изъ „Perlen und Räthsel“ Жуковский намѣревался переводить № 1 („Von Perlen baut sich eine Brücke“), 3 (у него помѣчено 2), 6 (у него 3), 8 (у него 4), 10 (у него 5, съ надписью: der Pflug), 11 (у него 6). Изъ помѣченныхъ переведены лишь №№ 1-й и 3-й. Начать переводъ „Promethi und Herculani“ („Что за чудо совершилось?“).—Въ бумагахъ Жуковского сохранилось начало переводовъ „Донъ Карлосъ“ и „Димитрія“ (сл., „Бумаги В. А. Жуковского“ стр. 80—1).

³⁾ Не отмѣчено въ 10 изданіи г. Ефремова, какъ переводъ: „Новая любовь“ („Neue Liebe—neues Leben“) и „Жалоба пастуха“ („Schäfer's Klage lied“).

Шиллера пошли ему навстрѣчу, и онъ переводилъ ихъ, передавалъ, а переводы Жуковского были нерѣдко переживаніемъ въ чужихъ образахъ и метрахъ его личныхъ ощущеній, отражали біографію его сердца. „Орлеанская Дѣва“ привлекла его своимъ религіозно-нравственнымъ пафосомъ; къ Шиллеру—философу онъ былъ равнодушенъ и подписался бы подь мнѣніемъ Гёте, что въ Шиллерѣ философъ нерѣдко портитъ поэта, но и юный шиллеровскій протестъ, его громы въ защиту притѣсненныхъ, отзвуки Sturm-und-Drang'a были не по немъ. Въ 1819 г., Вяземскій видѣлъ въ Варшавѣ „Вильгельма Телля“ и писалъ Ал. Тургеневу: „Обрѣзано, исковеркано, дурно играно, а слезы такъ изъ глазъ и брызжутъ, слезы восторга, слезы священные, изъ которыхъ одна стоитъ рѣки слезъ, пролитыхъ за какую-нибудь „Федру“ или „Ифигенію“. Вотъ Жуковскому стезя, его достойная: переводы нѣмецкій театръ и сорви съ нашей сцены безплодное дерево, пересаженное къ намъ съ французской“ (24 іюля 1819 г.).

„Моя богиня“ (1808—9)—первое стихотвореніе, написанное Жуковскимъ въ подражаніе Гёте. Разница настроеній замѣчательна: у Гёте она—богиня фантазіи, дѣйствительно дочь Зевса, вѣтрена, беззаботно порхающая; порхаетъ и короткій, вольный метръ; отъ всего стихотворенія вѣетъ земной жизнью и божественнымъ весельемъ. Жуковскій замедлилъ темпъ, уже одни постоянно дактилическія окончанія стиха настраиваютъ уныло. У Гёте Зевсъ любитъ своей вѣтреницей-шалуньей (hat seine Freude—An der Thörin), у Жуковского: „Ее величаетъ онъ Богиней-радостью“; ея превращенія безконечны: у Гёте она шествуетъ повелительницей со скипетромъ въ рукѣ, у Жуковского она „малиновкой носится“; порой, распустивъ волосы, отуманивъ взглядъ, она вѣетъ вѣтромъ вокругъ утесовъ („oder sie mag Mit fliegendem Haar Und düstern Blicke jm Winde sausen um Felsenwände“); у Жуковского получился оссіановскій образъ:

Кудри съ небрежностью
По вѣтру развѣявши,
Во взорѣ уныніе,
Тоской отуманена,
Глава наклоненная,
Сидитъ на крутой скалѣ
И смотритъ въ мечтаніи
На море пустынное, и т. д.

Въ болѣе позднихъ переложеніяхъ изъ Гёте, между кото-

рыми есть нѣсколько превосходныхъ, такой субъективной окраски меньше, но выборъ стихотвореній не показателенъ для Гёте и не свидѣтельствуетъ о сознательной оцѣнкѣ его поэзіи. Передъ нимъ Жуковский благоговѣлъ, но благоговѣніе не есть пониманіе; человѣкъ замѣчательно цѣльный въ своей односторонности, онъ старался разгадать тайну другой цѣльности, безконечной въ своемъ разнообразіи, но его надпись къ портрету Гёте (1819 г.) ¹⁾, перифразирующая четверостишіе Андрея Тургенева (1803 г.) ²⁾, отзывается общимъ мѣстомъ:

Свободу смѣлю принявъ себѣ въ законъ,
Всезрающей мыслию надъ міромъ онъ носился,
И въ мірѣ все постигнуть онъ
И ничему не покорился.

Онъ прислушивается къ слову Гёте, записываетъ его рѣчи, паломничаетъ къ нему, посѣщаетъ, по его смерти, мѣста, гдѣ онъ жилъ и писалъ, слушаетъ рассказы о немъ, приглядывается ко всѣмъ мелочамъ его обстановки, точно хочетъ вдуматься—и рисуетъ въ домѣ Гёте!... Въ этой чертѣ сквозить весь сентиментальный Жуковский. Онъ не могъ „постигнуть глубины Гёте“, писалъ Полевой ³⁾.

Въ 20-хъ годахъ, окруженный лучами европейской славы, Гёте царилъ въ Веймарѣ въ старческомъ величіи („полупокойникомъ“ зоветъ его Пушкинъ въ письмѣ къ Бестужеву 29 іюня 1824 г.). Далеко была за нимъ пора юношескихъ увлеченій, споровъ свободной индивидуальности и неугомоннаго сердца. Отъ всего этого онъ отказался, и его лозунгомъ становится теперь *Entsagung*, идеаломъ—гармоническое, всестороннее развитіе природныхъ наклонностей; надо образовать въ себѣ человѣка раньше, чѣмъ гражданина. Въ этомъ требованіи народность исчезаетъ передъ понятіемъ человѣчности,—оттого такъ вялъ его патріотизмъ; нарушение гармоніи тяжелѣе нарушенія правъ, отсюда отрицательное отношеніе къ революціи—и къ безпорядку, безформенности романтиковъ. Просвѣтители Вильгельма Мейстера—гармонически совершенные и совершенствующіеся люди, стоящіе поверхъ общества, которое они желаютъ обновить: культурный абсолютизмъ въ новой обстановкѣ. Передъ такими руководи-

¹⁾ Пушкинъ находилъ, что эта надпись „прелесть“. Сл. его письмо къ Жуковскому, май—іюнь, 1825 г.

²⁾ Сл. выше стр. 53.

³⁾ „Очерки“, Спб. 1839 г., I, стр. 112.

телями можно поступиться и свободой; Тассо говорить Альфонсу, то-есть Гёте Карлу Августу:

Der Mensch ist nicht geboren frei zu sein,
Und für den Edlen ist kein schöneres Glück,
Als einem Fürsten, den er ehrt, zu dienen.

„Титаны“ поры бури и натиска забыты для Зевса:

Gross beginnet ihr, Titanen, aber leiten
In dem ewig guten, ewig schönen
Ist der Götter Werk, die lässt gewähren.

(„Pandora“).

Когда-то и Гёте бѣсновался съ толпой демонически-геніальныхъ юношей, теперь онъ съ мудрыми, божественно-благими:

Du hast getollt zu deiner Zeit mit wilden
Dämonisch-genialen jungen Schaaren,
Dann sachte schlossest du von Jahr zu Jahren
Dich näher an die Weisen, göttlich milden.

(„West-östlicher Divan“, V).

Такое міросозерцаніе опредѣляетъ и отношеніе къ религіозному вопросу: Гёте перешелъ отъ пантеизма къ христіанству („Wilhelm Meister's Wanderjahre“), даже къ конфессіонализму (заключеніе „Фауста“), и въ „Парии“ (начатомъ въ 1821 году) возвеличенъ не суровый подвигъ покаянія, отвоевывающій спасеніе, а молитва страдальца къ всевѣдущему Брамѣ.

Въ старческой программѣ Гёте Жуковский нашелъ бы многое, отвѣчавшее его собственной, неизмѣнно, послѣдовательно пережитой; у Гёте она явилась въ результатъ долгаго жизненнаго, художественнаго и философскаго опыта, отъ демоническаго геніальничанья его молодой поры до успокоенія въ антикѣ и гармонической человѣчности. Рисунокъ былъ одинъ, но освѣщеніе, „душа“, исторія души—другія.

Веймаръ сталъ центромъ литературныхъ и любительскихъ паломничествъ. Рано стали являться и русскіе. Яковлевъ, съ 1810 года русскій посланникъ въ Кассель, познакомился съ Гёте въ 1807: Гёте подарилъ ему кусокъ халцедона, а Яковлевъ заказалъ Morelli вырѣзать на немъ силуэтъ поэта, оттиски кото-

раго и послалъ ему въ даръ ¹⁾. Уваровъ, бывшій въ перепискѣ съ Гёте, поклонялся издали „послѣднему вѣнцу Германіи“ (die letzte Krone Deutschlands) и просилъ позволенія насладиться свиданіемъ съ нимъ, принесть дань удивленія ²⁾. Въ 1814 году видѣлъ его у великой княгини Маріи Павловны А. С. Шишкова ³⁾; въ 1818 г. посѣтилъ его домъ Блудовъ; Вигель, бывшій съ нимъ, отказался отъ осмотра: „такая набожность къ знаменитости, въ моемъ мнѣніи не столь высокой, еще живой, чужеземной, показалась мнѣ непонятною и неумѣренною“ ⁴⁾.

Были посѣщенія и другого рода. Однажды явилось двое русскихъ; es waren im ganzen recht hübsche Leute, рассказывалъ Гёте Эккерману (19 апрѣля 1830 г.), но одинъ изъ нихъ велъ себя не особенно любезно (nicht eben liebenswürdig): сдѣлавъ при входѣ молчаливый поклонъ, онъ просидѣлъ съ полчаса, не раскрывши рта и все время уставившись на Гёте. Тому это наконецъ надоѣло, и онъ сталъ молотъ всякій вздоръ, говорилъ о Соединенныхъ Штатахъ, о томъ, что на умъ взбрѣдетъ. Его слушателямъ это, должно быть, понравилось, потому что, видимо, они остались довольны (sie verliessen mich dem Anscheine nach durchaus nicht unzufrieden).

Въ 1821 году прибыла въ Веймаръ великая княгиня Александра Федоровна съ августѣйшимъ супругомъ и посѣтила Гёте, что онъ и отмѣтилъ въ своихъ Tag-und - Jahresheften. Въ свитѣ великой княгини находился и Жуковский. На этотъ разъ его свиданіе съ Гёте было мимолетное: „отъ спѣху не могъ пробыть въ Веймарѣ болѣе одного дня, писалъ онъ великой княгинѣ 1 ноября 1821 года; тамъ имѣлъ счастье представиться Ея Императорскому Высочеству великой княгинѣ Маріи Павловнѣ, которая приняла меня съ очаровательною милостію, и ея же милости обязанъ я свиданіемъ съ Гёте; онъ находился въ Іенѣ, и чтобъ я имѣлъ время къ нему съѣздить, Ея Высочеству угодно было прислать мнѣ коляску, и я въ тотъ же день видѣлъ поэта. Но свиданіе съ нимъ было похоже на плаваніе мое по Рейну; оно было туманно, хотя онъ принялъ меня съ ласкою“ ⁵⁾. Въ

¹⁾ См. письмо Гёте 3 января 1811 года въ веймарскомъ изданіи его сочиненій, IV Abth. 22 B., стр. 4, № 6091, и стр. 405—6.

²⁾ „Russische Revue“ XXVIII B. 1888 г.: G. Schmid, „Goethe und Uwarow und ihr Briefwechsel“, стр. 149; письмо 1812 г.

³⁾ „Записки, мнѣнія и переписка адмирала А. С. Шишкова, Berlin, 1870 г., стр. 303.

⁴⁾ Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля, ч. V, стр. 104.

⁵⁾ Сл. „Русская Старина“ 1902 г. № 5, стр. 357.

дневникъ Жуковскаго подъ 29-мъ октября помѣчено: „хлопоты о Гёте... Гёте: французскій языкъ; столъ; планъ Рима; бюсты; шкафъ съ минералами; о Märchen; Alles ist Wahrheit, Wahrheit und Dichtung“; подъ 30-мъ того же мѣсяца: „домъ бѣдный Шиллера; домъ Гёте“ ¹⁾.

„Вы, вѣроятно, почувствовали при отъѣздѣ изъ Іены, какъ мнѣ было больно, что вы не продлили вашего пребыванія,— писалъ Гёте Жуковскому. Когда неожиданно явившійся, быстро овладѣвшій вашей дружбой человекъ столь же быстро удаляется, вы начинаете раздумывать, что бы вы могли ему сказать, о чемъ спросить, что ему сообщить. Не стану говорить, что все это я ощутилъ вдвое и втрое, когда вы и вашъ милый спутникъ покинули меня ночью въ моей кельѣ (Einsiedelei); пока примите мое письмо, какъ повтореніе моего „добро пожаловать“ и „прости“. Я желалъ бы, чтобы вы сохранили память обо мнѣ и при случаѣ рекомендовали меня благоволенію и милости прекрасной принцессы, прелестный образъ которой у меня ежедневно передъ глазами. Олицетвореніе высокаго дарованія въ соединеніи съ небесной добротой и кротостью, она производитъ на меня самое благотворное вліяніе. Не пишу болѣе, дабы настоящее письмо мое быстрѣе дошло до васъ при посредствѣ путешественниковъ, которымъ желаю всякаго счастья въ далекомъ пути“ (16 ноября н. ст. 1821 г. Сл. Tagebücher подъ 15 ноября).

О другомъ посѣщеніи Веймара „высокими путешественниками“ говоритъ слѣдующее стихотвореніе Гёте:

Ihro Kaiserlichen Hoheit Grossfürstin Alexandra.

Der Frühling grünte zeitig, blühte froh,
Narciss' und Tulpe, dann die Rose so;
Auch Früchte reiften mit gedrängtem Segen
Der nah und nähern Sonnengluth entgegen;
Sie zierten wechselnd längst ersehnte Zeit
Und schmeichelten der tiefsten Einsamkeit.
Da stellte sich dem Hoherstaunten dar
Ein hehrer Fürst und Jugend Paar um Paar,
So gut als lieb, ehrwürdig und erfreulich;
Der innre Sinn bewahret sie getreulich,

¹⁾ Goethe's Tagebücher 1821 года 29 октября: „Gegen Abend Herr von Joukowsky aus Petersburg mit Herrn von Struve; empfohlen von Graf Brühl und von Boisserée's“.

In Frühling-, Sommer-, Herbst-und-Wintertagen
Die holden Bilder auf- und abzutragen;
So kann er dann, bei solcher Sterne Schein,
Auch wenn er wollte, niemals einsam sein.

Жуковский отвѣчалъ на письмо Гёте изъ Петербурга 25 февраля 1822: для него письмо было неожиданною радостью, такъ же какъ и драгоценный подарокъ (?), его сопровождавший. Онъ читаетъ, и у него навертываются слезы. „То, что вы съ такой добротой говорите о нашемъ свиданіи, чувствовалъ и я и въ вашемъ присутствіи, и разставаясь съ вами. Это страстно желаемое и ожидаемое свиданіе длилось одну минуту, но минута эта была богата живыми ощущеніями; я ничего не могъ сказать вамъ потому только, что слишкомъ много хотѣлось сказать, но я васъ видѣлъ, и лучшіе дни моего прошлаго точно пронеслись предо мною вновь (*votre présence a été pour moi comme une récapitulation rapide des plus beaux temps de mon passé*). И много милыхъ тѣней встало („und manche liebe Schatten steigen auf“ гётевскій стихъ, по-нѣмецки во французскомъ текстѣ письма)... Примите же, дорогой великій человѣкъ, благодарность мою за это прошлое, такъ часто украшавшееся вліяніемъ вашего генія и за то мгновенье, въ которое я ощущалъ ваше благотворное присутствіе, и которое вы довершили такимъ дружескимъ, отеческимъ рукопожатіемъ, и за трогательное письмо съ *wiederholtes Willkommen und Lebewohl*, которое свято сохранится, какъ священный даръ дорогой руки“. Жуковский показалъ письмо Гёте великой княгинѣ; она была глубоко тронута; „эта душа чистая, простая, глубоко чувствительная, можетъ быть понята вашей душой. Ей было хорошо съ вами, она сама это говорить, а въ васъ она должна была оставить милое впечатлѣніе, какъ явленіе друга, въ которомъ соединено все великое, и это великое не что иное, какъ природная чистота и невинная простота ребенка. *Tel est le caractère de cette chère princesse*“.

„Гёте, казалось, было пріятно, что Жуковский познакомилъ русскихъ съ нѣкоторыми его мелкими стихотвореніями“, записалъ въ 1820 году Кюхельбекеръ послѣ краткаго свиданія съ „безсмертнымъ“, которому привезъ поклонъ отъ Клингера 1).

1) Письмо изъ Веймара 10/22 ноября въ „Мнемозинѣ“ 1824 г., ч. I, стр. 89. Сл. Goethe's Tagebücher 1820 г., 22 ноября: „Junger Petersburger von Küchelbecker in Gefolg des Fürsten Narischkin“. Сл. отмѣтку подъ 23 и 27 ноября: „der Junge Herr von Küchelbecker einen in Adular geschnittenen Jünglingskopf vorzeigend“.

Нѣкоторыя стихотворенія Жуковскаго Гёте прочелъ позже въ англійскомъ переводѣ. „Г-нъ Боурингъ подарилъ мнѣ русскую антологию, писалъ Гёте, и это заставило меня ближе ознакомиться съ отдаленными восточными твореніями, которыя разнѣются отъ насъ малоизвѣстный языкъ. Такимъ образомъ не только возымѣли для меня значеніе нѣкоторыя славныя имена, но я могъ ближе узнать человѣка, съ которымъ давно сроднился въ любви и пріязни,—г-на Жуковскаго: онъ любезно почтилъ меня милыми стихотвореніями, и теперь я получилъ возможность полюбить и оцѣнить его въ болѣе широкихъ границахъ его творчества“ („Kunst und Alterthum“).

Едва ли антологія Боуринга ¹⁾, изъ которой и Байронъ узналъ о Жуковскомъ, „русскомъ соловьѣ“, дала Гёте понятіе какъ о поэтѣ его пріятеля, такъ и о „достоинствахъ“ нашихъ стихотворцевъ, какъ писалъ онъ въ послѣдствіи Борхардту, прибавляя, что и „по многимъ другимъ признакамъ“ (?) можно „предположить высокое эстетическое образованіе въ области русскаго языка“. Въ первой части своей Антологіи, Боурингъ перевелъ изъ Жуковскаго „Пловца“ („The mariner“), „Эолову арфу“, „Весеннее чувство“ („Song“) — и „Тоску по миломъ“ („Romance“; нач. Gather'd yon dark forest over—Lo the gloomy clouds are spread), которую Жуковскій въ свою очередь перевелъ изъ Шиллера („Пикколомини“, III ч.); во второй части помѣщены „Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ“, „Свѣтлана“ (Catherine: имя это замѣнило Свѣтлаву ради рѣимы), „Теонъ и Эсхинъ“ и „Пѣвецъ“ („The bard“) ²⁾. Съ „Пловцомъ“ переводчикъ не справился, потому что не могъ знать біографической подкладки стихотворенія ³⁾, да и стилистическая вольность Жуковскаго сбила его съ толку. У Жуков-

Въ Tag-und-Jahresheften 1820 г. записано: „D-r Küchelbecker von Petersburg, von Quandt und Gemahlin, von Arnim und Mahler Ruhl brachten durch die interessantesten Unterhaltungen grosse Mannichfaltigkeit in unsere geselligen Tage“. — Кюхельбекеръ былъ секретаремъ при Александрѣ Львовичѣ Нарышкинѣ, „съ коимъ онъ былъ въ Парижѣ, гдѣ началъ читать въ Атенѣ лекціи на французскомъ языкѣ о русской словесности. За либерализмъ въ его чтеніяхъ Нарышкинъ принужденъ былъ покинуть его“ (Плетневъ въ „Перепискѣ Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ“, III, 409).

¹⁾ „Россійская антологія. Specimens of the russian poets with preliminary remarks and biographical notices, transl. by John Bowring“. London, 1821 и 1823 г. 2 т.;

²⁾ Въ предисловіи къ I-й части стр. IX и въ коротенькой біографической замѣткѣ о Жуковскомъ на стр. 235 упоминаются „Людмила“, „Марыина рошча“ (Marina roshcha—Mary's Goat?), „Моя богиня“ изъ Гёте и „Двѣнадцать Спящихъ Дѣвъ“.

³⁾ См. выше стр. 120 слѣд.

скаго пловца, испытывающаго бурю (т.-е. самого Жуковскаго), Провидѣніе заносить къ райской обители (у Боуринга: on Eden's land), гдѣ онъ видитъ трехъ ангеловъ (Ек. Аѳ. Протасову и двухъ ея дочерей). Передъ ними онъ въ восхищеніи, хотѣлъ бы ими жить, для нихъ дышать, пусть имъ радость, ему страданье, „но . . . не дай ихъ пережить“! Боуринга смутилъ первый стихъ 4-ой строфы: „О, спаситель-Провидѣнье“ (сл. „Пустынникъ“, изъ Гольдсмита: двѣ—прелесть); подъ спасителемъ онъ и уразумѣлъ Христа; къ Нему, оказывается, обращены восторги и поклоненіе поэта въ 4-й и 5-й строфахъ, передѣланныхъ до неузнаваемости.

Отголоскомъ перваго знакомства Жуковскаго съ Гёте былъ портретъ послѣдняго, посланный имъ Дмитріеву: „Я видѣлъ Гёте и могу поручиться вамъ за совершенное сходство портрета съ оригиналомъ“, писалъ онъ, вспоминая, что стихи Дмитріева: „Размышленіе по случаю грома“, переведенные изъ Гёте, были первые, выученные Жуковскимъ наизусть въ русскомъ классѣ, и что первые стихи, написанные имъ безъ соблюденія стопъ, были ихъ подражаніемъ (11 февраля 1823 г.).

Лишь черезъ нѣсколько лѣтъ удалось Жуковскому побесѣдовать съ Гёте. Съ весны 1826 г. по октябрь 1827 г. онъ снова былъ за границей, чтобы поправить свое здоровье и приготовиться къ возложенной на него должности: быть наставникомъ наслѣдника престола. Первымъ продолжительнымъ этапомъ былъ для него Дрезденъ (съ 11 сентября н. ст. 1826 г. по 14 / 26 апрѣля 1827 г.), куда незадолго до него (31 августа) явился и Ал. Тургеневъ съ душевно-больнымъ братомъ Сергѣемъ ²⁾. „Я пріѣхалъ въ Дрезденъ, гдѣ нашелъ свою родину, ибо живу вмѣстѣ съ Тургеневыми, писалъ Жуковский Козлову. Мы ведемъ вмѣстѣ прекрасный образъ жизни, сколько возможно при болѣзни.... Я въ Дрезденъ перевезъ съ собою свою петербургскую комнату. Никуда не хожу и никого не вижу, ибо некогда. Надобно работать для Петербурга, и я намѣренъ вполнѣ воспользоваться здѣшней совершенною свободою, дабы въ Петербургѣ было мнѣ легче“ (28 сентября, 1826 г.). Онъ трудится надъ планомъ ученія, составляетъ историческія программы, имѣющія для него „всю прелесть его прежнихъ поэтическихъ работъ“ ³⁾. Мнѣ не только на-

1) См. напр. начало послѣдней строфы: „Неиспытанная радость — ими жить, для нихъ дышать“: „O, unutterable joy! In Thy light to breathe, to be“ и т. д.

2) Даты указаны дневникомъ Ал. Тургенева.

3) Къ Государыни 2/14 октября 1826 г.

добно учить, но и самому учиться, пишет онъ Елагиной (7 / 19 февраля 1827 г.), ни минуты нельзя употребить на что-нибудь другое“. Съ этой стороны болѣзнь для него благодѣяніе: она дала ему шесть мѣсяцевъ свободы и уединенія, чтобы посвятить свои мысли одной, главной, царствующей. „Могу сказать, что настоящая, положительная моя дѣятельность считается только съ той минуты, въ которую я вошелъ въ тотъ кругъ, въ которомъ теперь заключенъ. Прежде моя жизнь была dans le vague. Теперь я знаю, къ чему ведетъ она. Поэзія мною не покинута, хотя я и пересталъ писать стихи, хотя мои занятія и могутъ со стороны показаться механическими. Есть въ душѣ какая-то полнота, которая животворитъ ее. Я могъ бы назвать себя счастливымъ (ибо никакого положенія въ свѣтѣ не предпочту моему теперешнему и нахожу его достойнымъ меня), но для счастья нужно не одно свое; но и счастію я давно далъ другое имя. Я называю его *должность*. Подъ этимъ именемъ оно всегда сильно противъ судьбы“ ¹⁾.

Утро отдано работѣ, трудъ прерывается прогулкой, послѣ обѣда читаетъ Ал. Тургеневъ, Сергѣй Тургеневъ и Жуковский слушаютъ ²⁾. Затѣмъ Жуковский начинаетъ показываться въ обществѣ; его дрезденскій дневникъ извѣстенъ пока лишь въ отрывкахъ, кое-что досказываютъ его письма, дневникъ Ал. Тургенева и его письма къ брату Николаю; сохранился и собственноручный списокъ лицъ, съ которыми Жуковский водилъ знакомство: русскіе и нѣмцы, въ числѣ послѣднихъ старые знакомые: Тикъ и Фридрихъ ³⁾; затѣмъ Карусъ, лейбъ-медикъ саксонскаго короля, поклонникъ Гёте и также живописецъ, воспитавшійся подъ вліяніемъ Фридриха; проф. Гассе, пасторъ Аммонъ и др. Но на первомъ мѣстѣ красуются: „M-me de Rescke, Тидге“ ⁴⁾—поэтъ и поэтесса душевно-сентиментальнаго и морализующаго строенія, доживавшіе свой вѣкъ въ пору подъема романтизма.

Елизавета von der Rescke (род. 1756 г.), урожденная имперская графиня von Medem, сводная сестра герцогини курляндской Доротеи, выступила въ литературѣ уже въ 1780 г. съ „Geistliche Lieder einer vornehmen kurländischen Dame mit Melodien von Hiller“. Рано разведясь съ мужемъ, она предприняла въ 1784 г.

¹⁾ Зейдлицъ, I. с., стр. 141—2.

²⁾ Ал. Тургеневъ брату Николаю 17 октября 1826 г. Въ ноябрѣ они читали вмѣстѣ статью изъ „Kleine Schriften“ Бутервека, I: „Die grossen Nationen unserer Zeit. Noch ein Fragment zur Philosophie der Weltgeschichte“ (изъ дневника Ал. Тургенева).

³⁾ Сл. выше стр. 224 слѣд.

⁴⁾ Дневники В. А. Жуковскаго, изд. И. А. Бычкова, стр. 192, прим. 2.

путешествіе съ своей пріятельницей Софіей Беккеръ (въ заму-
жествѣ Шварцъ), такой же поэтессой, какъ она, и свела мно-
жество литературныхъ знакомствъ; она развѣзжаетъ, чтобы по-
видать ученыхъ мужей Германіи и принимать ихъ у себя, шу-
тила мать Гёте. Сохранился альбомъ графини, на складныхъ
стѣнкахъ котораго знаменитости оставили свои имена и поже-
ланія, между прочимъ, Глеймъ, Гердеръ, Гёте („Zur Erinnerung
des 13 Juli 1785“), Клопштокъ, Moses Mendelssohn. На гармоніи
„душъ“ построилась платоническая amitié amoureuse Елизы и
и Тидге (род. 1752 г.), они странствовали по нѣмецкимъ Kurort'амъ
и въ Италіи, Тидге и жилъ у графини въ Берлинѣ и теперь на
покоѣ въ Дрезденѣ. Они мечтали, думали и работали вмѣстѣ;
она была когда-то видной, тихой красавицей, онъ, ея обиженный
природой, безстрастный Петрарка, счастливъ безконечно уже
тѣмъ, что обрѣтается „въ небесной святынѣ ея присутствія“, и
начинаетъ свое письмо къ ней (1 января 1825 г.) стихами изъ
„Тассо“ Гёте:

Wer neben diese Frau sich wagen darf,
Verdient für diese Kühnheit schon den Kranz.

Въ этомъ старосвѣтскомъ салонѣ, гдѣ царила дружба, и
милая воспоминанія вызывали слезы, бывали Ал. Тургеневъ и
Жуковский; оба они смолоду сентименталисты, но теперь ихъ
чувствительность приподнята: тревожитъ судьба Николая Тур-
генева, заподозрѣннаго въ событіяхъ 1825 года и принужденнаго
скитаться за границей, на рукахъ больной Сергѣй Тургеневъ, и
еще не пережита смерть Карамзина.

Жуковскаго и Тургенева она страшно поразила. Въ іюлѣ
1826 года Жуковский писалъ Карамзиной подъ впечатлѣніемъ
недавней утраты ¹⁾, въ концѣ года писалъ къ ней снова въ
отвѣтъ на ея недошедшее до насъ письмо. „Благодарю за письмо
душевно. Вы въ немъ прислали мнѣ себя. Если бы что-нибудь
могло увеличить мое къ вамъ уваженіе, то, конечно, это письмо,
въ которомъ такъ сильно выражается и наше великое несчастье
и высокость души, которая способна его чувствовать и въ то же
время быть съ нимъ *наравнѣ*, сносить его съ достоинствомъ и
и въ немъ же самымъ нѣкоторымъ образомъ находить свое
подкрѣпленіе. *Любовь къ мертвому*; въ этихъ словахъ вся ваша
остальная жизнь. Безъ счастья, но съ благотворнымъ свя-
тымъ воспоминаніемъ, которое не замѣнитъ счастья, но даетъ

¹⁾ Соч. Жуковскаго, 7-е изд. Ефремова, т. VI, стр. 510 слѣд.

особенное величіе жизни. C'est notre second rédempteur, à nous propre, говорите вы. Tout le sublime de la douleur et de la vertu est dans cette expression. Въ этихъ словахъ выражается вся его прошедшая жизнь и вся ваша будущая. On a raison de dire que les grandes idées viennent du coeur, on peut ajouter: du coeur frappé par une grande perte et qui pour se soutenir doit absolument s'élever et quitter l'ordre des choses communes, où il se trouvait si tranquillement insouciant, bercé par son bonheur. Съ такимъ воспоминаніемъ, какое вы имѣте, съ такимъ сокровищемъ, которое не многимъ достается въ свѣтѣ, не могу представить себѣ, чтобы вы могли чувствовать совершенное *одиночество*. Кому же вѣрить невозможности разлуки, если не вамъ? Прекрасная жизнь, которой вы были свидѣтелемъ, есть самое ясное убѣжденіе, что она не миновалась. У васъ въ сердцѣ должны быть умилительныя надежды, успокаивающая вѣра; все это *наполняетъ* жизнь, и душа имѣетъ всегда свою пищу. Прощедшее не исчезло; милое изъ присутственнаго сдѣлалось невидимымъ, но зато и не подверженнымъ измѣненіямъ; жертва принесена, но этой жертвой куплена высокая мысль, что уже не будетъ измѣненія для того, что теперь вѣчно остается нашимъ. Съ такой вѣрой можно жить, ви въ комъ такая вѣра не можетъ быть такъ тверда и ясна, какъ въ васъ. Великое счастье, что я нашелъ здѣсь Александра и Сергѣя. Наше вмѣстѣ стоитъ десяти докторовъ".—Приписка 12 января (1827 г., 31 декабря 1826 г.): „Мечтательное въ жизни миновалось. Многаго, что было самое драгоценное, нѣтъ уже въ ней, она не потеряла своей цѣны отъ этого, ибо никогда не должна потерять ее, но потеряла много прелести, мѣсто которой заступитъ строгая дѣятельность. Завтра новый годъ, вы встрѣтите его со слезами и съ молитвою къ нашему доброму генію, который невидимъ, но насъ не покинулъ. Прекрасная жизнь его у насъ въ душѣ. Благодарность ему за эту прекрасную жизнь никогда въ ней не изгладится. Завтра вы вѣрно вспомните о насъ. Мы принадлежимъ къ семейству Карамзина, и теперь мы все его семейство; хотя его съ нами нѣтъ, но онъ въ насъ попрежнему. За него ничего временнаго уже бояться нельзя, объ немъ только можно думать съ чистымъ, высокимъ чувствомъ, въ которомъ уже не можетъ быть измѣненія! Для насъ есть и случай и несчастія, для него—одно неизмѣнное, благодарное воспоминаніе" ¹⁾.

¹⁾ Письмо это внесено Ал. Ив. Тургеневымъ въ его дневникъ 1826—1827 года, откуда и сообщается. Въ тотъ же дневникъ, послѣ отмѣтки, что

Таково было настроеніе друзей.

Въ кружкѣ графини можно было отвести душу: здѣсь вѣяло лаской и стариной. „Третьяго дня былъ у графини Рекъ, гдѣ видѣлъ и Тидге, пишетъ Ал. Тургеневъ въ дневникѣ подъ 9 декабря 1826 г. Добрая, умная и любезная старушка, живущая воспоминаніями о прежнихъ друзьяхъ—и бесѣдою съ немногими оставшимися, вѣрными спутниками въ жизни—и цѣлительнымъ водамъ. Изъявила радушіе при свиданіи со мною, говорила о поэзій, о законодательствѣ, о Шекспирѣ и Шиллерѣ, о нѣмецкой философіи и о вліяніи оной на всѣ явленія въ словесности и даже въ гражданскомъ быту народа“. 19 декабря бесѣда шла между прочимъ о религіозныхъ вопросахъ: о іезуитахъ и проискахъ католиковъ, о M-me Krüdener, о Сократѣ и Христѣ, „о Неандерѣ, который совѣтовалъ не читать философіи и держаться только Мендельсона и Гарве“. „Пѣли элегію Тидге на смерть сестры нашей доброй Рекъ, герцогини курляндской, Der Ostermorgen, на которую Нейкомъ сочинилъ прекрасную музыку. Одна изъ дамъ, составлявшихъ хоръ, дочь Платнера, другая внучка его. И въ стихахъ Тидге много поэзій и чувства... Кто-то пѣлъ: Der Erlkönig и другіе стихи Гёте: Wie kommt's, dass du so traurig bist? Мелодія отвѣчала содержанію этой меланхолической пѣсни“, —и Ал. Тургеневъ грустно раздумался о братѣ. „Послѣ музыки Тидге читалъ „Весну“ Клопштока, и высокое благочестіе поэта меня успокоило, возвысило духъ мой (примѣчательно, что въ старости Клопштокъ былъ совершеннѣйшій поэтъ лирическій, нежели въ молодости его; онъ же и въ 70 лѣтъ пѣлъ любовь его 13-лѣтняго возраста съ чувствомъ первой любви). Потомъ прочелъ онъ и свою пьесу, одну изъ лучшихъ: сраженіе при Кунерсдорфѣ, элегія“ 1).

Тургеневъ выѣзжаетъ сегодня утромъ 27 августа изъ Францбюна, внесено письмо Ж(уковского) о К(арамзинѣ), обращенное къ Государынѣ по поводу смерти Карамзина. Это отрывокъ изъ письма Жуковского къ имп. Маріи Федоровнѣ, Эмсъ 14/26 іюня 1826 г. („Русскій Архивъ“ 1896 г., № 3, стр. 457 слѣд.), начиная со словъ: „Вы потеряли друга“ и до конца. Начало печатнаго письма („Немедленно по прибытіи моемъ на мѣсто моего назначенія“) напоминаетъ начало неизданнаго французскаго, обращеннаго на слѣдующій же день (15/27 іюня) къ имп. Александрѣ Федоровнѣ („Arrivé à ma destination je m'empresse de profiter“ и т. д.).

1) Разсказъ о посѣщеніи графини 19 декабря разбитъ въ дневникѣ на двѣ записи, въ третьей—выписки изъ „Ostermorgen“ и „Kunersdorf“. Въ письмѣ изъ Дрездена декабря 1826 г., напечатанномъ въ „Московскомъ Телеграфѣ“ 1827 г., ч. XIII, № 2, стр. 162 слѣд. (подпись Э. А. = Золова Арфа, арзамасское прозвище Ал. Тургенева), Тургеневъ обѣщалъ поговорить о графинѣ

29 декабря у графини „послѣ обѣда читаны нѣкоторыя пѣсни изъ шуточной поэмы Баггезена, послѣ смерти его изданной: *Der Sündenfall* въ 12 пѣсняхъ ¹⁾, гдѣ онъ осмѣиваетъ часто философію темную нѣмцевъ, особливо Фихте, и еще темнѣйшую терминологію ихъ. Рожденіе Евы забавно“.

Поклонникъ Клопштока, Виланда и особенно Фосса, Баггезенъ относился отрицательно къ новымъ теченіямъ нѣмецкой литературы, особенно къ романтикамъ и мистикамъ, которыхъ осмѣялъ въ „Альманахѣ“ 1810 года ²⁾, за что „какъ извѣстно, Арнимъ покаралъ его въ своей „*Gräfin Dolores*“, въ типѣ Waller'a.

Въ салонъ графини Жуковскій приносилъ знакомый намъ альбомъ, съ помѣтой на первомъ листѣ: 1820 г. 16/28 декабря. Берлинъ; къ четвертому приклеено, среди вѣтокъ засохшей *Ländlergras*, письмо великой княгини 22 іюня 1819 г., въ которомъ она дала Жуковскому тему для его „Цвѣта Завѣта“ — цвѣта воспоминаній ³⁾. 12 генваря 1827 г. Тидге внесъ въ этотъ альбомъ двустилие по адресу Жуковского, такого же „величателя женщины“, какъ онъ самъ:

Sie, die heilige Kunst, erhebet das Leben zur Wahrheit,
Was die Wirklichkeit nahm, giebt sie dem Leben zurück.

Rufe das Wort zuweilen mein Andenken zurück in das Herz meines edlen Frauenlobs. C. A. Tiedge, Dresden 12 Jan. 1827. Въ тотъ же день, на оборотѣ листа, къ которому приклеено письмо вел. княгини, графиня, очевидно ознакомившаяся съ его содержаніемъ, написала слѣдующее: „In Beziehung auf das Grashalm,

Рекъ и ея вечерахъ. „У нея живетъ поэтъ Тидге, который вчера прочелъ намъ двѣ первыя пѣсни своей Ураніи. Въ нихъ много прекрасныхъ стиховъ и высокихъ мыслей“.

¹⁾ „*Adam und Eva oder die Geschichte des Sündenfalls*. Ein humoristisches Epos in Gesängen 12“. Mit Vorwort von G. J. Göschen. Lpz. 1826. Больной Баггезенъ былъ въ Дрезденѣ въ сентябрѣ 1826 г. на пути въ Копенгагенъ, гдѣ и скончался 3 октября.

²⁾ „*Der Karfunkel oder Klingklingel-Almanach*. Ein Taschenbuch für vollendete Romantiker und angehende Mystiker. Auf das Jahr der Gnade 1810“. Tübingen, Cotta.

³⁾ Объ этомъ-то альбомѣ („вашъ альбомъ“) говорить, вѣроятно, Жуковскій въ черновомъ письмѣ къ вел. княгинѣ (Дрезденъ 4/16 іюня 1821 г.), первомъ изъ напечатанныхъ въ Щукинскомъ сборникѣ вып. I (1902 г.), стр. 66 слѣд., съ ошибочнымъ адресомъ: вел. кн. Николаю Павловичу. Сл. выше стр. 291 прим. 2. Письмо великой княгини непечатано мною въ моей замѣткѣ „Цвѣтъ Завѣта“, „Литературный Вѣстникъ“, т. V, 1903 г., кн. 3, стр. 299.

welches unsere erhabene Kaiserin Alexandra zur schönen Aufgabe eines Liedes für sie machte, wage ich es auf dem nähmlichen Blatte die Gefühle meines Herzens hinzuschreiben:

Der Friede, der bei Engeln wohnt,
Wird nie dem edlen Herzen fehlen!
Es giebt ein Reich hienieden, wo er thront—
Es ist das Reich der schönen Seelen.

Dresden den 12-ten Jan. 1827. Elise von der Recke, geborne Reichsgräfin von Medem“.

„Вчера проводили мы вечеръ у больного поэта Тидге, въ домѣ гр. Рекъ, и болтали о литературѣ старой и новѣйшей нѣмецкой, писалъ Ал. Тургеневъ брату Николаю (10 февраля 1827 г.). Тидге и гр. Рекъ многихъ или почти всѣхъ знатнѣйшихъ литераторовъ знали и прожили весь славный вѣкъ нѣмецкой словесности и сами въ немъ участвовали. Анекдоты ихъ о прежнихъ литераторахъ и авторахъ нѣмецкихъ любопытны. Они жили въ согласіи и въ дружбѣ и мало или рѣдко ругались въ журналахъ и брошюрахъ. Въ одномъ Веймарѣ гр. Рекъ нашла холодность и взаимную недовѣрчивость. Другихъ же славныхъ авторовъ Тидге называетъ братьями, подъ однимъ лавровымъ древомъ покоившимися“. Тидге рассказалъ анекдотъ о Баггезенѣ и прочелъ свои послѣдніе стихи къ другу:

Lasse dich von Unnatur
Neuer Singerer nicht stören!
Sing uns Wahrheit und Natur!
Wird durch dich *ein Herz* nur besser,
Heller *eine Seele* nur,
Blicke froh dann aufs Gewässer
Wo dein Lebensschifflein fuhr.

На другой день Тидге долженъ былъ прочесть у графини свою еще не напечатанную сатирическую поэму въ 4-хъ пѣсняхъ, „коихъ предметы: свѣтъ, литература, философія, деньги, словомъ все, что составляетъ жизнь и хлопоты человѣка въ свѣтѣ“.

Въ этомъ пріютѣ Жуковского любятъ. На стѣнѣ виситъ его гравированный портретъ, рядомъ съ портретомъ Тургенева; какъ-то разъ графиня замѣтила Тургеневу, что его профиль смотреть на портретъ Бёттихера, такого же полигистора, какъ и онъ, а профиль Жуковского—на Клопптока, и Тургеневъ особенно

радъ за сосѣдство друга ¹⁾. По дорогѣ изъ Дрездена Жуковскій читаетъ „profession de foi M-me de Recke“, можетъ быть, ея „Gebete und religiöse Betrachtungen“ (Berlin, 1826 г.), и нѣсколько полемизируетъ съ ней, между прочимъ, относительно значенія молитвы и обряда ²⁾.

За тихими дрезденскими днями послѣдовала сутолока Парижа, куда за Жуковскимъ направились и братья Тургеневы, и гдѣ Сергѣй Тургеневъ вскорѣ скончался. Это бросило печальную тѣнь на Парижское пребываніе. „Je passerai tout le mois de Juin à Paris, писалъ Жуковскій государынѣ, mais je sens que je ne profiterai pas autant de mon séjour, que je l'aurais pu faire avant notre malheur.... C'est une maladie de langueur, qui empêche de prendre aucun intérêt à ce qui vous entoure“, говоритъ онъ о себѣ. Кое-что и кое-кого онъ видѣлъ, понялъ и угадалъ Парижъ, вспоминалъ впослѣдствіи кн. Вяземскій, имѣвшій въ рукахъ его парижскій дневникъ ³⁾. Онъ знакомится съ городомъ, посѣщаетъ лекціи, палату депутатовъ, школу глухо-нѣмыхъ, интересуется сценами въ судѣ исправительной полиціи и записываетъ свои театральныя впечатлѣнія. Но его личное знакомство ограничено: Шатобріанъ, Ламартинъ и „другія видныя лица“ не могли привлечь Жуковского, замѣчаетъ князь Вяземскій: его кружокъ—кружокъ Гизо и его пріятельницы, графини Разумовской, дружески связанной съ Тургеневыми; набожный филантропъ Дежерандо; Гизо—человѣкъ мысли, убѣжденія и труда, не рябившій въ глаза блесками французскаго убранства. Онъ былъ серьезенъ, степененъ, протестантъ вѣроисповѣданіемъ и всѣмъ своимъ умственнымъ складомъ, человѣкъ „возвышенныхъ воззрѣній и стремленій, свѣтлой и строгой нравственности и религіозности. Среди суетливаго и лихорадочнаго Парижа онъ былъ такое лицо, на которомъ могло остановиться и успокоиться вниманіе путешественника, особенно такого, какимъ былъ Жуковскій“ ⁴⁾. Жуковскій былъ уже въ Эмсѣ, когда графиня Разумовская писала ему о христіанской кончинѣ М-me Гизо, которую Жуковскій оставилъ умирающей: она велѣла сказать Тургеневу и

¹⁾ Письмо къ Ник. Тургеневу 16 августа 1827 г.; сл. еще письма 9 и 31 августа.

²⁾ Сл. Дневники В. А. Жуковского, I. с., стр. 192—3 и прим. 3 на стр. 192.

³⁾ „Жуковскій въ Парижѣ 1827 г., май, іюнь“, сл. Полное собр. сочин. князя П. А. Вяземскаго, т. VII, стр. 470 слѣд., а также парижскія письма Ал. Тургенева къ брату Николаю.

⁴⁾ Князь Вяземскій, тамъ же, стр. 473.

Жуковскому, что желала бы видѣть ихъ здѣсь, что они для нея не иностранцы, а родныя, благородныя души. И графиня Разумовская прибавляетъ отъ себя: „Вы водворились здѣсь, какъ-будто составляете для нихъ важнѣйшее въ жизни, *Vous êtes transparent, bon Joukovsky: on vous aime vite et avec sécurité*“ ¹⁾.

2/14 іюля Жуковскій прибылъ въ Эмсъ, гдѣ и остался до 16/28 августа, чтобы выдержать курсъ леченія. Около 25 августа н. ст. Ал. Тургеневъ собирался выѣхать изъ Дрездена въ Лейпцигъ—„или въ Веймаръ навстрѣчу Жуковскому и юбилейно-празднику Гёте“ ²⁾, но поѣздка не состоялась. Поѣхалъ Жуков-

¹⁾ Письмо 5 августа 1827 г.; сл. ея же письмо 28 октября 1827 г.: „vous êtes pour moi un objet de culte et d'admiration“. См. кн. Васильчиковъ, „Семейство Разумовскихъ“, т. 2-й, стр. 210, 214.

²⁾ Разумѣется годовщина рожденія Гёте (28 августа). Въ 1831-мъ году А. И. Кошелевъ описалъ бывшее по этому поводу торжество. Сл. Н. Колупановъ, „Биографія А. И. Кошелева“, II, стр. 3—4. — Тургеневъ былъ у Гёте 16 марта 1826 г. проѣздомъ въ Россію, о чемъ и записалъ въ своемъ дневникѣ: „Былъ у Гёте. На порогѣ Salve. Издаетъ полныя сочиненія; сначала о занятіяхъ своихъ по натуральной исторіи: они нашли мѣня, не я набрелъ на нихъ“. Въ августѣ 1827 года Тургеневъ былъ снова въ Веймарѣ, но Гёте не видѣлъ, веймарскія достопримѣчательности показывалъ ему канцлеръ фонъ-Мюллеръ, выпросившій у него для Гёте автографъ Карамзина. „Гёте, кажется живетъ уже и теперь съ потомствомъ: о немъ говорятъ уже, какъ о воспоминаніи, съ почтеніемъ, которое питаютъ къ великому и вмѣстѣ давно минувшему. Показываютъ его жилище какъ святыню“ (Ал. Тургеневъ брату Николаю 7 августа 1827 г.). Въ дневникѣ Гёте отмѣчено подъ 6 августа: *russischer Staatsrath Tourgenjeff*; 8 августа, когда онъ уже уѣхалъ, Мюллеръ разказывалъ о немъ Гёте („*Goethes Unterhaltungen mit dem Kanzler Friedrich von Müller*“, hrsg. von Burckhardt, подъ 8 августа 1827 г.). Гёте „истинный представитель не одной только поэзіи нѣмецкой, но всей германской цивилизаціи, писалъ Тургеневъ въ генварѣ 1827 года. Онъ живое выраженіе всей ихъ интеллектуальной національности, болѣе чѣмъ Шекспиръ англійской, а Вольтеръ французской, ибо онъ выражаетъ нѣмцевъ и въ поэзіи, и въ учености, и въ чувствѣ, и въ философіи. дѣйствуетъ на нихъ и на всю европейскую литературу, служитъ вмѣстѣ и вѣрнымъ, всеобъемлющимъ зеркаломъ Германизма, коего онъ самъ есть созданіе. между тѣмъ какъ Шекспиръ создалъ вкусъ и народность англичанъ въ поэзіи, а Вольтеръ образовалъ вѣкъ свой и французовъ, а не ими образованъ“ („Московский Телеграфъ“ 1827 г. ч. XIII, № 4, стр. 341 слѣд.: Письма изъ Дрездена 3—9/12 — 21 января. Подпись Э. А. — Эолова Арфа). — О другомъ посѣщеніи Гёте писалъ Тургеневъ Жуковскому 3 сентября 1829 г.: „Въ Веймарѣ въ первый разъ въ жизни наслаждался бесѣдою съ Гёте за бутылкой вина и осыпавъ острымъ огнемъ Гёте-сатирика надъ философами берлинскими“ („Русская Старина“ 1903 г., августъ, стр. 440—1). Сл. письмо Жуковского къ проф. Моргенштерну 18 сентября 1829 года: „*J'ai reçu une lettre de Tourguéneff qui me parle aussi de Goethe avec lequel il a passé une heure délicieuse*“ („Русская Старина“ 1890 г., ноябрь, стр. 479—80; сообщ. Кордтомъ; сл. Е. В. Пѣтуховъ, „Памяти Н. В. Голя и В. А. Жуковского“. Юрьевъ, 1903 г., стр. 92—3).

скій, еще весь обвѣянный душевной атмосферой дрезденскаго салона и религіозно-элегическими воспоминаніями Парижа. Имъ вѣхалъ его будущій тестъ Рейтернъ, когда-то русскій гусаръ, извѣстный живописецъ, котораго въ 1816 году онъ видѣлъ мелькомъ въ Дерптѣ, гдѣ любовался его рисунками у профессора Зенфа и графини Юліи Мантейфель, но съ которымъ сошелся по душѣ лишь въ Эмсѣ 1826 года ¹⁾. Рейтернъ зналъ Гёте съ 1814 года, постоянно встрѣчалъ въ немъ любовное, отеческое отношеніе къ его работамъ и замысламъ, и эти отношенія поддерживались перепиской и посылкой рисунковъ. О своемъ 4-дневномъ пребываніи въ Веймарѣ въ 1827 г. Рейтернъ писалъ женѣ, а Жуковскій вносилъ въ дневникъ слѣдующія подробности: 31 августа н. ст. они посѣтили во Франкфуртѣ домъ Гёте: „гербъ, три лиры, дворъ, колодезь, мансарды, Гретхенъ“; подъ 1-мъ сентября отмѣчено чтеніе „Елены“ ²⁾, 3-го путешественники прибыли въ Веймаръ,—и Жуковскій очутился въ Гётевской атмосферѣ.—4-го сентября: „Къ Гёте. Крыльцо съ поворотомъ. Собака. Въ прихожей: Юпитеръ du Capitoile, Pallas de Velletri. Въ гостиной. Aldobrandini ³⁾, рисунки. Столъ съ портфелями. Голова Юноны колоссальная ⁴⁾. Баронъ Швейцеръ ⁵⁾, внукъ Вольфгангъ“ ⁶⁾. 5-го сентября: „поутру у графини Эглофштейнъ ⁷⁾... Внукъ Гётевъ у Рейтерна Вальтеръ. Къ Гёте: разговоръ о Рейтерновыхъ рисункахъ ⁸⁾. Въ музеумъ. Обѣдалъ въ трактирѣ. Миллеръ ⁹⁾. Швейцеръ. Послѣ обѣда опять къ Гёте ¹⁰⁾. Отъ него

¹⁾ Сл. письмо Жуковского къ роднымъ 10/22 августа 1840 г. („Русская Бесѣда“ 1859 г., кн. III, „Изящная Словесность“, стр. 18 слѣд.); Gerhard von Reutern, „Ein Lebensbild“, S.-Pb., 1894 г., стр. 48 слѣд.; сл. стр. 43, 137; дневникъ Жуковского 17 августа 1827 г. и слѣд.

²⁾ „Helene, klassisch-romantische Phantasmagorie. Zwischenspiel zu Faust“.

³⁾ Копія античной картины (Nozze Aldobrandini), сдѣланная въ 1797 г. Мейеромъ.

⁴⁾ Слѣпокъ Юноны Ludovisi, подаренный Гёте Шульцомъ.

⁵⁾ Саксенъ-веймарскій министръ.

⁶⁾ Внукъ Гёте.

⁷⁾ Графиня Генріетта Эглофштейнъ и ея дочь Юлія — хорошія знакомыя Гёте.

⁸⁾ Гёте высоко цѣнилъ ихъ. Сл. Tagebücher, 11-er Band (Weimar, 1900 г.), стр. 106; Eckermann, I. c., подъ 12 февраля 1829 г. и 1 апрѣля 1831 г.; Gerhard v. Reutern, I. c., стр. 51—2.

⁹⁾ Веймарскій канцлеръ Фридрихъ фонъ Мюллеръ. О его „Goethes Unterhaltungen“ сл. выше, стр. 319, прим. 2.

¹⁰⁾ Вотъ что записалъ канцлеръ фонъ Мюллеръ подъ 5-мъ сентября: „посѣщеніе Жуковского и Рейтерна привело Гёте въ такое расположеніе духа, что онъ былъ любезенъ и общителенъ, какъ никогда еще, много говорилъ

къ Юліи Эглофштейнъ“ 6-го сентября: „Къ Миллеру. Бумаги Гердера, Шиллера, Гёте и Якоби ¹⁾. *Lettres autographes...* къ Гёте. Разговоръ о Еленѣ, о Байронѣ. Гёте ставитъ его подлѣ Гомера и Шекспира ²⁾ *Die Sonne, die Sterne bleiben doch echt; es sind keine Copien*. Прогулка по саду Гёте; домъ, гдѣ сживалъ онъ, Шиллеръ, Виландъ, Якоби, Гердеръ. Рѣчка Ильмъ. Къ Гёте. Усталость и дѣятельность. Мы пробыли недолго. Эффектъ головы Юнониной“ ³⁾—7 сентября: „Чтеніе Гёте. Отъѣздъ. Въ полночь въ Лейпцигъ“.

„Въ полночь пріѣхалъ Жуковский, писалъ изъ Лейпцига Ал. Тургеневъ брату Николаю (8 сентября 1827 г.). Мы свидѣлись въ 6 часовъ, ибо онъ не хотѣлъ будить меня. Онъ зажился три дня въ Веймарѣ въ бесѣдѣ съ Гёте, отъ котораго и я получилъ милое слово черезъ канцлера Миллера, который писалъ ко мнѣ. Жуковский жалѣетъ, что меня не было съ нимъ у Гёте. Онъ былъ необыкновенно любезенъ и какъ отецъ съ нимъ. Жуковскому хотѣлось, чтобы я раздѣлилъ эти минуты съ нимъ ибо онъ говоритъ, что Гёте и Шиллеръ образовали его, а съ нами вмѣстѣ онъ росъ и мужался съ нами, Тургеневыми, и душевное и умственное образованіе получалъ съ нами, начиная съ брата Андрея; что только въ чужихъ краяхъ укрѣпилась душа его... и что здѣсь началось европейское его образованіе; и я жалѣю, что не былъ съ нимъ въ Веймарѣ, хотя и многого бы лишился, что пріобрѣлъ въ Лейпцигѣ. Но Гёте—незамѣнимъ... Вотъ стихи Жуковского, оставленные имъ въ Веймарѣ у Гёте“. Выписано извѣстное стихотвореніе:

Творецъ великихъ вдохновеній!

Я сохраню въ душѣ моей

объ искусствѣ и былъ доволенъ, когда Мюллеръ убѣдилъ гостей подольше остаться въ Веймарѣ. Я такъ распорядился своимъ временемъ, что для друзей его у меня хватить, сказалъ Гёте“.

¹⁾ Johann Georg Jakobi.

²⁾ Eckermann, I. c., подъ 26 марта 1826 г.; сл. отзывъ подъ 8 ноября того же года: „ihm (т.-е. Байрону) ist nichts im Wege als das Hypochondrische und Negative, und er wäre so gross wie Shakspeare und die Alten“; 5 июля 1827 г.: „Byron ist nicht antik und ist nicht romantisch, sondern er ist wie der gegenwärtige Tag selbst“.

³⁾ 6-го сентября они нашли Гёте не совсѣмъ здоровымъ и нѣсколько усталымъ. Разговоръ шелъ о людяхъ, воображающихъ себя знатоками, всегда готовыхъ признать въ оригиналѣ копію. Пусть ихъ себѣ: „Sonne, Mond und Sterne müssen sie uns doch lassen und können sie nicht zu Kopien machen“. Friedr. von Müller, I. c.

Очарованіе мгновеній,
Столь счастливыхъ въ близи твоей ¹⁾).

Въ полуночной странѣ Гёте былъ ему „животворителемъ жизни“, говоритъ Жуковский и сѣтуетъ:

Почто судьба мнѣ запретила
Тебя узрѣть въ моей веснѣ?
Тогда душа бы воспалила
Свой пламень на твоёмъ огнѣ.

„Иной чудесно-пышный свѣтъ“ созданъ бы вокругъ него, и самъ онъ прослылъ бы „поэтомъ“.

По мнѣнію фонъ Мюллера, отнесагося къ Жуковскому съ большой симпатіей ²⁾, Гёте принялъ слишкомъ равнодушно превосходное прощальное стихотвореніе Жуковского (herrliches Abschiedsgedicht ³⁾), хотя нашелъ въ немъ нѣчто восточное, глубокое, гіератическое (Priesterliches). Говоря о стихахъ баварскаго короля („Nachruf an Weimar“), онъ осуждалъ ихъ крайнюю субъективность: не слѣдуетъ поэту такъ трагично изображать

¹⁾ Это стихотвореніе напечатано впервые въ 1872 г. въ „Письмахъ Ал. Тургенева къ брату Николаю“. Интересно сличить первые стихи съ эпилогомъ „Ганса Кюхельгартена“ (написаннаго, какъ полагаютъ, въ 1827 г., но вышедшаго въ 1829 г.):

*Страна высокихъ помысленій...
Тебя обнявъ, какъ нѣкій геній,
Великій Гетте бережеть
И чуднымъ строемъ пѣснопѣй
Свѣваетъ облако заботъ.*

²⁾ Въ альбомѣ Жуковского онъ вписалъ слѣдующіе стихи, навѣянные гётевскимъ „Тассо“ I, 1. въ концѣ 6-ой реплики Леоноры („Die Stätte; die ein guter Mensch betrat“):

Wohl ist sie heilig, wie der Dichter lehret,
Die Stätte, die ein edler Mensch betrat!
Im unsichtbaren Geisterringe kehret
Sein Segen wieder, fruchtet früh und spat,
Weckt in der Enkel blühenden Geschlechtern
Den zarten Sinn des Schönen und des Rechten.

Wenige aber unvergessliche Stunden heiter-innigsten Zusammenseins werden Erinnerung und frommen Wunsch immerdar in meiner Seele erneuern. Friedrich von Müller, Weimar am 6 Sept. 1827.

³⁾ Стихотвореніе написано было рано утромъ въ день отъѣзда Жуковского и вручено Мюллеру для передачи Гёте.

прошедшее вмѣсто того, чтобы признать настоящее и наслаждаться имъ, убивать прошедшее ради возможности—воспѣть его; надо представлять его, какъ оно изображается въ Римскихъ элегіяхъ. „Потому-то, что люди не умѣютъ оживить, оцѣнить настоящаго, они и вожделѣютъ будущаго и кокетничаютъ съ прошлымъ. И Жуковскому надлежало бы болѣе обратиться къ объекту (mehr aufs Objekt).

Таковъ отзывъ Гёте, записанный Мюллеромъ въ день отъѣзда Жуковского (7 сентября). Въ одинъ изъ своихъ альбомовъ съ автографами (на футлярѣ: Berlin den 3 April 1821) Жуковский помѣстилъ гравюру съ портретной медали Гёте и нѣсколько листовъ, сорванныхъ въ его саду, съ припиской: 6 сентября 1827 г. Тутъ же вклеена страничка со стихами Гёте, очевидно вырѣзанная изъ какого-нибудь альбома. Стихи эти, напечатанные уже въ изданіи стихотвореній Гёте 1815—19 г., внесены имъ 28 декабря 1813 г. въ альбомъ Генриетты Леръ ¹⁾; въ листкѣ, попавшемъ къ Жуковскому, они подписаны: Weimar 18 März 1825. W. Goethe. Стихотвореніе, озаглавленное въ печати „Eigenthum“, — манифестъ великаго объективиста, умѣвшаго, какъ никто, пользоваться прекраснымъ настоящимъ. Можетъ быть, листокъ—подарокъ фонъ Мюллера; точно иллюстрація къ отзыву Гёте о Жуковскомъ, такъ внятно она подчеркиваетъ требованіе: mehr auf's Objekt:

Ich weiss, mir nichts angehört,
Als der Gedanke, der, ungestört
Aus meiner Seele will fliessen,
Und jeder günstige Augenblick,
Den mich ein liebendes Geschick
Von Grund aus lässt geniessen.

Жуковский и Рейтернъ подарили Гёте прекрасные рисунки ²⁾, Жуковский—картину Каруса. имѣвшую аллегорическое отношеніе къ смерти Байрона: романтическій ландшафтъ, на балконѣ арфа, освѣщенная лучами мѣсяца, за нею пустое кресло, на которое брошенъ богатыми складками плащъ. Надпись: „Offrande à celui dont la harpe a créé un monde de prodiges, qui a soulevé le voile mystérieux de la création, qui donne la vie au

¹⁾ Сл. „Goethes Gedichte“, веймарское изданіе, I, стр. 395, примѣч. къ стр. 103.

²⁾ Сл. Goethe's Tagebücher подъ 5 и 6 сентября. Сл. дневникъ Жуковского 17/29 августа 1833 г.: „рисунки Гёте Рейтерну“.

passé et prophetise l'avenir". Эту картину видѣли въ гостиниѣ Гёте еще въ 1829 г. ¹⁾ Къ тому же свиданію относится, вѣроятно, и подарокъ Гёте Жуковскому: каллиграфически переписанная такъ называемая маріенбадская элегія. („Was soll ich nun vom Wiedersehen hoffen“), внушенная 74-лѣтнему старику страстнымъ увлеченіемъ красавицей von Lewezow. На списокъ элегии собственноручно написанъ авторомъ эпиграфъ (помѣщаемый и въ заголовкѣ элегии):

Und wenn der Mensch in seiner Qual verstummt,
Gab mir ein Gott zu sagen, was ich leide ²⁾.

„Елена“, конченная около 29 января 1826 года, была еще новинкой, когда Жуковский читалъ ее, подъѣзжая къ Веймару. Понятно, что въ бесѣдахъ съ Гёте зашла рѣчь и объ этой символической фантазмагоріи („Разговоръ о Еленѣ“, записалъ Жуковский), и Гёте ее комментировалъ; въ дневникѣ Гёте (Tagebücher) подъ 6-мъ сентября читаемъ: „Herr von Reutern und Joukoffsky, commentierendes Gespräch über Helena“. Въ томъ же году въ XXI-мъ № „Московского Вѣстника“, органа московскихъ шеллингистовъ, Шевыревъ помѣстилъ стихотворный переводъ: „Отрывокъ изъ междудѣйствія къ Фаусту: Елена, сочиненіе Гёте“ (стр. 3 слѣд.), и объяснительную статью (стр. 79 слѣд.), въ которой Эвфоріонъ оказывается рожденнымъ „отъ сочетанія преобразенной красоты (Елена) съ великодушнымъ рыцарствомъ“ (Фаустъ), и вмѣстѣ съ тѣмъ символомъ „живой музыкальной поэзіи христіанскаго вѣка“, которая исчезаетъ, какъ Эвфоріонъ, потому что исчезли на землѣ и духовная красота и великодушное мужество. Борхардъ перевелъ эту статью и послалъ ее Гёте вмѣстѣ со своей замѣткой: Goethes Würdigung in Russland zur Würdigung von Russland“ ³⁾. Гёте выразилъ свое удивленіе, что на отдаленномъ востокѣ къ нему питаютъ „чувства столь же нѣжныя, сколько глубокія“. Далѣе онъ снисходитъ — снисхожденіе великана: разрѣшеніе Шевыревымъ проблемъ, узла проблемъ,

¹⁾ См. письмо Шевырева къ А. П. Елагинной: Гёте „показалъ намъ подарокъ Жуковскаго, картину, изображающую арфу у стула, на которомъ кто-то сидѣлъ и исчезъ, оставивъ плащъ свой. Луна ударяетъ на струны. Эта мысль взята изъ его Елены“. „Русскій Архивъ“ 1879 г., кн. I, стр. 139.

²⁾ См. П. А. Висковатовъ, „Война мышей и лягушекъ“, въ годовомъ отчетѣ гимназіи и реальнаго училища Видемана за 1900—1 г., стр. 8, прим. 1 и указанную тамъ литературу.

³⁾ См. „Московский Вѣстникъ“ 1828 г., ч. 9, № XI стр. 326 слѣд.

поставленныхъ въ „Еленѣ“, показалось ему столь же проникательнымъ, сколько простодушнымъ („so entschieden einsichtig, als herzlich fromm“ ¹⁾). Къ сочувствію изъ Россіи онъ привыкъ—и поминаетъ о своихъ пріятнѣйшихъ отношеніяхъ къ Жуковскому („ein höchst erquickliches Verhältniss zu Herrn Schoukowsky“).—Когда въ 1831 году А. И. Кошелевъ былъ у Гёте, они „разговаривали о нѣмецкой литературѣ: Гёте очень любитъ нашего Жуковского, съ удовольствіемъ говорить о часахъ, которые съ нимъ провелъ,... и вообще много ожидаетъ отъ русскихъ“ ²⁾).

22 марта 1832 года скончался Гёте, и Жуковскій снова паломничаетъ въ Веймаръ, собирая впечатлѣнія по слѣдамъ Гёте и Шиллера, которыя и вноситъ въ свой дневникъ. Въ Готѣ онъ видѣлъ „Гётевы рисунки“ (1833 г. 11/23 августа). Въ Веймарѣ 12/24 августа: „Анекдоты о Гёте. Nie in einem schlechten Theater sich zu langweilen, nie ein Kompliment zu sagen, ohne es aufrichtig gedacht zu haben. — Von solchen Dingen spreche ich nur zu Gott“; подъ 13/25 августа: „Бюстъ Гёте Давида (David d'Angers)... О привязанности Гёте къ Шиллеру. Виландово письмо о Гёте къ Якоби. Письма отца и матери.... Въ домѣ Гёте. Комната медалей: медали среднихъ вѣковъ; бронзы; слѣпокъ съ Шиллерова черепа“ (слѣдуютъ нѣсколько анекдотическихъ замѣтокъ о Шиллерѣ); 14/26 августа: „Путру у канцлера Миллера. О Гётевомъ Фаустѣ“.

¹⁾ Сл. „Kunst und Alterthum“, VI, 2. Одобреніе Гёте было нѣсколько условно: по поводу разбора Шевыревымъ второй части „Фауста“ онъ писалъ въ „Kunst und Alterthum“: „Шотландецъ стремится проникнуть въ произведеніе, французъ понять его, русскій себѣ присвоить. Такимъ образомъ г.г. Карлейль, Амперъ и Шевыревъ вполне представили, не сговариваясь, всѣ категории возможнаго участія въ произведеніи искусства или природы“. Сл. Погодинъ. „Воспоминаніе о Шевыревѣ“, стр. 15, и письмо Пушкина къ Погодину 1 июля 1828 г.: „Московский Вѣстникъ“—„первый, единственный журналъ на святой Руси“, долженъ „оправдать ожиданія истинныхъ друзей словесности и одобреніе великаго Гёте. Честь и слава милому нашему Шевыреву! Вы прекрасно сдѣлали, что напечатали письмо нашего германскаго патріарха. Оно, надѣюсь, дастъ Шевыреву болѣе вѣса въ мнѣніи общемъ“.

²⁾ Н. Колупановъ, I, с., стр. 7. П. Бартеневъ рассказываетъ, со словъ Кошелева, что когда онъ явился къ Гёте съ рекомендаціей вел. кн. Маріи Павловны, тотъ принялъ его съ чиновничьей важностью и говорилъ только о русскомъ дворѣ. Чтобы какъ-нибудь перевести бесѣду на другой предметъ, Кошелевъ сказалъ, что привезъ ему поклонъ отъ Жуковского. „А, Жуковскій! Онъ далеко пойдетъ! Онъ, кажется, уже дѣйствительный статскій совѣтникъ“? Кошелевъ ушелъ раздосадованный. На другой день онъ былъ на званомъ вечеру у Гёте, гдѣ „великій человѣкъ былъ уже иной. Общество состояло изъ писателей и художниковъ, и разговоръ тому соотвѣтственный“. „Русскій Архивъ“ 1884 г. № 1, стр. 248.

Дневникъ 1832 года полонъ указаній на интересъ къ Гёте и бесѣдъ о немъ: читано „Ueber Italien, Fragment eines Reise-journals“ съ замѣткой: „ясность и живость. Нѣтъ ничего лишняго. Обо всемъ собственная мысль. Eigenthümlichkeit, Fasslichkeit und Bild — характеръ Гётева слога. Краткость и легкій порядокъ въ изложеніи; скрытая, но ошутительная мысль“; въ другомъ мѣстѣ указаны чтенія: „Einfache Nachahmung der Natur, Manier, Styl; Joseph Bossi, Leonard da Vinci, Abendmahl zu Mailand ¹⁾, Hermann und Dorothea, Ueber die Malerei“ (вызвавшее большую замѣтку въ дневникѣ); по поводу записокъ Гёте: „vornehmer Styl“.

Въ 1836 году А. Тургеневъ, осматривая домъ Гёте, „его сокровища“ и кабинетъ, видѣлъ въ его альбомѣ надпись Жуковского 25 августа (ст. ст.) 1833 г.; воспоминанія о Гёте вызвали у него мысли о Жуковскомъ — поэтѣ. вмѣстѣ съ канцлеромъ Мюллеромъ онъ посѣтилъ Тифуртскій сельскій домикъ, „гдѣ въ продолженіе болѣе сорока лѣтъ расцвѣталъ цвѣтъ германской словесности, гдѣ Виландъ, Гердеръ, Гёте, Шиллеръ собирались мыслить вслухъ при дворѣ въ услышаніе всей Европы и потомства“, и „паганизмъ Виланда не чуждался ни библейской поэзіи Гердера и идей его о судьбѣ челоѳчества, ни Шиллеровой религіи сердца христіанскаго, ни *хладныхъ сомнѣній всеобъемлющаю, но не все постигающаю Гёте-Мефистофеля*“. Въ Тифуртѣ приготовлялось будущее Германіи, создались новыя элементы для европейской литературы, для Байрона и Вордсворта, для Гизо и Форіэля, для „души Сталь“, *„наконецъ, для нашею Жуковскаю, которая, кажется, Шиллеръ и Гёте, Грей и Вордсвортъ, Гердеръ и Виландъ ожидали, дабы воскликнуть въ пророческомъ и братскомъ сочувствіи: „Мы всѣ въ одну сольемся душу“ — и слились въ душу Жуковскаю. . . .* Этому неземному и этому лучшему своего времени, „dem besten seiner Zeit“, этой душѣ ввѣрили, отдали они свое лучшее и будущее миллионѳвъ! Геній Россіи храни для ней благодать сію. Да принесетъ она плодъ свой во время свое.“—Въ домѣ Гёте, гдѣ ожидалъ ихъ Крейтеръ, Тургеневу позволили взять „три лоскутка съ помарками и съ исправленіями рукою“ поэта, въ одномъ портфельѣ онъ видѣлъ „собственноручныя рисунки Гёте карандашомъ (другое сходство съ нашимъ Жуковскимъ). . . . Тутъ и

¹⁾ Въ толкованіи „Тайной Вечери“ Леонардо да Винчи Гёте раздѣлялъ взгляды Босси. См. объ этомъ Strzygowski въ XVII томѣ „Goethe-Jahrbuch“ (1896 г., стр. 138 слѣд.) и „Euphoriion“, IX B., стр. 316 слѣд.

дерево, нарисованное для Гёте нашимъ воинномъ-живописцемъ Рейтерномъ: онъ часто любовался имъ“ ¹⁾).

„Мысли о Гёте и Шиллерѣ даютъ особенную прелесть этимъ мѣстамъ“, записываетъ Жуковский въ дневникъ 25 августа/6 сентября 1838 г., снова очутившись среди веймарскаго прошлаго и своихъ воспоминаній, которыя пытается обновить: „первое посѣщеніе Гётева дома“ (27 августа); „въ домѣ Гёте;... разговоръ съ Эккерманомъ и Крейтеромъ“ ²⁾. Описание смерти Гёте.... Пирамида изъ папки: Sinnlichkeit — зеленый цвѣтъ, Verstand — голубой, Vernunft — желтый, Fantasie — красный“ (28 августа); 29-го августа осмотръ дворца: комнаты Виланда и Шиллера; 1-го сентября: „поутру съ великимъ княземъ въ домѣ Гёте“; 2-го: „посѣщеніе Гётевой гробницы“; 3-го: „рисоваль въ кабинетѣ Гёте“. На пути изъ Веймара осмотръ Schillerhöhe деревни, гдѣ Шиллеръ жилъ въ 1788-мъ году и писалъ свои первыя стихотворенія. — 9 мая Шиллеровъ памятникъ открывается въ Штутгардѣ, записалъ Жуковский 11/22 апрѣля 1839 года (въ Гаагѣ), — мнѣ бы явиться туда съ стихами! Увидимъ“ ³⁾!

Это дневникъ энтузіаста, не молчаливаго, но „творецъ великихъ вдохновеній“ въ немъ не сквозить. Мы знаемъ, что дневникъ Жуковскаго былъ для него матеріаломъ для писемъ къ друзьямъ и высокопоставленнымъ лицамъ, для описаній и „размышленій“, попадавшихъ въ печать. О Гёте онъ нигдѣ не отозвался. „Жуковский въ кабинетѣ Гёте еще для меня любопытнѣе, чѣмъ у рейнскаго водопада или на высотахъ Сень-Готарда“, замѣтилъ кн. Вяземскій; пріятно смотрѣть его глазами на природу, „но еще пріятнѣе и полезнѣе сводить черезъ него знакомство съ знаменитыми современниками“ ⁴⁾. — Что такое воспоминанія о Гёте, о которыхъ говоритъ Жуковский въ дневникъ 1832 года подъ 28 іюня/10 іюля изъ Ганновера: „утро дома. Чтеніе воспоминаній о Гёте“?

Въ салонѣ А. О. Россетъ (съ 1832 года замужемъ за Смирновымъ), куда Жуковский и Пушкинъ ввели Гоголя, и въ домѣ

¹⁾ См. „Отрывки изъ записной книжки путешественника“ въ „Современникъ“ 1837 г. т. V. стр. 294 слѣд.; письмо Ал. Тургенева къ кн. Вяземскому 3 и 21 іюля 1836 года изъ Москвы. О письмѣ Вальтера кotta къ Гёте, списанномъ Тургеневымъ, см. Eskermann, I. с., подъ 25 іюля 1827 г.

²⁾ Friedrich Theodor Kräuter, секретарь бібліотеки, приведшій въ порядокъ Гётевскій архивъ.

³⁾ См. еще въ дневникѣ посѣщеніе Гётева дома 27 марта 1840 г.

⁴⁾ См. Полное собр. сочиненій кн. Вяземскаго, I стр. 269.

Карамзиныхъ Жуковскій встрѣчался со своими старыми друзьями, кн. Вяземскимъ, Ал. Тургеневымъ, Блудовымъ, Полетикой и другими. Толковали о литературѣ, о политикѣ; баронесса Клебекъ пѣла романсъ Вейрауха „Land meiner seligsten Gefühle“, напоминавшій Жуковскому „его идеальную кухню Марию Мойеръ“ ¹⁾; Тургеневъ знакомилъ съ новостями французскаго романтизма, Жуковскій являлся представителемъ нѣмецкой литературы, говорилъ о Vehmgericht'ѣ, рассказывалъ скандинавскія легенды ²⁾. Россетъ-Смирнова ловить разговоры и записываетъ на лету имена и анекдоты. „Вчера вечеромъ у Карамзинныхъ Орестъ и Пиладъ (Жуковскій и Пушкинъ) болтали въ углу, а я училась у нихъ, записывая то, что они говорили. Они говорили о Лессингѣ, о Гёте, Шиллерѣ, Клейстѣ“ ³⁾. — Главное мѣсто отведено Гёте и Шиллеру; можетъ быть, отзывы Жуковскаго восполняютъ то, чего напрасно ждалъ отъ него кн. Вяземскій.

„Жуковскій, вѣрный своему Гёте, продекламировалъ „Коринескую Невѣсту“, отмѣчаетъ Смирнова ⁴⁾; по словамъ Жуковскаго, Гёте „ни эгоистъ, ни равнодушный, а просто не любитъ сентиментальностей. Онъ уважалъ Карамзина и серьезно интересовался нашими писателями“ ⁵⁾, „общаетъ русской литературѣ великую будущность. Жуковскій видѣлъ у него Шлегелей и говорилъ о нашей славянской поэзіи, о нашихъ пѣсняхъ.... Гёте относится иронически къ нѣмецкимъ философамъ и.... наименѣе нѣмецъ изъ всѣхъ нѣмцевъ; онъ больше думаетъ, чѣмъ мечтаетъ (schwärmt)“ ⁶⁾. Его голова „была всегда спокойна, это видно по его лицу“ ⁷⁾. „Говорятъ, что Шарлотта любила Гёте, сказалъ Жуковскій, но не хотѣла отказывать Кестнеру, такъ какъ она его знала раньше Гёте, который былъ очень друженъ съ нимъ. Но Шлегель мнѣ говорилъ, что Гёте никогда не женился бы на ней: у него тогда еще не было ни малѣйшихъ матримоніальныхъ наклонностей“. Онъ искренно

¹⁾ Записки А. О. Смирновой, I, 69.

²⁾ Тамъ же стр. 51, 53.

³⁾ Тамъ же стр. 154.

⁴⁾ Тамъ же стр. 41—2.

⁵⁾ Тамъ же стр. 54.

⁶⁾ Тамъ же стр. 56.

⁷⁾ Тамъ же стр. 88. Въ Берлинѣ у Гуфеланда Жуковскій любовался бюстомъ сорокалѣтняго Гёте: „удивительно прекрасный профиль“; „его кто-то прекрасно теперь называлъ Олимпійскимъ Юпитеромъ безъ бороды“ (дневникъ 3 ноября 1820 г.). См. еще Записки Смирновой, т. I, стр. 85 (отзывъ императора Николая).

любилъ свою сестру и говорилъ Жуковскому, „что смерть сестры была однимъ изъ величайшихъ несчастій его жизни. Но у него была натура не экспансивная, онъ не часто говорилъ о томъ, что чувствовалъ“ ¹⁾. „Я говорилъ съ Гёте объ Италиі; онъ сказалъ мнѣ, что итальянцы родились классиками; они навсегда останутся греками, латинянами, этрусками, троянцами, даже сарацинами; они въ такой степени являются продуктомъ безчисленныхъ колонизацій и самыхъ разнообразныхъ цивилизацій, что со времени провансальскихъ и романскихъ поэтовъ уже не поддаются никакому литературному вліянію. Но и эти поэты, въ сущности, порожденіе того же античнаго прошлаго. Итальянецъ родился художникомъ; его въ его крови, въ его вкусахъ; итальянскій языкъ такой же чудесный, какъ и греческій, и дѣлается красивѣе латинскаго съ тѣхъ поръ, какъ они становятся въ поэзіи опять греко-латинянами“ ²⁾.

Въ сравненіи съ Гёте Шиллеръ, хотя онъ часто „и является грекомъ, но все-таки онъ архинѣмецкій поэтъ; было время, когда онъ былъ болѣе грекъ, чѣмъ Гёте: въ юные годы Гёте не былъ такимъ яркимъ грекомъ“ ³⁾. Талантъ его „необъятенъ: онъ чувствуетъ, онъ вдумывается, подчасъ онъ бываетъ гениаленъ“ ⁴⁾. Въ своемъ „Колоколѣ“ онъ достигъ наибольшей высоты именно простотой этого произведенія, описывающаго человѣческую жизнь и дѣятельность рабочихъ и художниковъ; поэма эта одинаково нравится и ученымъ и простымъ людямъ. Но все-таки онъ не Гёте и не Байронъ“ ⁵⁾. Сравнивая драмы Шиллера и Гёте со стороны ихъ сценичности, Жуковскій отдаетъ предпочтеніе первому ⁶⁾. „Разбойники“ и „Коварство и любовь“ тенденціозны ⁷⁾, какъ и „Эгмонтъ“ и „Донъ-Карлосъ“; послѣднее сказано по поводу драмы французскихъ романтиковъ, которые, воображая, что слѣдуютъ примѣру Шекспира, прямо

¹⁾ Тамъ же, стр. 87.

²⁾ Тамъ же, стр. 157.

³⁾ Тамъ же, стр. 156.

⁴⁾ Дневникъ 1832 г. 9/21 августа: „Шиллеръ — идеаль поэта“.

⁵⁾ Записки Смирновой, I, стр. 141.

⁶⁾ Сл. Дневникъ 1826 г. 30 іюня по поводу представленія „Макбета“ въ переводѣ Шиллера: „Шекспировы и большая часть нѣмецкихъ трагедій не для представленія. Нѣтъ общаго эффекта, кромѣ нѣкоторыхъ Шиллеровыхъ, особенно „Валленштейна“. Выходишь безъ главнаго — чувства“; но „Jungfrau von Orleans“ — „лирическая поэма, а не драма“ (дневн. 1840 г. 27 марта). — Въ 1838 году 20 мая/1 іюня Жуковскій записалъ, что провелъ вечеръ, разговаривая съ Тикомъ, Клейстомъ, Форстеромъ объ актахъ въ „Фаустѣ“.

⁷⁾ Записки Смирновой, I, 154.

становятся на сторону того или другого исторического лица. По мнѣнію Жуковского, Корнель и Расинъ были въ этомъ отношеніи „безпристрастнѣе романтиковъ“; „для изображенія историческихъ лицъ обыкновенно пользуются готовыми ходячими легендами, не углубляясь въ изученіе архивовъ, въ которыхъ хранится такой богатый матеріалъ. Гёте и Шиллеръ написали „Эгмонта“ и „Донъ-Карлоса“ съ извѣстной предвзятой мыслью“ ¹⁾.

Есть еще бѣглыя замѣтки о „Вертерѣ“, котораго когда-то собирались переводить Андрей Тургеневъ и Мерзляковъ, и о „Wahlverwandschaften“, романъ, который оказывается „гораздо безнравственнѣе, чѣмъ Вертеръ, потому что свернулъ въ Германіи голову большому числу женщинъ, чѣмъ число самоубійствъ, вызванныхъ Вертеромъ“ ²⁾. Нѣсколько разъ поднимается вопросъ о „Фаустѣ“. „Что же ты думаешь о Фаустѣ, о Вильгельмѣ Мейстерѣ?—допрашивалъ Жуковский Гоголя, чтеніями котораго руководилъ онъ и Пушкинъ.—Я совершенно пораженъ гениемъ Гёте, отвѣчалъ Гоголь: Шиллеръ, съ которымъ я довольно хорошо знакомъ, кажется мнѣ теперь совсѣмъ другимъ. Я началъ читать Гамбургскую Драматургію и прочелъ Натана Мудраго. Я сдѣлалъ извлеченія изъ этихъ книгъ.—Жуковский: Можешь оставить ихъ себѣ... Не благодари, потому что у меня ихъ нѣсколько изданій. Шиллеръ—великій поэтъ, но Гёте и великій мыслитель“ ³⁾.—„Фаустъ удивительно сцениченъ“, сказалъ какъ-то Жуковский; „Фаустъ стоитъ совсѣмъ особо, замѣтилъ Пушкинъ, это послѣднее слово нѣмецкой литературы, это особый міръ, какъ Божественная Комедія, это, въ изящной формѣ, альфа и омега человѣческой мысли со временъ христіанства; это цѣлый міръ, какъ произведенія Шекспира“ ⁴⁾.—Совершенно справедливо, подтвердилъ Жуковский, Фаустъ производитъ такое же удивительное впечатлѣніе, какъ и Гамлетъ, Отелло, Макбетъ, Ричардъ III“ ⁵⁾. Когда о „Фаустѣ“ зашла рѣчь въ другой разъ, Пушкинъ утверждалъ, что въ немъ „больше идей, мыслей, философіи, чѣмъ во всѣхъ нѣмецкихъ философахъ, не исключая Лейбница, Канта, Лессинга, Гердера и про-

¹⁾ Тамъ же, стр. 198.

²⁾ Тамъ же, стр. 307.

³⁾ Тамъ же, стр. 138—9.

⁴⁾ Сл. отзывъ Пушкина: „Фаустъ“ — величайшее созданіе поэтического духа и служить представителемъ новѣйшей поэзіи такъ же, какъ Иліада служить памятникомъ классической древности (о Байронѣ 1827 г.).

⁵⁾ Записки Смирновой, I, 155.

чихъ.—Это философія жизни, *des lebendigen Lebens*, заключилъ Жуковский“¹⁾.

Гётевскому „Фаусту“ посвящена статья Жуковского: „Двѣ сцены изъ Фауста“ 1848 года. Первая замѣтка показываетъ съ христіанско-философской точки зрѣнія, чѣмъ погрѣшилъ Фаустъ, когда въ сценѣ до появленія Маргариты принялся толковать по-своему мысль Евангелиста: Въ началѣ бѣ Слово²⁾. Вторая вызвана рисунками Корнелиуса и Реча въ такой сценѣ: когда Фаустъ и Мефистофель скачутъ мимо лобнаго мѣста, гдѣ утромъ будутъ казнить Маргариту, передъ ихъ глазами дѣлается что-то странное.—Что это? Зачѣмъ собрались они у висѣлицы? спрашиваетъ Фаустъ.—Кто ихъ знаетъ, что они стряпаютъ! отвѣчаетъ Мефистофель—Фаустъ: Взлетаютъ, слетаютъ, наклоняются, простираются.—Мефистофель: Дрянь, почная сволочь!—Фаустъ: Какъ-будто готовятъ мѣсто, какъ-будто его освящаютъ.—Мефистофель: Мимо, мимо!—Художники одинаково поняли видѣніе, у обоихъ являются мертвецы въ саванахъ, скелеты съ головами и безъ головъ, бѣгаютъ, летаютъ, пляшутъ около эшафота. Зачѣмъ же было Мефистофелю называть ихъ сволочью? спрашиваетъ Жуковский и предлагаетъ другое толкованіе: Маргарита покалася, добровольно предала себя Божьему суду; „она спасена“! слышится свыше голосъ въ сценѣ тюрьмы, и вотъ чистые ангелы своими руками уготовляютъ и святятъ то мѣсто, на которомъ слѣдное человѣческое правосудіе удовлетворитъ земной правдѣ, казнивъ преступное тѣло человѣка, а Божіе всевидящее правосудіе совершитъ правду небесную, принявши въ лоно милосердія покаяніе души человѣческой. Эти мысли развиваются и далѣе въ согласіи съ идеями статьи Жуковского „О смертной казни“ (1849 г.), вызвавшей укоръ Аксакова (въ „Молвѣ“ 1857 г. № 14): „Можно ли думать, что поэтъ нашъ, столь проникнутый вѣрою, столь благодушный—защитникъ смертной казни!... Христіанское ли это дѣло“³⁾?

Ни та, ни другая замѣтка Жуковского не выясняютъ, какъ понималъ онъ типъ Фауста; піетистическій характеръ комментарія не указываетъ на пониманіе. Къ тому же, чтобы такъ ис-

¹⁾ Тамъ же, стр. 186.

²⁾ Статья эта встрѣтила цензурныя затрудненія, тѣмъ не менѣе была напечатана въ „Москвитянинѣ“ 1849 г., т. I, стр. 13—18.

³⁾ „Эта превосходная статья въ соприкосновеніи съ юридическимъ законоположеніемъ, слѣдственно не можетъ пройти безъ воли источника законовъ“, писалъ Плетневъ Жуковскому 1/13 октября 1851 г. Цензура ее не пропустила.

толковать сцену у висѣлицы, надо было болѣе, чѣмъ исказить текстъ: Мефистофель говорить не о дряни, ночной сволочи, какъ переводить Жуковский, а о сонмѣ вѣдьмъ, Hexenzunft, и спѣшить онъ не потому, что ангелы освящаютъ мѣсто казни, и ему не по себѣ, а надо отвлечь вниманіе Фауста да и поспѣть въ тюрьму къ Маргаритѣ. Во всемъ этомъ нѣтъ и слѣда *des lebendigen Lebens*; Гёте нашелъ бы такое толкованіе по крайней мѣрѣ *herzlich-fromm*. Правда, оно относится къ послѣднимъ годамъ Жуковского, порѣ душевнаго его единенія со Стурдзой и Гоголемъ второй формаціи. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ Смирнова со словъ Пупкина записала, что Жуковский лучше всѣхъ въ Россіи понимаетъ Гёте ¹⁾. При коренной разницѣ міросозерцанія, какъ-то не вѣрится, чтобы душа Жуковского могла воспалить „свой пламень на его огнѣ“; говорилъ же его пріятель Ал. Тургеневъ о „хладныхъ сомнѣніяхъ“ Гёте-Мефистофеля.

Не безынтересно, что послѣ восторженнаго свиданія съ Гёте съ 1827 году Жуковский перевелъ въ 1829-мъ лишь двѣ его бездѣлки („Мысли и Памятники“, I), а послѣ усиленнаго чтенія его произведеній въ 1832-мъ пересказалъ его старую басню „Орелъ и голубка“: молодой орелъ пустился на добычу, но, раненый стрѣлкомъ, упалъ въ масличную рошу; излеченный животительнымъ бальзамомъ всеисцѣляющей природы, онъ хочетъ испытать крылья и безсильно опускается на землю. Уныло смотритъ онъ на вершину дуба, на солнце, на далекій небесный сводъ, и въ его глазахъ сверкаютъ слезы. А голубка, гулявшая тутъ же съ голубкомъ, утѣшаетъ его: къ чему унывать? Здѣсь все, что нужно для простаго счастья: благоуханіе и сѣнь оливы и „вечеръ золотой“; ты гуляешь по цвѣтамъ, можешь пищу собирать съ кустовъ и жажду въ струяхъ студеныхъ утолять.

О, другъ! повѣрь,
Умѣренность—прямое счастье;
Съ умѣренностью мы
Вездѣ и всѣмъ довольны.
— О, мудрость! прошепталъ орелъ,
Въ себя сурово погрузившись,
Ты рассуждаешь, какъ голубка.

Умѣренность, то, что въ карамзинскую эпоху звалось „посредственностью“, было для Жуковского идеаломъ счастья въ

¹⁾ Записки Смирновой, I. с., стр. 186.

пору его юношескаго дневника (1804—5 г.): объ „умѣренности желаній“ твердить онъ постоянно, въ разныхъ случаяхъ жизни и разныхъ житейскихъ обстановкахъ:

Орелъ летить отважно въ горній край,
Пчела свой медъ на скромномъ копить лугъ.
(„Къ Арбеновой“, 1812 г.).

XI.

Общественные взгляды Жуковского.

Съ этого-то „скромнаго луга“ хотѣлъ вывести его кн. Вяземскій въ „горній край“ общественныхъ вопросовъ. Мы помнимъ, какихъ яркихъ политическихъ впечатлѣній желалъ онъ ему, самъ настраиваясь кипуче: это было въ его стилѣ и характерѣ. Надежды строились на патріотическихъ стихотвореніяхъ Жуковского, создавшихъ ему въ 1812—14 годахъ громкую славу. Извѣстно его посланіе къ вел. княгинѣ Александрѣ Федоровнѣ на рожденіе вел. князя Александра Николаевича (1818 г.); получивъ его въ Парижѣ, Полетика призналъ въ немъ кисть „Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ“: „Карамзинъ показалъ намъ, какъ должно посвящать книги царямъ, писалъ онъ Жуковскому, отъ тебя же наши будущіе поэты научатся, какъ слѣдуетъ поздравлять ихъ въ стихахъ. Отъ васъ обоихъ познаютъ всѣ наши писатели, сколь великая есть разность между справедливою похвалою и подлою лестью“ (6/18 іюля 1818 г. ¹⁾).

Къ такого рода сюжетамъ поэтъ вернулся значительно позже, не съ прежней свѣжестью энтузіазма, но съ болѣе риторикой, и не съ надеждами, а въ спокойномъ сознаніи, что онъ „совершеннъ“: „Русская Слава“ 1831 г., стихотворенія всего 1834 г., „Бородинская годовщина“ 1839 г. и стихотвореніе на 1-е іюля 1848 г. состоятъ изъ торжественнаго перечня прошлыхъ судебъ Россіи, обезпечивающихъ ея настоящее. — Въ

¹⁾ „Русская Старина“ 1902 г., октябрь, стр. 195 слѣд.

1826 году Пушкинъ объяснялъ по-своему, почему Жуковский такъ долго не отзывался на событія дня ¹⁾, въ 1831 г. кн. Вяземскій называлъ его „Старую пѣсню на новый ладъ“ — „шинельными стихами“; „разумѣется, Жуковский не переломилъ себя, не кривилъ совѣстью, говоритъ онъ въ непосланномъ Пушкину письмѣ, слѣдовательно мы съ нимъ не сочувственники, не единомышленники. Впрочемъ, Жуковский слишкомъ подъ игомъ обстоятельствъ, слишкомъ подъ вліяніемъ лживой атмосферы, чтобы сохранить свои мысли во всей чистотѣ и дѣвственности ихъ“ ²⁾. Въ 1821 году кн. Вяземскій еще мечталъ, что Жуковский станетъ „гражданскимъ пѣснопѣвцемъ“, какъ въ событіяхъ 1812 г. ³⁾, и обращалъ его къ злобѣ дня, къ вопросамъ, волновавшимъ современную политическую жизнь. Иначе не понять отвѣта Ал. Тургенева: „не надобно на Жуковского смотрѣть изъ одной только точки зрѣнія, съ которой ты на него смотришь — *гражданскаго пѣснопѣвца*. У него все для души ⁴⁾: душа его въ талантъ, и талантъ въ душѣ. Лишь бы она только не выдохнулась! Но ее бережетъ дружба, самая нѣжная и для тебя невидимая. Я ее узналъ, и всѣ мои надежды на Жуковского оживаютъ. Въ немъ еще будетъ прокъ. Онъ не пропадетъ ни для друзей, ни для Россіи“ ⁵⁾.

Но князь Вяземскій возвращается къ атакѣ: „у Жуковского все душа, и все для души. Но душа, свидѣтельница настоящихъ событій, видя эшафоты, которые громоздятъ для убіенія народовъ, для зарѣзанія свободы, не должна и не можетъ теряться въ идеальности Аркадіи. Шиллеръ гремѣлъ въ пользу притѣсненныхъ; Байронъ, который носится въ облакахъ, спускается на землю, чтобы грянуть негодованіемъ въ притѣснителей, и краски его романтизма сливаются часто съ красками политическими. Дѣлать теперь нечего. Поэту должно искать иногда вдохновенія въ газетахъ. Прежде поэты терялись въ метафизикѣ, теперь чудесное, сей великій помощникъ поэзи,

¹⁾ Къ Жуковскому 1826 г., январь.

²⁾ Полн. собр. соч. кн. Вяземскаго, т. IX, стр. 155 слѣд. Этотъ отзывъ касается и Пушкина („На взятіе Варшавы“, „Клеветникамъ Россіи“), патристическія стихотворенія котораго вызвали отрицательную оцѣнку Мельгунова и сочувствіе — Чаадаева. Сл. Кирпичниковъ, „Очерки по исторіи новой русск. литературы“, т. II, 2 изд., стр. 167—8.

³⁾ Къ Ал. Тургеневу 1821 г., начала февраля.

⁴⁾ Намекъ на запись Жуковского въ альбомъ Е. Н. Карамзиной, сл. выше стр. 44.

⁵⁾ Тургеневъ кн. Вяземскому 1821 г. 16 февраля.

на землѣ“¹⁾. „Я готовъ назвать поэзіею политическою всякую народную или гражданскую поэзію, объемлющую возвышенныя общественныя истины, писалъ кн. Вяземскій въ одномъ изъ своихъ парижскихъ писемъ (1826—7 г.). И почему поэту не быть наравнѣ съ ораторомъ, стражемъ народныхъ выгодъ и блага общественнаго“²⁾?

Все это были проекты въ родѣ тѣхъ, которые пріятели считали достойными дарованій Жуковского, забывая о его темпераментѣ. У него все дѣло въ душѣ, въ человѣчности; въ этомъ смыслѣ Жуковскій — гуманистъ сентиментальной эпохи, глубоко проникнутый ея настроеніемъ, воспитывавшій въ себѣ добро, сѣявшій его всюду, гдѣ только страдали, и куда доходило вліяніе поэта³⁾. Онъ былъ человѣкъ сердца, ставшаго принципомъ; это всѣхъ къ нему привлекало. Молодой цесаревичъ называлъ его въ письмѣ къ Мердеру (1833 г.) „добрымъ“, „блѣднымъ“; въ письмахъ И. И. Дмитріева онъ „милый“, „добродушный“, „добрый поэтъ“; „bell'alma generosa“, воплощеніе „безконечной доброты“, душа у него „хрустальная“, говоритъ о немъ Смирнова; таковъ и отзывъ Пушкина: Жуковскій почти слишкомъ добръ, „у него небесная душа“⁴⁾; „душа твоя свѣтла, какъ зеркало, съ котораго и послѣднее дуновеніе мгновенно исчезаетъ“ (Ал. Мих. Тургеневъ въ 1837 г.). „Уѣхалъ почтенный нашъ Василій Андреевичъ, — писала А. И. Кологривова Плетневу (6 мая 1838 г.)... Его отъѣздъ для многихъ важная сердечная утрата... Но всегда милый, всегда добрый, всегда и во всемъ неземной, онъ и въ минуту отъѣзда не забылъ о тѣхъ, которымъ съ такимъ радушіемъ обѣщалъ свое покровительство“⁵⁾. „Сколько благословеній на душу и на потомство Жуковского несетъ отовсюду“, говорилъ въ послѣдствіи князь Вяземскій: изъ хижинъ,

¹⁾ Кн. Вяземскій Тургеневу 1821 г. 25 февраля. Сл. выше, стр. 286. письмо кн. Вяземскаго къ Жуковскому 15/27 марта того же года.

²⁾ Полное собраніе сочиненій кн. Вяземскаго, т. I, стр. 224.

³⁾ См. Н. Дубровинъ, „Василій Андреевичъ Жуковскій и его отношенія къ декабристамъ“. „Русская Старина“ 1902 г., апрѣль, стр. 45 слѣд. Тамъ же стр. 121 и слѣд.: Письма и записки В. А. Жуковскаго къ графинѣ Ю. О. Барановой. О Жуковскомъ, какъ филантропѣ, сл. Сумцова, „В. А. Жуковскій и Н. В. Гоголь“ (Харьковъ, 1902 г.); А. И. Маркевичъ, „Отношенія В. А. Жуковскаго къ писателямъ и артистамъ“. Одесса, 1902 г.

⁴⁾ Записки Смирновой, I, стр. 178, 186, 219 и слѣд.

⁵⁾ К. Гротъ, „Нѣсколько дополненій къ рукописямъ В. А. Жуковскаго“, „Извѣстія Отд. Русск. языка и слов. Имп. Акад. Наукъ“, 1901 г., т. VI, кн. 2, стр. 24.

изъ замковъ, изъ дворцовъ и даже изъ келій ¹⁾; „удивительный человѣкъ этотъ Жуковскій, писалъ матери И. В. Кирѣевскій, хотя, кажется, знаешь необыкновенную красоту и возвышенность его души, однако при каждомъ новомъ случаѣ узнаешь, что сердце его еще выше и прекраснѣе, чѣмъ предполагалъ“ ²⁾. Извѣстны его хлопоты о Пушкинѣ, когда онъ былъ въ бѣдѣ, о декабристахъ, о больномъ Батюшковѣ, о Николаѣ Тургеневѣ, Мещевскомъ, Боратынскомъ, Кирѣевскомъ, его участіе въ судьбѣ Шевченка, матери и брата Никитенка, семьи Воейковой и др.

Разумѣется, требованія сердца встрѣчались съ нѣкоторыми унаслѣдованными воззрѣніями, которыя уступали тѣмъ медленнѣе, чѣмъ сильнѣе было благоговѣніе передъ историческимъ преданіемъ. Такъ въ вопросѣ о крѣпостничествѣ. Въ 1806 году Жуковскій говорилъ о необходимости дарованія крестьянству многихъ правъ, которыя приблизили бы его нѣсколько къ свободному состоянію ³⁾, въ 1808 году онъ стоитъ за дарованіе ему всепревышающаго блага — свободы, но излишество образованія кажется ему вреднымъ, потому что оно отучило бы крестьянъ „наслаждаться достойнымъ человѣчества образомъ“ тѣмъ жребіемъ, „въ которомъ помѣщены они судьбою“. „Убийственное чувство рабства“ („Печальное происшествіе“, 1809 г.) не было для Жуковского пустой фразой, но самъ онъ лишь въ 1822 году отказался отъ права рабовладѣльца, хотя дѣло это давно лежало у него „на душѣ“. „Очень радъ, что мои эсклавы получили волю“, писалъ онъ А. П. Елагиной, жалуясь, что не могъ спасти отъ цензуры стиховъ Шиллера:

Der Mensch ist frei geschaffen, ist frei,
Und wäre er in Ketten geboren
(„Die drei Worte des Glaubens“),

а безъ нихъ не пожелалъ напечатать перевода ⁴⁾. Въ 1848 году, въ письмѣ къ Наслѣднику (6 марта), онъ выражаетъ надежду, что правительство уничтожить „искусственныхъ пролетаріевъ“, которыхъ само произвело.

Жуковскому, казалось, доставало мужества въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда можно было ожидать отъ него откровен-

¹⁾ Тургеневу 2 декабря 1842 г.

²⁾ Полн. собр. соч. И. В. Кирѣевского, I, стр. 6 (письмо датируется ука-
заніемъ, что напечатаны уже 23 пѣсни съ половиною Одиссеи).

³⁾ Письмо къ А. Тургеневу, половина декабря.

⁴⁾ Зейдлицъ, I. с., стран. 123—5.

ности гражданина: онъ могъ общаться съ людьми, отъ которыхъ его друзья сторонились, пытался даже оправдывать ихъ, самъ не вѣря оправданію, могъ „споткнуться разсудкомъ ребяческимъ, но вѣрно не сердцемъ“. Друзья объяснили это не равнодушіемъ, а безхарактерностью, лѣнью ума, и не осуждали ¹⁾, а комментировали, въ приложеніи къ Жуковскому, слова Бонапарта: *Du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas*. Сдѣлай милость, смотри за Жуковскимъ въ оба, писалъ изъ Варшавы кн. Вяземскій Тургеневу (13 октября 1818 г.): „я помню, какъ онъ пилъ съ Чебышевымъ и клялся Катенинымъ. Съ нимъ шутить нечего. *Du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas*: въ первую субботу напьется съ Карамзинымъ, а въ другую съ Шишковымъ“. „Жуковский, какъ попрыгунья-стрекоза, поминутно перескакиваетъ этотъ шагъ (т.-е. *du sublime au ridicule*), то назадъ, то впередъ. Но добрый геній придерживаетъ его на нашей сторонѣ и, наконецъ, вѣроятно, одержитъ рѣшительный верхъ“ ²⁾.

Все это не мѣшало дружбѣ: „насъ для него не много, ибо многіе знаютъ его только по таланту, а онъ у насъ одинъ, — защищаетъ его отъ упрековъ кн. Вяземскаго Тургеневъ: съ нимъ я давно живу и чувствую, чувствую и живу, и онъ знаетъ, что меня морозъ Зимняго Дворца не прохватить“ (1819 г. 2 сентября).

Заступничество за декабристовъ, переписка съ гр. Бенкендорфомъ по вопросу о литературномъ наслѣдіи А. Пушкина и пересмотрѣ оставшейся послѣ него корреспонденціи служатъ свидѣтельствомъ, что Жуковский былъ способенъ на гражданскій подвигъ. Въ дѣлѣ Н. Тургенева онъ дошелъ до непріятнаго для него объясненія. „Ты при моемъ сынѣ. Какъ тебѣ слыть сообщникомъ людей безпорядочныхъ или осужденныхъ за преступленіе?“ сказалъ государь. — Если бъ я имѣлъ возможность говорить, вотъ что бы я отвѣчалъ и сдѣлалъ бы хорошо, но вѣрно бы повредилъ себѣ; и такъ, невозможность говорить нѣкоторымъ образомъ послужила мнѣ къ добру“. Жуковский записываетъ эти слова на клочкѣ бумажки вмѣстѣ съ конспектомъ рѣчи, которую онъ — не произнесъ: о томъ, что правосудіе не безошибочно, особливо въ Россіи, что доносы — не „рѣшительные приговоры Божьи“, что, если довѣриться имъ, нравственность наша будетъ на произволѣ доносчиковъ, около царя бу-

²⁾ Кн. Вяземскій А. Тургеневу 1823 г. 1 октября; Тургеневъ кн. Вяземскому 9 октября 1823 г.; Ал. Тургеневъ Ник. Тургеневу 12 и 27 августа 1827 г.; Ал. Тургеневъ кн. Вяземскому 1839 г. 17 июня/5 июля.

³⁾ Кн. Вяземскій Тургеневу 30 мая 1819 года.

дутъ жить лишь тѣ, кто живетъ предательствомъ, люди преданные и честные будутъ молчать съ горемъ и лишены возможности быть полезными. И Жуковскій говоритъ про себя: „я съ своей стороны буду продолжать жить, какъ я жилъ. Не могу покорить себя ни Булгаринымъ, ни даже Бенкендорфу: у меня есть другой вожатый—моя совѣсть, моя вѣрность къ Государю. Во всемъ прочемъ надо отдать себя на волю Провидѣнія, которое спасаетъ добрыхъ, или губить ихъ для ихъ же добра. Въ этой одной мысли—спасеніе. Буду осторожнѣе, вступаясь за тѣхъ, кто въ ссорѣ съ правительствомъ, ибо тамъ, гдѣ нельзя ничего сдѣлать, а можно только погубить себя, благоразуміе велитъ думать о себѣ; это не будетъ эгоизмъ.... Вотъ бѣдствія, происходящія отъ невѣжества. Мало того, чтобы имѣть чистую совѣсть, надобно имѣть и понятія, принадлежащія времени, въ коемъ живемъ. Ихъ даетъ одно просвѣщеніе. Просвѣщеніе для ума есть то же, что чистая религія для совѣсти. Тамъ, гдѣ нѣтъ просвѣщенія, каждый имѣетъ свой собственный умъ, умъ своего мѣста, своей партіи, и всѣ они въ противорѣчій, въ безпрестанной битвѣ“¹⁾.

Итакъ, дѣло не въ лѣни ума, которую Гоголь объяснял по-своему, а въ способности все идеализировать, всюду видѣть Аркадію, при большомъ миролюбіи, сказавшемся въ юношескомъ афоризмѣ дневника: не говорить правды въ глаза, если она вредна²⁾, и въ отсутствіи общественной жилки. Въ 1808 году, въ руководящей статьѣ „Вѣстника Европы“ („Письмо изъ уѣзда“), Жуковскій писалъ: „политика въ такой землѣ, гдѣ общее мнѣніе покорно дѣятельной власти правительства, не можетъ имѣть особенной привлекательности для умовъ беззаботныхъ и миролюбивыхъ“. Въ концѣ того же года политическій отдѣлъ исчезаетъ изъ журнала, на его счетъ развита критика и отдѣлъ свѣдѣній „о достопамятныхъ явленіяхъ натуры“.—„Я уже отиѣлъ панихиду политикѣ и ни мало не опечаленъ ея кончиною“, извѣщалъ Жуковскій А. Тургенева (15 сент. 1809 г.). Но и въ скромныхъ размѣрахъ она возбуждала опасенія; 5-го генваря 1809 г. Ал. Тургеневъ писалъ Жуковскому по поводу политическаго обозрѣнія въ „Вѣстникѣ Европы“, которое принялъ на себя Каченовскій: „теперь тебѣ будетъ болѣе времени писать свое, ты не будешь уже въ отвѣтственности за политику. Здѣсь

¹⁾ Сл. Дубровинъ, „В. А. Жуковскій и его отношенія къ декабристамъ“, 1. с., стр. 80 слѣд.

²⁾ Сл. „Двѣ повѣсти“, 1844 г.: „Злой наѣздникъ правды“.

(въ Петербургѣ) многіе удивлялись твоей дерзости и оплошности вашей цензуры, а въ одно время я самъ боялся, чтобы не запретили твоего журнала“ ¹⁾. Въ 1819 году Жуковскій отказался участвовать въ Союзѣ Благоденствія, которому сочувствовалъ: его уставъ заключаетъ въ себѣ мысль благодѣтельную, высокую, для выполненія которой требуется много добродѣтели, выразился онъ; онъ почелъ бы себя счастливымъ, если бы могъ убѣдить себя, что въ состояніи выполнить его требованія, но, къ несчастію, не чувствуетъ въ себѣ достаточной къ тому силы ²⁾. Съ молодости его идеаль — индивидуальное развитіе, общественное — результатъ личнаго; это шиллеровское воззрѣніе на облагороженіе характера, какъ на средство достигнуть политической и гражданской свободы. Въ этомъ направленіи развиваются послѣдовательно взгляды Жуковского, за вычетомъ тѣхъ случаевъ, когда дѣло идетъ о *свободѣ* въ патріотическомъ смыслѣ этого слова, объ охраненіи или самосознаніи народности, либо о свободѣ въ кругу друзей, въ объятіяхъ природы, въ поэзіи, въ томъ, что звалось поэтическимъ *otium*’омъ. Въ 1806 году поэтъ зоветъ себя воспитанникомъ свободы, дышавшимъ въ объятіяхъ природы ³⁾; такъ и Горацій смотрѣлъ на свѣтъ глазами философа, знающаго истинную цѣну жизни, привязаннаго къ удовольствіямъ непорочнымъ и — къ свободѣ ⁴⁾. Пѣвецъ соединяетъ „Младенца чистоту Съ величіемъ свободы, Боготворя природы Простую красоту.... Посредственность, свобода, Животворящій трудъ, Веселіе досуга Близъ милыя и друга, И пѣнистый сосудъ Въ часъ вечера пріятной Подъ липой ароматной Съ забвеніемъ суетъ, Вотъ все“ (Къ Батюшкову, май 1812 г.). „Свобода другъ нашъ благодатный“, обращается Жуковскій къ кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину: „Мы независимо, въ тиши Уютнаго уединенья, Богаты ясностью души, Поемъ для музъ, для наслажденья, Для сердца вѣрнаго друзей“ (1814 г.); веселая свобода сидитъ и „за большимъ семейственнымъ столомъ“ (въ альбомѣ бар. Ел. Ив. Черкасовой, 1814 г.); Шиллеровское воззрѣніе въ пересказѣ „Элевзинскаго праздника“ (1833 г.): „Здѣсь лишь нравами одними Можетъ быть свободенъ онъ“ (т.-е. человѣкъ).

Неясно понятіе свободы въ воспоминаніяхъ 1806 года о дружеско-литературномъ обществѣ 1801—2 годовъ:

¹⁾ Изъ неизданнаго письма.

²⁾ Записки Трубецкого, стр. 80.

³⁾ Орывокъ: „Подражаніе“.

⁴⁾ 1809 г. „О сатирѣ и сатирахъ Кантемира“.

О, братья, о, друзья! Гдѣ нашъ священный кругъ?

Гдѣ пѣсни пламенны и музамъ и свободѣ?

(„Вечеръ“, 1806 г.).

Тѣмъ яснѣе то, что говорится въ „Протоколѣ 20-го арзамасскаго засѣданія 1817 года“¹⁾. Какъ-разъ въ этомъ году въ общество вступило нѣсколько либерально и дѣятельно настроенныхъ членовъ: Николай Тургеневъ, замѣшанный потомъ въ дѣлѣ 1825 года, декабристъ Н. Муравьевъ, М. Орловъ, по арзамасскому прозвищу Рейнъ, мечтавшій о возстановленіи масонства, заподозрѣнный впоследствии въ связяхъ съ декабристами, отъ которыхъ, впрочемъ, отсталъ, поклонникъ ланкастерской методы обученія, химикъ и политико-экономъ, какимъ изобразилъ его впоследствии Герценъ²⁾. „Арзамасъ“ готовился оживиться, отстать отъ прежнихъ „шалостей“, поставить себѣ серьезныя, литературныя и общественныя цѣли. Уже въ 1816-мъ году арзамасцы подумывали о своемъ журналѣ³⁾, и въ бумагахъ Жуковского нашлась его программа и заглавіе: „Отрывки, найденныя въ Арзамасѣ“. Но затѣя касалась обычнаго литературнаго альманаха, въ которомъ Жуковский хотѣлъ помѣстить „Пѣснь Игоря“. Теперь задача явилась иная. [Въ апрѣльское засѣданіе Орловъ-Рейнъ внесъ проектъ политическаго журнала; вопросъ этотъ обсуждался въ 20-мъ, іюльскомъ засѣданіи, и Жуковский фантазируетъ въ своемъ протоколѣ, какъ, по мановенію волшебнаго жезла, явились пышныя врата съ надписью: „Журналъ Арзамаса“; Рейнъ растворилъ ихъ: „за ними кипѣли въ свѣтломъ хаосѣ призраки вѣковъ“, видѣлись тѣни славныхъ, и надо всѣмъ

Съ яркой звѣздой на главѣ геніемъ тихимъ носилось.

Въ свѣжельгѣ гражданскою вѣнцѣ божество: Просвѣщенье, давъ руку Грозной и мирной боинѣ Свободѣ!—И всѣ арзамасцы,

Пламень почуя въ душѣ, ко вратамъ побѣжали.... Все скрылось! Рейнъ сказалъ: „Потерпите, голубчики! Я не достроилъ!

Будетъ вамъ домъ, а теперь и воротъ однихъ съ васъ довольно“!

1) О литературномъ обществѣ „Арзамасъ“ сл. изслѣдованіе Е. А. Сидорова въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“. 1901 г. №№ 6 и 7.

2) См. примѣчанія къ №№ 83, 101 и 216 переписки кн. Вяземскаго и Тургенева; Записки Сергѣя Григорьевича Волконскаго, 1901 г., стр. 400 слѣд.; Герценъ. „Былое и Думы“, женева. изд. т. VI, стр. 209.

3) Сл. письмо кн. Вяземскаго къ Тургеневу 27 сент. 1816 г. Сл. Соч. Батюшкова, III, стр. 404 (къ Жуковскому 25 сентября 1816 г.).

Издание Журнала было рѣшено, въ работахъ надъ новымъ уставомъ общества и программой журнала принималъ живое участіе и Жуковскій, котораго прочили въ редакторы. Обнародованіе Священнаго Союза (25 декабря 1815 года) ознаменовало въ правительственныхъ сферахъ рѣшительный поворотъ къ реакціи, а между тѣмъ первый отдѣлъ журнала долженъ былъ служить распространенію „идей свободы, приличныхъ Россіи въ ея теперешнемъ положеніи, согласныхъ со степенью ея образованія, не разрушающихъ ея настоящаго, но могущихъ приготовить лучшее будущее“. Журналъ остался прѣктомъ. Уже въ первой половинѣ 1818 года многимъ изъ зачинателей пришлось оставить Петербургъ; Жуковскій-Свѣтлана (по арзамасскому прозвищу) засѣлъ, скорчившись, „въ графахъ таблицъ“: онъ обучалъ вел. княгиню Александру Федоровну и дѣйствительно писалъ однѣ „грамматическія таблицы“ ¹⁾. Мы знаемъ, что къ таблицамъ онъ питалъ въ своей педагогической практикѣ надъ собой и другими особую слабость. Блудовъ назначенъ былъ въ Лондонъ, Дашковъ съ 1817 года состоялъ при русской миссіи въ Константинополѣ, кн. Вяземскій—Асмодей уѣхалъ въ Варшаву, „распростившись съ халатомъ свободы“,

Между тѣмъ Рейнъ усадый, насъ взбаламутивъ, далъ тягу
Въ Кіевъ и тамъ въ Днѣпръ утопилъ любовь къ Арзамасу!
Рейнъ давно замолчалъ, да и мы не очень воркуемъ.

Такъ рассказываетъ Жуковскій въ „Отрывкѣ арзамасской рѣчи“ 1818 года; въ томъ же году онъ писалъ Орлову:

Начальникъ штаба, педагогъ,
Ты по ланкастерской методѣ
Мальчишекъ учишь говорить
О славѣ, пряникахъ, природѣ,
О кубаряхъ—и о свободѣ!

Во второй половинѣ жизни всѣ эти воззрѣнія отлились въ благодушную систему общественности, которую Жуковскій излагаетъ въ письмахъ, въ замѣткахъ ²⁾, можетъ быть, отрывкахъ

¹⁾ См. письмо Карамзина къ Дмитріеву № 224, 28 ноября 1818 г., сл. выше стр. 251.

²⁾ Нѣкоторыя изъ нихъ напечатаны въ изданіи: „Изъ собранія автографовъ Имп. Публ. Библіотеки“, СПБ. 1894, стр. 49 слѣд.: „Политическія и философскія замѣтки и мысли В. А. Жуковскаго“. Сл. Полное собраніе сочиненій В. А. Жуковскаго, изд. проф. Архангельскимъ, т. XI: Отрывки 1845—50 гг.

какой-нибудь „облой книги“, гдѣ извѣстныя мысли разъ выливались въ опредѣленную форму и съ нею идутъ въ оборотъ лишь кое-гдѣ измѣняясь. Въ основѣ этой системы лежитъ теорія гуманистической личности, „души“, прогрессъ опредѣляется „временемъ“, „Промысломъ“, его желательный характеръ — „умѣренность“ („умѣренность, покорность“ „Пѣвецъ въ Кремлѣ“) сдерживающее начало—историческое преданіе. Время—единственный, „вѣрный, сильный, но медленный создатель лучшаго“, оно „послушно одному Богу“. Исторія „говоритъ властителемъ: будьте согласны съ вашимъ вѣкомъ; идите съ нимъ вмѣстѣ: впереди, но ровнымъ шагомъ; отстанете, онъ васъ покинетъ, повлечете его быстро впередъ—ниспровергнете все и себя; осмѣлитесь преградить ему дорогу—онъ васъ раздавитъ“ ¹⁾. Историческое преданіе, въ міросозерцаніи Жуковского, то же, что воспоминаніе: одно хранить лучшіе опыты сердца, которыхъ не забыть, другіе—вѣковые опыты народной жизни, ихъ же не преидеши. Промыслъ и общественные перевороты, нарушающіе умѣренность прогресса, сопоставляются въ апологѣ, написанномъ Жуковскимъ для Н. Тургенева, пострадавшаго въ событіяхъ 14 декабря 1825 года: въ переворотахъ многіе гибнутъ, для лучшихъ они—испытаніе свыше; такъ сгораетъ въ горнѣ голикъ, „а золото горитъ и не ропщетъ на судьбу и вѣритъ тому, что безъ огня не быть ему чистымъ, и радуется пламени, которое возвыситъ его достоинство“ ²⁾. Онъ хлопоталъ о Н. Тургеневѣ, принималъ участіе въ личной судьбѣ декабристовъ, но ихъ движеніе осуждалъ: это разбойники, возмутители, у которыхъ „даже не видно фанатизма, а просто звѣрская жажда крови безо всякой даже химерической цѣли“ ³⁾. Перевороты исключаются и святостью историческаго преданія: „всякая новость въ государственномъ порядкѣ есть зло, къ коему надо прибѣгать только по необходимости“, писалъ Карамзинъ; Жуковский развиваетъ это: „кто дерзаетъ на настоящее вѣрное зло для будущаго невѣрнаго блага, тотъ—злодѣй“ ⁴⁾; нельзя „разрушать существующее, жертвуя

¹⁾ „Черты исторіи государства Россійскаго“. 1834 г.

²⁾ Письмо Ал. Тургенева къ брату изъ Лейпцига 1827 г.

³⁾ Къ Ал. Тургеневу, 16 декабря 1825 г.

⁴⁾ „Русскій Архивъ“ 1896 г. № 3, стр. 457. Статья, озаглавленная „объ энтузіастахъ“, отнесена издателемъ къ началу царствованія императора Николая Павловича. Въ печатномъ текстѣ статьи „Энтузіазмъ и энтузіасты“ (1848 г.) приведенный выше афоризмъ выраженъ иначе: „кто, вооружаясь на существующее зло въ пользу будущаго, невѣрнаго блага, нарушаетъ вѣчные законы правды, тотъ злодѣй“.

справедливостью, жертвуя настоящимъ для возможнаго будущаго блага.... Время возьметъ свое, и новая жизнь начнется на развалинахъ, но это дѣло его, а не наше; мы только произвели гибель, а произведенное временемъ изъ созданныхъ нами развалинъ ни мало не соотвѣтствуетъ тому, что мы хотѣли въ началѣ... Что вредно въ настоящемъ, то есть истинное зло, хотя бы и было благотѣльно въ своихъ послѣдствіяхъ; никто не имѣетъ права жертвовать будущему настоящимъ и нарушать вѣрную справедливость для невѣрнаго возможнаго блага. *Человѣкъ во всякую настоящую минуту можетъ быть справедливымъ; во этомъ его человѣческая свобода.* Что справедливо теперь, то несомнительно, жертвовать этимъ несомнительнымъ, единственно возможнымъ человѣку, для вѣроятной, слѣдовательно, сомнительной пользы, есть преступленіе или безумство. Ибо кто отвѣчаетъ за будущее? И слѣдующій мигъ не принадлежитъ намъ: это уже область Провидѣнія... Должны ли мы себя осудить на бездѣйствіе и неподвижно предаться во власть времени?... Нѣтъ. *Но для человѣка довольно собственной дѣятельности безъ дерзкаго присвоенія той, которая не принадлежитъ ему.* Иди шагъ за шагомъ за временемъ, вслушивайся въ его голосъ и исполняй то, что онъ требуетъ. Отставать отъ него столь же бѣдственно, какъ и перегонять его... Работая безпрестанно, неутомимо, на ряду со временемъ, отдѣляя отъ живого то, что оно уже умертвило, питая то, въ чемъ уже таятся зародышъ жизни, и храня то, что зрѣло и полно жизни, ты безопасно, безъ всякаго гибельнаго потрясенія, произведешь или новое необходимое, или уничтожишь старое, уже бесплодное или вредное. Однимъ словомъ, живи и давай жить другимъ, и паче всего блюди *Божію правду*" 1).

Отсутствіемъ „*Божьей правды*“ объясняется плачевное состояніе Запада, о которомъ въ письмахъ къ Ал. Тургеневу сѣтуетъ Жуковский: „въ нашемъ убійственно позитивномъ вѣкѣ“ нѣтъ ничего святаго, „математически-гордый умъ гонить Бога съ мѣста“, и „образованность сдѣлалась плодомъ безъ зерна“. Правда, Франція „никогда не имѣла такой массы свободы“, зато „достоинство человѣческое унижено, свѣтлое раздавлено“ (1833 г. 15 генв.). Свобода „не безумное равенство правъ, а независимость каждаго на его мѣстѣ“, пишетъ онъ, прочитавъ первый томъ „Haller's Restauration der Staats-Wissenschaft“; онъ увлеченъ его системой, жалѣетъ, что не познакомился съ нею

1) 1833: Отрывки письма о Швейцаріи и революціяхъ = письмо къ Козлову 4 генв. 1833 г.

ранѣ, и самъ обрушивается на защитниковъ „фальшивой свободы, верховной власти народа, такъ называемаго общаго блага и пр. и пр. Это отсутствіе всего Божественнаго, этотъ матеріализмъ, это замѣненіе всего высокаго и святаго въ душѣ человѣческой ариѳметическими расчетами интереса (частнаго или общаго, все равно), это презрѣніе ко всему историческому, это замѣненіе патріархальной верховной власти грубою властію народовъ, этотъ деспотизмъ книгопечатанія, которое общимъ бѣдствіемъ, то-есть безнравственностью доктринъ, губящихъ правило, замѣнило частныя бѣдствія, происходившія отъ страстей одного и оставившія слѣды неглубокіе, все это приводитъ въ трепетъ“. Революціонная богиня разума не на престолѣ и никого не пугаетъ болѣе, но она терпима: это признакъ усталости; миръ могилы, состояніе неестественное для человѣка. Надо, чтобы возвратилось „святое“, религія: „въ ней и гражданство, и свобода, и благородство души человѣческой“ (1833 г. 14/26 марта). „Что такое цивилизація? Собственность, идея правды, вниманіе ко всему уместенному. Тутъ всѣ формы годятся. Революція французская хотѣла всѣмъ дать вдругъ иную схожую внѣшность и вздумала намазать ее на лицахъ кровавою кистью“ (дневникъ, 27 марта / 8-го апрѣля 1839 г.).

Понятно, какъ долженъ былъ отнестись Жуковскій къ движеніямъ 1848 года. Они волнуютъ его, онъ говоритъ о нихъ въ своихъ письмахъ (напр. къ Наслѣднику, въ генварѣ, 17 февраля 1 марта 1848 г. и 29 генваря 1849 г.), противопоставляя „русскому великану“, „мощному первенцу творенія“ („къ русскому великану“, 1848 г.) ¹⁾—полувѣковую „мелодраму“, которую сыграла Франція. Его „Четыре сына Франціи“ представляютъ вольный переводъ четырехъ строфъ, авторомъ которыхъ, какъ ему казались, была дѣвица Цедлицъ; такъ отмѣчено на заглавномъ листкѣ бѣловаго списка, сохранившаго стихотвореніе; „пятая строфа прибавлена мною въ началѣ 1849 г.“, присоединяетъ Жуковскій, но на ней онъ не остановился, 7-я строфа говоритъ о 2-мъ декабрѣ 1851 г. И 4-я строфа не осталась безъ добавленій: Цедлицъ писала въ 1846 г., и Жуковскій поясняетъ, что именно эта строфа „заключаетъ въ себѣ пророчество, исполнившееся въ декабрѣ 1848 г.“. Въ его передѣлкѣ она и подписана 1849-мъ годомъ, и, вѣроятно, передѣлка этимъ не ограни-

¹⁾ Напечатано первоначально въ „Русскомъ Инвалидѣ“ вмѣстѣ съ экспромптомъ Тютчева. Сл. письмо Плетнева къ Жуковскому 29 октября / 10 ноября 1848 г.

чилась. Сравненіе первыхъ 3-хъ строфъ съ послѣдующими указываетъ на разницу настроенія: Цедлицъ быстро, лирически характеризуетъ событія 1789, 1812, 1830 годовъ, Жуковский ужасается и морализуетъ по поводу черни, наставленной „благимъ совѣтомъ пушки“, самодержавнаго народа, который спѣшитъ замазать на стѣнахъ „свободу, равенство и братство“— и не споется „съ владыкою штыкомъ“. Судь Божій правъ, обращается онъ къ Франціи:

Изъ чаши,
Въ которой буйно ты
Цареубійства ужасъ,
Безвѣрія чуму
И бѣшенство разврата
Въ одинъ смѣшала ядъ—
Святой воды здоровья
Не можешь ты испить;
Ни ты, ни зараженный
Твоимъ безумствомъ свѣтъ!
Но есть спасенія чаша,
Она передъ тобой,—
Къ ней, къ ней со страхомъ Божьимъ
И съ вѣрой приступи.

Что такое *Божія правда*? Въ письмѣ къ наслѣднику цесаревичу 30 авг. 1843 г. Жуковский даетъ ему знакомые совѣты: не жертвовать настоящимъ вѣрнымъ благомъ вѣроятному будущему, частнымъ благомъ—общему, такъ называемому государственному, ибо „общее благо есть сумма благъ частныхъ. Можетъ ли оно существовать въ цѣломъ, когда нѣтъ его по частямъ“? Паче всего хранить Божію правду: „самодержавіе есть только высшая степень покорности *Божьей правдѣ*“. Его опаснѣйшій врагъ—самовластіе ¹⁾. Въ 1847 году онъ прочелъ рѣчь своего „вѣнчаннаго друга“ (Фридриха Вильгельма) и восхищенъ ею; но будетъ ли она имѣть вліяніе? „Слишкомъ проникнуть дьявольскою необузданностью нашъ вѣкъ, чтобы понять и принять голосъ верховной *Божьей правды*“; наше время—„палачъ всякой правды“ ²⁾. Подъ развитіемъ самодержавія разумѣется твердѣйшее укорененіе и распространеніе его патріархальнаго

¹⁾ Сл. письмо къ нему же 1845 г., 23 августа.

²⁾ Изъ Эмса 2 іюня 1847 года, къ нему же; то же въ письмѣ къ кн. Вяземскому, того же дня и года.

могущества, котораго источникъ и право есть верховная *Божія правда*¹⁾. Іоаннъ Миллеръ заключилъ свою всеобщую исторію словами: умѣренность, порядокъ²⁾; это правило, извлеченное имъ изъ исторіи, можно извлечь и изъ начала высшаго и выразить словами: *Божія правда*³⁾. Либо, вмѣсто умѣренности, „золотая середина“: реформа во-время „по закону *вѣчной правды*“⁴⁾, „могучій русскій великанъ, представитель русскаго самодержавія, т.-е. *высшей правды*“⁵⁾. Съ *Божьей правдой* водворится и *свобода*, которая „не иное что, какъ личное благоденствіе всѣхъ и каждого, хранимое властью, не жертвующее призраку благоденствія общаго, а его въ свсемъ итогъ производящее“⁶⁾, ибо нельзя разрушить всѣ частныя земныя блага, „чтобы на нихъ построить Публичнаго безжизненнаго блага темницу“. („Страстующій Жидъ“, 1851—2 г.).

Но, чтобы Божія правда водворилась, надо, чтобы она „пвѣла“ въ *душѣ* государей („Но трона красота—великая *душа*“, „Императору Александру“, 1814 г.). Въ „Собиратель“ 1829 года говорится: „душа государя есть то же для нравственной жизни народа, что климатъ для жизни физической человѣка“ („Климатъ физическій и нравственный“); „сила нравственная въ *душѣ* государей“ (къ Наслѣднику 1832 г., 5 ноября); лишь Божьей правдой сильны цари, „ею одною человѣкъ пріобрѣтаетъ достоинство сына Божія, она есть главное на землѣ, ибо частное на землѣ есть *душа* человѣка. Царство исчезаетъ; все, что человѣкъ создаетъ, или не совершается, или обращается въ прахъ; самый родъ человѣческій есть только измѣняющееся явленіе. Одно существуетъ, одно принадлежитъ Богу на всѣ вѣка — наша душа и все то, что въ ней сохранилось, взятое ею изъ временной жизни“ (ему же 30 авг. 1843 г.). Въ письмахъ къ государынѣ Жуковскій указываетъ на мѣсто, которое Фридрихъ Вильгельмъ III займетъ „въ исторіи *души царской*, ибо на землѣ все для души“; „въ наше время, когда все трещитъ и ломается,

1) О стихотвореніи „Святая Русь“ 1848 г.

2) См. комментарий къ этимъ словамъ въ „Собиратель“ 1829 г.: „Хрестоматія для вел. кн. Александры Николаевны“ („Польза исторіи для государей“).

3) „Самоотверженіе власти“ 1848 г. (сл. письмо къ Наслѣднику 3/15 декабря 1848 г. 19/31 генв. 1849 г.).

4) „Теорія и практика“ 1848; повторено въ письмѣ къ вел. кн. Константину Николаевичу (2/14 марта 1850 г.). Сл. въ дневникѣ 5 іюня 1838 г. замѣтку о шведской конституціи.

5) Къ Д. П. Сѣверину 17 ноября 1848 г. „Русскій Архивъ“ 1900 г., № 9 стр. 43; къ Булгакову 7 марта 1848 г. „Русскій Архивъ“ 1868 г., стр. 1470.

6) „О происшествіяхъ 1848 г.“.

много спасательной силы заключено, быть можетъ, въ душевномъ союзѣ царей, согласныхъ любовію къ правдѣ, вѣрѣ и истинной свободѣ“ („къ Наслѣднику, Дюссельдорфъ 12 окт. 1843 г.“). Могущество царя опирается на нравственность народа, а для этого надлежитъ, „чтобы душа царева была святилищемъ этой нравственности“ (ему же 15/27 дек. 1847 г.).

Таковъ идеаль мирной исторической эволюціи, снившійся Жуковскому; возможна она лишь тамъ, гдѣ, какъ у насъ, сохранилось народно-историческое преданіе, и еще почитаются устои древней жизни, пережившіе всѣ перевороты, включая петровский. Какъ относился Жуковскій къ послѣднему? Въ 1810 году онъ упрекалъ себя, что, не зная азбуки, взялся за авторство: „хвататься за трудное, не приготовивъ себя къ успѣшному его исполненію работою продолжительною, есть свойство русскихъ, за которое они должны благодарить Петра Великаго“ ¹⁾. „Въ Сардамскомъ домикѣ“ (апрѣля 1839) полно восторженнаго лиризма, какъ и посланіе къ поэту Леннепсу (7/19 апрѣля 1839) ²⁾ и письмо къ императрицѣ (изъ Гаги 17 апрѣля): „при взглядѣ на лачугу, гдѣ жилъ Петръ Великій, слезы полились изъ глазъ моихъ, и намъ въ эту минуту стало понятно, почему между чувствами, проходящими по душѣ человѣческой, одно изъ самыхъ сладкихъ есть благодарность Государю за отечество; оно именно потому такъ сладко, что оно совершенно безкорыстное. Благодарность не за себя, не за всѣхъ и за одно благотворное дѣло, а за пожертвованіе цѣлой жизни святому дѣлу, и радуешься, что находишь себя способнымъ чувствовать такого рода благодарность“ ³⁾. Петра Великаго давно нѣтъ, и его Сардамскій домикъ

¹⁾ Къ Ал. Тургеневу 4 дек. 1810 года.

²⁾ Сл. дневникъ 1839 11/22 апрѣля: „Сочинилъ стихи Леннепсу, которые прочиталъ съ удовольствіемъ Толстому“.

³⁾ Сходная идеи въ черномомъ письмѣ къ вел. княгинѣ Александрѣ Федоровнѣ (Дрезденъ 4/16 іюня), ошибочно напечатанномъ въ Щукинскомъ Сборникѣ (вып. I, стр. 66 слѣд.), какъ обращенное къ вел. кн. Николаю Павловичу. Жуковскій говоритъ о своей прощальной бесѣдѣ съ прусскимъ наслѣднымъ принцемъ, которому всею душою желалъ счастья: „въ желаніи счастья тому, кого судьба помѣстила на такую высокую степень, есть что-то возвышенное и благородное; все личное исчезаетъ, слово счастье получаетъ какой-то величественный смыслъ; думаешь не объ одномъ настоящемъ, не объ однихъ мелкихъ, ежедневныхъ обстоятельствахъ жизни; желаешь добра не одному, а въ одномъ множеству, желаешь ему великаго, прекраснаго мѣста въ исторіи: такого рода чувство трогаетъ душу, и я разстался съ нимъ, будучи тронутъ не одною благодарностью за ту, смѣю сказать, дружескую ласку, съ какою онъ со мною простился, но вмѣстѣ и мыслію, что онъ способенъ получить то счастье, котораго я искренно пожелалъ ему“. Этого эпизода (стр. 67) нѣтъ въ

чуть держится, но это мѣсто для русскаго имѣетъ очарованіе невыразимое. Жуковскій приводитъ здѣсь отрывокъ изъ своего посланіи къ Леннепсу:

Работникомъ простымъ
Въ Сардамской хижинѣ великій царь тайлся
И, плотничая тамъ, владыкой быть учился.
Тамъ мыслю его корабль застроенъ тотъ ¹⁾,
На коемъ по волнамъ временъ и поколѣній,
Неизмѣняемый ²⁾ средь бурныхъ измѣненій,
Имъ созданный народъ
Указаннымъ путемъ ³⁾ плыветъ подъ флагомъ славы,
Корабль великія Россійскія державы.

И повѣрьте мнѣ, что эта избушка, гдѣ я провелъ, одинъ, незабвенные полчаса... думалъ о Петрѣ, живо вспоминая государя, о которомъ вообще какъ-то чаще думается здѣсь, гдѣ такъ много слѣдовъ могучаго сардамскаго плотника“.

Мѣсяца два спустя Жуковскій любовался въ Петербургѣ Зимнимъ дворцомъ, въ одинъ годъ вновь отстроеннымъ послѣ пожара 1837 года: „совершенный образецъ Россіи: огромно, безъ точности, безъ общей связи, выраженіе одной общей воли, которая, повелѣвая, рабствуетъ. Во всѣхъ мелочахъ отражаетъ тотъ характеръ, который далъ Россіи Петръ Великій: скорѣй во что бы то ни стало. Мы не идемъ впередъ, а скачемъ отъ пункта къ пункту, впередъ ли, назадъ ли—все равно“ ⁴⁾.

Еще въ 1841 году въ письмѣ къ вел. князю Константину Николаевичу (5/17 сентября) Жуковскій характеризовалъ Петра какъ представителя „звѣдующей силы“, который вспахалъ дикую почву Россіи и засѣялъ ее сѣменами, уже давшими богатую жатву. Подъ впечатлѣніемъ событій 1848 года, которыми полны его тревожныя письма, его взгляды опредѣляются: надо „китайскою стѣною отгородить Россію отъ заразы“, она есть отдѣльный, самобытный міръ ⁵⁾. „А наша святая Россія?... Ходъ Европы не нашъ ходъ; что мы у нея заняли, то наше, но мы должны

текстъ письма, напечатаннаго И. А. Бычковымъ въ „Русской Старинѣ“ 1901 г. октябрь, стр. 224. См. выше стр. 291, прим. 2.

¹⁾ Въ печатномъ изданіи: „здѣсь былъ его рукой корабль“.

²⁾ Въ печатномъ текстѣ: „неизмѣняемо“.

³⁾ „Указаннымъ путемъ“ нѣтъ въ печатномъ текстѣ.

⁴⁾ Дневникъ 1839 г. 27 іюня.

⁵⁾ Къ наслѣднику 17 февраля 1848 г.

обрабатывать его у себя, для себя, по-своему, не увлекаясь подражаніемъ, не слѣдую движенію Запада, но и не вмѣшиваясь въ его преобразованіе. Въ этой отдѣльной самобытности вся сила Россіи. Она—представитель чистаго патріархальнаго монархизма. Самодержавіе въ его полномъ, благотворномъ развитіи есть ея доля, самодержавіе безъ всякой примѣси произвола“ ¹⁾. „А наша святая Россія? повторяетъ онъ на слѣдующій день. О, она тверда собственной силой... Ея сила стоитъ на святомъ, вѣковомъ фундаментѣ самодержавія, ея эмблема—Александровская колонна!... Россія, прежде безобразная скала, набросанная медленнымъ временемъ, мало-по-малу подъ шумомъ древнихъ междоусобій, подъ громомъ половецкихъ набѣговъ, цодъ гнетомъ татарскаго ига, въ бояхъ литовскихъ, сплоченная самодержавіемъ, слитая воедино и обгесанная рукой Петра... Для меня теперь стало еще яснѣе, что ходъ Россіи не ходъ Европы, а долженъ быть ея собственный; это говоритъ намъ вся наша исторія, вопреки тому *насилію*, которое сдѣлала намъ могучая рука Петра, бросившая насъ на дорогу намъ чуждую“ ²⁾. Дальнѣйшее содержаніе этого письма развито въ письмѣ къ князю Вяземскому по поводу его стихотворенія „Святая Русь“; опущена фраза о „насиліи“, и выяснены природные устои русской жизни.

Такими устоями издревле были у насъ церковь и самодержавіе ³⁾, и „вѣра въ святое“ не исчезла, какъ на Западѣ, отъ „ѣдкой дѣятельности ума человѣческаго“, отъ „злоупотребленія ума“. Это онъ искажилъ западную цивилизацію, истощилъ чувство, вѣру, уничтожилъ семью. Чтобы спасти себя, Западу надо вернуться къ вѣчнымъ, покинутымъ имъ основамъ, намъ слѣдуетъ только выйти изъ „бездѣйственнаго неупотребленія ума“ и *пересоздать западную цивилизацію въ свою собственную*, на своихъ началахъ. Не даромъ „Святая Русь“—„ровесникъ христіанской Россіи“; Россія—политическій терминъ, Святая Русь—„собственность русскаго народа“, упроченная ему Богомъ. Не говорятъ объ англійскомъ, нѣмецкомъ Богѣ, но *русскій Богъ* отразилъ „какое-то особенное народное преданіе о Богѣ, давнишнемъ сподвижникѣ Руси“; удивительное созданіе нашего ума, „отдѣльно существующее при вѣрѣ въ Бога христіанскаго“, выведенное русскимъ народомъ изъ откровеній его исторіи, соединяющее

¹⁾ Къ нему же 1848 г. 5 марта.

²⁾ Ему же 4 июня 1848 г.

³⁾ См. статью „Самодержавіе“ въ „Политическихъ и философскихъ замѣткахъ и мысляхъ В. А. Жуковскаго“, I. с., стр. 49 слѣд.

въ одномъ словѣ „наше бодрое, безпечное авось... съ крѣпкою надеждою на высшее провидѣніе“ ¹⁾).

Когда въ 1850 году Жуковскій резюмировалъ свои общественные взгляды въ біографическомъ очеркѣ, посвященномъ Радовицу, далеко было то время, когда князь Вяземскій звалъ Жуковского къ подвигу „гражданскаго пѣснопѣвца“, но едва ли и въ ту пору общественное міросозерцаніе поэта принципиально отличалось отъ воззрѣнія его старчества; если кто измѣнился, такъ это князь Вяземскій, авторъ известной записки къ гр. Уварову; теперь онъ „задумчивый философъ, тихій христіанинъ, меланхолическій затворникъ“ (Плетневъ къ Жуковскому 28 февраля / 11 марта 1849 г.), пѣснопѣвецъ „Русскаго Бога“. Источника этихъ воззрѣній надо искать тамъ же, гдѣ сложилось для Жуковского и его пониманіе поэзіи; отъ Карамзина и посланія къ имп. Александру (1814 г.), черезъ „Русскаго Бога“ Кюхельбекера прямой путь къ славянофиламъ; туда же шелъ послѣдовательно и Гоголь. Достоевскій будетъ говорить о „русскомъ Христѣ“, объ „исключительно-религіозномъ призваніи русскаго народа“, „народа богоносца“, имѣющаго внести „примиреніе въ европейскія противорѣчія“.

Если послѣдніе взгляды Жуковского еще при жизни его вызывали цензурныя сомнѣнія, то не по существу, а потому что, отрицая противоположные, онъ невольно знакомилъ съ ними читателя. Таково было мнѣніе Дубельта ²⁾, поданное 23 декабря 1852 г. въ Главное Правленіе цензуры о послѣднихъ сочиненіяхъ Жуковского: хотя съ одной стороны одно имя автора ручается за благонамѣренность его сочиненій, съ другой—результатъ всѣхъ его сужденій въ рукописи (за исключеніемъ только нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мыслей и выраженій) клонится къ тому, чтобы обличить челоуѣка, удалившагося отъ религіи, и представить „превратность существующаго нынѣ образа дѣлъ и понятій на Западѣ, тѣмъ не менѣе, вопросы его сочиненій духовные слишкомъ жизненны и глубоки, политическіе слишкомъ развернуты, свѣжи, намъ одновременны, чтобы можно было безъ опасенія и вреда представить ихъ чтенію юной публики. Частое повтореніе словъ *свобода, равенство, реформа*, частое возвращеніе къ понятіямъ: *движеніе вѣка впередъ, вѣчныя начала, единство народовъ, собственность есть кража* и тому по-

¹⁾ О стихотвореніи „Святая Русь“ 23 іюля 1848 г.

²⁾ Въ письмѣ 10/22 октября 1848 года Жуковскій писалъ ему какъ къ „любезнѣйшему дядюшкѣ“.

добнымъ останавливаютъ на нихъ вниманіе читателя и возбуждаютъ дѣятельность разсудка. Размышленія вызываютъ размышленія, звуки — отголоски, иногда невѣрные. Благоразуміе не касаться той струны, которой сотрясеніе произвело столько разрушительныхъ переворотовъ въ западномъ мірѣ, и которой вибрація еще колеблетъ воздухъ. Самое вѣрное средство предостеречь отъ зла—удалить самое понятіе о немъ“¹⁾.

Цензура не разрѣшила печатать сборникъ религіозно-нравственныхъ статей Жуковского, посланный имъ Плетневу²⁾. Жуковский недоумѣвалъ: „по моему направленію философическому я строгій христіанинъ; я теперь вполнѣ убѣжденъ, что не можетъ быть другой философіи, кромѣ христіанской, то-есть кромѣ основанной на откровеніи. О разныхъ исповѣданіяхъ я не спорю; по моему глубокому убѣжденію я принадлежу православію и наиболѣе утвердился въ немъ въ послѣднее время жизни, но это однако не приводитъ меня къ мнѣнію, что ни католикъ, ни протестантъ не могутъ быть вѣрующими христіанами... Относительно политики я, по глубокому убѣжденію, а не по страху полиціи, вѣрую въ необходимость самодержавія и болѣе всего желаю сохранить его для нашей Россіи неприкосновеннымъ; мнѣнія, на этой базѣ утвержденныя, не только не могутъ быть у насъ вредны, но они необходимо должны быть пущены въ ходъ, не лакейскимъ оффиціальнымъ слогомъ, а словомъ сердца и ума, покореннаго высшей правдѣ“. Самъ онъ могъ бы безпокоиться за статью о Радовицѣ, которая, по содержанію, была его письмомъ къ наслѣднику: заступаясь за Радовица, онъ говорилъ о его политикѣ „не въ томъ смыслѣ, какой находить въ ней наше правительство. Это письмо, вѣроятно, одобрено не будетъ, и его слѣдовало бы вовсе исключить изъ манускрипта. Но это теперь уже не нужно“. Онъ просилъ Плетнева взять рукопись изъ цензуры.

¹⁾ Полное собраніе сочиненій князя Вяземскаго, т. IX: Старая записная книжка 1813—52 г., стр. 48.

²⁾ „Толстый томъ“, о которомъ онъ говорилъ въ письмѣ къ Плетневу 20 декабря 1848 года; „у меня есть довольно написано философическихъ отрывковъ, они могутъ составить толстый томъ“ (къ нему же 29 сентября/11 октября 1849 г.). Переписка по этому дѣлу между Плетневымъ и Жуковскимъ продолжается съ 1849 г. по 1851 г.: послѣднее письмо Жуковского 3/15 генваря, Плетнева 1/13 октября 1851 г. Слѣдующія въ текстѣ выписки сдѣланы изъ писемъ Жуковского 19/31 декабря 1850 и 3/15 генваря 1851 г. См. еще „Соч. и переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ“, т. III, стр. 519 (Плетневъ Жуковскому 7 августа 1850 г.). Сборникъ „философическихъ отрывковъ“ недавно найденъ К. Я. Гротомъ.

Запрещена была и статья Жуковского: „Английская и русская политика“, напечатанная имъ въ „Allgemeine Zeitung“ и, по его желанію, переведенная для „Москвитянина“ Шевыревымъ ¹⁾. Статьей по поводу стихотворенія князя Вяземскаго „Святая Русь“ Государь остался очень доволенъ и приказалъ напечатать ее, исключивъ все, касавшееся реформаціи, „изъ чувства деликатности передъ тѣми, которые въ Россіи реформатскаго исповѣданія“ ²⁾.

Сенковскій слышалъ о какомъ-то запретѣ, постигшемъ Жуковского, но говорилъ о сорока (?) не разрѣшенныхъ къ печати стихотвореніяхъ. „Вы знаете, писалъ онъ Загоскину, что Василій Андреевичъ неспособенъ, такъ же, какъ и мы съ вами, написать что-нибудь неприличное или вредное... Что же?.. Жуковскій уже не можетъ ничего написать“ ³⁾.

¹⁾ Барсуковъ, I. с., X, стр. 1902—3.

²⁾ Плетневъ Жуковскому 29 октября/10 ноября 1848 г.

³⁾ „Русская Старина“ 1902 г., июль, стр. 94.

ХІІ.

„Бывалыхъ нѣтъ въ душѣ видѣній“. „Милости просимъ, святая проза“.

I.

Когда въ 1826-мъ году Жуковскому поручено было руководить учебной частью воспитанія наследника престола, его общественное міросозерцаніе сложилось прочно; серьезно и благоговѣнно принялъ онъ къ сердцу свое назначеніе, въ сознаніи высокаго долга—и своей неприготовленности: „Toute ma vie est maintenant dévouée à mon sacré devoir“, писалъ онъ государынѣ въ день отъѣзда (11 мая 1826 г.). „Que Dieu me donne la santé et surtout la capacité pour le remplir dignement. Je n'ai a présent qu'un seul but: il me fait supporter ma vie, mais aussi il me remplit de crainte, car je me défie de mes forces“ ¹⁾. „Ce devoir est l'unique but de mon existence, повторяетъ онъ изъ Парижа 15/27 іюня 1826 года, c'est en lui seul que se réunissent maintenant toutes mes idées de bonheur ici-bas, toutes mes plus chères espérances“; его опасеніе — „c'est celle de mon incapacité et mon peu d'expérience“. И въ то же время у него вспыхиваетъ воспоминаніе о старинѣ съ ея неосуществившимися идеалами; изъ Парижа и въ томъ же мѣсяцѣ онъ писалъ г-жѣ Моро де ла Мельтьеръ: „Муратово—это мѣсто, гдѣ протекалъ мой золотой вѣкъ. То была поэтическая жизнь, и только тогда я былъ поэтомъ. Изъ этого прошедшаго ничего не существуетъ, а что и осталось, то весьма перемѣнилось... А я брошенъ на особаго

¹⁾ „Русская Старина“ 1903, мартъ, стр. 47—8.

рода пути, котораго никогда не думалъ выбирать, и по которому влечетъ меня сама судьба. И вотъ я отданъ дѣятельности, вовсе не похожей на ту, которая нѣкогда наполняла мою душу“. На то воля Провидѣнія; новая дѣятельность пугаетъ его, но онъ готовъ ей отдаться, она наполняетъ его существованіе; вся его жизнь принадлежитъ ей. И опять у него сомнѣнія: ни онъ, ни Мёрдеръ, назначенный воспитателемъ наслѣдника, не отвѣчаютъ своей цѣли, пишетъ онъ государынѣ (іюля 1/13 1827 г.), для этого надо быть ученымъ „въ наукѣ человѣчества“, „испытать борьбу человѣческихъ страстей въ особенности на поприщѣ политическомъ“, „пройти этотъ курсъ наукъ не по книгамъ, но по событіямъ и выработать изъ этихъ практическихъ наблюденій нравственныя правила“ ¹⁾. — Онъ „учится“ въ Дрезденѣ, въ Парижѣ, этого недовольно. „Жуковскому очень бы хотѣлось возвратиться на полгода въ какой-нибудь нѣмецкій университетъ, писалъ Ал. Тургеневъ брату Николаю (8 сентября 1827 г.), ибо онъ чувствуетъ, какъ академическая жизнь прилѣпляетъ къ труду учебному и ученому, и для будущаго его занятія эти полгода были бы полезны. Но это только—*pia desideria*“.

Въ Петербургѣ, куда Жуковскій явился въ октябрѣ 1827 г., онъ всецѣло отдался своему долгу. „Живу очень уединенно, пишетъ онъ Ал. Тургеневу, всегда почти обѣдаю дома, изрѣдка бываю въ людяхъ; на это у меня опредѣленный часъ послѣ обѣда“ ²⁾. Онъ отдыхаетъ лишь на своихъ литературныхъ субботахъ, „на высотѣ семидесятиступенной“, „на четвертомъ небѣ“ ³⁾, въ квартирѣ Шепелевскаго дворца, или показывается въ салонѣ Россети-Смирновой, литературной красавицы, у которой собирались его друзья, поклонники „небеснаго дьяволенка“, какъ звалъ ее Жуковскій, „доньи Соль“ кн. Вяземскаго. Здѣсь онъ

1) „Въ политикѣ я не судья, писалъ впоследствии Жуковскій (въ характеристикѣ Радовица 1850 г.), могу только съ нѣкоторою ясностью повторить то, что слышалъ, но не могу взять на себя произнести какой-нибудь приговоръ, ибо для того нужна опытность политическая, которой я не имѣю, нужно имѣть передъ глазами весь ходъ происшествій современныхъ: я не могъ слѣдовать за ними съ надлежащимъ вниманіемъ на всѣ подробности, бывъ занятъ своимъ личнымъ дѣломъ“. См. его письмо къ вел. кн. Константину Николаевичу 2/14 марта того же года: его жизненная дорога „была стороннею тропинкою, хотя и прошла черезъ свѣтлый домъ русскаго царя; цвѣтовъ опытности я не много на ней собралъ: я не практический человѣкъ“. Слѣдуетъ выдержка изъ его статьи 1848 г.: „Теорія и практика“.

2) Изъ письма Ал. Тургенева къ брату Николаю 26 декабря 1827 г.

3) См. письмо Гнѣдича къ Жуковскому 28 декабря 1828 г. и В. Перовскаго къ нему же 17 сентября того же года, „Русская Старина“ 1903 г. июль.

могъ отводить душу въ живой бесѣдѣ, полюбоваться на своего „феникса-Пушкина“. Онъ какъ дома: такъ добродушенъ, такъ мило острить, ему даютъ прозвища „Sweet William“, „бычокъ“, „милый, мычащій бычокъ... тотъ самый бѣлый быкъ, о которомъ рассказываетъ дѣтская сказка“,--и онъ доволенъ. Часто онъ отсутствуетъ, потому что долженъ работать ¹⁾.

„Работалъ онъ, какъ бенедиктинецъ. Сколько написалъ онъ, сколько начерталъ плановъ, картъ, конспектовъ, таблицъ историческихъ, географическихъ, хронологическихъ! вспоминаетъ кн. Вяземскій. Бывало, придешь къ нему въ Петербургъ: онъ за книгою и дѣлаетъ выписки, съ карандашомъ кистью или циркулемъ, и чертитъ и малюетъ историко-географическія картины“ ²⁾.

Въ „планѣ ученія“, представленномъ Жуковскимъ государю, цѣлью воспитанія поставлено: „образование для добродѣтели“ путемъ развитія природныхъ добрыхъ качествъ воспитанника, его ознакомленіе съ окружающимъ, съ тѣмъ, что онъ есть и долженъ быть, какъ „существо нравственное и безсмертное“.

„Занятій множество, писалъ Жуковскій Зонтагъ: надобно учить и учиться, и время все захвачено. Прощай навсегда поэзія съ приемами. Поэзія другого рода со мною, мнѣ одному знакомая, понятная для одного меня, но для свѣта безмолвная. Ей должна быть посвящена вся остальная жизнь“ ³⁾.

Ал. Тургеневъ прислалъ ему выдержку изъ похвального слова Боссюэ, Жирардена: „Dans une monarchie l'éducation du prince est une sorte de ministère; c'est un dépôt sacré dont les peuples quelque jour auront droit de demander compte. Bossuet s'en chargea avec une sorte d'effroi religieux. Cette cour brillante, cet appareil de magnificence, cet enfant nourri dans la grandeur et dont le berceau même n'avait pas manqué de courtisans, que de périls et de travaux! „Je désire servir Dieu, dit-il dans une de ses lettres, mais le monde, le monde! les mauvais conseils! les mauvais exemples! Sauvez-nous, Seigneur, sauvez-nous! J'espère en votre bonté et en votre grâce: vous avez bien préservé les enfants de la fournaise, mais vous envoyâtes votre ange; et moi, hélas! qui suis-je“ ⁴⁾?

¹⁾ Записки Смирновой, I, стр. 42, 130.

²⁾ Полное собраніе сочиненій кн. Вяземскаго, т. VII, стр. 470.

³⁾ Зейдлицъ, I, с., стр. 143 слѣд. Сл. Соч. и переписка П. А. Плетнева, III, стр. 92.

⁴⁾ Сл. письмо Ал. Тургенева къ брату Николаю 18 ноября 1827 г. Барантъ былъ удивленъ, узнавъ, что воспитаніемъ наслѣдника руководить

Жуковский могъ волноваться по тѣмъ же соображеніямъ. Его тронуло „дружеское чувство“ къ нему Николая Тургенева, которое онъ вычиталъ въ письмѣ его къ брату ¹⁾, въ письмѣ граф. Разумовской (28 октября 1827 г.), и, отвѣчая Александру Тургеневу, онъ снова касается наболѣвшаго у него вопроса. До сихъ поръ или, лучше сказать, когда Николай Тургеневъ могъ его видѣть, онъ смотрѣлъ на него, Жуковскаго, какъ на „какого-то потеряннаго въ европейской сферѣ. Ни моя жизнь, ни мои знанія, ни мой талантъ не стремили меня ни къ чему политическому. Но когда же *общее дѣло* было мнѣ чуждо? Я не занимался современнымъ, какъ бы было должно,—это правда, и теперь вижу, что мнѣ многого недостаетъ въ моемъ теперешнемъ званіи, ибо теперешнія занятія пожираютъ все вниманіе, все сердце и все время. На внѣшнее могу только заглядывать изрѣдка, урывками. А знакомство съ нимъ необходимо для вѣрности, солидности и теплоты идей. Я живу теперь для *одного* исключительно и одно только имѣю безпокойство, часто мучительное, хорошо ли сдѣлаю свое дѣло. Другихъ безпокойствъ нѣтъ никакихъ насчетъ себя, ибо ничего *себѣ* не ищу“ (20 ноября / 5 декабря 1827 г.). „Я не почитаю себя ни счастливымъ, ни несчастливымъ; у меня есть должность, я живу для ея исполненія“ (къ Ал. Тургеневу, 4 февраля 1828 г.).

Пріятели могли говорить и тогда, какъ нѣсколько лѣтъ спустя, что Жуковский не исполняетъ святой, лежавшей на немъ обязанности, „для коей приставили его къ наслѣднику; не его вина была бы, если бы онъ и надобѣлъ напоминаніями; не рисовать, а читать, учиться надлежало... У него должна была быть одна мысль: заронить искры, пробуждать чувство,

поэтъ; въ Парижѣ объ этомъ ничего не знали“. Когда Барантъ сказалъ это Смирновой, она отвѣтила: „Это странно, такъ какъ г. Ла-Фероннэ зналъ Жуковскаго, и они бесѣдовали вмѣстѣ, даже Ла-Фероннэ прозвалъ его русскимъ Фенеломъ“. — Говорили ли они о воспитаніи? спросилъ Барантъ; можетъ быть, отвѣчала Смирнова, они говорили при мнѣ о „Духѣ Христіанства“, о религіозной поэзіи по поводу Расима и Жана Батиста Руссо, Жуковский о Мильтонѣ; но за разговоромъ я не слѣдила и въ записки свои не внесла; впрочемъ, я была тогда очень молода, заключаетъ она (Записки А. О. Смирновой, I, стр. 228). Ла-Фероннэ былъ французскимъ посланникомъ въ Петербургѣ.

¹⁾ „Какою частію занимается Жуковский? спрашивалъ брата Николай Тургеневъ (14 сентября 1826 г.). Очень радуюсь, что онъ съ вами. Изъ всѣхъ людей, которыхъ я знавалъ, я не видалъ другой души столь чистой и невинной. Я, бывало, негодовалъ на него, что онъ въ стихахъ своихъ не говоритъ объ уничтоженіи рабства“. „Русская Старина“ 1901 г., май, стр. 255.

обращать, отвращать отъ баловъ и парадовъ и устремлять на лучшее устройство; заговаривать о важномъ, хотя бы и не слушали его, не отвѣчали ему. Россія, друзья истинные его и отечества не заглянуть въ его альбомы, а спросятъ, что узналъ онъ и его воспитанникъ, чѣмъ прельщался онъ и что вывезъ изъ Германіи и Англіи для Россіи. Ему надлежало такъ надобѣсть великому князю и прочимъ приставамъ, чтобы быть отослану или съ дороги, или по возвращеніи, и тогда бы онъ дорисовалъ свой *album* спокойной кистію и съ спокойной совѣстію на досугъ и сохранилъ бы *otium cum dignitate*“ (Ал. Тургеневъ кн. Вяземскому 1839 годъ 21 апрѣля).

Жуковскій сдѣлалъ свое дѣло, положивъ на него все сердце и время, совѣстливо, въ предѣлахъ возможности и въ размѣрѣ своихъ гуманныхъ идеаловъ.

Жуковскій во дворцѣ былъ отрокомъ Бѣлева:
Онъ вѣру, и мечты, и кротость сохранилъ,
И дѣвственной души онъ ни лукавствомъ слова,
Ни тѣнью трусости, дитя, не пристыдилъ ¹⁾.

Стихи кн. Вяземскаго, поддержанные слѣдующими воспоминаніями, освѣщаютъ эту пору дѣятельности Жуковскаго, бросая свѣтъ и на его раннее положеніе при дворѣ въ 1817—20-хъ годахъ, и на неуравновѣшенность его берлинскаго дневника ²⁾. „Оффиціальнѣй Жуковскій не постыдитъ Жуковскаго поэта. Душа его осталась чиста и въ томъ и въ другомъ званіи“. Разумѣется, бывали у него и темныя минуты. „Особенно, такія минуты могли падать на долю Жуковскаго въ средѣ, въ которую нечаянно былъ онъ выдвинутъ судьбою. Впрочемъ, не все тутъ было дѣломъ судьбы или случайности. Призваніемъ своимъ на новую дорогу Жуковскій былъ обязанъ первоначально себѣ, то-есть личнымъ своимъ нравственнымъ заслугамъ, дружбѣ и уваженію къ нему Карамзина и полному довѣрію царскаго семейства къ Карамзину. Какъ бы то ни было, онъ долго, если не всегда, оставался новичкомъ въ средѣ, опредѣлившей ему мѣсто при себѣ. Онъ вовсе не былъ честолюбивъ въ обыкновенномъ значеніи этого слова ³⁾. Онъ и при дворѣ все еще былъ „Бѣлева мирный житель“. Отъ него все еще пахло, чтобы не ска-

¹⁾ Изъ стихотворенія „Замѣтка“. Полное собр. соч. кн. Вяземскаго т. XI, стр. 388.

²⁾ См. выше стр. 287 слѣд.

³⁾ См. выше стр. 284 отзывъ Карамзина.

зять, благоухало, сельской элегіей, которою началъ онъ свое поэтическое псприще. Но со всѣмъ тѣмъ, онъ былъ щекотливъ, иногда мнителенъ: онъ былъ цвѣтокъ „не тронь меня“; онъ иногда приходилъ въ смущеніе отъ малѣйшаго дуновенія, которое казалось ему неблагопріятнымъ, именно потому, что онъ не родился въ той средѣ, которая окружала и обнимала его, и что онъ былъ въ ней пришлый и такъ сказать чужеземецъ. Онъ, для охраненія личнаго достоинства своего, бывалъ до раздражительности чувствителенъ, взыскателенъ, можетъ быть, иногда и не кстати ¹⁾. Переписка его, въ свое время, все это выскажетъ и обнаружитъ, но между тѣмъ и докажетъ она, что всѣ эти маленькія смущенія были мимолетны. Искренняя, глубокая преданность съ одной стороны, съ другой уваженіе и сочувствіе были примирительными средствами для скорого и полного возстановленія случайно или ошибочно разстроеннаго равновѣсія“ ²⁾.

Дневникъ, веденный съ 27 іюля по 4 августа 1837 г. старымъ пріятелемъ Жуковскаго, Александромъ Михайловичемъ Тургеневымъ, въ дни пріѣзда въ Москву Жуковскаго съ наслѣдникомъ, и начинающійся чѣмъ-то въ родѣ обращенія къ другу, открываетъ другія, не столь веселыя перспективы на обстановку, въ которой находился воспитатель ³⁾. „На тебя смотритъ вся Россія, вся Европа. Первая утѣшаетъ себя мыслью упованія, наслаждается благоденствіемъ, уготованнымъ трудами и попеченіемъ твоимъ при развитіи душевныхъ качествъ питомца твоего; вторая знаетъ тебя, какъ знаменитаго автора. Ты не принадлежишь самъ себѣ; имя твое будетъ извѣстно въ позднѣйшемъ потомствѣ. Роль твоя à peu près—роль Адашева. Въ этихъ отношеніяхъ ты ходишь, какъ говорятъ, по вожевому острою. Ты всѣмъ извѣстенъ добротою души и сердца твоего. Всѣ знаютъ, что душа твоя свѣтла, какъ зеркало, съ котораго и малѣйшее дуновение мгновенно исчезаетъ. Но знай, что ты имѣешь много людей недоброжелательствующихъ тебѣ. Всѣмъ тѣмъ, которыхъ называютъ у насъ родовыми, ты не угоденъ, потому что у тебя нѣтъ трехсаженной поколѣнной ермола-

¹⁾ Слѣды этой излишней чувствительности сохранились въ дневникѣ. См. напр. замѣтку подъ 9/21 апрѣля 1839 года: „привезли ленту и брильянты Кавелину, а мнѣ оплеуху“. Сл. дневникъ 1839 г. 25 іюня.

²⁾ Полное собр. соч. кн. Вяземскаго, т. VII, стр. 472.

³⁾ См. К. Я. Гротъ, „В. А. Жуковскій въ Москвѣ въ 1837 году“. Спб. 1902 г. стр. 6—8.

фіи¹⁾. Въ шестьдесятъ лѣтъ жизни мнѣ довелось видѣть одного въ большомъ табунѣ родовыхъ, который не принадлежалъ къ роду, а прочіе всѣ носили отпечатокъ наслѣдниковъ Тараса Скотинина. Сколько разъ слышалъ я восклицанія насчетъ выбора твоего: чему быть доброму, что можемъ у него занять, чему научиться? Стихи писать? И вслѣдъ за сими восклицаніями панегирикъ Екатеринѣ II за премудрое избраніе Николая Ивановича Салтыкова²⁾, человѣка п...ѣйшаго и гн...ѣйшаго, какого когда-либо видали подъ солнцемъ... Яувѣренъ..., что ты скорѣ согласишься умереть, нежели сдѣлать какую-либо подлость. Но суди жъ о людяхъ, и именно родовыхъ, которые до того и тупы и дерзки, что осмѣливаются тебя ставить въ параллель съ Н. И. Салтыковымъ. И потому повторяю тебѣ, ты ходишь по ножевому острию. Помни, родовая сволочь на все способна!... Питомца твоего масса любить и обожаетъ, родовая сволочь видитъ въ немъ направленіе, не сообразное съ ея желаніями. Она будетъ всячески стараться употреблять всѣ ухищренія, чтобы завладѣть грунтомъ и истребить добрыя сѣмена, тобою насажденные. Уповаю на Бога! Это ей не удастся“.

„Поэзія, идущая рядомъ съ жизнью, товарищъ несравненный“, писалъ Жуковский въ 1815 году³⁾; стиль этой поэзіи удержался и въ эпоху мадригала, когда „сердечное воображеніе“ вступило въ роль сердца, но затѣмъ товарищъ сталъ сторониться. 1821—2 годы были для Жуковского климатерическими. Самъ онъ надѣялся, что путешествіе не только „оживитъ и расширитъ его душу“, и его „вялость душевная поубавится“, но что оно пробудитъ „давно уснувшую поэзію“; въ 1822 году онъ сознается, что поэзія уже перестала быть отголоскомъ жизни⁴⁾. „Время поэзіи уже пролетѣло для Жуковского, пролетѣло навсегда, писалъ впоследствии Полевой: восемь лѣтъ тому назадъ (въ 1823-мъ году) онъ спрашивалъ дарователя пѣснопѣй, генія

¹⁾ Ермолафія — чепуха (здѣсь въ смыслѣ родословной); Ермолафъ — кличка А. М. Тургенева въ письмахъ къ нему Жуковского. „Я невѣжда — Ермолафъ“, писалъ Тургеневъ Жуковскому, укорявшему его за то, что „Кота въ сапогахъ“ онъ предпочитаетъ Одиссею. Крыловъ вывелъ подъ именемъ Ермалафида писателя новѣйшей (Карамзинской) формаціи, невѣжу, отрицавшего всѣ науки и „правила древнихъ“ во имя „свободы словесныхъ наукъ“. Сл. „Похвальная рѣчь Ермалафиду, говоренная въ собраніи молодыхъ писателей“. „С.-Петербургскій Меркурій“ 1793 г. апрѣль, ч. 2-ая, стр. 26 слѣд.

²⁾ Князь Н. И. Салтыковъ, съ 1783 г. воспитатель вел. князей Александра и Константина Павловичей.

³⁾ См. выше стр. 193.

⁴⁾ См. выше стр. 215.

чистой красоты, возлагая на алтарь его все, что сохранилъ отъ милыхъ, темныхъ и ясныхъ минувшихъ дней, отъ времени прекраснаго,—цвѣты уединенной мечты и цвѣты лучшей жизни, спрашивалъ его о возвратѣ вдохновенія и говорилъ:

Бывалыхъ нѣтъ въ душѣ видѣній,
И голосъ арфы замолчалъ.
Его желаннаго возврата,
Дождаться ль мнѣ когда опять?
Или навѣкъ его утрата,
И вѣчно арфѣ не звучать“ 1)?

Вернется ли когда чреда „свѣтлыхъ вдохновеній“, поэтъ не знаетъ, но ему знакомъ еще „геній чистой красоты“, онъ различаетъ сіяніе его звѣзды и еще надѣется.

Не умерло очарованье,
Былое сбудется опять
(„Я музу юную бывало“).

Въ немъ замирало мало-по-малу то настроеніе, которое, пережитое и выстраданное однажды въ жизни, оставалось въ немъ и позже живымъ, хотя бы и формальнымъ ферментомъ; источникъ его элегической фантазій не билъ съ прежней силой. „Моя муза молчитъ, пишетъ онъ Дмитріеву (1825 г. 28 марта): она выбрала теперь для себя совсѣмъ другую дорогу и не смѣетъ ее покинуть или, лучше сказать, не можетъ“. „Съ 1817 года начинается другая половина жизни моей, совершенно отличная отъ первой, писалъ онъ впослѣдствіи импер. Николаю. Я былъ приближенъ къ особѣ государыни императрицы... Въ это время я продолжалъ еще писать 2). Но съ той минуты, въ которую возложена была на меня учебная часть воспитанія ве-

1) „Очерки“, I, 96. Рѣзкій, но едва ли справедливый отзывъ Полевого въ другомъ мѣстѣ статьи (стр. 115): „Съ изгнаніемъ непріятеля (1812 г.) возобновились мирныя занятія Жуковскаго. Но геній *собственной* поэзіи его, блеснувшій на минуту, тогда же уже исчезъ. Все, что ни писалъ онъ послѣ, были... переводы съ нѣмецкаго, или лирическія, на случай сочиненныя пьесы“.

2) Несмотря на „грамматическія занятія“. Сл. выше стр. 251 прим. 5 и стр. 342 прим. 1. Въ 1819 году, 5 іюня, И. И. Дмитріевъ писалъ А. Тургеневу: „Можетъ быть, Плещеевъ успѣетъ обратить Жуковскаго къ поэзіи и простудить его къ грамматическимъ таблицамъ. Какъ можно поэту заниматься такою работою!“ „Русская Старина“ 1903 г., ноябрь, стр. 716.

ликаго князя, авторство мое кончилось, и я сошелъ со сцены“ ¹⁾. Въ 1827 году (27 ноября) онъ извиняется передъ Измайловымъ, что ничего не даетъ въ его „Литературный Музеумъ“: „ничего не написалъ и не скоро что-нибудь написать надѣюсь“; сердится на Тургенева, что онъ снабдилъ его стихами альманахъ Ѳедорова („Памятникъ отечественныхъ музъ, изданный на 1827 г.“): „во всемъ его альманахѣ не было ничего хуже моихъ пьесъ“ ²⁾. Онъ перекладываетъ въ стихи сказки, возвращается къ балладамъ и входитъ постепенно въ колею переводовъ, въ тотъ третій періодъ своей дѣятельности, когда изъ лирика онъ сталъ „болтливымъ сказочникомъ“ ³⁾, „смирнымъ поэтомъ-разсказчикомъ“ ⁴⁾, изъ „таинственно-заносчиваго германскаго романтика“ — „смирнымъ классикомъ“ ⁵⁾. Въ концѣ 1832 и началѣ 1833 года онъ переводитъ съ какимъ-то лихорадочнымъ спѣхомъ: въ 1832 г. 2—4 декабря новаго стиля переведенъ изъ Уланда „Der Waller“ („Братоубійца“), 5—6-го его же „Der Rehberger“ („Рыцарь Поллонъ“), 7-го восемь строфъ изъ „Der junge Königssohn und die Schäferin“ Уланда („Царскій сынъ и поселянка“), 8-го его же „Graf Eberhard Weissdorn“ („Старый Рыцарь“), съ 9-го по 30-е: три главы „Ундины“; 20 января 1833 г. начало „Уллины“ (Campell'я „Ullin's daughter“); съ 21-го по 29-ое изъ Шиллера „Eleusisches Fest“; 13—14 февраля отрывокъ, всего 67 стиховъ, какой-то нѣмецкой пьесы съ дѣйствующими лицами Элленой и Гунтрамомъ ⁶⁾.

Эта изумительная переводческая дѣятельность его не удовлетворяетъ. „Стиховъ написано довольно, сообщалъ онъ Тургеневу (15 января 1833 г.), но все еще не расписался и *черпаю изъ друиѣхъ, а своею не начинаю*, и не знаю, удастся ли написать что-нибудь свое: для этого нужно больше живости и свѣтлости воображенія, которому болѣзнь большая помѣха“. „Кажется мнѣ, что время поэзіи для меня миновалось; можетъ быть, это оттого, что жизнь моя сама по себѣ безцвѣтна, и что лѣта уже взяли свое, то-есть застудили то, что *не было никогда обращено въ живое пламя*“. Въ такомъ настроеніи онъ упрямился писать, кое-что написалъ, но многое бросилъ, и это его разстроило (къ тому же

1) Письмо 30 марта 1830 г., „Русскій Архивъ“ 1896 г. № 1, стр. 109 слѣд.

2) Къ Тургеневу, январь 1835 г.

3) Къ Государынѣ 1842 г.

4) Къ И. В. Кирѣевскому 1844 г.

5) Къ С. С. Уварову 1848 г.

6) Сл. дневники Жуковскаго подъ указанными числами и его „Бумаги“, стр. 104—5.

14/26 марта 1833 г.); а друзья успѣли уже проблаговѣстить, что онъ началъ поэму (кн. Вяземскій Жуковскому 29 января 1833 г.).

Критика становилась назойливѣе. И прежде Каченовскій жаловался на „западные, чужеземные туманы“, застилавшіе для него поэзію Жуковского, на „обороты, блестики ума и непонятную выпренность“ нѣмецкихъ стихотворцевъ, а „Благонамѣренный“ глумился надъ его подражателями „тевтонороссами“. Въ 1825 г. Вяземскому пришлось защищать Жуковского отъ нареканій, будто онъ выдавалъ чужое за свое, „что было возможно, пока наша публика мало слыхала о Шиллерѣ, Гётѣ, Бюргерѣ и другихъ нѣмецкихъ романтическихъ поэтахъ; теперь все извѣстно: знаемъ, что откуда заимствовано, почерпнуто или пересказано“. Жуковского упрекали въ однообразіи; правда, отвѣчаетъ Вяземскій, многія изъ его произведеній, а въ особенности послѣднія, носятъ какой-то общій отпечатокъ, но, за немногими исключеніями, однообразіе, односторонность, одноличность скорѣе достоинство, признакъ таланта, вѣдь и „цвѣтокъ имѣетъ одинъ запахъ, плодъ одинъ вкусъ, красавица одно выраженіе“ ¹⁾.

Пушкинъ также выступилъ въ защиту учителя. „Никто не имѣлъ и не будетъ имѣть слога, равнаго въ могуществѣ и разнообразіи слогу его. „Въ бореньяхъ съ трудностью силачь необычайный“. Переводы избаловали его, излѣнили. Онъ не хочетъ созидать, но онъ, какъ Voss, гений перевода. Къ тому же смѣшно говорить о немъ, какъ объ отцвѣтшемъ, тогда какъ слогъ его еще мужаетъ. „Былое сбудется опять“, и я все чаю въ воскресеніе мертвыхъ“ ²⁾. Онъ не сочувствуетъ строгому отзыву Бестужева о Жуковскомъ: „Зачѣмъ кусать намъ груди кормилицы нашей?... Что ни говори, Жуковскій имѣлъ рѣшительное вліяніе на духъ нашей словесности; къ тому же переводный слогъ его остается навсегда образцовымъ“ ³⁾. Рылѣевъ готовъ согласиться съ Пушкинымъ относительно заслугъ Жуковского по языку; онъ „имѣлъ рѣшительное вліяніе на стихотворный слогъ нашъ—и мы за это навсегда должны остаться ему благодарными, но отнюдь не за вліяніе его на духъ нашей словесности, какъ пишешь ты. Къ несчастію, вліяніе это было слишкомъ пагубно:

¹⁾ Полное собраніе сочиненій кн. Вяземскаго, I, стр. 179—80. Это тѣ же нападки, что позже у Полевого, „Очерки“, I, стр. 117, 135—6, и та же защита, что у Бѣлинскаго (въ статьѣ объ „Очеркахъ“ Полевого, „От. Зап.“ 1840).

²⁾ Къ кн. Вяземскому 1825, 25 мая.

³⁾ Къ Рылѣеву 23 января 1825 г.; сл. Сочиненія кн. Вяземскаго, I, стр. 181.

мистицизмъ, которымъ проникнута большая часть его стихотвореній, мечтательность, неопредѣленность и какая-то туманность, которыя иногда въ немъ даже прелестны, растлили многихъ и много зла надѣлали. Зачѣмъ не продолжаетъ онъ дарить насъ прекрасными переводами изъ Байрона, Шиллера и другихъ великановъ чужеземныхъ? Это болѣе можетъ упрочить его славу“ ¹⁾. И въ то же время Кюхельбекеръ пародировалъ „Жалобу Цереры“ и нѣкоторые монологи „Орлеанской дѣвы“, чѣмъ вызвалъ острастку Пушкина ²⁾: когда-то и самъ онъ погрѣшилъ пародіей на „Двѣнадцать спящихъ Дѣвъ“ (какъ въ 1818 году на начало „Тлѣнности“), съ его стороны это „недостатокъ эстетическаго чувства. Непростительно было (особенно въ мои лѣта) пародировать, въ угожденіе черни, дѣвственное поэтическое созданіе“ ³⁾.

Подъ крыломъ Жуковского выросъ и возмужалъ поэтъ новаго поколѣнія, и учитель призналъ въ немъ „ученика-побѣдителя“, слѣдить за его успѣхами, наставляетъ—и журить, когда тотъ волновался въ ссылкѣ и рвался на свободу. Онъ обращается къ нему любовно, называя его арзамасскимъ прозвищемъ: Сверчокъ моего сердца. „Ты созданъ попасть въ боги—впередь! Крылья у души есть, вышины она не побоится. Тамъ настоящій ея элементъ. Дай свободу этимъ крыльямъ—и небо твое; вотъ моя вѣра... Быть сверчку орломъ и долетѣть ему до солнца“. Но тутъ же оговорка—по поводу „Демона“: „Къ чорту чорта. Вотъ пока твой девизъ“; „я не знаю совершеннѣе по слогу твоихъ „Цыганъ“. Но, милый другъ, какая цѣль? Скажи, чего ты хочешь отъ своего генія? Какую память хочешь оставить о себѣ отечеству, которому такъ нужно высокое“? Надо бросить эпиграммы, „должно быть возвышеннымъ поэтомъ“, создать что-нибудь безсмертное, „превосходное, великое“. Обратившись къ такой поэзіи, онъ создастъ тебѣ свободу и—мѣсто на русскомъ Парнассѣ, если „съ высокостію генія“ онъ соединитъ „и высоту цѣли“. *Талантъ ничто, главное—величіе нравственное.* Слава Пушкина еще не согласна съ его нравственнымъ „достоинствомъ“ къ такому согласію онъ долженъ стремиться: будь „Байронъ на лирѣ, а не Байронъ на дѣлѣ“, тогда ты будешь „честью и драго-

¹⁾ Къ Пушкину 1825 г., 12 февраля. Сл. стихотвореніе Боратынскаго къ „Богдановичу“ 1827.

²⁾ Къ Кюхельбекеру 1825 г., въ началѣ декабря; сл. письмо къ кн. Вяземскому 1825 г. до 22 апрѣля противъ Полевого за пародіи на Жуковского.

³⁾ Критическія замѣтки 1830—1-хъ годовъ.

цѣнностью Россіи“, а пока своими „буйными, одѣтыми прелестью поэзіи мыслями“, онъ нанесъ юношеству „вредъ неисцѣлимый“, что должно заставить его „трепетать“¹⁾. „Жажду Годунова, писалъ въ 1827 г. Жуковскій Гнѣдичу; скажи ему (Пушкину) отъ меня, чтобы бросилъ дрянъ и былъ просто великимъ поэтомъ, славою и благодареніемъ для Россіи—это ему возможно“.

Такъ звали когда-то и Жуковского его друзья къ „возвышенной поэзіи“, къ превосходному, великому, но умыселъ былъ другой, не слышно было и тѣхъ мотивовъ, въ которыхъ расписался самъ Жуковский: „Извини эти строки изъ катихизиса“.

Когда въ 1831—2 годахъ Жуковскій и Пушкинъ сходились въ салонѣ Россети-Смирновой, она записала впечатлѣніе ихъ встрѣчъ: какъ Жуковскій гордился и любовался Пушкинымъ, смотрѣлъ на него „съ нѣжностью“, наслаждался всѣмъ, „что говорить его фениксъ. Есть что-то трогательное, отеческое и, вмѣстѣ съ тѣмъ, братское въ его привязанности къ Пушкину, а въ чувствѣ Пушкина къ Жуковскому—оттѣнокъ уваженія даже въ тонѣ его голоса, когда онъ ему отвѣчаетъ“. Однажды Пушкинъ прочелъ Жуковскому свое переложеніе молитвы Ефрема Сирина, и тотъ въ восторгѣ поцѣловалъ его: „Ты, ты—мое неоцѣненное сокровище“! И Пушкинъ исповѣдывается Смирновой: „всякій разъ, какъ мнѣ придетъ дурная мысль, я вспоминаю о немъ (Жуковскомъ) и спрашиваю себя: что сказалъ бы Жуковскій? И это возвращаетъ меня на прямой путь“²⁾.

Было ли то благоговѣйное преклоненіе, или та духовная или сердечная близость, когда душа всецѣло раскрывается передъ другой завѣтъ своихъ думъ, отдаваясь ей пониманію и вліянію?

По смерти Пушкина Жуковскому вмѣстѣ съ Дубельтомъ порученъ былъ разборъ его писемъ и бумагъ. О результатахъ разбора Дубельтъ донесъ Бенкендорфу, которому, съ своей стороны, Жуковскій написалъ объяснительную записку. Она сохранилась въ двухъ черновикахъ, изъ которыхъ одинъ представляетъ распространеніе другого; оба, повидимому, безъ конца³⁾, не потому ли, что письмо и не было доставлено по назначенію.

1) См. „Русскій Архивъ“ 1889 г. № 9: Письма Жуковского къ Пушкину 1 июня 1823 г., осенью 1824 г., 9 августа и 23 сентября 1825 г. и 12 апрѣля 1826 г. Сл. письмо Пушкина къ Жуковскому май—июнь 1825 года.

2) Записки Смирновой, I, стр. 219, 279, 321.

3) Оба черновика, нынѣ въ коллекціи А. Θ. Онѣгина, будутъ напечатаны въ изданіяхъ 2-го Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ. Далѣе я пользуюсь подробной редакціей, кое-гдѣ указывая въ прямыхъ скобкахъ на нѣкоторыя подробности краткой.

какъ тѣ мысли, которыя Жуковскій записалъ на клочкѣ бумаги послѣ своего объясненія съ государемъ по дѣлу Тургенева ¹⁾? Письмо—апологія Пушкина и, вмѣстѣ, близко стоявшихъ къ нему лицъ, Жуковского. Въ пушкинскихъ бумагахъ ожидали найти „много новаго, писаннаго въ духѣ враждебномъ правительству и вреднаго нравственности. Вмѣсто того нашлись бумаги, рѣшительно доказывающія совсѣмъ иной образъ мыслей, особенно выразившійся въ отвѣтѣ на печатное письмо къ Чаадаеву, которое Пушкинъ, повидимому, хотѣлъ послать не по почтѣ, но не послалъ, вѣроятно, по той причинѣ, что не желалъ своими опроверженіями усиливать скорбь пріятели, уже испытывающаго заслуженный гнѣвъ государя ²⁾. Однимъ словомъ, новаго предсудительнаго не нашлось ничего, и не могло быть найдено, въ чемъ я напередъ былъ увѣренъ, зная, каковъ былъ образъ мыслей Пушкина въ послѣдніе годы“. Съ тѣхъ поръ, какъ „Государь такъ великодушно его присвоилъ“, Пушкинъ совсѣмъ перемѣнился; за это время онъ не написалъ ничего „злославленія“ стиховъ „къ Лукуллу“, за которые друзья жестоко его укоряли; да и тѣ напечатаны „съ одобренія цензуры, но безъ его вѣдома“. А между тѣмъ въ теченіе послѣднихъ двѣнадцати лѣтъ онъ продолжалъ состоять подъ тѣмъ же „мучительнымъ, непрестаннымъ надзоромъ“ (двойная цензура, запретъ вѣхать въ деревню, за границу; выговоръ за чтеніе въ обществѣ „Бориса Годунова“ до цензурнаго одобренія). Пушкинъ никогда не былъ демагогическимъ писателемъ: были у него до 1826 года „грѣхи молодости, сначала необузданной, потомъ раздраженной заслуженнымъ несчастіемъ („Ода къ свободѣ“; „Кинжалъ“ 1820 года, написанный въ то время, когда Зандъ убилъ Коцебу), но демагогическаго, написаннаго съ точнымъ намѣреніемъ произвести

¹⁾ Сл. выше стр. 338—9.

²⁾ Письмо Пушкина къ Чаадаеву напечатано было впервые въ „Русскомъ Архивѣ“ 1884 г. № 4, стр. 453—5. Изъ записки Жуковского къ Бенкендорфу оказывается, что Чаадаеву оно не было послано, и это подтверждается письмомъ Чаадаева къ Жуковскому съ просьбой прислать ему, по возможности, письмо Пушкина — уже по смерти поэта (см. „Русская Старина“ 1903 г. октябрь, стр. 165 — 6). Итакъ: Бенкендорфъ зналъ о существованіи письма, но оно не было ему доставлено вмѣстѣ съ другими наличными, ибо нашлось въ бумагахъ Жуковского. Пушкинъ, сообщаетъ Жуковскій, не послалъ Чаадаеву письма, чтобы своими опроверженіями „не усиливать скорбь пріятели, уже испытывающаго заслуженный гнѣвъ государя“. „Воронъ ворону глаза не выклюетъ — шотландская пословица, приведенная Вальтеръ Скоттомъ въ Woodstock“, приписалъ Пушкинъ на послѣдней страницѣ письма.

волненіе (общества), ничего не было между ними и тогда. Заговорщики противъ Александра (воспользовались?) можетъ быть, нѣкоторыми вольными стихами Пушкина, но въ ихъ смыслѣ (то-есть въ смыслѣ бунта) онъ не написалъ ничего, и замыслы ихъ были ему совершенно чужды. Это однако не помѣшало (безъ всякихъ доказательствъ) причислить его къ героямъ 14-го декабря и назвать злоумышленникомъ на жизнь Александра". За послѣднія его сочиненія его „никакъ нельзя назвать демагогомъ. Онъ просто русскій національный поэтъ, выражавшій въ лучшихъ стихахъ своихъ наилучшимъ образомъ все то, что дорого русскому сердцу" („Годуновъ“, „Полтава“, многія пѣсни на Петра Великаго, „Ода на взятіе Варшавы“, „Клеветникамъ Россіи“).—Переходя къ политическимъ взглядамъ Пушкина, Жуковскій спрашиваетъ Бенкендорфа: „благоволили ли вы взять на себя трудъ когда-нибудь съ нимъ говорить о предметахъ политическихъ"? Вы слышали о нихъ отъ другихъ, „вмѣсто оригинала вы принуждены довольствоваться переводами, всегда невѣрными и весьма часто испорченными, злонамѣренныхъ переводчиковъ". И Жуковскій излагаетъ политическое credo Пушкина: „*Первое*: Я уже не одинъ разъ слышалъ, что Пушкинъ въ государѣ любитъ одного (Николая) своего благодетеля, а не русскаго императора, и что ему для Россіи надобно было совсѣмъ иное. Увѣряю васъ, напротивъ, что Пушкинъ (здѣсь говорится о томъ, что онъ былъ за послѣдніе годы) рѣшительно убѣжденъ въ необходимости для Россіи чистаго, неограниченнаго самодержавія, и это не по одной любви къ нынѣшнему Государю, а по своей внутренней вѣрѣ, основанной на фактахъ историческихъ (этому теперь есть и письменное свидѣтельство въ его собственноручномъ письмѣ къ Чаадаеву ¹⁾). *Второе*: Пушкинъ былъ рѣшительнымъ противникомъ свободы книгопечатанія и въ этомъ онъ даже доходилъ до излишества, ибо полагалъ, что свобода книгопечатанія вредна и въ Англіи. Разумѣется, что онъ въ то же время утверждалъ, что цензура должна быть строга, но безпристрастна, и что она, служа защитой общества отъ писателей, должна также и писателя защищать отъ всякаго

¹⁾ „Хотя я лично сердечно привязанъ къ императору, но я далеко не всѣмъ восторгаюсь, что вижу вокругъ себя; какъ писатель — я раздраженъ, какъ человѣкъ съ предразсудками — я оскорбленъ. Но клянусь вамъ честью, что ни за что на свѣтѣ я не захотѣлъ бы изменить отечества, ни имѣть другой исторіи, какъ исторію нашихъ цезарей, такую, какъ намъ Богъ послалъ“ (изъ письма къ Чаадаеву).

произвола ¹⁾. *Третье*: Пушкинъ былъ врагъ Юльской революціи. По убѣжденію своему онъ былъ карлистъ; онъ признавалъ короля Филиппа необходимымъ для спокойствія Европы, но права его опровергалъ и незыблемость законнаго наслѣдія короны считалъ главнѣйшею опорою гражданскаго порядка. Наконецъ, *четвертое*: Онъ былъ самый жаркій врагъ революціи польской и въ этомъ отношеніи, какъ русскій, былъ почти фанатикъ („былъ почти фанатическій врагъ польской революціи и ненавидѣлъ революцію французскую, чему доказательство напелъ я еще недавно въ письмахъ его женѣ“).—Таковы были главные политическія убѣжденія Пушкина, изъ коихъ всѣ другія выходили, какъ отрасли. *Они были извѣстны мнѣ и вѣсьма еіо близкимъ изъ нашихъ частныхъ, непринужденныхъ разговоровъ... И они были таковы уже прежде 1830 года*. Пушкинъ созрѣлъ, мужалъ умомъ, онъ только-что достигъ своего полнаго поэтическаго развитія (его литературные враги, а за ними публика, говорили, что онъ упалъ—и это въ то время, когда написаны его лучшія произведенія), и что бы онъ не написалъ, если бъ несчастныя обстоятельства всякаго рода не упали на него обваломъ, не раздавили его, „перваго поэта Россіи“!

Цѣнность этого документа опредѣляется его назначеніемъ: онъ писанъ для Бенкендорфа, въ оправданіе Пушкина, въ интересахъ его семьи, въ защиту всѣхъ, кто близко стоялъ къ нему. Въ этомъ смыслѣ характеристику легко заподозрить въ преднамѣренномъ шаржѣ, но, не касаясь оцѣнки взглядовъ самого Пушкина, я допускаю и бессознательный, невольный шаржъ—идеализаціи, къ чему, какъ никто, способенъ былъ Жуковскій. Эта черта давно и хорошо извѣстна его пріятелямъ ²⁾: все, что входило въ кругъ его симпатій, вырастало или поэтизировалось въ его мѣрку. Жуковскій *зналъ* своего Пушкина, который, казалось, зрѣлъ въ его глазахъ къ тѣмъ цѣлямъ общественнаго служенія и возвышенной поэзіи, которыя онъ ему ставилъ. Эти цѣли выяснились для Жуковскаго изъ того ограниченнаго круга идей, въ которыхъ онъ выросъ и созрѣлъ и которыя начинаетъ приводить въ систему. Мы видѣли, какъ

¹⁾ Сл. защиту Пушкинымъ цензуры въ „Мысляхъ на дорогѣ“, Х. Торжокъ. (1836): мысль должна быть свободна „въ предѣлахъ закона, при полномъ соблюденіи условій, налагаемыхъ обществомъ.... законы противу злоупотребленій книгопечатанія не достигаютъ цѣли закона: не предупреждаютъ зла, рѣдко его пресѣкая. Одна цензура можетъ искоренить то и другое“.

²⁾ См. выше стр. 276, 280, 286.

онъ упорядочилъ свои общественные взгляды ¹⁾,—ими онъ мѣрить Пушкина; и въ области духовно-нравственныхъ вопросовъ, волновавшихъ его со времени его юношескаго дневника, онъ пытается разобраться, привести ихъ къ органической цѣльности. Они окончательно опредѣляютъ какъ его взглядъ на возвышенную поэзію-религію, такъ и его отрицательное отношеніе къ Онѣгинимъ, Печоринимъ и къ теченіямъ русской литературы, современной послѣдней порѣ его дѣятельности.

2.

Для него эти вопросы—были вопросами самоопредѣленія, онъ не устаетъ подходить къ нимъ то съ той, то съ другой стороны, точно хочетъ успокоиться, выразивъ для себя „невыразимое“, уяснить себѣ „здѣсь“ таинственное „тамъ“. Въ этомъ исканіи чувствуется какая-то тревога. Смолоду онъ старался воспитать въ себѣ вѣру (сл. его дневникъ 1805 г.), твердить о томъ въ письмахъ 1814—15-хъ годовъ; „я еще могу имѣть религію“, записалъ онъ въ своей берлинской замѣткѣ 1820 г. Николай Тургеневъ читаетъ Библію: „Слава Спасителю! пишетъ Жуковский его брату. Онъ явился во-время. Познакомься и ты съ Нимъ поближе. Онъ скажетъ и дастъ тебѣ то, чего никто на землѣ не даетъ и не скажетъ: смиреніе и нетревожимость. Я не говорю это, я такъ думаю теперь. Я этому вѣрую и хочу вѣрить“ ²⁾. „C'est le poète de la passion“, давно сказалъ о немъ кн. Вяземскій ³⁾; теперь благодать страданія займетъ особое мѣсто въ міросозерцаніи поэта, такъ долго служившаго задумчивой музѣ меланхоліи: „земная жизнь—страданія питомецъ“, страданія возвышаютъ душу, и когда „въ величій покорной тишины она молчитъ предъ грознымъ испытаньемъ“, тогда „вся Промысла ей видима дорога, она полна понятнаго ей Бога“ („На кончину королевы Виртембергской“, 1819 г.). „Les grandes idées viennent du coeur... frappé par une grande perte“, писалъ онъ въ 1826 г. вдовѣ Карамзина ⁴⁾. „Страданіе—творецъ великаго, повторяетъ онъ въ 1831 г. („Взглядъ на землю съ неба“): оно знакомитъ насъ съ тѣмъ, чего мы никогда въ безмятежномъ нашемъ блаженствѣ не узнаемъ: съ таинственнымъ вдохновеніемъ вѣры, съ утѣхою надежды, съ сладостнымъ упоеніемъ

¹⁾ См. выше стр. 340 слѣд.

²⁾ 1 ноября 1827 г. Сл. дневникъ 14 апрѣля того же года.

³⁾ См. выше стр. 277.

⁴⁾ См. выше стр. 314.

любви“. „Страданіемъ душа поэта зрѣетъ, Страданіе—святая благодать“. („Камоэнсъ“, 1839 г.).

Чѣмъ дальше, тѣмъ чаще слышится въ его письмахъ ободрающій себя крикъ сердца: вѣрить, вѣрить, вѣрить! „Мы на землѣ только для вѣры ...Я это знаю..., но знать однимъ убѣжденіемъ мысли, и быть на дѣлѣ тѣмъ, что ясно постигаетъ мысль, великая разница. И я еще не достигъ до этой высоты“ ¹⁾. „Я знаю, что нѣтъ ничего выше вѣры и молитвы, знаю, что это высшее сокровище души человѣческой, за которое должно отдать всякое другое,—знаю, и во мнѣ нѣтъ того, что я считаю лучшимъ, желаннѣйшимъ, свѣтлѣйшимъ. Но будетъ ли когда? Въ святилищѣ семейной жизни стоитъ сосудъ причащенія жизни вѣчной. Дѣти мои и жена его мнѣ подадутъ“ ²⁾.

Онъ занимается переводомъ на русскій языкъ Евангелія ³⁾, читаетъ Фенелона и мистика Таулера ⁴⁾, увлеченъ книгой Стурдзы ⁵⁾, записками пастора Розенштрауха ⁶⁾, переписывается о религіозныхъ предметахъ съ Гоголемъ, переживавшимъ тогда тяжелый душевный кризисъ, съ Смирновой, впавшей въ благочестіе. Піетизмъ Жуковского—печать чувствительности; въ немъ и не произошло перелома, а лишь обостреніе; его окружали теперь піетисты, вѣрующіе, лютеране и католики, Рейтерны, Радовицъ, Штольберги ⁷⁾; онъ обсуждаетъ, взвѣшиваетъ, но не сдается, стоитъ на своемъ и жаждетъ непосредственной вѣры капитана Боппа,

Которая отъ Бога къ намъ на вошь
Молящаго раскаянья нисходитъ (1843 г.) ⁸⁾,

¹⁾ Къ государынѣ 1842 г., мартъ.

²⁾ Дневникъ 1842 г. 12 ноября.

³⁾ Тамъ же 1844 г.: переведены всѣ четыре Евангелія. Дѣянія Апостольскія и Апокалипсисъ. Сл. письма къ Плетневу 6 марта 1850 г., къ Стурдзѣ марта 1850 г. („Русская Старина“ 1902 г., июнь, стр. 582), Плетневъ Гроту 22 сентября 1848 г. „Новый Заветъ Господа нашего Иисуса Христа“ въ переводѣ Жуковского изданъ въ Берлинѣ въ 1895 году.

⁴⁾ Дневникъ 1843 г. 1 января.

⁵⁾ Сл. письмо къ Сѣверину 10 апрѣля н. ст. 1846 г. „Русская Старина“ 1902 г., апрѣль, стр. 163 слѣд.

⁶⁾ Плетневъ къ Жуковскому 2 июня 1846 г.

⁷⁾ Записки А. О. Смирновой, „Сѣверный Вѣстникъ“ 1897 г., № 1, стр. 139 (1844 г.). Зейдлицъ, I. с., стр. 247.

⁸⁾ Онъ прочиталъ эту повѣсть въ прозѣ и попробовалъ пересказать ее — для дѣтей. „Свѣжему, молодому сердцу такого рода впечатлѣнія могутъ быть благотворны. Чѣмъ раньше въ душу войдетъ христіанство, тѣмъ вѣрнѣе и здѣшняя и будущая жизнь. Безъ христіанства же жизнь кажется мнѣ урод

хочетъ разстаться съ своимъ прошлымъ и, отобравъ всю шелуху, выбрать изъ него только то, что достойно сохраненія, если такое найдется ¹⁾).

„Минута христіанства для насъ наступила, для тебя и для меня. И наступила для обоихъ поздно, пишетъ онъ Тургеневу, Мы оба растратили множество жизни по пустякамъ.... Что тебѣ осталось отъ твоей бѣготни по лекціямъ, по проповѣдямъ, по салонамъ и прочее? Что ты узналъ и чему вѣришь? Я менѣе тебя извинителенъ: я не имѣлъ твоей разсѣянной, увлекательной жизни; я кинулъ въ своемъ углу и въ небольшомъ кругѣ идей поэтическихъ“. Теперь Божій перстъ указалъ ему уголь семейный, и онъ надѣется, что проповѣдь семейной жизни воздѣйствуетъ на него; „но обратится ли этотъ смиренно-убѣжденный умъ въ жаждущее сердце, не знаю“... ²⁾

„Моя вѣра далека отъ желаннаго мира, читаемъ въ другомъ письмѣ: дойдетъ ли она до него въ этой жизни, не знаю, я имѣю одно только убѣжденіе, что нѣтъ ничего выше вѣры, что мы здѣсь для вѣры, а не для иного, что она все, и въ ней все. Но это только убѣжденіе; когда же оно обратится въ жизни и размягчитъ камень сердца“ ³⁾?

Одно время пошли слухи о переходѣ его въ католичество, отъ которыхъ пришлось защищаться ⁴⁾. Въ послѣднемъ изъ дошедшихъ до насъ дневниковъ (1846 г.) есть грустная запись: его прошедшее не представляетъ ничего утѣшительнаго для сердца; рука Господня охранила его отъ земныхъ бѣдствій, но что онъ сдѣлалъ самъ? „На дорогѣ жизни я не собралъ истиннаго сокровища для неба: душа моя безъ вѣры, безъ любви и безъ надежды, и при этомъ бѣдствіи нѣтъ въ ней той скорби, которая должна была бы наполнять ее и возбуждать ее къ покаянію. Окаменѣлость и разсѣяніе мною владѣютъ. Воля моя безсильна. Въмѣсто вѣры одно только знаніе, что вѣра есть благо верховное, и что я не имѣю сего блага. Молитва моя — одно мертвое, разсѣянное слово, умъ безъ мысли, сердце безъ любви. Одна

ливою загадкой, заданною злымъ духомъ человѣческому заносчивому уму для того, чтобы хорошенько его помучить и потомъ посмѣяться надъ его самонадѣянностью, — ибо загадка безъ отгадки“ (Къ гр. Сологубу 14/20 ноября 1844 г., „Русская Старина“ 1901 г., июль, стр. 100—1).

¹⁾ Къ наслѣднику 30 августа 1843 г.

²⁾ 6/18 января 1844 г.

³⁾ 1844 г., 8 ноября.

⁴⁾ Къ Тургеневу 6 января 1844 г. Сл. письмо къ Цесаревичу 1 января 1844 г., Сѣверину 16 апрѣля 1846 г. („Русская Старина“ 1902 г., апрѣль, стр. 165).

рука Твоя, Господь Спаситель, примиривши насъ съ Самимъ Собою, она отечески, дѣйствіемъ Твоего Святаго Духа можетъ извлечь меня изъ сей бездны: прости ко мнѣ Твою руку, посети мою душу Твоимъ Святымъ Духомъ“.

Онъ обобщаетъ, ставитъ формулы; и въ поискахъ за вѣрой онъ систематикъ ¹⁾: вѣра—свободный актъ воли, подчиняющій разумъ благодати; вѣра—смирение разсудка и воли и ихъ уничтоженіе передъ высшимъ разумомъ и высшею волею; вѣра, будучи „здѣсь“ блаженнымъ откровеніемъ и принятіемъ невѣдомаго, становится любовью, то-есть блаженнымъ созерцаніемъ — „тамъ“; „вѣра, надежда, любовь, взятая вмѣстѣ,—смирение“ ²⁾. Когда-то онъ баюкалъ себя сентиментальными представленіями о свиданьи, любви за гробомъ; теперь, когда поздно доставшееся счастье привязало его къ землѣ, и возможность утраты стала осязательнѣе, вѣрить стало потребностью. „Еще не вошелъ мнѣ въ душу миръ Божій“—и долго еще не войдетъ; „квартира эта еще не довольно для него очищена. Но въ ней отъ уборки и безпрестанной переборки, отъ выбрасыванія всего ненужнаго, отъ обметанія пыли и выметанія сора, становится свѣтлѣе и просторнѣе... въ знаніе и убѣжденіе не влилась еще мирная жизнь вѣры“ ³⁾.

Въ эти годы его идеаломъ становится Радовицъ, съ которымъ въ 1827 году онъ сблизился въ Берлинѣ по письму Рейтерна: убѣжденный католикъ и монархистъ, „теплая, крѣпкая душа“, съ „высокими, непрозаическими мыслями“, не лишенными „излишества“, но явленіе радостное въ современномъ общественномъ хаосѣ, „когда все возвышающее душу засыпано земнымъ соромъ“; человекъ aus einem Guss, у котораго „все подведено подъ одну мысль, все подведено подъ христіанство“, и вся жизнь была слѣдствіемъ „его убѣжденій и вѣры“ ⁴⁾. Радовицу, котораго Ал. Тургеневъ звалъ „кривотолкомъ“, Жу-

¹⁾ „Добрый нашъ Жуковскій! Онъ все любитъ подводить подъ систему“, писала Зонтагъ Плетневу по поводу письма къ ней Жуковского, который, обобщая свой тяжелый жизненный опытъ, говорилъ о четырехъ классахъ жизненной школы: 1) признаніе воли Божіей, 2) смирение въ признаніи, 3) покой въ смирении, довѣренность; наконецъ, 4) чувство благодарности и живая любовь къ Учителю. Онъ, Жуковскій, еще въ первомъ классѣ. Сл. Жуковскій къ Плетневу 3/15 февраля 1850 г., и Плетневъ къ нему 28 марта того же года.

²⁾ Разсужденія и размышленія 1846—7 гг.

³⁾ Къ А. О. Смирновой 23 февраля 1847 г.

⁴⁾ Къ Ал. Тургеневу 1833 г. 15/27 января и 1844 г. 6/18 января.

ковскій посвятилъ обширную апологію ¹⁾; но его главнымъ духовнымъ руководителемъ становится теперь Стурдза, его знакомый съ 1817 года, зять любезнаго ему „человѣка Божія“— Гуфеланда ²⁾. Пушкинъ шутилъ надъ Стурдзой „библическимъ“, „монархическимъ“, для Жуковского онъ—„нашъ Платонъ христіанскій“ ³⁾, строгій блюститель православія, предъ богословской мудростію котораго онъ преклонялся, у котораго искалъ поученія и духовной опоры. Еще въ 1829 году Стурдза рекомендовалъ ему свой „Энхейридіонъ“, руководство къ воспитанію въ духѣ православія, „ибо вы не мечтаете о воспитаніи, а занимаетесь имъ“ ⁴⁾; въ 1835 г. онъ указывалъ на нѣсколько книгъ, „которыя Его Высочество особливо могъ бы прочесть съ великою пользою для ума и сердца“, между ними „Жизнь св. апостола Павла“ и „Страстная седмица“ архимандрита Иннокентія ⁵⁾. И позже онъ продолжаетъ снабжать Жуковского указаніями на текущую литературу по духовно-нравственнымъ и церковнымъ вопросамъ, особенно на русскую, отъ которой Жуковскій, живя за границей, отсталъ; посылаетъ ему и собственные творенія ⁶⁾. На эти темы завязалась переписка.

Хотѣлось бы побесѣдовать съ вами, пишетъ ему Жуковскій въ мартѣ 1850 г., „бесѣдовать о такомъ предметѣ, который теперь для насъ обоихъ есть главный въ жизни, который для васъ всегда стоялъ на первомъ планѣ, а для меня такъ ярко отразился на ея радужномъ туманѣ весьма недавно, только тогда, когда я вошелъ въ уединенное святилище семейной жизни. Этотъ чистый свѣтъ, свѣтъ христіанства, который всегда мнѣ былъ по сердцу, былъ завѣшенъ передо мною прозрачною завѣсою жизни; онъ проникалъ сквозь эту завѣсу, и глаза его видѣли, но все было завѣшено, и вниманіе болѣе останавливалось на тѣхъ поэтическихъ образахъ, которые украшали завѣсу, нежели на томъ свѣтѣ, который одинъ давалъ имъ видимость, но ими же и былъ заслоненъ отъ души, разсѣянной ихъ поэтической прелестью. Вотъ вамъ моя полунисповѣдь; цѣлой исповѣди не по-

¹⁾ „Іосифъ Радовицъ“, 1850 г.

²⁾ Выраженіе Стурдзы въ письмѣ къ Жуковскому 14 іюня 1835 г. „Русская Старина“, 1903 г., май, стр. 400.

³⁾ Къ Сѣверину 3 декабря 1849 г.

⁴⁾ Письмо 7 октября 1829 г., „Русская Старина“ тамъ же, стр. 397—8. „Энхейридіонъ“ напечатанъ былъ въ 1830 г. въ переводѣ С. Ю. Дестуниса подъ заглавіемъ „Ручная книга православнаго христіанина“.

⁵⁾ Письмо 14 іюня 1835 г., тамъ же, стр. 398 слѣд.

⁶⁾ См. тамъ же, стр. 405 слѣд., письма 1840—50-хъ гг.

сылаю: на это не имѣю времени, да издали она будетъ и бесполезна. Если бы мы были вмѣстѣ, многое изъ этой исповѣди васъ бы удивило; въ душѣ человѣческой много непостижимыхъ загадокъ, и никто не разгадаетъ ихъ, кромѣ самого Создателя души нашей“. Прочитавъ давнишнее сочиненіе Стурдзы ¹⁾, Жуковский сѣтуетъ, что у православныхъ нѣтъ такого богатства христіанской литературы, какъ у католиковъ и протестантовъ; въ особенности у послѣднихъ есть много чудно-прекраснаго, „хотя они все строятъ, не имѣя никакой базы, но въ убѣжденіи, что имѣютъ самую лучшую. Имъ и въ голову не приходитъ, что въ христіанствѣ право *freier Forschung* такъ же уничтожаетъ всякую возможность имѣть неподсудимый авторитетъ, или, что все равно, церковь, какъ въ политическомъ мірѣ уродливая база народнаго самодержавія (*souveraineté du peuple*) уничтожаетъ всякую возможность общественнаго порядка“. Несмотря на это, чтеніе иныхъ протестантскихъ сочиненій для него тѣмъ „назидательнѣе и убѣдительнѣе“, что все истинное онъ переноситъ съ ихъ базы на свою твердую, „на базу православія“ ²⁾.

Исканіе непосредственной вѣры продолжаетъ томить Жуковского и далѣе. „Я постигаю, если не живую вѣрою (она есть даяніе свыше), то глубокимъ убѣжденіемъ“, „мое убѣжденіе еще не есть этотъ внутренній миръ, производимый живою вѣрою; я вижу, въ чемъ состоитъ верховное единственное благо жизни, но я слишкомъ поздно началъ это видѣть; жизнь моя прошла въ произвольномъ, бѣдственномъ невниманіи къ святѣйшему, и поздніе годы ея отзываются ничтожностію молодыхъ; жизнь моя прошла безъ тѣхъ сильныхъ ударовъ, которые потрясаютъ душу, ее расталкиваютъ и вырываютъ ее изъ того самодовольнаго сна, въ которомъ лелѣютъ ее поэтическія сновидѣнія“ ³⁾. „Въ твоей душѣ съ перваго дѣтства живетъ вѣра“, пишетъ онъ графинѣ С. М. Сологубъ...; я этой свѣжести сердца не имѣю. Во мнѣ одно полное убѣжденіе и неотрицаніе. Такая вѣра, какая твоя *теперь* и какою со временемъ *будетъ*, есть награда за

¹⁾ „*Considérations sur la doctrine et l'esprit de l'Eglise orthodoxe*“. Par Alexandre Stourdza. Weimar, 1816.

²⁾ „Русская Старина“ 1902 г., июнь. Часть этого письма была приведена Стурдзой въ его статьѣ: „Для памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя“, „Москвитининъ“, 1852 г. № 20, кн. 2, стр. 218 слѣд. Отвѣтное письмо Стурдзы въ „Русской Старинѣ“ 1903 г., май, стр. 414—15.

³⁾ Къ графинѣ Соф. Мих. Сологубъ 24 іюля 1850 г. Сл. „О В. А. Жуковскомъ“, рѣчь, произнесенная имъ въ Имп. Дерптскомъ университетѣ 29 января 1883 г. орд. проф. П. А. Висковатовымъ, „Журн. Мин. Нар. Просв.“, 1883 г., мартъ, ч. ССХХVI, отд. 4, стр. 17 слѣд.

покорное страданіе“¹⁾. Идеаломъ становится долгъ, превращенный въ жизни „въ смиренную покорность Спасителю“²⁾.

Задумчивая муза меланхоліи, такъ долго питавшая поэзію Жуковскаго, теперь отринута: она присуща была языческому міросозерцанію, сквозить въ его жизнерадостности, и не христіанство ввело ее въ новую поэзію, какъ полагала M-me de Staël: христіанству присуща скорбь, неотъемлемое чувство души, сознающей свое паденіе и чающей вступить въ первобытное величіе; меланхолія водворилась у насъ не съ христіанствомъ, а по его распространенію — и съ его отрицаніемъ. „Романтизмъ“ — христіанинъ лишь по своей эпохѣ, не по образу мыслей и чувствованій; чѣмъ болѣе его душа обогатилась сокровищами христіанскаго откровенія, тѣмъ сильнѣе она ощущаетъ противорѣчія окружающаго міра, и въ немъ рождается новая психологія байроновскаго скептицизма, либо меланхолія — „лѣнивая нѣга“, „грустная роскошь, мало-по-малу изнуряющая и наконецъ губящая душу“³⁾.

Какое значеніе получить въ этомъ міросозерцаніи поэзія?

Что такое истинная поэзія? Жуковскій отвѣтилъ на это въ письмѣ къ Козлову (1833 г.)⁴⁾; въ (неизданномъ) письмѣ къ государынѣ 1840 г. онъ говоритъ о силѣ музыки, перенесшей его изъ настоящаго въ область воспоминаній, — и переходитъ къ поэзіи: когда онъ очнулся отъ очарованія звуковъ, вокругъ него былъ тогда другой міръ: „онъ мнѣ не чуждъ, и я ему не чужой, онъ какъ-будто не имѣетъ будущаго, глаза болѣе оборачиваются назадъ, а то, что впереди, какъ-будто стоитъ уже за границею жизни, какъ-будто задернуто занавѣсомъ: *Поэзія не измѣнила, но она перемѣнила одежду. Она не обманъ, напротивъ, она верховная правда жизни, но въ первый, свѣжій лѣтъ жизни она сливается со вѣтмъ, что насъ окружаетъ. Позже она становится съ одной стороны воспоминаніемъ, съ другою — вѣрою*; въ промежутокъ же между этими двумя образами опустѣвшая сцена жизни; видишь вблизи декораціи, кулисы, машины и веревки.“ Хотя прямой картины нѣтъ, но ея дѣйствіе все было истинное. А въ жизни вѣрно только одно, прошедшее, ибо оно неизмѣнно; вѣрное же будущее принадлежитъ къ другому разряду“.

Въ письмѣ къ Смирновой (23 февраля 1847 г.) проводится

¹⁾ 22 сентября 1850 г., тамъ же, стр. 21.

²⁾ Къ Перовскому 1851 г., июнь, Бадень.

³⁾ „О меланхоліи въ жизни и поэзіи“, 1845 г.; сл. письмо къ Кирѣевскому 1844 г.

⁴⁾ Сл. выше, стр. 202.

какъ-будто иной взглядъ: Жуковскій говоритъ о призракъ „поэзіи, которая насъ часто гибельнымъ образомъ обманываетъ насчетъ насъ самихъ, и часто, часто мы ея свѣтлую радугу, привидѣніе ничтожное и быстро исчезающее, принимаемъ за твердый мостъ, ведущій съ земли на небо. Подъ старость я не разошорился съ поэзіей, но не въ ней правда; она только земная, блестящая риза правды“ ¹⁾. — Но противорѣчіе только кажущееся: за поэзіей стоитъ другое, неизбѣжное — откровеніе вѣры. Въ письмѣ къ Гоголю 1848 г. прежнее воззрѣніе возникаетъ снова, пѣтистическое, какъ встарь, но серьезно передуманное. Вторая, отрицательная часть письма повторяетъ обвиненія новѣйшей литературы (особенно французской) посланія къ Стурдзѣ (29 мая 1835 г.) ²⁾, вызваннаго чтеніемъ его „Письма опытнаго романтика къ новичку, выступающему на поприщѣ модной словесности“ ³⁾. Жуковскій уже тогда раздѣлялъ воззрѣнія автора на безнравственность современныхъ писателей, на ихъ равнодушіе къ добру и злу, на отсутствіе идеаловъ прекраснаго, вѣры въ Бога; исключеніемъ выставлялся Вальтеръ Скоттъ ⁴⁾. Въ од-

¹⁾ Сочиненія Жуковского, изд. 7-е, т. VI, стр. 533.

²⁾ Сл. „Русская Старина“ 1902 г., май, стр. 387—9.

³⁾ Литературныя прибавленія къ „Одесскому Вѣстнику“ 1882 г.; то же въ „Сѣверной Пчелѣ“ 1835 г., №№ 123 и 124.

⁴⁾ Не излишне познакомиться съ содержаніемъ письма Стурдзы для освѣщенія симпатій Жуковского: это тотъ же набатъ, только болѣе оглушительный. Стурдза выдѣляетъ романтиковъ, шедшихъ по слѣдамъ Гомера, Шекспира, Мильтона, Кальдерона, Клопштока, Шиллера, т.-е. тѣхъ, которые были вдохновенными представителями „чего-либо прекраснаго, до установленія правилъ созданнаго самородными гениями: вотъ настоящее опредѣленіе романтическаго періода во всякой народной и во всемірной литературѣ“ (сл. въ отвѣтъ Жуковского: романтизмъ, какъ историческое понятіе). Но есть другого рода романтики, личину которыхъ надѣваетъ Стурдза, чтобы наставить новичка. Ихъ программа: ничему не удивляться, ибо удивленіе — признакъ слабаго ума и ведетъ къ рабскому благоговѣнію; презирать все, что когда-либо боготворили, и боготворить „всѣ гнусные порывы строптиваго своевольства“; въ литературѣ отречься отъ Гомера, Аристотеля, Виргилія, Расина и читати Гюго, Матюрена, Бальзака, Дюмаса, Гофмана, Жанена и Занда. Литературное преданіе симметріи, подражанія, единства, засорило дѣйственные, самостоятельные органы мозга; стоитъ сбросить эти вериги, и неподдѣльное вдохновеніе вспыхнетъ, явится и новое содержаніе. „Мы, въ совокупности, не что иное, какъ одушевленный набатъ всеобщаго мятежа, разстройства и безначалія въ родѣ человѣческомъ; мы, посредствомъ неистовой поэзіи, площаднаго витійства, прозаической живописи и бѣснующейся музыки, отражаемъ быть народовъ современныхъ, тщательно растравляемъ раны, нанесенныя обществу буйствомъ страстей безбожныхъ; мы смѣшали, изуродовали всѣ роды изящнаго, потому что въ наше время все смѣшалось въ отношеніяхъ сословій, властей, преданій, вѣръ и законовъ; мы во всѣхъ странахъ Европы умножили

номъ Жуковскій нашелъ возможнымъ попрекнуть Стурдзу: онъ написалъ о томъ, „чего быть не должно“ въ литературѣ, слѣдовало бы показать столь же сильно, „что быть должно“, и въ то же время опредѣлить истинный характеръ романтизма, который не иное что, какъ историческое понятие ¹⁾.

Поставимъ вмѣсто литературы — поэзію, и мы найдемъ въ первой, положительной части письма къ Гоголю отвѣтъ на вопросъ: что быть должно. Объясняя выраженіе Пушкина: слова поэта суть дѣла его (приведенныя Гоголемъ въ его статьѣ „О существѣ русской поэзіи“), Жуковскій отличаетъ несвободный умъ отъ относительно свободной воли, связанной нравственнымъ закономъ, и между ней и вѣрой, т.-е. способностью принимать божественное откровеніе, ставить творчество. „Дѣйствія этой способности не слѣдуютъ никакому чуждому побужденію, а непосредственно изъ души истекаютъ, — въ ней наиболѣе выражается божественность происхожденія души человѣческой, котораго признакъ есть сіе стремленіе творить изъ себя, себя выражать въ своемъ созданіи безъ всякаго посторонняго повода, по одному только вдохновенію, которое не есть ни умъ, ни воля, но то и другое, соединенное съ чѣмъ-то самобытнымъ, такъ сказать, свыше, безъ вѣдома нашего на насъ налетающимъ, другому, высшему порядку принадлежащимъ“. Приведа намъ замѣтку къ „Лалла-Рукъ“ о прекрасномъ, котораго нѣтъ въ окружающемъ насъ вещественномъ мірѣ ²⁾, и развивая идеи своей статьи „Объ изящномъ искусствѣ“ (1846 г.), Жуковскій указываетъ на способность нашей души находить въ вещественности это прекрасное, побуждающее насъ къ творчеству. „Душа бесѣдуетъ съ созданіемъ, и созданіе ей откликается. Но что же этотъ отзывъ созданія?... Всѣ мелкія, разрозненныя черты видимаго міра сливаются въ одно гармоническое цѣлое, въ одинъ самъ по себѣ несущественный, но ясно душою нашею видимый

число самоубійствъ, потому что намъ суждено приготовить и нѣкогда отпѣть общее, духовное и политическое самоубійство народовъ сильнѣйшихъ... Романтизмъ служитъ только рычагомъ всеобщаго движенія. Точка опиранія и движущая нами рука давно возникли изъ хаоса безбожія“.

¹⁾ Въ отвѣтномъ письмѣ 14 іюня 1835 года на указанное выше письмо Жуковскаго Стурдза утѣшается тѣмъ, что „даже въ бѣснующейся Франціи, подлѣ Гюго, Жанена, Дюканжа, Дюмаса и имъ подобныхъ, являются Lamartine, S-te Beuve, Drouineau, Silvio Pellico, юные провозвѣстники воскресающаго христіанства. О Германіи теперь говорить нечего. Она вздумала умничать, и читающая въ ней публика, отменясь истинной славой народной, восхищается твореніями Берна и Гейна“ („Русская Старина“ 1903 г., май, стр. 398 слѣд.).

²⁾ Сл. выше стр. 238—9.

образъ. Что же этотъ несущественный образъ? Красота. Что же красота? Ощущеніе и слышаніе душою Бога въ созданіи. И въ ней, истекшей отъ Бога, живетъ стремленіе творить по образу и подобію Творца своего, то-есть влагать самое себя въ свое созданіе. Но Создатель всего извлекаетъ это все изъ самого Себя, человѣкъ творитъ заимствованными изъ созданія средствами, повторяя то, что Богъ создалъ Своею всемогущею волею. „Сей произвольный актъ творенія есть возвышенная жизнь души; цѣлью его можетъ быть не иное что, какъ осуществленіе того прекраснаго, котораго тайну душа открываетъ въ твореніи Бога и которое стремится явно выразить въ твореніи собственномъ. Сіе ощущеніе и выраженіе прекраснаго, сіе пересозданіе своими средствами созданія Божія есть художество. Что же такое художникъ? Творецъ; и цѣль его не иное что, какъ самое это твореніе, свободное, вдохновенное, ни съ какимъ постороннимъ видомъ не соединенное. Въ чемъ состоитъ актъ творенія? Въ осуществленіи идеи Творца“; художникъ долженъ выразить „не одну собственную, человѣческую идею, не одну свою душу, но въ ней идею Создателя, духъ Божій, все созданное проникающій“. Поэзія теперь не добродѣтель, изящное не тождественно съ моральною красотой ¹⁾; она, „дѣйствуя на душу, не даетъ ей ничего опредѣленнаго: это не есть ни приобрѣтеніе какой-нибудь новой, логически обработанной идеи, ни возбужденіе нравственнаго чувства, ни его утвержденіе положительнымъ правиломъ; нѣтъ, это есть тайное, всеобъемлющее, глубокое дѣйствіе откровенной красоты, которая всю душу обхватываетъ и въ ней оставляетъ слѣды неизгладимые, благотворные или разрушительные, смотря по свойству самого... художника. Если таково дѣйствіе поэзіи, то сила производить его, данная поэту, должна быть не иное что, какъ призваніе отъ Бога, есть, такъ сказать, вызовъ Создателя вступить съ Нимъ въ товарищество созданія. Творецъ вложилъ свой духъ въ твореніе, поэтъ, его посланникъ, ищетъ, находитъ и открываетъ другимъ повсемѣстное присутствіе духа Божія“. Осуществить вполнѣ этотъ идеаль невозможенъ, но къ нему можно стремиться не одною только „красотою созданія“, „музыкой словъ“, а тѣмъ, что „всему этому даетъ жизнь: это есть *духъ поэта*, въ созданіи его тайно сопричастственный“. Поэтъ свободенъ въ выборѣ предмета, всякое намѣреніе произвести то или другое постороннее (нравственное, политическое) впечатлѣніе исключается — свободой поэзіи, но поэтъ не свободенъ отдѣ-

¹⁾ Сл. выше стр. 239 слѣд.

лить отъ своего произведенія самого себя: „что онъ самъ, то будетъ и его созданіе“; если онъ чистъ душою, дѣйствіе его слова будетъ благодатно; это — его дѣло. Таковъ былъ Вальтеръ Скоттъ, чья свѣтлая, чистая, младенчески вѣрующая душа разлита въ его твореніяхъ; таковъ былъ Карамзинъ, „котораго непорочная душа прошла по землѣ, какъ ангелъ свѣта“.

Слѣдуетъ знакомая намъ характеристика титана Байрона ¹⁾, отъѣненная безопащнымъ отрицаніемъ другого, не названнаго поэта.

„Но что сказать о... (я не назову его, но тѣмъ для него хуже, если онъ будетъ тобою угаданъ въ моемъ изображеніи), что сказать объ этомъ хулителѣ всякой святости, которой откровеніе такъ напрасно было ему ниспослано въ его поэтическомъ дарованіи и въ томъ чародѣйномъ могуществѣ слова, котораго, можетъ быть, ни одинъ изъ писателей Германіи не имѣлъ въ такой силѣ“? Жуковский, видимо, говорить о Гейне. — „Это уже не судьба, разрушившая бѣдствіями душу высокую и произведшая въ ней бунтъ противъ испытующаго Бога, это не падшій ангелъ свѣта, въ упоеніи гордости отрицающій то, что знаетъ и чему не можетъ не вѣрить,—это свободный собиратель и провозгласитель всего низкаго, отвратительнаго и развратнаго, это полное отсутствіе чистоты, нахальное ругательство надъ поэтической красотою и даже надъ собственнымъ дарованіемъ ее угадывать и выражать словомъ, это презрѣніе всякой святости и циническое, безстыдно-дерзкое противу нея богохульство... это вызовъ на буйство, на невѣріе, на угождение чувственности, на разнузданіе всѣхъ страстей, на отрицаніе всякой власти,—это не падшій ангелъ свѣта, но темный демонъ, насмѣшливо являющійся въ образѣ свѣтломъ, чтобы прелестью красоты заманить насъ въ свою грязную бездну“.

Жуковский предаетъ проклятію такое злоупотребленіе лучшихъ даровъ Создателя. Сколько непорочныхъ душъ растлила эта демоническая поэзія! Искусство—примиреніе съ жизнью, по вѣрному опредѣленію Гоголя, но современная поэзія ему не отвѣчаетъ: она вулканически-разрушительна въ корифеяхъ, матеріально плоска въ ихъ послѣдователяхъ. Нѣтъ поэзіи, которая стремилась бы душу къ высокому, идеальному, облагораживала бы жизнь, а съ другой стороны беззаботно бы съ нею играла, забавляя ее свѣтлыми видѣніями. „Такое беззаботное наслажденіе поэзіею называется теперь ребячествомъ, Меланхолическая раз-

¹⁾ Сл. выше стр. 302 слѣд.

очарованность Байрона, столь очаровательная въ его изображеніяхъ и столь плѣняющая глубокою (хотя иногда и вымышленною) грустью поэта, истощившись въ приторныхъ подражаніяхъ, уступила мѣсто равнодушію, которое уже не презрѣніе и не богохульный бунтъ гордости (въ нихъ есть что-то поэтическое, потому что есть сила), а пошлая разслабленность души, произведенная не бурей страстей и не бѣдствіями жизни, а просто неспособностью вѣрить, любить, постигать высокое, неспособностію предаваться какому бы то ни было очарованію“.

Надо ли послѣ этого смотрѣть „съ уныніемъ и тревогой“ на будущее поэзіи? Нѣтъ, настоящая поэзія не изсякнетъ „и посреди судорогъ нашего времени, еще явятся поэты, вѣрные своему призванію,—и Жуковскій приводитъ отрывокъ изъ своего подражанія „Камоэнсу“, драмъ Гальма (1839 г.) ¹⁾, отрывокъ, въ которомъ есть и его собственныя лирическія вставки. Не счастья, не славы здѣсь ищу я, говоритъ Васко умирающему Камоэнсу,

быть хочу крыломъ могучимъ,
Подъемлющимъ родныя мнѣ сердца
На высоту; зарей, побѣду дня
Предвозвѣщающей, великихъ думъ
Воспламенителемъ, глаголомъ правды.
Лекарствомъ душъ, безвѣріемъ крушимыхъ,
И сторожемъ нетлѣнной той завѣсы,
Которою предъ нами горній міръ
Задернуть, чтобъ порой для смертныхъ глазъ
Ее приподымать и святость жизни
Являютъ во всей ея красѣ небесной—
Вотъ долгъ поэта, вотъ мое призванье!

У Гальма нѣтъ ни „безвѣрія“, ни „святости жизни“. Perez (Васко у Жуковского) хотѣлъ бы быть крыломъ.

der Andre aufwärts hebt,
Als Morgenroth des Lichtes Sieg verkünden...
Dem Rechte Klang, der Wahrheit Sprache leihen.

„Поэзія — небесной религіи сестра“, твердитъ Васко у Жуковского, не Perez-Васко у Гальма; „страданіемъ душа поэта зрѣетъ“

¹⁾ См. Дневникъ 1839 г. 12/24 апрѣля: „дома дописывалъ Камоэнса“.

вторить подлиннику („Denn nur verblutend reift das Dichterherz“), но Жуковский развилъ эту идею въ непоказанномъ мѣстѣ и едва ли удачно. Камоэнсъ въ госпиталѣ, кругомъ него, въ немъ самомъ глухая ночь; вдругъ что-то спустилось къ нему, понесло на высоту—Поэзія: первая его пѣсня, омоченная слезами, лежала передъ нимъ, исчезла ночь, и исчерпана мѣра его страданій: „моя душа на крыльяхъ пѣснопѣнья нашла утѣшеніе въ Богѣ, я пѣлъ—и позабылъ“ ¹⁾. Иначе у Жуковского:

Съ той минуты чудной
Исчезла ночь во мнѣ и вокругъ меня;
Я не былъ ужъ одинъ, я не былъ брошенъ;
Страданій чаша предо мной стояла,
Налитая цѣлебнымъ питіемъ;
Моя душа на крыльяхъ пѣснопѣнья
Взлетѣла къ Богу и нашла у Бога
Утѣху, свѣтъ, терпѣнье и замѣну.

Въ послѣднемъ монологѣ Камоэнса поэзія является ему въ предсмертный часъ; у Гальма этого нѣтъ.

О! ты ль? тебя ль часъ смертный мнѣ отдалъ,
Мою любовь, мой свѣтлый идеалъ?
Тебя, на рубежѣ земли и неба, снова
Преображенную я вижу предъ собой;
Что здѣсь прекраснаго, великаго, святова,
Я вдохновенною угадывалъ мечтой,
Невыразимое для мысли и для слова,
То все въ мой смертный часъ пріяло образъ твой
И, съ миромъ къ моему приникнувъ изголовью,
Мнѣ стало *втрою, надеждой и любовью.*
Такъ, ты поэзія: тебя я узнаю;
У гроба я постигъ твое знаменованье.
Благословляю жизнь тревожную мою!
Блаженно будь души моей страданье!

.....
Поэзія есть Богъ во святыхъ мечтахъ земли.

¹⁾

*War ich nicht mehr allein, nicht mehr verlassen,
Mein erstes Lied lag thränenfeucht vor mir...
Mein Geist, erhoben von des Leides Schwingen,
Fand Trost bei Gott, ich sang und ich vergass.*

Изъ толкованію послѣдняго стиха Жуковскій вернется въ письмѣ къ вел. князю Константину Николаевичу (19/31 октября 1849 г., Вадень).

Толкованіе примыкаетъ къ характеристикѣ общественнаго настроенія конца 40-хъ годовъ, бѣдственнаго, прозаически разрушительнаго времени, „въ которомъ все, одной душѣ принадлежащее, все святое, божественно-историческое уничтожено“, господствуетъ грубый матеріализмъ, и всякая безусловная вѣра смѣшана. Объясняется это разложеніе—отсутствіемъ поэзіи, той поэзіи, которую онъ опредѣлилъ: „*поэзія есть Богъ во святыхъ мечтахъ земли*“. „Богъ есть истина, къ этой истинѣ ведетъ вѣра, которой цѣль лежитъ за границею здѣшняго міра“, слѣдовательно поэзія „есть мечта истины, т.-е. ея земной образъ, если только эта мечта есть мечта святая. Но эта мечта можетъ быть и не святою.... тогда она антипоэзія, *духъ тьмы во мечтахъ земли развратныхъ*“. Источникъ истинной поэзіи „есть вдохновеніе (которое я назвалъ бы вѣрою въ великое и прекрасное, вдругъ объемлющее душу нашу). Такое вдохновеніе болѣе или менѣе всякой душѣ доступно; и много было на землѣ великихъ поэтовъ, не написавшихъ ни одного стиха. Напримѣръ, одна изъ высочайшихъ минутъ такого вдохновенія выразилась въ одномъ словѣ: *На колына!* которымъ многочисленная толпа бунтующаго народа брошена была на землю передъ святынею вѣры и власти. И отсутствіе этой-то поэзіи произвело то, что теперь ведаѣ передъ нашими глазами творится“.

Судь вадѣ недавней и современной поэзіей, который творилъ Жуковскій въ письмѣ къ Гоголю, свидѣтельствуетъ, что какъ въ его религіозно-политическихъ, такъ и въ литературныхъ взглядахъ прогрессъ состоялъ въ упорядоченіи давно составленныхъ убѣжденій. Если Байронъ нѣсколько пощаженъ, то потому, что его заслоняетъ „падшій ангелъ свѣта“, Гейне, о которомъ Жуковскій выразился какъ-то въ салонѣ Смирновой, что теперь у него одного и есть поэтический талантъ, соединенный съ остроуміемъ ¹⁾. Въ числѣ обвиняемыхъ нѣтъ ни одного русскаго имени, а было мѣсто и для Пушкина, и для Лермонтова, котораго Жуковскій считалъ замѣчательнымъ лирическимъ талантомъ: онъ восхищался его „Купцомъ Калашниковымъ“ ²⁾, котораго уговорилъ отдать въ печать.

Мѣсто для обвиненій нашлось въ частныхъ бесѣдахъ и

¹⁾ Сл. Записки Смирновой, „Сѣв. Вѣстникъ“ 1895 г. июль, стр. 86.

²⁾ Ib. стр. 85, 95. Сл. дневникъ 1839 г. 24 октября: чтеніе „Демона“.

письмахъ. „Гдѣ ты нашелъ у насъ литературу? говорилъ онъ въ 1830 г. И. В. Кирѣевскому. Какая къ чорту въ ней жизнь? Что у насъ своего? Ты говоришь объ насъ, какъ можно говорить только объ нѣмцахъ, французахъ и проч.“¹⁾ „Избавьте насъ отъ противныхъ Героевъ нашего времени, отъ Онѣгиныхъ и прочихъ многихъ, имъ подобныхъ, пишетъ онъ графу В. А. Сологубу въ 1845 г.; это бѣсы, вылетѣвшіе изъ грязной лужи нашего времени, начавшіеся въ утробѣ Вертера и расплодившіеся отъ Донъ-Жуана и прочихъ героевъ Байрона“²⁾. Русская литература пала, пишетъ онъ фонъ-деръ-Бриггену (1/13 іюня 1846 г.), пала не съ высоты, какъ нѣмецкая или французская, потому что перешла на базаръ торгашей не черезъ святилище науки, „а прискакала туда прямо проселочною дорогою и носить по толкучему рынку свое тряпье, которое съ смѣшною самоуверенностью выдаетъ за цѣнный товаръ“³⁾. Онъ поощряетъ графиню Растопчину къ „истинной поэзіи“ (къ ней 25 апрѣля 1838 г.), но только талантъ оказался у нея истиннымъ, а „ея поэзія принадлежитъ къ чудовищной породѣ поэзіи нашего вѣка, разрушающей всякую святыню“ (къ Булгакову 13/25 мая 1847 г.). А. Н. Майковъ встрѣтилъ въ немъ сочувствіе: „онъ можетъ начать разрядъ новыхъ русскихъ талантовъ, служащихъ высшей правдѣ, а не матеріальной чувственности. Пускай онъ возьметъ себѣ въ образецъ Шекспира, Данте а изъ древнихъ Гомера и Софокла. Пускай напится исторіей и знаніемъ природы, и болѣе всего знаніемъ Руси, той Руси, которую создала намъ ея исторія, Руси, богатой будущимъ, не той Руси, которую выдумываютъ намъ поклонники безумныхъ доктринъ нашего времени, но Руси самодержавной, Руси христіанской—и пускай, скопивъ это сокровище знаній, это сокровище матеріаловъ для поэзіи, пускай проникнетъ свою душу святынею христіанства

¹⁾ Письмо 12 января 1830 г. Полное собр. соч. И. В. Кирѣевского. т. I, стр. 23.

²⁾ Сл. „Русскій Архивъ“ 1896 г. № 3, стр. 462.

³⁾ Сл. письмо къ Погодину того же года по полученіи его „Похвального слова Карамзину“: время, въ которое Карамзинъ дѣйствовалъ на поприщѣ русской литературы (время его двухъ журналовъ), было лучшимъ временемъ, хотя младенческимъ, нашей литературы. При теперешней ея большой дѣятельности, при ея возмужалости едва ли она подвинулась впередъ къ лучшему. Литература наша, не пройдя своего книжно-творческаго періода, перешагнула въ журнально-меркантильный. Этотъ періодъ начался, когда Карамзинъ скрылся въ тишину своего кабинета и безмолвно тамъ готовилъ въ продолженіе многихъ лѣтъ свою монументальную книгу (Барсуковъ, „Жизнь и труды М. П. Погодина“, VIII, стр. 213—14).

безъ которой наши знанія не имѣютъ цѣли, и всякая поэзія не иное что, какъ жалкое сибаритство, — русалка, убійственно щекочущая душу“ ¹⁾).

Характеризуя въ 1845 году плачевное состояніе русской литературы, Плетневъ говорилъ объ „одинокѣ старчества“, въ которомъ очутился Блудовъ ²⁾; въ такомъ же одиночествѣ оказались и Вяземскій и Жуковскій: жизнь обгоняла ихъ впопыхахъ и съ промахами, въ которыхъ сказывалось однако же исканіе новыхъ путей, либо пятилась, и они не сумѣли въ ней найтись. Говорили, что Жуковскому пора и на покой съ его поэзіей, годной только юношѣ, у котораго кипитъ кровь, и играетъ воображеніе; Бѣлинскій отозвался на IX-й томъ его стихотвореній (1844 г.): Жуковскій какъ бы чувствуетъ, „что уже прошло время для романтической поэзіи“, и является теперь на поэтическое поприще болѣе какъ ветеранъ, чѣмъ какъ воинъ, состоящій на дѣйствительной службѣ. „Его теперь занимаетъ не сущность содержанія, а простота формы въ изящныхъ произведеніяхъ“, простота „нѣсколько искусственная; говорятъ, онъ переводитъ Одиссею; переводъ будетъ образцовый если поэтъ посмотритъ на поэму „прямо по-гречески, а не сквозь призму нѣмецкаго романтизма“. Въ другомъ смыслѣ проявился въ 1845 г. Бурачекъ: „Жуковскій уже совершенно преклонился передъ римскимъ истуканомъ французской, нѣмецкой и англійской лже-поэзіи. Онъ уже вовсе былъ чуждъ русскаго духа и стихіи. Мораль его—мораль римская. Вліяніе его на современниковъ было полное: онъ создалъ Пушкина. Только въ послѣднихъ его стихотвореніяхъ начинаетъ пробиваться духъ Евангелія, но духъ все-таки римскій, а не русскій. Но его послѣднія стихотворенія уже не дѣйствуютъ на юное поколѣніе русскихъ—оно улыбается имъ“ ³⁾. „Одиночество старчества“ поддерживалось Жуковскимъ еще и отчужденіемъ его отъ русской дѣйствительности въ долгіе годы, проведенные имъ за границею, гдѣ его міросозерцаніе и его поэзія развивались, внѣ контроля, изъ старыхъ началъ. Плетневъ былъ правъ, когда въ 1845 году (1/13 ноября) писалъ ему: „О переездѣ вашемъ

¹⁾ Сл. Барсуковъ, I. с., т. XI, стр. 415: къ М. П. Погодину, 7 декабря 1851 года. Сл. письмо къ Плетневу 15/27 ноября того же года.

²⁾ Къ Жуковскому 2 марта 1845 года.

³⁾ „Маякъ“ 1845 г., т. XXII: „Критическій обзоръ народнаго значенія Вселенской церкви на Западѣ и на Востокѣ“, гл. IV. Критика, стр. 95. Сл. замѣчательное письмо кн. Вяземскаго къ Жуковскому 12 апрѣля 1846 г., „Русская Старина“ 1902 г., октябрь, стр. 205 слѣд.

сюда я каждый разъ думалъ съ какою-то печалью, хотя и желалъ бы при концѣ моихъ дней иногда счастливить себя свиданіями съ вами и вашими особенно. *Здѣсь не климатъ вашей поэзіи.* Ей нужно именно то, чѣмъ вы дышите теперь.... Что лучше Франкфурта и особенно Дюссельдорфа? По крайней мѣрѣ откладывайте это антипоэтическое возвращеніе столько, сколько будетъ возможности“.

Въ Дюссельдорфѣ и Франкфуртѣ осуществились для Жуковского бѣлевскія грѣзы о тихомъ семейномъ счастьи, и его поэзія вступила на свой послѣдній путь.

Въ 1845 году видѣла его съ женою въ Нюрнбергѣ вел. кн. Ольга Николаевна: „точно нѣмецкая картина, но онъ остался русскимъ и ждетъ, когда здоровье жены позволитъ ему возвратиться къ намъ“ ¹⁾. Русь стала для него живымъ воспоминаніемъ и идеализировалась тѣмъ грандіознѣе, чѣмъ гуще его охватывала нѣмецкая атмосфера. Ту же „идеализацію дали“ испыталъ Тютчевъ.

¹⁾ Плетневъ къ Жуковскому 25 декабря 1845 г. / 6 января 1846 г.

ХШ.

Въ своей семьѣ. Идиллія Одиссен.

I.

Самъ Жуковскій разсказалъ намъ исторію своей послѣдней любви ¹⁾).

Въ іюнѣ 1832 года онъ выѣхалъ за границу для поправленія здоровья. Онъ лечился въ Эмсѣ и Вейльбахѣ; здѣсь подѣхалъ къ нему его старый пріятель Рейтернъ, который рѣшился сопровождать его въ Швейцарію. Жуковскій предполагалъ прожить въ Веве не болѣе трехъ недѣль, далѣе отправиться въ Италію навстрѣчу Тургеневу, но болѣзнь открылась снова, и отъ Италіи надо было отказаться; ему не пришлось видѣть Ливорно, могилы Саши. Тургеневу онъ поручаетъ заботу объ ея памятникѣ. „О моемъ житьѣ-бытьѣ не безпокойся; я не одинъ, со мною Рейтернъ, который выписываетъ на зиму и свое семейство, такъ что я буду и въ совершенномъ уединеніи, и со своимъ домомъ. Но Дрездена уже нѣтъ, не возвратитъ: никогда мнѣ не было такъ уютно и покойно и домовито, какъ въ Дрезденѣ: это время одно изъ самыхъ солнечныхъ въ жизни“ (19/31 октября 1832 г. Веве).

Когда 26 ноября семья Рейтерна подѣхала къ домику, нанятому для нихъ Жуковскимъ, онъ встрѣтилъ ихъ у воротъ, а

¹⁾ Въ пространномъ посланіи къ роднымъ писанномъ съ 10/22 августа по 5-е сентября 1840, „Русская Бесѣда“ 1859 г., III, стр. 17 слѣд. Я пользовался кромѣ того разсказомъ его невѣсты, написанномъ (по-французски) по его желанію.

его черные, глубокие, добрые глаза произвели невыразимое впечатление на дочку Рейтерна, Елизавету, тогда еще ребенка. Она знала его съ 1826 года по имени и портрету, писанному ея отцомъ.

„Мы всѣ вмѣстѣ переселились въ наше уединеніе, вспоминаетъ Жуковский, и съ этой минуты начинается для меня жизнь покоя, и ясный миръ домашній обхватываетъ мою душу, какъ въ бывалые, лучшіе, прежніе годы“. Жуковский заходилъ къ Рейтернамъ по нѣсколько разъ въ день, за столомъ дѣвочка сидѣла между нимъ и отцомъ, по вечерамъ ея обязанностью было подавать Жуковскому табакъ и трубку, что она впрочемъ часто забывала, а Жуковский сюрпризомъ устроилъ дѣтямъ рождественскую елку. Повѣяло семьей, тѣнями прошлаго, молодостью. Жуковскому стукнуло 49 лѣтъ. „Я не состарѣлся и, такъ сказать, не жилъ, а попалъ въ старики, писалъ онъ въ день своего рожденія (29 генваря 1833 г.) Зонтагъ. Жизнь моя была вообще такъ одинакова, такъ сама на себя похожа, что я еще не покидалъ молодости, а вотъ ужъ надобно сказать рѣшительно „прости“ этой молодости и быть старикомъ, не будучи старымъ. Нечего дѣлать“. — Затѣмъ пришлось разстаться; „они улетѣли отъ меня, какъ свѣтлыя райскія тѣни“; лишь въ августѣ 1833 года Жуковский три дня прогостилъ у Рейтерновъ въ замкѣ Виллингсгаузенъ, гдѣ „опять на минуту очутился въ своемъ родномъ кругѣ“. На прощаньи „13-лѣтній ребенокъ кинулась мнѣ на шею и прильнула ко мнѣ съ необыкновенною нѣжностью; это меня тогда поразило, но, разумѣется, никакого слѣда на душѣ не оставило“. Прошло пять лѣтъ, прежде чѣмъ Жуковский снова увидѣлъ въ Дюссельдорфѣ, въ августѣ 1838 года, свою суженую; три дня провелъ онъ въ семьѣ; Елизавета и ея сестра „расцвѣли, какъ чистыя розы“.

Зимою того же года Жуковский былъ въ Венеціи, о впечатлѣніяхъ которой писалъ Языкову (4/16 ноября). 21-го ноября (3 декабря н. ст.) онъ гулялъ при лунѣ по венеціанской Piazza и записалъ въ своемъ дневникѣ: „тѣнь колокольни, блѣдный свѣтъ куполовъ; Maria della Salute, какъ призракъ... Ponte dei Sospiri въ блѣдномъ свѣтѣ надъ темнымъ каналомъ, на коемъ полоса отъ фонаря гондолы, и свѣтъ въ окно тюрьмы. Per me si va (nella città dolente). Вечеръ у Шпаура. Пѣнье“. Жуковский настраивается элегически и набрасываетъ стихотвореніе:

Мой міръ лишенъ маги(че)ской одежды,
Еще могу попрежнему любить,

Но нѣтъ надежды
Любимымъ быть ¹⁾).

Въ іюнѣ 1839 года, провожая великаго князя, онъ снова заѣхалъ къ Рейтернамъ. „Я провелъ только два дня въ замкѣ Виллингсгаузенъ, писалъ онъ роднымъ, и въ эти два дня были для меня минуты очаровательныя. Старшая дочь Рейтерна, 19 лѣтъ, была предо мной точно какъ райское видѣніе, которымъ я любовался отъ полноты души, просто, какъ видѣніемъ райскимъ, не позволяя себѣ и мысли, чтобъ этотъ свѣтлый призракъ могъ сойти для меня съ неба и слиться съ моею жизнью. Я любовался ею, какъ образомъ Рафаэлевой Мадонны, отъ которой послѣ нѣсколькихъ минутъ счастья удаляешься съ тихимъ воспоминаніемъ и... Однако нѣтъ! Въ тогдашнемъ чувствѣ, съ которымъ смотрѣлъ я на это ангельское лицо, не было того совершеннаго покоя, съ какимъ смотришь на тихую Мадонну; оно было соединено съ грустью: мнѣ было жаль себя; смотря на нее и чувствуя, что молодость сердца была еще вся со мною, я горевалъ, что молодость жизни миновалась, и что мнѣ надобно проходить равнодушно мимо того, чему бы душа могла предаться со всѣмъ неистощимымъ жаромъ своимъ, и что однако навсегда должно ей остаться чуждымъ. Это были два вечера грустнаго счастья. И всякій разъ, когда ея глаза поднимались на меня отъ работы (которую она держала въ рукахъ), то въ этихъ глазахъ былъ взглядъ невыразимый, который прямо вливался мнѣ въ глубину души, и я бы изъяснилъ этотъ взглядъ въ пользу своего счастья, и онъ бы тутъ же рѣшилъ мою судьбу, если бы только мнѣ можно было позволить себѣ такого рода надежды и не должно было отъ себя всѣми силами отталкивать подобныя желанія, моимъ лѣтамъ уже неприличныя, и только что для меня тревожныя“.

Между тѣмъ Елизавета фонъ Рейтернъ писала о тѣхъ же дняхъ: пріѣхалъ Жуковскій; вечеромъ, за чаемъ, бесѣдуя съ Шадовымъ, „онъ такъ чудно говорилъ о смиреніи, что мое сердце исполнилось невыразимой радости“. Она вспоминаетъ о двухъ дняхъ, проведенныхъ Жуковскимъ въ Виллингсгаузенѣ: „Въ сердцѣ стало свѣтло, и этотъ свѣтъ становился все яснѣе и ярче; правда, у меня не было времени задуматься надъ этимъ. Ею присутствіе было для меня все, все мнѣ давало; я ощущала неизъяснимую радость, источника которой не понимала, а между

¹⁾ Третій стихъ написанъ былъ первоначально такъ: „Но для меня ужъ нѣтъ теперь надежды“.

тѣмъ мечта, которую я давно открыла въ глубинѣ моего сердца, съ каждымъ днемъ становилась существеннѣе. Присутствіе Жуковскаго было счастьемъ, видѣть его блаженство... Погода была прелестная. Жуковскій по утрамъ рисовалъ въ саду, и я къ своему удивленію спохватилась, что мои шаги невольно направлялись туда, гдѣ онъ былъ". Ее печалитъ мысль, что онъ скоро уѣдетъ, сердце щемитъ, когда она думаетъ о немъ; почему не бываетъ съ нею того же, когда она думаетъ — объ отцѣ?

Еще нѣсколько бѣглыхъ свиданій въ 1840-мъ году и двухнедѣльное пребываніе въ Виллингсгаузенѣ въ маѣ; великій князь и его невѣста, ученица Жуковскаго, уѣхали изъ Дармштадта, онъ получилъ возможность самъ отдохнуть. Куда направиться? У него вдругъ „блеснуло воспоминаніе о тихой жизни на берегу Женевского озера, воспоминаніе о Верне и о моемъ тогдашнемъ семейномъ кругѣ (вмѣстѣ съ Верне воображенію представились нѣкоторыя ясныя эпохи Муратова, Долбина...). Передъ этимъ воспоминаніемъ всѣ другіе планы исчезли". Онъ поѣхалъ къ Рейтернамъ, и это свиданіе было рѣшительнымъ.

Онъ счастливъ, „ясная эпоха“ Муратова наступила для него воочію; онъ вдругъ переселился туда, гдѣ „нѣкогда жилъ и уже пересталъ жить мечтою, куда влекло и уже перестало влечь сердце, гдѣ ясный міръ, гдѣ поэзія, бывший товарищ молодости и теперь ея представитель и замѣна“ ¹⁾. Любовь въ семьѣ; въ районѣ дружбы и привычки („pour qui sait aimer qu'est-ce qui peut être plus cher que l'habitude“? записалъ онъ въ альбомѣ Воейковой); какъ въ Бѣлевскомъ уединеніи у него была милая переписчица, такъ Елизавета фонъ Рейтернъ обрисовываетъ наброски, привезенные имъ изъ путешествія ²⁾. Къ этому присоединилось и сходство настроенія: Рейтерны піетисты, Рейтернъ—другъ Радовица, котораго и Жуковскій избралъ своимъ сердцемъ; Радовицъ, котораго Елизавета фонъ Рейтернъ зоветъ oncle, пишетъ Рейтерну задушевныя письма съ цитатами изъ Новалиса („Gieb treulich mir die Hände“ и т. д.) ³⁾.

Въ этой средѣ вырастаетъ невѣста Жуковскаго, она точно его ученица: глубоко-піетистически настроенная, она прячетъ свое чувство, полна предчувствій и вѣры въ Провидѣніе—и сознанія своего недостойнства; ея борьба—испытаніе. На Жу-

¹⁾ Письмо къ роднымъ.

²⁾ Сл. Gerhard von Reutern, I. с., стр. 99 слѣд.: 6 августа 1827 года Жуковскій благодарилъ Рейтерна pour le trésor des contours qui forment un journal complet de notre voyage; его дочь срисовала для Жуковскаго его croquis.

³⁾ I. с., стр. 34—6, 112.

ковскаго она смотритъ, какъ на нѣчто высшее: не ей быть звѣздой на его небѣ; она готова ограничить свое счастье—счастьемъ видѣть его; въ ея любви много благоговѣнія, *vénération*. „И все это у меня—отъ тебя“ („*Et tout cela me vient de toi*“). Такъ въ былое время говорилъ Жуковский Машѣ. Роли перемѣнились. Къ обычной застѣнчивости Жуковскаго присоединилась теперь застѣнчивость старческаго чувства, онъ не рѣшается объяснить прямо, а все намеками, полусловами, такъ, чтобы другіе договаривали. Такъ съ Рейтерномъ, такъ и съ невѣстой. Онъ посылаетъ ей, въ знакомой намъ синей оберткѣ его дневниковъ, потѣшный разсказецъ, написанный по-нѣмецки: „*Geschichte des Herrn von Klotz*“, который она перечитываетъ съ восторгомъ—и понимаетъ: это было объясненіе въ любви, вѣроятно, въ формахъ такой же потѣшной аллегоріи, какъ и „*Malerische Darstellung einer Bleifüssler-Procession*“, служившая той же цѣли. Это—написанное по-нѣмецки объясненіе къ картинкамъ, которыя приглашало нарисовать Рейтернъ. Въ стеклянномъ гробу лежитъ свинопасъ, выбиваясь изъ него руками и ногами. Около него Обжора (*Herr von Vielfrass*), сирѣчь время: онъ сложилъ крылья, подвязалъ къ животу матрацъ, надѣлъ свинцовые сапоги и, покуривая трубочку, трунить надъ бѣднымъ свинопасомъ, и всякій разъ, когда проползетъ мимо него „свинцовая ножка“, подвигаетъ впередъ стеклянный гробъ. Процессія „свинцовыхъ ножекъ“ растянулась: это подвижныя, эфирныя созданія, капризныя, любящія помучить человѣка. Такъ и теперь: чтобы подразнить свинопаса, они приняли тяжелыя тѣла, похожія на тыкву ѣдутъ верхомъ на черепахахъ; одинъ курить, другіе играютъ въ карты и т. д.; у cadaго запечатанный ларчикъ, содержаніе котораго онъ не знаетъ; пока они проходятъ, можно было бы сломать печать, тогда... но это къ дѣлу не относится.—Вдали башни Дюссельдорфа, горятъ утреннія звѣзды, въ воздухъ что-то рѣветъ: это проклятыя „свинцовыя ножки“, но онѣ крылаты и быстро пролетаютъ, не то, что у гроба свинопаса. Онъ также какъ-будто пріободрился: надъ нимъ вьется какое-то незримое существо (изображеніе бабочки), и когда оно спускается къ нему, онъ приходитъ въ спокойное состояніе, ноги вытягиваются, руки складываются на груди, и онъ лежитъ, какъ тихо покоющійся статскій совѣтникъ, которому снятся блаженные сны. Онъ ощущаетъ только близость невидимаго товарища, забывая Обжору и свинцовыя ножки.—На горизонтѣ, недалеко отъ Дюссельдорфа, виднѣтся какъ-будто гора, но это не гора, а исполинская телѣга въ ней слонъ, въ слонѣ корова и т. д.—накопленіе въ стилѣ

мотива известной сказки; въ самомъ центрѣ—письмо отъ почтеннаго господина Рейтерна къ недостойному свинопасу. Но тельга напряжена двумя хромыми утками! Письмо никогда не придетъ!

Время, часы—„свинцовыя ножки“ идутъ такъ медленно для Жуковского (= свинопаса), замедлилось и письмо — отъ Рейтерна; очевидно, письмо рѣшающее. Шутка-гротескъ надписана 15/27 іюля 1840 года; 3 августа участь Жуковского рѣшилась. Предложеніе было сдѣлано застѣнчиво-иносказательно: Жуковский предложилъ двѣмъ часамъ: „Permettez-moi de vous faire cadeau de cette montre, mais la montre indique le temps, le temps est la vie; avec cette montre je vous offre ma vie entière. L'acceptez-vous“? Она кинулась ему на шею ¹⁾.

Обо всемъ, что съ нимъ случилось, Жуковский писалъ Ал. Тургеневу. „Какое письмо! пишетъ Тургеневъ. Душа Жуковского тихо изливается въ упоеніи и въ сознаніи своего блаженства. Читая его, я понялъ по крайней мѣрѣ половину моей любимой фразы: *Le bonheur est dans la vertu qui aime . . . et dans la raison qui éclaire*“ ²⁾. Жуковский говоритъ о своемъ счастьѣ восторженно, „какъ говорилъ о немъ въ Бѣлевѣ, гдѣ все было для него поэзіей, даже любовь; счастье поджидало его въ концѣ его жизненнаго пути; надѣюсь, его освободятъ отъ придворнаго ига, ибо что бы онъ могъ тамъ сдѣлать съ однимъ изъ тѣхъ созданій, которыя счастливы только въ семьѣ, и которыхъ Софья Карамзина встрѣчала развѣ въ романахъ? Чувствую, что ради Жуковского я помолодѣлъ душой и люблю его братски, какъ встарь. Желая ему только одного, чего и самъ онъ себя желаетъ: жизни, жизни! Пора ему не то что перестать жить для другихъ,—вѣдь только такъ и живетъ,—а устроить себя другое существованіе: жизнь, какую онъ велъ, годна была для насъ и для тѣхъ, за которыхъ онъ безпрестанно хлопоталъ. Онъ отвоевывалъ (*gagnait*) себя рай, теряя его ежедневно. . . . Онъ хотѣлъ бы повидать меня, но я боюсь замутить полноту его счастья видомъ человѣка, находящаго убѣжище лишь въ апатіи, упустившаго всѣ виды земнаго счастья; даже счастья—страдать или ожидать въ покорности“ ³⁾.

¹⁾ Такъ въ письмѣ къ роднымъ; сл. письмо Плетнева къ Я. К. Гроту 8 ноября 1840 (со словъ вел. кн. Ольги Николаевны), „Переписка Я. К. Грота съ Плетневымъ“, I, стр. 127.

²⁾ Соч. и переписка П. А. Плетнева, III, стр. 119.

³⁾ Ал. Тургеневъ къ кн. В. Θ. Вяземской 10 сентября 1840 г. (французское). Плетневъ, поздравляя Жуковского, восхищается строками, въ которыхъ онъ

Тургеневъ прособирался къ пріятелю, хотя тотъ его „требовадь“¹⁾. Между тѣмъ „Вьельгорскіе нечаянно наѣхали въ Вильдбаденъ на Жуковского, нѣтъ, на Жуковскихъ. Она—влюбленная дочь, а онъ нѣжный отецъ. Весело и умилительно на нихъ смотрѣть“, писалъ князь Вяземскій²⁾; а у Тургенева та же грустная отговорка: „одинъ только Жуковскій мирить меня съ жизнью, зато я и не хочу пугать его моимъ присутствіемъ, моей тоской, въ каждой новой морщинѣ выражающейся. Письмо его ко мнѣ прелестно. Прочти его своимъ, Карамзиннымъ, да еще немногимъ,—и только“³⁾. Жуковскій „будетъ жить въ уединеніи, я поѣду проститься съ нимъ, навсегда, если бы такъ случилось, довольный тѣмъ, что онъ достоинъ своей доли, скорѣе, что доля пришлась по его достоинствамъ. Онъ еще разъ возродится, обновясь въ средѣ, которая не будетъ средой дворца и петербургскихъ салоновъ“⁴⁾.

„Очищенный Руссо“, вспоминалъ впослѣдствіи кн. Вяземскій, Жуковскій на шестомъ десятилѣтіи испыталъ всю силу романической страсти; но, впрочемъ, это была не страсть, и особенно же не романическая, а такое свѣтлое сочувствіе, которое освятилось таинствомъ брака“⁵⁾. Давно тому назадъ, въ пору увлеченія Машей, Жуковскій писалъ ей, что страсти къ ней у него никогда не было⁶⁾; и теперь онъ не игралъ въ чувство, пишетъ онъ роднымъ⁷⁾, „и какъ его въ себѣ допустить со всѣми надеждами, которыя могутъ быть приличны только молодости?“....⁸⁾. То, что онъ испыталъ, не „минутная вспышка души, разгоряченной романическимъ воображеніемъ; это просто сродство“. Знакомые въ Москвѣ и заграницей встрѣтили вѣсть о столь неравномъ бракѣ съ какимъ-то пріятнымъ и любопыт-

говорилъ „о новомъ раѣ своей души: жизни, жизни!“ (къ Жуковскому 3 сентября 1840 г.). Онъ прочелъ эти слова въ письмѣ Жуковского къ кн. Вяземской („Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ“, I, стр. 35).

1) Тургеневъ къ княгинѣ Вяземской 10 сентября 1840 г.; къ князю Вяземскому 31 августа/12 сентября того же года.

2) Князь Вяземскій Тургеневу 26 іюня 1841 г.

3) Тургеневъ князю Вяземскому 8/20 іюля 1841 г.

4) Ал. Тургеневъ княг. Вяземской 9 сентября 1840 г. (французское).

5) Полное собр. соч. кн. Вяземскаго, т. X: Старая записная книжка, стр. 154.

6) Сл. выше стр. 189.

7) Въ томъ же письмѣ.

8) Я не нахожу въ себѣ „живого, пламеннаго чувства, которое мнѣ не свойственно и по натурѣ моей, и по моимъ лѣтамъ“ (Дневникъ 12 ноября 1841 г.).

нымъ недоумѣніемъ; и его самого это порой смущало, но онъ сказалъ о томъ Радовицу, „нашему общему другу, челоуѣку, котораго я во всякое время выбралъ бы и руководцемъ и судьей моей жизни“, и „Радовицъ, которому характеръ моей Елизаветы давно и коротко знакомъ, который и меня коротко знаетъ, устранилъ мои сомнѣнія, сказавъ, что при всей ихъ основательности вообще, они въ этомъ особенномъ случаѣ неумѣстны, и что онъ ручается мнѣ за счастье, если только она подастъ мнѣ руку произвольно, отъ сердца, безъ всякаго вліянія со стороны“¹⁾.

Оттого онъ такъ словоохотливо и добродушно рассказываетъ друзьямъ исторію своего сватовства, заставляетъ любоваться портретомъ своей невѣсты, писаннымъ Зономъ, старчески-дѣтски забалтывается до интимныхъ мелочей: какъ однажды, будучи съ матерью и невѣстой, онъ сказалъ, „что для чужихъ будетъ первую выдавать за жену свою, а вторую за дочь“; невѣста такъ разсердилась, что онъ насилу выпросилъ у нея прощенье. Если она ведетъ себя умно, онъ зоветъ ее Эльзой, когда она шалитъ, онъ называетъ ее Бетси, а когда она задурочится, онъ кричитъ только Bête. Такъ рассказывалъ онъ вел. кн. Ольгѣ Николаевнѣ²⁾. Онъ увѣренъ, что все это должно интересовать тѣхъ, кто его любитъ и понимаетъ.

¹⁾ То же письмо къ роднымъ.

²⁾ „Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ“, I, стр. 127—8 (8 ноября 1840 г.): „Онъ (Жуковский) привезъ и портретъ невѣсты, писанный въ Дюссельдорфѣ знаменитымъ Зономъ. Вообразите идеальнѣшки. Бѣлокурая, лицо самое правильное; потупленные глаза; съ крестикомъ на золотомъ шнуркѣ; видна спереди изъ-подъ платья рубашечка; края лифа у платья на плечахъ обшиты тоже чѣмъ-то въ родѣ золотого узенькаго галуна; невыразимое спокойствіе, мысль, умъ, невинность, чувство—все отразилось на этомъ портретѣ, который я называлъ не портретомъ, а образомъ. Точно, можно на нее молиться. Самая форма картины, вверху округленной, съ голубымъ fond—все производитъ невыразимое впечатлѣніе. Весь вечеръ мы любовались на этотъ образъ . . . Портретъ ея писанъ тогда, когда Жуковский ей читалъ книгу. На картинѣ лицо взято въ профиль, оттого ея глаза совсѣмъ не видать. Они темно-сѣрые. Цвѣтъ лица чистый, бѣлый. Черты большія. Линія отъ подбородка идетъ ко лбу, образуя тупой уголъ, что придаетъ лицу выраженіе умное и интересное“. Портретъ писанъ въ Дюссельдорфѣ въ 1842 г. и литографированъ Шертле.—Иное впечатлѣніе вынесъ Мельгуновъ: „Жуковский женился на старшей дочери Рейтерна, нашего художника въ Дюссельдорфѣ, писалъ онъ Шевыреву 5/17 октября 1842 г. Она ростомъ съ Иванъ Великій (sic) и не хороша собой, но sehr gemüthlich. Жуковский ist übergelüchlich, какъ онъ пишетъ Коппу“ (д-ръ въ Ганау, лечившій Мельгунова, пріятель Жуковскаго). Сл. Кирпичниковъ, „Очерки по исторіи новой русской литературы“, т. II, изд. 2-ое, стр. 191 прим. 1.

Самъ онъ полюбилъ „христіанскою любовью“; это объясняетъ его строгую отповѣдь старому другу Александру Михайловичу Тургеневу, написанную имъ два года спустя послѣ брака. Тургеневъ, вдовецъ, сообщилъ ему въ 1843 году, что на старости лѣтъ онъ влюбился. „Не знаю, что тебѣ на это сказать, отвѣчаетъ ему Жуковскій (10/22 февраля 1843 г.). Я уважаю чувства сердца. Если ты любишь, чтобъ любить про себя, это твоя святая тайна. Если же любишь съ надеждою на взаимность—берегись: будешь виноватъ передъ собою и передъ другими. . . . Ты пишешь, что горестъ, тоска и уныніе тебя одолѣли—должно ли это быть въ твои лѣта и отъ такой причины? Согласенъ, живое чувство 18-лѣтней любви, пробудившееся въ твоей 65-лѣтней душѣ, доказываетъ свѣжесть этой души—но не слишкомъ ли это чувство ее тревожитъ? Не заставляешь ли ее произвольно строить такое будущее, котораго уже не можетъ быть для нея въ здѣшней жизни? Не отвлекаешь ли ее отъ мыслей и чувствъ высшаго рода, ей теперь приличныхъ и необходимыхъ?.... *Въ твои лѣта можетъ быть только любовь христіанская. Отворить ее для любви къ женщинѣ (которая всегда, сколь бы ни была чиста, болѣе или менѣе соединена съ чувственностью) есть предавать ее такимъ волненіямъ, которыя уже не должны ее тревожить, и которыя, конечно, не дадутъ укорениться въ ней тому ясному миру, который намъ необходимо имѣть, приближаясь къ границѣ здѣшняго. Я увѣренъ въ чистотѣ твоего чувства и (говорю опять) уважаю его. Но мой совѣтъ: сладить съ нимъ и не давать ему воли надъ душой; ей теперь не то нужно“* ¹⁾.

Такъ сбылись надежды Жуковского „любимымъ быть“. Но „надежда“ подсказана риемой; надежда давно отмѣнена, на ея мѣсто надо поставить вѣру въ Провидѣніе. Такъ наставлялъ Жуковскій Машу, Воейкову, Самойлову, а въ альбомѣ Воейковой написалъ: „Желать что-нибудь страстно значить мѣшаться въ дѣло Провидѣнія“ ²⁾. И теперь онъ увѣряетъ всѣхъ на всѣ лады, что его семейное счастье послано ему рукою Промысла. Онъ отказался было отъ всякой подобной надежды, безразсудной въ его годы, но обстоятельства, рѣшившія его, „похожи на опредѣленіе свыше“, пишетъ онъ Государю (9 іюня 1840 г.), испрашивая позволенія на бракъ. „Правда, та, которую я выбралъ, по своимъ лѣтамъ могла бы быть моею дочерью, но по своему об-

¹⁾ „Русская Старина“ 1892 г., декабрь, стр. 376.

²⁾ См. выше стр. 210.

разованію, по своему характеру она способна довольствоваться просто семейнымъ счастьемъ, основаннымъ на согласіи мыслей, чувства и на сердечномъ уваженіи, несмотря на разницу лѣтъ.... Если теперь не схвачу того, что Провидѣніе представляетъ мнѣ, то завтра будетъ поздно, и завтра надобно будетъ навсегда сказать, что собственное семейное счастье не должно быть здѣшнимъ моимъ удѣломъ“. Къ этому счастью онъ бросается „не какъ молодой человѣкъ, увлеченный страстію“, въ его лѣта это смѣшно, а съ полнымъ убѣжденіемъ, что это возможно. — И въ другомъ письмѣ къ Государю іюля 1840 года говорится, что счастье представилось ему „неожиданно“.

Между 10/22 августа и 5 сентября того же года написано обстоятельное посланіе къ Екатеринѣ Аванасьевнѣ Протасовой и къ роднымъ, которымъ мы уже пользовались выше: нѣчто въ родѣ объяснительной записки-апологіи, рассказывающей исторію его любви. И здѣсь освѣщеніе то же: все устроило Провидѣніе, даже измѣненіе маршрута Наслѣдника совершилось какъ бы съ умысломъ, чтобы въ „рѣшительныя для обоихъ минуты“, дать каждому найти свою суженую. Не было у него короткаго знакомства съ невѣстой, но оно и не нужно: все дѣло въ „вѣрѣ сердца“, во внутреннемъ голосѣ, въ этомъ „seconde vue будущаго“; во всемъ этомъ „одно дѣйствіе Провидѣнія“. Слѣдуютъ мечты о домашнемъ счастьѣ, ожиданія сводятся къ тому, чтобы съ помощью вѣрнаго товарища, жены, „все дурное или испорченное жизнью поправить или привести въ порядокъ, чтобы наконецъ разсчитаться, какъ должно, со всѣмъ здѣшнимъ, подвести подъ жизнь итогъ и собрать какъ можно болѣе на дорогу въ другую жизнь“.—Счастье нашло его само, писалъ онъ Зонтагъ 28 августа 1840 г., „вся моя личная жизнь помолодѣла, и въ душу мою влилось никогда неиспытанное чувство *двойной* жизни, которая всему на свѣтѣ даетъ настоящее значеніе и достоинство“. Онъ вѣритъ своему счастью, „но, признаться, часто изъ этого яснаго, мирнаго свѣта, который меня теперь окружаетъ, выглядываетъ строгое лицо смерти, и невольно грусть обвивается вокругъ сердца. *Liebe ist stark wie der Tod*, написалъ мнѣ другъ на евангеліи передъ моимъ отъѣздомъ въ Дюссельдорфъ. Какъ эти слова *Liebe und Tod* близки одно къ другому! На землѣ нѣтъ счастья безъ *любви*, но его нѣтъ также и безъ *смерти*. И та и другая необходимы для того, чтобы оно было. Одной душа говорить: *Не покидай меня!* Другой душа говорить: *Не уноси меня!* Одна даетъ счастью его *прелесть*, другая даетъ ему его *достоинство*. Но мысль, что всему на землѣ

долженъ быть конецъ, приводить въ трепетъ. Есть однако противъ всѣхъ этихъ тревогъ лекарство—и самое простое. Оно заключается въ молитвѣ Господней. Кто можетъ читать *Отче Нашъ* такъ, какъ оно дано намъ свыше, тому на землѣ ничто не страшно, и все доброе вѣрно“.

Онъ уже три недѣли, какъ состоитъ женихомъ, пишетъ онъ 1 сентября 1840 г. графинѣ Эдлингъ: Богъ ниспослалъ ему счастье помимо его исканія; ангелъ „пожелалъ связать себя съ моею жизнью и придать ей ея дѣйствительную цѣну. Я люблю ее, какъ свою душу, не съ страстностью молодого человѣка, но съ глубокою довѣрчивостью, которая успокаиваетъ, возвышаетъ и очищаетъ все мое существо. Она любитъ меня такъ, какъ-будто я былъ молодой человѣкъ. Какъ это могло случиться, я и самъ не понимаю, но я ею обязанъ, только ей одной: ничье постороннее вліяніе не оказывало на нее своего воздѣйствія; ея безхитростное и чистое сердце соединилось съ моимъ; она его помолодила, она скрасила для меня настоящее и открыла для меня будущее, о которомъ я пересталъ уже и мечтать“. И Жуковский проситъ графиню помолиться, чтобы счастье, посланное ему не по заслугамъ, не было у него отнято ¹⁾.—Добрый ангелъ посланъ ему „Провидѣніемъ, которое здѣсь все устроило безъ моего вѣдома, такъ ясно и чисто, что я безъ всякаго сомнѣнія позволилъ себѣ поднять руку, чтобы взять благо, которое само далось мнѣ и котораго бы себѣ самъ ни надѣяться, ни искать не позволилъ. Это было, кажется мнѣ, приготовленнымъ и даннымъ свыше“ (къ Государю 4 октября 1840 г.).

Въ 1842 году онъ напомнилъ Государынѣ вопросъ, съ которымъ она къ нему обратилась, когда онъ впервые заговорилъ съ нею о своемъ брачномъ проэктѣ. „*Mon cher, ne faites-vous pas une folie?* И въ то время, какъ все еще было для меня впереди, все сомнительно, я, не запинаясь, отвѣчалъ вамъ: Нѣтъ! Я объяснилъ свое „нѣтъ“ съ полнымъ убѣжденіемъ, что еще внутреннее чувство и моя вѣра въ будущее меня не обманывали“. И теперь, послѣ двухлѣтняго семейнаго счастья, онъ снова можетъ сознательно и съ благодарностью повторить: нѣтъ! (письмо къ Государынѣ 4 іюня 1842 г.).

Онъ такъ же сознательно устроилъ и матеріальную часть своего счастья, чему свидѣтельствомъ его (неизданное) письмо къ Государю (изъ Эмса въ іюль 1840 г. ²⁾), полное расчетовъ

¹⁾ „Русская Старина“ 1902 г., апрѣль, стр. 185—6. Сл. письмо къ А. О. Смирновой 9 сентября 1840 г.

²⁾ Сл. письмо къ Авд. Петр. Елагиной 21 апрѣля 1841 г.

и выкладокъ; въ этомъ мечтателѣ была дѣловитость,—знакомый намъ элементъ таблицъ. Онъ расположился на покой, „не въ чадѣ счастья, хотя не можетъ думать ни о чемъ, кромѣ его“ ¹⁾ ничего не можетъ прибавить къ своему „смиренному, ясному счастью: оно полное“ ²⁾. „Вотъ уже болѣе полутора мѣсяца, какъ я женатъ“, пишетъ онъ Наслѣднику цесаревичу, „мнѣ подъ старость досталась молодая жена, которая могла бы быть мнѣ внучкою, но которая принесла неувядающей душѣ моей молодое, чистое счастье“; для него „семейная жизнь есть просто покойный, смиранный пріютъ передъ концомъ житейской дороги“, благо, данное отъ Бога, въ которомъ онъ видитъ „не столько настоящую прелесть жизни, сколько ея освѣщеніе и облагородствованіе для будущаго“, оно далось ему „такимъ, какого я всегда желалъ въ поэтическіе дни молодости“ (1841 г. августа 3/15 ³⁾) Вскорѣ онъ узнаетъ, что „семейная жизнь есть школа терпѣнія“, что „страданія одинокаго человѣка суть страданія эгоизма; страданія семьянина суть страданія любви“. У него обновился страхъ потерять то, что ему всего драгоцѣннѣе, и онъ уже успѣлъ прочитать „предисловіе“ своего будущаго, на которое смотреть съ покорностью и вѣрою; вѣра „дается всякому, кто ищетъ ея, но въ жизни семейной она скорѣе объемлетъ душу и глубже въ нее входитъ“ ⁴⁾.

19 апрѣля 1842 года онъ ждалъ рожденія ребенка: „Но да будетъ воля Твоя! Это я всякій день читаю, но еще не достигъ до того (далеко, далеко не достигъ), чтобы вся моя жизнь была не иное что, какъ это слово; пока этого не будетъ, жизнь не должно считать жизнью. Мы на свѣтѣ для того только, чтобы говорить это слово (во всемъ его смыслѣ); все остальное пыль и прахъ. Теперь я только это вполне понимаю, но, къ несчастію, въ то же время чувствую, какъ я ужасно далекъ отъ этой верховной, единственной цѣли. Кратчайшій или вѣрнѣйшій путь къ ней ведетъ черезъ семейство“ (къ Ал. Мих. Тургеневу 19 апрѣля 1842 г.) ⁵⁾.

Въ первый разъ въ жизни онъ не одинокъ, но онъ узналъ, что счастье „покупается дорогою цѣною (къ Государынѣ, марта 1842 г.), что если безъ семьи нѣтъ счастья, то только въ ней встрѣчаются „и настоящія муки сердечныя“ (Наслѣднику 14 ок-

¹⁾ Къ Ал. Ив. Тургеневу 1841 г., 21 іюня.

²⁾ Къ имп. Александрѣ Федоровнѣ 7/19 августа 1841 г. (неизданное).

³⁾ Сл. письмо къ А. И. Тургеневу 16 февраля того же года.

⁴⁾ Къ нему же 23 декабря 1841 г. /4 января 1842 г.

⁵⁾ „Русская Старина“ 1892 г., декабрь, стр. 373—4.

тября 1843 г.),—и ему вспоминается завѣтъ семьянина Карамзина: никому не брать на себя „крестъ семейной жизни“ (Ал. Мих. Тургеневу 1844 г. 8 ноября). Какъ усталый путникъ Шамиссо, онъ могъ жаловаться на тяжесть выпавшаго на его долю креста, но при выборѣ изъ всѣхъ „крестовъ земныхъ“ выбралъ бы „самый тотъ, который онъ уже несъ“ („Выборъ креста“ 1845 г.).—Чаша брачная—во спасеніе души: нигдѣ такъ, какъ въ семьѣ, не познакомишься съ собою и не почувствуешь необходимость вѣры въ нашего Спасителя! Все обманчивое, мечтательное исчезаетъ передъ простой, неукрашенной, строгой Божьей правдой. Если порой сердце и „засмолится“ житейскими тревогами, то онѣ „разрабатываютъ“ нашу душу (Ек. Ив. Мойеръ 4/16 сентября 1845 г.) ¹⁾.—Теперь только онъ постигъ высокую цѣну терпѣнія, „но не все ты имѣешь, что знаешь. Семейная жизнь есть школа терпѣнія, горня души, въ которомъ она можетъ очиститься. Говорю такъ оттого, что именно въ счастливѣйшее время жизни испыталъ много такихъ тревогъ, какихъ сердце не вѣдало въ прежнемъ безпечномъ бытѣ эгоистическаго одиночества. То, что говорю, не есть однако жалобы, а опытъ, высокій опытъ души, которая изъ настоящихъ благъ жизни выводитъ одну только истину, что жизнь есть школа терпѣнія. А терпѣніе, говоритъ апостолъ, даетъ опытность, опытность—надежду, надежда же не посрамить“ (Ал. Мих. Тургеневу 6 апрѣля 1846 г.) ²⁾.

И позже слышатся эти тихія сѣтованія. Семейное счастье—„вѣнецъ божественный“, въ него вплетены тернія изъ того вѣнца, передъ которымъ всѣ другіе вѣнцы исчезаютъ (къ Смирновой 23 февраля 1847 г.). Болѣзнь жены, утрата близкихъ, собственные годы наводили на мысль о смерти, и онъ утѣрялъ себя, какъ встарь, что смерть—„великое благо“ (къ Гоголю 20 февраля 1847 г.). „Того, что называется земнымъ счастьемъ, у меня нѣтъ; но я и не хлопочу о земномъ счастьи, прошу только одного (и это было бы верхъ милосердія Божія)—даровать мнѣ возможность донести, не упавъ, мой крестъ до могилы. Не изъясните однако неправильнымъ образомъ этого слова: счастья нѣтъ. Того, что называется обыкновенно счастьемъ, семейная жизнь не дала мнѣ, ибо вмѣстѣ съ тѣми радостями, которыми она такъ богата, она принесла съ собою тяжкія, мною прежде не испытанныя тревоги.... Но эти-то тревоги и возвысили понятіе о жизни; онѣ

¹⁾ Зейдлицъ, I. с., стр. 209—10.

²⁾ „Русская Старина“ 1892 г., декабрь, стр. 368.

дали ей совѣтъ иную значительность. Помоги только Богъ устоять на ногахъ подъ бременемъ благодатнаго креста его! (Къ Наслѣднику 5/17 октября 1848 г.). „Не покоемъ семейной жизни дано мнѣ подѣ старость наслаждаться.... крестъ мой не легокъ, иногда тяжель до упада“ (къ Плетневу 3/15 февраля 1850 г.). Господь милостиво далъ ему „розы семейной жизни“, не уничтоживъ колючекъ, и онъ не ропщетъ: „въ этихъ колючкахъ много его благодати“ (къ Булгакову 1/13 іюля 1850 г.).

А затѣмъ являлись просвѣты покоя, и онъ чувствовалъ себя хорошо въ уютномъ комфортѣ своего домика, который такъ обстоятельно описалъ имп. Александръ Ѳеодоровнѣ ¹⁾ и такъ идиллически—въ посланіи къ вел. кн. Александръ Николаевнѣ (посвященіе „Наля и Дамаянти“):

Я увидѣлъ

Себя на берегу рѣки широкой:

Садилось солнце; тихо по водамъ

Суда, сіяя,плыли, а за ними

Серебряный тянулся слѣдъ; вблизи

Въ кустахъ свѣтлѣлся домикъ; на порогъ

Его дверей хозяйка молодая

Съ младенцемъ спящимъ на рукахъ стояла...

И то была моя жена съ моею

Малюткой дочерью.... И я проснулся,

И милый сонъ мой сталъ блаженной былью.

Старый сентименталистъ проснулся наяву, очарованное „тамъ“ его „Весенняго чувства“ (1816 г.) очутилось на мигъ очаровательнымъ „здѣсь“ среди окружившихъ его дѣтскихъ головокъ. За его „теперешній живой заборъ не залетаетъ воспоминаніе о прошедшемъ: оно здѣсь чужой гость“ ²⁾. Но воспоминаніе залегало, потому что—„для сердца прошедшее вѣчно“. Онъ могъ говорить, что для него „началась новая жизнь, отдѣльная отъ прошлой“, и поправлялъ себя: „лучше сказать, заступающая ея мѣсто“ ³⁾. *„Прежніе спутники бывшаю міра моего далеко; вокругъ меня новый міръ, и все въ немъ иное. И, несмотря на это измѣненіе, всѣ прежнія связи такъ крѣпки, такъ чувстви-*

¹⁾ Письмо марта 1842 г.; сл. письмо къ Гоголю 10 февраля 1847г. въ Отчетѣ Имп. Публ. Библ. за 1887 г., приложения, стр. 50.

²⁾ Къ кн. Вяземскому 2 іюля 1847 г., къ Булгакову 25 апрѣля / 7 мая 1842 г.

³⁾ Къ Наслѣднику 1/13 января 1842 г.

тельны сердцу, какъ-будто ничто не протѣснилось между мною и этимъ милымъ прошедшимъ. И это такъ быть должно. Въ моемъ прошедшемъ самое драгоцѣнное было и есть для меня то, что было любезно сердцу; оно не подвержено вліянію времени, мѣста и обстоятельствъ. Все остальное, внѣшнее, есть только случайный придатокъ. Первое никогда не теряется; измѣненіе или потеря послѣдняго не можетъ быть замѣтна.... Сошедши съ первой дороги моей на тихую стороннюю тропинку семейной жизни, я не расстался ни съ однимъ милымъ товарищемъ моего прежняго путешествія¹⁾. Такъ увѣрялъ онъ себя, что „милое минувшее“ дружилось съ настоящимъ²⁾, и онъ звалъ къ себѣ это минувшее: тамъ и родныя могилы, и воспоминанія дѣтства; онъ просилъ Зонтагъ записать ихъ „для составленія собственныхъ записокъ“, и она доставляла ему „предлинныя посланія, которыя напоминаютъ ему веселое прошедшее“; онъ хранитъ ихъ, готовится перечитывать³⁾.

Чувство жизни обуюло его теперь; когда-то его манила сладкая идиллія Гебеля, теперь—патріархальная жизнерадостность Гомера. Поздравляя Ек. Ив. Мойеръ, дочь своей Маши, съ вступленіемъ въ бракъ, онъ шутитъ: Гомеръ предвидѣлъ этотъ бракъ и, назвавъ невѣсту, на всякій случай, Навзикаей, напутствовалъ ее:

О, да исполнять безсмертныя боги твои всѣ желанья,
Давши супруга по сердцу тебѣ съ изобиліемъ въ домѣ,
Съ миромъ въ семьѣ! Несказанно тамъ водворяется счастье,
Гдѣ однодушно живутъ, сохраняя домашній порядокъ,
Мужъ и жена, благомысленнымъ людямъ на радость, недобрымъ
Людямъ на зависть и горе, себѣ на великую славу.

Жена Жуковского приписала поученіе изъ I кн. Царствъ VII, 66: „Sie gingen zu ihren Hütten fröhlich und guten Muthes über allem dem guten, das der Herr an seinem Volke gethan hatte“⁴⁾.

И въ эту-то классическо-библейскую жизнерадостность вторгалось печальное memento mori: семейное счастье далось поздно,

¹⁾ Ему же 15/27 іюня 1843 г.

²⁾ „Вел. кн. Маріи Павловнѣ, привѣтствіе отъ русскихъ, встрѣтившихъ ее въ Баденѣ“, 1851 г.--Свидѣтели его первыхъ „связей и мечтаній“ не раздѣляли этой увѣренности. Сл. Зейдлицъ, I. с., стр. 171—2.

³⁾ Зонтагъ А. М. Павловой 5 ноября 1850 г. въ Отч. Имп. Публ. Библ. за 1893 г., стр. 135 слѣд.

⁴⁾ Зейдлицъ, I. с., стр. 213—214.

ненадолго; вотъ почему Жуковскому почуялась въ Гомерѣ меланхолія неизбѣжной утраты, и онъ спасался отъ нея въ „святую“ прозу своихъ духовно-нравственныхъ размышленій, отрываясь отъ идилліи „Одиссеи“.

2.

Жуковскій принялся переводить ее съ нѣмецкаго подстрочника, едѣланнаго для него Грасгофомъ ¹⁾, окруживъ себя переводами Попе и Фосса ²⁾; ищетъ переводовъ Рошфора и Коупера ³⁾; трудится въ теченіе семи лѣтъ, прерывая работу лишь по нездоровью, методично, отмѣчая, по знакомой намъ системѣ таблицъ, сколько въ такомъ-то году и мѣсяцѣ переведено было пѣсень ⁴⁾. Онъ увлеченъ, старается угадать смыслъ подлинника въ „галиматѣй подстрочника“, соблюсти не только „вѣрность поэтическую“, но и „буквальную“. „Новѣйшая поэзія, конвульсивная, историческая, мутящая душу, мнѣ опротивѣла, пишетъ онъ вел. кн. Константину Николаевичу (26 октября 1842 г.), хочется отдохнуть посреди свѣжихъ видѣній первобытнаго міра“.

Въ самомъ началѣ увлеченія посѣтилъ его дюссельдорфскій домикъ Погодинъ. „Древній и новый міръ, язычество и хри-

¹⁾ Въ письмѣ къ Наслѣднику 29 января 1842 г.: переводить „съ оригинала“ съ помощью „знающаго весьма хорошо греческій языкъ профессора“.

²⁾ Кромѣ Фосса у него переводы въ прозѣ: нѣмецкій, два французскихъ и одинъ „архиглупый“ русскій (къ вел. кн. Константину Николаевичу 28 октября/9 ноября 1842 г.). Съ Попе и Фоссомъ, на котораго ему указывалъ еще Уваровъ, онъ знакомъ съ 1810 года: въ Фоссовомъ переводѣ болѣе истиннаго Гомера, чѣмъ у Попе; Фоссъ сухъ, Попе растянутъ, употребляетъ, выраженія, приличныя новѣйшимъ метафизикамъ, но языкъ его стихотворенъ. По настоящему надо читать ихъ вмѣстѣ (къ Ал. Тургеневу 12 сентября 1810 г.). Въ 1828 г. Жуковскій переводилъ для своего воспитанника отрывки „Иліады“ по Фоссу и Попе и удивляется, какъ при своемъ поэтическомъ дарованіи Попе могъ „такъ мало чувствовать несравненную простоту своего подлинника, который совершенно изуродовалъ жеманнымъ своимъ переводомъ, (къ Ал. Тургеневу 1828 г. 2/14 сентября). Объ отрывкѣ различныхъ мѣстъ „Иліады“, напечатанномъ въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ 1829 г., Жуковскій писалъ, что это „отголосокъ отголоска“: онъ „угадывалъ“ Гомера по переводамъ Фосса и Штольберга, соединяя отрывки собственными стихами. Въ 1830 году онъ говорилъ И. В. Кирѣевскому, что по окончаніи своего педагогическаго дѣла ему „хочется возвратиться къ поэзіи и посвятить остальную жизнь греческому и переводу Одиссеи“. Полн. собр. соч. И. В. Кирѣевского т. I, стр. 26 (письмо 20 января 1830 г.).

³⁾ Къ Ал. Тургеневу 1844 г. октябрь: Соорер.

⁴⁾ Зейдлицъ, I. с., стр. 227.

стианство, классицизмъ и романтизмъ являются на стѣнахъ его въ прекрасныхъ картинахъ, записаль онъ въ дневникѣ: здѣсь сцены изъ Гомера, тамъ жизнь Іоанны Даркъ; впереди Дрезденская и Корреджіева Мадонна, молитва на лодкѣ бѣднаго семейства, Рафаель и Дантъ, Сократъ и Платонъ“. Жуковскій прочелъ Погодину двѣ пѣсни Одиссеи, объяснивъ ему правила, которыхъ держался въ переводѣ; прочелъ нѣсколько отрывковъ „Наля и Дамаянти“. Къ откровеніямъ Германіи, Англіи, Испаніи, съ которыми познакомилъ насъ Жуковскій, присоединяется еще Индія, древность Одиссеи, замѣчаетъ Погодинъ, и самъ не удержался, присталъ къ Жуковскому съ старой просьбой, „чтобъ онъ взялся за Патерикъ, воспѣлъ основаніе Печерской церкви, для котораго Несторъ и Симонъ представляютъ ему такія живыя краски, такое богатое, полное расположеніе“ ¹⁾. Не въ связи ли съ этой фантазіей Погодина стоитъ увѣщаніе Жуковскому А. Я. Булгакова: „перестань перелагать русскую исторію въ стихи: будетъ съ тебя Гомера“ ²⁾.

Весь 1843-й годъ Жуковскій провелъ въ восторгахъ переводнаго творчества. „Я живу въ мірѣ Гомера и, прислушиваясь къ сладкому ибнію, не слышу визговъ сумасшедшаго Гервега и комп., которымъ рукоплещаетъ еще не образумѣвшаяся молодость, посреди которой встрѣчаются и молокососы съ просѣдью“ ³⁾.—Старуха Одиссея „идетъ хорошимъ, но еще весьма медленнымъ шагомъ, не раскачалась еще. До сихъ поръ моя муза въ пеленкахъ моей дочки“ ⁴⁾. Гоголь желалъ бы пожить въ уединеніи съ пріятелемъ: Жуковскій работалъ бы надъ Одиссеей, онъ—надъ „Мертвыми Душами“ ⁵⁾. Посылая Плетневу своего „Маттео Фальконе“, Жуковскій кается, что „совсѣмъ раззнакомился съ риемой“, зато принялся за болтовню и сказки, и ему весело подлаживаться подъ „свѣтлую, патриархальную простоту“ Гомера, забывая за ней эти уродливыя гримасы, ко-

¹⁾ Барсуковъ, „Жизнь и Труды М. П. Погодина“, т. VII, стр. 48 — 9. — „8/20 октября 1841 г. Дюссельдорфъ“ подписанъ отрывокъ въ 12 стиховъ, нач. „Всесиленъ Богъ! Предъ Нимъ всесильна вѣра! Онъ намъ сказалъ: Кто вѣруетъ, вели горамъ идти — онѣ пойдутъ!“ Объ этомъ чудѣ долженъ былъ рассказать „рабъ недостойный Божій, инокъ Климентъ“ на поученіе потомкамъ, чтобы они признали свое ничтожество передъ Господомъ „и въ томъ признаньи Спасеніе души своей нашли“.

²⁾ „Русскій Архивъ“ 1902 г. Іюль, стр. 456; письмо 17 ноября 1842 г.

³⁾ Къ Наслѣднику 1 января 1843 г. Сл. дневникъ того же года подъ 2 января.

⁴⁾ Къ Булгакову 10/22 февраля 1843 г.

⁵⁾ Къ Жуковскому 28 марта 1843 г.

торыми искажаютъ ея лицо „современные самозванцы поэты“ ¹⁾. Воспользовавшись своею поѣздкой въ Берлинъ, онъ читалъ Фарнгагену фонъ Энзе часть первой пѣсни Одиссеи, прося его слѣдить по подлиннику ²⁾.— и просить Гоголя рекомендовать Смирновой его „рождающуюся 3000-лѣтнюю дочку“, которую любить „почти какъ родную“ ³⁾, а Смирнова записываетъ: „Одиссея подвигается и даетъ ему (Жуковскому) особую ясность и спокойствіе. Міръ грековъ его молодитъ“ ⁴⁾. Поэзія „призывала ко мнѣ гигантскую тѣнь Гомера, пишетъ онъ Государынѣ 12/24 октября 1843 г., Дюссельдорфъ“ ⁵⁾, и я рассказываю по-русски то, что онъ разсказалъ, за 3000 почти лѣтъ, по-гречески, перевожу Одиссею. Хочется перевести ее такъ, чтобы въ моемъ переводѣ сохранена была ея праѣдовская простота древняго поэта, и чтобы чтеніе Одиссеи сдѣлалось доступно всѣмъ возрастамъ. И въ немъ бы жило со мною теперь полное счастье, если бы этой радостной, тихой жизни не тревожила забота о женѣ“ (ея болѣзнь). Гоголь въ восторгѣ, что Жуковскій пребываетъ въ періодѣ творчества, когда человѣкъ становится „доступнѣе къ прозрѣнію великихъ тайнъ Божьяго созданія“ (къ Жуковскому 2 декабря 1843 г.). Это будетъ послѣдній памятникъ его жизни, достойный отечества, если совершится, какъ должно (Жуковскій къ Наслѣднику 17/29 декабря 1843 г.).

Новый, личный элементъ вторгнулся въ поэзію старика, не знавшаго „молодости“, нашедшаго позднее, боязливое успокоеніе въ семьѣ. „Какое очарованіе въ этой работѣ, въ этомъ подслушиваніи рождающейся изъ пѣны морской Анадіомены (ибо она есть символъ Гомеровою поэзіи), въ этомъ простодушнн слова, въ этой первобытности нравовъ, въ этой смѣси дикаго съ высокимъ, вдохновеннымъ и прелестнымъ, въ этой живописности

¹⁾ Къ Плетневу 1843 („Маттео Фальконе“ написанъ 17—19 марта ст. ст. 1843 г.).

²⁾ „Тайный совѣтникъ Жуковскій пробылъ у меня три часа, отмѣтилъ Фарнгагенъ въ своемъ дневникѣ подъ 13 сентября 1843 г.: онъ провѣряетъ со мною свой переводъ Одиссеи, сдѣланный гекзаметрами; моя обязанность слѣдить по подлиннику стихъ за стихомъ. Онъ прочелъ мнѣ часть первой пѣсни, потомъ изъ Пушкина и проч. Добродушный, словоохотливый старичекъ, etwas zu demüthig gegen den Hof. Странное впечатлѣніе производятъ, при его добродушии, подсматривающіе (lauernden), недовѣрчиво улыбающіеся глаза“ (lächelnd—misstrauischen).

³⁾ Второй половины сентября 1843 г. „Русская Старина“ 1902 г. апрѣль, стр. 187.

⁴⁾ Записки А. О. Смирновой, „Сѣверн. Вѣстн.“ 1895 г., ноябрь, стр. 107.

⁵⁾ Письмо неиздано.

безъ всякаго излишества, въ этой незатѣйливости выраженія, въ этой болтовнѣ, часто излишней, но принадлежащей характеру безыскусственному, и въ особенности въ этой меланхоліи, которая нечувствительно, безъ вѣдома поэта, кипящаго и живущаго окружающимъ его міромъ, все проникаетъ, ибо эта меланхолія не есть дѣло фантазіи, создающей произвольно грустныя, ни на чемъ не основанныя сѣтованія, а заключается въ самой природѣ вещей тогдашняго міра, въ которомъ все имѣло жизнь, пластически могучую въ настоящемъ, но и все было ничтожно, ибо душа не имѣла за границей міра своего будущаго и улетаала съ земли безжизненнымъ призракомъ; и вѣра въ бессмертіе, посреди этого кипѣнія жизни настоящей, никому не шептала своихъ великихъ всеоживляющихъ утѣшеній" ¹⁾.

Гоголь слѣдитъ за ходомъ работы, думаетъ съ удовольствіемъ, какъ они будутъ читать другъ другу „дѣла свои" ²⁾. Жуковскому „дѣятельность по сердцу, вдохновенныя, уединенныя бесѣды съ геніемъ Гомера и гармоническій голосъ его музыки, слитый часто съ звонкимъ голосомъ малютки-дочери" ³⁾. Гоголь читалъ въ рукописи первыя двѣнадцать пѣсенъ ⁴⁾, переводъ которыхъ оконченъ 28 декабря 1844 года ⁵⁾. „Вы такъ

¹⁾ Къ Кирѣевскому 1844 г. Это письмо, очевидно, тождественно съ тѣмъ, о которомъ въ письмѣ къ Жуковскому 2 декабря того же года упоминаетъ Гоголь, какъ писанномъ къ Елагиной („объ Одиссеѣ"); въ его же письмѣ къ Языкову 1845 г. 2 января говорится о замѣчательномъ письмѣ Жуковского къ Авд. Петр. Елагиной и И. В. Кирѣевскому. Письмо къ Кирѣевскому напечатано въ „Москвитянинѣ" 1845 г., I ч., 39 стр., „съ позволенія почтенной особы, къ которой оно адресовано"; извлеченія изъ него въ „Отчетѣ Имп. Ак. Наукъ по отд. русск. яз. и сл. за 1845 г.", стр. 24 слѣд., составленномъ П. А. Плетневымъ. Странно его заявленіе, что свѣдѣнія для отчета заимствованы изъ писемъ Жуковского къ двумъ академикамъ, изъ которыхъ одинъ издавалъ „Современникъ" (Плетневъ), другой — „Москвитянинъ" (Погодинъ), тогда какъ текстъ отчета воспроизводитъ письмо къ Кирѣевскому. О какихъ другихъ письмахъ идетъ рѣчь? — Плетневъ читалъ письмо Жуковского къ кн. Вяземскому, „гдѣ онъ подробно рассказываетъ о способѣ, какъ переводитъ Одиссею. Въ этомъ письмѣ есть нѣсколько и другихъ интересныхъ разсказовъ... Между прочимъ, Жуковскій въ этомъ письмѣ съ большою нѣжностью и участіемъ говоритъ о Карамзиной и ея дѣтяхъ". Сл. „Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ", журналъ 24 и 25 марта 1844 г., т. II, стр. 217 и 218.

²⁾ Къ Жуковскому 8 января 1844 г.

³⁾ Къ Наслѣднику 1/13 апрѣля 1844 г.

⁴⁾ Зейдлицъ, I. с., стр. 225; сл. письмо Жуковского къ Плетневу 3/15 февраля 1850 г.

⁵⁾ По реестру у Зейдлица. Сл. письма къ Плетневу 9 февраля 1845 г. („наканунъ новаго года". Сл. „Переписку Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ"

награждены Богомъ, какъ ни одинъ человѣкъ еще не былъ награжденъ“, пишетъ онъ Жуковскому, принимавшему къ сердцу всякія мелочи и продолжавшему страдать „безпокойствомъ и раздражительной боязнью духа“: на вечеръ его дней Богъ послалъ ему такое счастье, которое другому не дается и въ цвѣтущій полдень жизни—ангела-жену; Онъ же внушилъ ему мысль „заняться великимъ дѣломъ творческимъ“, показалъ надъ нимъ чудо, „какое едва ли когда доселѣ случалось въ мірѣ: возростаніе генія и восходящую съ каждымъ стихомъ и созданіемъ его силу въ такой періодъ жизни, когда въ другомъ поэтѣ все это охладѣваетъ и мерзнетъ“ ¹⁾. „Переводъ этотъ рѣшительно есть вѣнецъ всѣхъ переводовъ, когда-либо совершавшихся на свѣтѣ, и вѣнецъ всѣхъ сочиненій, когда-либо сочиненныхъ Жуковскимъ“ ²⁾. И самъ Жуковскій надѣется занять уголокъ въ памяти потомства: „нѣтъ ничего очаровательнѣе чистой поэзіи. Повторять вѣрно на своемъ языкѣ то, что гармонически сказано было ею въ тѣ первобытныя времена, когда она еще говорила младенческимъ языкомъ природы и истины, есть неописанное наслажденіе; и это наслажденіе даетъ мнѣ изобильно бесѣда съ моимъ Гомеромъ, который могучъ, какъ Зевесъ-Громовержецъ, чистъ, какъ Харита, простодушенъ, какъ Психея, и говорливъ, какъ лишенный зрѣнія старикъ-прорицатель, которому въ слѣпотѣ его видится прошедшее и будущее, и который знаетъ, что около него толпится многочисленный народъ, внимающій чудному его пѣснопѣнію“ ³⁾. — „Моя Одиссея будетъ моимъ твердѣйшимъ памятникомъ на Руси, писалъ Жуковскій Плетневу ⁴⁾; она, если не ошибаюсь, вѣрна своему греческому отцу Гомеру; въ этомъ отношеніи можно ее будетъ почитать произведеніемъ оригинальнымъ. И будетъ великое дѣло, если мнѣ моимъ переводомъ удастся пробудить на Руси любовь къ древнимъ, какъ нѣкогда я подружилъ ихъ съ поэзіей нѣмцевъ“.

II, стр. 408) и 1 июля и къ вел. кн. Константину Николаевичу 21 октября / 2 ноября 1845 года. „Недавно кончилъ онъ 8 лѣсенъ Одиссеи“ (Мельгуновъ къ Шевыреву 10/22 октября 1844 г., у Кирпичникова, „Оч. по исторіи новой русской литературы“, т. II, 2 изд., стр. 199). Сл. письмо Шевырева къ Гоголю 15/27 ноября 1844 г. въ „Отч. Имп. Публ. Библ. за 1893 г.“ Приложение, стр. 19.

¹⁾ Къ Жуковскому на 1845-й годъ.

²⁾ Гоголь Языкову 2 января 1845 г.

³⁾ Вел. кн. Константину Николаевичу 21 октября / 2 ноября 1845 г.

⁴⁾ 1 июля 1845 г.

Въ отвѣтъ на письмо Языкова ¹⁾ написана статья Гоголя „Объ Одиссеѣ, переводимой Жуковскимъ“, появившаяся въ „Перепискѣ съ друзьями“ (1845 г.). Авторъ исправилъ ее и старался расиространить по журналамъ, „чтобы публика была нѣсколько приготовлена къ принятію Одиссеи“ ²⁾, но статья, полная парадоксовъ и елейныхъ широковѣщаній, встрѣчена была насмѣшкой и сомнѣніями. Оказывалось, что „вся литературная жизнь Жуковского была какъ бы приготовленіемъ“ къ переводу, и это не переводъ, а, скорѣе, „возсозданіе, возстановленіе, воскресеніе“ Гомера. Предвидѣлось нравственное вліяніе Одиссеи на всѣхъ и cadaго: она научить не унывать среди бѣдствій, какъ не унывалъ и Одиссей, обращавшійся въ трудную минуту къ своему сердцу, „не подозрѣвая самъ, что таковымъ внутреннимъ обращеніемъ къ самому себѣ онъ уже творилъ ту внутреннюю молитву къ Богу, которую въ минуту бѣдствій совершаетъ всякій человѣкъ, даже не имѣющій никакого понятія о Богѣ“.

Тогда какъ Шевыревъ восторженно совѣтовалъ Гоголю написать „предисловіе“ къ Одиссеѣ Жуковского (29 іюля 1846 г. ст. ст.) ³⁾, И. С. Аксаковъ писалъ отцу: „Вчера прочелъ я письмо Гоголя объ Одиссеѣ. Многое чудесно хорошо; появленіе Одиссеи можетъ быть замѣчательно, какъ фактъ, въ XIX вѣкѣ, но появленіе ея въ Россіи не можетъ имѣть вліянія на современное общество, на европейское. Одиссея не вылечитъ Запада, не уничтожитъ его исторіи, а насъ, русскихъ, не примиритъ съ порядкомъ вещей, а вліяніе ея на русскій народъ—мечта. Точно будто нашъ народъ читаетъ что-нибудь—есть ему время! А Гоголь именно налегаетъ на простой русскій народъ. Нѣтъ, долго, слишкомъ долго зажился онъ за границей. Что и говорить, Одиссея подѣйствуетъ благотворно на душу отдѣльнаго человѣка, и не одного. Но какъ хороши эти незыблемыя, величавыя

¹⁾ 14 декабря 1844 г. Языковъ писалъ Гоголю изъ Москвы: „Здѣсь ходитъ слухъ, что у Василія Андреевича уже готово 10 пѣсень Одиссеи, и что онъ написалъ еще сказку? Наша Одиссея перешибетъ всѣ возможные переводы: это будетъ памятникъ, про который можно будетъ сказать, что „металловъ крѣпче онъ и лучше (sic) пирамидъ“. „Русская Старина“ 1896 г. декабрь, стр. 629.

²⁾ Гоголь къ Плетневу іюля 4 и 20 1846 г. Сл. примѣчанія Шенрока къ изданнымъ имъ письмамъ Гоголя. Статья Гоголя напечатана Плетневымъ въ „Современникѣ“ 1846 г. XLIII, стр. 175—188.

³⁾ „Отч. Имп. Публ. библ. за 1893 г.“ Приложение, стр. 26.

созданія искусства между нашей мелкою дѣятельностью, какъ нѣмѣтъ передъ ними наша кропотливая талантливость“ ¹⁾!

Жуковскому желательно было бы услышать мнѣніе своего пріятеля Стурдзы, слышшаго не только богословомъ, но и зна-токомъ Гомера; „его одного мнѣніе въ семь отношеніи перевѣситъ для меня всѣхъ нашихъ (и чужихъ) литераторовъ (до которыхъ, вѣроятно, мнѣ нѣтъ никакого дѣла, ибо мой трудъ предпринять не для угожденія вкусу нашего времени и даже не для пріобрѣтенія лоскуточка славы, который въ наше время сдѣлался нечистою тряпкою, а просто для наслажденія поэзіею во всей ея дѣвственной чистотѣ). Мнѣніе же Стурдзы было бы для меня поэтическою потѣхою (?) и въ то же время вѣрною оцѣнкою труда высокаго“ ²⁾.

Въ іюль 1847 года Жуковскій „тріумвиратствовалъ“ въ Эмсѣ съ Гоголемъ и Хомяковымъ. „Добродушный, пріятный собесѣдникъ, писалъ о немъ Жуковскій, онъ мнѣ всегда былъ по нутру; теперь я впился въ него, какъ паукъ голодный въ муху: навалилъ на него чтеніе вслухъ моихъ стиховъ, это самое лучшее средство видѣть ихъ скрытые недостатки; явные всѣ были мною замѣчены, и, сколько могъ, я съ ними сладилъ“ ³⁾. По отъѣздѣ изъ Эмса Хомякова и Гоголя явился Тютчевъ: „онъ пріѣхалъ въ Эмсъ нарочно для меня и для Одиссеи, прожилъ тамъ до моего отъѣзда, заставилъ меня прочесть ему Одиссею“, которую дочиталъ у Жуковского во Франкфуртѣ ⁴⁾.

Первыя двѣнадцать пѣсенъ Одиссеи, процензурованыя въ Петербургѣ 30 октября 1847 года, посланы были Жуковскому для напечатанія за границей при письмахъ Плетнева и Уварова ⁵⁾. Плетневъ читалъ Одиссею въ рукописи, предложилъ Жуковскому нѣсколько замѣчаній ⁶⁾, но въ восторгѣ отъ языка, не уклонившагося „отъ церковныхъ словъ“ и не принявшаго „выра-

¹⁾ „И. С. Аксаковъ въ его письмахъ“, I, стр. 353. См. сходный отзывъ кн. Вяземскаго въ статьѣ: „Языковъ и Гоголь“ (1847 г.), Полн. собр. соч., II, стр. 325.

²⁾ Къ Сѣверину 10 апрѣля н. ст. 1846 г. „Русская Старина“ 1902 г. апрѣль, стр. 164—5.

³⁾ Къ кн. Вяземскому, 3/15 іюля 1847 г., „Русскій Архивъ“ 1866 г. стр. 1073—4. Хомяковъ обѣщалъ примѣчанія къ Одиссеѣ, которыя Жуковскій отклонилъ, ибо Одиссея должна была явиться въ общемъ собраніи его сочиненій. Сл. „Русскій Архивъ“ 1884 г. № 5, стр. 229.

⁴⁾ Къ Хомякову 12/24 сентября 1847 г.

⁵⁾ Письмо Уварова въ „Перепискѣ Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ“ III, стр. 732.

⁶⁾ Письма 30 октября и 17, 28 ноября 1847 г.

женій простонародныхъ, которыми нѣкоторые изъ нашихъ умниковъ совѣтовали возсоздать простоту первобытныхъ вѣковъ“.

Любопытно было бы знать, какъ приглянулся тогда переводъ Одиссеи Хомякову и Тютчеву; извѣстенъ отзывъ В. В. Кирѣвскаго. Ему удалось просмѣтрѣть вторую тетрадь перевода (7—12 пѣсни) еще въ рукописи, и онъ рассказываетъ о своемъ впечатлѣніи А. М. Языкову. „Читается переводъ легко и пріятно, но замѣтно, что читаешь переводъ. Судя по словамъ Жуковскаго въ Наблюдателѣ Московскомъ, надобно было ожидать языка самаго простого, а между тѣмъ послѣ стиховъ и словъ самыхъ чистосердечно-простыхъ частенько встрѣчаются выраженія и обороты языка церковнаго: понеже, напр., глава, гласъ и проч.... Нѣкоторые эпитеты, постоянно повторяющіеся и у Гомера, переведены не совсѣмъ удачно: Нептунъ земледержецъ“ (вм. землепосецъ). „Мнѣ все кажется, что теперь возможенъ переводъ Гомера, потому что мы ознакомились съ языкомъ *первобытной, народной*, не искусственной поэзіи; таковъ языкъ Гомера, и, слѣдовательно, переводить его надо такимъ языкомъ, по крайней мѣрѣ, какимъ Пушкинъ перевелъ пѣсни Западныхъ славянъ“ ¹⁾.

А Жуковскому казалось, что онъ сохранилъ всю „свѣжесть“ Гомеровскаго языка! Посылая Уварову первыя двѣнадцать пѣсенъ съ просьбою быть его ходатаемъ передъ цензурой, онъ повторяетъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, характеристику гомеровской поэзіи въ письмѣ къ Кирѣвскому: „Перешедши на старости въ спокойное пристанище семейной жизни, мнѣ захотѣлось повеселить душу первобытной поэзіей, которая такъ свѣтла и тиха, такъ животворитъ и покоитъ, такъ мирно украшаетъ все насъ окружающее, такъ не тревожитъ и не стремится ни въ какую туманную даль.... Муза Гомерова озолотила много часовъ моей устарѣлой жизни“ ²⁾.

Сообщая Ал. Мих. Тургеневу, что онъ началъ печатать полное собраніе своихъ сочиненій, онъ предупреждаетъ его, что новаго въ нихъ будетъ не мало; „но кто будетъ читать это новое? Весьма уже немного остается тѣхъ, для кого я писалъ: новое поколѣніе не обратитъ на меня того благоволящаго вниманія, какое удѣляли мнѣ мои современники. О жизни въ потомствѣ я не мечтаю. Одно отъ меня, вѣроятно, останется потомству: переводъ Одиссеи, ибо въ этомъ переводѣ *сохранена вся свѣжесть Гомерової поэмы*, и то, что жило 3000 лѣтъ, не увя-

¹⁾ „Русская Старина“ 1883 г., сентябрь, стр. 632.

²⁾ Письмо къ Уварову печатается съ датой 1848 года.

дая, не увянетъ и въ моемъ русскомъ образѣ. *Этотъ переводъ почитаю своимъ лучшимъ, главнымъ поэтическимъ произведеніемъ*“ (1847 г. 11 ноября н. ст.)¹⁾.

Въ апрѣлѣ—маѣ 1848 г. первая двѣнадцать пѣсень „почти отпечатаны“²⁾, первый томъ вышелъ въ томъ же году, хотя съ помѣтою 1849 года, и Жуковскій доставилъ его вел. кн. Константину Николаевичу, которому и посвятилъ свой трудъ³⁾. „Сію минуту только чудакъ Гоголь сказалъ мнѣ, что получена Одиссея, писалъ Погодинъ Шевыреву; такъ хочется почитать что-нибудь успокоительное—изящное“; а подъ 18 ноября онъ записалъ въ своемъ дневникѣ: „Получилъ Одиссею отъ Жуковского и прочелъ первую пѣснь. Нѣтъ, это еще не просто! Предѣлы языка не раздвигаются“; 19 ноября, по прочтеніи второй пѣсни: „Нѣтъ, я проще расскажу нашу (?) Одиссею“⁴⁾. А Гоголь въ письмѣ къ Плетневу уже выражаетъ опасенія, что—Одиссея не найдетъ читателей: „Ея появленіе въ нынѣшнее время необыкновенно значительно. Вліяніе ея на публику еще вдали; весьма можетъ быть, что въ пору нынѣшняго своего лихорадочнаго состоянія большая часть читающей публики не только ее не разнюхаетъ, но даже и не примѣтитъ. Но зато это сущая благодать и подарокъ веѣмъ тѣмъ, въ душахъ которыхъ не погасалъ священный огонь, и у которыхъ сердце приуныло отъ смутъ и тяжелыхъ явленій современныхъ. Ничего нельзя было придумать для нихъ утѣшительнѣе. Какъ на знакъ Божьей милости къ намъ должны мы глядѣть на это явленіе, несущее ободреніе и освѣженіе въ наши души“⁵⁾.

Жуковскій озадаченъ письмомъ своего стараго друга Ал. Михайловича Тургенева: „Прошу васъ простить мнѣ благосклонно, что „Котъ въ сапогахъ“ мнѣ болѣе по сердцу греческаго героя, писалъ Тургеневъ. Вы знаете, почтенный другъ, я невѣжда — Ермолафъ, но, не обинуясь, позволяю сказать вамъ: сочиненія Жуковского будетъ читать позднѣйшее потомство съ восхищеніемъ, съ чувствомъ живѣйшаго удовольствія, будутъ много и

1) „Русская Старина“ 1892 г., ноябрь, стр. 392—3.

2) Письмо Жуковского къ вел. кн. Константину Николаевичу 19 апрѣля / 1 мая 1848 г.

3) Къ нему же письмо изъ Франкфурта 16 / 28 мая 1848 г.; сл. къ нему же письмо изъ Бадена 20 августа того же года.

4) Барсуковъ. I. с., г. X, стр. 189.

5) Плетневу 20 ноября 1848 г.; сл. къ нему же 1849 г. 15 декабря, по поводу Одиссеи: „Благословенъ Богъ, посылающій намъ такъ много добра посреди золь“.

много разъ изданы, а переводъ его Одиссеи послѣ перваго тисненія будетъ почтенно покоиться на полкахъ въ книгохранилищахъ“¹⁾. Жуковскій отвѣчалъ: „Хорошъ же ты“! Вмѣсто того, чтобы потѣшиться на старости лѣтъ сказками Гомера, которыя уже три тысячи лѣтъ веселятъ добрыхъ людей (въ Россіи только онѣ не могли никого веселить, потому что ихъ нашъ покойный Соколовъ и нашъ покойный Мартыновъ чудно перепортили), ты вздумалъ на старости лѣтъ ихъ называть бреднями; правда, поэзія — бредни, и, можетъ быть, я бы не началъ переводить Одиссеи въ эту минуту, когда мнѣ 65 лѣтъ стукнуло, но за семь лѣтъ начатое надобно кончить. Но ты не брани Гомера, не называй бреднями его поэзіи. И почему же, бравя Одиссею, ты хвалишь „Кота въ сопогахъ“? Чѣмъ лучше Коть Лаэрта сына? Стыдись, Ермолафушка! стою не за себя, а за старика Гомера, которому я обязанъ столькими сладкими минутами. Но подобныя минуты будутъ послѣднія: кончивъ Одиссею (которую кончить обязанъ), прощусь съ милымъ бредомъ поэзіи. Надобно другимъ теперь заниматься; не веселиться безпечно въ гостиницѣ жизни, а собраться въ путь, въ отчизну, въ общій семейный домъ, до котораго уже немного станцій осталось. Прошу только Бога дать еще времени для порядочныхъ сборовъ“ (17 декабря 1848 г.)²⁾.— Въ началѣ марта онъ надѣется кончить всю Одиссею, пишетъ онъ Плетневу, „съ поэзіей пора проститься. Мы разстанемся, однако, безъ ссоры. На послѣдокъ она мнѣ послужила вѣрою и правдою. Мнѣ кажется, что моя Одиссея есть лучшее мое созданіе: ее оставляю на память обо мнѣ отечеству“. Трудъ былъ совершенъ съ полнымъ самоотверженіемъ, для одной прелести труда; только не съ кѣмъ было подѣлиться „своимъ поэтическимъ праздникомъ“: лишь гипсовый бюстъ Гомера былъ нѣмымъ свидѣтелемъ. „Бывало, однако, и для меня раздолье, когда мною жилъ Гоголь: онъ подливалъ въ мой огонекъ свое свѣжее масло; и еще, когда я пожилъ въ Эмсѣ съ Хомяковымъ и съ моимъ милымъ Тютчевымъ: тутъ я самъ полакомился вмѣстѣ съ ними своимъ стряпаньемъ“. Теперь онъ принимается за прозу, у него уже готово на цѣлый толстый томъ³⁾, „и есть ве-

1) Письмо начала 1848 г., „Русская Старина“ 1893 г., генварь, стр. 252.

2) Тамъ же 1892 г., ноябрь, стр. 394—5.

3) Въ письмѣ къ Наслѣднику 10/22 генваря 1846 г., онъ говоритъ, что Одиссеей заключается „важный періодъ“ его жизни, періодъ поэзіи, начнется періодъ прозы: онъ посвятитъ себя воспитанію дѣтей и приведетъ въ порядокъ курсъ преподаванія по изобрѣтенной имъ методѣ; это пригодится „для вашей второй генераціи“. Сл. письмо къ нему же 9 мая 1847 г.: по окончаніи

ликій замыселъ, о которомъ поговоримъ, когда Богъ велить свидѣться. И еще для одного поэтическаго созданія есть планъ. Онъ былъ бы достойнѣйшимъ заключеніемъ моей поэтической дѣятельности“¹⁾.

Русская публика встрѣтила Одиссею „равнодушно“, писалъ Гоголь Данилевскому (25 февраля 1849 г.), „самыя головы не въ такомъ состояніи, чтобы умѣть читать спокойное художественное произведеніе“; чего же ожидать второму тому „Мертвыхъ Душъ“²⁾?

Между тѣмъ Сѣверинъ, котораго Жуковскій просилъ уведомить Стурдзу, что экземпляръ Одиссеи будетъ ему доставленъ³⁾, сообщилъ Жуковскому отзывъ Стурдзы о его переводѣ, и Жуковскій обрадованъ; рисуетъ въ отвѣтномъ письмѣ всы: на перетягивающей чашкѣ „выписка изъ письма Стурдзы къ Сѣверину“, на другой — „мнѣнія о переводѣ Одиссеи В. А. Жуковскаго литераторовъ Германіи, Англіи, Франціи, Италіи и пр. и пр., и даже Россіи. Видишь, какъ оно увѣсисто“⁴⁾. Онъ благодарить Стурдзу за отзывъ: для него тутъ не вопросъ самолюбія, а желаніе подѣлиться тѣмъ, что дорого душѣ. „Послѣдніе годы, мною проведенные вмѣстѣ съ Гомеромъ, въ тишинѣ моей семейной жнзни, были счастливы“; передавая на своемъ языкѣ „его дѣвственную поэзію“, онъ спрашивался „съ гениемъ Гомера“, ему просто хотѣлось пожить поэтическимъ счастіемъ, пожить наслажденіемъ творчества. Изъ Россіи онъ еще не получалъ никакого отзыва, кромѣ отзыва вел. кн. Константина Николаевича, которому давно далъ обѣщаніе приняться за переводъ Одиссеи и посвятить его ему; письмо великаго князя порадовало его „умною, поэтическою оцѣнкою самой поэмы Гомера“. Былъ и еще одинъ „пріятный, даже слишкомъ одобрительный отзывъ извѣстнаго Фарнгагена⁵⁾, но всего дороже ему мнѣніе

Одиссеи работы „должны получить иной характеръ“; къ фонъ-деръ-Ериггену 6/18 мая 1847 г.: примется за прозу, она стала теперь для него привлекательнѣе поэзіи: „въ поэзіи, такъ сказать, языкъ надежды“, а въ его годы „надежда перешла уже за границу жизни и здѣсь ничего желаннаго сулить не можетъ“.

1) 20 декабря 1848 г.; сл. письмо къ нему же 3/15 февраля 1850 г.

2) Сл. его же письмо къ Плетневу 2 декабря 1850 г.

3) Письмо 17/29 ноября 1848 г., „Русскій Архивъ“ 1900 г., сентябрь, стр. 43.

4) Къ Сѣверину 27 февраля / 11 марта 1849 г., тамъ же, стр. 44.

5) Вотъ этотъ отзывъ: „Der Eindruck dieser Uebersetzung kommt dem am nächsten, den die griechische Urschrift mir giebt. Derselbe Zauber der Sprache, dieselbe Einfachheit und Klarheit, derselbe epische Fluss und Wohlklang des Hexa-

Стурдзы, котораго онъ просить не оставлять своего намѣренія— вызвать его, Жуковского, на „очную ставку“ въ „Москвитянинѣ“; хотя бы разборъ и осудилъ его трудъ, но самъ по себѣ онъ „будетъ имѣть дѣйствіе рѣшительное на общій вкусъ: у насъ поэзія классическая, эта первобытная, дѣвственная поэзія — еще небывалый гость. Если подлинно мой переводъ удаченъ, то надобно, чтобы краснорѣчивый поэтический голосъ растолковалъ его достоинство русскому свѣту; будетъ значительною эпохою въ нашей поэзіи это позднее появленіе простоты древняго міра современнаго“. Если такой судья, какъ Стурдза, болѣе нежели кто посвященный въ тайны поэзіи, замѣтитъ какія ошибки въ переводѣ, Жуковский обѣщаетъ исправить ихъ совѣстливо; „единственною вѣншею наградою моего труда будетъ тогда сладостная мысль, что я, во время оно родитель на Руси нѣмецкаго романтизма и поэтическій дядька чертей и вѣдьмъ, нѣмецкихъ и англійскихъ, подъ старость лѣтъ загладилъ свой грѣхъ и отворилъ для отечественной поэзіи дверь Эдема, не утраченную ею, но до сихъ поръ для нея *запертаю*“ (10 марта 1849 г. ¹).

„Ты счастливъ, подчинивши себя слѣпцу Гомеру, писалъ Жуковскому Гоголь (3 апрѣля 1849 г.): онъ не увлечетъ тебя съ дороги въ омутъ, хоть и слѣпецъ. Свой же собственный умъ, того и гляди, занесетъ куда-нибудь въ оврагъ“.

Вторая часть Одиссеи ²) вышла въ 1849 году, и Жуковский

meters Der Dichter hat den ionischen Reiz und Glanz Vater Homers in skythischen Lauten wiederholt, die aber freilich dem hellenischen verwandter sind, als man gewöhnlich denkt. Die unschätzbaren Anlagen der russischen Sprache zu solcher Nachbildung hat Schoukowsky's Genius mit höchstem Erfolg benützt, seine Meisterschaft der Verskunst die fremde Form mit glücklichster Anmuth behandhabet“. — Въ 1841 году, обозрѣвая русскую литературу по смерти Пушкина, Фарнгагенъ характеризуетъ Жуковского не только какъ симпатичнаго, нѣжнаго (zart-fühlende) поэта, владѣющаго всѣми мелодіями своего родного языка, но и какъ пѣвца родины и ея героевъ, одушевленнаго любовью къ царю и его дому и въ этомъ смыслѣ истиннаго и благороднаго выразителя народныхъ чувствованій. О Жуковскомъ Фарнгагенъ обѣщалъ поговорить обстоятельнѣе при другомъ случаѣ („Neueste russische Litteratur“, 1841), но такая статья мнѣ неизвѣстна.

¹) „Русская Старина“ 1902 г., май, стр. 393 слѣд. Отвѣтное письмо Стурдзы 28 марта 1849 г. съ переводомъ (по просьбѣ Жуковского) стиховъ 91—104 XVI-й пѣсни Одиссеи см. въ „Русской Старинѣ“ 1903 г., май, стр. 406 слѣд.

²) Жуковский надѣялся кончить ее къ 1 апрѣля ст. ст. 1849 г., къ Булгакову 7/19 марта. Сл. письмо къ нему же 17/29 мая: Одиссея окончена и отпечатана; къ Наслѣднику того же числа.

разослалъ экземпляры пріятелямъ. „Прошу принять съ любовью младшую дочку старика Жуковскаго, пишетъ онъ Сѣверину: она лучше всѣхъ поэтическихъ дочекъ его и повеселила крѣпко душу его на старости. Теперь прости поэзія, милости просимъ святая проза“. Онъ ждетъ отзыва Плетнева, общается сообщить ему отзывъ Фарнгагена, которому экземпляръ Одиссеи долженъ былъ доставить Сѣверинъ¹⁾; это „теперь одинъ изъ первыхъ критиковъ Германіи. Онъ знаетъ прекрасно греческій и русскій языкъ. Если онъ мнѣ не льститъ, то могу считать свою работу удачною“. А русскіе друзья, которымъ посланы были экземпляры второго тома, — не откликнулись²⁾!

Наконецъ въ августѣ 1849 года дошелъ до него „краснорѣчивый“ голосъ критики, который онъ видимо ждалъ съ нетерпѣніемъ: въ Варшавѣ, куда онъ пріѣзжалъ на нѣсколько дней, чтобы получить разрѣшеніе императора Николая Павловича на дальнѣйшее пребываніе за границей, онъ могъ познакомиться съ статьей Шевырева въ „Москвитянинѣ“³⁾ и писалъ Зейдлицу: лишь „немногіе, мнѣніе которыхъ ему драгоцѣнно, встрѣтили съ симпатіей и благоволеніемъ его „милую дочь“; изъ соотечественниковъ одинъ отозвался о ней письменно (Стурдза? Плетневъ?), другой печатно (Шевыревъ), тѣмъ цѣннѣе для него мнѣніе Зейдлица, котораго поэтическому чутью и знанію дѣла онъ вѣритъ, — и снова онъ выражаетъ надежду, что его Гомеръ будетъ ему вѣчнымъ памятникомъ; „если подлинно въ немъ отзываются чисто и гармонически тѣ звуки, которые три тысячи лѣтъ утѣшаютъ сердца избранныхъ, то надолго и на Руси останется отзывъ моей поэтической жизни“⁴⁾.

Признаніе, съ которымъ вел. князь Константинъ Николаевичъ встрѣтилъ его переводъ, подняло его: такую оцѣнку онъ „желалъ бы слышать отъ всякаго, имѣющаго поэтическое чувство и зоркій вкусъ читателя“⁵⁾. Въ непосредственно слѣдую-

¹⁾ Сл. письмо 11—13 / 23—25 іюня 1849 г. „Русскій Архивъ“ 1900 г. сентябрь, стр. 49—50.

²⁾ Письмо 29 сентября / 11 октября 1849.

³⁾ Сл. письмо къ Шевыреву изъ Варшавы 1 сентября 1849 г. и письмо къ Гоголю, вложенное въ письмо къ Булгакову 31 октября / 12 ноября 1849 г. „Русская Старина“ 1901 г., іюль, стр. 98 слѣд.; „Сборн. любителей русск. слов. за 1891 г.“, стр. 19—20. Въ Варшаву писалъ ему и Плетневъ съ отзывомъ о 2-мъ томѣ Одиссеи, вызваннымъ Жуковскимъ. Сл. письмо Плетнева кн. Вяземскому 8 / 20 сентября 1849 г.

⁴⁾ Зейдлицъ, I. с., стр. 225 (письмо безъ даты).

⁵⁾ Письмо 19/31 октября 1849 г.

щемъ письмѣ онъ благодаритъ за участіе къ его дочкѣ, къ его фавориткѣ, которая такъ мило и живо повеселила его на старости и изъ всѣхъ его поэтическихъ дѣтей одна его переживетъ. „Поэзія въ наше время утратила много своего кредита, утратила и отъ того, что наше желѣзно-дорожное и журнально-сумасбродное время не имѣетъ ничего въ себѣ поэтическаго, и отъ того, что поэты затащили ее въ грязь партій, въ болото безвѣрія и въ лужу безнравственной чувственности. Вслѣдствіе этого я не могу надѣяться, чтобы Одиссея произвела на большинство современныхъ читателей какое-нибудь сильное дѣйствіе, да я и не имѣлъ цѣлю производить какое-нибудь дѣйствіе. Мнѣ просто хотѣлось заглянуть въ перво-міръ поэзіи, въ этотъ потерянный Эдемъ, въ которомъ во время оно дышалось такъ легко и цѣлбно. Гомеръ отворилъ мнѣ заповѣдную дверь въ него, и я пожилъ счастливо съ его свѣтлыми созданіями, которыхъ вѣяніе было такъ благовонно, которыхъ поэтической шопотъ былъ такъ гармонически-очарователенъ посреди визговъ и мѣфитическаго зловонія бунтующей толпы, парламентарскихъ болтуновъ и ложно вдохновенныхъ поэтовъ настоящаго времени“. Со всѣмъ тѣмъ онъ вовсе не отказывается и отъ поэтически-благотворнаго дѣйствія поэмы: его чутье шепчетъ ему, что онъ дѣйствительно угадалъ гармонію ея оригинала; то же говорятъ ему люди знающіе, способные сличить подлинникъ со слѣпкомъ. Его Одиссея не пропадетъ для потомства, но къ его поэтической извѣстности его трудъ не прибавитъ ничего: „не болѣе шести человекъ (считая въ числѣ ихъ ваше высочество) сказали мнѣ свое мнѣніе о моей работѣ (нѣтъ! мой счетъ невѣренъ, еще къ шести надо прибавить трехъ)..., только въ Варшавѣ попалась мнѣ въ руки дѣльная критика Шевырева; однимъ словомъ, я не заботился о славѣ и похвалѣ, но мнѣ радостно думать, что послѣ меня останется памятникъ твердый здѣшней моей жизни“.

Въ письмѣ къ П. В. Нащокину 6-го декабря 1849 г. то же опасеніе—и то же самосознаніе: „мои литературные подвиги мнѣ должны быть извѣстны, хотя бы отчасти; не думаю, чтобы они возбудили какое-нибудь впечатлѣніе на Руси; я напечаталъ доста экземпляровъ (для раздачи моимъ соотечественнымъ друзьямъ и знакомымъ) Одиссеи и Рустема, которые мнѣ самому кажутся лучшимъ изъ всего, что мнѣ случалось намарать на бумагѣ перомъ моимъ,—почти ни одинъ не сказалъ мнѣ даже, что получилъ свой экземпляръ. Если такъ пріятели и литераторы, то что же простые читатели? Впрочемъ, я и не для уча-

стія отъ кого бы то ни было (сколь оно ни пріятно) работаю надъ Одиссеей: я пожилъ со святою поэзіею мыслью и словомъ—этого весьма довольно“ ¹⁾).

Между тѣмъ Гоголь, у котораго извѣстіе объ окончаніи и отпечатаніи Одиссеи отняло языкъ ²⁾, отвѣчая Жуковскому 14-го декабря 1849 г., откровенно заговорилъ о приѣмѣ, которымъ русская публика удостоила Одиссею: ея появленіе „было не для настоящаго времени. Ее привѣтствовали уже *отходящіе люди*“; Шевыревъ пишетъ рецензію, „скажетъ въ ней много хорошаго, но никакія рецензіи не въ силахъ засадить нынѣшнее поколѣніе за чтеніе свѣтлое и успокаивающее душу“. И Гоголь снова пристегиваетъ себя къ Гомеру—Жуковскому: „временами мнѣ кажется, что второй томъ Мертвыхъ Душъ могъ бы послужить для русскихъ читателей нѣкоторой ступенью къ чтенію Гомера“ (!) ³⁾).

Ни одинъ изъ друзей не порадовалъ его извѣщеніемъ своего участія, повторяетъ Жуковский 3/15 февраля 1850 г.: ни Смирнова, ни Вьельгорскій, ни Карамзины; это ему „больно и досадно“ ⁴⁾).

Остается—памятникъ въ потомствѣ, но отлетѣла надежда, что откровенія классическаго Эдема прольютъ бальзамъ на лежащую въ конвульсіяхъ современность. Такъ надѣялся и Гоголь, но и онъ сталъ говорить, что появленіе Одиссеи не по времени, что ее одѣнать только „отходящіе люди“, т.-е. люди, изолировавшіеся отъ движенія времени; а Жуковский давно разобщился и съ русской общественной средой. Въ стихахъ Жуковскаго Шевыреву слышалась неизсякшая любовь къ Россіи, „гораздо болѣе, чѣмъ въ возгласахъ театральнаго патріотизма, который хотя и на родинѣ, но отдалился отъ нея и духомъ, и словомъ своимъ, и до того отказался отъ всего Русскаго, что не въ силахъ понимать прекраснаго языка русской Одиссеи. Можно жить въ Германіи и носить въ себѣ родину въ убѣжденіяхъ своего ума и сердца и въ языкѣ, какъ носить ее Жуковский. Можно жить на родинѣ—и все-таки быть иностранцемъ и по образу мыслей, и по языку своему“ ⁵⁾). Но эта родина стала для Жуковскаго чѣмъ-то отвлеченнымъ, внѣ движенія времени, и

¹⁾ П. Загаринъ, „В. А. Жуковский и его произведенія“. Москва, 1883 г. Приложение V, стр. XXVII.

²⁾ Къ Жуковскому конца 1849 г.

³⁾ Сл. письмо Гоголя къ Жуковскому 28 февраля 1850 г.

⁴⁾ Къ Плетневу 3/15 февраля 1850 г.

⁵⁾ Сл. „Москвитянинъ“ 1849 г. № 3, Критика и библиографія, стр. 116—117.

какъ прежде онъ сознательно издавалъ свои стихотворенія въ книжкахъ „Для Немногихъ“, такъ теперь немногіе его слушали, когда онъ рассчитывалъ на вниманіе толпы. Въ концѣ 40-хъ годовъ переводъ Одиссеи былъ въ самомъ дѣлѣ подвигомъ поэтического изолированія.

Въ 1850-мъ году Жуковскій вспоминалъ, какъ, оторвавшись на время отъ политической дѣятельности, его другъ Радовицъ объяснялъ въ кругу родныхъ, въ вецларскомъ уголкѣ, съ его очарованнымъ наукой покоемъ, народную нѣмецкую Иліаду, пѣсни Нибелунговъ. „Если вспомнить, кто и послѣ какихъ событій съ такою сладостью переходитъ изъ міра тревогъ, гдѣ на самомъ себѣ испыталъ разрушительность благъ житейскихъ, въ безмятежный міръ поэзіи и тамъ все забываетъ, раздѣляя прелесть этой поэзіи съ сердцами, понимающими его сердце, то невольно почувствуешь благоговѣніе передъ младенческою свѣтлостью этой души, которая, глубоко вѣдая, какая буря окружаетъ ее, такъ же оставалось тиха при своемъ знаніи, какъ младенецъ, безстрашный отъ своего непорочнаго незнанія“¹⁾.—Жуковскій охарактеризовалъ самъ себя.

Русская критика Одиссеи этихъ вопросовъ не поднимала, но не была и такъ равнодушна, какъ жаловался Гоголь²⁾. Явился панегирикъ Шевырева³⁾, радовавшагося за торжество русскаго языка, который въ Одиссеѣ похожъ „на самый чистый каррарскій мраморъ безъ жилотъ“; но открыты были и жилки въ неровностяхъ языка, въ тяжеловѣсности эпитетовъ, въ неологизмахъ, въ періодизаціи; поднять былъ вопросъ и о вѣрности поэтическому тону подлинника. Уловилъ ли его поэтъ, передалъ ли его настроеніе? Находили, что Жуковскій глубоко проникся поэтической стороной своего оригинала, но не всегда вѣренъ правамъ и понятіямъ героической эпохи, и его приращенія и отступленія, отвѣчая метрическимъ и эстетическимъ требованіямъ, передаютъ не гомеровскій колоритъ, а личное настроеніе переводчика⁴⁾. И въ то же время критикъ „Allgemeine

¹⁾ „Иосифъ Радовицъ“, 1850 г.

²⁾ Сл. Черняевъ, „Какъ цѣнили переводъ Одиссеи Жуковскаго современныя и послѣдующіе критики“, „Филолог. Записки“ 1902 г., вып. II—III, стр. 133 слѣд.; Тимошенко, „В. А. Жуковскій, какъ переводчикъ Одиссеи, и современная ему критика“. Кіевъ, 1902 г. (Оттискъ изъ газеты „Кіевское Слово“).

³⁾ „Москвитянинъ“ 1849 г. № 1, критика и библіографія, стр. 41—8; № 2, стр. 49—56, № 3, стр. 91—117.

⁴⁾ Дестунисъ въ „Журн. Мин. Народ. Просв.“ 1850 г., № 8, отд. II, стр. 59—98.

Zeitung“ удивлялся, какимъ образомъ, не зная греческаго языка, Жуковскій, „при возможно-буквальной вѣрности, почти волшебнымъ образомъ не подражаетъ, а скорѣе возсоздаетъ тонъ, оттѣнки и духъ подлинника, въ свободномъ и естественномъ теченіи самобытнаго разсказа“ ¹⁾. О возсозданіи Гомера говорилъ уже Гоголь; для Лавровскаго это не возсозданіе, и не художественный переводъ, претворяющій подлинникъ въ новое, личное произведеніе, и не буквальный, а нѣчто среднее, порой близко придержавающееся текста, порой отдаляющееся отъ него, вносящее новыя краски, чувствительность и искусственность вмѣсто гомеровской простоты и естественности ²⁾. Этотъ элементъ субъективности подчеркнулъ и Ордынскій: переводъ превосходный самъ по себѣ, безъ отношенія его къ подлиннику, но это скорѣе Одиссея Жуковского, чѣмъ Одиссея, переведенная Жуковскимъ ³⁾.

Характеръ его личной поэзіи намъ знакомъ: стоило ему безсознательно тронуть иное кистью, замѣнить одинъ эпитетъ другимъ, и онъ незамѣтно внесетъ въ Гомера свою сентиментальность и правоучительность; а мы знаемъ, какъ сложилось у него представленіе о Гомерової меланхоліи. Такъ получилось въ его Одиссеѣ нѣкоторое единство тона; это возсозданіе, но Анадіомена вышла нѣсколько сентиментальной.

Любопытно, что, по мнѣнію Лавровскаго, Одиссею слѣдовало бы перевести народно-пѣсеннымъ языкомъ; въ разной мѣрѣ склонялись къ тому Ордынскій и Сенковскій, и это не мѣшало послѣднему вмѣнить въ заслугу Жуковскому, что изъ „хаоса разноречивыхъ началъ и разногласныхъ данныхъ“ онъ вывелъ „одну стройную, русскую, новѣйшую красоту, которая бы примѣтно уподоблялась первобытной, древней, греческой красотѣ“ ⁴⁾. Требованіе простонароднаго языка для Гомера, пожалуй, еще большая несообразность, чѣмъ налеты чувствительности у Жуковского.

За Одиссеей Жуковскій обѣщалъ обратиться къ „святой прозѣ“. Толстый томъ, о которомъ онъ писалъ Плетневу, состоялъ изъ „философскихъ отрывковъ“, т.-е. накопившихся у него статей религіозно-нравственнаго содержанія; иныя изъ нихъ

¹⁾ Статья эта переведена въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1850 г., № 4, отд. VI, стр. 68—9. Не о ней ли говоритъ Жуковскій въ письмѣ къ Булгакову 31 октября / 12 ноября 1849 г.?

²⁾ „Отечественныя Записки“ 1849 г., т. 63, отд. V, стр. 1 слѣд.

³⁾ Тамъ же 1849 г., т. 65, отд. V, стр. 1 слѣд.; т. 71, отд. V, стр. 1 слѣд.

⁴⁾ Сенковскій, Соч. т. VII, стр. 335.

онъ намѣренъ былъ послать на просмотръ Стурдзѣ, ибо „онъ такого рода, что имъ не только нужно его одобреніе, но и его строгій экзаменъ, его выправка ¹⁾. Въ мартѣ слѣдующаго года онъ хочетъ отправить рукопись къ Стурдзѣ ²⁾, но все еще просматриваетъ ее, приводитъ въ порядокъ. Онъ пишетъ Стурдзѣ: „можно быть православнымъ христіаниномъ и безъ обширной теологической учености, но пускать въ ходъ свои мысли должно только по прямой дорогѣ, указанной нашею церковью, и для этого нуженъ путеводитель опытный. Все, что церковь дала намъ одинъ разъ навсегда, то мы должны принять безусловно вѣрно также одинъ разъ навсегда. Въ это дѣло нашему уму не слѣдуетъ мѣшаться... Иной философіи быть не можетъ, какъ философія христіанства, которой смыслъ: отъ Бога къ Богу. Философія, истекающая изъ одного ума, есть ложь. Пунктъ отбытія всякой философіи (point de départ) должно быть откровеніе... У меня въ виду со временемъ написать нѣчто подъ титуломъ: Философія невѣжды. И этотъ титулъ будетъ чистая правда: я совершенная невѣжда въ философіи. Нѣмецкая философія была мнѣ доселѣ неизвѣстна и недоступна; на старости лѣтъ нельзя пускаться въ этотъ лабиринтъ: меня бы въ немъ цѣликомъ проглотилъ минотавръ нѣмецкой метафизики, сборное дитя Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля и проч. и проч. Хочу попробовать, чтò могу написать на бѣлой бумагѣ моего ума, опираясь на однѣ откровенныя, неотрицаемыя истины христіанства“ ³⁾.

Мы знаемъ, что этотъ сборникъ не былъ напечатанъ по цензурнымъ соображеніямъ ⁴⁾.

3.

За годъ до смерти Жуковскій еще разъ бесѣдовалъ съ Зейдлицемъ о своемъ „памятникѣ“ ⁵⁾; между тѣмъ его при-

¹⁾ Къ Сѣверину 11—13 июня 1849 г. Сл. „Русскій Архивъ“ 1900 г. № 9, стр. 50.

²⁾ Къ Сѣверину 11 марта 1850 г., „Русская Старина“ 1902 г., июнь, стр. 516.

³⁾ 1850 г., мартъ, „Русская Старина“ 1902 г., июнь, стр. 581—582. Сл. относящіяся къ 1850-му году показанія о Базарова въ его письмѣ о кончинѣ Жуковского (17 апрѣля 1852 г.), „Русскій Архивъ“ 1869 г., ст. 109—110, и приведенную выше (стр. 374, прим. 2) статью Стурдзы: „Для памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя“, 1. с., стр. 221—2.

⁴⁾ См. выше стр. 351 слѣд. О цензурныхъ затрудненіяхъ, какія встрѣчали сочиненія Жуковского, сл. еще замѣтку И. А. Быкова: „Попытка напечатать „Черты исторіи государства Россійскаго“ В. А. Жуковского въ 1837 году“, „Русская Старина“ 1903 г., декабрь, стр. 595 слѣд.

⁵⁾ Зейдлицъ, 1. с., 225—6.

влекла Иліада. Это искушеніе явилось у него въ концѣ 1848 г. ¹⁾; о томъ, что онъ принялся за переводъ, говоритъ уже разборъ въ „Allgemeine Zeitung“. „Плановъ для пера скопилось“ у него много, а приближающіеся шаги смерти часъ отъ часу слышнѣе (къ вел. кн. Константину Николаевичу 2/14 марта 1850 г.). Приводя въ письмѣ къ кн. Вяземскому отзывъ Фарнгагена объ Одиссеѣ (wir, Deutschen, haben nichts so sehr gelungenes), Жуковский выражаетъ желаніе дать отечеству „чистаго Гомера“, это было бы для него великимъ утѣшеніемъ ²⁾; онъ оповѣщаетъ о томъ и Гоголя, но „объ этомъ однако прошу тебя не говорить“ ³⁾. Уже полуслѣпой, съ помощью лектора, онъ хочетъ воспользо-ваться своимъ „заточеніемъ и слѣпотою, чтобы вполне быть русскимъ Гомеромъ“ ⁴⁾. 13 сентября 1851 года переведены были съ нѣмецкаго двѣ пѣсни Иліады—и вновь загоможилась поэзія: Жуковский принялся за поэму, тема которой давно занимала его ⁵⁾; первые стихи написаны десять лѣтъ тому назадъ ⁶⁾. Онъ довелъ ее почти до половины ⁷⁾; „Странствующій Жидъ“ такъ и остался отрывкомъ.

Для этой лучшей „лебединой пѣсни“ онъ собиралъ толкованія къ Апокалипсису, который переложилъ въ стихи ⁸⁾, для нея же просилъ у Гоголя, которому сообщилъ планъ и прочелъ начало (не болѣе какъ изъ двадцати стиховъ), мѣстныхъ красокъ и топографическихъ впечатлѣній Палестины: „мнѣ это будетъ несказанно полезно и даже вдохновительно для моей поэмы: я увѣренъ, что къ собственнымъ моимъ мыслямъ прибавится много новыхъ, которыя выскочатъ, какъ искры, отъ удара моей

¹⁾ Къ Плетневу 20 декабря 1848 г.: „мысль была та, чтобы перевести все по теперешней методѣ съ подстрочнаго нѣмецкаго перевода, а потомъ взять бы изъ перевода Гнѣдичева всѣ стихи, имъ лучше меня переведенные (въ чемъ, разумѣется, признаться публикѣ)“. Подробнѣе въ указанномъ письмѣ о. Базарова.

²⁾ 18 апрѣля 1850 г.

³⁾ 1/13 февраля 1851 г. Сл. „Сборникъ общ. люб. русск. словесности за 1891 г.“, стр. 23.

⁴⁾ Къ Сѣверину 9 сентября 1851 г. Сл. „Русская Старина“ 1902 г., № 6, стр. 519.

⁵⁾ Сл. отрывокъ 1831 г. въ „Бумагахъ Жуковского“, стр. 94.

⁶⁾ Къ Плетневу 20 декабря 1848 г. Въ 1844 году А. О. Смирнова записала: „Онъ (Жуковский) хочетъ написать поэму о Вѣчномъ Жидѣ и даже потихоньку читалъ мнѣ нѣкоторые стихи“. № „Сѣверный Вѣстникъ“ 1897 г. январь, стр. 134.

⁷⁾ Къ Плетневу въ февралѣ 1851 г.: до 800 стиховъ.

⁸⁾ Сокращенный пересказ видѣнія назначенъ былъ первоначально за-
нять въ ней мѣсто послѣ 915-го стиха.

фантазіи объ твою“¹⁾. Для той же цѣли покупалъ онъ описаніе Палестины съ рисунками²⁾. Къ чему эти свѣдѣнія? писалъ ему Гоголь: „всякое событіе евангельское и безъ того уже обстановка-ется въ умѣ христіанина такими окрестностями, коорыя гораздо ближе даютъ чувствовать минувшее время, чѣмъ всѣ нынѣ видимыя мѣстности, обнаженные, мертвыя... „Другъ, сообразилъ ли ты, чего просишь, прося отъ меня картинъ и впечатлѣній для той повѣсти, которая должна быть влѣтъ и внутренней исторіей твоей собственной души? Соверши же, помолясь жаркой молитвой, это внутреннее путешествіе, и всѣ святыя окрестности возстанутъ предъ тобою въ томъ свѣтѣ и колоритѣ, въ которомъ онѣ должны возстать“³⁾. Именно съ Гоголемъ хотѣлъ бы поговорить Жуковский о „Странствующемъ Жидѣ“, „котораго содержаніе ему было извѣстно, который пришелся бы ему особенно по сердцу—и, занимаясь которымъ, я особенно думалъ о Гоголѣ“ (къ Плетневу 5 марта 1852 г.).

„Я написалъ поэмю, она еще не кончена, говорилъ Жуковский о. Базарову за нѣсколько дней до смерти; я писалъ ее слѣпой нынѣшнюю зиму. Это Странствующій Жидъ въ христіанскомъ смыслѣ. Въ ней заключены послѣднія мысли моей жизни. Это моя лебединая пѣснь... Я начиналъ было переводить ее самъ, диктуя самъ по-нѣмецки⁴⁾. Но Кернеръ берется перевести ее по-нѣмецки въ стихахъ. Пусть его передѣлаетъ по-своему, пусть прибавляетъ, но мысль мою онъ пойметъ“⁵⁾.

Юстинусъ Кернеръ, поэтъ и врачъ романтическаго типа, извѣстный своей книгой о ясновидящей въ Префорстѣ („Die Seherin von Prevorst“), прожилъ всю свою жизнь ребенкомъ въ атмосферѣ сказочнаго, чудеснаго. Міръ психопатическихъ явленій, которыя, какъ врачъ, онъ совѣстливо изучалъ, раскрылъ передъ нимъ область мистически-безсознательнаго, и оно имъ овладѣло. Онъ сталъ духовидцемъ; ночью, когда онъ шелъ къ

1) 20 января / 1 февраля 1850 г. въ „Сборникѣ Общ. люб. русск. словесности за 1891 г.“, стр. 21, 22.

2) Сл. „Русскій Архивъ“ 1869 г., стр. 90.

3) 28 февраля 1850 г.

4) О Жуковскомъ, какъ нѣмецкомъ стилистѣ, можетъ дать понятіе его передача бѣлыми стихами его собственнаго стихотворенія: „Видѣніе“ (Нач. „Eine Seraphsgestalt erschien mir — Strahlend von morgendlicher Klarheit“) и переводъ его же статьи о Радовицѣ, напечатанный, какъ рукопись, въ Karlsruhe: 1850: „Joseph Radowitz, wie ihn seine Freunde kennen. Brief eines Nichtdeutschen in die Heimath“. Сл. Нааре, „W. A. Schukowsky und seine Beziehungen zu Deutschland und Baden“ (München, 1900 г.), стр. 16 и 23.

5) Сл. письмо о. Базарова о кончинѣ Жуковскаго, I. с., стр. 103.

больному въ сопровожденіи своей собачки, кругомъ него витали души людей, которыхъ ему не удалось спасти отъ смерти. При этомъ человѣкъ сердца и добродушнаго юмора, безконечно жалостливый къ больнымъ, искавшій дружбы и „души“.

Съ Жуковскимъ онъ познакомился въ Баденъ-Баденъ лѣтомъ 1857 года, и они сошлись: было съ кѣмъ потолковать о „привидѣніяхъ“ („Нѣчто о привидѣніяхъ“, 1848 г.), о душѣ. Въ Баденъ, писалъ Кернеръ, онъ нашелъ облегченіе своихъ страданій не столько въ тепломъ источникѣ, сколько въ одномъ сердцѣ съ холоднаго сѣвера, полномъ тепла и силы и дѣтской чистоты, въ которое онъ погрузился, какъ въ цѣлебныя струи. „То было сердце русскаго поэта Жуковскаго. Знакомство съ этимъ благороднымъ, богато одареннымъ человѣкомъ было для меня, послѣ холодной и во многихъ отношеніяхъ печальной для меня зимы, точно дыханіе весны на мое больное, оледенѣлое сердце“¹⁾. „Странствующаго Жида“ Кернеру не пришлось перевести, но еще при жизни автора явился переводъ одной его сказки: „Vom Iwan Zarewitz und dem grauen Wolfe“ (1852 г.), съ такимъ посвященіемъ Кернера:

Empfängt dies nordische Gedicht
Von Licht und Farbe so durchdrungen,
Dass man vermeint, aus Nordenlicht
Sei dieses helle Kind entsprungen.
Schaut her! Ein nordisch' Herz hat euch
Die nord'schen Sagen so gestaltet,
Ein Herz, das, ist's auch jahrereich,
Ein Kinderherz bleibt, das nicht altert²⁾.

„Странствующій Жидъ“, за судьбу котораго беспокоился кн. Вяземскій³⁾, занимаетъ, по его мнѣнію, первенствующее мѣсто не только между твореніями Жуковскаго, но едва ли и не во всемъ циклѣ русской поэзіи⁴⁾. Это дѣйствительно исторія

¹⁾ Нааре, I. с., стр. 26—7. Тамъ же воспоминаніе von Schack'a при посѣщеніи Бадена въ 1875 году: „In der Stadt mahnte mich der Balkon eines Hauses an einen Mann, den ich wegen seiner Herzensgüte wie wegen seiner Geistesgaben ungemein verehrte. Es war der russische Dichter Schukowsky“.

²⁾ I. с., стр. 20—1.

³⁾ См. его письмо къ Плетневу 19 ноября / 1 декабря 1852 г.: „можетъ ли быть напечатанъ Странствующій Жидъ, то-есть, чернорязая цензура пропустить ли его“?

⁴⁾ „Русскій Архивъ“ 1866 г. № 6, ст. 874 (Выдержки изъ старыхъ бумагъ Остафьевскаго архива).

младенческаго, не состарѣвагося сердца, если у такого сердца есть исторія. Оно смолоду, почти безъ колебанія, шло навстрѣчу тому идеалу, въ которомъ восторженное исканіе Бога объединилось съ меланхоліей Гомера и елейностью Стурдзы. Это не тревожно-трусливое настроеніе Гоголя въ поискахъ за синтезомъ, который примирилъ бы его противорѣчія; искали его и другіе русскіе люди изъ чающихъ, но имъ недоставало надеждъ и увѣренности и знанія. Признаніе, что всякая дѣйствительность разумна, было такимъ же знакомъ безсилія въ общественномъ смыслѣ, какъ и сентиментализмъ съ его призракомъ уединенно-піэтистически воздѣланной человѣчности. Тогда бросились искать Бога,—и въ одномъ лагерѣ очутились и узкій Стурдза, и Смирнова, и Гоголь, спасавшійся отъ неясныхъ, но болевыхъ задачъ то въ самомнѣніе призванничества, то въ лоно отца Матвѣя,—и благоговѣйный Жуковскій въ пору Одиссеи и „Странствующаго Жида“.

Ярче, чѣмъ въ „святой прозѣ“ его религіозно-нравственныхъ трактатовъ, выступаетъ въ поэмѣ Жуковскій послѣднихъ лѣтъ съ его успокоеніемъ въ вѣрѣ, то-есть, въ свободномъ актѣ воли, подчиняющей разумъ благодати ¹⁾). Наполеонъ на островѣ св. Елены—это человѣкъ державной, но не подчиненной воли, „чудесный человѣкъ“, какъ выразился Жуковскій въ отрывкѣ письма изъ Италіи 1833 г. ²⁾); когда-то „вождь побѣдъ и страхъ царей, теперь царей колодникъ“, онъ страдаетъ въ ожесточеніи „безнадежной скорби“, въ негодованьи „силы“, вдругъ лишенной свободы. Орелъ быстро промчался мимо него съ моря на высоту, и онъ

Вскочилъ, какъ будто броситься за нимъ
Желая въ безпредѣльность: воли, воли
Его душа мучительную прелесть
Отчаянно почувствовала всю.

Передъ нимъ Агасверъ; рассказывая узнику повѣсть своей души, онъ желаетъ быть врачомъ его души.

Блаженъ стократъ, кто вѣруеть, не видѣвъ
Очами, а смиренной волей разумъ
Святынѣ откровенья покоряя.
Очами видѣлъ я, но вѣрѣ долго

¹⁾ Сл. выше стр. 372.

²⁾ „Русская Старина“ 1902 г., апрѣль, стр. 181.

Не отворяла дверь моей души
Бунтующая воля.

Онъ былъ наказанъ неслышанно, но казнь пересоздала его
душу, воспитала „въ училищѣ страданій неслезанныхъ“; „онъ
Бога угадалъ страданьемъ“. Не вдругъ достался ему этотъ
миръ, лишь

по долгой, неслезанной
Борьбѣ съ неукротимымъ сердцемъ, послѣ
Несчетныхъ переходовъ отъ паденій,
Ввергающихъ въ отчаянье, къ побѣдамъ,
Вновь воскрешающимъ, по многихъ, въ крѣпкій
Металлъ кующихъ душу, испытаньяхъ
Я началъ чувствовать въ себѣ тотъ миръ,
Который, всю объемля душу, въ ней
Покорнаго терпѣнья тишину
Неизглаголанную водворяетъ.

.
На потребу мнѣ одно:
Покорность и предъ Господомъ всей воли
Уничтоженіе. О, сколько силы,
Какая сладость въ этомъ словѣ сердца:
„Твое, а не мое да будетъ“! Въ немъ
Вся человѣческая жизнь; въ немъ наша
Свобода, наша мудрость, наши всѣ
Надежды...

случай исчезаетъ
Изъ нашей жизни; мы своей судьбы
Властители, понеже власть Тому
Надъ нею предали смиренно, Кто
Одинъ всемогущъ, все за насъ, для насъ
И нами строить, намъ во благо.

И теперь „безнаградная“ любовь Агасвера къ людямъ не
иное что, какъ любовь къ Источнику любви, къ Тому, Кто пер-
вый излюбилъ его, любовь милосердная, смиренная, терпѣливая;
миръ человѣческій исчезъ для него передъ природой, „Господ-
ней книгой,—Гдѣ буква каждая благовѣститъ Его Евангеліе“.

Небо голубое, утро
Безмолвное въ пустынѣ; свѣтъ вечерній,
Въ послѣднемъ облакѣ летящій съ неба,

Соборъ свѣтилъ во глубинѣ небесъ,
Глубокое молчанье лѣса, моря
Необозримость тихая, иль голосъ
Невыразимый въ бурю,—

для этихъ чудесъ нѣтъ „словъ“, они невыразимы; созерцаніе становится „смирненнымъ, безсловеснымъ предстояньемъ“ передъ величіемъ Божія созданія, блаженной молитвой;

съ нею

Сливается нерѣдко вдохновенье
Поэзіи; поэзія—земная
Сестра небесныхъ молитвы, голосъ
Создателя, изъ глубины созданья
Къ намъ исходящій чистымъ отголоскомъ
Въ гармоніи восторженного слова!
Величіемъ природы вдохновенный,
Непроизвольно я пою—и мнѣ
Въ моемъ уединеніи, полномъ Бога,
Созданіе вникаетъ, посреди
Своихъ лѣсовъ густыхъ, своихъ громадныхъ
Утесовъ и пустынь необозримыхъ
И съ высоты своихъ холмовъ зеленыхъ,
Съ которыхъ видны золотыя нивы,
Веселыя селенья человѣковъ
И все движеніе жизни скоротечной.

Послѣднее опредѣленіе поэзіи, „невыразимаго“, которое обняло и „веселыя селенья человѣковъ“—идиллію Одиссеи. И въ то же время Жуковскій писалъ Плетневу, уговаривавшему его вести свои мемуары: журнала онъ не велъ, теперь поздно, изъ прошедшаго многое исчезло, какъ небывалое, да и „выставлять себя такимъ, каковъ я былъ и есть, не имѣю духу. А лгать о себѣ не хочется. Въ поэтической жизни, сколь бы она ни имѣла блестящаго, именно поэтому много лжи (которая все ложь, хотя по большей части непроизвольная), и эта ложь теряетъ весь свой мишурный блескъ, когда поднесешь къ ней (рано или поздно) лампаду христіанства“¹⁾.

¹⁾ 6 марта 1850 г. „Впрочемъ, если напишется, въ послѣднемъ, еще не существующемъ томѣ сочиненій моихъ будетъ нѣчто въ родѣ мемуаровъ, но только въ литературномъ смыслѣ“ (то же письмо).

Въ пору Одиссеи видѣлъ Жуковскаго Александръ Тургеневъ. Послѣ несчастья, постигшаго его брата, онъ уѣхалъ за границу и въ Россію показывался лишь урывками, но друзья переписывались, прошедшее ихъ связало, ибо для сердца оно вѣчно. Въ 1826—27 гг. мы видѣли ихъ въ Дрезденѣ и Парижѣ ¹⁾, въ іюнѣ 1832 г. они вмѣстѣ выѣхали изъ Россіи за границу, чтобы развѣхаться; затѣянное ими путешествіе въ Италію не состоялось ²⁾. Письмо Жуковскаго изъ Бѣлева тронуло Тургенева за живое: „прошедшее такъ живо представилось сердцу и воображенію, и такъ какъ я помню болѣе сердцемъ, то во всѣхъ эпохахъ, кромѣ теперешней, нынѣ текущей, нахожу, вмѣстѣ съ братьями, и Жуковскаго. . . Развѣ память одного Жуковскаго будетъ для насъ такъ же священна, такъ же мила и благодѣтельна для сердца, какъ и жизнь его, какъ и память Карамзина“ ³⁾.

Лѣтомъ 1839 г. друзья снова видѣлись во Франкфуртѣ и Киссингенѣ. „Съ Жуковскимъ провелъ я нѣсколько пріятныхъ, задушевныхъ минутъ, писалъ Тургеневъ князю Вяземскому, но только минутъ; онѣ повѣяли на меня прежнимъ сердечнымъ счастіемъ, прежнею сердечною дружбою“. Онъ почти прослѣзился, когда Жуковский представилъ ему свой новый переводъ Греевой элегіи, который обѣщалъ посвятить ему, какъ первый посвященъ былъ брату Андрею. „Мы пережили многое и многихъ, но не дружбу: она неприкосновенна, по крайней мѣрѣ, въ моей душѣ и выше мнѣній и отношеній враждебныхъ свѣта, недоступна никакому постороннему вліянію. Соприкосновеніе Жуковскаго съ чуждыми мнѣ и часто враждебными элементами не повредило вѣрному и постоянному чувству. . . Въ отсутствіи я сердился на него за многое; встрѣча примиряетъ съ нимъ, ибо многое объясняетъ. Я люблю его и за великаго князя, въ коемъ вижу что-то доброе, сердечное, человѣческое, и меня что-то влечетъ къ нему. Я долженъ удерживать это влеченіе и буду стараться рѣже съ нимъ встрѣчаться, ибо это несовмѣстно съ моимъ положеніемъ, съ достоинствомъ оскорбленнаго во всѣхъ отношеніяхъ: гражданскихъ и семейственныхъ“ ⁴⁾.

Враждебные элементы—это люди, прикосновенные къ осуж-

¹⁾ Сл. выше стр. 311.

²⁾ Дневникъ 18 іюня 1832 г. и выше стр. 386.

³⁾ Къ князю Вяземскому 23 декабря 1837 г. / 4 января 1838 г.

⁴⁾ 5/17 іюня 1839 г., Киссингенъ; сл. выше стр. 338. Сл. еще письмо къ князю Вяземскому 8 іюня 1839 г.

денію его брата Николая; въ первую голову Блудовъ; въ глазахъ Тургенева это осужденіе было великой неправдой, а онъ былъ искатель правды. Въ этомъ отношеніи онъ непримиримъ; „покою, мой Каинистъ, покою“, писалъ ему по этому поводу князь Вяземскій ¹⁾; собираясь за границу, Тургеневъ говорилъ ему, что хочетъ повидать Жуковского, „но уже къ нему не явлюсь лично, развѣ по дорогѣ. А то и такъ подумали, что я ухаживаю не за нимъ, а за великимъ княземъ“ ²⁾.

Вѣсти о женитбѣ друга привели его въ умиленіе, но онъ не поѣхалъ къ нему, чтобы не смутить его покой видомъ неуспокоеннаго человѣка. Въ письмѣ къ княгинѣ Вяземской онъ охарактеризовалъ себя ³⁾; одинъ „изъ самыхъ усталыхъ“ нашего круга, писалъ о немъ Жуковскій Булгакову ⁴⁾. Жуковскій воплотилъ въ дѣйствительности свой личный житейскій идеалъ, князь Вяземскій, когда-то боевой протестантъ, уже не ощущаетъ прежняго „зеленаго пыла“ ⁵⁾ и также вошелъ въ мирную гавань опытности. А Тургеневъ все еще ищетъ и мечется, онъ непосѣда, и его все куда-то тянетъ; *le grand agité*, какъ называлъ его одинъ пріятель. Онъ не только сентименталистъ Карамзинскаго стиля ⁶⁾, но и „либералистъ“ Александровской эпохи, либералистъ, выбитый изъ колеи, не у дѣлъ, одинъ изъ недовольныхъ, лично оскорбленный въ „гражданскихъ и семейственныхъ“ отношеніяхъ. Это опредѣляетъ его старческій обликъ ⁷⁾, русскій „душой, сердцемъ и воспоминаніемъ“ ⁸⁾, онъ убѣжденный западникъ, ратуетъ за освобожденіе крестьянъ, говоритъ о Карамзинѣ, что „вся жизнь его была прекрасное и полезное употребленіе его качествъ душевныхъ“, но что онъ уронилъ свой талантъ въ своей Исторіи, которая „не отвѣчаетъ требованіямъ разсудка и надеждамъ сердца“ ⁹⁾; человѣкъ искренне вѣру-

¹⁾ 1 января 1830 г.

²⁾ 13 апрѣля 1840 г. Тургеневъ засталъ Жуковского въ горѣ по скончавшемся поэтѣ Иммерманѣ († 25 августа 1840 г.), съ которымъ онъ познакомился въ Дюссельдорфѣ. Сл. „Русскій Архивъ“ 1896 г., II, стр. 197. Объ Иммерманѣ упоминаніе въ дневникѣ Жуковского подъ 1/13 августа 1838 года.

³⁾ Сл. выше стр. 391 слѣд.

⁴⁾ 20 декабря 1845 г./1 января 1846 г.

⁵⁾ Къ Тургеневу 3 апрѣля 1843 г.

⁶⁾ Интересно сравнить размышленія его юношескаго дневника, на темы греевской элегіи и родныхъ воспоминаній (выше стр. 80 слѣд.), съ его письмомъ 6/18 января 1841 года („Русскій Архивъ“ 1896 г., II, стр. 194—5). И тамъ и здѣсь одинъ и тотъ же душевный почеркъ.

⁷⁾ Сл. выше стр. 275—6.

⁸⁾ Къ князю Вяземскому 8 октября 1845 г.

⁹⁾ Къ нему же 14 ноября 1845 г.

ющій, блюститель обряда, чуткій къ исторической поэзіи православной святыни, онъ ведетъ бесѣды съ митрополитомъ Филаретомъ, увлеченъ Шеллингомъ и рекомендуетъ князю Вяземскому.—Vinet, „Sur l'indépendance des opinions religieuses“ ¹⁾. Князь Вяземскій отписывается, спорить по всѣмъ статьямъ, уличая пріятеля въ идолопоклонствѣ словамъ, системъ, теоріи ²⁾: а тотъ упрекаетъ его, что онъ упалъ „съ терпимости на равнодушіе“ ³⁾, говоритъ, что люди, которые, чувствуя трудъ борьбы со зломъ, заключили съ нимъ миръ, „непримѣтно для нихъ самихъ дѣлаются врагами добра“ ⁴⁾. Даже филантропическая дѣятельность Тургенева, въ которой онъ отводилъ душу, „апатію“ сердца, его заботы, въ сотрудничествѣ съ докторомъ Гаазе, о бѣдныхъ и арестантахъ, вызывали у князя Вяземскаго нареканіе, что у Тургенева какая-то страсть къ „политической и протестующей филантропіи“, что онъ „лелѣетъ любовь воинственную, критикующую, мстительную, осуждающую“ и печатаетъ „оппозиціонную статью противъ уголовной палаты и всѣхъ палатъ и всѣхъ право или криво правящихъ“ ⁵⁾.

И въ духовномъ лагерѣ возбуждались тѣ же сомнѣнія. Митрополитъ Филаретъ благодаритъ своего лаврскаго намѣстника Антонія за сообщеніе молвы, будто около него собираются „недовольные“. „Словъ неудовольствія, надѣюсь, никто не слыхалъ отъ меня, потому что и мысли у меня, по благости Божіей, не таковы, отвѣчалъ Филаретъ. Но и небылое скажутъ и сказкѣ повѣрятъ по людямъ, вводимымъ въ сказку. Меня озабочивало и прежде, а теперь и болѣе, что ко мнѣ ходитъ А. И. Тургеневъ, кстораго я сталъ принимать въ уваженіе благорасположенія къ нему князя Голицына, а онъ представилъ мнѣ человѣка два, ему знакомыхъ, людей любознательныхъ.... У нихъ есть мудрованіе, не политическое, а ученое: кто знаетъ, не полагаютъ ли въ нихъ, чего я не примѣчаю и не знаю?“ (февраля 14, 1843 г.) ⁶⁾.

¹⁾ Къ нему же 19 ноября 1845 г.

²⁾ Къ Тургеневу 23 ноября 1845 г.

³⁾ Письмо 16 октября 1836 г.; сл. письмо князя Вяземскаго 2 ноября того же года и письмо Тургенева 7 октября 1845 г.

⁴⁾ 27 марта н. ст. 1843 г.

⁵⁾ Начала октября 1842 г.

⁶⁾ „Письма митрополита московскаго Филарета къ намѣстнику Свято-Троицкія Сергіевы лавры архимандриту Антонію“, ч. II, стр. 66—8. Тамъ же ссылка на старую записную книжку, выдержки изъ которой напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ 1875 г., I. стр. 61—62. (==Полное Собраніе соч. князя Вяземскаго, т. VIII, стр. 273 слѣд.): о тайномъ полицейскомъ надзорѣ, учреж-

Жуковскій и князь Вяземскій уже отпѣли панихиду русской литературѣ 40-хъ годовъ, а Тургеневъ прочелъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ статью Бѣлинскаго о Державинѣ и пишетъ изъ Москвы: „Ай да Бѣлинскій! Ай да цензурушка голубушка Петербургская! А здѣсь и въ салонахъ такой правды въ услышаніе славянъ не высказать. „E pur si muove“ наша литература“ ¹⁾.

Въ 1842 году Тургеневъ былъ заграницей, но по болѣзни не заѣхалъ къ Жуковскому. Князь Вяземскій не можетъ ему этого простить. „Нужно было ѣхать въ Берлинъ за пустяками, переливать изъ пустого въ порожнее и пускать пыль въ глаза, добро еще другимъ, а нѣтъ, себѣ. Въ наши лѣта, братъ, поздно учиться. *Что тебѣ прожизнаться на Шеллингѣ, когда Богъ далъ тебѣ нажить Жуковскаго*“ ²⁾? Напрасно ты трунишь, „что я гоняюсь за Шеллингами, отвѣчалъ Тургеневъ; я ими живу и жить буду. Я набрался въ Берлинѣ и въ другихъ университетахъ столько духовной жизни, что отъ избытка оной удѣляю и другимъ, когда встрѣчаю охотниковъ“. Но онъ не презираетъ и прошедшаго и еще недавно оживилъ его пепелъ поѣздкой къ Троицѣ, гдѣ нашель „и людей достойныхъ, и книги прекрасныя, и радушіе христіанское, и гостепріимство для бѣдныхъ“; его окружили воспоминанія о давнихъ поѣздкахъ сюда съ отцомъ и Лопухинимъ. Онъ выслушалъ въ два дня вечернюю, всенощную, обѣдню, нѣсколько молебновъ, обѣдалъ въ общей трапезѣ съ Филаретомъ и монахами, видѣлъ, какъ „митрополитъ съ галереи благословлялъ сухихъ и хромыхъ, чающихъ движенія воды и горячихъ щей и пива. Картина трогательная; чего у меня не лѣзло въ голову“ ³⁾!

Лишь въ 1844 году собрался онъ къ Жуковскому, чтобы пожить съ нимъ подольше во Франкфуртѣ и сдружиться съ Гоголемъ, „коего переписка лучше книгъ его, ибо душа въ ней слышнѣе“ ⁴⁾. Жуковскаго онъ увидѣлъ въ Гейдельбергѣ ⁵⁾ и наконецъ очутился въ его семейномъ уголкѣ. „Я здѣсь блаженномъ надъ Тургеневымъ въ Москвѣ (въ 1831 году); въ его „кондуитныхъ спискахъ“ всего чаще встрѣчались имена ... ой и митрополита Филарета, съ которымъ „онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ и по сочувствію и по уваженію къ нему, а равно и по прежнему служенію своему при князѣ А. Н. Голицынѣ“.

¹⁾ Князю Вяземскому 11 октября 1845 г.

²⁾ Къ нему же 21 сентября 1842 г.

³⁾ Къ нему же 29 сентября 1842 г.

⁴⁾ Къ нему же 15/27 апрѣля 1844 г.

⁵⁾ Къ нему же 26 / 6 іюля 1844 г.

ствую сердечно въ миломъ, добромъ, умномъ семействѣ, писалъ онъ кн. Вяземскому (30 августа/10 сентября 1844 г.); онъ изнѣженъ „всѣми комфортабельностями жизни, достойными шотландской цивилизаціи и всей классической дружбы Жуковского и его ангела спутника.... Ты знаешь, какой мастеръ Жуковский устраиваться, но онъ превзошелъ здѣсь себя во вкусѣ уборки дома, мѣбелей, картинъ, гравюръ.... Все на своемъ мѣстѣ, во всемъ гармонія, какъ въ его поэзіи и въ его жизни.... Онъ встаетъ въ семь часовъ ¹⁾ и бесѣдуетъ съ Гомеромъ (переводъ Одиссеи на 8-й пѣснѣ и переводъ, по его мнѣнію, коему я вѣрю какъ чужому,—прекрасный и лучше всѣхъ другихъ). Въ девять мы вмѣстѣ завтракаемъ, и милая жена-хозяйка разливаетъ сама кофе моккскій. Жуковский во всемъ сибаритъ.... До 12-ти часовъ Жуковский опять съ Гомеромъ, потомъ опять съ Морфеемъ, то-есть, спитъ до перваго часа, закрываясь отъ мухъ Аугсбургской газетой, которую, какъ нѣмецкій европеецъ, получаетъ, но не всегда читаетъ, предпочитая баденскую *Badeliste*. Отъ часу до двухъ мелкія подѣлки или визиты. Въ два обѣдаемъ. Послѣ обѣда—болтовня, и при солнцѣ, подъ деревьями, въ саду. Тутъ являются иногда къ чаю или къ моему молоку, разбавленному водой, сестры, мать, отецъ святой Елизаветы Жуковской: милое, умное, почти идеальное въ нѣмецкой существенности семейство—они поютъ и играютъ; Жуковский гуляетъ съ часъ; до часу визиты: геніальный и всеученый Радовицъ, художники съ бюстиками, портретами“. У жены „много *der hohen aber auch tiefen germanischen schönen Weiblichkeit*“. „Слушаю Одиссею Жуковского, говорится въ другомъ письмѣ (8/20 сентября 1844 г.). Простота высокая и свѣжесть запаха древности такъ и наполняетъ душу! Что за колдунъ Жуковский! Знаетъ по-гречески меньше Оленина, а угадываетъ и выражаетъ Гомера лучше Фосса. Все стройно и плавно и въ изящномъ вкусѣ, какъ и распредѣленіе и уборка кабинета, салона его. Стихи текутъ спокойно, какъ Гвадалквивиръ, отражая геній Гомера и душу Жуковского“.

Жуковский былъ доволенъ, что ему удалось пожелѣять стараго друга въ своей семьѣ: точно ожила молодость, что-то напомнило горницы московскаго университета, гдѣ они собирались около брата Андрея. А твои замѣчанія въ письмѣ, „насчетъ моей роскошной сибаритской жизни“, не совсѣмъ справедливы, пишеть онъ пріятелю (октябрь 1844 г.): можетъ быть, надобно болѣе простоты, но излишество почти преступленіе противъ не-

¹⁾ Рукой Жуковского поправлено: въ пять.

имущихъ; ни онъ, ни жена его не любятъ, любятъ „святую умѣренность“, „опрятность и видъ смиреннаго довольства“ „опрятность и comfort въ семейной жизни есть то, что гармонія и чистота стиля въ стихахъ“.

Въ маѣ 1845 года Тургеневъ былъ снова у своего стараго друга, но мимолетно; „это было наше послѣднее свиданіе на семь свѣтъ“, читаемъ въ дневникѣ Жуковского ¹⁾. 14-го августа Тургеневъ пріѣхалъ въ Москву, совсѣмъ больной, но такой же лихорадочно-дѣятельный, какъ всегда. „Въ субботу (1-го декабря) онъ слушалъ первую публичную лекцію Грановскаго, въ воскресенье провелъ полдня въ пересыльномъ замкѣ на Воробьевыхъ горахъ, вмѣстѣ съ докторомъ Газомъ; въ понедѣльникъ (3-го декабря), въ день кончины, все утро писалъ письма въ Парижъ, отвезъ ихъ въ почтамтъ, а въ шестомъ часу послѣ обѣда скончался въ тѣсномъ, загроможденномъ портфелями и книгами мезонинѣ небольшого дома на Арбатѣ двоюродной сестры своей А. И. Нефедьевой“. Москвичи пожалѣли о дѣйствительно добромъ человѣкѣ, соединившимъ симпатіи западниковъ и славянофиловъ, Герцена и Хомякова, какъ самъ онъ, по выраженію Погодина, „былъ ревностнымъ сыномъ европейской цивилизаціи“, оставаясь „русскимъ въ душѣ“ ²⁾.

Посылая Жуковскому некрологъ Тургенева, написанный Погодинымъ, Мельгуновъ сообщалъ ему, что покойный давно хотѣлъ ему писать, но не могъ собраться съ духомъ. „Онъ видѣлъ въ васъ друга и, какъ другу, хотѣлъ повѣрить свою тайную скорбь; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ друга, не хотѣлъ и огорчить. За нѣсколько дней до своей кончины онъ рѣшился наконецъ писать вамъ и написалъ длинное письмо, которое изорвалъ въ мелкіе клочки. „Я это сдѣлалъ потому, говорилъ онъ. . . ., что въ этомъ письмѣ излилъ всю свою душу; а это огорчило бы Жуковскаго: онъ испугался бы, прочитавъ его. Однако я далъ себѣ слово писать къ нему сегодня непременно; и написалъ, принудилъ себя. Но письмо ему не понравится; онъ меня въ немъ не узнаетъ: оно сжато, сухо, sans abandon, какъ-будто не я писалъ; Жуковский будетъ недоволенъ“ ³⁾.

„Два раза пожилъ онъ подъ моею кровлею, писалъ Жуковский, получивъ извѣстіе о кончинѣ „дорогого товарища“, который „изъ всѣхъ самый давнишній“; онъ совсѣмъ бы осиро-

¹⁾ Сл. Тургенева письма къ княгинѣ Вяземской 6 / 18 и 7 / 19 мая 1845 г., и дневникъ Жуковского подъ тѣмъ же годомъ.

²⁾ Сл. Барсуковъ, I. с., VIII, стр. 237—51.

³⁾ „Русскій Архивъ“ 1899 г., апрѣль, стр. 634 слѣд.

тѣль, если бѣ около не явился его „собственный, свѣтлый, молодой свѣтъ“. „Смерть удивительно быстро знакомить съ истиннымъ бывшимъ человѣкомъ“,—и Жуковскій пытается возстановить „неуловимую фізіономію ума Тургенева“, „оиміамъ его души“, его „младенческую душу безъ пятна“; „жизнь могла покрыть его своей пылью, но смерть легко сдунула съ души его эту пыль, которая вся выпалась въ могилу“. Самые недостатки его „имѣли источникъ добрый“, „неопредѣленность его мнѣній, на которыя столь часто дѣйствовало и все внѣшнее и настоящая минута“, не мѣшала его жизни быть постоянною, всегда единою, теплою христіанскою дѣятельностью. „Но о такихъ мертвыхъ, какъ онъ, жалѣть не должно; *хотя въ теперешнемъ моемъ кругу, смотря на моихъ и думая о томъ, что есть и чѣмъ еще можетъ быть для меня жизнь, я не могу сказать: смерть желательнѣй жизни, но конечно скажу: смерть, въ ея истинномъ смыслѣ взятая, лучше жизни*“¹⁾.

Смерть—„великое благо“ повторяетъ онъ Гоголю (20 февраля 1847 г.). Онъ къ ней давно готовился, трепетно и сознательно, и она тихо его посѣтила. Жуковскій скончался 12 апрѣля 1852 года.

²⁾ Къ неизвѣстному лицу (мартъ или апрѣль 1846 г.); къ А. Я. Булгakovу 20 декабря 1845/1 января 1846 г.; 31 декабря 1845/12 января 1846 г.; къ Гоголю 24 декабря 1845/5 января 1846 г.

XIV.

Поэтика романтиковъ и поэтика Жуковскаго.

Если проводить связь между „душой Жуковского“ и тѣми направленіями западной литературы, которыя она отразила, то намъ нечего выходить изъ теченій сентиментализма, въ которыя поэтъ вступилъ въ началѣ своей дѣятельности. До конца онъ піетистъ съ идеаломъ *Schöne Seele* и выспренной дружбы; поэзія для него религіозное откровеніе, являющее „святость жизни . . . во всей ея красѣ небесной“; слова поэта—дѣла поэта, до-Шиллеровское отождествленіе поэзіи и добродѣтели замѣняется требованіемъ, что поэтъ долженъ быть чистъ душой, тогда только его слово будетъ благодатно. Изъ сферы сентиментализма перешло къ Жуковскому пристрастіе къ мечтательности, загробнымъ образамъ и таинственной лунѣ и то настроеніе меланхоліи, которое онъ тщился превратить въ понятіе—христіанской грусти.

Поэзія *Sturm und Drang*’а, бурныхъ стремленій и геніальничанья, съ ея энергическими заявленіями личности и протестомъ противъ всякихъ условностей, коснулась Жуковского не своей психологіей, а литературной стороною: интересомъ къ народной старинѣ (Бюргеръ), міровой литературѣ и поэтическому экзотизму (Гердеръ, Фоссъ).

Гёте и Шиллеръ пережили стадію чувствительности и бурнаго чувства, Вертера и Мора, погрузились въ созерцаніе античной красоты, вынесли изъ нея понятіе о высокомъ назначеніи искусства и стали поодаль на высотахъ веймарскаго Пар-

насса. Кругомъ нихъ кишить молодое поколѣніе, не остывшее еще отъ волненій періода бури и натиска, и ищетъ пути; тамъ, гдѣ Гёте остановился въ величавой Entsagung, они строятъ систему. Есть между ними люди расторгенные и скептики, теоретики и эстеты, вѣрующіе и фантасты мистицизма: Тикъ, Ваккенродеръ, Новалисъ, Шлегели и др. Время въ общественномъ смыслѣ было глухое, подавленное сознаниемъ несбывшихся надеждъ и подкошенныхъ стремленій: чувствительность стала со-сѣднать съ филистерствомъ, титаны чувства сгорѣли и обратятся въ героевъ байроновскаго пессимизма. Оставалось уйти въ себя, удалиться отъ дѣйствительности въ область искусства, раскрытаго веймарскими классиками; въ тѣсный кружокъ друзей поэтовъ, въ родѣ кружка іенскихъ романтиковъ, или того фантастическаго, который Ла-Моттъ-Фуке собралъ въ какомъ-то замкѣ въ Пиренеяхъ („Alwin“); погрузиться въ недѣятельное прозябаніе, Müssiggang, возведенное въ идеалъ, поскольку оно соединено съ экстазомъ поэзіи и „божественнымъ эгоизмомъ“ и ему одному довлѣетъ. Такое пониманіе искусства, поэзіи, повторяетъ воззрѣнія сентиментализма и Sturm und Drang'a, но ведетъ ихъ дальше, обобщаетъ, обосновываетъ *теоретически*. Чувство подчиняется рефлексіи, безсознательное—анализу сознанія. У английскихъ писателей XVII и XVIII вѣковъ романтическимъ называлось то, что выходило за границы привычной дѣйствительности и уравнивоѣшанной культуры, а встрѣчалось развѣ въ старыхъ рыцарскихъ романахъ: дикая мѣстность, темные гроты, мечтательная, несущественная любовь. Все это получить мѣсто въ новомъ синтезѣ: мы на почвѣ романтической школы.

Съ ея воззрѣніями, пріемами, программой надо познакомиться въ виду того, что у насъ говорено было о „романтизмѣ“—и романтизмѣ Жуковского 20-хъ годовъ.

Что такое поэзія, искусство? Жизнь, природа—отраженіе безконечнаго, но отраженіе неполное, призрачное; угадать полноту идеала въ оболочкѣ конечнаго можетъ лишь мистически-вдохновенное чувство поэта; Шеллингъ назоветъ его интеллектуальнымъ прозрѣніемъ; романтики припоминали выраженіе стараго мистика Бёме: der Blitz, молніеносное откровеніе. Оно-то и раскрываетъ смыслъ реальности, которая сама по себѣ мертва; „абсолютно-реальна—поэзія“, философія—ея теорія, „совершенная форма науки должна быть поэтической“; „настоящій поэтъ все-знающъ, онъ—свѣтъ въ маломъ видѣ“ (Новалисъ). Но это восторженное сознаніе чередуется съ другимъ, проницательнымъ: сознаніемъ противорѣчій идеала и его земныхъ формъ. Такое

восприятіє дѣйствительности, полное контрастовъ и грустно-веселаго юмора, и есть прекрасное, оно даетъ цѣнность жизни, какъ символа невыразимаго, недоступнаго намъ, совершеннаго. Поэзія настраиваетъ насъ благоговѣйно, ведетъ къ религіи; „есть особый умственный, поэтический органъ для познанія божественнаго, которое становится непосредственнымъ достояніемъ чувства, чаянія, совѣсти“, говоритъ Новалисъ; „поэзія—продуктивная религія“. И, наоборотъ: религіозное настроеніе—„высшее и чистѣйшее художественное наслажденіе“ (Тикъ). Идеаломъ является проникновеніе поэзіи въ природу, въ практику личной и общественной жизни, развитой новыми запросами культуры. Періодъ „геніевъ“ поставилъ на очередь вопросъ о значеніи чувства, до тѣхъ поръ сжатого, упорядоченнаго требованіями традиціонной нравственности въ вопросахъ любви и брака, и рѣшилъ ихъ въ смыслѣ широкой свободы: Якоби проповѣдывалъ „платоническую бигамію“, Гёте выступилъ съ своими Wahlverwandschaften; романтики переняли это рѣшеніе, воплотивъ его въ жизнь и поэзію („Люцинда“ Фр. Шлегеля), играя такими обновленными сказочными, но рискованными темами, какъ любовь брата къ сестрѣ (романтики, Шелли, Байронъ—и праисторическій мотивъ кровосмѣшенія).—Къ отождествленію: религія—поэзія (философія) пристали другія: когда сердце, отвлекаясь отъ всей дѣйствительности, становится самому себѣ идеальнымъ объектомъ, зарождается религія, говоритъ Новалисъ; всѣ частныя вожделѣнія сплываются въ одно, цѣлью котораго становится высшее существо, Богъ, и страхъ Божій объемлетъ всѣ чувствованія и стремленія. „Если такимъ объектомъ будетъ любимая женщина—это будетъ прикладная религія“. Игра синтеза продолжается: чувственное—матеріаль, оно условіе искусства, поэзіи-религіи; отсюда: религія, какъ скрытая, невыяснившаяся чувственность.—Въ результатѣ получалось міросозерцаніе, напоминающее психическое настроеніе XII—XIII вѣковъ: чувственный мистицизмъ, въ которомъ элементъ плотскаго бывалъ теоретически заглушенъ—самообузданіемъ страсти, наслажденіемъ жертвы, и чувственность граничила со святостью (Вернеръ).

✓ „Жизнь и поэзія—одно“, пѣлъ и Жуковский; какъ и романтики, онъ пренебрегъ и позабылъ „низость настоящаго“, но для него жизнь наполнялась сентиментальной семьей, уютной меланхоліей. И для него поэзія—сестра религіи, но какъ ея призракъ и страшеніе, не какъ настроеніе, которое привело романтиковъ изъ безформенности піэтизма, Гётевскаго пантеизма, абстрактнаго религіознаго чувства (Шлегель), къ историческому

и философскому обоснованію религіи, какъ необходимой формѣ сознанія, и художественному католицизму. Исканіе кончилось, жажда положительной вѣры нашла успокоеніе, при воздѣйствіи *raisons poétiques, raisons de sentiment*; первое заглавіе Шатобриановскаго „*Génie du Christianisme*“ было: „Красоты христіанской религіи“. Шли отъ искусства къ религіи. Жуковскій въ ней выросъ лишь и старается проработаться отъ убѣжденія къ благодати непосредственной вѣры.

Романтики — символисты (къ символизму спустился и релистъ Гёте—въ „Пандорѣ“, во второй части „Фауста“); символисты по призванію и теоріи. Конечное кругомъ насъ—лишь символъ безконечнаго; поэзія прозрѣваетъ соотвѣтствія неба и земли, духовнаго и вещественнаго, интеллекта и чувства, сознательнаго и безсознательнаго, чудеснаго и раціональнаго, жизни и смерти, Аполлона и Діониса. Во всемъ раскрывается единая органическая сущность міра, полярныя противорѣчія мирятся, потому что одна и та же сила бьется въ человѣческомъ пульсѣ и управляетъ вращеніемъ свѣтилъ; классическій образъ „андрогина“ оживаетъ, съ таинственнымъ значеніемъ, въ фантазіи романтиковъ.

Was in den Himmelskreisen sich bewegt,
Das muss auch bildlich auf der Erden walten,
Das wird auch in des Menschen Brust erregt,
Natur kann nichts in engen Grenzen halten,
Ein Blitz, der aufwärts aus dem Centro dringt,
Er spiegelt sich in jeglichen Gestalten,
Und sich Gestirn und Mensch und Erde schwinget
Gleichmässig fort und eins des andern Spiegel,
Der Ton durch alle Creaturen klinget.
(Tieck, „Genoveva“: Schlachtfeld).

Какъ чаровница Винфреда въ „Genoveva'ѣ“, такъ и романтики чувтъ внутреннюю связь явленій, видимо раздѣленныхъ въ природѣ:

Wie Stern' im Abgrund die Metalle formen,
Wie Geister die Gewächse figurieren,
Wie sich Gedank' und Wille korporieren,
Wie Phantasie zum Kern der Dinge dringt,
Durch Einbildung Unmögliches gelingt,
Wie jeder Stein uns stumme Grüsse beut,
All' Ding' nur sind der Geisterwelt ein Kleid.

Единство міра не только въ органическомъ сосуществованіи настоящаго, но настоящаго и прошедшаго: новое можетъ быть только обновленіемъ, развитіемъ стараго, ибо общество, государство—живой, самъ себя обусловливающий организмъ; возвращеніе къ народной старинѣ и идеаламъ средневѣковаго уклада было у романтиковъ не однимъ только поэтическимъ спросомъ, а исканіемъ органической связи съ прошлымъ, нарушенной посторонними вліяніями. Прошлое обязываетъ. Игра таинственныхъ созвучій и соотвѣтствій обнимаетъ всю исторію человѣчества: мы когда-то уже были, чьи-то двойники, идущіе навстрѣчу другимъ, Суане у Новалиса та же Матильда („Heinrich von Ofterdingen“), Изиди та же Rosenblüthe („Die Lehrlinge von Sais“).

Und was man glaubt es sei geschehn,
Kann man von weitem erst kommen sehn
(„Heinrich v. Ofterdingen“).

Старые мотивы метемпсихозы и двойничества являлись въ новомъ освѣщеніи, связывая личность идеей атакизма, прирожденности, унаслѣдованной доли. Романтическая драма рока не наслѣдіе классической, обновленной Шиллеромъ, а звено того мірового синтеза, который грезился романтикамъ, который питалъ ихъ Sehnsucht. Ваккенродеръ и Brentano сравнивали себя съ инструментомъ, на струнахъ котораго играетъ судьба.

Такое міросозерцаніе должно было создавать новое „чудесное“, отмѣнявшее старыя, неподвижныя рамки классическаго. Въ два послѣднихъ десятилѣтія XVII вѣка протестъ противъ его разсудочной цивилизаціи выразился поднятіемъ интереса ко всему духовному, сверхъестественному: къ магіи и жизненному элексиру, къ вызыванію духовъ и всему демоническому, Фаустамъ и Мефистофелямъ. На первыхъ порахъ даже такіа реальныя завоеванія науки, какъ открытіе кислорода (1774 г.) и гальванизма (1789 г.), послужили матеріаломъ для спиритуалистическихъ построеній. Животный и земной магнетизмъ представился той силой, которая связываетъ органическое и неорганическое, духовное и тѣлесное въ одно живое цѣлое. Отсюда увлеченіе астрологіей, она также раскрывала единство міра; „я совершенно увѣренъ, что наша судьба привязана къ небу и звѣздамъ“, писалъ брату Вильгельмъ Гриммъ.

Шиллеръ пишетъ своего „Geisterseher“, романы Шписа и Сопустили на площадь новомодную фантастику, тогда какъ народная фантастика сказокъ и преданій проходила въ поэзію съ Виландомъ и балладами Бюргера.

Такъ собирались матеріалы для романтическаго чудеснаго, и сложилась его теорія. Шлегель поставитъ требованія новой „миеологіи“, которой христіанство и его легенды, Кальдеронъ и народныя сказки и восточная фантазія отдадутъ свои мотивы. И сказка, легенда, забытое народное преданіе поднимаются въ цѣнѣ. „Невидимое дитя“ Гофмана явится къ дѣтямъ бѣднаго дворянина Бракеля, которыхъ учитель Тинте душилъ чернильной мудростью, и будетъ играть съ ними, сказывать сказки, учить наслаждаться въ полѣ каждой былинкой, въ небѣ каждой звѣздой. Въ сущности все въ здѣшнемъ мірѣ иносказаніе, сказка, понять и изобразить которую можно только, какъ сказку, говорить Новалисъ. Для него она „канонъ поэзіи“, она, „какъ сновидѣніе, безъ связи, смѣсь чудесныхъ фактовъ и созвучій, какъ музыкальная фантазія, гармоническіе отголоски эоловой арфы, какъ сама природа“.

Mondbeglänzte Zaubernacht,
Die den Sinn gefangen hält,
Wundervolle Märchenwelt,
Steig auf in der alten Pracht.

(Tieck, „Octavian“, Prolog).

Соотвѣтствія безконечны, и фантазія работаетъ: у романтиковъ все wunderbar, wundervoll, wundersam, wunderlich, seltsam, все чудо, вызываетъ предчувствіе о чемъ-то неуловимомъ, настраиваетъ на идею безконечнаго. Но чудесное не въ одномъ таинственномъ, освѣщенномъ луною, и не въ загробныхъ образахъ; оно повсюду: у Гофмана оно дѣется среди бѣла дня, изъ cadaго повседнежнаго, видимо филистерскаго акта выглядываетъ змѣйка-фея, точно поверхъ жизни невидимо идетъ какая-то другая, подсказывая и отрицая, вызывая поочередно приливы пантеистическихъ восторговъ и юмора. Чувствительный Стернь былъ въ модѣ у сентименталистовъ, Стернь-юмористъ нашелъ признаніе у романтиковъ.

Когда за объективной видимостью таится другая, незримая, она не описательна, не вызываетъ непосредственно и на рефлексію; надо, чтобы въ читателѣ явилось то особое расположеніе чувства, то настроеніе (Stimmung), которое сдѣлало бы его внутренне зрячимъ, способнымъ угадывать безконечное въ конечномъ, невыразимое въ призрачномъ. Поэты-описатели рисовали природу, сентименталисты размышляли надъ нею, у романтиковъ—символистовъ она не реальна: Новалисъ желалъ бы

изобразить ее въ видѣ дріады или ореады; у Гофмана художникъ пишетъ съ натуры группу деревьевъ, а зрителю кажется, „что изъ-за густыхъ листьевъ выглядываютъ разнообразнѣйшія фігуры, то геніи, то странныя животныя, то цвѣты“,— и художникъ поясняетъ, что именно этотъ способъ писать этюды и вносить въ пейзажъ поэтический, фантастическій элементъ, элементъ неуловимыхъ ассоціацій, втягивающихъ человѣческую жизнь въ тѣсное единеніе съ окружающею ее живою и живущею реальностью. У Тика слагаются причудливые образы: изъ весеннихъ облаковъ киваютъ ручки, на каждомъ пальцѣ по розѣ („Frühling und Leben“: Aus den Wolken winken Hände,— An jedem Finger rote Rose), смѣются алые уста—смѣются розы; далѣе фантастическое перенесеніе: розы вырастаютъ на стеблѣ, „поцѣлуями, поцѣлуями любви осыпанъ кустъ“ („mit Küssen, mit Liebesküssen der Busch bestreut. „Frühlings-und-Sommerluft“); золотыя полосы стелютъ по голубому небу путь солнцу („Magedlone“), а восторгъ, въ который приводитъ лѣсное приволье, выражается такъ, какъ-будто самъ поэтъ былъ частью лѣса, обвѣяннаго вѣтромъ и птичьей пѣсней:

Mit Fingern, mit Zweigen, mit Aesten,
Durchrauscht, von spielenden Westen,
Durchsungen von Vögelein,
Freun wir uns frisch in die Wurzeln hinein.

(„Wald, Garten und Berg“).

Начиная съ романтиковъ, которымъ вторилъ Гёте, наивный психологическій параллелизмъ народной пѣсни началъ раскрываться новому спросу: выразить невыразимое.

Это требовало и новыхъ средствъ языка и стиха. Уже движеніе Sturm und Drang'a поставило задачей созданіе „геніальнаго“ стиля, сильнаго и вещественнаго, черпавшаго изъ Ганса Сакса и народной рѣчи, не боявшагося новообразованій и свободной конструкціи, элизій и инверсій. Таковъ стиль молодого Гёте. Романтики пошли далѣе. Дѣло не въ рисунокѣ, а въ возбужденіи настроенія; здѣсь починъ романтиковъ неистощимъ въ опытахъ. Новые эпитеты: обновляется потускнѣвшій у сентименталистовъ эпитетъ „золотой“; рядомъ съ нимъ „красный“ и „зеленый“: rotes Leben, rote Sehnsucht; grüne Flammen—весенняя листва (Тикъ). Синкретизмъ и символизмъ чувственныхъ ощущеній: звуки свѣтятся, птицы—оперенные звуки; синій цвѣтъ—цвѣтъ страданія и ревности, красный—дѣятельности и

любви; у Гофмана запахъ темно-красной гвоздики вызываетъ мечтательность, точно слышишь издалека набѣгающіе и отличающіе звуки англійскаго рожка („Kreissleriana“, 5); А. В. Шлегель изобрѣлъ скѣлу соотвѣтствій между гласными и рядомъ вызываемыхъ ими ощущеній: а — красный цвѣтъ, юность, радость, блескъ, о — пурпуръ, благородство, великолѣпіе, солнце и — небесно-голубой цвѣтъ, глубокая любовь и т. д. При этомъ игра въ архаизмы языка, не всегда удачные, но возбуждающіе представленіе чего-то не своего, далекаго, стариннаго, легендарнаго, туманнаго; любовь къ созвучіямъ, рѣшмы ради созвучія и рѣшмы; если бы ихъ изобиліе и затемняло смыслъ, оно мелодически настраиваетъ. „Почему именно содержаніе должно быть — содержаніемъ поэтическаго произведенія“? спрашивалъ Тикъ („Sternbald's Wanderungen“). „Можно представить себѣ рассказы безъ связи, но въ ассоціаціи, какъ сновидѣнія; стихотворенія, полныя красивыхъ словъ, но безъ всякаго смысла и связи развѣ та или другая строфа будутъ понятны; точно разнородные отрывки“ (Новалисъ).

Романтики — музыкальные импрессионисты; недаромъ ихъ герои, графы или бродяги, немислимы безъ арфы или мандолины, будь они въ Италіи или Исландіи. „Языкъ точно отказался отъ своей тѣлесности и разрѣшился въ дуновение, выразился А. В. Шлегель о Тикѣ; слово будто не произносится и звучитъ нѣжнѣе пѣнія“,

.... dass alle Pulse zu Klängen werden.

Dass alle Gedanken in Tönen irren,

Gefühl und Wunsch und Wahnsinn durcheinander wirren

(Tieck, „Genoveva“).

Звучныя слова неопредѣленнаго значенія производятъ то же впечатлѣніе, что и музыка, говоритъ Новалисъ; въ жизни души опредѣленные мысли и чувства — согласныя, неясныя чувствованія — гласные звуки. „Музыка потому выше другихъ искусствъ, что въ ней ничего не понять, что она, такъ сказать, ставитъ насъ въ непосредственныя отношенія къ міровой жизни (Universum); сущность новаго искусства можно бы такъ опредѣлить: оно стремится облагородить поэзію до высоты музыки“ (Захарія Вернеръ въ письмѣ 1803 года). Для Гофмана музыка — самое романтическое изъ всѣхъ искусствъ; ея объектъ — безконечное, это праязыкъ природы, на которомъ одномъ можно уразумѣть пѣсню пѣсней деревьевъ и цвѣтовъ, животныхъ, кам-

ней и водѣ. Какъ музыка—прямой языкъ природы, такъ въ другомъ мѣстѣ образный языкъ поэзіи и религіи приравнивается къ языку первобытнаго человѣка, отвѣтившему дѣйствительности, утраченной нами съ переходомъ безсознательнаго въ область сознанія, но вѣчно истинной и еще живой, которую человѣку предстоитъ снова открыть.

И еще одна старая тема обновилась въ сюжетности романтиковъ: мифъ объ Аріонтѣ и чудодѣйственной, зиждущей силѣ его пѣсни.

Исканію настраивающей выразительности отвѣтило и разнообразіе лирическихъ формъ, введенныхъ въ оборотъ, романскихъ и восточныхъ и навѣянныхъ народной пѣсней; романтики—мастера терцины и сонета. Преобладаніе импрессионизма надъ рисункомъ сказалось въ свободномъ отношеніи Тика къ вопросамъ синтаксиса, у романтиковъ вообще—такимъ же отношеніемъ къ формамъ традиціонной поэтики, различавшей извѣстные роды, сценическіе приемы; они, казалось, связывали своей излишней опредѣленностью, тѣлесностью: надо смѣшать ихъ, играть ими, тогда только они будутъ „подсказывать“. Арабеска, эта наивно-музыкальная, въ самой себѣ вращающаяся линія, представлялась Фр. Шлегелю древнѣйшей формой человѣческой фантазіи.

Отъ романтиковъ перейдемъ еще разъ къ Жуковскому. Онъ не символистъ ихъ стиля, въ сравненіи съ ними его можно бы назвать классикомъ; онъ простъ, его чудесное носитъ спеціальныя черты Юнговыхъ „Ночей“ и „Оссіана“: оно либо лунное, загробное, либо просто сказочно-страшное. И его притягиваетъ „невыразимое“, „неизреченное“; оно и есть прекрасное: не даромъ онъ такъ часто возвращался къ толкованію афоризма Руссо: „il n'y a de beau que ce qui n'est pas“ ¹⁾. Есть слова для „блестящей красоты“, говоритъ онъ,

Но то, что слито съ сей блестящей красою,
Сіе столь смутное, волнующее насъ,
Сей внемаемый одной душою
Обворожающаго гласъ,
Сіе къ далекому стремленье,
Сей миновавшая привѣтъ
(Какъ прилетѣвшее внезапно дуновенье
Отъ луга родины, гдѣ былъ когда-то цвѣтъ,

¹⁾ Сл. выше стр. 238—9.

*Святая молодость, гдѣ жило упованье),
Сіе шепнувшее душѣ воспоминанье
О миломъ радостномъ и скорбномъ старины,
Сія сходящая святиня съ вышины,
Сіе присутствіе Создателя въ созданьѣ,—
Какой для нихъ языкъ?.... Горѣ душа летитъ.
Все необъятное въ единый вздохъ тѣснится,
И лишь молчаніе понятно говорить.*

(„Невыразимое“).

✓ „Прелесть природы въ ея невыразимости“, писалъ въ 1821 г. Жуковскій ¹⁾, но средства выраженія у него не тѣ, что у романтиковъ. Я сказалъ выше, что сентименталисты по существу не зрячи (visuels), но къ сентименталисту Жуковскому мы поставили бы иныя требованія: онъ не только любитель и знатокъ живописи, но смолоду и страстный рисовальщикъ ²⁾. Для него, какъ поэта, это не безразлично. На этомъ слѣдуетъ остановиться.

Зонтагъ рассказываетъ, какъ, будучи 4—5-лѣтнимъ мальчикомъ, онъ забрался въ пустую комнату и мѣломъ срисовалъ на полу стоявшій тамъ образъ Боголюбской Божьей Матери; его картина, написанная по 14-му году, осталась въ Московскомъ Университетскомъ благородномъ пансіонѣ ³⁾. Въ 1815 году, въ Дерптѣ, онъ учится гравировать въ мастерской профессора живописи Зенфа; заграницей усердно посѣщаетъ музеи; картины занимаютъ не малое мѣсто въ его дневникѣ. Онъ водится съ художниками, Фридрихомъ, Рейтерномъ, Кларой и другими, поддерживаетъ ихъ, толкуетъ объ искусствѣ, покупаетъ и собираетъ ⁴⁾. Въ 1838 году дѣлаетъ государю наслѣднику предложеніе „о составленіи собранія памятниковъ искусства среднихъ вѣковъ ⁵⁾“; въ 1840 году пишетъ императору Николаю Павловичу, что желалъ бы употребить свое трехлѣтнее пребываніе заграницей на ознакомленіе съ тѣми способами, какіе тамъ въ ходу для „успѣшнаго образованія“ художниковъ, чтобы

¹⁾ Къ вел. кн. Александрѣ Ѳеодоровнѣ, Карлсбадъ 17/29 іюня 1821 г. („Русская Старина“, октябрь, 1901 г., стр. 232) = „Путешествіе по Саксонской Швейцаріи“.

²⁾ Сл. Сумцовъ, I. с., стр. 106 слѣд.

³⁾ Шевыревъ, Исторія Имп. Московскаго Университета, стр. 306.

⁴⁾ Сл. его письма къ Сѣверину 1839 г. „Русская Старина“ 1902 г., апрѣль, стр. 154, 155; письма Н. М. Смирнова къ Жуковскому, „Русскій Архивъ“ 1-99 г., № 4, стр. 623—7.

⁵⁾ Дневникъ 1838 г., 29 ноября / 11 декабря.

приложить эти способы на пользу Россіи ¹⁾; въ 1845 году принимаетъ участіе въ дѣлѣ приобрѣтенія въ Нюрнбергѣ и пересылки въ Россію готическаго алтаря съ живописными копіями рисунковъ Дюрера ²⁾.

Его художественные вкусы выясняются постепенно. Въ 1821 году онъ видѣлъ не вѣсть что въ Мадоннѣ Рафаэля; въ 1840 году онъ еще находится подъ ея обаяніемъ ³⁾; въ 1838 году онъ такъ судить о современной живописи: „Германская (школа): правильность, мысль, Gemüth, правда, иногда, сухость. У итальянцевъ школа и преданіе безъ жизни. У англичанъ экзакерація и въ то же время правда, много поэзіи. Французы — пріятность, безъ правды, манерность и аффектація; отсутствіе мысли или ея неглубокость“ ⁴⁾.—Правда и Gemüth, „душа“— вотъ чего онъ будетъ требовать отъ художника. „Die Aussen-dinge sind die Farbe des Geistes“, писалъ ему въ 1803 г. Андрей Тургеневъ ⁵⁾; настоящій художникъ повсюду находитъ въ природѣ „символь человѣческой жизни“, скажетъ Жуковский о Фридрихѣ; „красота природы въ нашей душѣ“, „главный живописецъ—душа“, запишетъ онъ въ своемъ дневникѣ (1821 г., 25 іюля и 7 сентября) и разовьетъ эту мысль въ письмѣ къ Рейтерну: не слѣдуетъ украшать природу, потому что rien n'est beau que le vrai, le vrai seul est aimable (Boileau), но художникъ схватываетъ ее индивидуально, il la saisit de son propre sentiment, car il ajoute à ce qu'elle donne ce qui est dans son âme. Mais cette individualité ne sera autre chose que l'âme humaine dans celle de la nature; elle sera pour nous une voix qui parle dans le désert, qui l'embellit et l'anime. Une ruine, p.-ê., est belle par elle-même, mais le souvenir d'un homme, qu'elle a vu passer, ce souvenir, qui s'y attache vaguement, lui donne un charme indéfinissable.... C'est donc l'âme humaine que nous aimons à retrouver partout. Въ другомъ письмѣ онъ говоритъ, что Рейтернъ умѣетъ выражать л'extérieur природы, „donnez-nous à présent l'intérieur, la nature invisible et grande“ ⁶⁾. Это отчасти воззрѣніе Гёте въ замѣткѣ, которую Жуковский читалъ: на низшей степени стоитъ подражаніе природѣ, выше художникъ, умѣющій вложить въ предметы свое личное художественное

¹⁾ Изъ Эмса 1840 г., іюль, неиздано.

²⁾ Письмо къ Сѣверину, „Русская Старина“ 1902 г., апрѣль, стр. 162.

³⁾ Сл. его письмо къ роднымъ о бракѣ.

⁴⁾ Дневникъ 1838 г. 25 декабря / 6 января 1839 г.

⁵⁾ Сл. выше стр. 53.

⁶⁾ Gerhard von Reutern, I. c., стр. 63 слѣд., стр. 104.

пониманіе; выше всего тотъ, кто сумѣетъ извлечь изъ предметовъ ихъ сущность (Einfache Nachahmung der Natur, Manier, Stil). Въ 1838 году Жуковскій судилъ о Брюлловѣ, что у него рѣшительно болѣе творческаго генія, нежели у всѣхъ современныхъ живописцевъ, „не выключая и Горація Вернета“; если бы „онъ къ своему итальянскому мастерству (Meisterschaft) присоединилъ и идеальность и глубокое чувство религіозности живописцевъ германскихъ“, онъ сталъ бы на ряду съ первыми живописцами всѣхъ вѣковъ ¹⁾. Картины его кажутся ему „слишкомъ матеріальными, подавляющими къ грѣшной землѣ божественное высшее искусство“. Такъ рассказываетъ Шевченко: онъ и Штейнбергъ учились въ мастерской Брюллова, Жуковский-только-что вернувшійся въ 1839 году изъ-за границы, предложилъ имъ зайти къ нему „полюбоваться и поучиться отъ великихъ учителей Германіи. Мы не преминули воспользоваться симъ счастливымъ случаемъ и на другой же день явились въ кабинетъ германофила. Но, Боже! что мы увидѣли въ этомъ огромномъ, развернувшемся передъ нами портфѣлѣ: длинныхъ, безжизненныхъ мадоннъ, окруженныхъ готическими, тощими херувимами, и прочихъ, настоящихъ мучениковъ живого, улыбающагося искусства. Увидѣли Гольбейна, Дюрера, но никакъ не представителей XIX вѣка.... Разсматривая эту коллекцію идеальнаго безобразія, мы высказывали вслухъ свои мнѣнія и своимъ простодушіемъ довели такого кроткаго и деликатнаго Василя Андреевича до того, что онъ назвалъ насъ испорченными учениками Карла Павловича (Брюллова) и хотѣлъ закрыть портфѣль передъ нашими носами“ ²⁾.

Жуковского-поэта нельзя представить себѣ безъ карандаша: гдѣ бы онъ ни былъ, куда бы ни явился, онъ всюду брался за него и рисовалъ, въ Мишенскомъ и Муратовѣ, въ Швейцаріи, Римѣ, Швеціи; мѣстами его дневникъ имъ же иллюстрированъ. „Путешествіе (1821 года) сдѣлало меня и рисовщикомъ, писалъ онъ Зонтагъ; я нарисовалъ au trait около 80-ти видовъ, которые самъ выгравировалъ также au trait. Чтобы дать вамъ понятіе о моемъ искусствѣ, посылаю вамъ мои гравюры павловскихъ видовъ: такъ же будутъ сдѣланы и швейцарскіе, только при нихъ будетъ описаніе“ ³⁾. Въ 1837 году, когда Жуковскій со-

¹⁾ Къ вел. кн. Марѣ Николаевнѣ 1838 г., 2 / 14 іюля.

²⁾ „Основа“ 1861 г., августъ, стр. 5.

³⁾ Сл. Плетневъ, „О жизни и сочиненіяхъ Жуковского“. Соч. и переписка П. А. Плетнева, III, стр. 87; сл. „Русская Старина“ 1883 г. № 2, стр. 485—4. Павловскіе виды, награвированные Жуковскимъ и Кларою въ Дерптѣ, изданы

проводилъ наслѣдника цесаревича въ его путешествіи по Россіи, онъ любовался вмѣстѣ съ Александромъ Михайловичемъ Тургеневымъ окрестностями Москвы и рисовалъ; рисовалъ на всемъ пути: сохранилось два альбома такихъ рисунковъ, одинъ съ 176-ю, другой съ 93-я видами, кое-гдѣ обведенными чернилами. Въ 1839 году Жуковский на лету зачерчиваетъ лучшіе виды Рима; „онъ въ одну минуту рисуетъ ихъ по десяткамъ, и чрезвычайно вѣрно и хорошо“, писалъ Гоголь ¹⁾.

Лишь немногіе изъ этихъ этюдовъ стали достояніемъ публики; образцами могутъ служить павловскіе виды и изданіе „Сельскаго Кладбища“ 1839 года съ видами, снятыми поэтомъ на кладбищѣ Stock Poges подъ Виндзоромъ. О виньеткѣ передъ „Пѣвцомъ во станѣ русскихъ воиновъ“ въ изданіи 1848 года мы говорили выше ²⁾.

Рисунки Жуковского, когда они не наброски, вычерчены обстоятельно и нѣсколько сухо; его привлекали виды, Kleinleben и далекія перспективы; рѣже фигуры и лица; видно исканіе выразительности въ позѣ, исканіе правды; недостаетъ красокъ, освѣщенія. Здѣсь дополненіемъ служитъ текстъ дневниковъ; особенно дневникъ 1821 года представляетъ рядъ красочныхъ этюдовъ съ натуры, зачерченныхъ словомъ, нерѣдко до мелочей. Мы знаемъ, что многое изъ этихъ замѣтокъ нашло потомъ литературную обработку и попало въ печать, но въ дневникѣ впечатлѣнія наскоро, повторяясь, — свѣжѣе, сочнѣе, ярче; присутствуешь при моментѣ, когда видѣнное не только зарисовывается, но и вызываетъ цѣлостные образы, сравненія и — размышленія, когда на смѣну художника является, съ его рефлексіей, печальный сентименталистъ.

„Вечеръ на Lago Maggiore: *полумѣсяцъ* надъ холмомъ, *какъ колесница*. Востокъ и Западъ. Радужныя небеса.... Звѣзды на горахъ. Вѣтеръ. Воды, измѣняющіяся вмѣстѣ съ небомъ. Тихія

были въ 1824 году въ Петербургѣ въ пользу одного несчастнаго семейства. Брошюра Шторха „Путеводитель по саду и городу Павловску“, Спб. 1843 г. также украшена была гравюрами Жуковского.

¹⁾ Письмо къ Данилевскому 5 февраля 1839 г., сл. письма къ Жуковскому февраля и 12 сентября того же года.

²⁾ Сл. выше стр. 121.

³⁾ Сл. въ дневникѣ подъ 30 сентября 1821 года описаніе Рейнскаго водопада съ обработкой въ „Отрывкахъ письма изъ Швейцаріи“. Недавно изданный дневникъ Гёте въ этомъ случаѣ гораздо обстоятельнѣе, сл. „Reise in der Schweiz 1797 bearb. von I. P. Eckermann“ въ веймарскомъ изданіи 34 B., 1-e Abth., стр. 355 слѣд.; сл. *ibid.* p. 378 (письмо къ Шиллеру 25 сентября 1797 г.).

облака. Одно облако на небѣ. Цвѣтъ Альповъ и горъ отъ розоваго къ голубому“ (1821 г. 16 августа). Во весь день Mont-Blanc въ клубящихся облакахъ. Въ часъ заката облака вспыхнули и разошлись, и выступила *пламенная юлова* великана. Теперь ночь, передовыя головы черны, надъ ними рядъ черныхъ головъ и звѣздное небо; Арва шумитъ; прекрасная сельская картина; исчезаніе предметовъ“ (21 августа). Образъ громадной головы не покидаетъ насъ и позже. Видъ изъ С. Мартина; „необыкновенная яркость *полумѣсяца* (полумѣсяцъ пріятнѣе полной луны); *туманъ, какъ дымъ, и звѣзды, какъ искры отъ пожара*. Сходъ въ долину. *Кладбище. Одинъ крестъ. Маленькая церковь*. Нѣсколько домовъ. Дорожки. Мѣсяцъ. Летучая мышъ. Пѣтухъ. Огромныя Альпы. Востокъ чистъ и ясенъ; на немъ формы Альповъ. Всѣ прочія вершины только темныя, а Mont-Blanc уже свѣтелъ. Отъ луны около вершины тѣнь, а на вершинѣ нѣтъ; развѣ снизу.... Вершины озаряются, все неодинаковаго цвѣта съ прочимъ, розово-свѣтлыя, а другія голубовато-цвѣтныя. Роса пала, облака вились и перевивались около вершинъ, съ однихъ дымомъ, а съ другихъ *хвостомъ шлема, покрываломъ, всклокоченною бороδοю*, часть точно *летающія юловы опрокинутыхъ великановъ*, какъ гиганты, упавшіе навзничъ съ прикованными къ грудямъ руками и ногами, остатки древняго боя гигантовъ“. И далѣе то же: облака, „какъ головы“, „бороды по скаламъ; въ этотъ вечеръ точно собраніе *духовъ*“; „на Монбланѣ вихоръ пламенныхъ тучъ. *Лица опрокинутыхъ великановъ впереди: поле сраженія*“; „вихоръ облаковъ, словно *духи*. Нѣсколько темныхъ облаковъ у ступеней *прокрадываются*. Между тѣмъ кузнечики, свѣжій воздухъ, яркія звѣзды, посреди неба нѣсколько парящихъ летучихъ облаковъ, стукъ цѣповъ, шумъ воды, уединеніе, колоколь. Все точно въ тонкомъ, свѣтломъ покровѣ“ (22 августа); „надъ Тунскимъ озеромъ Оссіановская картина: точно группы туманныхъ воиновъ съ *дымящимися юловами*“ (9 сентября). Огромное дерево, какъ *призракъ съ раскинутыми руками*; „туманы въ разныхъ видахъ словно *привидѣнія*... облако, какъ *привидѣніе къ каскаду, какъ двѣ руки*“; „выходъ луны изъ-за утесовъ, словно *юлова* на „огромномъ туловищѣ“ (10 и 11 сентября). — Описаніе водопадовъ — фотографическое: сколько струй, какія бьются, а не бросаются; надъ ними радуга-красавица (22 августа; сл. 10 и 16 сентября). „Удивительный вечеръ на берегу озера, *тронувшій душу до слезъ*: игра на водахъ, чудесное измѣненіе; неизъяснимость“ (27 августа); „*грусть отъ прелести и одиночества*“ (28 августа). Еще сравненія для облаковъ: „бѣлыя облака, какъ *вата* или *пухъ* на

синихъ горахъ“ (2 сентября), „какъ взбитая пѣна или вата“, „какъ кудри“. Въмѣсто образа—рефлексія; „рѣка, тихо сходящая по плотинѣ,—образъ мудраго правленія; плотина, стоячая вода, прососы—разрушеніе“ (6 сентября); „смотря на Аарскую долину, мысль о нынѣшнихъ правителяхъ: они стоятъ не за себя, а за министровъ“. Удивительная магія разоблаченія горной вершины при восходѣ солнца, „точно какъ посвященіе въ какое-нибудь таинство: боиня-природа“, „вечеръ облачный едва ли не прелестнѣе яснаго. Душа и несчастье, душа и счастье. Революція и порядокъ. Вечеръ облачный и лунный“ (9 сентября). Затменіе юрзъ вызываетъ сравненіе съ смертію (17 сентября), другое — „Боги покидаютъ на время видимое твореніе“, „видя угасающую природу, приходишь въ мысль, что душа и жизнь есть что-то не принадлежащее тѣлу, а высшее; пока онѣ въ немъ, по тѣхъ поръ и красота: удалились—формы тѣ же, но красоты уже нѣтъ; ничто такъ не говоритъ о смерти въ величественномъ смыслѣ, какъ угасающія горы“ (21 и 22 сентября). „Красота не въ природѣ, а въ душѣ человѣка; свѣтъ и душа; революція и горы“, по этому поводу размышленіе о грекахъ, сражавшихся за освобожденіе“ (23 сентября) ¹⁾.—24 сентября: „Плаванье въ дождь съ сильнымъ попутнымъ вѣтромъ. Шумъ дождя и отъ разрыванія волнъ лодкою. Впереди волны надуваются, иногда рвы, изрѣдка пѣна; сзади какъ-будто преслѣдуютъ, и большія струи пѣны. Сзади дождь, впереди пристань, сбоку небо! Колыханье. Въ сильный вѣтеръ и въ бурю весло и руль, но когда все напрасно, брось все: есть доска. Il y a du sublime à être debout sur une nacelle et s'avancer au milieu des vagues“.—Человѣческая жизнь показывается въ этихъ пейзажахъ лишь урывками, не нарушая общаго впечатлѣнія мечтательнаго покоя и „одиночества“, плодющаго „грусть“. „Послѣ обѣда прелестная прогулка берегомъ Рейссы; крестъ, старикъ и лодка; на мосту несравненное захожденіе солнца; зеленая роща въ огнѣ.... утки, рыбаки, тростникъ“ (20 сентября).

Пройдетъ десять слишкомъ лѣтъ, и мы встрѣтимъ тѣ же характерныя черты и приемы въ дневникѣ и письмахъ 1832 и

¹⁾ „Le grec est coquin par ce qu'il a beaucoup d'esprit et est esclave; il use de sa force; rendez-le libre, il sera héros; faites-le esclave, il vous trompera. Il est toujours le plus fort. Les ultras et les libéraux sont tous les deux ennemis de l'ordre; les uns veulent pour leur profit maintenir le désordre existant, les autres veulent le remplacer par un autre désordre qui leur profite. Il vaut mieux attendre que mal commencer, car recommencer est presque impossible“.

1833-го годовъ. „Башни, какъ *привидѣнія*. Облака, пожираемыя горами“ (29 августа 1832 г.); „*чувство великаго и прекраснаго оттою такъ мучительно, что желалъ бы съ нимъ слиться*: жажда при видѣ Рейна, стремленіе при видѣ Альповъ—музыка, поэзія“ (5 сентября). „Прелестный вечеръ: янтарное западное небо. Яркая звѣзда, какъ *глазъ, наполненный слезою*“ (29 сентября / 11 октября); „пѣсни—горніе крики“ (20 ноября / 2 декабря); „*сравненіе естественной и откровенной религіи съ утесомъ безъ дороги и съ дороіюю*“ (13 декабря); „нижніе пологіе берега, какъ *призраки, черное облако, какъ орелъ* посреди свѣта. Золотые края облаковъ надъ Юрою; *снѣжная тонкая бахрома на ближнихъ облакахъ, какъ складки занавѣса*“ (12 / 24 марта 1833 г.); „небо и озеро слиты прозрачнымъ туманомъ, сквозь который *снѣжныя горы, какъ волшебный міръ*“ (14 / 26 марта); „облако надъ Юрою *съ золотою тривою*“ (16 / 28 марта).—„Горная философія“ письма изъ Швейцаріи ¹⁾—образчикъ рефлексій, разбросанныхъ въ дневникѣ.

Итальянскія впечатлѣнія Жуковского сдержаннѣе, Италія не претворила его, какъ Гёте и, хотя и въ другомъ направленіи, романтиковъ. Онъ не того въ ней и искалъ, хотя писалъ Козлову, что покидаетъ Италію, какъ любовникъ невѣсту, которую любить страстно. „Все это можетъ обдѣлаться въ стихи или хоть въ прозу, ибо, какъ говорить Гёте, *Lied und Freude wird Gesang*“. Но итальянцы ему не понравились, они—„природные актеры. И что за языкъ! Одушевительная живость, но мало привлекательнаго для сердца, которое не можетъ быть притянuto безъ простоты и чистосердечія“. Въ Венеціи его обуюли историческія воспоминанія, и башня въ лунную ночь показалась ему призракомъ ²⁾.

Передъ нами вся палитра Жуковского-художника; его „описанія“ любили, и онъ грѣшилъ ихъ изобиліемъ ³⁾. Пейзажъ на-

¹⁾ Сл. письмо къ Наслѣднику изъ Верне близъ Веве 1 января 1833 г., „Русскій Архивъ“ 1882 г., I стр. XVI слѣд. Общая часть печатается, какъ „Отрывки изъ письма о Швейцаріи“, 4/16 января 1833 г.

²⁾ Къ Козлову 9/21 февраля 1839 г.; дневникъ 23 сентября 1838 г. дневники 1833 г.: Италія — страна „живониси, поэзіи и быстрыхъ страстей, энергическихъ въ своемъ выраженіи, но минутныхъ“ (12/24 апрѣля); „тихая жизнь здѣсь не откликается... и чувственное наслажденіе туманитъ каждаго“ (13/25 апрѣля).

³⁾ 10 января 1815 г. И. И. Дмитріевъ въ письмѣ къ А. И. Тургеневу выражалъ желаніе, чтобы Жуковскій „наблюдалъ болѣе экономіи въ *описаніяхъ* и не повторялъ бы, какъ иногда случается, одной и той же мысли. Тогда прекрасные стихи его были бы еще совершеннѣе“. „Русская Старина“ 1903 г., ноябрь, стр. 707.

бросанъ au trait, наложены краски; художникъ озабоченъ освѣщеніемъ, игрой цвѣта и тѣни, чутокъ къ переливамъ отъ „розоваго къ голубому“, отъ „розово-свѣтлаго“ къ „голубовато-цвѣтному“. Это сторона *правды*, едва ли впрочемъ такъ ярко отразившаяся „въ его живописныхъ описаніяхъ природы“, какъ говорилъ Гоголь ¹⁾; самъ Гоголь, Марлинскій куда какъ цвѣтнѣе. Жуковскому удается кроткій лирический пейзажъ съ „дышущимъ“ озеромъ, по которому лодка оставляетъ серебряныя струи, либо съ тѣнью, идущею по слѣдамъ пѣшехода ²⁾, или пейзажъ съ вѣчнымъ противорѣчіемъ, вносимымъ въ него человѣкомъ, какъ, напр., изображеніе Бородинской ночи. Таковъ отвѣтъ Жуковскаго-поэта на требованіе *sentiment, Gemüth*, выраженія *de l'âme humaine dans celle de la nature*. При этомъ его фантастика старая, временъ „Громобоя“: попрежнему свѣтитъ луна или полумѣсяцъ, который еще пріятнѣе, а въ его свѣтѣ горы, облака, деревья обращаются въ гигантскія головы, пламенные или дымящіеся, въ хвостатые шлемы, духи и привидѣнія съ простертыми руками ³⁾. Нѣтъ богатства ассоціацій, пантеистически обнимающихъ весь міръ, вездѣ раскрывающихъ символы—подъ опасеніемъ заслонить живую природу дріадами и ореадами. Не въ нѣмецкихъ ли романтиковъ мѣтитъ Жуковскій, когда въ дневникъ 1839 г. (23 апрѣля/5 мая) ставитъ вопросъ: „отчего живописная поэзія въ особенности принадлежитъ Англіи, нѣсколько Швейцаріи, мало Италіи и Франціи, Германіи—болѣе *фантастическая*? *Искусство украшать природу особенно въ томъ, чтобы ее прятать*“.—Размышленія по *поводу* (тихо сходящая рѣка—и мудрое правленіе, революція—и горы и т. д.), разсыпанныя въ дневникахъ, стоятъ какъ бы на порогѣ того поэтическаго отождествленія, гдѣ чувственное и мысленное, природный и волевой акты сливаются—въ параллелизмахъ народной пѣсни и въ пантеистическихъ формулахъ романтиковъ. И Жуковскій чувствуетъ мучительное желаніе слиться съ прекраснымъ и великимъ въ при-

¹⁾ „Въ чемъ же, наконецъ, существо русской поэзіи, и въ чемъ ея особенности“ (Соч. Н. В. Гоголя, изд. 10-е, т. IV, стр. 179).

²⁾ Сл. напр. его письма съ Женевского озера 4 и 29 января ст. ст. 1833 г.

³⁾ Въ 1831 году, толкуя съ Мельгуновымъ о Саксонской Швейцаріи, Жуковскій сказалъ, что именно тамъ ему стало понятно, „почему въ горахъ такъ много сказокъ о духахъ и волшебствѣ. Нигдѣ туманы такъ не живописны, какъ въ горахъ, нигдѣ въ нихъ нѣтъ столько фантазіи, какъ тамъ; они творятъ сказки; жители только переводятъ ихъ на языкъ“. Сл. Н. А. Бѣлозерская, Кн. Зин. Ал. Волконская, „Историческій Вѣстникъ“ 1897 г. апрѣль, стр. 148.

родѣ, но останавливается передъ ней въ сентиментальной рефлексіи, въ грусти „отъ прелести и одиночества“, и ставитъ вопросы о „душѣ и счастьѣ“ и жизни, угасающей, какъ гаснутъ горы, когда „Богъ покидаетъ на время видимое твореніе“.

Слышится старая, грустно-баюкающая, младенчески-задушевная дума Жуковского. Она невольно просилась на музыку; не даромъ музыка была для него чѣмъ-то „божественнымъ“, несущественнымъ, манящимъ на воспоминанія ¹⁾, открывающимъ тотъ „незнакомый край“, откуда ему „свѣтитъ издали радостно, ярко звѣзда упованья“ ²⁾.

Эта мелодичность „настроенія“ очаровывала современниковъ и въ его слогѣ. „Былъ ли такой слогъ до Жуковского? писалъ еще въ 1819 году (7 августа) кн. Вяземскій Ал. Тургеневу. Нѣтъ! Зачинщикомъ ли онъ у насъ поэтическаго языка?... Что вы ни думали бы, а Жуковскій насъ переживетъ. Пускай языкъ нашъ и измѣнится, нѣкоторые цвѣтки его не повянутъ. Стихотворныя красоты языка могутъ поблѣкнуть, поэтическія всегда свѣжи, всегда душисты“. Именно „стихотворныя красоты“ и вызвали противорѣчіе: письмо къ Марлинскому, подписанное „Житель Галерной гавани“, представляетъ сплошную насмѣшку надъ языкомъ и стихомъ „нѣмецко-русской баллады „Рыбаки“. Статья эта возбудила оживленную полемику, въ которой приняли участіе Булгаринъ и Воейковъ и др. ³⁾, но потребность защиты осталась и позже: знакомые намъ отзывы Пушкина и Рылѣева ⁴⁾ звучатъ и признаніемъ и апологіей; въ томъ же (1825) году кн. Вяземскій говоритъ объ успѣхѣ Жуковского въ состязаніяхъ съ богатырями иностранной поэзіи, состязаніяхъ, гдѣ онъ долженъ былъ *покорить самый языкъ* и обогатить столькими завоеваніями и духъ, и формы, и предѣлы нашей поэзіи ⁵⁾.

Нѣсколько лѣтъ спустя ближе подошелъ къ этому вопросу

¹⁾ Сл. выше стр. 233 слѣд.

²⁾ „Стремленіе“, 1827 г. Стихотворенія Жуковского клали на музыку его пріатели Плещеевъ и Вейраухъ, затѣмъ Кашинъ, Булаховъ, Бортнянскій, Верстовскій, Глинка и др. Сл. „Русскія Вѣдомости“ 1902 г. № 123 („Жуковскій въ музыкѣ“).

³⁾ Сл. „Остафьевскій Архивъ“, т. II, примѣчаніе къ письму кн. Вяземскаго къ Ал. Тургеневу 9 февраля 1821 г. Статья „Жителя Галерной Гавани“ (Ор. Мих. Сомова) напечатана въ „Невскомъ Зрителѣ“ 1821 г., ч. V январь, стр. 56—65. „Рыбаки“ явились въ 1818 году въ первой книжкѣ „Для немногихъ“.

⁴⁾ Сл. выше, стр. 363—64.

⁵⁾ Полное собр. соч. кн. Вяземскаго, I, стр. 181.

Полевой. „Однообразіе мысли Жуковского какъ-будто хочетъ... замѣниться *разнообразіемъ формы стиховъ*. Ни одинъ русскій поэтъ не писалъ у насъ метрами столь многоразличными: многіе изъ нихъ до Жуковского были вовсе безъ употребленія, а Жуковский ввелъ ихъ въ моду“ ¹⁾; „если не ошибаемся, Жуковский первый (?) употребилъ дактилическія окончанія въ русскомъ стихѣ; гекзаметръ былъ для него тоже не средствомъ избѣгнуть монотоніи шестистопнаго ямба, но музыкальнымъ новымъ аккордомъ; онъ употребилъ такимъ же средствомъ пятистопный ямбическій стихъ, и потому же писалъ онъ много пьесъ смѣшаннымъ четырехъ-и трехстопнымъ ямбомъ. Въ „Шильонскомъ узникѣ“ осмѣлился онъ употребить сплошь риемы мужескія и умѣлъ не быть однообразнымъ и утомительнымъ. Въ „Замкѣ Смальгольмскомъ“ употребленъ черезъ стихъ трехъ и четырехъ-стопный анапестъ, и въ нѣкоторыхъ стихахъ двойная риема, на концѣ и въ срединѣ стиха... *Всѣ сіи измѣненія метра показываютъ отличное знаніе русскаго языка*“ ²⁾ Не то говорится о раннихъ поэтическихъ опытахъ Жуковского: „ихъ можно назвать мечтаніями влюбленнаго юноши, который изъясняетъ любовь свою чужестранкѣ на родномъ языкѣ, *говоритъ невѣрно, ошибочно, но пламенно*. Языкъ, образъ выраженія Жуковского взяты были имъ у нѣмцевъ“ ³⁾“.

Я не останавлиюсь на вопросѣ о дѣйствительныхъ новшествахъ Жуковского въ области метра; многое восходитъ къ почину Карамзина; разница въ томъ, что одинъ сочинялъ стихи, у другого стихи были естественнымъ музыкальнымъ выраженіемъ чувства, элегическаго, какъ тѣ „призывные звуки“, унылые и пріятные, благовѣсть, который манитъ Вадима. Полевой отмѣтилъ именно „музыку языка“ Жуковского ⁴⁾; поэтъ „играетъ на арфѣ: продолжительные переходы звуковъ предшествуютъ словамъ его и сопровождаютъ его слова, тихо припѣваемые поэтомъ только для поясненія того, что хочетъ онъ выразить звуками. Безсоюзіе, остановка, недомолвка,—любимые обороты поэзіи Жуковского“ ⁵⁾. Ея характеристика—„пѣвкость“; „нельзя назвать стиховъ Жуковского гармоническими: гармонія требуетъ диссонанса, противоположностей фугъ поэтическихъ; ищите гармоніи русскаго стиха у Пушкина: у него найдете булатный, закален-

¹⁾ Очерки, I, стр. 123.

²⁾ Ib. стр. 139.

³⁾ Ib. стр. 114.

⁴⁾ Очерки, I, с., стр. 115.

⁵⁾ Ib. стр. 123.

ный въ молніи стихъ и кипящіе, какъ водопадъ горный, звуки; но не Жуковского это стихія. Его звуки—мелодія, тихое роптаніе ручейка, легкое вѣяніе эѳира по струнамъ воздушной арфы. Будучи въ этомъ самобытенъ, Жуковскій никогда не утомляетъ—нѣтъ! Онъ очаровываетъ васъ, плѣняетъ дробимостью метра, мелкими трелями своихъ звуковъ ¹⁾).

Нѣсколько историческихъ справокъ доскажутъ кое-что недосказанное въ характеристикѣ Полевого, удаливъ кажушіяся противорѣчія.

Жуковскій вышелъ изъ псевдо-классической школы, быстро уступавшей вліянію сентиментальной; первая надолго оставила въ его стилѣ свои слѣды—въ пристрастіи къ далеко не поэтическому олицетворенію: Сила, Гладь, Страхъ, Любовь, Трудъ, Дружба, Вѣра, Насиліе, Свобода, Судьба, Кара, Ужасъ, Человѣчество, Погибель, Покой, Бѣда, Счастье, Страданье, Вѣсть, „веселая Молва“ и „печальный Слухъ“ („Рустемъ и Зорабъ“) и т. д. Сентиментальная поэзія дала формы его чувству, но оно хотеть высказаться точнѣе въ своей неопредѣленности, разнообразіи въ своемъ однообразіи. Оно ищетъ новыхъ способовъ выраженія; нѣмецкая лирика указывала пути; начался періодъ борьбы съ языкомъ, о которомъ говоритъ Вяземскій, періодъ германизмовъ, которые вызывали укоры не одного Полевого; Мерзляковъ приводилъ своимъ слушателямъ стихи Жуковского въ примѣръ галиматіи. Слѣды борьбы остались и тогда, когда „въ бореньяхъ съ трудностью“ Жуковскій оказался „силачъ необычайный“. Въ „Вадимъ“ читаемъ:

И подь воздушной пеленой
Печальное вздыхало.

Этого не понять, если не припомнить ранній навѣкъ поэта къ аллегоріи и нѣмецкія выраженія въ родѣ „das Ewig-Weibliche“. Еще непонятнѣе такое же отвлеченіе въ женскомъ родѣ: „И вѣрная незримо съ нею“ („Цвѣтъ Завѣта“). Сюда же относится и выраженіе въ переводѣ Шиллеровой „Эммы“ (1819 г.): дѣло идетъ о чувствѣ любви, которое, разъ зажженное въ сердцѣ, не умираетъ:

Ihrer Flamme Himmelsglut
Stirbt sie wie ein irdisch Gut?

¹⁾ lb. стр. 138—9.

Небомъ въ сердцѣ зажжено,
Умираетъ ли оно?

Это „оно“, наводящее нѣкоторый трепетъ своею невѣсомостью, производитъ впечатлѣніе и въ „Вадимѣ“: „звенить“, „молчить“, „чернѣть“. Намъ знакомы: *тамъ и здѣсь, розно и „веселое вѣтъсть“* („Эолова арфа“), возведенныя въ существительныя.

„Безсоюзіе, остановка, недомолвка“ (Полевой)—все это можетъ быть объяснено лирической возбужденностью, но попадаются и странные анаколюты, не внушенные подлинникомъ Поликсена

Съ женихомъ рука съ рукой,
Взоръ любовью распаленный,
И гордяся сама собой,
Блажь своихъ не постигаетъ

(„Кассандра“, 1809 г.).

Второго стиха нѣтъ въ оригиналѣ, послѣдній не отвѣчаетъ Шиллеровскому: „Ihre Wonne fasst sie kaum“. Рѣзкій примѣръ представляетъ „Наль и Дамаянти“; рѣчь идетъ о Дамаянти: „съ полною тяжкими вздохами грудью (*Временемъ щеки, какъ жаръ, временемъ блѣдныя, Очи—полныя слезъ, засохшія губы и вѣсь въ безпорядкѣ Мысли, какъ волосы*) день и ночь Дамаянти вздыхала“¹). Германизмомъ отзываются: „я тамъ дни мирные вела“ („Вадимъ“); „страшнаго одра кругомъ“ („Громобой“); „всѣ собрались вокругъ“ („На пріѣздъ вел. княгини Анны Павловны, принцессы Оранской“, въ 1824 г.²); то же употребленіе „вкругъ“ послѣ существительнаго у Державина); „дряхлый мой отецъ повлекся бы ко гробу“ („Громобой“); „ничтожный, алчный“ („Аббадонна“); „не мысля въ небеса“ („Утѣшеніе въ слезахъ“ изъ Гёте, 1817 г.).

Рядомъ съ этимъ—фразеологія XVIII вѣка, съ ея славянизмами и архаизмами (внуши вм. услышь, „Гимнъ изъ Томсона“; ревущѣ бурѣ, очесъ, устенъ, „Громобой“; крыль, „Адельстанъ“) и словоупотребленіемъ, въ которомъ едва ли удастся выдѣлить личный починъ Жуковского: токъ (= теченіе, „Вождо

¹) Сл. Friedr. v. Rückert, „Nal und Damajanti“, 2-er Gesang: Mit von Schluchzen beklemmtem Odem, — Die Wangen wechselnd roth und blass, — Die Lippen trocken, die Augen nass, Ihre Gedanken zerstreut wie ihr Haar, — Ach, ach, seufzte sie immerdar.

²) „Бумаги В. А. Жуковского“, стр. 91—2.

побѣдителей“), предѣлъ, въ смыслѣ совершенства, чего выше нѣтъ („Желаніе“ изъ Шиллера, „Пѣснь барда“); жило (= жилище, „Адельстанъ“; то же у Крылова); людство, повременно („Громобой“); ужъ солнце жгло съ полунебесъ („Вадимъ“; сл. „Странствующій Жидъ“: въ западномъ полнебѣ; сл. у Державина: на полсвѣтѣ) и др. — Уже въ 1802 году журналъ Панкратія Сумарокова посмѣялся надъ маніей необычныхъ, сложныхъ эпитетовъ, такъ ярко звенѣвшихъ на лирѣ Державина ¹⁾; въ 1821 г. „Невскій Зритель“ напалъ на пристрастіе къ нимъ Жуковского, пародируя его (дождливожелтый, вѣтренорыжій и т. п.), подчеркивая „прохладноголубой сводъ неба“, „знойную вышину“ и „родное дно“, которые теперь не вызвали бы протеста; въ 1826 г. „Телеграфъ“ отмѣтилъ чрезмѣрное обиліе эпитетовъ въ „Марьиной Рощѣ“. Эта склонность, или слабость, осталась у Жуковского и позже; его выборъ и творчество не всегда удачны: онъ любитъ причастныя прилагательныя: златимый, дробимый („Эолова арфа“), разима („Старушка“), мужествомъ стремимый („Рустемъ“), яримый („Странствующій Жидъ“), богами внимаемъ (Отрывки изъ Илиады); насупленная дубрава („Пѣснь барда“), предострашенный („Громобой“), благовѣщающіе персты („Вадимъ“; сл. тамъ же выраженіе: разинувъ персты); затѣмъ: туманистый („Громобой“), соприсутственный („Посланіе къ имп. Александру“ и *passim*), скала пожарная (= гдѣ былъ пожаръ, „Пѣвецъ въ Кремлѣ“); нетлѣнный булатъ („Гаральдъ“); приливное море, напорныя волны (изъ Овидія; сл. образъ: бурныхъ волнъ сугробы, „Плаваніе Карла Великаго“), предвѣщательный ужасъ, безотпорная смерть, защитное мѣсто, замѣчательное (= внимательное) око („Разрушеніе Трои“); мирительное пѣніе, гривистый шлемъ (Отрывки изъ Илиады); защитная кровля („Одиссея“), подозрная башня („Рустемъ и Зорабъ“) и др.

Сложные эпитеты встрѣчаются уже въ его раннихъ произведеніяхъ (бѣлорумяная заря, „Майское утро“ 1797 г.; державинское: огнепернатый, „Могущество, слава и благоденствіе Россіи“; огнечешуйчатый хребетъ, „Пиршество Александра“ 1812 г. и т. д.) и далѣе плодятся и разнообразятся. Уже переводы изъ

¹⁾ „Журналъ пріятнаго, любопытнаго и забавнаго чтенія“, I, 1802 г., стр. 111—115: „Ода въ громко-нѣжно-нелѣпо-новомъ вкусѣ“:

Жемчужно-клюковно-пожарна
Выходить изъ-за горъ заря...
Въ уныло-мутно-кротки воды
Глядятся черны хороводы
Луццово-розовыхъ воронъ, и т. д.

Виргилія („Разрушеніе Трои“, 1822 г.) и отрывковъ Иліады (1828 г.) указываютъ на нѣкоторую виртуозность, создавшую пошлость, къ которому приучились, какъ къ поэтическому; „Иліада“ Гнѣдича вышла лишь въ 1829 году. Въ „Разрушеніи Трои“ встрѣчаемъ: дивноогромный, неизбѣжноужасный, неслыханно-страшное чудо, бесполезноприскорбная повѣсть, робкобезмолвный; въ „Отрывкахъ“ не только крѣпкозданный, крѣпкостѣнный, но и крѣпконагорный стѣны; башневѣнчаный; мѣднокованный, мѣдноогромный шлемъ, мѣднолаты фюкеяне; копье тяжелоогромное, Ифестъ медленнотяжкій; обильномедлительный токъ, обильнобогатый, плоднообильный; винобогатый, хлѣбодарный Закинеъ, сладостновкусный; чернооблачный Зевесъ, черногустыя брови; красноопоясанная дѣва (то же у Державина)—и космолапый левъ. — Когда въ 1837 году, путешествуя съ наслѣдникомъ по Россіи, Жуковскій набросалъ карандашомъ первую редакцію перевода „Наля и Дамаянти“ ¹⁾, усвоенная имъ схема сложнаго классическаго эпитета уже владѣла имъ настолько, что, пересказывая текстъ Рюккерта, онъ невольно затиралъ восточный колоритъ его выраженія, передавалъ кое-какіе эпитеты, иные, лишніе, созидалъ въ обычномъ своемъ стилѣ: тихонравная, сладкопривѣтная дѣва, сердцевластительный (*herzbefehlende*), зоркоспокойный (*starr von Augen*), огненнотемный взоръ (*gross-augig-schmachtende*), безпыльнооѣирныя одежды, лазурновоздушное пространство, свѣтлонетлѣнные вѣнки (*steif unwelkende*), отголосножалобный крикъ, небесносмиренная прелесть, игрокъ коварноискусный, неподвижнопрозрачныя воды; грознотважный; любопытнотважная змѣйка (*flink neugierig*) и др. Сложные эпитеты „Одиссеи“ и „Рустема и Зораба“ (1846—7) представляютъ такой же подборъ новообразованій, часто невятныхъ: звонкопространныя сѣни, тучнополянистый городъ, многодарная земля, шумнонеистовый сонмъ, вкуснообильный, длинноогромный („Одиссея“): роскошнолакомый, желѣзножилистый, задумчивобезмолвный, безумнобѣшенный, прискорбносластная рѣчь, гнѣвноогненные очи („Рустемъ и Зорабъ“).

Если подъ сложными эпитетами разумѣть тѣ, которыхъ части взаимно опредѣляются (сердцевластительный), либо соединяются въ новомъ цѣломъ, представляющемъ какъ бы отгѣнокъ вошедшихъ въ его составъ (огненнотемный), то цѣлая группа такихъ эпитетовъ у Жуковскаго является соединеніемъ элементовъ, содер-

¹⁾ „Наля и Дамаянти“ онъ читалъ въ 1832 году; 3 декабря н. ст. переведены были семнадцать первыхъ стиховъ, послѣ чего переводъ остановился. Сл. дневники 1832 г. подъ 3 и 5 декабря н. ст.

жательно самостоятельныхъ и лишь послѣдовательно входящихъ въ районъ впечатлѣнія. Въ спокойномъ (или неспокойномъ) взглядѣ мы прочтемъ и зоркость, но художникъ разомъ видитъ цѣлое, быстрому объединенію впечатлѣній отвѣчаютъ сочетанія: зоркоспокойный, неподвижнопрозрачныя воды; Замора окружена „Свѣтловлажными руками Быстрошумнаго Дуэра“ („Сидь“, II, 1831 г.); „влажносеребряный“ сводъ воды („Ундины“, гл. XIII), „радостностройная“ („Наль и Дамаянти“: schön gehüftet); въ „полужасное утро“ ручей могъ дѣйствительно показаться „черноблестящей“ нитью или струйкой (дневникъ 11 сентября 1821 г.). Такъ легко было дойти и до нераціональныхъ „свѣтлонетлѣнныхъ вѣнковъ“. Во многихъ случаяхъ поэта могъ связывать нѣмецкій подлинникъ, но сказывалось въ произведеніяхъ поздней поры и долгое отчужденіе отъ живой русской рѣчи. Въ „Странствующемъ Жидѣ“ встрѣчаемъ „безпреградно“ въ смыслѣ „безпрепятственно“, „неоглядкой побѣждалъ“ и цѣлый рядъ оборотовъ, „полетъ непритѣсимый“, „желѣзномертвая несокрушимость“, мученикъ „усвоилъ“ меня „въ благодарномъ взглядѣ“; „моя судьба переломилась на-двое“ (entzwei?); корабль прикованъ къ берегамъ — „цѣпью бури“.

Изъ такой-то борьбы съ языкомъ, въ поискахъ за новыми средствами выраженія, вышелъ стиль Жуковского, отложились его любимыя сравненія, поэтическіе образы: сходить „ночная, росистая тѣнь“, „вѣтеръ улея на сиящихъ листахъ“, звукъ арфы „тише дыханья играющей въ листьяхъ прохлады“ („Эолова арфа“); лѣсъ полонъ „душой весны“, слышенъ „шумъ теплыхъ облаковъ“; образъ „молодою разсвѣта“ чередуется съ представленіемъ ангела востока, который въ тишинѣ

На край небесъ взлетаетъ
И по туманной вышинѣ
Зарю распростираетъ

(„Вадимъ“).

Мы знаемъ, какъ воздушно передана Жуковскимъ пѣсенка изъ Шатобріана ¹⁾; интересна и пѣсня водопада въ переводѣ „Ундины“ гл. 9. Жуковский передаетъ прозу Ла-Моттъ-Фуке пятистопнымъ ямбомъ, включивъ въ его размѣръ пѣсню, которая и въ оригиналѣ написана стихами, стремящимися къ звукоподражанію:

¹⁾ Сл. выше стр. 200—1.

Rascher Ritter,
Rüst'ger Ritter,
Ich zürne nicht,
Ich zanke nicht;
Schirm nur dein reizend Weiblein so gut,
Du Ritter rüstig, du rasches Blut.

У Жуковского тембрь другой:

Ты смѣлый рыцарь,
Ты бодрый рыцарь,
Я силенъ, могучъ,
Я быстръ, гремячъ;
Не сердиты
Волны мои,
Но люби ты,
Какъ очи свои,
Молодую, рыцарь, жену,
Какъ живую люблю я волну.

Слышно, какъ волна присмирѣла, утихаеть.

Какъ тщательно работалъ Жуковскій надъ своимъ стихомъ, показываютъ его черновыя, имъ же перебѣленные рукописи, частыя передѣлки уже напечатанныхъ произведеній для новаго изданія. Что было бы съ наслажденіемъ поэта, когда бы онъ могъ производить безъ труда? Все бы очарованіе его пропало! писалъ онъ по поводу Пушкина, которому не даромъ доставались его „легкіе, летучіе стихи“ ¹⁾).

Будущему изслѣдователю стиля Жуковского переводы его дадутъ богатый, хотя далеко не равномерный матеріалъ. Они составили и еще составляютъ его славу. Сравненіе съ романтиками подсказывается само собой. Они прислушались къ Гердеру и, въ поискахъ за живой струей, которая обновила бы формы и содержаніе поэзіи, открыли ее въ классическихъ образцахъ всемірной литературы. Одна сцена Тиковскаго „Zerbino“ представляетъ „вертоградъ поэзіи“, полный деревьевъ, цвѣтовъ, птицъ и красокъ, все поетъ, говоритъ, шепчется,—и поэты всѣхъ временъ и народовъ собрались вокругъ богини поэзіи. Сонъ въ руку: Фоссъ переводитъ Гомера, Лессингъ, Виландъ—Шекспира; за ними двинулись романтики: Шекспиръ, Кальдеронъ, Серван-

¹⁾ Соч. Жуковского, изд. 7-е, VI, 433.

тесъ, Данте и Веды, поэзія Востока и Запада были усвоены, явились точные переводы, старавшіеся сохранить духъ подлинниковъ, народный колоритъ писателей, ихъ метры. А. В. Шлегель, вторя Бюргеру, высказавшемуся по этому вопросу, требовалъ отъ перевода индивидуальной правды, отъ переводчика — соблюденія стихотворной формы, стиля, настроенія оригинала. Въ другой разъ онъ подчеркнулъ не столько требованіе правды, сколько—творчества переводчика: переводъ представился ему настоящимъ поэтическимъ актомъ, новымъ созданіемъ; можно доказать, говоритъ онъ, что человѣческій духъ ничего иного не дѣлаетъ, какъ переводить, и самъ онъ, Шлегель, постоянно пребываетъ въ поэтическомъ прелюбодѣянніи, потому что не можетъ прочесть ни одного стихотворенія безъ желанія усвоить его себѣ. Подобный взглядъ находимъ и у Новалиса: онъ различаетъ ученый, грамматическій переводъ отъ „миѣическаго“, передающаго не художественное произведеніе, а его идеалъ; образца такого перевода еще нѣтъ: въ извѣстномъ смыслѣ греческая мифологія —такая именно передача греческой народной религіи. Есть еще и третій родъ перевода, свободно измѣняющій подлинникъ, при чемъ авторъ становится къ своему оригиналу въ такія же отношенія, въ какія „геній человѣчества къ отдѣльному лицу“, переводчикъ является „поэтомъ поэта“.

Жуковскому слѣдуетъ, съ его же оговорками, удѣлить мѣсто въ послѣдней категоріи.

Флоріанъ утверждалъ, что „самый пріятный переводъ есть, конечно, и самый вѣрный“, и требовалъ отъ переводчика, чтобы, сохраняя мысль автора, онъ ослаблялъ, смягчалъ инныя выраженія, „черты дурного вкуса“. Переводчикъ Флоріанова „Донъ-Кихота“ усвоилъ этотъ взглядъ и повторилъ его въ статьѣ, переведенной имъ съ французскаго: въ переводѣ можно иногда „жертвовать и точностью, и силою“ ради гармоніи, какъ въ музыкѣ „вѣрность звуковъ должна уступать ихъ пріятности“ ¹⁾.

Требованіе смягченія, ослабленія, пріятности дѣлаетъ всякій переводъ подражаніемъ; но подражаніе можетъ быть творчествомъ. На этой точкѣ зрѣнія стоитъ замѣтка: „О баснѣ и о басняхъ Крылова“ (1809 г.). Жуковский опредѣлилъ себя самъ. „Подражатель стихотворецъ можетъ быть авторомъ оригинальнымъ, хотя бы онъ не написалъ и ничего собственнаго. Говорить онъ. Переводчикъ въ прозѣ есть рабъ; переводчикъ въ

¹⁾ „О переводѣ вообще и о переводахъ стиховъ въ особенности“, „Вѣстникъ Европы“ 1810 г., № 3, стр. 190—8.

стихахъ — соперникъ.... Поэтъ оригинальный воспламеняется идеаломъ, который находитъ у себя въ воображеніи; поэтъ-подражатель въ такой же степени воспламеняется образцомъ своимъ, который заступаетъ для него тогда мѣсто идеала собственнаго; слѣдственно переводчикъ, уступая образцу своему нѣлѣпму изобрѣтательности, долженъ необходимо имѣть почти одинакое съ нимъ воображеніе, одинакое искусство слога, одинакую силу въ умѣ и чувствахъ. Скажу болѣе: подражатель, не будучи изобрѣтателемъ въ цѣломъ, долженъ быть имъ непремѣнно по частямъ; прекрасное рѣдко переходитъ изъ одного языка въ другой, не утративъ нисколько своего совершенства. Что же обязанъ дѣлать переводчикъ? Находитъ у себя въ воображеніи такія красоты, которыя могли бы служить замѣною, слѣдовательно производить собственное, равно превосходное: *не значитъ ли это быть творцомъ?*—Въ отчетѣ о трагедіи Кребиллона „Радамистъ и Зенобія“ въ переводѣ Висковатова (1810 г.) уже предполагается извѣстнымъ, „что переводчикъ стихотворца есть въ нѣкоторой степени самъ творецъ оригинальный“, творецъ выраженія. Выраженій автора оригинальнаго онъ не найдетъ въ своемъ языкѣ, онъ долженъ ихъ сотворить. „А сотворить ихъ можетъ только тогда, когда, наполнившись идеаломъ, представляющимъ ему въ твореніи переводимаго имъ поэта, преобразить его, такъ сказать, въ созданіе собственнаго воображенія; когда, руководствуемый авторомъ оригинальнымъ, повторить съ начала до конца работу его генія“.

Жуковскій долго колебался между Попе и Фоссомъ, какъ переводчиками Гомера, между сухой точностью Фосса, сохранившей, однако, „болѣе истиннаго Гомерова духу и Гомеровою простоты“, и жеманной стихотворностью Попе, исказившей то и другое ¹⁾. Когда много лѣтъ спустя, послѣ первыхъ попытокъ „угадать“ Гомера, онъ принялся за свой переводъ Одиссеи, вопросъ о „замѣнѣ“, о „собственномъ“ поставится снова, но рѣшенъ осторожнѣе: „переводъ Гомера недалеко уйдетъ, если займется фактурою каждаго стиха отдѣльно, ибо у него нѣтъ отдѣльныхъ стиховъ, а есть потокъ ихъ, который надобно схватить во всей его полнотѣ и свѣтлости; надобно сберечь всякое слово и всякій эпитетъ и въ то же время все частное забыть для цѣлаго“ ²⁾, осторожно выбирая слова, избѣгая вся-

¹⁾ Сл. выше стр. 401, прим. 2.

²⁾ Сл. письмо Жуковского къ Стурдзѣ (10 марта 1849): „я старался переводить *цѣлое*, желая сохранить общій эффектъ Гомерова слога, котораго отличительный характеръ: *не отдѣльные разительные стихи, а богатый*

кой новизны, стараясь возвратиться къ „языку первобытному“, возстановить нашъ „изношенный языкъ въ его первобытной свѣжести“ (къ Кирѣевскому 1844 г.).

Таковы признанія старика—переводчика Гомера ¹⁾; до тѣхъ поръ онъ, какъ переводчикъ, былъ *творцомъ* въ указанномъ имъ смыслѣ слова, прелестно пересказывавшимъ подлинникъ, если онъ отвѣчалъ его настроенію, но беззаботно игравшимъ воображеніемъ тамъ, гдѣ его „замѣны“ шли вразрѣзъ съ оригиналомъ; не безъ „замѣнъ“, какъ извѣстно, осталась и Одиссея.

У этихъ замѣнъ есть своя исторія; она поможетъ намъ разобратъ въ томъ, что Жуковский называлъ своимъ творчествомъ ²⁾.

Къ 1801 году относится первый опытъ перевода Греевой Элегии, не напечатанный при его жизни; Карамзинъ нашелъ его неудачнымъ ³⁾; за нимъ быстро послѣдовалъ пересказъ, который Жуковский и позже называлъ переводомъ и къ тексту котораго не разъ возвращался: „Сельское Кладбище“ (1802 г.). Это уже актъ усвоенія: мѣстныя черты (имя Кромвеля) исчезли, изъ перевода 1801 года перешелъ въ подражаніе „шалашь“ по-

потокъ цѣлаю. Поэтому въ иныхъ, немногихъ мѣстахъ я предпочиталъ цѣлое отдѣльному и жертвовалъ отдѣльными стихами совокупному эффекту“ („Русская Старина“ 1902 года, май, стр. 396).

¹⁾ Въ письмѣ къ Фогелю Жуковский какъ-будто распространяетъ критерій *точности* на всю свою переводческую дѣятельность. Фогель просилъ его сообщить ему какой-нибудь нѣмецкій переводъ его стихотвореній; такого у меня нѣтъ, отвѣчалъ Жуковский, „могу однако жъ указать вамъ *легкій способъ познакомиться со мною, какъ съ поэтомъ, т.-е. съ лучшей моей стороны*“. Онъ совѣтуетъ Фогелю перечестъ въ подлинникъ стихотворенія, переведенныя имъ изъ Шиллера (12), Гёте („Erlkönig“, „Die Vergänglichkeit“), Гебеля (6 или 7), Рюккерта („Наль и Дамаанти“, „Рустемъ и Зорабъ“) и Ламоттъ-Фука („Undine in Hexametern“) и кончаетъ письмо: „читая всѣ эти стихотворенія, вѣрьте или старайтесь увѣрить себя, что они всѣ переведены съ русскаго, съ Жуковскаго, или vice versa: тогда вы будете имѣть понятіе о томъ, что я написалъ *лучшаю въ жизни*; тогда будете имѣть полное, вѣрное понятіе о поэтическомъ моемъ дарованіи, гораздо выгоднѣе того, если бы знали его in naturalibus“ („Русскій Архивъ“ 1902 г., май, стр. 145).

²⁾ О Жуковскомъ, какъ переводчикѣ, сл. Чехихинъ, „В. А. Жуковский какъ переводчикъ“ (Рига, 1895 г.); Шестаковъ, „Замѣтки къ переводамъ В. А. Жуковскаго изъ нѣмецкихъ и англійскихъ поэтовъ“, Казань, 1902 г. („Чтенія въ обществѣ любителей русской словесности въ память А. С. Пушкина при Имп. Казанскомъ Университетѣ“).

³⁾ М. А. Дмитріевъ, „Мелочи изъ запаса моей памяти“ (М., 1869 г.), стр. 182.

селянина, чего у Грея нѣтъ ¹⁾; нѣтъ у него и „чувствительнаго пѣвца“ ²⁾: онъ принадлежитъ пересказчику. У Грея говорится о сонномъ звонѣ колокольчиковъ, убаюкивающихъ стадо; въ переводѣ 1801 года они обратились въ рогъ („лишь слышится вдали пастушій рогъ унылый“), который остался и въ подражаніи („лишь слышится вдали роговъ унылый звонъ“; при новомъ переводѣ Элегіи въ гекзаметрахъ ³⁾) текстъ Грея былъ принятъ во вниманіе, но „рогъ“ остался: „рогъ отдаленный, сонъ наводя на стадо, порой невнятно раздастся“.

Вначалѣ замѣна могла быть слѣдствіемъ неполнаго знанія языка, именно нѣмецкаго, съ которымъ Жуковский освоился поздно ⁴⁾; чаще—міросозерцанія поэта, котораго надо было пересказать. Мы знаемъ уже, что Шиллеръ-философъ не по плечу Жуковскому (сл. „Мечты“ 1810 года = „Идеалы“ Шиллера), какъ и его антикизирующее направленіе; отсюда пропуски и недомолвки въ переводѣ. Счастливы тѣ, которымъ отъ рожденія улыбнулись боги, говоритъ Шиллеръ въ своемъ „Das Glück“; славенъ Ахиллъ, самъ Гефестъ сковалъ ему мечъ и щитъ, вокругъ него, смертнаго, вращается великій Олимпъ; то-есть, боги принимаютъ въ немъ участіе; у Жуковского („Счастіе“, 1809 г.): „Смертный единый все древнее небо въ смятеніе приводитъ“; самого бога увѣнчало отмѣренное ему счастье, выразился Шиллеръ: *das gewogene Glück*, мойра, судьба, которой, по греческому понятію, подвластны и боги, и люди. Жуковский опустилъ эту характерную черту.—Въ другомъ подобномъ случаѣ онъ прибѣгнетъ къ замѣнѣ: гётевскій *Wanderer* обращается къ мальчику: ты родился на развалинахъ священнаго прошлаго пусть же покоится на тебѣ его духъ; кого онъ обвѣетъ, тотъ въ божественномъ самосознаніи (*Götterselbstgefühl*) будетъ наслаждаться каждымъ днемъ; у Жуковского: „Тотъ въ сладкомъ чувствѣ бытія—Златую жизнь вкушаетъ“. Ароматъ древности испарился, какъ устраняются въ иныхъ случаяхъ черты слишкомъ реальныя, наивныя въ своей жизненности и народномъ колоритѣ; Жуковский ихъ смягчаетъ, въ этомъ отношеніи не

¹⁾ 1801 г.: „Усталый земледѣль задумчиво идетъ — Въ шалашъ спокойный свой“; 1802 г.: „Усталый селянинъ медлительной стопою — Идетъ, задумавшись, въ шалашъ спокойный свой“.

²⁾ „Онъ кротокъ сердцемъ былъ, чувствителенъ душою, Чувствительнымъ Творецъ награду положилъ“.

³⁾ Конч. 23 іюля 1839 г. Сл. дневники.

⁴⁾ Сл. Тихонравовъ, Соч. т. III, ч. I, Примѣчанія, стр. 74 прим. 270, стр. 80, прим. 355.

поощаженъ даже его любимецъ Гебель; уже Пушкинъ указалъ на эту склонность Жуковского по поводу его „Людмилы“. Смягчено, покрыто флёромъ меланхолии и мечтательности и все казавшееся слишкомъ чувственнымъ; Жуковский „дѣвствуетъ“, какъ выразился по его поводу кн. Вяземскій. Въ „Пиршествѣ Александра“ (изъ Попе) обойдена сцена, гдѣ царь склоняется на грудь Таисы; въ „Пустынникѣ“ (изъ Гольдсмита) отшельникъ Эдвинъ узнаетъ свою милую, Мальвину, и страстно прижимаетъ ее къ сердцу; у Жуковского онъ падаетъ къ ея ногамъ и лобзаетъ ихъ, нѣтъ языка страсти, да и пустынникъ названъ почему-то „старцемъ“, что вовсе не отвѣчаетъ содержанію баллады. Такъ и въ передѣлкѣ „Пери“ 1831 года удаленъ эпизодъ любви, бывший въ переводѣ 1821 г. („Пери и ангелъ“). „Орлеанская Дѣва“, образецъ „удивительной вѣрности перевода“, по мнѣнію кн. Вяземскаго ¹⁾, полна такого рода умолчаній, тогда какъ въ другихъ случаяхъ усиленъ элементъ мечтательности (напр. „Голосъ съ того свѣта“ Шиллера = „Thekla, eine Geisterstimme“), либо подчеркнута какая-нибудь черта, придающая всему колоритъ таинственности.

При такихъ приемахъ переводъ незамѣтно склонялся къ вольному пересказу, подражанію, которое порой Жуковский не отличалъ отъ перевода. Въ борьбѣ съ оригиналомъ онъ погружался въ него, овладѣвалъ нѣсколькими его моментами, которые были ему по сердцу, ему подсказывали, — и начиналась игра замѣнъ, урѣзываній и дополненій. Являлись лишніе эпитеты, описанія природы, распространеніе тѣхъ, которыя уже были въ подлинникѣ, новыя строфы: Шиллерово „An Minna“ („Идиллія“, 1806 г.) получило такимъ образомъ первую вводную строфу, окончаніе „Гимна“ (подражаніе Томсону, 1808 г.) измѣнило подлиннику для лирической вставки; цѣлая строфа („Какъ незапнымъ дуновеньемъ“) вставлена въ балладу Уланда („Алонзо“, у Уланда: „Дуранда“), три (4—6-ая) въ переведеннаго изъ Соути „Варвика“ („Lord William“). Уже Зейдлицъ указалъ на стихи, вставленные Жуковскимъ въ переводъ „Наля и Дамаянти“ и обротившіе индійскаго злого духа Кали въ христіанскаго „искусителя“; онъ же отмѣтилъ въ „Рустемѣ и Зорабѣ“ отголоски прежняго „романтизма“ Жуковского въ такихъ внесенныхъ имъ эпизодахъ, какъ разсказъ о причитаньи Гурдаферидъ и прощаніи съ конемъ ²⁾. Вся характеристика Ундины въ пятой

¹⁾ Къ Тургеневу 1819 г. 13 августа.

²⁾ Зейдлицъ, I. с., стр. 193—4, 219.

главъ поэмы (1836 г.) принадлежит Жуковскому; она для него психологически характерна, его поэтический идеалъ:

какимъ-то

Райскимъ видѣньемъ сіяла она: чистота херувима,
Рѣзвость младенца, застѣнчивость дѣвы, причудливость нисы,
Свѣжесть цвѣтка, порхливость сильфиды, измѣнчивость струйки.
Словомъ, Ундина была несравненнымъ, *мучительно-милымъ*,
Чуднымъ созданьемъ; и прелесть ея проникала, томила
Душу Гульбранда, какъ прелесть весны, какъ волшебство
Звуковъ, когда мы такъ полны *болѣзненно-сладкою душой*.

И, наоборотъ, въ посланіи къ Батюшкову (1812 г.) внесенъ эпизодъ изъ Шиллеровой „Theilung der Erde“¹⁾.

Еще шагъ, и подлинникъ станетъ для Жуковского какъ бы мотивомъ для пересозданія, для того, что онъ называлъ подражательнымъ творчествомъ. „Судъ въ подземельѣ“ — пересказъ Вальтеръ-Скоттова „Монастыря“, составляющаго вторую пѣсню „Марміонъ“. У Вальтера Скотта Марміонъ увлекъ молодую монахиню Констанцію; она любила его, слѣдовала за нимъ всюду въ костюмѣ пажа; когда онъ задумалъ бросить ее для выгоднаго брака, она пытается удержать его любовью, связать его съ собою участіемъ въ его преступномъ подлогѣ. На судъ она предстала блѣдная, слабая, но она собралась съ силами, и ея рѣчь — откровенное признаніе любви и проступка и, вмѣстѣ, самозащита, переходящая въ угрозу монахамъ палачамъ, рабамъ кроваваго Рима. Жуковский сохранилъ то, что можно бы назвать декорацией, обстановкой разсказа: поѣздку монахини на судъ, ихъ болтовню, легенды о мѣстныхъ святыхъ, но Матильда (вмѣсто Констанціи) не дѣйствуетъ и не говоритъ, „оцѣпенѣвъ стоитъ она“, и то, что разсказывается о ея побѣгѣ, какъ-то призрачно-балладно: она вышла изъ монастыря въ платьѣ мертвеца, съ лампадой и кинжаломъ, видитъ „на дорогѣ слѣдъ въ густой пыли копытъ и ногъ; и слышенъ ей далекій скокъ“. Но топотъ удалился, а между тѣмъ „на небѣ зажглась заря“, бѣглянки хватились въ монастырѣ, и она поймана. Констанція является на судъ въ костюмѣ пажа, Матильда — въ бѣлой рясѣ мертвеца, на которой почему-то видна кровь; свидѣтелями ея вины являются кинжалъ — и взятыя съ собою четки и лампада! Стиль баллады восторжествовалъ — надъ драмой.

¹⁾ Отъ: „Ты помнишь ли преданье“ до „Ты презришь міръ земной“.

Въ бумагахъ Жуковского сохранились мысли и замѣтки для задуманнаго имъ стихотворенія, куда должно было войти описаніе весны; по этому поводу сообщаются планы „Весны“ Клейста, Сент-Ламбера, Томсонова „Весна“, затѣмъ наброски собственнаго плана и начало стихотворенія: „Пришла весна“ ¹⁾! Мы не знаемъ, что бы изъ него вышло, но мы можемъ прослѣдить по наброскамъ „Свѣтланы“ („Святки“, „Гаданіе“), какъ постепенно она претворялась изъ сюжета Лены-Людмилы. Такъ чужое обращалось въ свое, встрѣчное чувство будило эхо: личный элементъ вторгался въ переводныя произведенія, въ стихотворенія по заказу, если они давали поводъ выразить сходныя ощущенія, чаянія, надежды. 1-мъ іюля 1819 года помѣченъ „Цвѣтъ Завѣта“, явившійся впервые въ „Современникѣ“ 1837 г. (т. V, № 1, стр. 113 сл.); посылая этотъ „старый стихотворный грѣхъ“ Максимовичу, который и напечаталъ его въ „Кіевлянинѣ“ (1840 г., кн. 1), Жуковскій писалъ, что „эти стихи не могутъ имѣть яснаго смысла для читателей, но объяснить для нихъ этотъ смыслъ я не могу. Они писаны, *по желанію, на заданный предметъ*, и получили бы особенный интересъ, если бы можно было прибавить къ нимъ надлежащій комментарий“. Кое-что могъ пояснить кн. Вяземскому Тургеневъ: „Посылаю тебѣ стихи Жуковского, написанные по заказу великой княгини. Она же дала ему и тему на нѣмецкомъ: *Ländlergras*; у нѣмцевъ—цвѣтъ завѣта. Чего не выразить чародѣй Жуковскій! Въ семъ „Цвѣтѣ Завѣта“ соединяется воспоминаніе прошедшаго съ таинственностью будущаго. Онъ часто означаетъ какую-нибудь эпоху или минуту жизни, напримѣръ, свиданіе или разлуку. Знаменованіе его скорѣе понять, нежели объяснить можно. Но намъ, нѣмцамъ, весь мистицизмъ чувствительности понятенъ“ (30 іюня 1819 г.) ²⁾. И „знаменованіе“, и „мистицизмъ чувствительности“, и самое названіе: „Цвѣтъ Завѣта“ принадлежатъ освѣщенію

¹⁾ „Бумаги В. А. Жуковского“, I. с., стр. 154; сл: стр. 20 е), 23 э), я).

²⁾ Плетневъ читалъ „Цвѣтъ Завѣта“ вел. кн. Ольгѣ Николаевнѣ, который они „случайно нашли“ въ книжкѣ „Современника“: стихи на „цвѣтокъ, любимый императрицею, который она еще въ Берлинѣ завѣщала сестрамъ, какъ залогъ ихъ взаимнаго воспоминанія. Въ 1819 году она такой цвѣтокъ нашла здѣсь, и Жуковскій воспользовался, чтобы эту идею развить въ стихахъ. Чудная прелесть!“ (Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ, II, 192, журналъ 22 февраля 1844 г.). Въ примѣчаніи къ „Цвѣту Завѣта“ П. А. Ефремовъ даетъ такое объясненіе, слышанное отъ Елагиной: „Великая княгиня Александра Теодоровна условилась съ сестрою присылать другъ къ другу первые весенніе цвѣты, которые каждая изъ нихъ увидитъ“ (8-е изд., т. I стр. 111 и 510).

Жуковского. Такъ какъ въ черновомъ спискѣ стихотворенія значится, что оно начато (или затѣяно?) 16 июня, кончено 2 июля, то великая княгиня предложила свою тему Жуковскому ранѣе, чѣмъ изложила ее въ запискѣ, которую Жуковский носилъ въ своемъ альбомѣ ¹⁾. Записка эта, помѣченная 22 июня 1819 года напоминаетъ о чудесномъ весеннемъ вечерѣ, въ прелестной мѣстности, когда вел. княгиня одѣляла своихъ товарокъ цвѣтками, между тѣмъ какъ звуки любимаго Ländler'a, вальса, уже навѣвали мысль „о прошлыхъ дняхъ, хотя и менѣе счастливыхъ, чѣмъ было настоящее мгновеніе“. Это вошло въ обычай: весной искали цвѣтка и одѣляли имъ другъ друга, кругомъ него, уже названнаго Ländlergras, копились воспоминанія; когда война „разрознила“ кругъ братьевъ и сестеръ, съ полей битвы по-прежнему летѣли къ сестрамъ былинки, а онѣ посылали имъ навстрѣчу цвѣтки съ родныхъ полей. И теперь еще каждый ищетъ на чужой сторонѣ дрожащій стебелекъ, чтобы послать далекому другу „тихий привѣтъ съ сѣвера на югъ, съ юга на сѣверъ“,—и онъ „говоритъ безъ словъ, чего словами нельзя бы и выразить“.

„Воспоминаніе и я—одно и то же“, сказалъ о себѣ Жуковский; и его кругъ разрозненъ, „разлучена веселая семья“; цвѣтокъ вырастаетъ для него къ значенію символа; немудрено, что „чародѣй Жуковский“ весь въ чужой темѣ ²⁾: послѣдняя строфа „Цвѣта Завѣта“—поэтическая парафраза заключительныхъ строкъ письма:

А ты, нашъ цвѣтъ, питомецъ скромный луга,
Символь любви и жизни молодой,
Отъ сѣвера, отъ запада, отъ юга,
Летай къ друзьямъ желанною молвой;
Будь голосомъ, привѣтствующимъ друга;
Посоль души, внимаемый душой,
О, вѣрный цвѣтъъ, безъ словъ бѣсѣдуй съ нами,
О томъ, чего не выразить словами.

„Этотъ оберъ-чортъ Жуковский! писалъ кн. Вяземскій Тургеневу. Письмо твое со стихами пришло въ то самое время, какъ я кончилъ подражаніе сатирѣ Дебрео къ Мольеру о трудности риемы, и мои стихи такъ мнѣ огадились, что я не въ силахъ

¹⁾ См. выше стр. 316.

²⁾ См. выше стр. 252, прим. 2.

продолжать. Надобно прохмелиться. Какъ можно быть поэтомъ по заказу"? (7 августа 1819 г. Варшава)¹⁾.

Здѣсь тайна въ встрѣчности настроенія, въ умѣннѣи не только питать чужой мыслью свою собственную, но и находить въ чужихъ образахъ и метрахъ формы для выраженія своего наболѣвшаго чувства. Въ пору Дерптскаго увлеченія Шатобрианъ и Байронъ дали Жуковскому мотивы тоски по родинѣ и разочарованія²⁾; въ 1823 году въ Дерптѣ онъ въ послѣдній разъ видѣлъ свою Машу, за недѣлю до ея смерти, и ея тихій образъ слился для него съ другими, покоящими: „звѣзды небесъ, тихая ночь“³⁾! И самъ онъ жаждалъ душевнаго покоя, цѣлительнаго забвенія ночи. Въ его бумагахъ нашлось, съ помятой: Дерптъ, 26 февраля, нѣмецкое стихотвореніе, писанное неизвѣстной рукою:

Schon sank auf rosiger Bahn
Der Tag in wallende Fluthen,
Labend auf brennende Gluthen,
Weht nun die Kühle uns an.
Und hoch vom himmlischen Bogen
Kommt her die Mutter gezogen,
Hesperus wandelt so sacht
Im süßen Frieden der Nacht.

Komm' denn, o Himmliche, Du,
Und wehre den nagenden Schmerzen,
Fülle die schlagenden Herzen,
Die armen, mit seeliger Ruh'.
Mit deinen fächernden Schwingen,
Mit sanft einschläferndem Singen
Wiege die Kinderchen dein,
O, wiege, wiege sie ein!

Между строкъ этого текста Жуковскій набросалъ карандашомъ первую редакцію прелестнаго стихотворенія, напечатаннаго лишь въ 1825 году въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ подъ заглавіемъ „Ночь“ („Уже утомившійся день“). Эта пьеса, въ которой Плетневъ находилъ греческую простоту въ соединеніи „съ очаровательнымъ блескомъ поэзіи романтической“⁴⁾, — почти

¹⁾ Сл. выше стр. 283.

²⁾ Сл. выше стр. 200—1, 216—17.

³⁾ Сл. выше стр. 220.

⁴⁾ Соч. и переп. П. А. Плетнева, I, стр. 209—10.

дословный переводъ нѣмецкой. Такія пьесы Жуковский имѣлъ полное право не отмѣчать, какъ переводныя: онъ ихъ перечувствовалъ, и онѣ стали его достояніемъ ¹⁾.

Эту „удивительную пріемчивость чужихъ впечатлѣній“, въ которой Полевой видѣлъ отличительную черту Жуковского ²⁾, самъ поэтъ скромно обобщилъ, когда называлъ себя не „самобытнымъ поэтомъ“, а „переводчикомъ, впрочемъ, весьма замѣчательнымъ“ ³⁾. Давно тому назадъ, очутившись въ 1805 году въ деревнѣ, въ кружка сочувственныхъ друзей, онъ исповѣдуются: „въ самомъ себѣ не нахожу довольно прибѣжища; чувствую, что одинъ мало могу для себя сдѣлать.... Одинъ не могу ни о чемъ думать, потому что не имѣю *матеріи для мыслей*“ ⁴⁾; въ дневникъ-письмѣ 15 сентября 1814 года онъ снова говоритъ о своей склонности „къ какой-нибудь хорошей чужой мысли *прививать* нѣсколько своихъ“ ⁵⁾. Способность не воображать, а подсказывать чужому воображенію, ему прирождена: естественная потребность *зараженія*. „У меня наиболѣе свѣтлыхъ мыслей

¹⁾ На нѣмецкій оригиналъ „Ночи“ указалъ впервые И. А. Бычковъ въ „Бумагахъ В. А. Жуковского“, стр. 57—8. Тамъ же приведены и двѣ первыя строки нѣмецкаго стихотворенія и первыя четыре первоначальнаго перевода. И. А. Бычкову я обязанъ сообщеніемъ какъ помѣщеннаго выше оригинала, такъ и слѣдующимъ — о наброскахъ перевода. Между строкъ первыхъ четырехъ стиховъ первой строфы подлинника написано:

Уже утомившійся день
Склонился въ румяныя воды,
Темнѣютъ небесные своды,
Прохладная стелется тѣнь.

Между строкъ второй строфы слѣдующіе стихи, недописанныя рѣшмы которыхъ дополнены по позднѣйшей печатной редакціи:

Приди жъ, о небесная, къ намъ
Съ волшебнымъ твоимъ покрываломъ],
Съ цѣлебнымъ забвеньемъ [фіаломъ],
Дай мира усталымъ сердцамъ.
Твои усыпительны пѣсни.

Слѣдующіе три стиха не переведены, лишь въ заголовкѣ стоятъ прописныя: I, II, Ж.—И. А. Бычковъ сообщаетъ мнѣ, что дата нѣмецкаго стихотворенія написана неразборчиво (Dop. d. 26 Feb. — или Dec. — 1823 г.). — Въ 5-мъ изданіи своихъ стихотвореній Жуковский отнесъ „Ночь“ къ 1815 году.

²⁾ Очерки, I, 36.

³⁾ Къ Смирновой 13/25 октября 1845 г.

⁴⁾ Сл. выше стр. 100.

⁵⁾ Сл. выше стр. 166.

тогда, когда ихъ надобно импровизировать въ возраженіе или въ дополненіе чужихъ мыслей, пишетъ онъ Гоголю (6/18 февраля 1847 г.), мой умъ, какъ огниво, которымъ надо ударить о кремь, чтобы изъ него выскочила искра, — это вообще характеръ моего авторскаго творчества: *у меня почти все чужое, или по поводу чужого,—и все, однако, мое* ¹⁾.

„Жуковского перевели бы на всѣ языки, если бы онъ самъ менѣе переводилъ“, писалъ Пушкинъ ²⁾, и не разъ побуждалъ учителя завестись „крѣпостными вымыслами“. Но уже современники открыли въ видимой слабости источники силы. „Какое любопытное существо былъ этотъ человѣкъ, писалъ о Жуковскомъ Вигель. Ни на одного изъ другихъ поэтовъ онъ не былъ похожъ. Какъ можно всегда подражать и всегда быть оригинальнымъ?.. Не знаю, право, съ чѣмъ бы сравнить его, съ инструментомъ ли, или съ машиною какою, приводимою въ движеніе только постороннимъ дуновеніемъ? Чужезычные звуки, какіе бы ни были, нѣмецкіе, англійскіе, французскіе, налетая на сей русскій инструментъ и коснувшись въ немъ чего-то, поэтической души, выходили изъ него всегда плѣнительнѣе, во сто разъ нѣжнѣе. Лишь бы ему не быть подлинникомъ, дайте ему, что хотите, онъ все украситъ, французскую ничтожную пѣсенку обратитъ вамъ въ чудо, въ совершенство, въ „Узника и мотылька“, и мнѣ кажется, если бы онъ былъ живописецъ, то изъ Погребенія Кота умѣлъ бы онъ сдѣлать chef-d'oeuvre“ ³⁾. Полевой, отмѣтившій въ Дмитріевѣ „переводной умъ“, въ его языкѣ, блестящемъ въ свое время, отсутствіе истинной поэзіи ⁴⁾, нашелъ для Жуковского другія краски, другую оцѣнку. „Сличите Орлеанскую Дѣву и особенно Шильонскаго Узника съ подлинниками—совсѣмъ другой цвѣтъ, другой отливъ, хотя сущность вѣрна! Байронъ — дикій, порывистый вольный, eternal spirit of the chainless mind, дѣлается мрачнымъ, тихимъ, унылымъ пѣвцомъ въ переводѣ Жуковского“ ⁵⁾. Гоголь обобщаетъ: общая черта нашей литературы — „подражаніе опередившимъ насъ иностранцамъ“, но подражаніе своеобразное, не исключющее

1) Сл. письмо къ Гоголю 20 генваря 1850 г.

2) „О причинахъ, замедлившихъ ходъ нашей словесности“, 1824 г.

3) Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля, ч. 2, стр. 58.

4) Очерки, II, 471, 475.

5) Тамъ же, I, стр. 136. Иначе, но едва ли вѣрнѣе, стр. 140: Жуковский „первый, кажется, открылъ тайну разнообразить слогъ своихъ переводовъ сообразно слогу подлинниковъ“. Въ 1827 г. „Телеграфъ“ находилъ въ высшей степени справедливымъ замѣчаніе Воейкова, „что у Карамзина всѣ говорятъ

чисто русскіе элементы. Онъ приводитъ въ примѣръ Державина, Жуковского и Крылова. „Что такое нашъ Жуковский? Это одно изъ замѣчательныхъ явленій, поэтъ, явившійся оригинальнымъ въ переводахъ, возведшій всѣ сильные и малосильные оригиналы до себя, создавшій новый, совершенно оригинальный родъ—быть оригинальнымъ“, повторяетъ Гоголь въ „Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями“²⁾, у него все взято у чужихъ и больше у нѣмцевъ, но переводчикъ теряетъ собственную личность, а Жуковский показалъ ее больше всѣхъ нашихъ поэтовъ. Стоитъ пробѣжать его переводы: „вѣрнѣйшій сколокъ слово въ слово, личность каждаго поэта удержана, негдѣ было и высушиться самому переводчику; но когда прочтешь нѣсколько стихотвореній, вдругъ и спросишь себя: чьи стихотворенія читаль? Не предстанетъ передъ глаза твои ни Шиллеръ, ни Уландъ, ни Вальтеръ Скоттъ, но поэтъ отъ нихъ всѣхъ отдѣльный, достойный помѣститься не у ногъ ихъ, но сѣсть съ ними рядомъ, какъ равный съ равнымъ“. „Лѣнь ума помѣшала ему сдѣлаться преимущественно поэтомъ изобрѣтателемъ, лѣнь выдумывать, а не недостатокъ творчества“³⁾; источникъ этой лѣни—„свойство оцѣнивать“, „останавливаться съ любовью надъ всякимъ готовымъ произведеніемъ“, разнимать его до малѣйшихъ подробностей, исчерпать все. Передъ другими нашими поэтами онъ то же, что ювелиръ передъ прочими мастерами. „Не его дѣло добыть въ горахъ алмазъ—его дѣло оправить алмазъ такимъ образомъ, чтобы онъ заигралъ всѣмъ своимъ блескомъ и выказалъ бы вполне свое достоинство всѣмъ. Появленіе такого поэта могло произойти только среди русскаго народа, въ которомъ такъ силенъ геній воспримчивости, данный ему, можетъ быть, на то, чтобы

одинаково: и Цицеронъ, и Руссо, и Франклинъ, и Бюффонъ; у Жуковского совершенное разнообразіе: онъ передаетъ не только мысль, но и *выраженіе* автора, какъ находитъ его въ оригиналѣ, а это величайшая заслуга, такъ какъ не вѣрность перевода, а *проникновеніе въ духъ и свойство языковъ* создаетъ превосходнаго переводчика“. Сл. еще фразистую оцѣнку Бестужева. „Полярная Звѣзда“ 1823 г. („Взгляды на старую и новую словесность въ Россіи“): „многіе переводы Жуковского лучше своихъ подлинниковъ, ибо въ нихъ благозвучіе и гибкость языка украшаютъ *вѣрность* выраженія. Никто лучше его не могъ облечь въ одежду свѣтлаго, чистаго языка разноплеменныхъ писателей; онъ передаетъ всѣ черты ихъ *со всею свѣтлостью портрета*“, не только съ безцвѣтною точностью силуэтную“.

¹⁾ Соч. Н. В. Гоголя, изд. 10-ое, VI, 346 (1836 г.).

²⁾ „Въ чемъ же наконецъ сущность русской поэзіи и въ чемъ ея особенность“? Соч. Н. В. Гоголя, изд. 10-ое, т. IV, стр. 177 слѣд.

³⁾ Сл. выше стр. 338, 339

оправить въ лучшую оправу все, что не оцѣнено, не воздѣлано и пренебрежено другими народами“. — Переводъ Одиссеи — „подвижъ, далеко высшій всякаго собственнаго созданія, который доставить Жуковскому значеніе всемірное“. Въ этомъ смыслѣ Жуковский и для Бѣлинскаго поэтъ, а не переводчикъ; „переводы его очень несовершенны, какъ переводы, но превосходны, какъ его собственныя созданія“, „онъ отъ всѣхъ поэтовъ отвлекалъ свое или на ихъ темы разыгрывалъ свои собственныя мелодіи, бралъ у нихъ содержаніе и, переводя его черезъ свой духъ, претворялъ въ свою собственность“¹⁾.

Такой приѣмъ творчества не безъ примѣра: припомнимъ отзывъ Шлегеля²⁾ — и такого антипода Жуковского, какъ D'Annunzio въ лицѣ Andrea Sperelli („Piace“). Для насъ важно то, что Жуковский давалъ въ чужомъ не только *свое*, но и всего *себя*.

¹⁾ Сл. Бѣлинскій, Соч. изд. 2-е, ч. IV, стр. 24, въ статьѣ объ „Очеркахъ“ Полевого (1840 г.).

²⁾ Сл. выше стр. 456.

XV.

Народность и народная старина въ поэзіи Жуковскаго.

Какое мѣсто удѣлено въ міросозерцаніи поэта, такъ всецѣло отдававшаго *себя*, идеѣ русской народности, въ ея языкѣ и бытѣ, въ условіяхъ прошлаго и въ идеалахъ настоящаго? Народность у насъ не отдѣляли отъ понятія романтизма—и искали ее у Жуковскаго.

И въ этомъ отношеніи, какъ во многихъ другихъ, романтики вступили въ наслѣдіе старшаго поколѣнія, отвернувшись отъ псевдо-классической традиціи къ самосознанію народности, которое въ области литературы поддержано было встрѣчными англійскими теченіями.

Гердеръ создалъ и пустилъ въ ходъ слово *Volkslied*, боевой кликъ, съ которымъ люди *Sturm und Drang*'а соединяли представленіе чего-то стихійнаго, голоса природы, звучавшаго въ пѣснѣ первобытнаго человѣка, а теперь дикаря, близкаго къ природѣ, оригинальнаго гевія. Такая пѣсня не творится, а происходитъ по внутренней необходимости, она—естественный актъ; „*ich singe, wie der Vogel singt*“, повторялось на всѣ лады. Такъ было по теоріи; на самомъ дѣлѣ лишь немногіе, какъ Гёте, способны были открыться очарованію настоящихъ народныхъ пѣсень, большинство принимало оптомъ старыя и новыя, уличныя и помѣщичьи, сочиненныя для народа и перешедшія къ нему. И не штюрмеры разобрались въ этой сумятицѣ, а просвѣтители, какъ Николай, указали имъ на ихъ фактическое непониманіе *Volkslied*'а, такъ мало отвѣчавшее теоретическимъ взглядамъ.

Но ферментъ остался, и очарованіе обновилось: на долю романтиковъ выпало выяснить ту идею народной поэзіи, которую мы и теперь считаемъ своею. Въ 1806—7 годахъ Arnim и Brentano издають „Des Knaben Wunderhorn“, за ними братья Гриммы—извѣстное собраніе нѣмецкихъ сказокъ. Сказки пересказаны вольно, но въ стилѣ, къ пѣснямъ Арнимъ отнесся съ свободой поэта, но движеніе уже вышло на сознательный путь научнаго исканія и поэтическаго усвоенія, и въ лирикѣ романтиковъ, какъ и у Гёте, звенить струна, и отзывается складъ народной пѣсни.

Въ пониманіи современной народной жизни, въ изображеніи родной природы, быта, перебой отъ чувствительно-пасторальнаго освѣщенія къ большей реальности приготовлялся постепенно: онъ замѣтенъ уже у Мюллера и Фосса; явились и попытки литературнаго употребленія нарѣчій, предварившія аллеманскія стихотворенія Гебеля. Но пониманіе нѣмецкой старины еще полно неясной идеализаціи, не различавшей своего и чужого. О кельтахъ и бардахъ знали по Оссиану, о сѣверныхъ скальдахъ—по Саксону Грамматику, Олаю, Кохлею и Маллету; тѣхъ и другихъ вѣрили народному прошлому; Эліасъ Шлегель пишетъ драму на сюжетъ Тевтобургской битвы, раздались бардіаты Рингульфа-Кречмана и Синеда-Дениса, Арминій сталъ героемъ дня (Клопптокъ, Эліасъ Шлегель), имя Hermann—типичнымъ для коренного нѣмецкаго юноши („Hermann und Dorothea“). Это было патріотическое возстановленіе; другое шло навстрѣчу чувствительно-анакреонтическимъ теченіямъ нѣмецкой литературы. Уже въ концѣ XVII вѣка нѣмецкій Minnesang вызывалъ интересъ и попытки обновленія (Мошерошъ, Hofmann von Hofmannswaldau); когда, благодаря Bodmer-Breitinger'у, содержаніе большого пѣсенника Manasse стало извѣстнымъ, интересъ обновился: миннезингеровъ пересказываютъ, имъ подражаютъ (Bodmer, Gottsched, Klopstock, Gleim, гёттингенцы и др.); современная анакреонтика представилась Бодмеру возродившимся миннезангомъ, но подъ условіемъ, чтобы новые поэты признали его своимъ необходимымъ образцомъ. Сочетаніе Minnesang'a съ анакреонтизмомъ привело къ представленію галантнаго рыцарства: у Миллера влюбленный рыцарь день-деньской бродитъ по слѣдамъ своей милой; у Бюргера идиллическая пастушка пастетъ свое стадо на могилѣ гудошника и т. д. Это одна сторона псевдо-исторической идеализаціи, унаслѣдованной и романтизмомъ, съ другой—строгая, скульптурная фигура Гётевскаго Гёца—первая бытовая картина изъ прошлаго, отъ которой вѣетъ ду-

хомъ исторіи. И у ней была своя исторія: отъ „Гёца“ и Шиллеровыхъ „Разбойниковъ“ пошли тѣ безконечные рыцарскіе и разбойничьи романы Veit'a, Weber'a (Wächter'a), Шписа, Крамера и др., въ которыхъ живое пониманіе старины Уольполя и Mrs Рэдклиффъ внесли мрачную фантастику духовъ, привидѣній и скелетовъ.

Когда явились на сцену романтики, выросла вмѣстѣ съ ними и наука нѣмецкой старины, черты которой стали представляться яснѣе и раздѣльнѣе, да и у романтиковъ поворотъ къ ней сознательнѣе; бардъ-Оссіанъ отзывается, по старой памяти, лишь у Гёрреса. И вотъ они увлечены миннезингерами и народными книгами, нѣмецкимъ эпосомъ и сагами, средне-вѣковымъ театромъ и Гансомъ Саксомъ, Викрамомъ, изъ художниковъ—Дюреромъ. Было надъ чѣмъ призадуматься, что опозитизировать заново, хотя не всегда въ мѣру. Задумчивая фигура Дюрера проходитъ по страницамъ „Sternbalds Wanderungen“, и жизнь нѣмецкаго художника XVI вѣка возникаетъ передъ нами въ освѣщеніи романтическаго художческаго идеала; картинки средне-вѣковой купеческой среды вброшены въ мистическую повѣсть Новалиса („Heinrich von Ofterdingen“), Ла-Моттъ-Фуке переноситъ насъ въ эпоху 30-лѣтней войны („Alwin“), либо къ крестовымъ походамъ, его кругозоръ обнимаетъ Швецію и Германію, Францію и Африку, на этомъ пространствѣ дѣется что-то таинственное, фатальное, не мѣшающее смѣнѣ южнаго и сѣвернаго освѣщеній и бутафорскому описанію рыцарства („Der Zauberring“); Тикъ переноситъ насъ въ мистику католической легенды, къ восторгамъ наивной вѣры, торжествующей среди страданій. Вездѣ идеализація, но подъ нею чувствуется историческая почва, попытка обобщить свое народное прошлое, подвести ему итоги и на нихъ опереть свое самосознаніе.

Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ Жуковскій остался въ преддверіи романтизма.

Начать съ языка. Въ отрывкахъ дневника отмѣчено: Бюргеръ въ балладахъ „единственный“, ибо онъ имѣетъ истинно приличный тонъ избранному имъ роду стихотвореній: ту простоту разсказа, которую долженъ имѣть повѣствователь. Его характеръ — счастливое употребленіе *выражений просто-народныхъ* и въ описаніяхъ и въ выраженіи чувства; краткость и ясность; приличіе и разнообразіе метровъ. Въ особенности изображаетъ онъ очень счастливо ужасное.... Шиллеръ менѣе простъ и живописенъ; языкъ его не имѣетъ *привлекательной*

простонародности Бюргерова языка, но онъ благороднѣе и пріятнѣе....; вообще Шиллеровъ языкъ ровнѣе, но онъ не такъ живъ, тогда какъ въ Бюргерѣ живость есть, можетъ быть, слѣдствіе свободы, менѣе ограниченной“. Бюргеръ ближе „къ простой, обыкновенной природѣ“; Шиллеръ болѣе философъ, а Бюргеръ простой повѣствователь ¹⁾. Съ этой похвалой *простонародности* Бюргерова языка интересно сравнить отзывъ Полевого. Жуковский въ басняхъ пытался, „кажется, говорить простонароднымъ языкомъ, но испугался суда современниковъ и пересталъ“ ²⁾; въ 1809 г. онъ находилъ въ баснѣ Крылова „нѣсколько выражений, противныхъ вкусу, грубыхъ“, которые не понравятся „людямъ, привыкшимъ къ языку хорошаго общества“ („О баснѣ и басняхъ Крылова“). Въ своей „Людмилѣ“ онъ не рискнулъ на реализмъ Катенинской „Ольги“, и если вполнѣдствіи дозволяетъ себѣ вульгаризмы, которыхъ не боялся корректный Дмитріевъ, то главнымъ образомъ въ пѣсняхъ шутилаго содержанія, долбинскихъ и арзамасскихъ; (взгомосить; шкворень взволдырять; и растопорчивши оглобли сани ждуть; пузо бурчить и хлебещеть; нещечко и др.).

На почвѣ языка легко было смѣшать народность съ простонародностью, въ карамзинскій періодъ ихъ не различали. Народная поэзія ставитъ вопросъ именно о народности.

Любовь къ народной пѣснѣ никогда не умирала даже въ нашихъ офранцуженныхъ дворянскихъ семьяхъ XVIII вѣка. Въ сборникахъ того времени онѣ сосѣдять съ заходими романсами; Михаилъ Поповъ исправляетъ русскія старыя пѣсни, находя ихъ неблагозвучными и грубыми („Россійская Эрато“, 1792 г.); являются попытки литературнаго подражанія (Львовъ, Николевъ, Дмитріевъ, Богдановичъ, Нелединскій-Мелецкій, Мерзляковъ), но для поэтическаго ихъ усвоенія время еще не настало. Державинъ, чуткій къ богатству „славянскаго баснословія, сказокъ и пѣсенъ“, собранныхъ Чулковымъ и Ключаревымъ, не открывалъ въ нихъ „поэзіи“: „онѣ одноцвѣтны и однотонны. Въ нихъ только господствуетъ гигантскъ или богатырское хвастовство, какъ въ хлѣбосольствѣ, такъ и въ сраженіяхъ, безъ всякаго вкуса. Выпиваютъ однимъ духомъ по ушату вина, побиваютъ тысячу басурмановъ трупомъ одного схваченнаго за ноги, и тому подобныя нелѣпицы, варварство и грубое неуваженіе женскому полу изъявляющія“.

¹⁾ Сл. Шевыревъ, „О значеніи Жуковскаго въ русской жизни и поэзіи“, Москва, 1853 г., стр. 74, прим. 35.

²⁾ „Очерки“, I, стр. 110.

Всего меньше можно было ожидать отъ поэтовъ сентименталистовъ, которымъ русскій бытъ и русская природа представлялись сквозь призму Кларана и идеализованныхъ швейцарцевъ; схема и рефлексія обязывали ихъ къ извѣстной повышенности настроенія и выраженія, и глаза не открывались на тѣ особенности, которыя видѣлъ въ нашихъ пѣсняхъ Полевой: именно въ ихъ „простотѣ, грубости вымысла и изложенія заключаются красоты необыкновенныя“, выразился онъ по поводу Мерзлякова и другихъ перелагателей народныхъ пѣсенъ ¹⁾ У Жуковского нѣтъ ничего похожаго на свѣжую сезенгеймскую пѣсенку Гёте: „Es sah ein Knab' ein Röslein stehn“, наша народная пѣсня его не вдохновила ни своимъ просторомъ, ни формой, къ которой былъ такъ чутокъ Пушкинъ, которая вызвала подражанія Дельвига и теоретическо-патріотическіе восторги Кюхельбекера. Характеризуя на старости лѣтъ „домашнія“, забавныя стихотворенія Жуковского, князь Вяземскій говорилъ, что въ нихъ „поэтъ мечтатель, поэтъ идеалистъ явился поэтомъ *реальнымъ* гораздо ранѣе эпохи процвѣтанія такъ называемой реальной или натуральной школы“, и тутъ же прибавляетъ, что „въ своей домашней поэзіи, нараспашку, онъ все-таки остается лебедемъ, играющимъ на свѣжемъ и чистомъ лонѣ свѣтлаго озера, а не уткой, которая полощется въ лужѣ на грязномъ дворикѣ корчмы или харчевни“ ²⁾. — Поэтическій реализмъ гдѣ-то посрединѣ между игрой лебедя и тѣмъ шаржемъ, впадающимъ въ гротескъ, которымъ отличаются многія изъ пьесъ Жуковского, писанныхъ „нараспашку“.

Все это касается и его стихотворныхъ сказокъ: въ нихъ реальной Русью отзываются развѣ имена Берендея, Ивана Царевича; фантастика не тронута новымъ пониманіемъ или ироніей Тика. Пока примѣръ Пушкина не побудилъ Жуковского къ литературной обработкѣ сказокъ, онъ интересовался ими, такъ сказать, поодаль, какъ интересовался и Батюшковъ ³⁾, просилъ знакомыхъ записывать ихъ: „эта національная поэзія, которая у насъ пропадаетъ, потому что никто не обращаетъ на нее вниманія: въ сказкахъ заключаются народные мнѣнія, суевѣрныя преданія даютъ понятіе о нравахъ ихъ и степени про-

¹⁾ „Очерки“, I, 436.

²⁾ Сл. „Выдержки изъ старыхъ бумагъ Остафьевскаго архива“, „Русскій Архивъ“ 1866 г., № 6, стр. 874.

³⁾ Соч., I, 240.

свѣщенія и о старинѣ“ ¹⁾. А между тѣмъ онъ часто искалъ на сторонѣ то, что было у него подъ рукою, свою „Спящую царевну“ въ сказкахъ Перро ²⁾, „Кота въ сапогахъ“ и „Тюльпанное дерево“ въ собраніи Гриммовъ. Въ 1831 году онъ и Пушкинъ писали взапуски „русскія народныя сказки... и чудное дѣло! Жуковского узнать нельзя, дивится Гоголь; кажется, появился новый обширный поэтъ, и уже *чисто русскій*, ничего германскаго и прежняго. А какая бездна новыхъ балладъ! Онѣ на-дняхъ выйдутъ“ ³⁾. Въ 1831 году напечатана была въ „Новосельѣ“ сказка о „Царѣ Берендеѣ“; но въ ней нѣтъ того дѣтскаго простодушія, той младенческой искренности, которая составляетъ существенную прелесть народныхъ преданій, писалъ Надеждинъ ⁴⁾. Пушкинъ ждетъ отъ Жуковского новыхъ балладъ; „былое съ нимъ сбывается опять“, повторяетъ онъ его слова въ письмѣ къ Плетневу (въ апрѣлѣ 1831 г.), но что это такое: переводы или сочиненія? „Дмитріевъ, думая критиковать Жуковского, далъ ему прездравый совѣтъ. Жуковскій, говорить онъ, въ своей деревнѣ заставляетъ старухъ себѣ ноги гладить и рассказывать сказки и потомъ перекладываетъ ихъ въ стихи. Преданія русскія ничуть не уступаютъ въ фантастической поэзіи преданіямъ ирландскимъ и германскимъ. Если все еще его несетъ вдохновеніемъ, то присовѣтуй ему читать Четь-Минею, особенно легенды о кіевскихъ чудотворцахъ: прелесть простоты и вымысла“. Совѣтъ хорошъ, но едва ли Жуковскій пошелъ бы далѣе елейно-поэтическихъ пересказовъ: тутъ было мѣсто для его „дѣвствованія“, тогда какъ Тиковская „Genoveva“ вся состоитъ изъ силетенія земныхъ и небесныхъ мотивовъ, христіанскаго аскетизма и такихъ эпизодовъ, какъ подсказан-

¹⁾ Письмо изъ Дерпта зимою 1816 г., „Русскій Архивъ“ 1864 г., стр. 468. Сл. письмо къ Маркевичу 24 февраля 1834 г. Къ 1817—19 г.г. относится тетрадь, приготовленная Жуковскимъ для замѣтокъ по „Сѣверной мифологіи и поэзіи“. „Подъ именемъ сѣверныхъ народовъ надо разумѣть обитателей Германіи, Даніи, Норвегіи, Швеціи, Бельгіи, Британіи, Исландіи“ (л. 2). На л. 16 заголовокъ: „Суевѣрныя мнѣнія, преданія, сказки народныя“, съ листа 17 по 21-й идутъ „народныя мнѣнія и сказанія нѣмцевъ и другихъ народовъ“ — извлеченія изъ Добенека. Сл. „Бумаги Жуковского“, I. с., стр. 165. — Въ 8-й строфѣ баллады „Старушка“ одинъ стихъ, не отвѣчающій оригиналу, подсказанъ былъ Жуковскому, можетъ быть, русскимъ повѣрьемъ: вѣдьма „власы невѣстъ въ огнѣ волшебномъ жгла“...

²⁾ Полевой, „Очерки“, I, 118.

³⁾ Къ Данилевскому 1831 г. 2 ноября.

⁴⁾ „Телескопъ“, 1833 г., ч. XIV, № 5, стр. 100.

ная Шекспиромъ сцена у балкона, вся сотканная изъ любви и звѣздъ, цвѣтовъ и луннаго свѣта.

Въ 1845 году Жуковскій предложилъ Плетневу для „Современника“ сказку объ Иванѣ Царевичѣ, „во всѣхъ статьяхъ русскую, рассказанную просто, на русскій ладъ, безъ примѣси постороннихъ украшеній“, хотя самъ авторъ сознается, что впряталъ въ нее „многое характеристическое, разсѣянное въ разныхъ русскихъ народныхъ сказахъ; подъ конецъ же я позволилъ себѣ и разболтаться“ ¹⁾. Прочтя сказку вмѣстѣ съ Плетневымъ, кн. Вяземскій замѣтилъ, что „такъ называемые ревнители народности“ станутъ ее критиковать, скажутъ, „что Иванъ Царевичъ лишенъ яркихъ красокъ сказочнаго русскаго языка и больше представляетъ собою собственное ваше (Жуковскаго) сочиненіе“. Иначе судить Плетневъ: „въ Иванѣ Царевичѣ не то достоинство, будто бы она (какъ вамъ хотѣлось) удержала въ себѣ весь характеръ той сказочницы, о которой вы такъ живо вспоминаете, но то, что летать съ нимъ легко, чувствуешь около себя дѣйствительно сказочную Русь, рѣчь вездѣ такая понятная и такъ близкая къ русскому сердцу и памяти выросшаго на рукахъ русскихъ нянюшекъ, а между тѣмъ есть и большое разнообразіе, какъ въ самой натурѣ,—рассказъ то шутливъ, то степененъ, то возвышенъ, то простъ. Видно, что эта сказка идетъ не изъ избы мужицкой, а изъ барскаго дома, и говорить ее не барской подлипало, а прямой поэтъ“ ²⁾.

„Сказку Жуковскаго о „Жарѣ-Птицѣ и сѣромъ волкѣ“ я читалъ въ „Современникѣ“, писалъ брату Н. М. Языковъ (19 генваря 1846 г.); хороша, и очень хороша, хотя и не соблюдено въ ней уваженіе къ русскимъ сказкамъ: въ нее ввелъ Жуковскій и Бабу-Ягу и гусли-самогуды и кое-что прибавилъ. Это, по-моему, не годится въ нѣкоторомъ смыслѣ“ ³⁾.

Понятно, что при указанныхъ условіяхъ, русскій бытъ и природа должны были являться въ нѣсколько отвлеченныхъ поэтическихъ образахъ, не свидѣтельствующихъ о непосредственномъ наблюденіи. Въ первомъ текстѣ „Марьиной рощи“ Марія сидитъ за самопрялкой и роняетъ веретено; издатель „Аглаи“ замѣтилъ автору, что Марія могла уронить веретено только сидя за прялкой, Жуковскій отдѣльвается шуткой: его „Марьиная роща“, будто бы, вся основана на древнихъ рукопи-

¹⁾ Къ Плетневу 1 іюля 1845 г.

²⁾ Плетневъ Жуковскому 25 декабря 1845/6 генваря 1846 г.

³⁾ „Русская Старина“ 1903 г., мартъ, стр. 537.

сяхъ и преданіяхъ; въ одной рукописи, современной, кажется, великому князю Владимиру, сказано, что Марія сидѣла за самопрялкой, въ другой, временъ Владимира Мономаха, говорится о веретенѣ. Авторъ свелъ оба показанія, пожертвовавъ естественною вѣроятностью вѣрности исторической. Для чего бы, напримѣръ, и мнѣ, вмѣсто того, чтобы умирать со скуки надъ пыльными, едва понятными записками древнихъ бытописателей, не спросить у первой попавшейся мнѣ крестьянки: имѣетъ ли она въ рукахъ веретено въ то время, когда сидитъ за самопрялкой? Она отвѣчала бы мнѣ рѣшительнѣе всякаго манускрипта, современнаго великому князю Владимиру“. Показателемъ русской природы, въ сентиментальномъ освѣщеніи Жуковского, является въ „Марьиной рощѣ“ и „Трехъ поясахъ“ цвѣтокъ: Маткина душка. Въ „Свѣтланѣ“ русскихъ бытовыхъ подробностей больше, но онѣ декоративныя, не подчеркивающія впечатлѣнія—народности.

Необходимо замѣтить, что чувство народнаго, мѣстнаго у Жуковского вообще какъ-то схематично-отвлеченно, изображаетъ ли онъ русскую, восточную или западную жизнь. Въ его переводахъ названія мѣстностей часто опущены, и вы недоумѣваете, гдѣ вы, и какіе нравы васъ окружаютъ. Въ „Пѣснѣ бѣдняка“ (изъ Уланда) благовѣстъ замѣнилъ органъ, дьячки въ стихаряхъ и кадила являются въ „Старушкѣ“ изъ Саути; въ „Воскресномъ утрѣ въ деревнѣ“ Гебеля которымъ Жуковский такъ увлекся въ Дерптѣ¹⁾, богослуженіе совершается по нашему обряду, а въ „Дочкѣ хозяйки“ (изъ Уланда) мы встрѣчаемся съ русской картиной: „Въ свѣтлицѣ свѣча предъ иконою горитъ“. Въ переводѣ „Овсянаго киселя“ (изъ Гебеля) нѣмецкое настроеніе осталось, несмотря на русскія имена (и Иванъ, и Лука, и Дуняша“) и такія выраженія, какъ „гнѣдко“ = Esel, „заскородилъ овесъ“, „колосъ оброшенный“.

Историческія повѣсти и поэмы Жуковского отражаютъ то же пониманіе въ области народной старины. Оно восходитъ къ историческимъ представленіямъ и операмъ Екатерины II и Державина и къ сказкамъ Чулкова, передѣлавшаго на манеръ „Bibliothèque Bleue“ „повѣствованія, которыя рассказываютъ въ

¹⁾ Батюшковъ не раздѣлялъ его вкуса; его письмо къ Жуковскому (1-го августа 1819 г.) относится къ тѣмъ многимъ, предупредительнымъ, въ которыхъ выражались опасенія его друзей: „прошу тебя писать ко мнѣ; чего тебѣ стоитъ, когда ты имѣешь время писать ко всѣмъ фрейлинамъ, и еще время переводить какого-то Базельскаго Пиндара на какіе-то пятистопные стихи, и со всѣмъ этимъ — писать еще, какъ Жуковский!“ (сл. выше стр. 281).

каждой харчевнѣ“. Далѣе традиція продолжается отъ „Добродѣтельной Розаны“ Лазаревича (1782 г.) и „Владимира“ Хераскова (1785 г.) до „Славянъ“ Богдановича и первыхъ опытовъ Карамзина („Наталья, боярская дочь“, 1792 г.; неоконченный „Илья Муромецъ“, 1794 г.) и Радищевыхъ („Бова“ Александра Радищева и „Алеша Поповичъ и Чурила Пленковичъ“ Николая Радищева, 1801 г.). „Вадимъ“ Жуковского явился въ одинъ годъ съ „Маршей Посадницей“ Карамзина и анонимной „Ольгой“ (1803 г.). Въ слѣдующемъ году вышелъ, по смерти автора, отрывокъ „Добрыни“ Н. Львова; „Оскольдъ“ М. П. Муравьева, напечатанный въ 1810 году, написанъ, быть можетъ, ранѣе.

Вездѣ одинъ и тотъ же сентиментально-классическій или оссиановскій, позже романтически-рыцарскій рецептъ (Кюхельбекеръ, Марлинскій, кн. А. И. Одоевскій); историческое освѣщеніе—патріотическое, крикливое или идиллическое. Дворъ Чулковскаго Владимира славится, несчетныя сокровища потрачены на „огромныя зданія, народныя и государственныя“; у князя „милліонъ войска“ лишь для великолѣпія монаршаго: съ него довольно и богатырей, съ ними „легко было бы ему завоевать цѣлый свѣтъ, если бы не удержали его отъ этого добродѣтели“. Какъ русская природа идеализовалась иной разъ на манеръ швейцарской Аркадіи, такъ и на народную старину переносили укладъ западной средневѣковой жизни, отъ Атиллы до рыцарства включительно. Оттуда шла и фантастика, наивно мѣшавшаяся съ тѣмъ, что знали о русской, ставившая Перуна рядомъ съ Однимъ (у Екатерины II), бабу-ягу съ Венерой (Державинъ, „Добрыня“). „Барды“ держатся у насъ отъ Державина до Жуковского и Языкова; въ „Поэзіи“ Карамзина бардъ—Моисей. Излюблены русско-варяжскія отношенія, и пошли въ ходъ скальды и Валгалла, Валки-валкиріи (Державинъ и др.); скальды и Бальдеръ, Перунъ и Радегастъ перенесены къ временамъ Атиллы въ славянскихъ пѣсняхъ Львова, подражаніи амазонскимъ пѣснямъ Вейса, которыя Львовъ считаетъ славянскими ¹⁾. Имена богатырей взяты изъ Чулкова, изъ него же или изъ Попова, Львова, Кайсарова—фантастическая славянорусская мифологія: Перунъ, Святovidъ, Лада и волшебница Добрада. Державинъ („Добрыня“) нашелъ ее въ чулковской сказкѣ, гдѣ она—благодѣтельная фея, покровительница Добрыни, который и получилъ отъ нея свое имя; въ другомъ мѣстѣ Державинъ опи-

¹⁾ „Иппокрена“, 1801 г., часть 8, стр. 230 слѣд., ч. 10, стр. 353 слѣд.; слѣд. ч. 9 его элегіи къ Миленѣ и къ богамъ, стр. 193 слѣд. и 273 слѣд.

сывается „домъ благодатный, неблазныя Добрады, Богини всякаго добра“, съ примѣчаніемъ, что это „богиня древнихъ сѣверныхъ народовъ“ („Обитель Добрады“, 1808 г.). Она является въ „Трехъ поясахъ“ Жуковского, мы съ ней еще встрѣтимся. — У Хераскова Усладь—славянскій богъ, какъ у Глинки („Древняя религія славянъ“) и Кайсарова („Славянская мифологія“, съ ссылкой на Хераскова); „богъ пиршествъ и роскоши, чтимый въ Кіевѣ“ (Львовъ) ¹⁾: у Жуковского это подходящее имя для влюбленнаго пѣвца, въ которомъ онъ любилъ изображать себя ²⁾; авторъ „Ольги“ изобрѣтетъ и „Разсуду-Минерву“. Сказывается вліяніе мотивовъ „Слова о полку Игоревѣ“: Херасковъ подражаетъ плачу Ярославны, Баянъ обобщается въ томъ же значеніи, какъ бардъ и скальдъ. Среди именъ Владимира, Игоря, Гостомысла (богатырь у Глинки), Радегаста (богъ варяжскихъ славянъ у него же, Кайсарова, Львова) посчастливилось Рогдаю Никоновской лѣтописи: Херасковъ въ своемъ „Владимирѣ возрожденномъ“ (1785 г.) изобразилъ этого рыцаря вольнодумцемъ, готовымъ помѣряться съ Богомъ; у Львова онъ стоитъ въ перечнѣ Владимировыхъ богатырей (Яна, Рогдая, Муромца Ильи, Александра, Андріана, Добрыни) ³⁾. Его знаетъ Жуковский („Марьяна роща, 1803 г.), Нарѣжный („Славянскіе вечера“, 1809 г.: Рогдай); въ балладѣ Кюхельбекера („Рогдаевы псы“) онъ—новгородскій посадникъ, могучій и смѣлый, попавшій „въ опасный полонъ неисходной любви“ къ своей ливонской плѣнницѣ, которая предпочла ему другого похитителя—татарина. Тема та же, что въ сказкѣ В. Л. Пушкина („Людмила и Усладь“).—Но въ особенной модѣ Вадимъ. Онъ издавна являлся типомъ патріота, либо носителемъ общественной идеи: онъ интересуется Екатериною II, Княжнина, Хераскова и Муравьева, Карамзина и Жуковского, Раевского, А. С. Пушкина, Рылѣева, Хомякова ⁴⁾. Княжнинъ сдѣлалъ его глашатаемъ народной свободы,

¹⁾ „Иппокрена“ 1801 г., часть 9, стр. 231, прим. 5.

²⁾ „Марьяна роща“; въ „Жалобѣ“, передѣлкѣ Шиллеровскаго „Der Jüngling am Bache“, Усладь замѣнилъ безыменнаго Jüngling, Кнabe. Сл. стихотвореніе кн. Вяземскаго „Усладь“, Полн. собр. соч., т. III, № CI, и сказку В. Л. Пушкина „Людмила и Усладь“ на тему, что собака вѣрнѣ любовницы, „Труды общества любителей русской словесности“, ч. XIII, 1819 г., стр. 67 слѣд. Сл. „Пѣвецъ Усладь“ Катенина и чувствительнаго пѣвца, баяна, Услава у Языкова.

³⁾ „Иппокрена“ 1801 г., ч. 10, стр. 409; сл. его же: „Храмъ славы россійскихъ героевъ отъ временъ Гостомысла до царствованія Романовыхъ“. СПб. 1803 г., стр. XXXVII и 19: раменистый Рогдай.

⁴⁾ 23 ноября 1825 г. Сергѣй Ив. Тургеневъ писалъ Жуковскому изъ

въ „Оскольдѣ“ Муравьева Вадимъ, возставшій противъ Рюрика и потерпѣвшій пораженіе, явился въ освѣщеніи сентиментализма и оссіанизма на классической канвѣ: на сценѣ „дѣвы мстительницы“, сѣверныя „неутомимыя валки“, чертоги Одина, восторженный скальдъ и Вальмиръ, питающій на дикихъ берегахъ Чудского озера глубокую свою задумчивость. „Вадимъ“ Жуковского написанъ въ томъ же тонѣ: мѣсто дѣйствія—берега Ладоги, осенній вечеръ; солнце катится въ шумящее озеро, воетъ вѣтеръ, летятъ мрачныя облака, и дымятся сѣдые туманы. Изгнанникъ Гостомысль, когда-то властитель Новгорода, которымъ завладѣли иноплеменники, сидитъ на порогѣ хижины и поетъ подъ звуки арфы: „Шумите, шумите, вѣтры, чада угрюмаго Посвиста (Борей славянскій)“. Сюда является къ нему Вадимъ, сынъ Гостомыслова друга Радегаста, прелестный, какъ Дагода (= Зефиръ), величественный, какъ Святovidъ (богъ лѣта и брака, которому поклонялись славяне Рюгена). Онъ когда-то видѣлъ Гостомысли въ его величіи, грознымъ полководцемъ, видѣлъ славянъ, благословляющихъ память изгнанника Радегаста, видѣлъ вѣнцы, летящія къ ногамъ его сына, и „вообразилъ себя сыномъ Великаго Новгорода“. Что разумѣется подъ „гражданиномъ“, остается неяснымъ, ибо повѣсть, планъ которой снятъ съ флоріановскаго „Вильгельма Телля“, не кончена, но мы можемъ предугадать освѣщеніе Жуковского, если вспомнимъ, что для него понятія гражданственности, свободы, исчезали въ требованіи личнаго развитія, преуспѣянія человѣчности, „души“. Позже обновляется Княжнинскій взглядъ на Вадима; когда Кюхельбекеръ читалъ въ Парижѣ о либеральномъ движеніи въ Россіи, Вадимъ былъ для него представителемъ Новгородской вольности; такъ и въ неконченной думѣ Рылѣева.

Уже первая послѣ „Вадима“ повѣсти Жуковского, „Три пояса“ и „Марына Роша“ (1808 г.), даютъ понятіе о той идиллической и вмѣстѣ торжественной утопіи, какой представилась ему русская древность. Между этими повѣстями, не лишеными автобіографическаго значенія, и „Двѣнадцатью Спящими Дѣвами“ („Громобой“, 1810 г., „Вадимъ“, 1817 г.) слѣдуетъ помѣстить „комическую оперу“, до послѣдней поры остававшуюся въ рукописи и, вѣроятно, никогда не предназначавшуюся къ обработкѣ: „Богатырь Алеша Поповичъ, или страшныя развалины“ ¹⁾.

Москвы, рекомендуя молодого Хомякова: „заставьте современемъ прочесть себѣ его поэму Вадимъ“. Сл. „Русскій Архивъ“ 1902 г., июль, стр. 457.

¹⁾ Напечатана впервые въ изданіи проф. Архангельскаго, т. 4-й, стр. 78 слѣд.

Она въ прозѣ, съ стихотворными партіями, романсами и дуэтами для пѣнія, и снабжена подробными сценическими указаніями. Набросокъ (1804—8 гг.) писанъ на бумагѣ 1804 г.; въ томъ же году Державинъ напечаталъ своего „Добрыню“, театральное представленіе съ музыкой, содержаніе котораго навѣяно Чулковской сказкой. Связь между этой пьесой и либретто Жуковского представляется очень вѣроятной: то же смѣшеніе прозы съ пѣснями, при чемъ во многихъ случаяхъ преимущество народнаго колорита на сторонѣ Державина; тотъ же кропотливый сценарій, есть сходныя положенія, тѣ же роли Добрады и Торспа, комическая партія котораго намѣчена; Жуковский довелъ своего Барму до шаржа. Разница въ фантастикѣ: у Державина она сказочно-классическая, Жуковский ударился теперь въ ту фантастику, которую ввели въ моду нѣмецкіе романы 80—90 годовъ, полные привидѣній, разбоевъ, кровосмѣшеній и таинственной игры случая. Все это правилось Жуковскому, пока въ грубоватомъ подражаніи, и все это одухотворится: Алеша приготовитъ „Двѣнадцать Спящихъ Дѣвъ“, пересказанныхъ по роману Шписа. Какъ Вадимъ будитъ дочь грѣшнаго Громобоя изъ ея волшебнаго сна и женится на ней, такъ въ либретто Алеша Поповичъ путемъ разныхъ приключеній добываетъ дочь Громобоя Любимиру, которую скупой бояринъ не хотѣлъ выдать за бѣднаго богатыря; Вадимомъ руководитъ какой-то таинственный старецъ, Алешей—духъ убитой мужемъ Милолики, являющийся въ видѣ старца. Судя по тому, что въ трехъ мѣстахъ рукописи вмѣсто Любимиры стоитъ зачеркнутое имя Матильды, мы въ правѣ предположить, что для „Двѣнадцати Спящихъ Дѣвъ“ Жуковский могъ заимствовать канву либретто изъ какого-нибудь нѣмецкаго источника: имя Матильды напоминаетъ героиню Новалиса („Heinrich von Ofterdingen“). Освѣщеніе русской жизни—средневѣковое, рыцарское; кромѣ Алеши, богатыри (Добрыня Никитичъ, Чурило Пленковичъ, Василій Богуслаевичъ, Ерусланъ Лазаревичъ, Илья Муромецъ) являются исключительно въ качествѣ хора: ихъ застава—гостиница Силуяна, къ которой дѣйствіе постоянно возвращается; они пьютъ подъ пѣсню и балалайку Соловья-пѣвца, либо куда-то ѣдутъ, и снова въ гостиницѣ. Соловей видѣлъ въ Кіевѣ, какъ на „играхъ богатырскихъ“ отличился Алеша, видѣлъ, „что вы очень умильно поглядывали на прекрасную Любимиру, дочь боярина Громобоя, что вы даже краснѣли, когда нечаянно встрѣчались съ нею глазами, что она сама краснѣла, что вы одни ее занимали“. Алеша сознается, что влюбился: „побѣдилъ—и остался побѣжденнымъ“. Илья го-

ворить въ томъ же тонѣ: видно „плѣнила тебя какая-нибудь красная дѣвушка“? спрашиваетъ онъ Чурилу. Чурило: „Я не смотрѣлъ на нихъ! И было ли время смотрѣть“? „Не смотрѣлъ! Право? Какой чудакъ! Для чего же ты живешь на свѣтѣ? По моему мнѣнію, человекъ, у котораго сердце не забьется при видѣ красавицы, конечно, безъ нужды бременить землю. Я бы посовѣтовалъ ему поскорѣе утопиться“. Любимира, успѣвшая полюбить Алешу, просватана за богатаго Калиту, но Алеша получить ея руку, если совершить подвигъ—искушенія. Недалеко отъ Кіева стоялъ замокъ богатыря Горюна, котораго прозвали разбойникомъ „за то, что онъ разбойничалъ по дорогамъ; говорятъ, что онъ былъ другъ одного злого чародѣя людодѣда, безбожника, сожженного молніей Перуна“. Долго онъ „проказничалъ на семь свѣтѣ, не было отъ него проходу ни встрѣчному, ни поперечному“; онъ зарѣзалъ свою жену Милолику, духъ которой не знаетъ съ тѣхъ поръ покоя; наконецъ онъ и самъ пропалъ невѣдомо куда, замокъ его обратился въ развалины, „тамъ дѣлаются страшныя чудеса: тамъ видятъ огромныхъ волотовъ съ огненными глазами, рогатыхъ лѣшнихъ, русалокъ, которыя кричатъ, воютъ, плачутъ, смѣются“. Въ развалинахъ богатый кладъ, кто успокоитъ духъ Милолики, тому онъ и достанется. Алеша смѣется надъ этими розсказнями: онъ „пересмѣшникъ“, какъ въ былинахъ ¹⁾, влюбленъ, какъ и былевой Алеша охотникъ до любовныхъ приключеній: можетъ быть, такая же идеализація пѣсеннаго типа, какъ кощунствующій Рогдай у Хераскова напоминаетъ былинну о гибели богатырей на Руси.—Милолика является ему въ образѣ старика и говорить, что онъ достигнетъ своей цѣли, т.-е. достанетъ Любимиру, если побѣдитъ препятствія и не забудетъ „о бѣдномъ, страждущемъ духѣ въ ужасныхъ развалинахъ“; то же повторяетъ ему и его покровительница волшебница Добрада: онъ избранъ Чернобогомъ, чтобы прекратить страданья Милолики, и въ награду за смѣлость, получить руку милой.

Въ дальнѣйшихъ подвигахъ Алеши принимаетъ участіе его оруженосецъ Барма (сказочное имя) „кудрявая голова“, трусъ, хвастунъ и объѣдало, напоминающій своей ролью Лепорелло; въ сущности, одна его партія и даетъ право на названіе оперы комической. Прежде всего Алеша ѣдетъ къ Громобою, говорить, что любитъ его дочь, „какъ должно совѣстному богатырю“, и

¹⁾ „Богатырь забавнѣйшій изъ всѣхъ, заслужившихъ сіе имя“; „не столько славенъ своею силою, какъ хитростью и забавнымъ нравомъ“. См. Чулковъ, „Русскія сказки“, Повѣсть о Добрынѣ.

„что одна любовь дѣлаетъ жену счастливою“ и т. д. Громобой отказывается. „Бѣдный я человекъ! плачется Алеша; Лада мнѣ жестоко отмстила! Я прежде смѣялся надъ любовью, называлъ ее сумасшествіемъ, думалъ объ однихъ сраженіяхъ, гонялся за дикими звѣрями, побивалъ войска и побѣждалъ богатырей, теперь люблю страстно и пламенно... Но развѣ нѣтъ никакой надежды?... а волшебница Добрада“? Онъ готовъ дѣйствовать. Между тѣмъ въ теремъ Любириры, бесѣдовавшей съ мамкой о своей несчастной любви, является въ образѣ дѣвочки Добрада и поетъ подъ звуки лиры романсъ, въ которомъ вѣщаетъ ей, что „милый другъ сердца“ скоро явится. Волшебница исчезла, а Алеша уже въ теремѣ: происходитъ объясненіе въ любви, прерванное появленіемъ Калиты и Громобоя; его челядь окружила и обезоружила Алешу, но раздается громовый ударъ, является „духъ въ видѣ воина, покрытаго черными латами, съ закрытымъ забраломъ шлема“. Развѣ мало одного убійства? обращается онъ къ Калитѣ; при этомъ задняя декорація поднимается, „видѣнъ черный лѣсъ, на землѣ лежитъ женщина, окровавленная, съ кинжаломъ въ груди. Геній смерти въ покрывалѣ съ потупленною головою, обративъ факель жизни, погашаетъ его“. Женщина эта—Мирослава, дочь стараго Добрыни, убитая Калитой за то, что отвергла его любовь. „О, Перунъ! я погибъ!“ кричитъ Калита и падаетъ на землю; духъ и Алеша Поновичъ исчезаютъ.

Богатыри сидятъ у Силуяна, они узнали объ участи Алеши и готовятся отмстить за „названнаго брата“, когда является и онъ самъ; комическая сцена съ Бармой, который слышалъ о приключеніи въ палатахъ Громобоя и принимаетъ Алешу за привидѣніе. Между тѣмъ Громобой готовится бросить дочь въ погребъ, пока она не согласится на бракъ съ Калитой, но Добрада въ видѣ генія съ арфой уводитъ ее на глазахъ увсѣхъ, а духъ Милолики (въ образѣ старушки) говоритъ, будто Любирира утопилась въ Днѣпрѣ; Калиту она предостерегаетъ, что онъ семь разъ будетъ убійцей невинныхъ для искупленія смерти своей матери; шесть убійствъ уже совершилось, седьмое совершится съ его смертью. Калита оказывается сыномъ Милолики.

Въ слѣдующемъ явленіи Алеша и Барма идутъ къ развалинамъ по лѣсу, мѣсяцъ свѣтитъ, Добрада въ видѣ мальчика передъ ними съ факеломъ въ рукѣ; Барма труситъ, какая-то рука бьетъ его по зубамъ; онъ принимаетъ дерево за великана, проситъ, чтобъ ему позволили вернуться, и ужасный духъ съ дубиною и огромнымъ фонаремъ отводитъ его назадъ въ гостиницу.—

Алеша въ развалинахъ: „на стѣнахъ мохъ, трава. Окна, двери обрушились. Въ горницѣ, пространной, со сводомъ, видны признаки скорого бѣгства. Разбросанныя платья; на столѣ горятъ два свѣтильника, на полу кинжалъ“. Явленіе духа Милолики. „Меня умертвилъ супругъ мой. Я спасла одного несчастнаго юношу, котораго онъ измѣннически заманилъ въ свой замокъ, затѣмъ, ограбивъ, закололъ“. Алеша долженъ отыскать мѣсто, гдѣ погребенъ Горюнь, и похоронить съ нимъ тѣло Милолики, брошенное имъ въ источникъ; лишь тогда она успокоится „въ объятіяхъ Чернобога“; ея сынъ Калита никогда не зналъ ни отца, ни матери, и не узнаетъ (какъ въ романѣ Шписа, что Жуковскій опустилъ въ своихъ „Двѣнадцати Спящихъ Дѣвахъ“); „онъ долженъ семь разъ сдѣлаться убійцею въ 34 года своей жизни, когда же они пройдутъ, онъ долженъ, въ отмщеніе, умереть отъ руки своей матери“. Алеша общается все сдѣлать; духъ исчезаетъ; Добрада съ пальмовой вѣтвью является позади богатыря и уводитъ его съ собою. Бьетъ 12 часовъ, входитъ Барма (духъ привелъ его не въ гостиницу, а къ развалинамъ) и съ испуга прячется подъ столъ; привидѣнія бѣгаютъ по горницѣ, поютъ „страшнымъ хоромъ“, пляшутъ, но дѣлаются недвижимыми при появленіи Добрады; столъ, подъ которымъ сидѣлъ Барма, исчезаетъ, а самъ онъ вылетаетъ въ окно на огромной летучей мыши. Стукъ и трескъ, занавѣсъ падаетъ.

Богатыри сидятъ въ гостиницѣ; входитъ Милолика въ видѣ богатыря, въ черной бронѣ, съ пергаментнымъ свиткомъ въ рукахъ, обернутымъ въ черный креплъ, и приглашаетъ всѣхъ въ замокъ Громобоя быть свидѣтелями его поединка съ Калитой: онъ убійца Мирославы. Богатыри общаются и идутъ искать Алешу, чтобы и ему сообщить это извѣстіе. Между тѣмъ Алеша плутаетъ по лѣсу, нашель Барму, котораго летучая мышь оставила на утесѣ, но служители Добрыни признали его по вооруженію, похожему на вооруженіе Калиты (голубой панцырь, бѣлыя перья на шлемѣ), за убійцу ихъ боярышни, осилили его и ведутъ. „То-то молодецъ! Насилу его взяли, говоритъ Барма, спрятавшійся во время боя въ кусты. И я не трусь! Я бы имъ не дался въ руки! Но въ чужія дѣла не люблю вмѣшиваться“. Когда Добрада, явившись въ видѣ дочери лѣсника, спрашиваетъ, откуда онъ, онъ отвѣчаетъ, что прямо изъ сраженія: „мы сражались, какъ отчаянные!.... Всѣ убѣжали. Я одинъ остался, какъ видишь, непобѣдимымъ“. Добрада хочетъ проучить хвастуна; въ слѣдующей продѣлкѣ участвуетъ и Милолика, являющаяся лѣсниковой дочерью, за которой начи-

наетъ ухаживать Барма, а затѣмъ обращающаяся въ дряхлую, безобразную старуху. Шутка кончается тѣмъ, что духи окружаютъ Барму и выгоняютъ его бичами.

Богатыри прѣзжаютъ къ Громобой, Чурило обвиняетъ Калиту, и бой назначенъ. Милолика освобождаетъ Алешу, котораго Добрыня заключилъ въ погребъ; Добрыня она говоритъ, что убійца его дочери — Калита, съ нимъ сразится Алеша.

Мѣсто поединка огорожено черными перилами, на черныхъ скамьяхъ богатыри, судьи поединка, въ черныхъ латахъ. Во время боя являются духъ Мирославы и Милолика въ образѣ старика; она удерживаетъ Калиту, бросившагося съ булавой на Алешу, у котораго сломался мечъ; заставивъ Калиту признаться въ убійствѣ и принявъ свой собственный видъ, она поражаетъ его кинжаломъ: „умирай отъ кинжала своей матери“!

— „Моя мать“! восклицаетъ онъ, падая.

Громобой горюетъ по дочери; онъ одинокъ, на что ему богатства? Онъ сталъ добрѣе и пріютилъ у себя старушку-Любимиру и мальчика-Добраду: онъ замѣняетъ ему потерю. Любимира открывается ему; отецъ въ восторгѣ, посылаетъ за Алешей и богатырями, велитъ все готовить для помолвки, хочетъ веселиться.

А между тѣмъ Алеша съ Бармой ѣдутъ къ пустыннику-Милолику: она показываетъ Алешѣ его будущее (видѣніе его брачнаго торжества въ храмѣ Лады) и прошедшее (видѣніе Алеши-пловца, корабль котораго разбивается о камни, старикъ является посреди волнъ и спасаетъ его) и говоритъ о несчастномъ, тридцать лѣтъ томящемся здѣсь въ подземельѣ: онъ страдаетъ „за свои преступленія, желаетъ смерти, которая бѣжитъ отъ него, проклинаетъ жизнь и живетъ“, пока какой-нибудь смѣлый юноша не согласится добровольно подать ему руку помощи. Алеша сходитъ въ подземелье (пока Добрада потѣшается надъ Бармой); передъ нимъ Горюнъ въ цѣняхъ, блѣдный, сухой, борода по колѣна; когда-то онъ звался Пересвѣтомъ, затѣмъ его прозвали Горюномъ; убійства и грабежи были ему забавой; когда онъ закололъ Милолику, духи мщенія повергли его въ подземелье, заковали въ оковы; здѣсь онъ томится, милосердный пустынникъ (Милолика) приноситъ ему пищу. Алеша говоритъ ему, что успокоеніе Милолики требуетъ, чтобы онъ оставилъ это мѣсто; оковы падаютъ съ Горюна; громовый ударъ, и онъ узнаетъ глухой лѣсъ, источникъ, куда онъ бросилъ тѣло убитой, въ сторонѣ развалины замка. Алеша открываетъ ему,

что онъ до тѣхъ поръ будетъ страдать и странствовать, пока его прахъ не будетъ покоиться подлѣ костей Милолики. „Рѣшишь, Пересвѣтъ!“ и тотъ готовъ безъ трепета покориться, приближается къ источнику и падаетъ въ него, сраженный молніей. Преображенная Милолика является въ облакѣ, съ оливной вѣтвью въ рукахъ, благодарить Алешу за свое избавленіе; сокровища въ развалинахъ достанутся ему, пусть спѣшитъ въ объятья Любири.

Либретто кончается картиной съ участіемъ Добрады и духовъ; пылающій жертвенникъ, богатыри; Любири бѣжитъ въ объятія Алеши, Громобой соединяетъ ихъ руки.

Таково содержаніе „Алеши“; онъ остался въ черновикѣ, но „Громобой“ и „Вадимъ“ вышли изъ тѣхъ же матеріаловъ. Имя Громобоя взято, вѣроятно, изъ Чулковской сказки („Повѣсть о дворянинѣ Заолешанинѣ, богатырѣ, служившемъ князю Владимиру“); тамъ его настоящее имя Свенелдъ; по смерти Святослава онъ удалился въ деревню по побужденію волшебницы Добрады, предвидѣвшей, что его сердце, дотолѣ упражнявшееся въ одной храбрости, готовилось дать дань природѣ, что въ праздности и уединеніи должно оно полюбить. Но такъ какъ „опредѣленіе судебъ конечно участвуетъ въ бракахъ“, Свенелдъ никого не могъ полюбить, кромѣ Милены, и онъ ищетъ ее, самъ того не вѣдая. Милена зачарована; ея освободитель долженъ быть „пригожъ, добродѣтеленъ и неустрашимъ“. И Добрада ведетъ Громобоя къ Миленѣ; ихъ сынъ Звениславъ, дворянинъ Заолешанинъ.—„Громобой“ Каменева (отрывокъ) взятъ изъ сказки; кромѣ имени главнаго дѣйствующаго лица (Громобой, наперсникъ Святослава), еще и Звениславъ; вмѣсто Милены—Калханта.

Чулковская сказка указывала на мотивы, приготовлявшіе къ мотивамъ исканія у Шписа. Но надо сличить съ ними „балладу“ Жуковского, чтобы одѣнить приемы его „подражательнаго творчества“. Ненужныя повторенія фантастическихъ приключеній удалены, планъ сталъ яснѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ впечатлѣніе чего-то таинственнаго, нездѣшняго усилилось; по обычаю смягчены эпизоды соблазнительнаго или вообще реальнаго характера: нѣтъ безконечныхъ любовныхъ искушеній, опущенъ рассказъ о необычныхъ условіяхъ, въ которыхъ, по требованію сатаны, долженъ родиться Вилибальдъ-Вадимъ. Въ концѣ романа Вилибальдъ женится, у него 8 сыновей и 4 дочери; въ старомъ планѣ „Искушенія“ Вадимъ соединяется съ „любезной и идетъ въ домъ родительскій“; въ „Вадимѣ“ все это окружено какой-то неизъяснимой тайной: тайна въ храмѣ, гдѣ

Передъ угодникомъ горить,
Какъ въ древни дни, лампада,
И благодатное бѣжитъ
Сіяніе отъ взгляда,

гдѣ кто-то „свѣтлый“ простерся въ алтарѣ передъ потиромъ, тогда какъ Вадимъ съ подругой очутились передъ налоемъ, и слышится „гимнъ вѣнчальный“. Все это едва намѣчено, недосказано, все ведетъ къ сценѣ искупленія грѣшника. Этого искупленія ждутъ, и увѣренность является;

И было все для нихъ отвѣтъ:
И холмъ помолодѣлый,
И луга обновленный цвѣтъ,
И бѣгъ рѣки веселый,
И воскрешенныя древета
Съ вершинами живыми,
И, какъ безсмертье, небеса
Спокойныя надъ ними.

Впечатленіе такое, какъ-будто все это дѣется гдѣ-то „тамъ“ въ мірѣ сказки, воздвигающей на Днѣпрѣ, подъ Кіевомъ, средне-вѣковые замки и надѣляющей новгородскаго Вадима не только красотой, мужествомъ „и сердца простотою“, но и настроеніемъ сентименталиста:

Чего искать? Въ какихъ странахъ?
Къ чему стремить желанье?...
Все, все Вадиму говоритъ
О чемъ-то неизвѣстномъ.

„Двѣнадцать Спящихъ Дѣвъ“ даютъ намъ приблизительное понятіе о томъ, что вышло бы изъ поэмы „Владимиръ“, которую Жуковский затѣялъ въ 1809—1810 годахъ, и слѣды которой можно намѣтить до начала 20-хъ годовъ. Эпическая поэма была въ чести; ее ждали отъ Жуковского ¹⁾. „Пиши своего Володимира“ поощряетъ его Батюшковъ 26 іюня 1810 г.; планъ еще зрѣетъ въ его головѣ; онъ готовится къ нему, хочетъ „имѣть основательное понятіе о древности славянской и русской“; затѣваетъ

¹⁾ Пушкинъ ждалъ ее отъ Гнѣдича: „Тѣнь Святослава скитается не-воспѣтая, писали вы мнѣ когда-то. А Владимиръ? А Мстиславъ? А Донской? А Ермакъ“? (1825 г. 23 февраля, Михайловское).

путешествіе въ Кіевъ (къ Тургеневу августа 1810 г.); въ слѣдующемъ письмѣ (12 сентября) онъ откровеннѣе: Тургеневъ совѣтовалъ ему предпочесть Святослава Владимиру, но „Владимиръ есть нашъ Карлъ Великій, а богатыри его—тѣ рыцари, которые были при дворѣ Карла; сказки и преданія пріучили насъ окружать Владимира какимъ-то баснословнымъ блескомъ, который можетъ замѣнить самое историческое вѣроятіе. Читатель легче вѣритъ вымысламъ о Владимирѣ, нежели о Святославѣ, хотя послѣдній по героическому характеру своему и болѣе принадлежитъ поэзіи, нежели первый. Благодаря древнимъ романамъ, ни Аріосту, ни Виланду никто не поставилъ въ вину, что они окружили Карла Великаго рыцарями, хотя въ его время рыцарства еще не существовало. Что же касается святости Владимира, то можно говорить объ немъ и заставить его дѣйствовать приличнымъ образомъ его историческому характеру; къ тому же главнымъ дѣйствующимъ лицомъ будетъ не онъ, а я его сдѣлаю точкою соединенія всѣхъ постороннихъ дѣйствій, для сохраненія единства. Поэма же будетъ не героическая, а то, что нѣмцы называютъ *romantisches Heldengedicht*, слѣдовательно я позволю себѣ смѣсь всякаго рода вымысловъ, но на ряду съ баснею постараюсь вести истину историческую, а съ вымыслами постараюсь соединить и вѣрное изображеніе нравовъ, характера времени, мѣстныя, позволяя, однако, себѣ правы и мѣстныя времена до Владимира перенести въ его время, ибо это принадлежитъ къ вольности стихотворнаго дворянства, даннаго нашей братьѣ императоромъ Фебомъ“.

О „Владимирѣ“ упоминаетъ Жуковскій и въ письмахъ къ Тургеневу отъ 4 и 7 ноября того же года („Владимиръ будетъ моимъ фаросомъ“). Въ 1809—1812 годахъ онъ отмѣчаетъ для себя авторовъ и произведенія, съ которыми ему слѣдовало познакомиться для поэмы; изъ русскихъ источниковъ названы лѣтописи, Духовная Владимира Мономаха, „Слово о Полку Игоревѣ“, которое Жуковскій собирался переводить¹⁾, народныя русскія пѣсни и сказки; перечень западныхъ представляетъ пеструю смѣсь: Гомеръ, Виргилій, Овидій, Аріостъ, Тассъ, Камюэнсъ, Мильтонъ, Шекспиръ, Саути, Маттисонъ, Вальтеръ Скоттъ, Оссіанъ, Эдда, Пѣснь о Нибелунгахъ, западно-европейскія народныя баллады, романы Трессана, Richardet и др. Отмѣчены мѣста, достойныя подражанія: изъ Гомера „каталогъ войскъ“, сравненіе войска съ лебедями и пчелами, единоборство Париса и

¹⁾ „Бумаги Жуковского“, стр. 156.

Менелая; изъ Тасса: описаніе Арמידина сада, Клоринды, очарованнаго лѣса, изъ „Роланда“ (Аріосто) описаніе острова Альдины и т. д. На Виланда нѣтъ указанія, но его „Оберона“ Жуковскій затѣвалъ переводить въ 1811 г. ¹⁾, а въ перечнѣ задуманныхъ имъ произведеній, относящемся къ 1812 году, стоятъ рядомъ: „Владимиръ, Оберонъ“ ²⁾, что объясняетъ, быть можетъ, позднѣйшую замѣтку Воейкова при посланіи къ нему Жуковского, что „Владимиръ“ былъ затѣянъ въ стилѣ „Оберона“.

Сохранились въ двухъ небольшихъ наброскахъ „Мысли для поэмы“ и нѣсколько относящихся до нея фразъ, изъ которыхъ отмѣтимъ слѣдующую: „Царь-Дѣвица мститъ за брата своего, убитаго Ильей, требуетъ, чтобы онъ былъ отданъ ей въ руки. Царь-Дѣвица встрѣчается съ Ильей и ѣдетъ съ нимъ въ замокъ любви, не зная его. Онъ избавляется Добрыней. Вѣдьма, очаровавшая богатырей“. Это, можетъ быть, мотивъ былинъ о „трехъ поѣздкахъ Ильи“, но наизнанку: Илья заѣзжалъ къ прекрасной королевичнѣ (Зенирѣ у Рыбникова, IV, 25), которая хочетъ прельстить его, но Илья ее перехитрилъ и освобождаетъ заключенныхъ ею богатырей Алешу и Добрыню.

Именно Добрыня долженъ былъ быть героемъ поэмы, какъ въ неконченной поэмѣ Львова и у Державина; имена нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ подтверждаютъ знакомство Жуковского съ Державинскимъ „Добрыней“, можетъ быть, и съ Чулковской сказкой: въ послѣдней Добрыня воспитанъ волшебницей Добрадой, которая помогаетъ ему освободить отъ очарованія царицу Карсену и ея милаго, печенѣгскаго властителя Куруса; они соединяются бракомъ; Добрыня бьется съ Тугаринимъ, притязавшимъ на руку болгарской княжны *Милолики* и подошедшимъ подъ Кіевъ, когда она досталась въ жены Владимиру.

Изъ двухъ дошедшихъ до насъ плановъ поэмы, одинъ, краткій, зачеркнутъ авторомъ и, вѣроятно, не дописанъ: Тугаринъ осадилъ Кіевъ, Добрыня нѣтъ въ городѣ, а онъ одинъ можетъ побѣдить Тугарина; въ числѣ богатырей послѣдняго — Полканъ, Зміуланъ, Карачунъ; „Илья, мучимый любовью, въ лѣсу пустынноикомъ; встрѣчается съ Рогнѣдой и креститъ ее. Ерусланъ отыскиваетъ *Милославу* въ замкѣ Карачуна. Сраженіе Алеси съ Зміуланомъ, Царь-Дѣвица и Добрыня“.

Второй планъ пространнѣе, но распорядокъ тотъ же. Добрыня посланъ за мечомъ-самосѣкомъ, Златокопытомъ, водою юности

¹⁾ Ib., стр. 53.

²⁾ Ib., стр. 55.

а къ Кіеву подходит Полканъ Невредимый, требуетъ, чтобы Владимиръ уступилъ ему свою невѣсту Милолику; привезли ее Ярославъ и Радегастъ новгородскій, „убійца своей любовницы, мучимый привидѣніемъ“. Въ числѣ богатырей Владиміра—Рогдай и Громобой, у Полкана-Тугарина—Зилантъ, Зміулантъ. Не даромъ въ разсказѣ о поѣздкѣ Добрыни намѣченъ былъ эпизодъ: „Исторія Добрады и Черномора“; очевидно вліяніе Чулковской сказки, какъ далѣе Тасса и Аріоста; послѣднее преобразило мотивъ объ Ильѣ и Царь-Дѣвицѣ: вмѣсто нея Зилена, любовница Ильи, оба очарованы въ жилищѣ Люцины. Разсказъ переносится въ Кіевъ и снова къ Добрынѣ; онъ досталъ мечъ и Златокопыта, разрушилъ очарованіе Ксеніи (Карсены Чулкова?), проводитъ съ нею ночь въ долинѣ и лишается ея. Слѣдуетъ возвращеніе Добрыни въ Кіевъ: онъ сражается съ Полканомъ и побѣждаетъ. Владимиръ уступаетъ Милолику Радегасту, являются Ксенія и Добрада, поэма должна была кончиться брачною ночью Ксеніи съ Добрыней ¹⁾).

Мы не сосчитались еще съ нѣкоторыми литературными воспоминаніями, которыя могли имѣть вліяніе на затѣю Жуковского: Каменевскій Громвалъ, руководимый добродѣтельной волшебницей Добрадой, ищетъ свою милую Рогнѣду, похищенную Зломоромъ; какъ „Раиса“ Карамзина дала Жуковскому имя Людмилы („Три пояса“ 1808 г., „Людмила“, „Плачь Людмилы“—подражаніе Шиллеровой „Амалии“ 1809 г.) ²⁾, такъ неконченный „Илья Муромецъ“ (1794 г.) подарилъ его Черноморомъ и представленіемъ чувствительнаго Ильи, мучимаго любовью (планъ „Владимира“), осуждающаго тѣхъ, кто ея гнушается („Алеша Поповичъ“). Сѣвъ на берегу рѣки „подъ тѣнью деревъ развѣсистыхъ“, Карамзинъ хочетъ разсказать свою повѣсть тѣмъ, кто находитъ удовольствіе „въ русскихъ басняхъ, въ русскихъ повѣстяхъ, въ смѣси былей съ небылицами“. „О, богиня свѣта бѣлаго, ложь, неправда, призракъ истины“, восклицаетъ онъ, призывая фантазію, ту самую, „которая съ Людмилою нѣжнымъ и дрожащимъ голосомъ мнѣ сказала: я люблю тебя!“ И онъ начинаетъ разсказъ о „безсмертныхъ подвигахъ величайшаго изъ витязей, чудодѣя Ильи Муромца“! Весна; „рыцарь“ Илья ѣдетъ, и хотя онъ „Геснера не читывалъ“, но, имѣя „сердце нѣжное“ и „чувствительную душу“, размышляетъ, любуясь „кра-

¹⁾ См. Письма В. А. Жуковского къ А. И. Тургеневу, стр. 65—7, и „Бумаги Жуковского“, стр. 150 и 154—5: бумага 1808, 1810, 1811 гг.

²⁾ Сл. еще Людмилу въ поэмѣ Радищева „Алеша Поповичъ“.

сотою дня“, какъ истый сентименталистъ— на подкладкѣ игривой чувственности. Видить шатеръ, около него гуляетъ конь, но витязь не показывается; въ шатрѣ поκειται красавица, какой не написалъ бы ни Тиціанъ, ни Корреджіо; она разметалась, и Илья можетъ налюбоваться ея прелестями, напримѣръ, лилейною рукой, „гдѣ всѣ жилки васильковыя были съ нѣжною означены“. Понятно, какая „сердечная чувствительность въ маслѣ глазъ его свѣтилася“. Два дня и двѣ ночи проводитъ Илья въ шатрѣ, а красавица не просыпается. „Какъ Илья, хотя и Муромецъ, хотъ и витязь Руси древнѣя“, могъ просидѣть цѣлу не-дѣлю, не взявъ въ ротъ маковой росинки, не чувствуя дремы? Это чудо любви: такъ святой монахъ цѣлое столѣтіе пробылъ безъ пищи и сна, слушая пѣніе райской птички. Наконецъ черная муха сѣла на малиновыя уста красавицы; Илья стоняетъ ее „указательнымъ пальцемъ“, на которомъ сіялъ перстень съ талисманомъ благодѣтельной волшебницы Велеславы, и красавица очнулась: талисманъ подѣйствовалъ на нее, усыпленную чарами „хитраго волшебника, Черномора ненавистника“. Илья понялъ, что красавицѣ надо одѣться, и онъ выходитъ изъ ставки, чтобы не стѣснять ее; она показывается въ доспѣхахъ рыцаря, и оба садятся „подъ сѣнистыми кусточками“. Двѣ минуты продолжается молчаніе, „въ третью чудо совершается“; какое—мы не знаемъ, потому что поэма не кончена; можно подсказать одно изъ положеній, намѣченныхъ въ планѣ „Владимира“. Русская древность служить цѣлямъ трагедіи, чувствительной или романтической: стиль Виландова „Оберона“, приложенный къ „былямъ“ Владимировыхъ богатырей; „небылица“ была именно въ стилѣ, но его несообразность не ощущалась. Въ 1804 году чувствительничаетъ и Державинъ: его Добрыня — „рыцарь“, Владимиръ любитъ спящей Прелѣпой и, въ жилки голубыя

Увидя розову текушу тихо кровь,
Прижалъ къ своимъ устамъ.

Прелѣпа—царица его сердца, онъ ее узналъ; законъ любви царя съ пастушкою равняетъ: Прелѣпа и Добрыня горятъ и мѣются другъ къ другу страстью и мечтаютъ соединиться въ небѣ невиннымъ духомъ.

Очень вѣроятно, что Воейковъ узналъ о зятѣ Жуковского, когда въ началѣ 1813 года, поощряя его къ серьезной поэмѣ, говорилъ ему о Святославѣ съ Добрынею, о Владимирѣ, нашемъ Готфридѣ и Карлѣ. Въ своемъ отвѣтномъ посланіи Жуковскій

сообщаетъ не столько планъ, сколько общее содержаніе поэмы, которая должна была наполнить его „бѣлую книгу“; упоминаніе „Царь-Дѣвицы“ указываетъ на старый планъ, устраненный вторымъ: Кіевъ осажденъ басурманами, виденъ Добрыня, уже скачущій на Златокопѣхъ,

Не скачетъ витязь, а летитъ,
Громя Зилантовъ и Полкановъ,
И вѣдьмъ, и чудъ, и великановъ!

Далѣе мотивъ изъ „Слова о Полку Игоревѣ“, который трудно приурочить къ планамъ поэмы: Добрыня скачетъ, а дѣвица-краса глядитъ на его путь изъ терема (не Ксенія?), летитъ за нимъ душою

И такъ въ раздумьи говорить:
„О, вѣтеръ, вѣтеръ, что ты вѣешься?“
Ты не отъ милаго несешься ¹⁾,
Ты не принесъ веселья мнѣ;
Играй съ касаткой въ вышинѣ,
По поднебесью съ облаками,
По синю морю съ кораблями,
Стрѣлу пернатую отвѣй
Отъ друга радости моей.

Интересно сравнить эту передѣлку мотива изъ „Слова о Полку Игоревѣ“ съ соответствующимъ мѣстомъ перевода, который въ 1817 году Жуковскій готовилъ для несостоявшагося арзамасскаго журнала: „Голосъ Ярославнинъ слышится, на зарѣ одинокой чечоткою кличетъ: Полечу, говоритъ, кукушкою по Дунаю... О, вѣтеръ, ты вѣтеръ! Къ чему же такъ сильно вѣешь? Почто же наносишь ты стрѣлы ханскія своими легковѣйными крыльями на воиновъ лады моей? Мало ль подоблачныхъ горъ твоему вѣянью? Мало ль кораблей на синемъ морѣ твоему лѣтѣнью“?

Посланіе продолжаетъ, намекая: Добрыня бьется съ Бабой-Ягой; далѣе встрѣча съ Дубыней, Горыней; русалка и козлоногій лѣпшій въ дремучемъ лѣсу,—

¹⁾ Психически-разстроенный Батюшковъ любилъ повторять эти стихи: О, вѣтеръ...несешься. См. Соч. Батюшкова, I, 297.

И вдругъ стоятъ предъ нимъ чертоги
 Какъ-будто слиты изъ огня—
 Дворецъ волшебный Царь-Дѣвицы;
 Красною бѣлыя колпицы,
 Двѣнадцать дѣвъ къ нему идутъ
 И пѣснь привѣтствія поютъ,
 И онъ

Планъ поэмы, можетъ быть, никогда и не выяснился далѣе этого „И онъ“; что должно было произойти между Царь-Дѣвицей и Добрынею, мы не знаемъ. Въ Чулковской повѣсти объ Алешѣ Поповичѣ богатырь встрѣчается съ Царь-Дѣвицею въ тѣхъ же условіяхъ, въ какихъ Карамзинскій Илья; Державинъ въ своей „Царь-Дѣвицѣ“ (1812 г.) замѣнилъ его Маркобруномъ сказки о Бовѣ, описалъ теремъ Царь-Дѣвицы, украшенный „въ солнцахъ, мѣсяцахъ, звѣздахъ“, она гуляетъ „въ рощахъ значныхъ въ лукоморѣ“, „и по вѣткамъ птички райски, скакивалъ *заморскій котъ*“; полкъ нимфъ слѣдуетъ за нею, являются женихи; одинъ изъ нихъ несетъ „*колпицъ алы черевички*“. Образы эти обратили вниманіе Жуковского и Пушкина ¹⁾.

Кажется, и послѣ 1813 года Жуковскій собираетъ матеріалы для поэмы. Въ одной изъ мыслей, набросанныхъ по ея поводу, читаемъ: „Владимиръ подъ старость лѣтъ посылаетъ одного изъ богатырей (очевидно, Добрыню) на подвиги. Время ужасное для него приближается, въ которое прошлое должно быть заглажено. Добрыня испытываетъ многія очарованія, слѣдствія одного и съ нимъ однимъ разрушающіяся. Въ то же время война съ печенѣгами, въ коей успѣхъ соединенъ съ тѣмъ же очарованіемъ“. Къ этому прибавлено: „заимствовать изъ *Zauberring*“; вѣроятно, имѣется въ виду „*Zauberring*“ Ла-Моттъ-Фуке (1813 года). Въ письмахъ къ Воейкову и Тургеневу встрѣчается почти одна и та же фраза: „молись же судьбѣ, чтобы вдругъ меня не ослѣпило (т. е. счастье брака). Это значитъ: *пріѣзжай*, и въ бѣлой книгѣ на-

¹⁾ Въ одномъ эпизодѣ „Бахарьяны“ („Бахарьяна или Незвѣстный. Волшебная повѣсть, почерпнутая изъ русскихъ сказокъ“. Москва, 1803 г.), гдѣ такъ мало русскаго, несмотря на заглавіе, въ образѣ Царь-Дѣвицы является волшебница Злодума, похитившая Фелану, которую держитъ на своемъ островѣ, среди соблазновъ и угрозъ, принуждая ее выйти за ея сына, уродливаго Ишима. Содержаніе поэмы состоитъ въ разсказѣ о приключеніяхъ Незвѣстнаго (имя котораго разоблачается въ самомъ концѣ: Оріонъ), ищущаго свою милую Фелану. Есть и эпизодъ объ очарованіи богатырей: рядомъ съ Эспландіаномъ и Калеандромъ—Ярусланъ, Илья Муромецъ и князь Иванъ; ихъ держитъ у себя въ звѣриной метаморфозѣ магъ Софантъ.

полнятся страницы“ ¹⁾, „молись, братъ, чтобы въ бѣлой книгѣ наполнились страницы“ (письмо къ Тургеневу середины марта 1814 г.). „Скандинавскій замокъ“ Батюшкова прелестенъ, пишетъ онъ Ал. Тургеневу въ сентябрѣ 1814 года, „онъ поджигаетъ меня на поэмю. Эта мысль уже давно въ головѣ моей; теперь будетъ зрѣть и созрѣетъ.... Нѣтъ ли у тебя какихъ-нибудь пособій для Владимира? Древностей, которыя бы дали понятія о томъ вѣкѣ старинныхъ русскихъ повѣстей? Посоветуйся объ этомъ съ Дашковымъ и съ Сергѣемъ Семеновичемъ (Уваровымъ)“. „Я поищу у себя и у другихъ матерьяловъ для твоего Владимира, отвѣчаетъ Тургеневъ. Дашковъ уже въ Москвѣ, съ Уваровымъ, который обнимаетъ тебя, совѣтоваться буду, но мысли мои давно бродятъ на сѣверѣ и мало встрѣтили для тебя полезнаго. Развѣ скандинавскія и шотландскія баллады не представляютъ ли чего сроднаго? Уваровъ намѣревался прислать тебѣ нѣкоторыя баллады шотландскія. Я еще не получалъ ихъ, а въ томъ, что читалъ, находилъ многое, что мнѣ тебя напоминало“ ²⁾. Пріятели интересовались; увлеченный поэмами Вальтеръ-Скотта, Уваровъ признается Жуковскому, что какъ онъ ни влюбленъ въ греческую поэзію, но она „не такъ къ намъ близка, какъ туманныя, фантастическія изображенія сѣверныхъ бардовъ“ Онъ приглашаетъ Жуковского заняться поэмой въ родѣ Вальтеръ Скотта. „Двѣ эпохи можно назвать питическими: классическую, т.-е. эпоху грековъ, и романтическую, т.-е. эпоху среднихъ вѣковъ, des Mittelalters. Мы и слѣды потеряли къ таковому расположенію умовъ“ ³⁾. Вскорѣ онъ найдетъ у насъ и средніе вѣка и расположеніе умовъ. Когда Капнистъ указалъ ему на интересъ, представляемый нашими народными пѣснями, онъ отвѣчалъ ему въ 1814 году ⁴⁾: „безъ собственныхъ формъ, языку нашему свойственныхъ, намъ никогда нельзя имѣть истинно-народной словесности.... Русской языкъ имѣетъ въ своихъ древнихъ памятникахъ большое изобиліе въ метрическихъ формахъ, но эта золотая руда еще въ нѣдрахъ земли сокрыта“. Надо надъ этимъ потрудиться. „Я часто о семъ предметѣ бесѣ-

¹⁾ „Русскій Архивъ“ 1900 г. № 9, стр. 19, письмо 13 февраля 1814 г.: къ Восикову.

²⁾ Ал. Тургеневъ въ неизданномъ письмѣ къ Жуковскому 2 октября безъ года (=1814 г.).

³⁾ Письмо Уварова къ Жуковскому 17 августа 1813 г., „Русскій Архивъ“ 1871 г., № 2, стр. 0161—2.

⁴⁾ „Чтенія въ бесѣдѣ любителей русскаго слова“, 1815 г. Чт. 17, стр. 61 слѣд.

доваль съ моимъ пріятелемъ Жуковскимъ, котораго превосходный талантъ въ поэзіи довольно извѣстенъ; я часто предлагалъ ему написать русскую поэму *русскими размыслами*, предоставляя судить ему, какой метръ между русскими способнѣе къ продолжительному сочиненію. Зачѣмъ, я говорилъ ему, не избрать эпоху древней нашей исторіи, которую можно назвать эпохою нашего рыцарства, въ особенности эпоху, предшествовавшую введенію христіанской религіи? Тутъ вы найдете въ изобиліи всѣ махины, нужныя въ поэмѣ. Что можетъ быть для поэта обширнѣе нашихъ походовъ на Царьградъ? Что разнообразнѣе древняго нашего баснословія? Съ какимъ искусствомъ предстоитъ вамъ соединить ея оригинальныя сѣверныя формы съ блистательными появленіями Востока? Какимъ волшебнымъ свѣтомъ можетъ поэтъ озарить берега днѣпровскіе, стѣны Кіева, Босфоръ и златыя вершины Царьграда? Въ этой эпохѣ исторія сопутствуема баснословіемъ; поэтъ можетъ произвольно черпать изъ той и другой, составляя цѣлое не по слѣдамъ Гомера, потому что мы не греки, не по слѣдамъ Тасса и Аріоста, потому что они писали для своего народа".—Сходно въ статьѣ Батюшкова того же года: „Г. Уваровъ, въ письмѣ своемъ о гекзаметрѣ, говоритъ между прочимъ, что русскіе могутъ имѣть свою отечественную поэму, и назначаетъ для оной именно эпоху до христіанства и послѣдующую, которую называетъ онъ эпохою нашего рыцарства.... Если г. Жуковскій согласился на его приглашеніе написать поэму изъ нашей исторіи, то онъ долженъ непременно избрать сей періодъ отъ рожденія славянскаго народа до раздѣленія княжества по смерти Владимира. Мы пожелаемъ съ г. Уваровымъ, чтобъ авторъ „Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ“, „Двѣнадцати Спящихъ Дѣвъ“ и пр., поэтъ, который умѣетъ соединять пламенное, часто своеенравное воображеніе съ необыкновеннымъ искусствомъ писать, посвятилъ жизнь свою на произведенія такого рода для славы отечества... и не истощалъ бы своего безцѣннаго таланта на блестящія бездѣлки“ ¹⁾).

Еще повѣздка Жуковскаго въ Дерптъ не было рѣшена, но письмо Маши его ободрило и, отвѣчая ей, онъ пишетъ: „Владимиръ будетъ написанъ“ (15 сентября 1814 г.) ²⁾. Собираясь въ путь и составляя планъ будущей жизни и занятій, онъ намѣ-

¹⁾ Соч. Батюшкова, II, стр. 410; III, стр. 644 прим. къ стр. 99; I, стр. 189 прим. 1.

²⁾ Сл. выше стр. 166.

чаетъ: „матеріалы для Владимира. Владимиръ... баллады, посланіе къ Государю... Оберонъ... Eloisa to Abelard—Der Mönch und die Nonne“¹⁾; просить Тургенева достать у Уварова объ-щанія англійскія книги (Southey, „Thalaba the Destroyer“ и Hoole, „Arthur or the Northern Enchantment“), онѣ могутъ пригодиться для его Владимира, который крѣпко гнѣздится у него въ головѣ²⁾. „Я не шутя начинаю думать о поэмѣ; уже и Карамзинъ (милый, единственный Карамзинъ, образецъ прекраснѣйшаго человѣка) мнѣ помогаетъ. Я провелъ нѣсколько сладостныхъ дней, читая его исторію. Онѣ даже позволилъ мнѣ дѣлать выписки. Эти выписки послужатъ мнѣ для сочиненія моей поэмы. Но какъ еще много надобно накопить матеріаловъ! Жизнь дерптская, дерптская библіотека, все это создастъ Владимира“ (ему же 4 марта 1815 г. Москва).—11-го іюня 1815 г. онѣ пишетъ Кирѣевской, что хочетъ побывать въ Дерптѣ „на крестинахъ“, „потомъ назадъ въ Петербургъ, что-нибудь для себя состряпать. Это что-нибудь не иное что, какъ пенсіонъ, который мнѣ хочется для себя выхлопотать. Если же не удастся то уѣду безъ всего и буду работать музамъ и славѣ, нисколько не заботясь о прочемъ... Примусь прилежно за Владимира, и онѣ вѣрно дастъ мнѣ гораздо больше состоянія, нежели когда-нибудь служба“³⁾.—„Вѣроятно, что старому дѣду (Шишкову) не достанется ценсоровать Владимира“, писалъ Уваровъ, вызывая Жуковского изъ Дерпта въ Петербургъ по желанію императрицы (29 іюля 1815 г.⁴⁾). Въ началѣ августа того же года Жуковский мечтаетъ въ Дерптѣ: „мнѣ бы хотѣлось, въ половинѣ будущаго года, сдѣлать путешествіе въ Кіевъ и Крымъ. Это нужно для Владимира. Первые полгода я употребилъ бы на приготовленіе, а послѣдніе на путешествіе“ (къ Тургеневу, 4-го августа)⁵⁾.

30-го декабря 1816 г. Жуковскому назначена была пенсія въ 4.000 р. по докладу министра народнаго просвѣщенія кн. А. Н. Голицына, передъ которымъ ходатайствовалъ о томъ А. И. Тургеневъ. Въ запискѣ, поданной имъ при этомъ случаѣ, говорится, что при талантѣ Жуковского отъ него можно ожидать новыхъ успѣховъ, и что онѣ „безъ дерзости можетъ предпри-

¹⁾ См. „Бумаги Жуковского“, стр. 7—8; сл. ib. стр. 32—3: „Монахъ“.

²⁾ Письмо къ Тургеневу изъ Долбина 1 декабря 1814 г.

³⁾ Сообщено Ал. Е. Грузинскимъ. См. Предисловіе.

⁴⁾ „Русскій Архивъ“ 1871 г. № 2, стр. 0166.

⁵⁾ Сл. „Русская Старина“ 1883 г. апрѣль, письмо къ Кирѣевской отъ 1 августа 1815 г.

нять одно изъ тѣхъ великихъ поэтическихъ твореній, коими ознаменованы славнѣйшіе вѣки въ словесности; влекомый же- ланіемъ воздвигнуть такой памятникъ себѣ и отечеству, онъ уже предполагаетъ эпохою своей поэмы назначить время, когда въ нашихъ лѣтописяхъ сумракъ баснословныхъ преданій смѣ- няется яснымъ свѣтомъ исторіи. Позволительно думать, что со- вершеніе столь великаго труда, кромѣ таланта, требуетъ еще и обстоятельствъ благопріятныхъ, особливо независимости отъ нуждъ недостаточнаго состоянія. При безкорыстномъ и благородномъ характерѣ Жуковского, сія независимость можетъ быть достав- лена единственно черезъ помощь отъ престола¹⁾,

Жуковский считалъ царскій подарокъ „наградой за добрую надежду“, но, „чтобы написать что-нибудь важное, надо собрать для этого матеріалы. У меня сдѣланъ планъ: онъ требуетъ мно- жества матеріаловъ историческихъ. Того, откуда я ихъ почерп- нуть долженъ, съ собой взять не могу,—а время между тѣмъ летитъ. Что, если оно улетитъ и умчить съ собою возможность что-нибудь сдѣлать? Я столько потерялъ времени, что теперь каждая минута кажется важною. Вся моя протекшая жизнь есть не иное что, какъ жертва мечтамъ—жалкая жертва! Я боюсь, не потерялъ ли я уже возможности пользоваться настоящимъ“. Всѣхъ своихъ книгъ ему не перетащить съ собою; „сверхъ того я беру здѣсь лекцію, именно для моего плана весьма важную. Она продолжится отъ февраля до конца мая и должна облегчить мнѣ большой трудъ. Однимъ словомъ, въ нынѣшнемъ и буду- щемъ году я долженъ написать что-нибудь важное; безъ этого душа не будетъ на мѣстѣ“²⁾.

Если и въ данномъ случаѣ разумѣется „Владимиръ“, что вѣроятно, то тѣмъ интереснѣе встрѣтить Воейкова, и въ томъ же году, на путяхъ Жуковского. Весною 1816 г. онъ собрался въ Крымъ и Кіевъ, и Жуковский просилъ для него у Турге- нева рокомендательныхъ писемъ къ архіепископамъ Кіевскому, Черниговскому и Псковскому³⁾. Весной или въ началѣ лѣта Воейковъ уже уѣхалъ⁴⁾ съ открытымъ письмомъ отъ универ- ситета ко всѣмъ губернаторамъ и архіереямъ для оказанія ему содѣйствія „къ обзрѣнію всего примѣчанія достойнаго“. Въ

¹⁾ „Русская Старина“ 1901 г. августъ: Записка А. И. Тургенева о В. А. Жуковскомъ, представленная имъ въ 1816 г. кн. А. Н. Голицыну, стр. 393.

²⁾ Плетневъ, „О жизни и сочиненіяхъ Жуковского“; сл. Соч. и переписка П. А. Плетнева, т. III, стр. 79.

³⁾ Письмо Жуковского къ Тургеневу изъ Дерпта, 12 апрѣля 1816 г.

⁴⁾ Сл. письма къ Тургеневу №№ LXXIV—LXXV и LXXVIII.

просьбѣ къ совѣту университета Воейковъ мотивировалъ свое путешествіе тѣмъ, что хочетъ написать поэму о князѣ Владимирѣ и потому нуждается въ посѣщеніи тѣхъ мѣстъ, гдѣ дѣйствовалъ его герой ¹⁾). Въ стихотвореніи „Къ женѣ“ 10 ноября 1817 г. онъ напоминаетъ ей о Кіевскихъ впечатлѣніяхъ; „Посланіе къ моему другу-воспитаннику о пользѣ путешествія по Россіи“, написанное въ 1818 году ²⁾, говоритъ о Владимирѣ, который „въ свѣтлыхъ теремахъ, гдѣ вкругъ заря видна. Гдѣ солнце въ день, въ ночь звѣзды и луна, Пилъ сладострастье полной чашей; Сребромъ и златомъ посыпалъ И въ пологахъ золототканыхъ, На скатертяхъ камчатныхъ браныхъ, Князей, богатырей и гридней угощалъ“, пока Духъ Святой не „назнаменалъ своею Владимира печатью: Жива душа! убита плоть“!

Была ли это затѣя, или предлогъ для поѣздки, мы не знаемъ; Жуковскому удалось побывать въ Кіевѣ лишь въ 1837 г.; что до его „Владимира“, то слѣды его становятся рѣже. Повидимому о немъ говорится въ письмѣ къ Дмитріеву (1 марта 1817 г.): „готовлюсь! чтобъ хорошо обработать предметъ, взятый изъ нашей исторіи, надобно покороче познакомиться съ этою исторіею въ ея источникахъ: это я и дѣлаю. Безъ подмостокъ нельзя построить зданіе. Дай Богъ только не остаться съ одними подмостками“.—Въ бумагахъ 1819 г. есть пять зачеркнутыхъ строкъ, можетъ быть, относящихся къ какому-то эпизоду поэмы: „Лодомірь и Милороза, Лодомірь въ бесѣдахъ съ Владимиромъ“ ³⁾. Дмитріевъ все еще надѣется, что Жуковский, „побывавъ въ отчизнѣ Шиллера, Клейста, а, можетъ быть, и Виланда, воспламенить насъ обѣщанною поэмою во вкусѣ Оберона“ ⁴⁾. Надѣялся въ 1822 году и кн. Вяземскій: записываетъ „въ книгу литературныхъ упованій“ обѣщаніе Пушкина рассказать „Мстислава древній поединокъ“—и ждетъ „съ нетерпѣніемъ давно обѣщанной поэмы Владимира, „который и послѣ Хераскова еще ожидаетъ себя пѣснопѣвца“ ⁵⁾. И въ то же почти время Пушкинъ работаетъ въ Кишиневѣ надъ планомъ „Владимира“, причемъ хотѣлъ воспользоваться былинами, „Словомъ о Полку Игоревѣ“, Тассомъ—и Херасковымъ.

Затѣей осталась и другая повѣсть Жуковского на исто-

¹⁾ Сл. Пѣтуховъ, „Каедрa русскаго языка и словесности въ Юрьевскомъ Университетѣ“. Юрьевъ, 1900 г., стр. 43.

²⁾ Сл. „Вѣстникъ Европы“ 1818 г. № 12, іюнь, 270 слѣд.

³⁾ „Бумаги Жуковского“, стр. 82.

⁴⁾ Къ Ал. Тургеневу 18 августа 1820 г.

⁵⁾ „Сынъ Отечества“ 1822 г., ч. 82, № 49, стр. 125.

рическую, русско-нѣмецкую тему; изъ ея программы и набросковъ, относящихся къ 1814 г., видно, что дѣйствующими лицами являлись Гатредъ, одинъ изъ рыцарей, вызванныхъ епископомъ Альбертомъ въ Лифляндію, братъ его (Волкуинъ-Адольфъ-Родригъ) и Изора, похищенная братьями во время одного изъ ихъ походовъ ¹⁾. Очень вѣроятно, что на эту тему намекаетъ Жуковский въ 1819 г.: онъ будто бы нашелъ ее въ какомъ-то „пергаментномъ истлѣвшемъ списокѣ“, написанномъ „славянскимъ древнимъ языкомъ“, но списокъ принадлежитъ, вѣроятно къ категоріи тѣхъ рукописей временъ Владимира, на которыхъ, будто-то бы основана „Марина Роща“, списка того онъ разобратъ еще не могъ, докладываетъ поэтъ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, но знаетъ, что въ немъ преданье.

Какое-то заключено
О князѣ древнія Герсики,
Котораго Альбертъ Великій,
Епископъ, сжегъ (какъ то давно
Изъ лѣтописцевъ намъ извѣстно).
Еще упоминаетъ въ немъ
О сынѣ князя молодомъ,
О розѣ, о любви чудесной
Какой-то дѣвы неземной
И прочее. Итакъ, быть можетъ,
Когда фантазія поможетъ
Мнѣ подружиться съ стариной,
Я разгадаю списокъ мой,
Быль небылицами приправлю
И всеподданнѣйше представлю
Вамъ, государыня, въ стихахъ
О томъ, что было въ древни лѣты
На тѣхъ счастливыхъ берегахъ,
Гдѣ павильонъ Елизаветы.

(Государынѣ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ первый отчетъ о лунѣ въ іюнѣ 1819 года).

Добавленные стихи (3-го августа) говорятъ, что поэтъ не могъ одинъ добраться до смысла рукописи, таинственно зарытой подъ древній пенъ, гдѣ ее донинѣ сторожила „волшебная

¹⁾ „Бумаги Жуковского“, стр. 156.

кошка“, но „Ливій Сѣвера“¹⁾ помогъ ему понять „непонятный голосъ“, выбрать золото изъ сора и силой воображенія исторгнуть изъ сумрака старины. „И вотъ я сдѣлалъ переводъ стариннаго рукописанья и т. д. до 150 стиховъ“ (на этомъ обрывается приписка). Жуковскій былъ, повидимому, на пути къ инородческому романтизму, который воздѣлывали Марлинскій, Кюхельбекеръ, Языковъ, и недолюбливалъ Катенинъ.

Попытки силой воображенія освѣтить сумракъ русской старины, такъ долго занимавшія поэта и его друзей, чаявшихъ ему отъ того славы, привели его, хотя и поздно, къ сознанію, что „древняя исторія Россіи слишкомъ для насъ далека, и трудно угадать и живо представить ей времена отдаленныя: слишкомъ будетъ ощутителенъ вымыселъ поэтический“. Но тутъ же онъ раскрываетъ ему двери, перечисляя возможные, не столь отдаленные сюжеты: времена междоусобія, Мономахъ, Изяславъ, Всеволодъ Великій и т. д.—до Іоанновъ, Василія Темнаго, Годунова, междоусобія; „все это полно удивительной жизни. Но надобно быть великимъ творцомъ, чтобы воздвигнуть стройное зданіе изъ щебня лѣтописей“, надобно быть такимъ „гигантомъ“, какъ Вальтеръ Скоттъ и Шекспиръ. „Что, если бъ нашелся Шекспиръ для русской исторіи и своимъ гениемъ дополнилъ, описалъ и олицетворилъ то, о чемъ умолчала наша скудная лѣтопись“? (Мысли и замѣчанія 1846—1847 гг.).

Мы не въ правѣ прилагать къ Жуковскому мѣрку нашего реальнаго и эстетическаго пониманія народности; она не лежала въ сферѣ его непосредственныхъ интересовъ. Въ 1831 г. онъ промчался по Россіи отъ Сибири до Крыма, но дневники его путешествія, по настроенію и направленію наблюденій, ничѣмъ не отличаются отъ его старыхъ, заграничныхъ; не видно подъема симпатій къ развернувшимся передъ нимъ картинамъ народной жизни. Попрежнему онъ зарисовываетъ виды: на Губерлинской станціи его поразили „горы, какъ левъ или крокодилъ, лежащіе поперекъ. Камни, какъ бородавки“ (11 іюня); „крестьяне на дорогѣ въ хорошей одеждѣ“ (6 іюня). Мѣстные историческія воспоминанія схематизируются огуломъ, безъ оглядки, въ общее положеніе или размышленіе съ расплывающимися поэтическими контурами. Въ Угличѣ Жуковскій записываетъ: „Церковь на крови. Рака; земля, напитанная кровью, и образъ. Ниж-

¹⁾ Сл. Отрывокъ изъ письма къ И. И. Дмитріеву 1813 года: Карамзинъ—нашъ Ливій Славянинъ.

няя церковь. Лампада (оправданіе православія. Для будущаго вѣра, для настоящаго смиреніе, для прошедшаго благословеніе). Энтузіазмъ. Чувство святое; слезы; но ребяческое. La raison. Le sentiment. Дѣло правительства“ (8 мая).

Поэтическое „дополненіе“ исторіи, о которомъ говорилъ Жуковскій, требуетъ ея пониманія, не безпочвенной, хотя бы и не предвзятой идеализаціи. Она была бы возможнѣе, если бы ей предшествовали другія, поэтическія, на которыя новому поэту можно было бы опереться, хотя бы въ смыслѣ того подражательнаго творчества, которое Жуковскій возвелъ въ теорію. Романтики читали не однѣ хроники, но миннезингеровъ и „Нибелунги“; имъ стоило только разбудить „Спящую красавицу“, намъ надо было ее создать. Было бы интересно сравнить наши древніе литературные памятники съ „бездной поэмъ, романсовъ, героическихъ и любовныхъ, и простодушныхъ, и сатирическихъ, которыми наводнены европейскія литературы среднихъ вѣковъ, писалъ въ 1834 году Пушкинъ. Въ сихъ первоначальныхъ играхъ творческаго духа намъ можно было бы наблюдать исторію нашего народа, сравнить вліяніе завоеванія скандинавскаго съ завоеваніемъ мавровъ. Мы увидѣли бы разницу между простодушіемъ стараго французскаго трувера и лукавой насмѣшливостію скомороха, между площадной полудуховной мистеріей и затѣями нашей старой комедіи. Но, къ сожалѣнію, старой словесности у насъ не существуетъ, за нами степь, и на ней возвышается единственный памятникъ: Пѣснь о Полку Игоревѣ“.

Ко всему этому присоединился и личный моментъ: Жуковскій не эпикъ, онъ лирикъ даже тогда, когда становится рассказчикомъ, прислушиваясь къ сказкамъ и къ мѣрному паденію греческаго гексаметра. Вотъ почему не могъ удался его „Владимиръ“. „Странствующій Жидъ“ не поэма, а лирическая исповѣдь.

Жуковскій—лирикъ, даже въ подражаніи дававшій *свое*, отдававшій *себя*. Именно эта потребность отдаться, способность занять собою и сдѣлала его у насъ первымъ поэтомъ *непосредственную чувства*. Районъ его поэтическаго настроенія крайне бѣденъ, онъ не могъ быть послѣдовательно Вертеромъ и Фаустомъ; онъ одностороненъ, но эта односторонность цѣльная, исчерпывающая все его существо: онъ весь погруженъ въ себя, открываетъ въ себѣ цѣлый міръ неизвѣданныхъ ощущеній и всѣхъ заинтересовалъ исторіей своей души. Какъ штюрмеры от-

дыхали на Клопштокъ отъ галантнаго воркованья XVIII-го вѣка, такъ „рѣзвая радость“ прислушивается у Пушкина къ стихамъ Жуковского. Дѣло не въ одной ихъ „плѣнительной сладости“, которая заражала, а въ чемъ-то другомъ. Жуковского мѣрятъ „клеименымъ аршиномъ“, замѣчаютъ для себя князь Вяземскій¹⁾: „ни форма его понятій, чувствованій и самаго языка не отлиты по другимъ нашимъ образцамъ. Пожалуй, говори, что онъ душень, но не сравнивай же его съ другими, или молчи, потому что ты не знаешь, что такое есть поэзія“. Стихотворныя красоты языка Жуковского могутъ поблекнуть, „поэтическія всегда свѣжи, всегда душисты“, писалъ въ 1819 году князь Вяземскій Ал. Тургеневу²⁾: поэтическія красоты правдиваго настроенія, радостно-унылаго, чающаго; полусвѣтъ, гдѣ утраты сходятся съ надеждами, вещественное съ нездѣшнимъ, и горизонты таютъ въ таинственной дали „невыразимаго“; образы, расплывающіеся въ мелодію; чувство, цѣломудренно останавливающееся на порогѣ страсти. Молодость увлекалась имъ, потому что и самъ онъ былъ до гроба ребенкомъ, смотрѣвшимъ „на свѣтъ сквозь призму сердца, какъ поэтъ“, и мечталъ при лунѣ, уходя отъ низости настоящаго къ „очарованному тамъ“. Глинка, въ 1826 году положившій на музыку два „тоскливыхъ романа“ Жуковского („Свѣтитъ мѣсяцъ на кладбищѣ“ и „Бѣдный Пѣвецъ“), сознается что сентиментальная его поэзія „трогала его до слезъ, потому что въ молодости онъ былъ парень романческаго устройства и любилъ поплакать сладкими слезами умиленія“³⁾. Жуковский— „всего прекраснаго пѣвецъ“ и „идолъ дѣвственныхъ сердецъ“ („Евг. Онѣгинъ“), выразился Пушкинъ; „единственный изъ насъ, который *умѣетъ любить*“⁴⁾; какъ въ 1803 году Ал. Тургеневъ сравнивалъ его съ Петраркой, такъ въ 1827 году старикъ Тидге назвалъ его „mein edler Frauenlob“⁵⁾. Гоголь говоритъ о „благоговѣйной задумчивости“, пронсящейся сквозь всѣ его картины, исполняющія ихъ „того грѣющаго, теплаго свѣта, который наводитъ необыкновенное успокоеніе на читателя. Становишься тише во всѣхъ своихъ порывахъ, и какою-то тайною замыкаются твои уста“⁶⁾. И Кирѣевскій вторитъ: поэзія Жуков-

¹⁾ Въ „Записной книжкѣ“, Полное собраніе сочиненій князя Вяземскаго, т. IX, стр. 30: несомнѣнно 1819 года.

²⁾ Сл. выше стр. 449.

³⁾ Записки Мих. Ив. Глинки, „Русская Старина“ 1870 г., май, стр. 480.

⁴⁾ Записки Смирновой, I, стр. 304.

⁵⁾ Сл. выше стр. 316.

⁶⁾ „Въ чемъ же наконецъ существо русской поэзіи“ Соч. Н. В. Гоголя изд. 10-е, т. IV, стр. 179.

скаго „передала намъ ту идеальность, которая составляетъ отличительный характеръ нѣмецкой жизни, поэзіи и философіи“, онъ развилъ (въ нашей поэзіи) „сторону идеальную, мечтательную“¹⁾. Полевой благоговѣетъ предъ „младенческою чистотою“ души Жуковскаго, „переливавшейся постоянно съ гармоническимъ журчаніемъ, несмотря на то, по какимъ бы скаламъ, падавшимъ въ нее со всѣхъ сторонъ, ни текла струя думъ поэта“²⁾.

Подъ обаяніемъ этой поэзіи долго оставались его старые сверстники, когда кругомъ уже наступилъ перебой литературныхъ вкусовъ. Вигель вспоминалъ, какъ, пристрастившись въ Бѣлевскомъ уединеніи къ нѣмцамъ, Жуковскій сталъ подбивать русскихъ читателей „произведеніями, которыя по формѣ и содержанию своему не совсѣмъ приходились намъ по вкусу. Упитанные литературою древнихъ и французскою, ея покорною подражательницею,... мы въ выборахъ его увидѣли нѣчто чудовищное. Мертвецы, привидѣнія, чертовщина, убійства, освѣщаемыя луною, да это все принадлежитъ къ сказкамъ да развѣ англійскимъ романамъ; вмѣсто Геро, съ нѣжнымъ трепетомъ ожидающей утопающаго Леандра, представить намъ бѣшено страстную Ленору со скачущимъ труномъ любовника! Надобенъ былъ его чудный даръ, чтобы заставить насъ не только безъ отвращенія читать его баллады, но, наконецъ, даже полюбить ихъ. Не знаю, испортилъ ли онъ нашъ вкусъ, по крайней мѣрѣ создалъ намъ новыя ощущенія, новыя наслажденія. Вотъ и началось у насъ романтизмъ“³⁾. Влудовъ перечитываетъ стихотворенія своего друга съ благодарностью: „О, Жуковскій, если бы я не имѣлъ къ тебѣ чувства дружбы, сего чувства, въ коемъ все сливается, и почтеніе къ благородной душѣ твоей, дѣвственной отъ всѣхъ порочныхъ побужденій, и бездѣльное ощущеніе твоей любви, наконецъ, и воспоминаніе первыхъ лѣтъ и надеждъ, Жуковскій, я бы еще любилъ тебя за минуты, въ которыя оживляюсь твоими стихами, какъ увядающій цвѣтокъ возвращеннымъ свѣжимъ воздухомъ“. Два дня онъ страдалъ „моральною болѣзнію“, способности души и ума окаменѣли, онъ утопалъ въ какой-то пустотѣ и искалъ себя, но случай привелъ на память давно нечитанные стихи Жуковскаго, и онъ „почувствовалъ свое сердце. Очаровательная музыка! Тобой я буду лѣчиться отъ по-

¹⁾ Полное собраніе сочиненій И. В. Кирѣевскаго, I, стр. 22, 23.

²⁾ „Очерки“, I, стр. 118.

³⁾ Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля, ч. 3, стр. 135—6.

вой тарантулы, которая не даетъ смерти, но отнимаетъ жизнь“¹⁾.
Имя Жуковского заветно для насъ, поминаль баронъ Розень:
„сладостные, задумчивые, души исполненные звуки его арфы
раздавались упоительно въ міръ нашихъ юношескихъ мечтаній,
отзывались глубоко въ нашей душѣ“²⁾.

Но и на мечтанія и на луну есть мода; люди захотѣли солнца,
веселой энергіи дня, не одного только счастья унынія. Жуковский
ничѣмъ не „грянулъ“ въ отвѣтъ на эти требованія, а пожалѣлъ
о быломъ:

Оно прошло, то время золотое,
Съ природы снятъ магическій вѣнецъ;
Свѣтъ узанный свое лицо земное
Разоблачилъ,— и призракамъ конецъ.

(„Унди́на“, Посвященіе, 1836 г.).

Жуковский и самъ ощущалъ, что пережилъ свое время; хотѣлось бы мнѣ, пишетъ онъ Кирѣевскому,

старости своей
По-старому хотя на мигъ одинъ
Дать съ молодостью вашей разгуляться,
Но чувствую, что на пиру ея,
Гдѣ все кипитъ, поетъ, кружится, блещетъ,
Неловко старику; на вашъ ужъ ладъ
Мнѣ не поется; лѣта измѣнили
Мою поэзію; она теперь,
Какъ я, состарѣлась и присмирѣла;
Не увлекается хмѣльнымъ восторгомъ;
У рубежа вечерней жизни сидя,
На прошлое безъ грусти обращаетъ
Глаза и, думая о томъ, что насъ
Въ грядущемъ ждетъ, молчитъ.

(„Двѣ Повѣсти“, 1844 г.).

Онъ отказался отъ рѣшмы: „она, я согласенъ, даетъ особенную прелесть стихамъ, но мнѣ она не подъ лѣта.... Она модница, нарядница, прелестница, и мнѣ пришлось бы худо отъ ея

¹⁾ Е. Ковалевскій, „Графъ Блудовъ и его время: Мысли и замѣтки графа Блудова“, стр. 251.

²⁾ „Библіотека для чтенія“ 1849 г., т. 96, Критика, стр. 35.

причудъ. Я угождалъ ей до сихъ поръ, какъ любовникъ, часто весьма неловкій; около нея толпится теперь множество обожателей, вдохновенныхъ молодостью; съ иными она кокетничаетъ, а другихъ сама бѣшено любить (особенно Языкова). Куда мнѣ за ними? Я сдѣлался смирнымъ поэтомъ рассказчикомъ“ (Къ И. В. Кирѣевскому, 1844 г.). Молодое поколѣніе читать его не будетъ, писалъ онъ Ал. Мих. Тургеневу¹⁾; онъ не надѣется, чтобы его произведенія „возбудили какое-нибудь впечатлѣніе на Руси“, повторяетъ онъ П. В. Нащокину²⁾; „мысль и чувство и вкусъ всей читающей русской публики искажены до того, что и Жуковскому ходу нѣтъ“, жаловался въ это время Шевыревъ³⁾. Для новаго поколѣнія онъ слишкомъ старъ—и слишкомъ молодъ. Въ 1815 году онъ любовался младенческой душой старца Эверса, какъ съ конца 20-хъ годовъ душой Радовица⁴⁾; ему скоро стукнетъ 60 лѣтъ, а онъ „еще не устарѣлъ ни сердцемъ, ни мыслию, во многомъ даже еще дитя“⁵⁾. Въ 1820 году онъ писалъ кн. Оболенской:

въ тридцать слишкомъ лѣтъ
Я все дитя, и буду вѣчно
Дитя, жилецъ земли безпечный.

„Для меня нѣтъ ничего величественнѣе старика, богатаго прекрасными воспоминаніями, писалъ онъ 1 января 1833 г. (Наслѣднику цесаревичу); онъ похожъ на спокойнаго младенца, съ тою только разницею, что младенецъ выходитъ изъ колыбели къ здѣшней жизни, а старикъ приближается къ гробу, который есть колыбель жизни безсмертной, и смерть въ такомъ смыслѣ не есть ли прекрасное рожденіе“⁶⁾? Онъ любитъ представлять себя самого въ колыбели, гдѣ до старости лѣтъ онъ „лежалъ веселымъ младенцемъ и посматривалъ на все окружающее мою люльку сквозь сонъ поэтический“; и вдругъ, отрезвившись, онъ всталъ изъ нея „шестидесятилѣтнимъ старикомъ и только тутъ догадался, что наша жизнь не поэтический сонъ, а строгое существованное испытаніе“⁷⁾. Въ другой разъ онъ говоритъ о „стар-

¹⁾ Сл. выше стр. 408.

²⁾ Сл. выше стр. 414.

³⁾ Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ, III, стр. 741.

⁴⁾ Сл. выше стр. 372—3.

⁵⁾ Къ Наслѣднику 1/13 января 1843 г.

⁶⁾ Сл. афоризмъ въ альбомѣ Жуковского, выше, стр. 289, прим. 1

⁷⁾ Къ Смирновой 19 февраля/3 марта 1847 г.

ческой колыбели“, изъ которой онъ вышелъ для новой жизни— въ семьѣ¹⁾. „Ein Kinderherz, das nicht altert“ (Justinus Kerner) ²⁾. Это одинъ изъ мотивовъ его старческой поэтики.

Когда-то ему понравился образъ умирающаго съ пѣсней лебедя („Умирающій лебедь“, 1827 г.); за годъ до смерти онъ вернулся къ нему какъ-то лично, инстинктивно:

Лебедь бѣлогрудый, лебедь бѣлокрылый,
Какъ же нелюдимо ты, отшельникъ хилый,
Здѣсь сидишь на лонѣ водъ уединенныхъ;
Спутниковъ давнишнихъ, прежней современныхъ
Жизни, переживши, сѣтуя глубоко,
Ихъ ты поминаешь думой одинокой;
Сумрачный пустынный, изъ уединенья
Ты на молодое смотришь поколѣнье
Грустными очами; прежняго единый
Брошенный обломокъ, въ новый лебединый
Свѣтъ на пиръ веселый гость неприглашенный,
Ты вступить дичишься въ кругъ неблагосклонный
Рѣзвой молодежи.

А она тѣшится, перекликаясь на голубомъ лонѣ озера, „полная желаньемъ жизни своевольной“, сторонясь печальнаго старика. Его „монументальный“ образъ ее пугаетъ, а онъ, „пращуръ лебединый“, уходитъ въ славныя воспоминанія пережитыхъ имъ историческихъ дней. Такъ „лебедь позабытый таялъ одиноко“. И вотъ однажды молодыхъ лебедей поразилъ „голосъ, всю пронзившій бездну поднебесной“; они присмирѣли, прилетѣли на голосъ:

...передъ ними вновь помолодѣлый,
Радостно вздымая перья груди бѣлой,
Голову на шеѣ гордо распрямленной
Къ небесамъ подъемля, весь воспламененный,
Лебедь благородный дней Екатерины
Пѣлъ, прощаясь съ жизнью, гимнъ свой лебединый;
И когда допѣлъ онъ, на небо взглянувши,
Къ небу, какъ во время оное бывало,
Онъ съ земли рванулся,... и его не стало

¹⁾ Къ Наслѣднику 1/13 іюля 1847 г.

²⁾ Сл. выше стр. 421.

Въ высотѣ... и навзничъ съ высоты упалъ онъ;
И прекрасенъ мертвый на хребтѣ лежалъ онъ,
Широко раскинувъ крылья, какъ летящій,
Въ небеса вперяя взоръ ужъ не горящій.

(„Царскосельскій Лебедь“, 1851 г.).

Въ 1851-мъ году Жуковскій получилъ письмо отъ Чаадаева (письмо 27-го мая), когда-то завзятаго европейца, теперь при-
смирѣвшаго и обрусѣлаго. Онъ звалъ его на родину—водворить
въ русской литературѣ миръ и порядокъ. Не стало авторитетовъ,
некому поучить. „Зажились вы въ чужой глуши; право, грѣхъ!
Почемъ знать? Можетъ статься, Богъ и наградитъ васъ за доброе
дѣло и возвратитъ здоровье женѣ вашей на землѣ православ-
ной... Безначаліе губить насъ. Ни въ печатномъ, ни въ разго-
ворномъ кругѣ не осталось никого болѣе изъ той кучки людей
почетныхъ, которые недавно еще начальствовали въ обществахъ
и имъ руководили, а если кто и уцѣлѣлъ, то дряхлѣетъ въ оди-
ночествѣ ума и сердца. Всѣ у насъ нынче толкуютъ про какое-
то направленіе: не направленіе намъ нужно, а правленіе... Ни-
когда не видано было у насъ менѣе смиренія, какъ съ той поры,
какъ стали у насъ многоглагольствовать про тотъ уставъ хри-
стіанскій, который болѣе всѣхъ прочихъ христіанскихъ уставовъ
учить смиренію, который весь не что иное, какъ смиреніе. Такъ
разумѣли его благочестивые наши предки; такъ разумѣли его
святые наставники наши, воспитавшіе землю Русскую“¹⁾.

Молодое поколѣніе было иного мнѣнія, и въ письмѣ къ
Погодину графиня Растопчина негодуетъ на тѣхъ, кто говорилъ
и кричалъ, будто Жуковскій не имѣетъ никакого значенія ни
для литературы, ни для Россіи, что онъ умеръ давно, и что не-
зачѣмъ о немъ тужить; „онъ, видимо, рѣмоплетъ, а такъ какъ
онъ кабаковъ и залавокъ не описывалъ, грязи не воспѣвалъ, то
въ немъ нѣтъ ничего *общечеловѣческаго*, вовсе никакой *чуж-
ности*, ни *конкрета*, ни *субъективности*, ни *абсолюта*, однимъ
словомъ, ничего такого, что нынче прозывается гениальностью“²⁾.

¹⁾ Кирпичниковъ, „Очерки“, I. с., т. II, стр. 143 слѣд.

²⁾ Барсуковъ, Погодинъ, XII, стр. 20. Сл. ея же письмо къ Плетневу 8
августа 1852 года: „прекрасное молодое поколѣніе мыслителей и реалистовъ
доказываетъ, что Жуковскій *давно умеръ для литературы*, да и прежде
врядъ ли существовалъ“, потому что онъ вовсе не имѣлъ центра инфлуэнціи
и „пописывалъ стишки скорѣе для своего собственнаго удовольствія, чѣмъ
для пользы русскаго языка и русской беллетристики“. Сл. Переписку Я. К.
Грота съ П. А. Плетневымъ, III, стр. 765—7.

Графиня Растопчина напечатала въ „Сѣверной Пчелѣ“ стихотвореніе въ память Жуковского; Тютчевъ далъ его „вечерній“, идеализованный обликъ:

Я видѣлъ вечеръ твой: онъ былъ прекрасенъ;
Въ послѣдній разъ прощаясь съ тобой,
Я любовался имъ, и тихъ и ясенъ
И весь насквозь проникнуть теплотой....
О, какъ они и грѣли и сіяли—
Твои, поэтъ, прощальные лучи!...
А между тѣмъ замѣтно выступали
Ужъ звѣзды первыя въ его ночи.

Въ немъ не было ни лжи, ни раздвоенья....
Онъ все въ себѣ мирилъ и совмѣщалъ.
Съ какимъ радушіемъ благоволенья
Онъ были мнѣ Омировы читалъ!
Цвѣтушія и радужныя были
Младенческихъ, первоначальныхъ лѣтъ!
А звѣзды, между тѣмъ, на нихъ сводили
Таинственный и сумрачный свой свѣтъ.

Поистинѣ, какъ голубь, чистъ и цѣль
Онъ духомъ былъ, хоть мудрости змѣиной
Не презиралъ, понять её умѣлъ—
Но вѣялъ въ немъ духъ чисто-голубиный.
И этою духовной чистотою
Онъ возмужалъ, окрѣпъ и просвѣтлѣлъ.
Душа его возвысилась до строю:
Онъ стройно жилъ, онъ стройно пѣлъ....

И этотъ-то души высокій строй,
Создавшій жизнь его, проникшій лиру,
Какъ лучшій плодъ, какъ лучшій подвигъ свой,
Онъ завѣщалъ взволнованному міру.
Пойметъ ли міръ, оцѣнитъ ли его?
Достойны ль мы священнаго залога?....
Иль не про насъ сказало Божество:
„Лишь сердцемъ чистые—тѣ узрять Бога“.

(1852 г.).

Донесутся ли пѣсни Жуковскаго къ будущимъ поколѣніямъ сквозь „вѣковъ завистливую даль“, какъ пророчилъ Пушкинъ? На такихъ поэтовъ, какъ онъ, бываетъ своя череда, череда и на психологическое настроеніе общества, когда-то прислушивавшагося къ нему и на немъ воспитавшагося. И теперь еще мы ощущаемъ сладость его стиховъ, точно звуки „Золовой арфы“, откуда-то спускающіеся въ „низость настоящаго“. Но уже молодость, окружавшая „лебединого пращура“, стала отказываться отъ порывовъ въ область „неизреченнаго“, стала искать поэзіи въ дѣйствительности, и не въ уединенной личности, а въ широкихъ движеніяхъ общественнаго организма. Осталась *правда настроенія* завѣтъ Жуковскаго; это стало требованіемъ, и эта правда пройдетъ „вѣковъ завистливую даль“.

ОБЪЯСНЕНИЕ КЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМЪ.

1. Портретъ В. А. Жуковскаго съ фотографіи, сдѣланной съ литографіи Эстеррейха 1820 г. Экземпляръ послѣдней находится у А. И. Гончарова (с. Ильинское, Зарайскаго уѣзда, Ряз. губ.); фотографическій снимокъ любезно предоставленъ былъ мнѣ Е. Е. Рейтерномъ.

2. (Къ главѣ III-й). Портретъ М. А. Протасовой, карандашомъ на зеленоватой бумагѣ, съ помѣтой 1811 г., нынѣ въ собраніи Е. Е. Рейтерна; снимокъ въ натуральную величину. Другой экземпляръ, руки Жуковскаго, въ альбомѣ Елагиной, откуда воспроизведенъ въ альбомѣ московской выставки 1902 года въ память Н. В. Гоголя и В. А. Жуковскаго, л. 65.

3. (Къ стр. 216.) Два, повидимому, незаконченныхъ рисунка карандашомъ, изъ коллекции Е. Е. Рейтерна, взяты изъ альбома А. А. Воейковой ея внукомъ, графомъ Бревернъ-де-ла-Гарди. Они номерованы, бумага съ золотымъ обрѣзомъ Whatman 1821 г.; снимки немного уменьшены.

4. (Къ главѣ VIII-й) Портретъ гр. С. А. Самойловой—фототипія съ акварели, принадлежащей гр. Ал. Андр. Бобринскому. Акварель—копія, сдѣланная въ генварѣ 1892 года съ оригинала, писаннаго, какъ говорятъ, Соколовымъ въ 1822 году, когда гр. Самойлова была уже замужемъ за гр. Бобринскимъ. Оригиналъ находится въ альбомѣ, нѣкогда принадлежавшемъ гр. Григорію Строганову и затѣмъ перешедшемъ къ его дочери Еленѣ Григорьевнѣ, въ первомъ бракѣ за графомъ Шереметевымъ.

5. (Къ главѣ XIII-й) Портретъ Е. А. Жуковской писанъ въ 1842 г. въ Дюссельдорфѣ профессоромъ Зономъ и литографированъ Шертле (сл. выше стр. 393, прим. 2). Фототипія сдѣлана съ экземпляра литографіи, принадлежаго Е. Е. Рейтерну.
